ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

ФИЛИП ФАРМЕР

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП ФАРМЕР

МИР РЕКИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

PHILIP JOSE

FARMER

THE DARK DESIGN

RIVER OF ETERNITY

ФИЛИП

ФАРМЕР

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

РЕКА ВЕЧНОСТИ

АСТ
издательство Северо-Запад Пресс
Москва Санкт-Петербург
2001

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Ф24

Серия основана в 1999 году

Philip Jose Farmer
THE DARK DESIGN
1977
RIVER OF ETERNITY
1983

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского
И. Лахминовой и М. Нахмансона («Темные замыслы»),
М. Нахмансона («Река вечности»).

Художник М. Калинкин

Печатается с разрешения автора и его литературного агента
Ralph M.Vicinanza Ltd. c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 15.08.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4060.

Фармер Ф.

Ф24 Темные замыслы. Река вечности: Романы: Пер. с англ. / Ф. Фармер; Худож. М. Калинкин. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 700, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-010429-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-061-7 («Северо-Запад Пресс»)

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

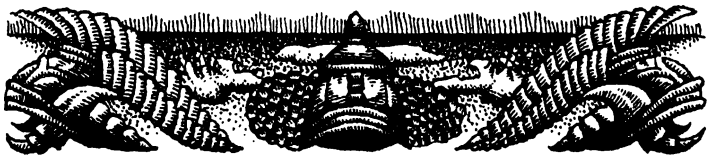
В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера! В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «нскусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 США)

© Ph.J. Farmer, 1977, 1983
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2001

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Сэму Лонгу и моему крестнику Дэвиду,
сыну доктора Доктера

Часть персонажей в сериале
«Мир Реки» вымышлена, но их
прототипы реальны.
Вас не упомянули, но вы тоже здесь.

Все так же ткач не покидает свой станок
И столь же темен замысел плетенья,
Где наши беды вяжут и основу и уток,
Что цель его рождает в нас сомненье.

Хаджи Абду аль-Ядди «Касыда»

«Пусть выносят приговор,
а виновен он или нет - потом разберемся».

Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая книга — третья часть сериала «Мир Реки», который был задуман как трилогия. Однако эта часть заключает в себе более четырехсот тысяч слов и осуществить удобное для читателей издание в одном томе оказалось невозможным.

Поэтому мы с издателем решили разделить книгу на два тома. Четвертый том — «Магический лабиринт» — станет продолжением третьей части. Он окончательно завершит серию, разрешит все загадки трех первых томов, свяжет все концы в гордиев или иной узел.

Любой последующий роман о Мире Реки не является частью этой серии. Он будет побочным, не связанным впрямую с тайнами и разоблачениями четырех первых книг. Я решаюсь на новые произведения, движимый уверенностью, что концепция Мира Реки не исчерпала себя в четырех книгах. Этот Мир грандиозен — Планета, по которой на протяжении десяти миллионов миль протекает единственная Река со множеством больших и малых озер, на бере-

гах которой живет тридцать шесть миллиардов людей, уроженцев всех эпох — от каменного века до начала электронной эры.

В первых четырех книгах не удалось рассмотреть многие интересные читателям аспекты. Так, расселение людей в Долине Реки не соответствует хронологии их жизни на Земле; расы, народы и различные эпохи смешаны. Например, на одной территории обитает 60% китайцев третьего века н.э., 39% русских семнадцатого столетия и 1% — людей различных стран и эпох.

Как сумеет это общество оградить себя от состояния анархии? Каким образом людям удастся преуспеть или потерпеть неудачу, уживаясь с другими? Смогут ли они создать государство, способное защитить их от врагов?

В этой книге Джек Лондон, Том Микс, Нур эд-дин эль-Музафир и Питер Джайрус Фригейт плывут по Реке на шхуне «Раззл-Даззл». В третьем и четвертом томах я глубже обрисовал образы Фригейта и Нура; о других персонажах сказано меньше. Поэтому в «побочных» романах мне хотелось бы возвратиться к ним и развернуть их образы в полном объеме.

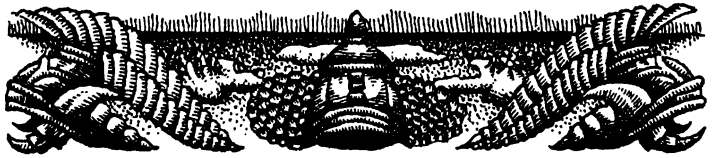
Мне также хотелось бы рассказать о встречах команды «Раззл-Даззл» с представителями самых различных областей человеческой деятельности, включая Леонардо да Винчи, Руссо, Карла Маркса, Рамзеса, Ницше, Бакунина, Алкивиада, Эдди, Бена Джонсона, Ли Бо, Ашоку, женщину ледникового периода, Жанну д'Арк, Гильгамеша, Эдвина Бута, Фауста и других.

Читатели достаточно явственно ощутили известное сходство Питера Фригейта с автором. Действительно, в основе его образа заложены многие особенности моей личности, но он напоминает меня не более, чем Давид Копперфильд Чарльза Диккенса. Физические и психические черты — лишь та отправная точка, на основе которой возникает вымысел.

Я благодарен читателям, одолевшим три первых тома. Подчеркну, что мне не хотелось вступать в соперничество с известным сериалом Айзека Азимова «Основание». В отличие от этих романов, в каждой из моих книг есть своя концовка, свое разрешение тайн, но следующая ставит новые, а прежние решения оказываются ложными.

Пока не истекло отпущенное мне время, я надеюсь написать о Мире Реки еще пять — шесть книг и предаться покою в ожидании восхождения на борт Сказочного Корабля.

Филип Фармер

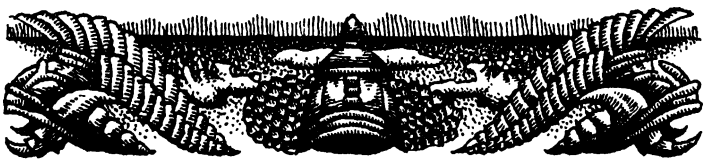
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сны окутали мир реки Сон, Пандора ночи, здесь был щедрее, чем на Земле. Там сегодня он был одним у вас, другим — у вашего соседа. Завтра же соседский сон переходил в ваш дом, а ваш — в соседский. Но здесь, на бескрайних равнинах нескончаемых берегов Реки, он каждого наделял грудой сокровищ, выплескивая все свои дары: кошмары и наслаждения, воспоминания и надежды, тайны и откровения.

Миллиарды людей ворочались, бормотали, стенали, вздыхали, смеялись, вскрикивали и на пороге пробуждения вновь проваливались во тьму беспамятства. Все преграды подсознания падали перед мощными силами, что-то уносилось прочь и, зачастую, никогда не возвращалось. Оставались лишь фантомы; но и те исчезали с рассветом. Здесь сны повторялись чаще, чем на родной планете. Содержатели ночного Театра Абсурда снова и снова ставили все те же комедии и драмы — и, хотя авторство пьес им не принадлежало, они самовластно распоряжались и репертуаром, и зрителями. Публика не могла освистать или одарить аплодисментами спектакль, забросать сцену яйцами и гнилой капустой, с шумом покинуть зал или продремать весь вечер.

Среди этих зрителей был и Ричард Фрэнсис Бартон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Клубившийся серый туман вдруг замер и повернул вспять. Бартон стоял на возвышении, напоминавшем ступеньку елизаветинского трона. Над ним, плавая в тумане, в расположенных полукругом креслах сидели двенадцать человек — и еще один, напротив, лицом к остальным. Это был он сам — Ричард Бартон.

Поодаль, в облаках, парил силуэт четырнадцатого. Он был виден лишь Бартону — темная мрачная фигура, издававшая странные бессмысленные звуки. Нечто подобное уже случалось прежде: однажды — в действительности, и множество раз — в снах. Правда, кто мог знать, где явь, а где — наваждение? Перед двенадцатью, называвшими себя этиками, сидел человек, умиравший семьсот семьдесят семь раз.

Шестеро мужчин, шестеро женщин. Почти все, за исключением одной пары, были темнокожими или смуглыми. У двух мужчин и женщины — едва заметная складка эпикантуса на веках. Если эти существа происходили с Земли, их родиной, скорее всего, была Евразия.

Только двоих из двенадцати называли по именам в течение допроса — Логу и Танабара. Ни в одном из известных Бартону языков — а он знал их около сотни — не существовало имен, звучавших подобным образом. Правда, со временем языки меняются, а этот, возможно, принадлежал пятьдесят второму веку нашей эры. Один из агентов, Спрюс, утверждал, что он — выходец из той эпохи. Впрочем, ему тогда грозили пыткой, и он мог солгать.

Одним из светлокожих был Лога. Он не подымался с кресла (как раньше, так и теперь), поэтому Бартон не мог судить о его росте, однако тело этика казалось мускулистым и плотным.

На его плечи падали рыжие волосы — ярко-рыжие, как лисья шкура. Черты лица казались резкими, словно выруб-

ленными из камня — выступающий вперед подбородок с глубокой ямкой, массивные челюсти, крупный орлиный нос, толстые губы. Глаза были темно-зелеными.

Другой светлокожий человек, Танабар, по всей видимости являлся их предводителем. Сложением и обличьем он так напоминал Логу, что два этика казались братьями. У него были темно-каштановые волосы, один глаз горел странным светом — зелень с примесью янтарной желтизны.

Когда Танабар впервые обратил к Бартону другую половину лица, тот вздрогнул. Во второй глазнице сверкал сотнями фасеток драгоценный камень — чудовищный зрачок насекомого, напоминавший огромный бриллиант. Этот искусственное око, нацеленное на Бартона, внушало ему какую-то смутную тревогу; возможно, оно воспринимало то, что недоступно живому глазу?

Только трое из двенадцати говорили с ним: Лога, Танабар и стройная, полногрудая блондинка с большими голубыми глазами. По тому, как женщина обращалась к Логе, Бартон заключил, что они — супруги.

Над головой каждого из сидящих, в том числе — и двойника Бартона, висели туманные сферы. Они вращались, непрерывно меняя цвет и, время от времени, пронизывая пространство иглами лучей — зеленых, голубых, черных и белых. Иногда лучи исчезали, потом появлялись вновь.

Бартон пытался установить связь между вращением сфер, сменой лучей и поведением трех этиков, а также своего второго «я» — с различием внешности, со смыслом произносимых слов, их эмоциональностью. Однако пока ему не удалось обнаружить никакой зависимости.

Правда, в том, давнем, эпизоде он не видел собственной ауры. Другим было и направление разговора, будто Создатель Снов переписал старый сценарий.

Лога, человек с рыжими волосами, произнес:

— Наши агенты давно разыскивали вас. К сожалению, их слишком мало — ведь на берегах Реки проживает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч шестьсот тридцать семь кандидатов.

— Кандидатов — на что? — спросил Бартон со своего возвышения.

В предыдущей встрече он не пытался проникнуть в эту тайну.

— Это известно лишь нам; вы же попытайтесь разгадать,— ответил Лога, сверкнув белыми зубами, и продолжал: — Нам не приходило в голову, что вы попытаетесь ускользнуть, раз за разом совершая самоубийство. Так тянулось годами. У нас хватало других забот, поэтому пришлось снять всех агентов с дела Бартона, как мы его называли — кроме немногих, ожидавших у истока и в устье Реки. Каким-то образом вам удалось узнать о Башне на полюсе. Позднее мы с этим разберемся...

Наблюдая за ним, Бартон подумал: «Значит, они не сумели обнаружить Икса.»

Он попытался приблизиться к актерам этого странного спектакля и разглядеть их внимательней.

Кто же из них был тем этиком, который разбудил его в предвоскресительный период? Неведомым Пришельцем, навестившим его в грозовую, сверкающую молниями ночь? Кто должен спасти его? Кто же тот изменник, таинственный ренегат, которого Бартон называл про себя Иксом?

Он с трудом сопротивлялся ветру и холодному туману, летучему и твердому одновременно, сковавшему его словно волшебная цепь, что по велению богов связывала Рагнарек с волком-великаном Фенриром.

— Мы все равно нашли бы вас,— продолжал Лога.— Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — там, где вы столь неожиданно пробудились на стадии, предшествующей воскрешению,— снабжена автоматическим счетчиком. Любой кандидат, у которого число актов гибели намного превосходит среднестатистическую величину, рано или поздно подвергается более пристальному изучению. Точнее — будет подвергнут; сейчас нам не хватает для этого людей.

— Сегодня мы не имеем представления, каким образом вы достигли такого ошеломляющего результата — семьсот семьдесят семь актов смерти; при очередном обследовании ваша предвоскресительная капсула была пуста. Но два техника, видевших вас в момент первого пробуждения, смогли вас опознать — по... скажем, по фотографии. Мы настроили ПВ-капсулу таким образом, чтобы в следующий раз, когда

ваше тело окажется в ней, был дан сигнал. В конце концов, вы все равно оказались бы здесь.

Но на этот раз Бартон не умер; они обнаружили его живым. Если бы он попытался убежать, его все равно схватили бы. А, может быть, и нет? Но, в случае ночного побега, его могла убить молния, а они уже поджидали его в ПВ-камере... Бартон предполагал, что она находится под поверхностью планеты или в Башне северного моря.

— Мы тщательно исследовали ваше тело, а также проанализировали каждый компонент вашего... психоморфа или ауры, если вы предпочитаете этот термин, — Лога указал на сферу, переливающуюся над головой Бартона.

Вдруг этик повел себя весьма странно. Он обернулся и ткнул пальцем в Бартона-наблюдателя:

— Мы не нашли разгадки!

Со своего места на возвышении Бартон выкрикнул:

— Вы считаете, что вас только двенадцать! Но здесь есть тринадцатый! Роковое число!

— Важно не количество, а качество, — произнес кто-то невидимый.

— Вы ничего не сможете вспомнить о том, что здесь произошло, когда вернетесь на берег Реки, — предупредил Лога.

Как и на первом допросе, тот, второй, Бартон хранил молчание.

Но Бартон-наблюдатель поинтересовался:

— Как вы заставите меня забыть?

— Мы можем стереть из вашей памяти все, как с магнитной ленты, — Танабар словно читал лекцию. (Может быть, он и есть Икс и сейчас предупредит его? — мелькнуло в голове у Бартона). — Тогда у вас не останется и следа воспоминаний о семи годах, проведенных в долине. Правда, для этого нужна огромная энергия... Но мы уничтожим лишь некоторые эпизоды. Компьютер, сканирующий память в ускоренном режиме, оказался бессильным только в тот момент, когда вас посетил этот грязный ренегат. Все остальное просматривалось вполне отчетливо. Мы знаем обо всем, что случилось с вами. Мы видели то, что видели вы, слушали и чувствовали вместе с вами, даже ощущали окружавшие вас запахи. Мы сопереживали происходившее с вами.

— К сожалению, предатель пришел к вам ночью и идентифицировать его — или ее — не удалось, хотя мы пропустили запись голоса через акустический дистортер. Я говорю — его или ее — потому что вы видели лишь бледный силуэт и не могли различить ни черт лица, ни пола, ни других характерных особенностей. Голос казался мужским, но женщина могла имитировать его с помощью несложных устройств. Запах тела тоже оказался фальшивым. При анализе мы обнаружили только молекулы некоего искусственного химического соединения.

— Короче, Бартон, мы не выяснили, кто предатель, и не понимаем, почему он — или она — действует против нас. Совершенно непостижимо! Познавший истинный мир пытается предать нас! Единственный вывод — он безумец, хотя это тоже невозможно.

Бартон, стоявший на возвышении-ступеньке, каким-то образом знал, что Танабар не произносил этих слов на первом представлении спектакля. Он знал также, что спит и приписывает эти слова Танабару. Речь этика родилась в мыслях Бартона, это были его собственные рассуждения, фантазия, пришедшая в голову позже.

Теперь заговорил Бартон, сидевший в кресле:

— Если вы можете читать мысли и записывать их, то почему бы вам не прочитать свои? Тогда вы обнаружите предателя.

Лога смущенно взглянул на него.

— Конечно, мы подвергались проверке, однако...— он пожал плечами и поднял верх ладони.

— Однако,— вмешался Танабар,— человек, которого вы зовете Иксом, лгал вам. Он — не один из нас; всего лишь второстепенный агент. Мы соберем всех для сканирования памяти — но со временем; их слишком много. В конце концов, мы найдем предателя.

— А если выяснится, что никто из них не виновен? — спросил сидевший в кресле Бартон.

— Не будьте наивным и не беспокойтесь об этом,— мягко произнес Лога.— Перед пробуждением в предвоскресительной капсуле можно стереть из памяти любое событие. Вы забудете о визите отступника,— он сделал паузу, потом нерешительно продолжил: — Мы искренне удручены тем,

что приходится прибегнуть к насилию. Но сейчас это неизбежно, а со временем мы искупим вину и восстановим справедливость.

— Но, отозвался Бартон из кресла,— у меня еще есть воспоминания о том месте... о ПВ-капсуле. Вы забываете, что я часто думаю о минутах, предшествующих появлению Икса. И, наконец, мне удалось многим рассказать об этом.

— Полагаете, они вам действительно поверили? — спросил Танабар.— Но даже если и так, то что они могут сделать? Нет, мы не хотим вас полностью лишить памяти о жизни здесь; слишком большая потеря, вы забудете своих близких, своих друзей... И, кроме того,— он запнулся,— это может замедлить ваше продвижение к цели.

— К цели? К какой цели?

— Пора вам все знать. Тот безумец, что предложил вам свою помощь, на самом деле только использует вас. Он скрыл, что, выполняя его замыслы, вы можете лишится шанса достичь вечной жизни. Поймите, он или она — кем бы ни был предатель,— это воплощение зла! Да, зла!

— Теперь,— добавил Лога,— мы убедились окончательно — ваш незнакомец поражен болезнью.

— Его болезнь в определенном смысле и есть зло,— произнес человек с кристаллом в глазнице.

Откинувшись в кресле, Бартон вызывающе расхохотался.

— Значит, вы, ублюдки, ровно ничего не знаете?

Он вскочил на ноги, опираясь на туман, как на твердь, и закричал:

— Вы просто не хотите, чтобы я добрался до истоков Реки! Но почему? Почему?

— О'ревуар,— сказал Лога,— и простите нас за то, что мы прибегаем к насилию.

Женщина направила на Бартона синий блестящий жезл, и он рухнул. Двое мужчин в белых кильтах, выплыв из тумана, подхватили бесчувственное тело и погрузили его в облако.

Бартон-наблюдатель вновь попытался разглядеть парящих в кресле людей. Низвергаясь в туманную пропасть, он погрозил им кулаком:

— Вы, ублюдки, никогда меня не поймаете!

Темные силуэты беззвучно зааплодировали.

Бартон считал, что вернется туда же, где его застали этики. Однако он очнулся в Телеме, в той самой крошечной стране, которую когда-то основал.

Он был изумлен — ему сохранили память. Он помнил все, даже инквизиторский допрос с участием двенадцати этиков.

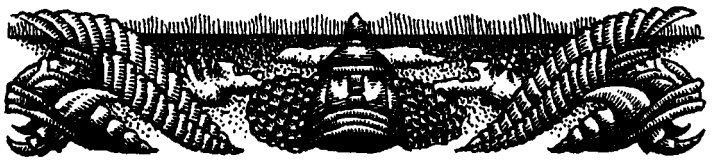
Каким-то образом Икс сумел обмануть всех.

Позднее Бартон не раз гадал, не пытались ли Они обмануть и запугать его. Похоже, в этом не было смысла, но кто мог знать Их истинные намерения?

Он вынужден был одновременно вести вслепую два шахматных поединка. Это требовало мастерства, знания правил игры, умения манипулировать фигурами на доске. Он же не знал ни правил, ни уровня подготовки своих соперников.

Их замыслы были темны и непредсказуемы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ричард Бартон, застонав, очнулся, пребывая в состоянии полусна, на грани реального и призрачного миров.

Он не знал, где сейчас находится. Его окружала темнота, мрак столь плотный, что, казалось, он пропитывал насквозь и тело, и разум.

Его успокоили привычные звуки. Корабль терся о стенку причала, вода перехлестывала через палубу. Возле него слышалось легкое дыхание Алисы. Он коснулся ее теплого мягкого плеча.

Снаружи долетел звук шагов Питера Фригейта, несущего ночную вахту. Видимо, он собирался будить капитана. Бартон же не имел представления о времени.

Затем он расслышал другие домашние звуки: сквозь деревянную перегородку проникал густой храп Казза и посапывание его подруги Бест.

Из каюты напротив доносился голос Моната. Он что-то бормотал на родном языке, но Бартон не различил слов.

Очевидно, Монат видел сны о далекой Атакау, планете с «бурной роковой судьбой», кружившей около оранжевой звезды Тау Кита[1].

Еще мгновение он лежал неподвижно, как труп, повторяя в уме: «Я — Ричард Бартон. Человек, которому сто один год, в теле двадцатипятилетнего.»

Этики сумели сделать эластичными сосуды претендентов на вечную жизнь, но перебороть атеросклероз души им не удалось. Ее омоложение не коснулось.

---

[1] В первом романе сериала (*«Восстаньте из праха»*) указывается, что родная планета Моната находилась в системе Тау Кита, но в *«Темных замыслах»* Фармер перенес ее к Арктуру. Здесь и далее мы следуем традиции первого романа (здесь и далее прим. переводчиков).

Он снова соскользнул в беспамятство — к новому сну и новому допросу. Но теперь память прокручивала то давнее, самое первое видение, посетившее его за миг до Трубного Гласа. Он как бы со стороны наблюдал за собой, являясь одновременно и зрителем, и актером.

Бартон — участник пьесы лежал на траве, беспомощный, как ребенок, а над ним возвышался Бог. На этот раз Он не подавлял ростом; борода у него отсутствовала, а одежда ничем не напоминала костюм английского джентльмена времен королевы Виктории. Его единственным одеянием было голубое полотнище, обернутое вокруг чресл. В отличие от прошлого явления, Бог выглядел невысоким юношей с мускулистым и крепким телом. На груди курчавились рыжие завитки.

В первый момент Бартону казалось, что он видит свое отражение: те же густые волосы, то же лицо семитского типа с черными, глубоко посаженными глазами, высокими скулами, полными губами и упрямым, слегка раздвоенным подбородком. Отсутствовали только длинные шрамы, следы сомалийского дротика, пронзившего челюсть Бартона при схватке в пустыне.

Он присмотрелся. Да, лицо выглядело знакомым, однако оно не было лицом Ричарда Фрэнсиса Бартона.

Бог держал в руке железный посох и, как в прежнем сне, тыкал концом в ребра Бартона.

— Ты опоздал, опоздал с выплатой своего долга! Ты понял?

— Какого долга? — спросил человек, лежавший в траве.

Бартон-зритель внезапно обнаружил клубящийся туман, который окутывал тех двоих. Нависшая серая кулиса вздымалась и опускалась, словно грудь неведомого тяжело дышащего зверя.

— Ты обязан мне плотью,— произнес Бог, вновь вонзая свой посох в распростертое тело. Но Бартон-наблюдатель тоже ощутил резкую боль в боку.

— Ты обязан мне плотью,— повторил Бог,— и душой, что впрочем, одно и то же.

Лежащий Бартон попытался встать на ноги. Задыхаясь, он произнес:

— Никто не посмеет безнаказанно бить меня по ребрам!

В стороне раздался чей-то смешок, и Бартон, наблюдавший за этой сценой, заметил в клубах дыма темную высокую фигуру.

— Платите, сэр,— настаивал Бог.— В противном случае, я буду вынужден лишить вас права пользования.

— Проклятый долг! — выругался лежащий Бартон.— Похоже, мне грозит что-то вроде второго Дамаска!

— Да, это — путь в Дамаск. Возможно, он еще предстоит тебе.

Темная фигура вновь разразилась странным хихиканьем. Туман заполонил все вокруг. Поймав свой последний всхлип, Бартон проснулся весь в поту.

Алиса повернулась к нему и пробормотала:

— Тебе приснилось что-то страшное, Дик?

— Нет, все в порядке. Спи, спи.

— У тебя же не было кошмаров последнее время?

— Не больше, чем на Земле.

— Тебе хочется поговорить?

— Я и разговариваю. Во сне.

— С самим собой?

— А кто знает меня лучше, чем я сам? — он рассмеялся.

— И кто может лучше себя обмануть? — с легкой иронией шепнула она.

Бартон не ответил. Через несколько секунд Алиса уже дышала ровно и спокойно, но разговор мог сохраниться в ее памяти. Ему не хотелось начинать утром очередную ссору.

Он любил спорить, это давало необходимую разрядку. Но их споры стали постоянными, и эта вечная борьба все больше раздражала его.

На крохотном судне слышно каждое громко сказанное слово, и их перепалки было трудно не заметить. Алиса очень изменилась за проведенные с ним годы, но сохранила отвращение благовоспитанной леди к стирке грязного белья на людях. Зная это, он нередко заканчивал спор окриком, со странным торжеством наблюдая, как она замыкается, уходит в себя. Правда, оскорбив ее, он потом стыдился своих побед.

Весь этот клубок вызывал у Бартона еще большее раздражение.

Палуба поскрипывала под шагами Фригейта. Бартон решил сменить его пораньше; заснуть он все равно не мог. Всю

жизнь на Земле он страдал от бессонницы, а здесь она усилилась. Фригейт же будет счастлив отправиться на боковую. Во время ночной вахты он всегда боролся со сном.

Бартон прикрыл глаза, и темнота сменилась серыми сумерками. Сейчас он увидел себя в огромном помещении без стен, пола и потолка. Он был наг и плавал в пустоте, медленно поворачиваясь, будто его подвесили на невидимом и неосязаемом стержне. Вращаясь, он заметил вокруг множество нагих тел, лишенных, как и он сам, волос. Рядом с ним плыл человек, его правая рука от локтя до кончиков пальцев казалась куском красной сырой плоти. У другого на лице не было не только кожи, но и мышц. Еще дальше вращался скелет, внутри которого виднелись лишь серые меха легких да свернутый клубком кишечник.

Повсюду, меж красноватых, отсвечивающих металлом стержней, за руки и за ноги были подвешены тела. Они возвышались над невидимым полом и опускались с невидимого потолка. Насколько хватало глаз, он видел только бесконечные ряды тел, разделенных по вертикали стержнями; они были везде — сверху, снизу, сбоку.

Стержни тянулись вверх и вниз, пропадая в серой бесконечности.

Итак, сэр Ричард Фрэнсис Бартон, капитан и консул Ее Величества в городе Триесте Австро-Венгерской Империи, умер 19 октября 1890 года.

Но теперь он снова жив и пребывает неизвестно где: ни на рай, ни на ад, насколько ему известно, все это не походило.

Перед ним миллионы тел, но жив и бодрствует только он один.

Парящему среди стержней Бартону следовало бы удивиться, почему именно ему досталась эта незаслуженная честь.

Но Бартон-наблюдатель уже твердо знал, почему.

Его разбудил тот этик, которого он называл Иксом; тот предатель.

Висевший в пустоте человек дотянулся до одного из стержней, и все тела вместе с ним начали падать вниз.

Наблюдавший Бартон испытал такой же ужас, как и в первый раз. Это был первородный кошмар, присущий всему

человечеству, — сон о падении. Несомненно, он унаследован от первого человека, полуобезьяны, для которой падение не сон, а устрашающая реальность. Она перепрыгивала с ветви на ветвь, гордясь, что может преодолеть пропасть. И падала именно из-за своей гордыни, мешавшей здраво судить о реальности.

Падение Люцифера — тоже след гордыни.

Сейчас тот, другой, Бартон судорожно ухватился за стержень и повис; мимо него, медленно вращаясь и сталкиваясь, сплошным водопадом плоти скользили вниз тела.

В этот момент он заметил воздушный аппарат в форме каноэ, опускающийся между стержнями. Эта летающая лодка не имела ни крыльев, ни пропеллера, ни других известных Бартону приспособлений, способных поддерживать ее в воздухе.

На носу аппарата виднелось символическое изображение белой спирали, от которой исходил яркий свет. Над бортом показались две фигуры, и внезапно падение тел стало замедляться. Невидимая сила подхватила Бартона и оторвала от стержня. Его понесло вверх, перевернуло, он поплыл и замер около каноэ. Один из мужчин направил на него металлический стержень размером с карандаш. Охваченный ужасом, в приступе яростного бессилия, Бартон взревел:

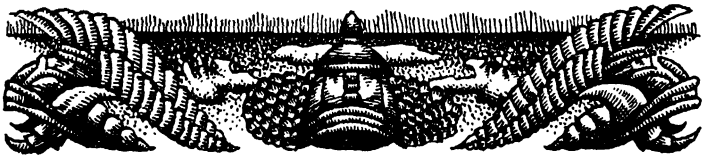
— Убью! Убью!

Угроза была пустой — как темнота, погасившая его сознание.

Сейчас только одно лицо виднелось над краем аппарата. И хотя Бартон-зритель не мог отчетливо различить черты, оно показалось ему знакомым: это было лицо Икса.

Этик глумливо усмехался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тут Бартон потянулся, пытаясь схватить Икса за горло.

— Ради Бога, Дик! Это же я, Пит!

Он разомкнул руки и выпустил горло Фригейта. Свет звезд, ярких, как в полнолуние на Земле, падал сквозь открытую дверь, освещая фигуру Питера.

— Ваша очередь дежурить, Дик.

— Потише, пожалуйста,— пробормотала Алиса.

Бартон скатился с кровати и нащупал одежду, висевшую на гвозде. Несмотря на выступивший пот, он весь дрожал. Маленькая каюта, нагревшаяся от человеческого тепла, сейчас остывала, заполняясь холодным туманом.

Алиса произнесла: «Брр!» — и потянула на себя тонкое покрывало. Он бросил быстрый взгляд на обнаженное тело, потом — на Фригейта, но американец отвернулся и шагнул к лестнице. При всех своих недостатках Бартон не был ревнив; не станет же он попрекать парня за нескромный взгляд, догадываясь, к тому же, что тот увлечен Алисой. Об этом не говорили, но знали все — и Бартон, и сама Алиса, и Логу, подруга Фригейта. Пожалуй, никого, кроме Алисы, это не касалось. За долгие годы она утратила изрядную часть своего викторианского целомудрия и временами — конечно, подсознательно — поощряла Фригейта, хотя потом отрицала все начисто.

Бартон решил не обсуждать этот эпизод, хотя сердился и на Фригейта, и на Алису. Если он обронит хоть слово, то будет выглядеть идиотом — ведь Алиса, как и все остальные, купались в Реке нагишом, не обращая внимания на окружающих. Фригейт сотни раз имел возможность видеть ее без одежды.

Ночью они устраивались под кипой покрывал, скрепленных магнитными застежками. Бартон отстегнул и накинул на себя одно из них, опоясался ремнем из рыбьей кожи, при-

крепив к нему ножны с кремневым кинжалом и каменным топором, и повесил через плечо деревянный меч. Его кромки были усажены кремнем, вместо острия торчал рог речного дракона. Наконец, он вынул из стойки тяжелое копье и пошел к трапу.

На палубе он окунулся в густой туман. Фригейт был одного роста с ним, и Бартону казалось, что голова американца, лишенная туловища, плавает в клубящейся дымке.

Сверху струился свет, хотя небеса над Рекой не знали луны. Над головой все сияло от ярких звезд и гигантских сверкающих газовых облаков. Фригейт полагал, что этот мир находится вблизи центра галактики. Но истинное местоположение планеты знали только ее таинственные хозяева.

Прошло немало лет с тех пор, как Бартон и его друзья построили новое судно и уплыли из Телема. «Хаджи-2» не был копией своего предшественника, а представлял из себя одномачтовый тендер с косым парусным оснащением. На борту находились Бартон, Алиса Харгривс, Фригейт, Логу, Казз, Бест, Монат Граутат и Оуенон. Об этой женщине было известно лишь то, что она происходит из древнего до-эллинистического племени пеласгов и не возражает делить ложе с инопланетянином. Вместе с этой неизменной командой (Бартон обладал счастливейшим даром объединять вокруг себя самых разнообразных людей) он двадцать пять лет плыл вверх по Реке. В Телеме остался лишь Лев Раух, один из участников прежней эскапады.

Но «Хаджи-2» не оправдал надежд Бартона на долгое путешествие: на маленьком судне члены команды страдали от неизбежной тесноты и толкотни. Снять постоянную напряженность мог лишь длительный отдых на берегу.

Бартон решил сделать очередную остановку. К тому времени судно достигло широкой части Реки, где она разливалась в озеро длиной около двадцати миль и втрое меньшей ширины. В западной части озеро сужалось, образуя пролив в четверть мили. Течение там было бурным, но, к счастью, дул попутный ветер. При противном ветре «Хаджи-2» не смог бы маневрировать в таком узком канале.

Вместо того, чтобы пристать к берегу, Бартон направил тендер к одному из утесов, выступавших посередине озера. За скалой тянулась коса, высоко приподнятая над урезом во-

ды. На ней виднелось несколько грейлстоунов, в стороне стояли хижины. На острове были причалы, удобные для стоянки, но они находились выше по течению, и Бартон поставил судно у ближайшего. Команда завела канаты, затем по борту навесили мешки из кожи меч-рыбы, набитые травой. Со всех сторон к ним начали осторожно сходиться туземцы. Бартон поспешил заверить их в мирных намерениях своего экипажа и вежливо осведомился, можно ли воспользоваться их каменными граалями.

На острове обитали два десятка низкорослых темнокожих людей, язык которых был незнаком Бартону. Но они говорили на испорченном эсперанто, и языковой барьер был преодолен.

Возвышавшийся неподалеку от деревушки грейлстоун представлял обычное грибообразное сооружение из серого гранита с красными вкраплениями. Камень был Бартону по грудь и на его плоской вершине находилось примерно семьсот выемок — такого же размера, как днища цилиндрических чаш.

Незадолго до рассвета все жители и на обеих берегах Реки ставили в углубления камней-граалей свои чаши из серого металла. Говорившие по-английски называли эти цилиндры чашами, пандорами, кормушками и тому подобными прозвищами, но общепринятым названием стало пандоро. Этот термин на эсперанто распространили миссионеры Церкви Второго Шанса. Тонкие, не толще листа бумаги, металлические стенки цилиндров отличались необыкновенной прочностью, их нельзя было ни согнуть, ни разломать, ни разбить.

Островитяне отступили шагов на пятьдесят и остановились в ожидании. Вдруг голубые языки пламени взметнулись вверх почти на двадцать футов, и тут же по всему берегу раскатился громовой удар.

Через минуту темнокожие туземцы бросились к грейлстоуну и достали свои цилиндры. Усевшись у костров под бамбуковыми навесами, они открыли крышки. Внутри на креплениях располагались сосуды и глубокие тарелки с пищей, спиртным, кристалликами чая и кофе. Туда же были вложены сигары и сигареты.

Бартон впервые очнулся там, где большую часть населения составляли выходцы из Триеста, и чаши обычно были

наполнены привычными им словенскими и итальянскими блюдами. Однако первые десять дней пища была самой разнообразной — из английской, французской, русской, персидской кухни. Иногда появлялось нечто изысканное, экзотическое — вроде мяса кенгуру, обжаренного сверху и сырого внутри, или огромных живых гусениц. Как-то Бартону довелось попробовать это любимое лакомство австралийских аборигенов.

На этот раз в одной из кружек было пиво. Он его не терпел и обменялся с Фригейтом на вино. Сама пища напоминала Бартону мексиканскую кухню, однако на лепешках-тортильях вместо говядины лежало мясо черепахи. Впрочем, ого оказалось вполне съедобным.

За едой Бартон принялся расспрашивать туземцев. По их рассказам он заключил, что эти люди являлись предками мексиканских индейцев и когда-то населяли долины северо-западной части страны. На острове обитали представители двух племен, говоривших на близких наречиях примитивного языка. Они жили в мире между собой и создали общую культуру.

По гипотезе Бартона, именно этих людей в его время индейцы пима называли хохокамами — старейшими. Они процветали в местах, которые белые переселенцы знали как Долину Солнца. Там, в Аризоне, была основана деревушка Финикс, превратившаяся в конце двадцатого столетия, как слышал Бартон, в город с миллионным населением.

Сами индейцы называли себя «ганопо». В своей земной жизни они были весьма трудолюбивы. Этот народ строил длинные ирригационные каналы с каменными и деревянными трубами, и сумел превратить засушливую пустыню в цветущий сад. Затем они неожиданно исчезли, и археологи не могли понять причин. Выдвигались самые различные теории; наиболее распространенная предполагала нападение с севера воинственных племен, уничтоживших всю популяцию хохокамов. Но подтверждения найти не удалось.

В свое время Бартон тоже надеялся решить эту загадку, однако ему, как и прочим, не повезло. Островитяне не многое могли ему поведать — они жили и умерли раньше, чем их страну постигла катастрофа.

Той ночью они долго сидели у костра, рассказывали свои легенды, порой — непристойные или нелепые, и покатывались при этом со смеху. Бартон поведал им пару арабских сказок, предельно упростив свои истории и избегая непонятных подробностей. Но этим людям был чужд смысл приключений Аладдина с его волшебной лампой. Тогда он рассказал им историю про Абу Гасана, испортившего воздух.

Арабы-кочевники очень любили эту сказку. Бартон частенько сиживал с ними у костра, в котором пылал кизяк, и слушал о приключениях незадачливого купца.

Абу Гасан был бедуином, порвавшим с жизнью кочевника ради карьеры торговца в йеменском городе Каукабан. Он разбогател, а после смерти первой супруги друзья уговорили его вновь жениться. Сопротивлялся он недолго и дал согласие на свадьбу с молодой красивой женщиной. Пир был на славу, угощали и пловом, и шербетами, подавали ягнят, фаршированных орехами и миндалем, и целиком зажаренных верблюдов.

В конце концов жениха пригласили в покои, где его ожидала наряженная в роскошные одежды невеста. Он с достоинством поднялся с дивана — но, увы! Сытый и пьяный до отвала жених — о, ужас! — издал чудовищный звук — пустил ветры.

Услышав такое, гости быстро и громко заговорили между собой, делая вид, что не заметили публичного срама. Но Абу Гасан не снес позора, вышел вон, вскочил на лошадь и ускакал, бросив на произвол судьбы и дом, и состояние, и друзей, и невесту.

Он уплыл в Индию, где стал капитаном королевских телохранителей. Через десять лет его охватила такая жестокая тоска по дому, что он чуть было не умер. Тогда он отправился на родину под видом нищего факира. После долгих и опасных странствий Абу Гасан достиг своего родного города и сквозь слезы воззрился с холма на его башни и стены. Однако он не рискнул войти в него, желая прежде убедиться, что его позор забыт. Семь дней и семь ночей бродил он по предместьям, прислушиваясь к разговорам на улицах и рынках.

В конце концов он присел у дверей какой-то лачуги, раздумывая, не вернуться ли ему в город под своим именем. И тут Гасан услышал, как некая девушка спросила:

— О, матушка, назовите мне день моего рождения. Одна из моих подруг хочет предсказать мое будущее.

Мать ответила:

— О, дочь моя, ты родилась в ту ночь, когда Абу Гасан пустил ветры.

Больше несчастный ничего не слышал; он вскочил на ноги и бросился бежать, повторяя: «Здесь никогда не забудут день моего срама!»

И вновь он долго странствовал, вернулся в Индию и жил там как изгнанник, пока не умер, и была с ним милость Аллаха.

Эта сказка имела грандиозный успех. Бартон, однако, был вынужден предварить свой рассказ объяснением, почему бедуины считают позором вполне естественную физиологическую реакцию. По их обычаям все, кто слышал этот звук, должны притвориться, что ничего не произошло — иначе обесчещенный убьет любого из насмешников.

Поглядывая на Алису, Бартон заметил, что рассказ понравился и ей. Она выросла в консервативной и глубоко религиозной семье викторианской эпохи, ее отец был епископом, брат — бароном. По мужской линии Лидделы вели свой род от Иоанна Долговязого, сына короля Эдуарда; мать Алисы была правнучкой эрла. Но жизнь в Мире Реки и долгая связь с Бартоном заставили ее отказаться от многих предрассудков.

Затем он пересказал историю о Синдбаде-Мореходе, хотя и здесь пришлось приспосабливаться к жизненному опыту ганопо: они никогда не видели моря, поэтому Бартон превратил его в реку, в птица Рух, унесшая Синдбада, стала огромным золотым орлом.

Ганопо не остались в долгу, выложив легенды о совершенно непристойных приключениях своего героя — старого пройдохи Койота.

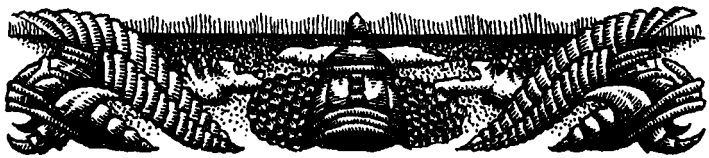
Бартон расспрашивал туземцев, пытаясь понять, как они связывают свою религию с реальностями здешнего мира.

— О, Бартон, — отвечал предводитель, — это вовсе не тот мир, в котором мы должны были очутиться после смерти.

Это не та страна, где маис вырастает за день выше головы мужчины, где есть хорошая охота на кроликов, которых всегда настигают стрелы. Здесь мы не соединились ни с нашими женами, ни с детьми, ни с предками. Здесь нет духов гор и рек, скал и кустарников, они не бродят тут и не говорят с нами.

— Но мы не жалуемся. Здесь мы счастливее, чем в мире, из которого ушли. У нас много еды — еды лучшей, чем была там, и мы не должны тяжко трудиться, чтобы добыть ее. А ведь в прежние времена нам приходилось не раз вступать в бой, чтобы защитить свои поля. Нам хватает воды, мы ловим рыбу, не знаем лихорадки, убивавшей нас прежде. И потом, здесь нет болезней и старости, от которых мы теряли силы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тут предводитель островитян нахмурился, с его лица сошла улыбка и голос дрогнул от беспокойства.

— Скажи мне, странник, слышал ли ты о возврате смерти? Я говорю о вечной смерти. Мы живем на маленьком острове, и сюда приходит мало людей. Но от тех, кто здесь бывает, и от тех, с кем мы беседуем на берегу, мы слышим странные и тревожные вести. Люди говорят, что вот уже некоторое время ни один из умерших не поднимается вновь. Если человек убит, то он больше не проснется на далеком берегу рядом со своей чашей. Скажи, это правда или одна из сказок, которыми люди любят пугать других?

— Не знаю,— честно ответил Бартон.— Мы проплыли сотни миль, видели на своем пути несчетное число граалей и заметили то, о чем ты ведешь речь.

Бартон замолк, размышляя. Буквально на второй день после Великого Воскрешения начались воскрешения малые — или перемещения, как их обычно называли.

Если человека убивали, если он кончал самоубийством или погибал от несчастного случая, то неизбежно на следующий день вновь оказывался живым — всегда в другом месте, не там, где обитал раньше, часто очень далеко, даже в другой климатической зоне.

Многие приписывали воскрешения вмешательству сверхъестественных сил, но большинство, в том числе и сам Бартон, жаждали более рациональных объяснений. Все разговоры о чудесах следовало отбросить. «Не к духам нужно обращаться!» — говаривал бессмертный Шерлок Холмс. Достаточно обратиться к законам физики.

По своему собственному опыту, вероятно — уникальному, Бартон знал, что тело умершего человека воспроизводилось со скрупулезной точностью. Оно воссоздавалось по проведенным ранее записям; раны исцелялись, пораженные

ткани возрождались, утраченные конечности восстанавливались.

Где-то под поверхностью этого мира находился огромный термоионный конвертер, преобразующий энергию в материю. Очевидно, он использовал тепло железо-никелевого ядра планеты. Миллионы грейлстоунов, основание которых уходило в глубину, являлись терминалами этого механизма. Они образовывали сложнейшую систему, при мысли о которой у человека начинала кружиться голова.

Связаны ли с ней устройства для записи на клеточном уровне структуры мозга? Или, как полагал Фригейт, она осуществляется с невидимых орбитальных спутников, наблюдавших, подобно Богу, за каждым живым существом, видевших все и вся, даже гибель ничтожного червя в земле?

Никто ничего не знал; а если и знал, то хранил эту тайну в себе.

Преобразование энергии в материю системой грейлстоунов объясняло ежедневную выдачу пищи для всех жителей речной долины. По-видимому, в днище металлических цилиндров был скрыт миниатюрный конвертер с электронным меню. Энергия передавалась цилиндру через камень-грааль и преобразовывалась в сложные вещества; так на свет появлялись мясо, хлеб, салат, табак, марихуана, виски, ножницы, гребни, зажигалки, губная помада и Жвачка Сновидений.

Одежду из полотнищ ткани также создавала система грейлстоунов. Рядом с возродившимся телом всегда появлялись стопка покрывал и цилиндр. В глубине, под каменными грибами, было скрыто устройство, способное каким-то образом переносить с необыкновенной точностью сквозь многокилометровую толщу почвы сложнейшую конфигурацию человеческой плоти, цилиндры и одежду. Люди и вещи возникали из воздуха — в буквальном смысле слова.

Бартон иногда задумывался: может ли случиться так, что перемещенное после смерти тело окажется в месте, занятом другим человеком? Фригейт утверждал, что это вызвало бы мощный взрыв. Но подобного не случалось — во всяком случае на памяти Бартона. Видимо, механизм переноса исключал возможность взаимопроникновения молекулярных структур. Однако Фригейт настаивал, что ту часть атмо-

сферной среды, в которой формируется тело, необходимо удалить. Каким же образом предотвращалось неизбежное перемешивание молекул воздуха и плоти?

Кто знает? Значит, наука этиков располагала способами отвода воздуха и создания локального вакуума именно там, где появлялись тело — причем вакуума идеального, какого наука Земли за последнее столетие достичь не смогла.

И при этом все происходило в полной тишине, без взрыва внезапно вытесняемых воздушных масс.

Загадкой оставался и вопрос о сканировании тел. Много лет назад захваченный в плен агент этиков по имени Спрюс рассказал о хроноскопе, приборе, позволяющем заглянуть в прошлое. С его помощью проводились исследования и запись всех человеческих существ, обитавших на Земле в период с 2 000 000 года до н.э. и до 2 008 года н.э.

Для Бартона это было непостижимо. Он не мог представить себе телесный или визуальный возврат в прошлое. Фригейт разделял его сомнения, предположив, что слово «хроноскоп» Спрюс употребил иносказательно. Возможно, агент лгал.

Но, как бы то ни было, истину о воскрешении и сотворении пищи в грейлстоунах можно познать, обратившись к разумному толкованию физических законов; тут не требовалась магия и прочие чудеса.

— Что с тобой, Бартон? — осторожно прервал его молчание вождь островитян.— Тебя захватили духи?

— Нет,— Бартон очнулся.— Я просто вспоминал. Многие люди рассказывали нам, что в течение года никого не переносили в места, далекие от их прежнего обитания. Возможно, мы странствовали там, где этого просто не случалось. В конце концов, Река так...

Он замолчал. Сумеет ли он объяснить людям, не знающим числа больше двадцати, что такое десять миллионов миль?

— Река может оказаться такой длинной, что для путешествия по ней из конца в конец понадобится время, прожитое на Земле твоим дедом, отцом и тобой. Поэтому, если смертей даже будет больше, чем травинок между двумя грейлстоунами, все равно это несравнимо с числом живущих в долине. Возможно, еще есть места, где погибшие восстают опять.

— К тому же, сейчас умирает гораздо меньше людей, чем в первые двадцать лет. Мало осталось стран, где еще есть рабство. Люди создают государства, в которых охраняется порядок и покой их граждан, где их защищают от врагов. Убивают только жестоких людей, стремящихся захватить власть, женщин, еду. Правда, такие еще есть, но им трудно найти сторонников, Сейчас на Реке водворился порядок. Конечно, случаются раздоры, по большей части из-за рыбной ловли. Убийства тоже бывают — гнев и зависть не покинули человеческую душу. Однако смерть превратилась в редкого гостя... Может быть, там, где мы проплывали, не случалось ни убийств, ни перемещений.

— Ты действительно в это веришь? — спросил островитянин.— Или говоришь так, чтобы мы чувствовали себя счастливыми?

Бартон улыбнулся.

— Не знаю.

— Возможно, ты прав,— предводитель покачал головой.— Шаманы Второго Шанса утверждали то же самое. Еще они сказали, что этот мир — лишь ступенька, остановка для перехода в другой, лучший. Шаманы говорят, что если человек здесь становится лучше, чем он был на Земле, он уходит туда, где обитают великие духи. Правда, они считают, что есть только один великий дух. Я в это не могу поверить. Каждый знает — есть много разных духов, и высших, и, низших.

— Да, они так говорят,— согласился Бартон,— хотя могут ли они знать больше, чем ты или я?

— Они еще говорят, что один из духов, создавших этот мир, предстал перед человеком, пророком их церкви. И дух повелел ему нести истину людям.

— Я скорее поверю, что он был сумасшедшим или лжецом. Хотелось бы мне потолковать с этим духом... и ознакомиться с доказательствами его потустороннего происхождения.

— Сам я не слишком много думаю о подобных вещах. Лучше оставить духов в покое. Надо принимать жизнь такой, какова она есть; стараться чтобы племя считало тебя разумным и добрым человеком.

— Возможно, это самый мудрый путь,— признал Бартон.

Сам он, однако, не был в этом убежден. Иначе зачем так стремиться к истокам Реки и далекому морю у северного полюса, где высилась Башня, обитель создателей и вершителей судеб этого мира?

— Не хочу обидеть тебя, Бартон,— вновь заговорил вождь,— но мне дано видеть души людей. Ты смеешься и рассказываешь веселые истории, но внутри нетерпелив и сердит. Почему ты не можешь спокойно поплавать на своей лодке, а потом где-нибудь обосноваться? У тебя добрая жена, а это — все, что нужно мужчине. Здесь хорошее место. У нас мир, тут нет воровства, если только не придут с Реки плохие люди. Иногда кто-нибудь из мужчин захочет показать, что он сильней других. Иногда повздорят мужчина с женщиной. Других бед мы не знаем.— Он помолчал, неторопливо затянулся сигарой, и задумчиво произнес: — Любому разумному человеку здесь понравилось бы.

— Нет, ты меня не обидел,— тихо ответил Бартон.— Но можно ли судить обо мне, не зная истории моей жизни — тут и на Земле? И все равно тебе бы это не удалось. Сумеешь ли ты понять меня, когда я сам себя не понимаю?

Он замолк, вспомнив другого вождя первобытного племени, сказавшего ему то же самое. Это было в 1863 году, когда Бартон, консул Ее Величества на западных африканских островах Фернандо По и Биафра Байт, посетил короля Дагомеи Желеле. Целью его миссии были переговоры о прекращении в стране человеческих жертвоприношений и торговли рабами. Он потерпел неудачу, зато собрал материалов на две книги.

Пьяный, кровожадный, распутный король держался с ним весьма высокомерно, в отличие от владыки Бенина, окрестившего в его честь одного из своих подданных. В те времена бенинцы относились к белым очень дружелюбно. В свой предыдущий визит Бартон даже получил звание почетного капитана королевской гвардии.

Что касается Желеле, то король как-то заявил Бартону, что он — хороший человек, но слишком сердитый и неспокойный.

Да, первобытные люди умели читать в душах. По-видимому, чтобы уцелеть среди них, нужно самому быть провидцем.

Заметив отрешенность Бартона, в разговор вмешался Монат, пришелец со звезды Тау Кита, и начал рассказывать о своей родине. Вначале островитяне посматривали на инопланетянина со страхом, но он сумел растопить их недоверие. Он хорошо знал, как расположить к себе людей. В Мире Реки ему приходилось это делать каждодневно.

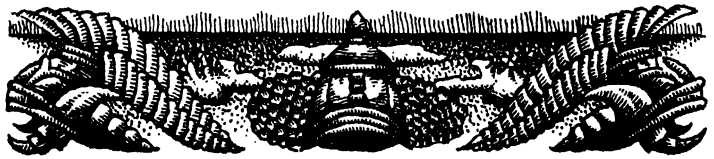
Вскоре Бартон поднялся и сказал, что команде пора устраиваться на ночь. Поблагодарив ганопо за их гостеприимство, он добавил, что утром судно тронется в путь. Его намерение провести тут несколько дней изменилось, жгучий интерес, который он поначалу испытывал к этому народу, пропал.

— Нам бы очень хотелось, чтобы ты остался,— повторил вождь,— хоть на несколько дней, хоть на годы. Как ты пожелаешь.

— Благодарю тебя,— поклонился Бартон и с невеселой улыбкой повторил слова Синдбада-морехода: — «Аллах наделил меня страстью к странствиям».— Затем, задумчиво пробормотав: — Путешественники, как и поэты — племя безумцев,— он направился к судну, размышляя, верно ли процитировал свою книгу.

Теплые доски палубы скрипнули под его босыми ногами, и Бартон почувствовал, как проходит, отлетает прочь мрачное настроение. Прежде, чем отправиться спать, он распорядился выставить охрану. Фригейт возразил; уединение их стоянки и доброжелательность островитян гарантировали безопасность. Но возражения приняты не были. Бартон считал стяжательство главной движущей силой человеческой природы, и Фригейту, в наказание за легкомыслие, досталась первая смена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наконец, прислонив к мачте копье, Бартон раскурил сигару. Фригейт остался с ним; они молча смотрели на меркнущие скопления звезд и рассеивающуюся пелену облаков. Прошло около получаса. Бледный свет — предвестник зари — размывал очертания небесных светил. Он расплывался все шире и шире, пока первые лучи солнца не упали на северную гряду гор.

Легкая вуаль тумана покрывала Реку и ее берега, окутывала деревья на холмах, где все еще виднелись огни. За холмами высились горные склоны; вначале пологие, они затем круто вздымались вверх, достигая десяти тысяч футов.

В первые годы Бартон полагал, что их высота по крайней мере вдвое больше. Потом он изготовил примитивный угломер и выяснил, что ошибался — крутизна серо-голубых и черных утесов обманывала глаз. Да, вокруг лежал мир иллюзий — физических, метафизических, психологических; впрочем, так было и на Земле.

Фригейт тоже закурил. Почти год он не прикасался к сигаретам, но сейчас «впал во грех из-за царившей вокруг благодати». Ростом американец почти не уступал Бартону. Зеленоглазый, темноволосый, с выразительным подвижным лицом, он невольно привлекал взгляд. Хотя его физиономия не отличалась правильностью черт — резкие складки у рта, полные губы, упрямый подбородок — она внушала людям доверие.

На Земле Фригейт, перепробовавший множество занятий, увлекался литературой и пытался написать беллетризированную биографию Бартона, озаглавленную «Неистовый рыцарь королевы». К сожалению — или к счастью — ему не удалось закончить этот труд.

При первой встрече с Бартоном американец озадачил его, отрекомендовавшись автором научно-фантастических

романов. В своей прошлой жизни Бартон не встречался с подобным термином и только удивленно поднял брови. Теперь они снова вернулись к разговору: который длился годами.

Попыхивая сигарой, Бартон сказал:

— Помните, мы толковали о научной фантастике? Вы десятилетиями занимались этой дьявольщиной, Пит, но я до сих пор не понимаю, чем вы зарабатывали на хлеб насущный.

Фригейт ухмыльнулся.

— Только не пытайтесь выжать из меня точное определение; боюсь, на это не способен никто. Скажем, так: я работал в области литературного жанра, описывающего вымышленные события будущего. Этот жанр называется научно-фантастическим, поскольку наука играет в нем значительную роль. Вернее, развитие науки в грядущие века. Причем не только физики или химии, но и социологических, философских и психологических воззрений, существовавших при жизни автора.

— Фактически, любой рассказ о будущем — уже научная фантастика. Причем заметьте — роман, написанный, предположим в 1960 и обращенный к году 1984-му, будет восприниматься как фантастический и через четверть века. Более того, предметом научной фантастики может быть и настоящее, и прошлое — если в основе произведения лежит передовая наука соответствующей эпохи, и писатель способен более или менее точно определить пути ее развития.

— Я вынужден заметить, — добавил Фригейт, — что сделанное мной определение слишком широко: сюда попадают вещи, в которых и не пахнет наукой. Существует множество историй, в которых идет речь о явлениях и событиях абсолютно нереальных, поскольку они научно не обоснованы. Возьмите, к примеру, перемещение во времени, параллельные миры, ракеты, что мчатся со сверхсветовой скоростью, пришествие Господа нашего на Землю, всемирный потоп, порабощение человечества с помощью телепатии и многое другое — перечень их бесконечен.

— Почему же всю эту мешанину назвали научной фантастикой?

— Видите ли, фантастика существовала задолго до того, как некий человек по имени Хьюго Гернсбек придумал этот

термин. Вы ведь читали Жюля Верна или «Франкенштейна» Мэри Шелли? Это тоже научная фантастика.

— Скорее просто фантастика,— отозвался Бартон.

— Но, собственно, вся беллетристика — это фантазия, выдумка. Разница между обычной выдумкой, именуемой реалистической литературой, и научной фантастикой, заключается лишь в том, что в первой речь идет о возможном, о событиях, которые могут произойти, обо всем, что было и существует в прошлом и настоящем. В научной же фантастике рассказывается о невозможном или даже совершенно немыслимом. Некоторые критики предлагали назвать ее искусственной литературой, но этот термин не привился.

Бартон, однако, никак не мог понять, причем здесь наука, к которой он относился с большим уважением. Путанные речи Фригейта не проясняли сути дела.

— Вы можете считать,— с отчаянием заявил американец,— что научная фантастика — одно из множества несуществующих явлений, имеющих, тем не менее, свое обозначение. А теперь давайте потолкуем о чем-нибудь другом.

Но Бартон не собирался менять тему.

— Значит, ваше занятие было чем-то совершенно нереальным?

— Нет, профессия писателя-фантаста безусловно существует. Не существует, собственно, самой научной фантастики. Простите, Дик, но наша беседа стала напоминать диалог из «Алисы в стране чудес».

— Можете ли вы заработать деньги на писаниях, которые не существуют? — гнул свое Бартон.

— Почему же нет. Я не умирал от голодной смерти на чердаке. Правда, позолоченного «Кадиллака» у меня тоже не было,— добавил Фригейт, помолчав.

— Какого «Кадиллака»?

Вопрос слетел с уст Бартона, но он подумал о другом, о странном совпадении: женщина, с которой он спит,— та самая Алиса, вдохновившая Льюиса Кэррола на создание его шедевров.

Внезапно Фригейт воскликнул:

— Что это?

Бартон обернулся к востоку. Там поток сжимали отвесные утесы; вода кипела меж скалистых стен. Вниз по тече-

нию к ним двигалась какая-то громада — вернее, целых две. Они словно висели над туманом. Ближняя походила на деревянную вышку, на которой, похоже, виднелась человеческая фигура. Дальняя казалась огромным круглым приплюснутым шатром. Основание этих сооружений скрывал туман.

Бартон залез на веревочный трап, растянутый между реей и бортом, и уставился на непонятный объект. Спустя минуту он крикнул Фригейту:

— Пит, по-моему, это плот! Невероятно большой! Они идут по течению, прямо на нас. Там вышка, и на ней — рулевой. Стоит столбом! Похоже, он...

Невероятно! Человек на вышке не шевелился. Но если он жив, то должен же видеть, что столкновение неминуемо! Бартон быстро соскользнул вниз. Фигура на плоту по-прежнему оставалась недвижимой.

— Будите всех! — закричал он Фригейту.— Живее! Нужно спасать судно!

Очутившись на палубе, Бартон вновь погрузился в густую пелену предрассветного тумана. Он перепрыгнул на причал и, придерживаясь рукой за борт, стал пробираться вперед, к носу, пока не нащупал швартовый кнехт. Ему удалось разделаться с тугим узлом, когда на палубе послышались голоса. Крикнув Каззу и Монату, чтобы они отцепили кормовой конец, Бартон в спешке задел коленом массивное бревно кнехта и несколько секунд скакал на одной ноге, шипя от боли. Затем он сбросил канат с бревна, добрался до трапа и поднял его на борт. Рядом возникли встрепанная женская головка и лицо Фригейта.

— Что случилось? — недоуменно спросила Алиса.

— Достали шесты? — Бартон повернулся к американцу.

— Да.

Он снова залез на веревочную лестницу. Плот неуклонно двигался к причалу. Человек на вышке был все так же недвижим.

С острова послышались голоса. Ганопо проснулись и тревожно окликали их.

Из густого тумана проступили голова и плечи Моната. Он выглядел химерой, чудовищем из готических сказаний. Очертания черепа походили на человеческие, но лицо... Лицо выдавало его неземное происхождение. Густые черные

брови нависали над резко выступающими скулами, вокруг ноздрей колыхались губчатые складки плоти, плотный хрящ на конце носа прорезала глубокая впадина. Рот с тонкими черными кожистыми губами напоминал собачью пасть, огромные уши — морские раковины.

Где-то возле Моната находился Казз. Бартон не мог разглядеть его в тумане; неандерталец был коротышкой. Лишь когда он подошел совсем близко, стала видна его приземистая могучая фигура.

— Берите шесты и весла, отталкивайте судно от берега,— распорядился Бартон.

— Что происходит, черт возьми? — крикнула Бест.

— Они только собрались завтракать,— пояснил Фригейт.

— Ступайте за мной,— коротко кинул Бартон и выругался, уткнувшись лицом во что-то мягкое. Нащупав округлое плечо, он понял, что перед ним торчит Бест.

После некоторой суматохи они расположились по обоим бортам с шестами в руках. По сигналу Бартона команда дружно навалилась на них, упираясь в причал и в темную поверхность утеса. Оттолкнуться от дна им не удалось бы — корпус судна был так плотно зажат скалами в узком заливчике, что даже мужчины не могли протиснуть вниз шесты.

Преодолевая течение, они выбрались из этой расселины и теперь, опустив шесты в воду, изо всех сил отталкивались от основания утеса. Дерево скользило по гладкому камню, тендер едва двигался.

До слуха Бартона долетел незнакомый голос. Он обернулся; темная фигура на вышке зашевелилась и испускала дикие крики. Сквозь туман доносились и другие слабые голоса.

Круглая темная махина росла на глазах, сейчас она казалась головой какого-то гиганта. Бартон прикинул, что между ней и вышкой было не меньше ста ярдов. Значит, несущийся на них плот огромен. Он не мог представить его ширины и надеялся, что «Хаджи» успеет до столкновения проскочить к другой стороне острова и скрыться за скалой.

Теперь он заметил на вышке второго человека. Тот махал рукой и орал еще громче первого.

— Они совсем рядом! — со страхом воскликнул Фригейт.

Охваченный ужасом Бартон даже не обратил внимания на его панический вопль. Громадный плот всей массой неумолимо надвигался на крохотный тендер.

— Жмите вовсю! — закричал Бартон.— Или нас раздавят!

Бушприт «Хаджи» уже достиг стрелки мыса. Еще десяток гребков, и судно отнесет течением за поворот. Тогда они спасены.

Крики с плота становились все слышнее, он приближался. Бартон бросил взгляд на вышку и свирепо выругался. Между вышкой и кормовой надстройкой появилась щель, которая продолжала расширяться. Это могло означать только одно — плот свернул с курса, чтобы избежать столкновения с островом, и шел влево, прямо на них. Вышка маячила сквозь туман в полутора сотнях ярдов.

— Взяли разом! — скомандовал Бартон.

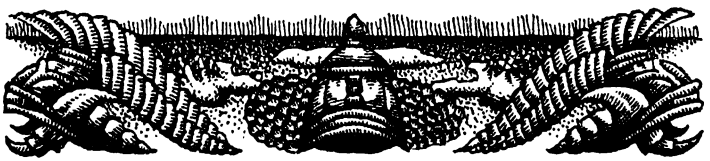
Он не имел понятия, где на плоту находилась вышка — на носу или посередине. Если посередине, то изрядная часть палубы была впереди — и, следовательно, совсем рядом с судном. Из туманной мглы до него доносился голос человека на вышке, отдающего команды на незнакомом языке.

«Хаджи-2» уже обходил стрелку, но сильное течение относило тендер к скалистому склону. Они пытались оттолкнуться, но шесты лишь скользили по каменному утесу.

— Толкайте, сучьи дети, толкайте! — вопил Бартон.

Раздался треск, палуба взмыла кверху, кораблик откачнулся в сторону скалы.

Бартона швырнуло к борту; он ударился головой и начал проваливаться в темноту, смутно понимая, что лежит на палубе и пытается приподняться. Вокруг него раздавались истошные крики. Треск оснастки, рухнувшей под напором плота, был последним услышанным им звуком.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Совершенно вслепую, Джил Галбира пробиралась в густом тумане.

Прижимаясь к правому берегу Реки, она едва различала контуры изредка попадавшихся грейлстоунов. В сумрачной дали они казались зловещими гигантскими грибами.

Здесь, думала она, закончится, наконец, ее одиссея. Подобно призраку в волшебном каноэ, она плыла в белесой дымке, пересчитывая один за другим камни-граали. Ветер стих, но, преодолевая течение, каноэ и фигура женщины создавали слабый воздушный поток, тянувшийся следом. Тяжелые капли росы влажным покровом оседали на лице.

Она разглядела впереди слабый отсвет пламени. Так вот где будет ее прибежище! Свет разгорался, сверкая, словно дух огня. Оттуда донеслись звуки человеческих голосов, но людей не было видно. Только голоса. Голоса вне плоти.

Сама она тоже выглядела призраком — призраком монахини. Ее фигуру окутывали белые полотнища. Одно лежало капюшоном на голове, затеняя лицо, казавшееся смазанным серым пятном.

На дне каноэ грудились ее пожитки — словно два покоившихся в сырой мгле зверька, белый и серый. Сразу у ног лежал серый металлический цилиндр, ее «кормушка»; подальше — белый узел с самыми разными вещами: бамбуковой флейтой, дубовым кольцом с зеленым камнем — подарком ее исчезнувшего возлюбленного (для нее теперь — покойного), сумкой из рыбьей кожи, набитой всякими поделками. В привязанном к узлу чехле хранились лук и колчан со стрелами. Под сиденьем были спрятаны бамбуковый меч с наконечником из рога речного дракона, два тяжелых дубовых боевых бумеранга и мешок с камнями.

Огонь и голоса приближались. Кто эти люди? Стража? Пьяные весельчаки? Охотники за рабами, готовые схватить одинокого путника? Ночные ловцы любой добычи? Она уг-

рюмо усмехнулась. Что ж, пусть сунутся! Старушка Джил сумеет постоять за себя!

Однако гомон скорее походил на звуки веселой пирушки. Она вспомнила рассказы о мирных землях низовья Реки. Ни в Пароландо, ни в соседних государствах рабства не было, и она открыто плыла в своем каноэ при свете дня. Люди на берегу встречали ее приветливо; здесь путник мог свободно знакомиться с окрестностями и, в урочный час, наполнить свою чашу у любого грейлстоуна. Хорошие места для жизни, но одна мысль неотступно преследовала ее: в Пароландо построен воздушный корабль — дирижабль.

Она слышала о нем от многих, но отнеслась к новости недоверчиво. Подозрительность была присуща Джил — правда, если принять во внимание ее поистине чудовищный жизненный опыт, можно ли было поставить это ей в вину? Она предпочла вначале все разузнать, затратив массу сил и изворотливости на проверку слухов, и лишь потом решилась отправиться в путь к желанной цели. И, вероятно, впереди ей предстоял выбор между жизнью и свершением — хотя сама жизнь, собственно, и есть высшее свершение. Чего же этот выбор потребует от нее?

Смерть уже не была проходным эпизодом в Мире Реки. Казалось, воскрешения прекратились, и древний ужас вновь вернулся к людям, вселяя страх перед неминуемым концом.

При свете огня она разглядела очертания огромного каменного гриба, вокруг которого двигались четыре темных силуэта. Уже можно было уловить запахи тлеющего бамбука и, как показалось ей, дымка сигар. О, небо! К чему Таинственный Благодетель подбрасывает людям эти омерзительные сигары?

Разговор шел на испорченном английском. Эти люди, наверно, крепко выпили, или английский для них не был родным языком. Впрочем, нет — самый пронзительный голос, доносившийся из тумана, явно принадлежал американцу.

— Ни в коем случае,— гремел он,— клянусь священным огненным кольцом этого педераста Сатурна! Здесь нет ни капли эгоцентризма, ни крохи отвратительной жажды стать центром вселенной! Я хочу построить самый большой дирижабль из когда-либо существовавших, сказочный корабль, который станет истинным владыкой неба. Это будет колосс,

Левиафан! Грандиозней всех, что видели или увидят Земля и Мир Реки. Этот корабль должен поразить всех, заставить гордиться принадлежностью к роду человеческому. Красавец! Воздушное чудо! Уникум! Ничего похожего на созданное прежде! Что? Не прерывайте меня, Дейв! Я мечтаю о нем и не остановлюсь, пока не достигну желаемого. И достигну! Да!

— Но, Милт...

— Никаких «но»! Элементарная логика требует создания громаднейшего, грандиознейшего судна. Господи, он должен летать дальше и выше, чем любой из существовавших дирижаблей! Бог знает, куда нас занесет — пусть даже это будет лишь один рейс. Слышите, вы, Дэйв, Зик, Сирано? Даже, если он сделает только один рейс!

Ее сердце бешено забилось. «Дэйв» говорил с немецким акцентом. Да, это были люди, которых она искала!

Какая удача! Нет, не только удача. Она безошибочно отсчитывала расстояние, отмеряла по грейлстоунам, торчавшим по берегу; она знала, куда держит путь. Ей совершенно точно указали, где пребывает Милтон Файбрас. А Давид Шварц, инженер-австриец, был его помощником.

— Но на это уйдет слишком много времени и материалов,— прозвучал другой мужской голос. Это была речь уроженца Мэйна. Возможно, ее воображение слишком разыгралось, но в этом голосе ей почудился свист ветра в снастях, скрежет талей, поскрипывание качающегося на волнах судна, грохот прибоя, плеск парусов. О, конечно, это лишь воображение!

«Не увлекайся, Джил!» — сказала она себе. Если бы Файбрас не назвал его по имени — Зик,— перед ней, наверно, не появился бы образ плывущего в открытом море корабля. По всей видимости, это был Иезекиил Харди, капитан китобойного судна, погибшего от нападения кашалота у берегов Японии в... в 1833 году? Вероятно, он смог убедить Файбраса, что после надлежащей подготовки сумеет стать прекрасным рулевым или штурманом дирижабля. Да, Файбрас, видимо, набирал команду с бору по сосенке, если решился принять человека, в глаза не видевшего аэростата, а возможно, и парохода.

Она уже слышала, что Файбрас мало преуспел по части поисков опытных воздухоплавателей — мужчин, конечно. Как всегда и везде — мужчины! Он подбирал кандидатов, казавшихся ему более или менее подходящими для обучения: пилотов, аэронавтов, моряков. На тысячи миль вверх и вниз по Реке шли слухи, что он ищет мужчин легче воздуха.

Что он понимал в строительстве и управлении дирижаблями? Он мог летать на Марс или Ганимед, достигнуть орбит Юпитера или Сатурна, но разве он имеет хоть какое-то представление об этих воздушных судах? Их знал Давид Шварц, изобретатель и конструктор цельнометаллического дирижабля. Он первым создал корпус и покрытие из алюминия. Это было в 1893 году, за шестьдесят лет до ее рождения. Он даже приступил к строительству воздушного корабля в Берлине, кажется, в 1895 году, но работы остановились с его смертью. Вроде бы Шварц умер в январе 1897... Сейчас она не помнила точной даты. За тридцать лет жизни на Реке многое выветрилось из памяти.

Если бы Шварц знал, что случилось после его смерти! Наверно, ему кое-что поведал этот пустозвон, профан, любитель дирижаблей. Вдова Шварца продолжила его дело. Джил не знала ее девичьей фамилии, ни в одной из прочитанных книг она не упоминалась, везде речь шла лишь о фрау Шварц. Она добилась постройки второго воздушного судна, хотя и была только женщиной. На этих алюминиевых аппаратах (больше смахивающих на баллоны термоса) летали пижоны-мужчины; и в трудные минуты они теряли самообладание, ударялись в панику и разбивали их вдребезги.

От замыслов Шварца и самоотверженности его жены осталась лишь груда перекореженного серебристого металла. Великую идею пустили по ветру цыплячьи мозги, огромные фаллосы, да заячья храбрость. Но если теперь асом станет женщина, ее имя не забудется. Посмотрим, что случится с миром, когда женщина покинет кухню. Бог предполагает, а...

От резкой боли в груди Джил вздрогнула. «Держись! — пробормотала она.— Ты просто замерзла.»

Она очнулась от воспоминаний о фрау Шварц, преследовавших ее во время странствий по Река, и заметила, что уже миновала костер. Огонь уменьшился, и голоса были слышны

не так отчетливо. Нужно сосредоточиться! Она всегда должна держать ухо востро, иначе ей не добиться успеха; а для нее успех — стать членом экипажа воздушного судна. Или его капитаном?

— Сейчас или никогда! — распинался Файбрас.— Мы свободны от правительственных контрактов, финансовых сложностей, конкурирующих проектов. Сэм достигнет устья Реки не раньше, чем лет за тридцать, а то и больше. Нам же потребуется два-три года, чтобы построить это чудо. Начнем с тренировок, а потом махнем все выше и дальше, над дикими горами, над синими просторами туманного моря и северного полюса — туда, где некое существо, почти всемогущее, пожалует нам такие дары, что Санта Клаус прослывет самым большим скупердяем на свете. Мы окажемся у Таинственной Башни, у истинного Великого Грааля!

Разговор прервался. Когда замолкали люди, в долине Реки воцарялась полная тишина. Здесь не было ни птиц, ни зверей, ни ревущих, громыхающих, свистящих, скрипящих механических чудовищ, ни орущего радио. Слышался лишь шорох воды, всплеск играющей у поверхности рыбы да треск дерева в костре.

— А-ах...— сладко протянул Файбрас,— какая выпивка! На Земле такой не было. И еще сколько угодно!

Шварц тоже причмокнул. Казалось, Джил видела бутылку у его губ.

Она пристала к берегу и, выпрыгнув наугад, попала в воду, окунувшись до пояса. Она даже не почувствовала холода — магнитные застежки плотно прижимали к телу одежду. Пришлось тащится к берегу, волоча за собой длинное тяжелое каноэ. Ступив на сушу, Джил с трудом сделала несколько шагов, вытянув лодку подальше от воды. На минуту она остановилась в задумчивости, потом решила идти безоружной.

Снова раздался голос Файбраса:

— Нам нужны летчики, опытные пилоты, специалисты по дирижаблям... Где же они, где? Мы разослали гонцов на сотни миль...

Джил подошла ближе. Густая трава заглушала звук шагов.

— Я — одна из тех, кого вы ищете.

Мужчины резко обернулись, один из них, покачнувшись, ухватился за руку соседа. Они вытаращили глаза и разинули рты. Все четверо тоже были с головой закутаны в полотнища ткани, но ярких тонов. Будь перед ней враги, она успела бы выпустить дюжину стрел раньше, чем они схватились за оружие, которое валялось наверху грейлстоуна.

Да, там лежали пистолеты! Металлические! Значит, ее не обманули — все было правдой!

Джил увидела долговязого человека с длинной стальной рапирой в руке. Другой рукой он откинул капюшон, открыв сухощавое смуглое лицо с огромным носом, Несомненно, это легендарный Сирано де Бержерак. Он что-то быстро пробормотал на старофранцузском, она смогла уловить лишь несколько знакомых слов.

Файбрас тоже откинул капюшон.

— Совсем запутался в своих одежках... Почему же вы не предупредили нас о своем прибытии?

Она опустила край капюшона. Файбрас подошел ближе, вглядываясь в ее лицо.

— Это женщина!

— Считайте, что для вас я — мужчина.

— Как вы сказали?

— Вы что, не понимаете по-английски?

Джил опомнилась, сообразив, что от волнения незаметно для себя перешла на диалект тувумба. Вообще-то она изъяснялась на великом языке Шекспира и Диккенса не хуже, чем с помощью знакомого с детства наречия маленького австралийского племени, но сейчас обычный среднезападный американский сленг показался ей более уместным.

— Считайте, что я мужчина, — повторила она. — Кстати, меня зовут Джил Галбира.

Файбрас, склонив голову, представился, скороговоркой перечислил имена своих собутыльников и глубоко вздохнул.

— Нет, после такого потрясения я должен выпить.

— Я бы тоже не отказалась. Мне нужно согреться. Правда, то, что алкоголь согревает — чистая фикция, но почему-то все в этом уверены.

Файбрас приложился к бутылке. Впервые за многие годы Джил вновь увидела стекло. Он оторвался от горлышка и с поклоном подал ей объемистую бутыль. Джил хлебнула, не

коснувшись губами краев — скорее по привычке чем из брезгливости. Файбрас — потомок индейцев и негров, но разве ее бабушка не была австралийской туземкой? Правда, аборигены Австралии — не негры, они — темнокожие представители древних кавказских племен, но Джил не страдала расовыми предрассудками.

Сирано, выпрямив спину, прошелся вокруг, покачал головой и произнес:

— Черт побери, да у нее волосы короче моих! И даже глаза не подведены! Вы уверены, Милтон, что это женщина?

Джил снова поднесла бутылку к губам и еще раз хлебнула. Это было замечательно, все внутри согрелось.

— Посмотрим,— француз положил руку ей на грудь и легонько сжал.

В тот же миг Джил нанесла удар ему в живот. Сирано судорожно согнулся и она ткнула его коленом в подбородок. Француз рухнул, как подкошенный.

— Какого черта? — закричал Файбрас и уставился на нее.

— Ну, а если я пощупаю вас промеж ног, дабы убедиться, что имею дело с мужчиной, как вы будете реагировать?

— Это подействовало бы на меня крайне возбуждающе, милочка,— Файбрас захохотал и начал пританцовывать от избытка чувств. Двое мужчин смотрели на него как на сумасшедшего.

Сирано оперся на руки, привстал на колени, и медленно поднялся. Лицо его побагровело, он изрыгал проклятья. Бросив взгляд на его шпагу, Джил хотела отойти в сторону, но гордо не сдвинулась с места. Чеканя слова, она заявила французу:

— Вы всегда позволяете себе подобную фамильярность с незнакомыми женщинами?

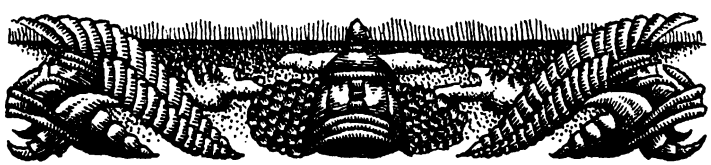
Сирано встрепенулся. С лица спала краснота, оно осветилось улыбкой.

— О, нет, мадам. Примите мои извинения за столь непозволительные манеры. У меня нет привычки пить, и я не люблю дурманить мозг и превращаться в животное. Но, понимаете, сегодня мы праздновали годовщину с начала путешествия Сэма по Реке.

— Не трудитесь оправдываться, — прервала его Джил. — Я готова простить вас — при условии, что ничего подобного впредь не повторится.

Она улыбнулась, хотя была недовольна собой: какое отвратительное начало знакомства с человеком, всегда восхищавшим ее! Конечно, он сам виноват, но можно ли теперь рассчитывать на приязнь, когда она так унизила его перед друзьями? Мужчины подобного не забывают.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Туман редел. Лица людей уже можно было разглядеть без обманчивого света костра, однако внизу еще клубилась белесая дымка. Небо светлело, но солнце еще не показывалось над горами. Сияние облаков газа и мелких звезд погасло, крупные еще переливались всеми цветами радуги — красным, зеленым, голубым — но мало-помалу бледнели и они.

На западной стороне сквозь уходящий туман проступили очертания гигантских сооружений. Глаза Джил широко раскрылись, хотя людская молва подготовила ее к любым неожиданностям. Четыре или пять высоченных строений из листового железа и алюминия — заводы! Но окончательно поразил ее воображение огромный — просто колоссальный — алюминиевый ангар.

— В жизни не видела ничего подобного,— пробормотала она.

— Вы вообще еще ничего не видели,— отозвался Файбрас и, помолчав, удивленно спросил: — Вы на самом деле приехали сюда работать?

— Я уже сказала об этом.

Он был Мужчиной. В его власти принять ее или изгнать, но он не заставит ее примириться с тупостью. Повторять — излишне, а потому глупо. Перед ней стоял доктор натурфилософии, специалист по астрофизике и электронике. Соединенные Штаты не посылали в космос болванов, хотя, возможно, гениями их астронавты тоже не были. Очевидно, он отупел от спиртного — с мужчинами такое бывает. Но, как истая женщина, она не смогла смолчать и напомнила ему: будь на высоте.

Файбрас покачивался на носках, дыша винным перегаром ей в лицо. Он был невысок — на голову ниже ее,— но широкоплеч, с мускулистыми руками и длинными худыми ногами. Крупная голова с квадратным подбородком, вью-

щиеся каштановые волосы, карие глаза и красновато-бронзовая кожа...

Несомненно, кровь индейцев и белых преобладала над африканской. Джил подумала, что среди его предков наверняка были выходцы из Южной Европы — откуда-нибудь из Прованса или Каталонии.

Он осматривал ее с ног до головы и молчал. Не подозревает ли он ее в криминальных намерениях? Боится получить удар в живот, как Сирано?

— О чем вы задумались? — спросила Джил.— О моей квалификации аэронавта? Или о том, какое тело скрывается под этими тряпками?

Файбрас разразился хохотом.

— И о том, и о другом.

Шварц смущенно кашлянул. Невысокий хрупкий шатен с карими глазами опустил голову, поймав на себе взгляд Джил.

Четвертый из собутыльников, Иезекиил Харди, не уступал ей в росте — равно, как и Сирано. Черноволосый, с узким лицом и высокими скулами, он откровенно ее разглядывал.

— Готова повторить еще раз,— вновь заговорила Джил.— Я не хуже любого мужчины и могу это доказать. У меня диплом инженера, большой опыт проектных работ и восемь тысяч часов в воздухе...— она остановилась и потом решительно добавила:

— Я летала на всех типах дирижаблей и могу занять любой пост... включая командирский.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил Харди.— А вдруг вы лжете?

— Ну, а где ваши документы? — возразила Джил.— Да если б они и были... Вы — шкипер китобойного судна. Разве это дает вам право стать пилотом дирижабля?

— Ну, ну,— вмешался Файбрас,— не лезьте в бутылку. Я-то вам верю, Галбира, и совсем не считаю вас обманщицей. Но должен заметить сразу: возможно, вы лучше всех подходите на пост капитана, но командую тут все-таки я. А значит, я — хозяин, босс! В свое время я отказался от должности главного инженера при постройке судна Клеменса; мне просто не хватало знаний для этого проекта. Но сейчас и здесь я

— *капитан Файбрас*, и прошу об этом не забывать! Если вам такое подходит, мы скрепим кровью контракт, и я даже готов запрыгать от восторга. Возможно, вы станете у нас одним из ведущих сотрудников,— без оглядки на принадлежность к женскому полу, клянусь вам,— но сейчас я ничего не обещаю. Делить портфели еще рано.

Он помолчал, тряхнул головой и прищурился.

— Главное сказано. И еще. Вы должны поклясться своей честью и именем Бога, что полностью подчинитесь законам Пароландо. Без всяких «если» и «но».

Галбира колебалась. Она облизнула запекшиеся губы. Ее вожделенная мечта — дирижабль — видением возник перед нею. Он парил под солнцем, как серебряная птица, отбрасывая тень на нее и Файбраса.

— Хорошо... Но должна предупредить вас, что не собираюсь пожертвовать своими принципами...— она заговорила так громко, что мужчины вздрогнули.

— Я... я...

Файбрас усмехнулся.

— Принципы! О, эти принципы, которыми никто не хочет поступиться! Вы не одиноки, Галбира, в таком положении многие. Но я хотел бы видеть вас в своей команде. Давайте договоримся так: я остаюсь верен своим принципам, вы — своим, и мы оба уважаем конституцию этой страны.

Он ткнул пальцем в сторону Шварца и Харди.

— Взгляните на них. Они оба из девятнадцатого века, один — австриец, другой — американец. Но они признают меня капитаном и командиром; к тому же они — мои друзья. Может быть, в глубине души они и считают меня наглым негром, но проткнут каждого, кто осмелится это сказать. Правда, парни?

Мужчины согласно кивнули.

— Тридцать один год жизни в Мире Реки изменяет человека — если он вообще способен меняться. Итак, ваше слово? Хотите услышать конституцию Пароландо?

— Конечно! Не могу же я принять решения, не узнав, на что иду.

— Она составлена великим Сэмом Клеменсом. Год назад он уплыл от нас на судне «Марк Твен».

— «Марк Твен»? Какая самовлюбленность!

— Название выбрано всеобщим голосованием. Сэм возражал, правда, не очень настойчиво... — В глазах Файбраса сверкнули насмешливые искорки. — Так слушайте! «Мы, народ Пароландо, нижеследующим заявляем...»

Он произносил длинный текст без запинки, без единой ошибки; видимо, хартия была запечатлена в памяти каждого. Дар, присущий людям, не знавшим письменности, да еще — актерам, стал в Пароландо всеобщим.

Торжественные слова возносились к светлевшему, наливавшемуся голубизной небу. Туман опустился до колен, и казалось, что долина утопает под снежным покровом, тянувшимся до подножия холмов. Их склоны, заросшие кустарником, над которым возносились сосны, тисы, бамбук и гигантские стволы железных деревьев, обрели ясные очертания и больше не выглядели загадочными далекими силуэтами с японских картин. На лианах, обвивавших железные деревья, распустились и засияли в первых лучах зари огромные цветы. На западе, словно фон этого яркого полотна, возносился темный каменистый обрыв, покрытый синевато-серыми пятнами лишайника. Повсюду с гор струились серебристые потоки водопадов.

Все это было уже знакомо Джил Галбира — и, однако, вызывало трепет страха и удивления. Кто же создал эту долину, протянувшуюся на много миллионов миль? И зачем? Каким образом и во имя чего были воскрешены на этой планете она сама и еще тридцать шесть или тридцать семь миллиардов человеческих существ? Каждый из живших на Земле с 2 000 000 года до нашей эры вплоть до начала третьего тысячелетия земной цивилизации восстал после смерти. Исключение составляли лишь дети до пяти лет, умственно отсталые и безнадежно больные — больные душевно, не телесно.

Кто это совершил? Для чего?

В Мире Реки ходило много странных, волнующих, безумных толков и легенд о таинственных созданиях, что появлялись на краткий миг под видом нищих странников или пророков.

— Вы слушаете меня? — прервал ее размышления Файбрас.

— Могу повторить от слова до слова всю вашу речь,— парировала Джил.

Она немного лукавила слушая в пол-уха и воспринимая лишь самое существенное — как антенна, настроенная на нужную волну.

Повсюду из хижин появлялись люди. Они потягивались, кашляли, закуривали сигареты, шли в отхожие места, расположенные за бамбуковыми перегородками. Некоторые, держа в руках цилиндры, торопились к Реке. Одни, без страха перед утренней прохладой, выходили лишь в набедренных повязках; другие, закутанные с ног до головы, походили на бедуинов или привидений.

— Ну,— вновь обратился Файбрас к Джил,— вы готовы дать присягу? Или хотите поразмыслить?

— Я никогда не отказываюсь от своих слов. А вы? Относительно меня, конечно.

— Сейчас речь идет не обо мне,— он вновь усмехнулся,— а о вас. Дав клятву, вы три месяца будете проходить испытание; затем народ решает, предоставить вам право гражданства или нет. Только после этого вы становитесь жителем Пароландо — если я не наложу «вето» на решение народного собрания. Ну, как?

— Идет!

Описанная Файбрасом процедура ей не понравилась, но что могла она поделать? Уходить отсюда Джил не собиралась; к тому же, все это время они, ничего не подозревая, тоже будут у нее на испытании.

В воздухе теплело. Небо на востоке разгоралось, и свет больших звезд померк. Раздались звуки трубы.

В центре равнины возвышалась шестиярусная башня из бамбука; на ее вершине стоял высокий чернокожий горнист в пунцовом набедреннике.

— Настоящая медь,— гордо объявил Файбрас.— Недалеко от нас, вверх по Реке, есть месторождения меди и цинка. Мы бы, конечно сумели их отвоевать, но Сэм не любил пускать в ход силу. Собственно, если не считать мелких стычек, мы воевали по-настоящему только один раз,— лицо Файбраса стало задумчивым.— Там, на юге,— он махнул рукой,— было государство Соул Сити с большими залежами криолита и бокситов... Они меняли руду только на оружие,

и дело кончилось плохо. Словом, нам пришлось захватить те места, и теперь Пароландо простирается на сорок миль по обеим берегам Реки.

Мужчины понемногу разоблачались, пока не сбросили все, кроме обернутых вокруг талии пестрых кильтов, превратившись из арабов-кочевников в полинезийцев. Джил последовала их примеру. На ней была светло-серая юбочка; легкая полупрозрачная полоска ткани прикрывала грудь.

Обитатели равнины и предгорий собирались у Реки, сбрасывали одежду и прыгали в воду, вскрикивали от холода, вздымая тучу брызг.

Джил пребывала в сомнении. Она гребла день и ночь, с нее сошло семь потов, и Река манила к себе обещанием свежести. Что ж, рано или поздно ей придется разоблачиться у всех на глазах. Решившись, она сбросила кильт и повязку, стремглав помчалась к берегу и нырнула в воду. Когда стремительное движение помогло преодолеть первый озноб, она попросила у одной из купальщиц кусок мыла и принялась за дело всерьез. Несколько раз смыв пену, она вышла на берег, отряхнулась и энергично растерла тело.

Мужчины откровенно разглядывали высокую длинноногую смуглую женщину с маленькой грудью и широкими бедрами. У нее были короткие рыжеватые волосы и карие глаза. Она знала, что не блистает красотой; слишком длинный нос, чуть загнутый, как клюв ястреба, крупные, выступающие вперед зубы, доставшиеся ей, по-видимому, в наследство от темнокожей бабки. Но что тут поделаешь — да и стоит ли об этом задумываться?

Харди устремил взгляд на ее лобок с густыми золотистыми волосками. Кажется, он намерен ее добиваться; вид у шкипера был такой, словно он готов приступить к немедленной атаке.

Файбрас обошел грейлстоун и вернулся с копьем в руках. У рукоятки торчала огромная кость меч-рыбы. Он метнул копье, вонзившееся в почву рядом с каноэ, и пояснил:

— Знак для береговой охраны — теперь вы можете не беспокоиться о своей лодке. Ну, а сейчас Шварц подберет вам подходящее жилище и покажет окрестности. Встретимся в полдень вон у того железного дерева.

До него была сотня ярдов. Ствол, покрытый толстой корой с грубыми наростами, возносился к небесам на тысячефутовую высоту, мощные ветви тянулись на три сотни футов, огромные листья с красными и серыми прожилками походили на слоновьи уши. Корни пронизывали почву до скального основания равнины. Против этого гиганта были бессильны бури, огонь и стальные пилы.

— Мы зовем его Хозяином. Ждите меня там.

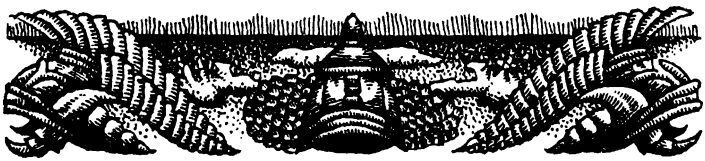
Вновь зазвучал горн. Файбрас кивнул головой и направился к людям, которые строились ровными шеренгами под присмотром командиров. Джил изумленно подняла брови — кажется, в этой стране дисциплину ценили превыше всего. Ее плеча коснулась тонкая рука Шварца:

— Дайте-ка мне свою чашу, Галбира.

Джил вынула из каноэ и протянула австрийцу серый металлический цилиндр. Он весил около полукилограмма; в метрической системе мер его высота составляла ровно 76 сантиметров, диаметр — 45,72. Закрытую крышку мог снять только его владелец. К ней крепилась ручка, к которой Джил привязала крошечный глиняный дирижабль со своими инициалами.

Шварц передал цилиндр одному из толпившихся вокруг грейлстоуна мужчин. Тот поспешно забрался наверх и тотчас спрыгнул обратно, с опаской поглядывая на вершины восточных гор; в запасе у него оставалось лишь две минуты. Над грядой показалось солнце, и сразу же поверх каменного гриба взметнулось футов на тридцать голубое пламя. Оглушительный треск электрического разряда смешался с грохотом других граалей по обоим берегам Реки. За многие годы Джил так и не привыкла к этим ежедневным взрывам — она вздрогнула и зажала уши ладонями. Отраженный от горного хребта гром раскатился гулким эхом. Еще несколько глухих раскатов — и все затихло.

Люди уселись завтракать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Низко скошенная трава колола ноги. Здесь, у подножья холма, в прохладной тени железного дерева, расположилась маленькая деревушка с квадратными и круглыми хижинами. С нижней ветки колосса спускалась веревочная лестница. Она вела к домику-гнезду, торчавшему, словно елочная игрушка, на подмостье меж двух огромных сучьев. В темно-зеленой кроне виднелось множество таких же воздушных жилищ; каждое — со своей лесенкой.

— После испытательного срока вы можете выбрать что-нибудь подходящее на втором этаже, — Шварц кивнул в сторону дерева. — А пока — вот ваш дом.

Джил перешагнула порог. Наконец-то ей не нужно кланяться каждый раз дверной притолоке! Большинство людей делают в своих жилищах слишком низкие двери — по росту. Она положила на пол свой узел и цилиндр. Шварц вошел следом.

— Дом принадлежал чете, погибшей в пасти речного дракона, — сказал он. — Эта тварь выскочила из воды так, будто ею выстрелили из пушки, и пробила головой корму рыболовного судна. К несчастью, там стояла эта пара. Дракон проглотил их вместе с лагом. Это случилось уже после прекращения воскрешений, — он сделал паузу, подняв глаза к потолку, и задумчиво закончил: — По моему, они прекратились всюду. А вы ничего не слышали о новых воскрешениях за последнее время?

— Нет, не слышала.

— Как вы думаете, почему они прекратились после стольких лет?

— Не имею ни малейшего представления, — она страшилась говорить на эту тему. Действительно, почему их лишили дара бессмертия? — Да и черт с ними, — добавила она вслух.

Джил огляделась. Пол в доме зарос жесткой травой, доходившей ей до бедер и нещадно коловшей ноги. Надо будет скосить ее до основания, а потом засыпать пол песком. Впрочем, все равно с одного раза не удастся с ней покончить. Корни уходили в глубину, переплетаясь между собой, и трава лезла вверх даже без солнечного света. Ее придется выдирать вместе с корнями.

На стене висел металлический серп. Здесь, в Пароландо, к металлу уже привыкли, и никто не позаимствовал орудие, столь нужное в каждом доме.

Она двигалась медленно, стараясь не оцарапать ноги острыми стеблями. На бамбуковом столе стояла кружка; рядом — пара позеленевших глиняных кувшинов, большой и поменьше. На крючке висело ожерелье из рыбьей кости. Две бамбуковые койки с подушками и матрасами из полотнищ, скрепленных магнитными кнопками и набитых сухой листвой, едва виднелись в густой траве. К стене была прислонена арфа, своеобразный инструмент из панциря черепахи и рыбьих кишок.

— Все это выглядит не очень заманчиво,— заметила Джил.— Надеюсь, что мне не придется тут долго жить.

— Зато здесь просторно,— улыбнулся Шварц.— Места хватит и для вас, и для вашего будущего друга.

Джил схватила серп и обрушила его на траву. Стебли сыпались как головы — «вжик — аааах, вжик — аааах!»

Шварц смотрел на нее, словно опасаясь, что тоже падет жертвой ее атаки.

— Почему вы так уверены, что мне нужен любовник?

— Почему, почему? Да потому, что это всем нужно.

— Не всем! — она повесила серп на крюк и огляделась. Кому еще грозит участь капитана Кука?

Она полагала, что Шварц потянет ее в постель — все мужчины одинаковы. Но, видно, этому не хватало смелости. Джил облегченно вздохнула, но чуть заметная презрительная улыбка появилась на ее губах. Эта двойственность ей показалась странной: стоило ли презирать человека, который ведет себя пристойно и в соответствии с ее желаниями?

Но досада осталась. Обычно, если поклонник становился слишком агрессивным, Джил не задумывалась. Жестокий удар в пах, в живот или ребром ладони по шее отрезвлял

многих. Кое-кто потом пытался ее убить, но она искусно владела ножом — да и любым другим оружием. Нет, врасплох ее не застанешь!

Давид Шварц даже не подозревал, что находился так близко к инвалидной коляске или к полной утрате мужского естества.

— Вы можете спокойно оставить тут свои вещи. У нас никогда не бывает краж.

— Все-таки я прихвачу чашу. Когда она не на глазах, чувствуешь себя как-то неуютно.

Он пожал плечами и достал из висевшей на плече кожаной сумки сигару.

— Не здесь,— предупредила она.— Это мой дом, и я не желаю, чтобы тут дымили.

Австриец удивленно взглянул на Джил и вновь пожал плечами. Выйдя из хижины, он тут же закурил и всю дорогу энергично пускал дым в ее сторону.

Джил решила воздержаться от резких замечаний. Не стоило его беспрестанно одергивать и раздражать. Она здесь на испытании, и она — женщина; к тому же, Шварц занимает высокое положение и близок с Файбрасом. Нужно смириться, спрятать гордость в карман.

Стоит ли? На Земле, стремясь к своей единственной цели — стать командиром дирижабля,— она получала достаточно оплеух. Потом, вернувшись домой, в ярости била посуду и размалевывала стены ругательствами. Конечно, все это ребячество, но после дюжины тарелок спокойствие возвращалось к ней. Однако, здесь будет еще хуже. Уйти отсюда невозможно — другого места для нее нет. Только в Пароландо будет построен дирижабль, уникальный аппарат, единственная ее надежда.

Шварц остановился у подножья холма. Он показал на аллею раскидистых сосен, в конце которой маячил длинный сарай.

— Ближайшее к вам отхожее место. Здесь будете по утрам опоражнивать свой ночной горшок. В одно отверстие — мочу, в другое — экскременты.

Он помолчал и добавил:

— Обычно нужники чистят те, у кого не кончился испытательный срок. Содержимое доставляется на пороховой за-

вод для переработки и подается на шнек. Конечный продукт пищеварения — калиевая селитра и...

— Да знаю я,— процедила она сквозь зубы,— не дурочка же. Всюду, где производят серу, используют такой же процесс.

Шварц приподнялся на носках, с удовольствием пыхнул сигарой, потянулся. Будь у него подтяжки, он бы щелкнул ими.

— Большинство испытуемых работает на этом заводе не меньше месяца. Малоприятное занятие, но прекрасно дисциплинирует. Кроме того, отсеиваются непригодные.

— Нон карборундум иллегитиматус,— произнесла Джил.

— Что такое? — небрежно переспросил он.

— Это латынь. Правда, несколько вульгарная. А переводится так: «Не позволяй невеждам поучать себя». Зарубите себе на носу — ради серьезного дела я могу собирать любое дерьмо.

— Да вы грубиянка!

— Конечно. Но если вы — мужчина, а не одуванчик, то должны быть таким же. Впрочем, в этой стране могут быть другие порядки. Слишком много цивилизации...

— Как мы здесь изменились,— он говорил медленно и горько.— Не всегда, правда, к лучшему. Если бы мне в 1893 году сказали, что я буду выслушивать от женщины,— не проститутки или фабричной девчонки, а от женщины из общества — грубые непристойности и мятежный...

— А вы чего хотели? Восхищенного сюсюканья? — резко бросила она.

— Позвольте, я закончу: и мятежный суфражистский вздор... Если бы мне сказали, что это нисколько не поразит и не оскорбит меня, я бы назвал того человека лжецом. Но век живи, век учись... вернее,— умри и учись.

Он замолчал и посмотрел на нее. У Джил дернулся уголок рта, глаза сузились.

— Стоило бы как следует отделать вас... но мне тут жить. Что ж, перетерплю.

— Вы совершенно не поняли меня. Я сказал: век живи, век учись. Я уже не Давид Шварц образца 1893 года. Думаю, что и вы не та Джил Галбира... когда вы умерли?

— В тысяча девятьсот восемьдесят третьем.

Они продолжали путь в молчании. У Джил на плече лежал бамбуковый посох, к которому она подвесила чашу. Шварц показал на ручей, бравший начало от горного водопада. Меж двух холмов он разливался в крошечное озерцо. Посередине в лодке застыл человек с бамбуковой удочкой в руках. Ей показалось, что рыбак похож на японца.

— Ваш сосед,— произнес Шварц.— Его настоящее имя — Охара, но он называет себя Пискатором. Слегка помешан на Исааке Уолтоне, которого может цитировать страницами. Утверждает, что каждому человеку нужно лишь одно имя, поэтому и выбрал себе — Пискатор... Рыбарь... Впрочем, латынь вы, кажется, знаете. Рыбак он действительно страстный, и потому в Пароландо его обязанность — охота на речных драконов. Но сегодня он свободен.

— Очень интересно,— отозвалась Джил. Похоже, сейчас ей сообщат нечто малоприятное — уж очень саркастической была усмешка Шварца.

— Возможно, он станет первым членом экипажа дирижабля. В Японии он был морским офицером, а во время первой мировой войны служил в британском флоте инструктором по подготовке пилотов дирижаблей. Затем — в том же качестве — работал в морской авиации Италии, бомбившей австрийские базы.

— К тому же, он — мужчина,— Джил улыбалась, скрывая кипевшую внутри ярость.— И хотя опыта у меня намного больше, его пол — изрядное преимущество.

Шварц отвернулся.

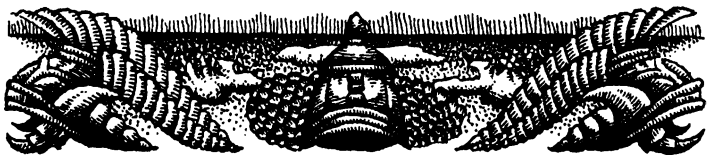
— Я уверен, что Файбрас будет отбирать людей в команду, руководствуясь лишь их квалификацией.

Она не ответила.

Шварц помахал рукой человеку в лодке. Улыбаясь, тот привстали поклонился. Затем сел обратно, бросив взгляд на женщину. Джил показалось, что ее пронзили лучом радара. Она была мгновенно взвешена, измерена и оценена — от кончиков пальцев до самых тайных закоулков души.

Воображение, конечно, не больше. Но Шварц, добавивший: «Этот Пискатор — человек необыкновенный» — был по-видимому, прав.

Она удалялась от озера, чувствуя на своей спине обжигающий взгляд черных глаз.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Темнота поглотила все, внутри царила ночь с бледными змейками — проблесками света. Затем в пустыне безвременья вспыхнул, словно из кинопроектора, яркий луч. Вспышка, на самом деле — бесшумная, громом отозвалась в ее мозгу. На экране, появившемся неведомо откуда, замелькали обрывки картин и слов — словно символы какого-то нерасшифрованного кода.

Самое страшное, что изображение, кажется, шло вспять, неслось в прошлое галопом бешеного мустанга. Это был документальный телевизионный фильм для сонма глупцов — зрителей дурацкого ящика. Но крутившаяся обратно лента в техническом отношении оставалась великолепной. Яркие кадры вспыхивали и менялись со сказочной быстротой, взывая к воспоминаниям, словно картинки иллюстрированной книжки, когда их листают от конца к началу. Но где же текст? Разве это ее мысли? Нет, она не узнавала ни прообразов, ни сюжета. Впрочем, сюжет был, но как бы нахватанный из разных пьес, сведенных воедино. Да, из множества пьес. Она почти уловила смысл — тут же опять ускользнувший от нее.

Застонав, Джил проснулась, открыла глаза и услышала стук дождя по тростниковой крыше.

Сейчас она припомнила начало сна. Это был сон во сне, или она вообразила все сновидением, хотя не испытывала в том уверенности. Тоже шел дождь, она внезапно очнулась... кажется, так было на самом деле? Та, другая хижина — далеко, за двадцать тысяч миль отсюда, но все здесь похоже, и мир за стенами ее домика не сильно отличался от прежнего. Она перевернулась на бок, протянула руку... Рядом была только пустота.

Вскочив, она в панике огляделась. Яркая вспышка молнии осветила комнату, и она поняла, что Джека с ней нет.

Джил выбежала под дождь, но и там не было никого. Он ушел, но куда, почему?

Только один человек мог объяснить ей все, но он тоже исчез этой ночью, бросив свою подругу. Джил поняла, что мужчины, случайные приятели, бежали вместе.

Почему Джек так безжалостно покинул ее? Чем она провинилась? Тем ли, что он больше не хотел терпеть женщину, не желавшую быть в их содружестве на вторых ролях? Или его вновь охватила жажда странствий? Как бы то ни было, но его нет, он бросил ее, ушел — решительно и бесповоротно, как истый американец.

С тех пор она жила без мужчины. Джек был лучшим из них; последний — всегда лучший, но тоже далек от идеала.

В состоянии полной подавленности она встретилась с Фатимой, молоденькой турчанкой с миндалевидными глазами. Девушка была одной из многочисленных наложниц Магомета Четвертого (правившего Турцией в 1648-87 годах), но никогда не делила ложа со своим повелителем. В серале было полно других пленниц, и они предпочитали любить себе подобных. Она стала фавориткой Касимы, бабушки Магомета, но их отношения оставались платоническими, без лесбиянства.

Мать правителя — Туркан-хатун — всеми силами стремилась лишить Касиму власти. Однажды старую владычицу схватили подосланные Туркан убийцы и задушили в спальне шнурами от занавесей. Фатима разделила участь своей покровительницы.

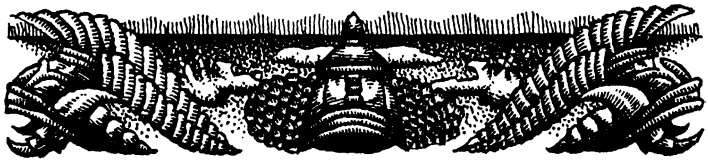
Джил подобрала Фатиму и сделала своей подругой после ссоры турчанки с ее возлюбленным — французским танцовщиком, умершим в 1873 году. Вначале она относилась к девушке довольно равнодушно, но будучи натурой страстной, легко возбудимой, со временем увлеклась ею. Фатима, совершенно невежественная и, что еще хуже, невосприимчивая к любому влиянию, была особой самовлюбленной и инфантильной. Джил прожила с ней около года. Однажды девушку схватили три пьяных пенджабца (родившиеся за 1000 лет до н.э.), изнасиловали и убили. Джил впала в отчаяние. Она не верила в ее гибель. Однако к тому времени воскрешения прекратились, и уже никто не возвращался к жизни на каком-нибудь другом, далеком берегу бесконечной Реки.

Но раньше, чем предаться скорби, Джил поразила стрелами убийц. Эти тоже не воскреснут.

Годом позже до нее дошли слухи о строящемся где-то на Реке громадном дирижабле. Поверив в это сразу и безоговорочно, она, тем не менее, долгие месяцы жадно ловила все новости с Низовья. Потом ринулась на поиски.

Путь оказался долгим и тяжелым, но теперь она была у цели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В газете «Ежедневные вести» (владелец — государство Пароландо, издатель — С.К.Бегг) на первой странице помещена «Памятка читателю»:

«В соответствии с законом читатель обязан по прочтении номера на следующий же день вернуть его для общественного пользования. При необходимости газету можно употребить в качестве туалетной бумаги. В этих целях мы весьма рекомендуем страничку писем к издателю. Невыполнение закона влечет за собой первое наказание — общественное порицание, второе — конфискацию недельной выпивки, третье — вечное изгнание.»

В разделе «Новоприбывшие» крупным шрифтом было набрано: «Джил Галбира».

«Вопреки мнению некоторых лиц, мы сердечно приветствуем прибывшую к нам женщину — кандидата на гражданство в нашей стране. В это воскресенье перед четырьмя нашими крупными общественными деятелями из предутреннего тумана предстала великанша. Несмотря на легкое опьянение и связанную с этим определенную расплывчатость мыслей, квартет все же догадался, что гостья проделала путешествие длиной в двадцать тысяч миль, чтобы достигнуть наших благословенных берегов. Она совершила этот путь одна в каноэ, будучи в здравом рассудке и абсолютно трезвой. Единственная цель ее одиссеи — воочию убедиться в истинности нашего проекта — строительства дирижабля. Пока неизвестно, станет ли она капитаном воздушного корабля, но, по ее мнению, это необходимо для общественного блага.

Несколько глотков божественного напитка дали возможность нашему квартету в какой-то мере выдержать атаку незнакомки. (Один из очевидцев так описывает ее: «Она подобна закованной в броню Минерве со стальными нервами и потрясающей самоуверенностью.»)

Знаменитая четверка потребовала от нее верительных грамот. Подтверждение было достаточно веским и впечатляющим. Один из наших уважаемых сограждан, у

которого ваш бесстрашный корреспондент Роджер Блай взял по этому поводу интервью, утверждает, что предполагаемая мисс Галбира — безусловно, та, за которую себя выдает. Хотя они не встречались в земной жизни, тем не менее, ему приходилось читать о ней в различных журналах и даже однажды лицезреть по телевидению (изобретение середины двадцатого века, до которого ваш корреспондент, к счастью, не дожил).

Эта женщина сейчас мало похожа на прежнюю Джил Галбира, но она явно не их тех многочисленных самозванцев, что разгуливают в долине Реки.

Бюро статистики рождаемости (или, вернее, — смертности) предоставило нам следующую информацию: Галбира Джил (псевдоним). Женщина. Урожденная Дженет Ред. Появилась на свет 12 февраля 1953 года в Тумумбе, Квинсленд, Австралия. Отец — Джон Джордж Ред. Мать — Мери Броунз Ред. Происхождение — шотландско-ирландское, французское (с примесью еврейской крови), австралийское (аборигены). На Земле замужем не была. Училась в школах Канберы и Мельбурна. Окончила Массачусетский Технологический Институт по специальности аэронавтика со степенью магистра. Имеет права гражданского пилота (реактивные и турбовинтовые лайнеры) и права аэронавта (все виды аэростатов). Штурман-инженер дирижабля Западно-германской грузовой службы при правительстве Нигерии (1977-78). Пилот дирижабля Геофизической Службы Соединенных Штатов (1978). Пилот дирижабля шаха Кувейта (1980-81). Инструктор флотилии дирижаблей Британских воздушных сил (1982). В 1983 году — единственная женщина-капитан в западном мире. Провела в воздухе 8342 часов.

Погибла 1 апреля 1983 года при автомобильной катастрофе (Хоуден, Англия) накануне вступления в должность командира нового цельнометаллического дирижабля «Виллоуз-Гуденз».

Профессия: очевидна из вышеизложенного.

Имеет навыки: игры на флейте, стрельбы из лука, фехтования, кэндо, верховой езды, преподавательской работы, специалист в области военных наук.

Если судить по ее встрече с достопочтеннейшим Сирано де Бержераком, на Земле она весьма мило обходилась со своими поклонниками: кулаком в живот, коленом в челюсть, одно мгновение — и Сирано — «ор де комба»[1].

[1] вне боя *(франц.)*

Этот демарш последовал без промедления за несанкционированным манипулированием ее бюстом. Разъяренный француз немедленно вызвал бы на дуэль любого обидчика, но бороться с дамой — стать «эмбесиль»[1], — таков закон его времени и нации. Кстати, оплошность Сирано усугубляется тем, что он не получал никаких авансов — ни взглядом, ни словом.

Вчера после ужина ваш неустрашимый и предприимчивый корреспондент подошел к двери Джил и постучал. Из хижины донеслись некие недвусмысленные звуки вместе с раздраженным голосом: «Какого черта вам надо?» Очевидно, предмету нашего интервью была известна личность гостя.

— Мисс Галбира, я — Роджер Блай, репортер «Ежедневных вестей». Мне бы хотелось взять у вас интервью.

— Ладно, только придется подождать. Я сижу на горшке.

Коротая время, ваш корреспондент закурил сигару, которую позже надеялся использовать для освежения воздуха в хижине. Там раздался плеск воды, затем послышался голос:

— Входите, но не закрывайте двери.

— Охотно,— согласился ваш храбрец.

Предмет интервью располагался у стола, покуривая травку. Букет запахов сигары, продукта недавней деятельности хозяйки, дыма нескольких восковых свечей создавали неописуемый аромат.

— Мисс Галбира?

— Нет — миз.

— Что это значит?

— Вы хотите знать мое мнение по этому поводу или действительно не понимаете? Здесь вполне достаточно людей моего времени. Вы что, никогда не слышали раньше — миз!

Ваш корреспондент сознался в своем невежестве, но объект, не тратя времени на просвещение мистера Блая, вопросил:

— Каково положение женщин в Пароландо?

— Днем или ночью? — поинтересовался мистер Блай.

— Пожалуйста, без острот,— прервала миз Галбира.— Лучше позвольте мне сформулировать свою мысль в доступной для вас форме. По законам, то есть теоретически, женщины здесь имеют равные права с мужчинами. А практически — каковы между ними отношения?

---

[1] глупцом *(франц.)*

— Боюсь, что весьма разнузданные, — ответил интервьюер.

— Я дам вам еще один шанс, — сурово заявила хозяйка. — Но только один, а потом вы, болван этакий, вылетите отсюда вместе со своей вонючей сигарой.

— Тысячу извинений, — не уступал неустрашимый корреспондент, — но дело в том, что это я пришел у вас брать интервью, а не «вис-верса»[1]. Почему бы вам не попросить самих женщин задуматься об их отношениях с мужчинами? Или возглавить крестовый поход суфражисток? Или подвигнуть женскую часть населения на постройку собственного, совершенно отдельного дирижабля?

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Это мне и в голову не приходило, — не дрогнув, возразил мистер Блай. — Здесь собрались люди нового времени, хотя из двадцатого века их не так много. Цель Пароландо — строительство дирижабля, для чего в рабочее время установлена железная дисциплина. Но в свободные часы граждане могут заниматься чем угодно, кроме нанесения вреда окружающим. Однако, вернемся к основной теме. Дабы нам впоследствии не запутаться, объясните, что означает «миз»?

— Вы опять ломаете передо мной комедию?

— Нет, готов поклясться на Библии, если бы она здесь была.

— Коротко говоря, это обращение, принятое членами женского освободительного движения в шестидесятые годы. Термин «мисс» или «миссис» подчеркивает лишь сексуальные взаимоотношения с мужской половиной. Быть мисс — значит, быть незамужней, и если женщина уже в брачном возрасте, то это вызывает презрительное отношение со стороны мужчин. Кроме того, им нужны жены — в силу чего мисс должна умереть, обратившись в миссис. Таким образом, женщина, лишенная значения как личность, рассматривается в качестве принадлежности своего супруга и становится гражданином второго сорта. Например, с какой стати мисс должна носить имя своего отца, а не матери?

— В этом случае, — отважился заметить интервьюер, — она все равно носит мужское имя — своего деда по матери.

— Совершенно верно. Вот почему я поменяла свое — Дженет Рей — на Джил Галбира. Отец при этом встал на

---

[1] противоположным образом, наоборот *(франц.)*

дыбы, да и мать серьезно протестовала. Впрочем, она — типичная тетушка Дора, совершенно безмозглая.

— Очень интересно, — заметил мистер Блай. — Галбира? Что же это за имя? Славянское? Почему вы его выбрали?

— Вы просто невежда. Оно заимствовано у австралийских аборигенов. Галбира — вид кенгуру. Они ловят собак и пожирают их.

— Кенгуру, которые питаются собаками? А я-то думал, что они все вегетарианцы.

— Да, сейчас таких нет. Но аборигены рассказывали, что когда-то они жили в глухих местах континента. Возможно, это миф, но какая разница? Будем считать мое имя символическим.

— Значит, мы должны отождествлять вас с собакоядным кенгуру — галбира? Могу себе представить, кто выступает в качестве собак!

Тут миз Галбира улыбнулась столь зловеще, что ваш корреспондент почувствовал необходимость поддержать свое мужество глотком горячительного из фляги, которая, как и перо с бумагой, всегда при нем.

— Я выбрала свое имя совсем не из симпатий к австралийской культуре, — заявила миз. — Да, я на четверть аборигенка, так что же? Это насквозь мужская шовинистическая идеология. Женщины у австралийцев — объект подавления, рабства, на них лежали все тяжелые работы, их избивали отцы и мужья. Многим мужчинам исчезновение культуры аборигенов казалось трагедией, но я полагаю, что это прекрасно. Правда, я сочувствовала испытаниям, сопутствующим дезинтеграции.

— Дезинтеграция, как и дефлорация, обычно не обходятся без боли, — вставил мистер Блай.

— Девственность? Еще один миф, выдуманный мужчинами для самовозвеличивания, — едко заметила миз Галбира. — К счастью, за годы моей земной жизни отношение к этому вопросу коренным образом изменилось. Но вокруг еще полно свиней, ископаемых кабанов, как я их называю, которые...

— Все это чрезвычайно интересно, — осмелился прервать тираду ваш храбрец, — но я полагаю, мы сохраним эти соображения для странички «Писем к издателю». Мистер Бегг печатает любые заметки в оригинальном исполнении, не меняя стиля и крепких выражений. А сейчас читателям хотелось бы узнать о ваших профессиональных планах. Как вы намерены содействовать проекту «Дирижабль»? И как представляете свое положение в его иерархии?

К этому времени тяжелый едкий дым марихуаны заглушил все остальные запахи. Глаза миз, расширенные наркотиком, сверкали мрачным огнем. Ваш корреспондент вновь почувствовал необходимость поддержать стремительно убывающую отвагу еще одним глотком божественного напитка.

— Рассуждая логически и учитывая мои знания, опыт и способности,— она заговорила медленно, но громко,— мне следует поручить все руководство проектом. И я должна стать капитаном дирижабля! Мне удалось выяснить квалификацию некоторых деятелей, связанных с проектом, и я ни минуты не сомневаюсь, что превосхожу их по всем статьям. Но почему-то мне не доверили руководство. Мою кандидатуру на пост капитана даже не рассматривали! Почему?

— Не объясняйте мне,— прервал ее ваш неустрашимый. Возможно, он слишком расхрабрился от жидкости, струившейся в его жилах и притупившей свойственное ему чувство самосохранения.— Не объясняйте! Позвольте мне отважится на догадку. Я, кажется, нашел причину. Вероятно, она связана с основной вашей позицией: все это происходит потому, что вы всего лишь женщина.

Объект интервью одарил вашего корреспондента гипнотическим взглядом, и сделал еще одну затяжку, глубоко втянув дым в легкие и выпустив его через ноздри. Мистеру Блаю эти зловещие манипуляции напомнили картину с драконами, виденную им в земной жизни. Однако он не рискнул обратить внимание собеседницы на сходство.

— Да, вы догадались правильно. Возможно, вы не такой идиот, как мне показалось вначале.

Затем, ухватившись за край стола — так, что скрипнула дубовая доска — она выпрямилась на стуле.

— Но что вы имели в виду, сказав «всего лишь женщина»?

— О, это только словесный оборот,— поспешил заверить ваш корреспондент, внутренне содрогнувшись.— У меня, видите ли, иронический склад ума и...

— Будь я мужчиной,— ответила миз,— от чего Господь меня уберег, то в два счета стала бы первым номером... и вы, алкоголик вшивый, не посмели надо мной насмехаться!

— О, вы ошибаетесь,— заявил ваш храбрец,— я совсем не смеюсь над вами. Но есть один момент, который вы не приняли во внимание. Еще задолго до постройки второго судна (первое захватил король Джон) было решено, что во главе проекта встанет Файбрас. Нынешняя си-

туация полностью соответствует конституции Пароландо, которую вы должны знать, поскольку он лично вам ее продекламировал. Вы ее усвоили и, дав клятву, приняли ее. Так к чему же все это чириканье?

— Значит, вы, клоун несчастный, так ничего и не поняли! Суть в том, что от вашей хартии разит мужским шовинизмом. Следовательно, она может быть нарушена.

Ваш корреспондент еще раз хлебнул самую малость бодрящего напитка.

— Но ведь все не только уже решено, но и выполнено. Даже если некто, столь опытный, как вы, и будет допущен к работам, то все равно он может стать только вторым — помощником руководителя проекта капитана Файбраса и первым членом экипажа. Но не больше.

— Но ни у кого из них нет опыта офицера с «Графа Цеппелина». Послушайте, я сейчас вам все объясню...

— Здесь слишком жарко и накурено для научных дискуссий, — заметил ваш корреспондент, вытирая пот со лба. — Я, собственно, хотел бы побольше узнать о вашем происхождении и о некоторых подробностях прежней жизни. Вы же представляете, что такое людское любопытство. Скажем, весьма интересно выяснить ваше состояние после Дня Воскрешения, а также...

— Вы надеетесь, что ваше мужское обаяние заставит меня вывернуться наизнанку? Может, вы еще хотите воспользоваться удобным случаем?

— Боже сохрани, — заверил мистер Блай, — это чисто профессиональный интерес и...

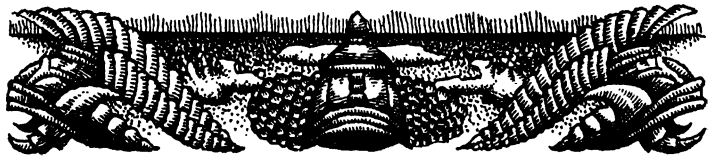
— Та-ак! — Она сделала еще одну затяжку. — Кажется, я вас вспугнула! Да, вы все одинаковы. Встретив женщину, у которой ума и воли побольше ваших, вы сразу же выпускаете пары и превращаетесь в проколотый шар! Да, в шар с дыркой!

— Истинная правда, миз Галбира, — заспешил ваш бесстрашный, чувствуя, как пылает его лицо.

— А теперь — вон отсюда, ничтожество!

Ваш корреспондент счел благоразумным подчиниться этому приказу. Так прошло незавершенное интервью!»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наутро Джил вынула из газетного ящика вчерашний выпуск «Вестей». По-видимому, кое-кто уже читал его и теперь вдоволь потешается над ней. Она раздраженно развернула газету на странице «Новоприбывшие», подозревая, что чтение не доставит ей радости.

Трясущимися руками Джил быстро листала страницы. Еще во время прежней жизни ей следовало привыкнуть к мысли, что люди типа Бегга способны печатать всякую чушь, но это интервью было просто омерзительным! Чего же иного можно было ждать от издателя грязного желтого листка из аризонского захолустья? Файбрас кое-что о нем порассказал.

Больше всего ее возмутила фотография. Они и не подозревала, что ее успели сфотографировать в то первое утро в Пароландо. Объектив увековечил ее в глупой, почти непристойной позе. Совершенно нагая, Джил сушила свою одежду, согнувшись так, что ее груди свисали словно коровье вымя, руки были растопырены и на каждой развевалось по длинному полотнищу. Она уставилась куда-то вверх, из разинутого рта торчали огромные зубы.

Конечно, фотограф сделал несколько снимков, но Бегг выбрал именно этот, чтобы сделать из нее посмешище.

Джил пришла в такую ярость, что чуть не забыла захватить свой цилиндр. Она повесила его на руку, словно оружие, которым собиралась раскроить голову Беггу, в другой зажала газету — тоже пригодится, как кляп,— и устремилась на штурм редакции. Однако, подойдя к двери сего почтенного заведения, она опомнилась и замерла у порога.

«Приди в себя, Джил! — подумала она.— Ты делаешь сейчас как раз то, на что рассчитывает он и вся эта грязная компания. Спокойней, думай головой, а не кулаками. Конечно, отхлестать его по щекам прямо в редакции было бы ог-

ромным удовольствием. Но тогда все задуманное рухнет. Нужно смириться. Нужно вытерпеть все.»

Держа в руке чашу, Джил медленно побрела домой и по пути дочитала газету. Оказывается, Бегг злословил, клеветал и порочил не только ее. Сам Файбрас, весьма благородно отозвавшийся о ней, тоже подвергся нападкам — и издателя, и читателей. Страничка «Вокс попули» была заполнена их письмами, критикующими политику главы государства.

Джил уже миновала лощинку меж двух возвышенностей и поднималась извилистой дорожкой на следующий холм, когда сзади послышался чей-то голос. Обернувшись, она увидела Пискатора. Широко улыбаясь, японец догонял ее. Он заговорил на превосходном английском, как истый питомец Оксфорда.

— Добрый вечер, гражданка. Позвольте мне сопутствовать вам. Совместный путь будет короче и приятнее, не так ли?

Джил натянуто улыбнулась. Он говорил очень серьезно, с изысканной вежливостью семнадцатого столетия. Водруженный на голове цилиндр из рыбьей кожи с загнутыми вверх полями, похожий на убор пилигрима из Новой Англии, довершал общее впечатление старомодности. На полях шляпы светлыми мушками сверкали ряды мелких алюминиевых фигурок. С плеч Пискатора спускалась черная закрытая блуза, темно-серый кильт и красные сандалии завершали его туалет. На плече он нес бамбуковую удочку, в руке держал цилиндр-кормушку, прижимая локтем к боку несколько свернутых в трубку газет.

Для японца он был довольно высокого роста — его макушка доставала почти до носа Джил. Правильные и тонкие черты лица напоминали скорее европейца, чем азиата.

— Полагаю, вы уже прочитали газету? — спросила Джил.

— К сожалению, целых три. Но ничуть не удручен. Как предупреждал Соломон в Притче XX14-9: «То — мерзость человеческая!»

— Я бы предпочла сказать — людская,— заметила она.

Он посмотрел на нее с недоумением.

— Но ведь?.. Ах, да, понимаю. Вы, очевидно, подразумеваете под человеком мужчину. Но это слово обозначает и мужчин, и женщин, и детей.

— Да, я знаю,— она стояла на своем.— Я знаю. Тем не менее, говорящие всегда относят его к особам мужского пола. А когда речь идет о людях, то действительно имеют в виду и женщин, и мужчин.

Пискатор глубоко вздохнул. Джил ожидала нейтральное — «Ах, так!», но вместо этого он неожиданно сказал:

— У меня в сумке три отличные рыбины. Не знаю, как они называются здесь, но по виду очень напоминают земных линей. Правда, те не так вкусны, как хариусы. Водятся они в быстрых речках, очень верткие и сильные рыбки.

Джил заподозрила, что английский он изучал по «Руководству для рыболовов».

— У вас нет желания разделить со мной трапезу? К закату я приготовлю рыбу, и мы съедим ее прямо с пылу, с жару. А к ней у меня найдется бутылка-другая скулблума.

Так называлось местное вино, приготовленное из растущего на склонах гор лишайника. Его заливали водой в пропорции один к трем, добавляли высушенные и измельченные цветы железного дерева, и все это перемешивали. Смесь настаивалась несколько дней, приобретая пурпурный оттенок; тогда вино считалось готовым.

Джил была в нерешительности. Обычно она предпочитала одиночество и, в отличие от своих современниц, полагалась лишь на собственные силы. Но сейчас ей пришлось вкусить уединения с избытком — ее одинокое путешествие по Реке заняло четыреста двадцать дней. Лишь вечерами она ужинала и разговаривала с случайными, совершенно чужими людьми. На берегах, мимо которых шел ее путь, обитали десятки миллионов — но она не увидела ни одного знакомого лица. Ни одного!

Правда, в течение дня она редко приставала к берегу, и рассматривала людей лишь издалека. Вечерние контакты также были весьма ограниченными. В том состоянии душевного смятения, что терзало ее, она могла так легко пропустить, не заметить людей, которых любила или отличала на Земле. А кое с кем Джил была бы не прочь здесь встретиться.

Больше всего она тосковала по Марии. Что чувствовала девушка, узнав о смерти Джил — своей любовницы (любовника?) — вызванной ее беспричинной ревностью? Не привело ли Марию ощущение вины к собственной гибели? Она была подвержена мании самоубийства и неоднократно угрожала покончить с собой, принимала какие-то пилюли, но каждый раз ухитрялась во время получить врачебную помощь. За их совместную жизнь она трижды была близка к смерти.

Нет, скорбь и самобичевание вряд ли тянулись у нее дольше трех дней. В последний раз она проглотила таблеток двадцать барбитурата и тут же вызвала к себе одного из близких друзей (Джил полагала — любовника). У нее мучительно сдавило сердце — вот сучка! Тот отправил ее в больницу, ей сделали промывание желудка, дали противоядие. Джил часами дежурила у постели что-то бессвязно бормотавшей Марии; девушка казалась одурманенной лекарствами — и, тем не менее, обдуманно манипулировала чувствами своей подруги. Никакой благодарности к Джил она, конечно, не испытывала. Эта сучка-садистка не раз позволяла себе оскорбительные выпады, а потом клялась, что ничего не помнит.

После больницы Джил решилась забрать ее к себе, даже не подозревая, чем это кончится. Она нежно ухаживала за ней, а потом... Разве она могла это вообразить! Сейчас Джил лишь посмеивалась над собой, хотя и не без горечи. Тогда же, тридцать один год назад, после жесточайшей ссоры, она в ярости выскочила из дома, села в машину и помчалась по дороге, не обращая внимания на красный свет.

И вдруг... слепящие огни, пронзительный гудок огромного грузовика — и ее «Мерседес-Бенц» отброшен на обочину шоссе. Она ощутила жгучую, невыносимую боль, чудовищные силы смяли и сокрушили ее.

Потом... Потом она проснулась обнаженной на берегу Реки среди множества других людей.

Ее тело тридцатилетней женщины было юным, как у девушки, без всяких следов ранений. И начался кошмар. Кошмар в раю? Но существует ли этот рай, если люди сделали все, чтобы превратить его в ад?

Тридцать один год. Время смягчило все горести, но не эту. До сих пор воспоминания о Марии вызывают странную смесь тоски, гнева и печали. Пора бы относиться к прошлому более объективно.

Разве Мария заслужила добрую память о себе? Тем не менее, она продолжала существовать в сердце Джил.

Внезапно она почувствовала взгляд Пискатора. Очевидно, он ждал ответа.

— Извините,— вздохнула она,— иногда меня уносит в прошлое.

— Нет, это я должен просить прощения. Но послушайте... Чтобы избавиться от тяжелых воспоминаний, люди прибегают к наркотикам, и это кончается гибелью. Есть другие пути...

— Нет, нет — Джил старалась сдержать охватившее ее раздражение.— Просто я слишком долго жила одна и приобрела привычку часто уходить в себя. Во время путешествия по Реке случалось так, что я теряла представление о времени и расстоянии. Проплыву миль десять и не могу вспомнить, что за места остались позади... все изменилось. Но работа требует постоянной сосредоточенности, тут нельзя зевать.

Она добавила последнюю фразу на всякий случай. Что, если Пискатор передаст ее слова Файбрасу? Рассеянность недопустима для пилота дирижабля.

— Не сомневаюсь в этом,— Пискатор улыбнулся.— Что же касается меня, то вы можете не опасаться соперничества. Амбиций я лишен начисто и вполне доволен своим положением, так как трезво оцениваю и мои знания, и способности. А Файбрас — человек справедливый. Меня значительно больше занимают мысли о цели нашего будущего полета — Таинственной Башне или Большой Чаше, как ее еще именуют. Я хочу отправиться туда и приобщиться к тайнам этого мира. Да, я не прочь пуститься в дорогу, но не горю желанием командовать. Мне не важно, в каком качестве я там окажусь. Бесспорно, я не обладаю вашей квалификацией и готов довольствоваться меньшим чином.

Джил помолчала. Этот человек принадлежал к нации, поработившей своих женщин; по крайней мере, так было в

его время — в 1886-1965 годы. Правда, после первой мировой войны там произошли некоторые сдвиги... Но, теоретически, он должен был разделять традиционное отношение японца к женщинам — чудовищное отношение. С другой стороны, люди менялись в мире Реки... пусть только некоторые...

Вы действительно так думаете? — спросила она.— Это ваше искреннее мнение?

— Я редко говорю неправду... разве только щадя чьи-то чувства или пытаясь избавиться от навязчивых дураков. Понимаю, о чем вы сейчас думаете. Может быть, вам удастся скорее понять меня, если я признаюсь, что одним из моих наставников была женщина. Я провел с ней десять лет... пока она не решила, что я немного поумнел, и могу отправляться к следующему учителю.

— Чем же вы занимались?

— Буду счастлив объяснить вам, но в другой раз. А сейчас позвольте вас заверить, что во мне нет предубеждения ни против женщин, ни против не-японцев. Все это со мной было, но подобная ерунда выветрилась много лет назад. Например, какое-то время после войны я был монахом секты дзэн. Кстати, вы имеете представление об учении дзэн-буддистов?

— После 1969 года о нем вышло много книг. Я кое-что читала.

— Ну, и что вы извлекли из этого чтения?

— Весьма немногое.

— Это естественно. Как я уже сказал, вернувшись с войны после демобилизации из флота, я обосновался в монастыре. К нам пришел новый послушник — белый человек, венгр. И когда я увидел, как к нему относятся, то внезапно осознал то, что до этой поры ощущал лишь подспудно, в чем боялся признаться самому себе: никто из последователей учения — ни ученики, ни наставники,— не избавлены от расовых предрассудков. Свободен от них только я. У них вызывали неприязнь и китайцы, и вьетнамцы, и монголы. Я понял, что учение Дзэн никому ничего не дает. Видите ли, в нем отсутствует цель. Точнее, его единственная задача — разрушить попытки достижения любой целью. Парадокс, не правда ли? Но это именно так.

— Другая бессмыслица — обязательное голодание. Возможно, состояние голода и просветляет разум, но способы его достижения я не мог принять. Я покинул монастырь и сел на судно, идущее в Китай. Какой-то внутренний голос звал меня в Центральную Азию. Потом начались долгие годы скитаний... — он замолчал, в раздумье опустив голову, и махнул рукой: — Впрочем, на сегодня хватит. Если вам угодно, мы продолжим в другой раз, а теперь... теперь мы уже дома. Адье, до вечера. Перед нашей встречей я зажгу два факела. Они будут видны из ваших окон.

— Но я же не сказала, что приду.

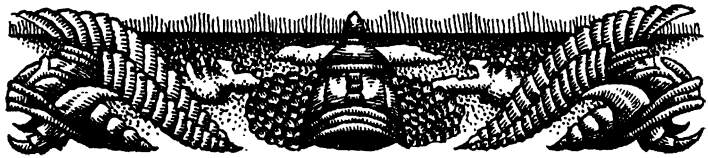
— Однако, вы уже согласились. Разве не так?

— Да, но как вы это поняли?

— Без всякой телепатии,— улыбнулся он.— Поза, движения, взмах ресниц, тон голоса обычно незаметны, но тренированный глаз может уловить, что вы готовы прийти сегодня вечером.

Джил не ответила. Она и сама не знала, рада ли приглашению. Даже сейчас. Но как ее раскусил Пискатор?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Метрах в двухстах от хижины Джил, на вершине холма, тянуло к небу чудовищные ветви железное дерево. Чуть ниже вершины, между двумя ручейками, уютно примостилось жилище Пискатора. Тыльная сторона здания врезалась в крутой склон холма, фасад опирался на колонны.

Дом был велик — три комнаты внизу, две — наверху. Прежде его занимала целая община выходцев с востока, но вскоре она распалась, и здесь поселился Пискатор. Джил не могла понять, зачем одинокому мужчине нужны такие хоромы. Может быть, как символ престижа? Но на японца это было не похоже.

По бамбуковой лестнице, тянувшейся вдоль фасада, она поднялась наверх. Вдоль перил, под разноцветными прозрачными абажурами, мерцали ацетиленовые светильники. На верхней ступеньке в пестром одеянии, похожем на кимоно, стоял улыбающийся хозяин дома. Он протянул Джил букет крупных цветов, сорванных с лозы, обвивающей железное дерево.

— Добро пожаловать, Джил Галбира.

Она поблагодарила и вдохнула аромат, напомнивший ей запах жимолости с легким душком старой кожи, — странное, но приятное сочетание.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, они оказались в самой просторной комнате дома. С высокого потолка — в три ее роста — свешивалось множество светильников в японском стиле. Мебель — тоже бамбуковая — была легкой и светлой. На простых стульях лежали мягкие подушки. Ножки столов и кресел, выточенных из дуба и тиса, покрывала прекрасная резьба, изображавшая головы животных, чертей, речных рыб и даже людей. Очевидно, резьба являлась делом рук ко-

го-то из прежних обитателей дома — в ней не чувствовалось японского колорита.

На полу стояли высокие вазы; их узкие горловины расширялись кверху, как распустившийся цветок. На столах с витыми ножками красовались майоликовые блюда — гладкие глазированные или расписные. Одни пестрели геометрическим узором, на других были изображены морские сюжеты из земной истории. Джил пригляделась. Римские триремы, переполненные матросами и воинами. Синие дельфины, играющие в зеленых волнах. Огромное чудовище разевает пасть, собираясь поглотить корабль. Оно до странности напоминало речного дракона — очевидно, художник не остался глух к впечатлениям местной жизни.

В проемах дверей висели, покачиваясь, нити с нанизанными белыми и красными позвонками меч-рыбы; когда их касались рукой, они издавали мелодичный звон. Стены покрывали циновки, сплетенные из тонких лиан. Окна затягивала прозрачная пленка из высушенных кишок речного дракона.

Подобной меблировки Джил здесь не видела ни у кого. Все было выдержано в том зародившемся в долине стиле, который многие называли культурой речной Полинезии.

Свет ламп с трудом пробивался сквозь густое облако табачного дыма. В углу, на невысоких подмостках, играл небольшой оркестр. Музыканты работали за плату — выпивку, но было ясно, что и сами артисты получают истинное удовольствие от игры. Они колотили по самодельным барабанам, дули в бамбуковые флейты и окарины, перебирали струны арф из рыбьих кишок, натянутых на панцири черепах; один пиликал на скрипке из тиса и тех же рыбьих кишок, терзая ее смычком, на который пошел ус синего речного дельфина. Звенел ксилофон, гудела труба, саксофонист выводил причудливые трели.

Музыка была незнакомой для Джил — вероятно, напевы американских индейцев.

— Будь мы с вами вдвоем, моя дорогая,— обратился к ней Пискатор,— я предложил бы вам чаю. Но здесь много народа, и это, к сожалению невыполнимо. Моя «кормушка» выдает мне раз в неделю лишь крошечный пакетик.

Вероятно, он до сих пор сохранял приверженность к чайной церемонии — любимой традиции японцев. Джил огорчилась. Не выпив в положенное время чашку чая, она, как и большинство ее соотечественников, чувствовала упадок сил.

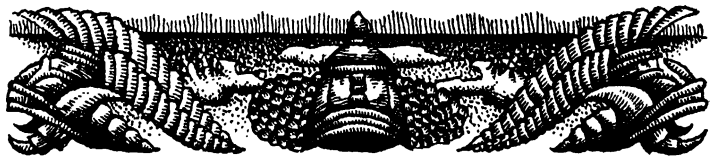
Стеклянным стаканом Пискатор зачерпнул из огромной чаши скулблум и подал ей. Джил потихоньку потягивала терпкое вино. Стоя рядом, японец говорил, как счастлив видеть ее у себя. Похоже, он не лукавил. Она тоже чувствовала к нему симпатию, хотя ни на минуту не забывала о его прошлом. Родиной Пискатора была страна, где мужчины видели в женщине лишь предмет сексуальных утех или рабочую лошадку; следовательно... Но тут она одернула себя (в который уже раз?): не будь как все, не поддавайся предубеждениям; узнай, пойми, а лишь потом — суди.

Хозяин вел ее по комнате, представляя гостям. Издали кивнул Файбрас. Тонко улыбаясь, поклонился Сирано. Сегодня она уже не раз с ним встречалась, но француз явно избегал ее, хотя и держался с безупречной и холодной вежливостью. Джил была огорчена; ей очень хотелось преодолеть возникшую между ними отчужденность и сблизиться с этим легендарным человеком — блистательной загадкой семнадцатого века.

Она кивнула Иезекиилу Харди и Давиду Шварцу, с которыми виделась в бюро и на заводе. Эти двое вели себя достаточно дружелюбно, полностью признав превосходство ее знаний и опыта. Но сама Джил, наблюдая их невежество и самонадеянность, часто приходила в ярость. Она старалась сдерживаться — пока. Но когда-нибудь ее терпению придет конец.

— Держись, Джил,— повторяла она,— не лезь в бутылку!

В жизни ей часто приходилось смирять свой нрав, и не всегда эти попытки завершались успехом. Сейчас даже японец вызывал у нее раздражение — этот Охара, придумавший себе такое глупое имя — Пискатор. В его спокойной вежливости есть что-то оскорбительное для ее самолюбия. Мóжет быть, высмеять этого божьего рыбаря — ну, хотя бы для собственного удовольствия? Нет, не удастся. В нем так сильна уверенность в своей правоте.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На завтра Джил представили женщине по имени Жанна Жюган. Пискатор рассказал, что она была служанкой в родной Франции, но позже стала одной из основательниц католического Ордена сестер бедноты, возникшего в 1839 году в Бретани.

— Я его ученица, — сказала Жюган, указывая на Пискатора.

Джил удивленно подняла брови: — «О-о!» Ей не удалось продолжить разговор, хозяин увел ее от собеседницы.

Поразительно, к скольким религиям, сектам и философским учениям был причастен Пискатор! Но он не принадлежал к последователям Церкви Второго Шанса. Ее члены носили на шее шнурок со спиральным позвонком меч-рыбы; иногда — деревянную плашку с указанием должности в церковной иерархии.

Такая эмблема висела на груди следующего ее собеседника, что свидетельствовало о его высоком сане епископа.

Смуглый низкорослый Самуил, человек с лицом ястреба, родился примерно в середине второго века нашей эры. По словам Пискатора, он был раввином еврейской диаспоры в Нихардии, в Вавилонии, и славился как толкователь религиозных догм и традиций. Самуил также знал толк в различных науках и создал календарь по еврейскому летоисчислению.

Кроме того, ему удалось привести в соответствие законы Торы с законами страны, где обитала его община. Этот нелегкий труд прославил его имя.

— Его принцип — законы государства незыблемы, — пояснил Пискатор.

Самуил представил свою жену — Рахиль, маленькую широкобедрую женщину с короткими ногами. Ее кожа была довольно светлой, а лицо поражало выражением неприкры-

той чувственности. Отвечая на вопросы Джил, она рассказала, что родилась в краковском гетто в четырнадцатом веке. Позже Пискатор добавил интересную подробность: ее, уже замужнюю, похитил какой-то польский вельможа и на целый год заточил в своем поместье. Потом Рахиль наскучила ему, и поляк выгнал любовницу, хорошо набив ее кошелек. Но муж не собирался прощать бесчестья; бедную женщину ждал нож.

Несколько раз Самуил отсылал Рахиль за соком, плескавшимся в большом кувшине на столе; однажды он жестом велел ей зажечь ему сигару. Она беспрекословно подчинялась, затем вновь занимала место за спиной мужа.

Джил молча наблюдала за ними, думая, что Рахили давно следовало бы избавиться от вековечного рабства, а Самуилу — от врожденного ощущения превосходства. Она живо представила его возносящим благодарственную молитву Богу за то, что он не родился женщиной.

Позже Пискатор скажет ей:

— По-моему, вас просто взбесили епископ и его супруга.

Она не поинтересовалась, каким образом японец догадался об этом. Задумчиво кивнув, Джил пробормотала:

— Должно быть, он испытал дьявольское потрясение, когда очнулся в этом мире и понял, что наш рай принадлежит не только богоизбранному народу. Здесь все — Божьи дети и Его избранники: идолопоклонники и каннибалы, пожиратели свинины и неверные необрезанные псы.

— Мы все были в потрясении и ужасе, не правда ли? — мягко заметил Пискатор.

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Да, конечно. Я — атеистка; и там, на Земле, всегда считала, что оставлю после себя только здоровую кучу праха. Очнувшись здесь, я почувствовала мучительный страх. Тогда — и позже, когда я уже успокоилась, — мне пришлось наблюдать столько странного и непонятного в этом мире, не похожем ни на рай, ни на преисподнюю...

— Я понимаю, — он тоже улыбнулся. — Интересно, что подумал Самуил, увидев, что все необрезанные воскресли тут без крайней плоти? Факт не менее поразительный, чем то, что у мужчин здесь не растет борода. С одной стороны, Бог совершил обрезание у всех неевреев, и это — правильно;

значит Он — еврейский Бог. Но разве может истинный Господь лишить мужчину бороды? Подобные противоречия меняют, меняли и будут менять наш образ мыслей.

Он подошел ближе, глядя на нее черными раскосыми глазами.

— Видите, твердокаменный рабби сменил религию. Я его понимаю. Ведь у приверженцев Церкви Второго Шанса есть великолепное объяснение, почему мы восстали из мертвых, кто и зачем это совершил. И должен заметить, они не так далеки от истины, когда считают, что вожделенная цель человечества и путь к ней открыты для нас неизвестными благодетелями. Но правда должна быть заключена в четких формулировках, а церковь с ее расплывчатыми догмами уводит с основного или, вернее, с правильного пути. Однако же, этот путь — не единственный.

— О чем вы толкуете? — с недоумением спросила Джил.— Совершенно, как в проповедях Церкви Второго Шанса.

— Вы поймете, если захотите,— ответил Пискатор и, извинившись, отошел к новому гостю.

Джил направилась к Жанне Жюган, собираясь расспросить ее, почему она именует себя ученицей Пискатора. Однако к ней подошел де Бержерак. Он приветливо улыбался.

— Ах, мисс Галбира. Я вновь должен извиниться перед вами за тот злополучный инцидент. Во всем виновато вино. Оно послужило причиной столь непростительного поведения... Впрочем, нет,— я все же надеюсь на прощение. Я редко бываю пьян; это случалось со мной лишь дважды. Алкоголь туманит рассудок и превращает человека в свинью, а я ненавижу это животное... и признаю его только в жареном виде. Но в ту ночь, когда мы ловили рыбу...

— Что-то я не заметила у вас рыболовных снастей,— возразила она.

— Они лежали за камнем. К тому же, если вы помните, мадам, был очень густой туман.

— Мисс...

— Мы вспоминали Землю, памятные нам места, друзей, пришедших к печальной кончине, умерших детей, не понимавших нас родителей, наших врагов... говорили о том, почему мы оказались здесь... ну, вы представляете эти ночные

беседы. Меня расстроили воспоминания о земных делах, о моей кузине Мадлен... мне следовало быть тогда разумнее... А потому...

— А потому вы напились...

— Но я виню и вас, мисс. Клянусь, я не был уверен, что вы женщина! Туман, мешковатая одежда, сумятица в голове...

— Забудьте об этом, — прервала она его, — хотя я уверена, что вы никогда не простите женщину, положившую вас на обе лопатки.

— Не надо судить по обычным меркам! — горячо воскликнул Сирано.

— Вы правы. Я часто непроизвольно совершаю эту ошибку и всегда раскаиваюсь. Но признайтесь, ведь поведение большинства людей подчиняется стереотипам...

Они еще долго болтали. Время от времени Джил прихлебывала из стакана темно-красную жидкость, чувствуя, как ее согревает живительное тепло. Голоса вокруг раздавались все громче, смех становился все оживленнее. Несколько пар томно танцевали, руки мужчин с хозяйской властностью касались обнаженных женских плеч.

Похоже, Пискатор и Жюган были единственными в доме, кто не притронулся к спиртному. Японец закурил первую за вечер сигарету.

Сочетание вина и марихуаны начало обволакивать сознание Джил сияющим ореолом. Она вдруг ощутила, что ее тело излучает красноватый свет. Уплывавшие клубы дыма вдруг приобрели четко очерченные формы. Иногда уголком глаза она улавливала фигуры то ли драконов, то ли рыб, и даже — дирижабля. Но когда она поворачивалась лицом к этим странным силуэтам, перед ней возникали расплывчатые круги. Наконец, увидев огромное металлическое колесо, она поняла, что дело плохо. Все, больше ни глотка вина, ни капли травки! Правда, видение чудовищного колеса было вызвано рассказом Сирано о способах экзекуции, существовавших во Франции в его времена. Преступника распинали на огромном колесе, а затем палач железным прутом переламывал ему руки и ноги, превращая их в кровавое месиво. Тела казненных подвешивали в цепях на торговых площадях, они гнили и плоть падала наземь. Внутренности бросали в огром-

ные чаны, дабы напомнить грешникам о неминуемом возмездии.

— На улицах стоял смрад от нечистот, мисс Галбира. Неудивительно, что богатые люди с ног до головы орошали себя духами.

— Мне кажется, скорее потому, что они редко мылись.

— Может быть,— согласился француз.— Кажется, они действительно мылись не очень часто. Бытовало мнение, что это вредно для здоровья и не по христиански... И я жил там, как все — бездумно и естественно, как рыба в воде. Но здесь — элас! — где носят так мало одежды, где вода всегда под рукой, где люди живут так тесно,— здесь не выносят запаха немытого тела и приходится приобретать новые привычки. Должен признаться, что я сам не очень привередлив, но несколько лет назад я встретил женщину, которую полюбил страстно... так же, как когда-то кузину Мадлен. Ее звали Оливия Ленгдон...

— Вы имеете в виду жену Сэма Клеменса?

— Да. Но ни теперь, ни тогда это обстоятельство меня не смущает. Я знал, что он был великим писателем Нового Света — Оливия порассказала мне многое из того, что случилось на Земле после моей смерти — но какое отношение это имело к нам? Мы отправились с ней вниз по Реке и внезапно попали в классическую ситуацию, погубившую многих: мы встретили ее земного супруга.

— И вот, с этого момента, хотя я еще был увлечен ею, страсть моя начала остывать. Мы уже докучали друг другу, раздражались, но так и должно быть, ведь верно? Здесь зачастую встречаются мужчины и женщины не только разных национальностей, но и разных эпох. Что может быть общего у человека семнадцатого столетия с выходцем из девятнадцатого? Правда, иногда такие пары хорошо ладят друг с другом, но бывает, что ко всему добавляется еще и различие темпераментов. Чаще всего они расстаются.

— Мы с Ливи находились далеко отсюда, когда я узнал о постройке судна. Толковали об упавшем железном метеорите, но я даже не мог вообразить, что он попал в руки Сэма Клеменса. Мне захотелось примкнуть к этим людям... я мечтал вновь почувствовать в ладонях холод стального клинка... Вот поэтому, дорогая мисс Галбира, мы прибыли в эти

места. Потрясение оказалось чудовищным, особенно для Сэма. В какой-то момент я даже испытывал к нему сострадание и жалел, что разрушил этот союз. Но, говоря по правде, он и на Земле не был прочным и безоблачным. Оливия не высказала желания оставить меня ради Клеменса, хотя наша привязанность друг к другу уже остывала. И тем не менее... тем не менее, она мучилась, словно была повинна в том, что не любила его. Как странно — там, на Земле, их соединяло глубокое чувство... потом они оказались во власти столь же глубоко скрытой враждебности. Она рассказывала, что во время своей болезни — последней болезни — она не позволила ему навестить ее в госпитале. Она жаловалась на невнимательность Сэма... его преступную небрежность, послужившую причиной смерти их сына. Я заметил, что все это было давно и на другой планете. Почему же она так долго таит в сердце эту боль? И какое значение это имеет сейчас? Не мог же малыш... Забыл его имя...

— Ленгдон,— напомнила Джил.

— Малыш не мог воскреснуть здесь после смерти... Да, говорила она, ей с ним никогда не увидеться. Ему было только два года, а тут воскресали дети старше пяти лет. Может быть, малютки находятся где-то в другом месте, в другом мире? Но если бы даже он очутился здесь, разве могли они встретиться? А если бы встретились, то что тогда? Представьте, он — уже взрослый человек и совершенно забыл о ней. Она для него чужая... И один Бог знает, что бы из него вышло. За эти годы он мог превратиться в каннибала или индейца... который не знает ни слова на английском и не умеет вести себя за столом.

— Так мог сказать Марк Твен,— усмехнулась Джил,— но не его жена.

Сирано тоже усмехнулся.

— Да, она этого не говорила. Я пересказал на свой лад. Но, кроме неожиданной смерти малыша, было много другого. Сейчас я не виню Клеменса. Он — писатель, витающий в мире своих фантазий, а это часто уводит от действительности. Я и сам таков. В тот роковой день он не заметил, что с мальчика упало одеяльце, и он открыт ледяному ветру. Сэм машинально правил лошадьми, что везли их сани, и пребывал в стране своего воображения... Оливия же уверена, что

дело не в рассеянности. Он никогда не думал и не заботился о малыше. Еще до его рождения он мечтал о дочерях. Странная прихоть для мужчины, не правда ли?

— Что ж, эта прихоть делает ему честь,— живо отозвалась Джил.— Но справедливости ради замечу, что стремление иметь детей всего лишь невропатологическое средство от одиночества. Однако в нем, по крайней мере, нет ненавистного мужского шовинизма...

— Вы должны понять,— перебил ее Сирано,— что Оливия не осознала полностью все то, что случилось с ней на Земле. Во всяком случае, как она утверждает. Я же думаю, что она стыдится своего прошлого и потому скрывает его в самых глубоких тайниках души. Здесь она стала почти наркоманкой... Жвачка Сновидений, вы понимаете... Жвачка возвращала ее в мир естественных чувств... И в результате любовь к Клеменсу превратилась в ненависть.

— Она еще не отказалась от наркотиков?

— Отказалась. Теперь Жвачка только выводит ее из равновесия. Чудовищный опыт! У нее и сейчас бывают страшные и фантастические галлюцинации.

— С наркотиками лучше покончить,— заметила Джил,— но только по своей воле. Хотя...

— Да?

Джил поджала губы.

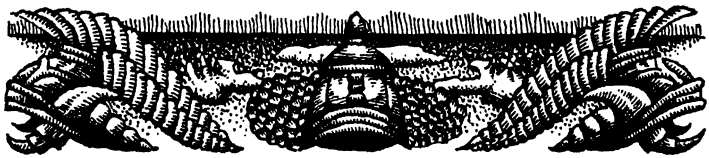
— Мне не подобает быть слишком суровым критиком. У меня была гуру — прекрасная, умнейшая и лучшая женщина из все, кого я знала — но и она не могла меня удержать от стремления к...— Джил вздрогнула.— Лучше не вспоминать; слишком все это было страшно, нет — даже чудовищно. Вот почему я не могу никого и ни за что осуждать. А вдруг меня снова потянет к Жвачке? Я не верю проповедникам Церкви Второго Шанса, которые утверждают, что она абсолютно безопасна. Я вообще не верю людям, признающим истиной только собственные религиозные убеждения и не уважающим чужих.

— Я был вольнодумцем, либертином, как мы себя называли, но сейчас — не знаю...— задумчиво произнес Сирано.— Возможно, Бог все-таки существует. Ведь кто-то должен нести ответственность за этот мир?

— На сей счет имеется множество гипотез,— ответила Джил.— Не сомневаюсь, что вы уже обо всех наслышаны.

— Да, им нет конца,— согласился Сирано.— Но я надеюсь услышать от вас новую.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В разговор вмешались подошедшие гости. Джил замолчала, отошла в сторону, высматривая новых собеседников. Все коктейли и вечеринки — что на Земле, что в Мире Реки — похожи друг на друга: в гаме музыки и чужих разговоров болтаешь то с одним, то с другим, пока не обойдешь всех; если же наткнешься на интересного собеседника, то приходится идти на всякие ухищрения, чтобы поговорить с ним без помех.

В молодости на таких вечеринках Джил зачастую кем-то увлекалась. Правда, это чаще происходило под хмельком или в легком дурмане от травки, когда легко поддаешься обаянию ума или красивой внешности. Похмелье кончалось, наступало разочарование.

Вокруг нее все были молоды — в этом мире все выглядели двадцатипятилетними. На самом деле, ей уже шестьдесят один, а некоторым — за сто тридцать. Самым юным — не меньше тридцати шести.

Если верно, что с возрастом приходит мудрость, то это качество должно было проявиться здесь во всем блеске. Правда, на Земле данный постулат не подтвердился. Трудно не ощущать воздействия жизненного опыта, однако многие ухитрялись воспользоваться им лишь в минимальной степени. Кое-кто из стариков, которых она знавала, обитал в том же мире безусловных рефлексов, что и пятнадцатилетние подростки.

Можно было рассчитывать, что в долине Реки люди, наконец, осознают благо жизненного опыта. Но беспощадный стресс смерти и воскрешения словно рассек логические связи сознания.

Именно поэтому никто не ожидал увидеть здесь *такую* загробную жизнь. Ни одна из религий не предсказывала ни подобного места, ни подобных обстоятельств; впрочем, они обычно не вдавались в детали описания рая или преисподней.

ней. Тем не менее, многие люди на Земле утверждали, что хорошо представляют себе загробный мир.

Очевидно, как планета Реки, так и воскрешения из мертвых не относятся к миру сверхъестественного. Все, или почти все, можно объяснить с точки зрения физических, а не метафизических законов. Однако люди опять неукротимо стремились к созданию новых религий или преобразованию старых.

В этих новых верованиях отсутствовали эсхатологические идеи воскрешения или бессмертия в том виде, в каком они провозглашались в религиях Запада. Буддизм, индуизм, конфуцианство, противопоставлявшие загробной жизни концепцию вечных перерождений, были развенчаны. Но и христианство, иудаизм, ислам — все учения, сулившие рай праведникам и ад — неверным, тоже дискредитировали себя. Как и на Земле, гибель старой религии вызвала появление в родовых муках новой. Конечно, сохранилось и упорное меньшинство не верящих глазам своим.

Джил остановилась возле Самуила, бывшего раввина, ныне епископа Церкви Второго Шанса. Насколько он изменился в этом мире? Здесь не было Мессии, пришедшего спасти богоизбранный народ, и не было богоизбранного народа, воссоединившегося в Иерусалиме на Земле. Но, очевидно, крах прежней веры Самуила не разрушил его личности. Он нашел в себе силы признать ее ошибочность — сверхортодоксальный раввин обладал гибким умом.

Выполнявшая роль хозяйки Жанна Жюган предложила Самуилу и Рахили филе из рыбы, приправленное молодыми побегами бамбука.

— Что это? — спросил он, указывая на рыбу.

— Угорь,— ответила Жанна.

Он сжал зубы и отрицательно покачал головой. Жанна взглянула на него с удивлением. Епископ был явно голоден, он уже протянул руку за едой. Джил знала, что побеги бамбука не запрещены законами Моисея, но они лежали на одном блюде с запретной рыбой без чешуи и потому были осквернены.

Джил рассмеялась. Подумать только — легче сменить религию, чем привычки в еде! Правоверный еврей или мусульманин скорее предаст вероучение, чем проглотит кусо-

чек поганой свинины. Один знакомый ей индуист превратился в Мире Реки в неверящего, но по-прежнему предпочитал индийскую кухню. Хотя в ее жилах текла частица крови австралийских аборигенов, она не могла заставить себя есть червей. Не гены определяли вкусовые привязанности, а социальные корни. Некоторые же люди легко адаптировались к новой пище, но здесь главную роль играли их индивидуальные, а не привитые обществом вкусы. Покинув родительский дом, Джил сразу же перестала есть баранину — она ее ненавидела, и предпочитала жаркому гамбургер.

Временами она утрачивала ход мысли, потом опять возвращалась к ней: мы есть то, что мы едим; мы едим то, что создаем; мы создаем то, что едим. И то, что мы из себя представляем, создано частично нашим окружением, частично нашей генетической структурой.

Кроме нее, вся семья обожала баранину. Нет, кажется, еще одна из сестер разделяла ее ненависть к баранине и любовь к гамбургерам.

Или взять сексуальные привычки. Насколько она знала, все ее братья и сестры были гетеросексуальны, и только для нее одной пол партнера не имел значения. Это не нравилось ей; она жаждала определенности и не хотела походить на флюгер, вертящийся по воле ветра эмоций. Ее внутренний ветер дул то с востока на запад, то наоборот, заставляя флюгер крутиться в разные стороны.

Да, Джил не стремилась к этой двойственности. Если бы она могла выбирать, то предпочла бы любить только женщин. Любить женщин! Почему же не признаться себе самой: значит, стать лесбиянкой? Да, именно так — и она ничуть этого не стыдится. Но тогда — что связывало ее с Джеком? Она любила и его? А почему...

Джил очнулась от своих мыслей и обежала взглядом толпившееся в комнате общество.

Переходя от одной группы гостей к другой, Файбрас не переставал поглядывать на нее. Обратил ли он внимание на ее привычку отстраняться, превращаясь в неподвижную статую, начисто лишенную контактов с окружающим миром? В такие моменты ее голова слегка склонялась влево, веки опускались, стекленели. Пожалуй, Файбрас может решить, что она слишком легко поддается настроениям...

При этой мысли Джил ударилась в панику. О, Господи, неужели он способен отвести ее кандидатуру только потому, что она часто впадает в задумчивость? Нет, нужно взять себя в руки и убедить Файбраса в собственной незаменимости. Теперь она всегда будет начеку, будет деятельной, собранной, уверенной, как герл-скаут.

Джил направилась к группе, в центре которой Самуил рассказывал о Ла Виро. Она уже неоднократно слышала эту историю от миссионеров Церкви. Если перевести с эсперанто, Ла Виро значит «человек». Его еще называли Ла Фондино — «Основатель». Никто не знал его земного имени; впрочем, оно и не интересовало его последователей.

Самуил рассказывал о незнакомце, явившемся Ла Виро в грозовую ночь в горной пещере и поведавшем, что он переселился с некоей планеты в долину Реки и воскресил земное человечество. Он повелел Ла Виро основать Церковь Второго Шанса, изложив основные догмы, которые должна проповедовать новая религия. Позже, сказал незнакомец, придет полное откровение. Но, как было известно Джил, пока никаких новых истин не было провозглашено.

Учение быстро распространилось по всей долине. Его миссионеры странствовали пешком и в лодках. Ходили слухи, что некоторые летали на воздушных шарах. Но самым быстрым способом преодоления огромных расстояний была смерть с последующим воскрешением. Убийцы проповедников оказывали Церкви добрую услугу — гибель миссионеров только ускоряла распространение веры.

Мученичество оказалось самым удобным способом странствования, подумала Джил. Сейчас же, когда *умирают навсегда*, нужно было обладать великим мужеством, чтобы отдать жизнь за веру. Ей говорили, что от Церкви многие отшатнулись, но она не знала, было ли это результатом необратимости смерти или просто движение утратило свою силу.

Среди слушателей оказался незнакомый Джил гость. Пискатор кивнул на него, заметив:

— Это Джон Грейсток. Он жил при Эдуарде II Английском. Кажется, тринадцатый век? Я подзабыл британскую историю — с тех пор, как расстался с кадетским корпусом.

— Мне помнится, что Эдуард царствовал с 1270 года до начала четырнадцатого века, — заметила Джил. — Знаю точ-

но, что он правил тридцать пять лет и умер в возрасте шестидесяти шести. Долгая жизнь для англичанина той эпохи — вы представляете их ледяные замки, к которых гуляли сквозняки?

— Эдуард сделал Грейстока бароном и наш рыцарь участвовал в походах на Гасконию и Шотландию,— рассказывал Пискатор.— Тут, в долине, он был губернатором в Ла Сивито де ла Анимай, в Соул Сити по-английски — это маленькая страна милях в тридцати вниз по Реке. Он прибыл сюда после того, как король Джон захватил судно Сэма, и его зачислили в армию Пароландо. Грейсток быстро продвинулся в чинах, отличившись при вторжении в Соул Сити...

— А почему Пароландо захватил Соул Сити?

— Войска Соул Сити совершили подлое нападение на Пароландо. Их вождь, Хаскинг, хотел установить контроль над поставками метеоритного железа и захватить «Ненаемный». Это почти удалось. Но Сэм Клеменс с друзьями взорвал огромную дамбу водохранилища, созданного для сбора воды горных ручьев. Поток уничтожил захватчиков — правда, вместе с тысячами жителей Пароландо. В Реку смыло заводы, производившие сталь и алюминий. Снесло и судно, но его быстро отыскали почти неповрежденным. Клеменсу пришлось многое строить заново. В этот трудный для страны период жители Соул Сити объединились с несколькими государствами и вновь напали на нас. Они были отбиты, но с большими потерями. Промышленность Пароландо продолжала испытывать крайнюю нужду в бокситах, криолите, ртути и платине, а единственное месторождение этих минералов находилось в Соул Сити. Бокситы и криолит необходимы в производстве алюминия, а алюминий — основа...

— Да, я все это знаю,— прервала его Джил.

— Простите, пожалуйста,— улыбнулся Пискатор.— После неудавшегося нападения Грейстока сделали полковником, а когда армия Пароландо захватила Соул Сити, он был назначен губернатором. Клеменс нуждался в жестком, безжалостном человеке, именно таком, как барон Грейсток. Несколько недель спустя Соул Сити добровольно вступил в Объединенные Штаты Пароландо на условиях полного равенства.

— Сейчас,— усмехнулся Пискатор,— все эти события уже стали историей. Поставка ископаемых почти прекратилась, копи истощены. Строительство больше не нуждается в богатствах Соул Сити. Кроме того, в результате некоторых трений, как говорит Грейсток, хотя этот термин — чистой воды эвфемизм — там сильно изменился первоначальный состав населения. В Соул Сити, в основном, жили черонокожие середины девятнадцатого века с примесью средневековых арабов-ваххабитов и дравидов — чернокожих из древней Индии. Сейчас, после войн и сурового правления Грейстока, половина населения состоит из белых.

— Он высказывается весьма категорично,— Джил прислушалась к словам высокого рыцаря.— Мне не нравится, когда так оправдывают жестокость.

— Он подавил несколько мятежей. Вы же знаете, Клеменс не допускал рабства, поэтому никого не принуждали силой оставаться в Соул Сити. Каждый мог мирно уйти, забрав свое имущество. Тем не менее, многие остались там, присягнули Пароландо и начали саботаж.

— Шла партизанская война?

— О, нет,— возразил Пискатор.— Местный ландшафт не приспособлен для партизанских действий. Просто большинство бывших жителей Соул Сити усматривали в саботаже некую разновидность отдыха.

— Вот как?

— Бездельничать легче, чем путешествовать по Реке. Кроме того, некоторые жаждали мщения. Грейсток хватал саботажников, выдворял их из штата или просто выбрасывал в воду. Сейчас все это в прошлом, эти события разворачивались до моего прихода. Сам Грейсток появился здесь, чтобы стать членом экипажа дирижабля.

— Английский рыцарь тринадцатого века? У него же нет ни знаний, ни опыта!

— В известном смысле — да. Его эпоху не назовешь вершиной технического прогресса. Но Грейсток умен и любознателен, и многому здесь научился. Несмотря на свой баронский титул и губернаторский пост, он готов занять в команде последнее место. Его захватила сама идея полета — для него это сродни волшебству. Файбрас обещал его взять, если не хватит опытных специалистов. А откуда они появят-

ся? Разве что случайно прилетит полная команда «Графа Цеппелина» или «Шенандо»...

Пискатор улыбнулся.

Грейсток был довольно высоким для своего времени — около шести футов. Черные, длинные, совершенно прямые волосы, большие серые глаза под густыми, горделиво изогнутыми бровями, орлиный нос,— все в его облике гармонировало с понятием «красивый мужчина». Широкие мощные плечи контрастировали с тонкой талией, ноги были длинными, мускулистыми. Он беседовал с Самуилом; усмешка и тон барона казались весьма язвительными. Пискатор знал, что Грейсток ненавидит духовенство, хотя на Земле отличался изрядным благочестием. Мир Реки изменил его; он не мог простить попам их претензий на обладание истинами о загробной жизни.

Грейсток говорил на эсперанто.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, кем был Ла Виро на Земле? Какой он расы и национальности? Когда родился и умер? Жил ли в доисторическую эру, в древние или средние века или в эпоху, которую люди позже назвали новым временем? Был ли он на Земле верующим человеком, агностиком или атеистом? Каково его занятие, профессия, образование? Был ли он женат, имел ли детей? А вдруг, он — гомосексуалист? Пользовался ли он известностью? Может, он был Иисусом Христом и хочет сохранить здесь свое инкогнито, понимая, что теперь никто не поверит его лжи.

Самуил нахмурился.

— Я знаю о Христе очень мало, лишь по рассказам. О Ла Виро я тоже только слышал. Говорят, он очень высокого роста, принадлежит к белой расе, но довольно смугл — возможно, на Земле был персом. Но все это не имеет никакого значения. Дело не в его происхождении. Важна его проповедь.

— Я их досыта наслушался от миссионеров вашей Церкви,— воинственно прервал его Грейсток,— и поверил им не больше, чем в свое время вонючей лжи вонючих попов, толковавших о великих истинах Господа Бога.

— В этом ваша сила, но не правота.

Грейсток был несколько озадачен.

— Все ваши попы — идолопоклонники.

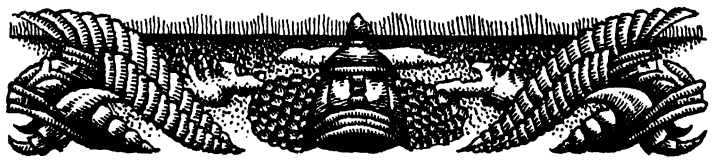
Пискатор улыбнулся.

— Опасный тип, но занятный. Вы бы расспросили его о путешествии с инопланетянином...

Джил удивленно подняла брови.

— Да, он знал одно существо, прилетевшее на Землю со звезды Тау Кита. По-видимому, тот появился вместе с другими пришельцами в 2002 году нашей эры. Он пытался уничтожить все человечество и погиб сам. История фантастическая, но истинная. Детали вам может уточнить Файбрас, он жил в те годы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Надеясь поговорить с Грейстоком, Джил стала пробиратьс сквозь толпу гостей, но ее остановил Файбрас.

— Мне сейчас доложили, что восстановлена радиосвязь с «Марком Твеном». Не хотите поехать с нами? У вас будет возможность поговорить с великим Сэмом Клеменсом.

— Ну, конечно,— оживилась она.— Благодарю за приглашение.

Джил пошла следом за ним к джипу, стоявшему у подножья лестницы, к машине из стали и алюминия с нейлоновыми шинами.

Шестицилиндровый двигатель работал на древесном спирте. В автомобиле свободно разместились пять пассажиров: Файбрас, Галбира, де Бержерак, Шварц и Харди. Джип быстро сорвался с места и покатил по узкой лощине, зажатой между холмами. Яркие фары освещали низко скошенную траву, разбросанные на их пути хижины, частично скрытые высокими зарослями бамбука. Миновав холмы, они выехали на открытую равнину, спускавшуюся к Реке.

Джил увидела огни алюминиевого и сталеплавильного заводов, фабрики по производству спирта, сварочного цеха, оружейных мастерских и цементного комбината; вдали сияла громада административного здания, где кроме управленческих ведомств, размещались издательство газеты и радиоцентр. Ниже по Реке высился колоссальный ангар и еще какие-то массивные сооружения. Наверху, в горах, тоже тянулась цепочка огней — это была дамба, построенная на месте прежней, взорванной Клеменсом.

Джип проезжал мимо ангара. Навстречу им, пыхтя, двигался паровой локомотив, также работавший на спирту. Он тянул за собой три платформы, груженые огромными алюминиевыми болванками. Состав въехал в залитый светом ангар, остановился, и над одной из платформ навис подъемный

кран. Вокруг суетились рабочие, готовые подвести крюки под стальные тросы, обвивающие болванки.

«Сити Холл» был крайним строением на северной стороне. Машина остановилась у подъезда, украшенного двумя массивными дорическими колоннами. Джил подумала, насколько не соответствует это помпезная архитектура окружающему пейзажу. Издали ей почудилось, что в отдаленный уголок Таити перенесена некая помесь Парфенона с Руром.

Кабинет и приемная Файбраса располагались слева от огромного вестибюля. Перед входом стояли шестеро охранников, вооруженных однозарядными ружьями, стрелявшими пластиковыми пулями восьмидесятого калибра, тесаками и кинжалами. Радиоцентр находился рядом с конференц-залом и считался «святая святых» правителя Пароландо. Они вошли и увидели нескольких человек, сгрудившихся вокруг радиста; тот сосредоточенно крутил верньер настройки. На резкий стук двери радист обернулся.

— Я только что говорил с Сэмом, — сказал он, — и потерял его. Подождите немного, думаю, что сейчас опять его поймаю.

Из наушников доносился непрерывный свист и треск. Вдруг помехи исчезли, и сквозь шум послышался чей-то голос. Радист настроил точнее прием и уступил Файбрасу свое место.

— Говорит Файбрас. Это вы, Сэм?

— Нет, минуточку.

— Сэм слушаем, — приятно растягивая слова заговорил Клеменс. — Это вы, Милт?

— Конечно. Здравствуйте, Сэм. Как дела?

— Электронный лаг показал, что на сегодня мы прошли 792 014 миль. Если угодно, Милт, переведите в километры. Я-то предпочитаю старую систему, хотя... ну, да ладно, вы знаете, что я хочу сказать. Неплохой результат за эти годы, верно? Но я недоволен. Напрямую даже улитка успела бы уже добраться до северного полюса. За это время там можно было построить для нас гостиницу и нажить целое состояние, сдавая предназначенные нам номера. Что же касается... — снова шумы, треск помех.

Файбрас переждал, прием улучшился, и он заговорил вновь.

— Что нового, Сэм?

— Да, все ерунда,— ответил Клеменс.— Ничего существенного, кроме сплошных неожиданностей, аварий и разных волнений. Но с командой все в порядке, не бунтуют, хотя кое-кого и пришлось списать на берег. Похоже, я скоро останусь единственным на судне, кто отправился в путь из Пароландо.

Снова треск. Затем Джил услышала голос, идущий из каких-то неведомых глубин. Сэм переспросил:

— Что? Нет, все нормально. Я забыл, что вам после выпивки трудно до меня докричаться. Джо говорит, что он здесь рядом и хочет с вами поздороваться. Давай, Джо!

— Привет, Милт.— Словно раскат грома в пустой бочке.— Как дела? Надеютсь, хорошо. У натс тоже хорошо, потому что Тэмова подружка его бротсила. Впротчем, думаю, она вернется. У него тснова плохие мытсли об Эрике Кровавом Топоре. Я говорю, выкинь из головы, тогда втсе будет хорошо. Он не пьет много возбуждающего... правда, втсе время ругает меня... говорит, что я — обрастец трествости.

Джил посмотрела на Харди.

— Что это за?..

— Это Джо Миллер. Он громаден, как два вместе взятых Голиафа, но зато сепелявит,— засмеялся Харди.— Джо принадлежит к существам, которых Сэм назвал Титантропус Клеменси. На самом деле он из рода гигантских хомо сапиенс. Они вымерли за пятьдесят тысяч лет до рождества Христова. Сэм и Джо встретились почти так же давно и не расстаются все эти годы. Дамон и Пифий. Роланд и Оливье.

— Больше, чем Матт и Джеф или Лорель и Харди,— добавил кто-то.

— Что там насчет Харди? — переспросил шкипер.

— А ну, заткнитесь,— оборвал их Файбрас.— Ладно, Сэм. Наше дело тоже двигается. Мы заполучили нового сотрудника, первоклассного аэронавта. Она из Австралии, зовут Джил Галбира. Она налетала на дирижабле около восьми тысяч часов и имеет инженерное образование. Как вам это нравится?

Треск разрядов и затем:

— Женщина?

— Да, Сэм. Я знаю, что в ваши дни не было женщин-капитанов или инженеров. Но в мое время женщины могли стать кем угодно — летчиками, жокеями и даже астронавтами.

Потеряв над собой контроль, Джил ринулась к микрофону.

— Ну-ка, дайте мне с ним поговорить! Я скажу этому сукиному сыну...

— Джил, это он от неожиданности,— Файбрас посмотрел на нее.— Успокойтесь! Что вы разволновались? Он же ничего изменить не в силах. Здесь командую я. Сэм, она говорит, что с удовольствием побеседует с вами.

— Я слушаю ее,— отозвался Клеменс и хихикнул.— Послушайте...— снова треск, писк,— когда я...

— Черт бы побрал эти атмосферные помехи! Вас еле слышно, Сэм. Мне кажется, связь скоро прервется, поэтому вот вам основные новости. Моя команда еще не скомплектована, но впереди целый год. К тому времени я постараюсь набрать людей — иначе вся работа пойдет к черту. Летчики и авиамеханики — большая редкость, а для управления дирижаблем нужна особая выучка... Послушайте,— он помолчал, потом оглянулся вокруг — Джил не поняла, зачем — и медленно спросил: — Что-нибудь слышно от Икса? Есть ли у вас...

Помехи заглушили его голос. Несколько минут он пытался поймать Клеменса, но того не было слышно. Файбрас встал.

Джил обратилась к Харди.

— Что это значит — про Икса?

— Не знаю,— ответил шкипер.— Файбрас говорит, что это одна из шуток Сэма.

Файбрас выключил передатчик и отошел от установки.

— Уже поздно, а завтра уйма дел. Джил, вы не хотите, чтобы Вилли отвез вас домой?

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи,— отрезала она,— и с удовольствием пройдусь одна. Пожалуйста, не благодарите!

Завернувшись плотнее в свои одежды, она шла через долину. Еще не достигнув холмов, Джил увидела несущиеся по

мерцавшему небу темные тучи. Достав из наплечной сумки кусок Жвачки, она отломила половину и сунула в рот.

Много лет ее не тянуло к наркотику. Сейчас, ощутив на языке шоколадный привкус, она не могла понять, откуда вдруг возникла эта неосознанная потребность, что ее подтолкнуло? Этот порыв был почти инстинктивным.

На севере сверкнула яркая вспышка, и сразу, как из ведра, хлынул дождь. Она натянула на голову капюшон и согнулась. Голые ноги тотчас промокли, но тело, защищенное одеждой, оставалось сухим.

Джил отворила дверь своей хижины и, поставив сумку на пол, вынула оттуда тяжелую металлическую зажигалку — подарок, который ее чаша приносила дважды в году. Она пыталась нащупать на столе спиртовую лампу — и, наконец, разглядела ее при вспышке молнии.

Что-то коснулось плеча Джил.

Она вскрикнула и завертелась во все стороны, выбрасывая вперед кулаки, бешено молотя воздух. Чья-то рука ухватила ее за запястье. Резко согнув ногу, она попыталась попасть коленом в пах, но тут же была схвачена за другую руку. Джил перевела дух, и нападающий ослабил хватку, хихикнул и притянул ее к себе. В темноте она не могла его рассмотреть. Его нос коснулся губ Джил; значит, нападающий был ниже ее ростом. Она наклонила голову и вцепилась зубами в кончик носа. Человек вскрикнул, разжал руки и схватился за лицо. Он отступал. Она двинулась за ним, при каждом шаге ударяя его коленом в пах, пока он не рухнул на пол, сжимая ладонями гениталии.

Джил прыгала вокруг, продолжая наносить удары ногами по бокам. Его ребра затрещали. Она наклонилась и схватила его за уши. Он попытался высвободиться, но Джил вцепилась еще крепче и со всей силы дернула их в стороны.

Несмотря на дикую боль в гениталиях и в отбитых ребрах, человек приподнялся с пола. Ударив его ребром ладони по горлу, она опять повалила его; теперь мужчина лежал неподвижно. Джил подошла к столу и дрожащими руками зажгла лампу. Фитиль слабо разгорался, пришлось подвернуть колесико, и прибавить света. Услышав шорох, она обернулась и пронзительно вскрикнула.

Человек поднялся на ноги и стоял, направив на нее острие копья, выхваченного из стойки у двери. Ее реакция была молниеносной: лампа полетела ему в голову, попала в лицо, разбилась, и спирт потек на пол.

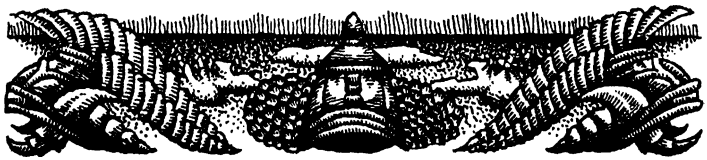
Вспыхнуло яркое пламя. Мужчина, взревев от боли в глазах, вслепую ринулся к ней. Только сейчас она разглядела и узнала его: «Джек!».

Он обхватил ее горящими руками, опрокинул на спину, надавил грудью. На секунду у нее перехватило дыхание, но неистово рванувшись из горящих рук, она откатилась в сторону. Одежда из огнеупорной ткани защищала ее от ожогов.

Джил не успела еще подняться, как он ухватился за край ее одеяния и резко дернул. Магнитные застежки разомкнулись. Она вскочила, обнаженная, и, путаясь ногами в валявшемся на полу плаще, бросилась к копью. Она нагнулась за ним, но Джек обхватил ее плечи, повалил, вцепившись горящими руками в груди. Пылающий пенис вонзился в нее; их вопли разносились по хижине, отдаваясь громким эхом. Сейчас она была обожжена, опалена вся — от ягодиц до груди. Казалось, горели даже уши, словно обожженные их криками. Высвободившись неимоверным усилием, Джил подползла к стене и обернулась. С почерневшей кожей, обгоревшими волосами, Джек стоял на четвереньках, выгнув спину и извиваясь всем телом. Сквозь потрескавшуюся плоть капала густая красная кровь и проступали темно-серые очертания костей. Огонь уничтожал его лицо, грудь, живот, вгрызаясь в тело ярко-алыми клыками.

Она поднялась на ноги и побежала к двери. Только дождь мог загасить ее пылающую кожу и огонь, пожиравший мозг. Джек ухватил ее за лодыжку, и она упала, сильно ударившись грудью. Он снова лежал на ней, испуская странные каркающие звуки; теперь они оба были охвачены пламенем.

Она испустила неистовый вопль, вой агонизирующего зверя. Ее подхватило и понесло к стремительно приближающейся пропасти. Она провалилась в нее, и чудовищный ураган понес измученное тело к центру мира, к сердцевине всего сущего.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Над ней нависало лицо Джека. Его голова отделилась от плеч и свободно плавала в пространстве, как воздушный шар. Вьющиеся рыжеватые волосы, красивые черты, блестящие голубые глаза, мужественный подбородок, пухлые улыбающиеся губы.

— Джек! — пробормотала она, но его лицо куда-то уплыло, а появилось другое, тоже красивое, однако с высокими скулами и черными раскосыми глазами. Темные волосы падали прямыми прядями.

— Пискатор!

— Я услышал ваши крики.— Он наклонился и взял ее за руку.— Вы можете встать?

— Думаю, да.

С его помощью она поднялась. Снаружи царила тишина, гром и сверканье молний прекратились, лишь капли воды иногда срывались с крыши. Дверь зияла черным провалом, распахнутая в темноту ночи. Джил померещились низко нависшие облака, но это были силуэты холмов, проступавших сквозь белый покров тумана. В небе сверкали гигантские звезды.

Внезапно Джил поняла, что стоит перед ним обнаженной. Ее груди пылали, словно обожженные пламенем костра; опустив голову, она увидела, как медленно тает краснота вокруг сосков.

— Мне кажется,— заметил Пискатор,— вы словно обгорели на солнце. Грудь, плечи, низ живота... Откуда здесь огонь?

— Огонь был внутри меня,— призналась Джил.— Жвачка.

— Ах, вот что! — Он поднял брови.

Она засмеялась.

Он подвел ее к постели, и она со вздохом растянулась на простыне. Жар медленно утихал. Пискатор суетился вокруг нее, укутывал покрывалами, дал выпить дождевой воды из бамбукового бочонка, стоявшего за дверью. Джил пила, опираясь на локоть.

— Спасибо,— устало произнесла она.— Мне следовало знать, к чему приводит Жвачка. Я была сильно расстроена, а в таком состоянии она действует на меня странным образом. Мне все кажется абсолютно реальным и... и чудовищным. Я никогда не задавалась вопросом о природе возникающих видений, да эти и невозможно понять.

— Последователи Церкви Второго Шанса используют наркотик как лекарство, но всегда держат больного под наблюдением. Говорят, что это дает ощутимый результат. Мы им почти не пользуемся... лишь иногда, на первой стадии обучения.

— Кто это — мы?

— Аль Ахл аль-Хакк — люди Истины, те, кого в западных странах называли суфиями.

— Я так и думала.

— Да, ведь мы с вами уже это обсуждали.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Это все наркотик,— призналась она.— Нет, с этим нужно кончать. Все, больше ни крохи этого зелья!

Она резко поднялась в постели.

— Вы не расскажете об этом Файбрасу?

Он уже не улыбался.

— Какое сильное психическое воздействие вы испытали! Вызвать мысленно ожоги и пятна на теле — это...

— Больше я не прикоснусь к этой гадости! Вы знаете, я не даю пустых обещаний. Я не наркоманка!

— Вы сейчас сильно взволнованы,— мягко возразил он.— Но будьте со мной честны, Джил. Вы позволите так вас называть? А если у вас повторится подобный приступ? Как вы из него выберетесь?

— Никаких новых приступов!

— Ну, хорошо. Сейчас я никому не скажу. Но если это повторится, то ничего не могу обещать. Будьте со мной откровенны, постарайтесь не скрывать подобное состояние. Вы

так безудержно стремитесь попасть в команду дирижабля... а если такое случится с вами в полете?

— Больше этого не будет,— с трудом выдавила она.

— Ну, тогда разговор закончен — во всяком случае, на время.

Она вновь приподнялась на локте, не обращая внимания на соскользнувшее покрывало и нагую грудь.

— Послушайте, Пискатор, давайте начистоту. Если Файбрас распределит чины в соответствии с нашей квалификацией, и вы окажетесь у меня в подчинении, вас это не обидит?

— Нисколько,— улыбнулся он.

Она легла и натянула на себя покрывало.

— Вы вышли из мира, где женщина занимает самое незавидное положение, едва ли не на уровне животного. Она...

— Это все в прошлом, в далеком прошлом,— ответил он.— Однако, независимо от того, японец я или нет, я — типичный представитель рода мужского. А вам... вам, Джил, стоило бы избегать расхожих мнений. То, что вы так ненавидите, с чем боретесь всю жизнь — всего лишь фантом, стереотип.

— Вы правы, у меня это уже стало условным рефлексом.

— Я уверен, что разговор на эту тему у нас не повторится. Хотя повторение — мать учения. Вам надо переключиться... заставить себя мыслить иначе.

— Ну и как же мне этого достичь?

Он колебался.

— Вы поймете, когда сами поразмыслите и попытаетесь понять свои заблуждения.

Джил отдавала себе отчет, что он надеется видеть ее в числе обращенных. Она ничего не имела против подобных бесед, но догматические религии отпугивали ее. Правда, суфизм — не религия, но последователи учения были религиозны. Другое дело суфии-атеисты.

Сама Джил была убежденной атеисткой. Даже воскрешение не заставило ее поверить в Создателя. Кроме того, она сильно сомневалась, что Создатель способен проявить интерес к ее судьбе — как, впрочем, и к судьбам всех остальных обитателей долины.

— Сейчас вы заснете, — сказал Пискатор. — Если я понадоблюсь, не стесняйтесь, позовите меня.

— Вы же не врач, — возразила она. — Как же вы сможете...

— Постарайтесь сами преодолеть новый приступ. Любой может совершить безумный поступок, но нельзя всех считать сумасшедшими. Человек способен властвовать над эмоциями. Покойной ночи.

Японец поклонился и быстро исчез, притворив за собой дверь. Джил собралась было окликнуть его и спросить, каким образом он оказался у ее хижины в такой поздний час. Что он здесь делал? Собирался ее соблазнить? О насилии не могло быть и речи. Она крупней его, и даже если он прекрасно тренирован, то и ее закалка не хуже. Кроме того, ее разоблачения серьезно повредили бы летней карьере Пискатора.

Нет, он не производил впечатления насильника или соблазнителя. С другой стороны, важно не впечатление о человеке, а его сущность. Но тут, казалось, все было в порядке — токи, исходившие от него, не несли в себе отрицательных зарядов.

Она вспомнила, что Пискатор не стал расспрашивать ее о кошмаре. Будь он полюбопытней, то сумел бы все выжать. Вероятно, он рассчитывал, что она сама захочет ему открыться. Да, Пискатор — человек тонкий и остро воспринимает чувства тех, кто ему небезразличен.

Но что же означала эта чудовищная схватка с Джеком? Почему он так напугал ее? Может быть, в тот миг ее охватило отвращение ко всему мужскому роду? Она не могла разобраться. Где коренилась причина ненависти — в ужасной и неожиданной галлюцинации, в обмане чувств, страхе перед карой? Она подожгла его — но, в определенном смысле, она сжигала и насиловала саму себя. В чем же дело? Она была уверена, что не испытывает подсознательного желания подвергнуться насилию. Это бывает лишь с душевнобольными женщинами. Ненависть к себе? Да, время от времени, она ее испытывала, но с кем не случается такого?

Вскоре она заснула и во сне увидела Сирано де Бержерака. Они фехтовали на шпагах. Ее ослепило стремительное вращение его клинка. Удар, выпад — и наконечник рапиры

глубоко вонзился ей в живот. Она с изумлением смотрела на полоску стали, потом выдернула ее, не заметив ни капли крови. Живот вспух, раздулся, а чуть позже из ранки выскользнул крошечный кусочек металла.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Холод привел Бартона в чувство. Он оказался под водой и, потеряв ориентировку, не мог сообразить, где поверхность. Он двинулся куда-то во тьму, почувствовал, что вода сильнее давит на уши, и сменил направление. Вскоре давление ослабло, но он стал задыхаться. Последний рывок — и он выбрался на поверхность.

Вдруг сзади что-то сильно ударило его по голове, и Бартон вновь едва не потерял сознания, но успел схватиться руками за какой-то предмет. Хотя в тумане не было видно ни зги, он сообразил, что держится за огромное бревно.

Вокруг царило безумие: вопли, шум, крики. Он оттолкнул бревно и поспешил к взывавшей о помощи женщине. Приблизившись, он узнал голос Логу. Несколько взмахов, и Бартон увидел ее лицо.

— Спокойно, это я, Дик!

Логу ухватила его за плечи, и оба погрузились в воду. Он оторвал от себя руки женщины, вытолкнул ее вверх и вынырнул сам.

Захлебываясь словами, она что-то говорила на своем родном наречии. Бартон повторил:

— Без паники. Все в порядке.

Кажется, Логу пришла в себя; дрожащим голосом она сообщила:

— Я за что-то все время держалась, Дик, и потому не утонула.

Бартон отпустил ее и хотел поплыть рядом, но наткнулся на другое бревно. Если рядом плавает еще одно, то как бы их не затерло стволами... А где же судно, где плот? И где находятся они с Логу? Возможно, их швырнуло в пролом между разметавшимися бревнами, и сейчас течение несет к утесу сохранившуюся часть плота? Тогда они будут просто размазаны на скале...

Логу застонала.

— Кажется, у меня сломана нога, Дик. Очень больно.

Бревно, за которое они цеплялись, было невероятно толстым и длинным; он не мог разглядеть в тумане его конец. Хватаясь за выступы коры, Бартон понимал, что долго так не продержаться.

Внезапно из темноты раздался голос Моната.

— Дик, Логу, где вы?

Бартон отозвался. В этот момент что-то стукнуло по бревну и ударило его по пальцам. Он вскрикнул от боли и соскользнул вглубь, потом из последних сил выбрался на поверхность. Из тумана вынырнул конец шеста, задев его щеку. Чуть правей — и дело кончилось бы разбитой головой. Он ухватился за шест, притянул его к себе и окликнул Моната.

— Логу тоже здесь. Только осторожнее с шестом.

Монат подтащил его к плоту, и Казз одним рывком вытянул Бартона наверх. Через минуту на борту оказалась и Логу. Она была в полубессознательном состоянии.

— Найди сухую одежду, переодень и согрей ее,— велел Бартон Каззу.

— Будет сделано, Бартон-нак,— ответил неандерталец и исчез в тумане.

Бартон опустился на сырую скользкую палубу.

— Где остальные? Что с Алисой?

— Все здесь, за исключением Оуэнон,— ответил Монат.— У Алисы, похоже, сломано несколько ребер. А судно наше пропало.

Бартон еще толком не осознал всей тяжести свалившихся на них несчастий, когда увидел вдали пылающие факелы. Они приближались, и вскоре он разглядел и самих факелоносцев — дюжину невысоких темнолицых мужчин с огромными крючковатыми носами, закутанных с головы до ног в полосатые бурнусы. Единственным их оружием были кремневые ножи на перевязях.

Один из них заговорил на языке, принадлежавшем, по догадке Бартона, к древним наречиям семитской группы. Он даже уловил несколько знакомых слов, однако ответил на эсперанто. К счастью, собеседник сразу понял его.

Как оказалось, заснувший на вышке часовой был совершенно пьян. Бартон видел, как тот свалился с плота в момент столкновения, но затем вылез на берег. Второму вахтенному не повезло — он сломал шею и скончался. Что касается рулевого, находившегося на дальнем конце плота, то он не пострадал — если не считать того, что рассвирепевшая команда выбросила его за борт.

Скрежет, который Бартон услышал перед катастрофой, был вызван ударом носовых бревен о причал и скалу, повредившим переднюю часть плота и порвавшим в клочья крепежные канаты. Основной корпус уцелел, хотя левый борт, чиркнувший по прибрежным камням, был тоже разбит. Месиво оторвавшихся бревен протаранило «Хаджи» насквозь. Нос сразу же ушел под воду; корма, затертая бревнами, провалилась в образовавшуюся между ними полынью.

При столкновении Бартона выбросило вперед, он рухнул на палубу и скатился в воду. К счастью, никто из команды не погиб и не был серьезно ранен. Правда, пока они не смогли обнаружить Оуэнон.

На Бартона обрушилась целая лавина проблем, но, прежде всего, нужно было позаботиться о пострадавших. Он направился к освещенному факелами помосту, где лежали его друзья. Алиса, увидев его, протянула руки, но вскрикнула, когда он ее обнял.

— Осторожнее, Дик! Мои ребра...

К ним подошел один из крючконосых, сказав, что его прислали за ранеными. Затем появилось еще несколько человек из команды плота; они понесли на руках двух женщин.

Фригейт хромал рядом, опираясь на Казза, постанывая и извергая ругательства; Бест шла сама. В темноте путь показался очень долгим. Пройдя ярдов шестьдесят они остановились перед большой бамбуковой постройкой, крытой листьями железного дерева. Ее стены крепились кожаными канатами, привязанными к торчащим в палубе крючьям.

Внутри помещения на высоком каменном основании горел огонь. Пострадавших разместили вокруг очага, уложив на койки.

Туман понемногу рассеивался, на Реке заметно посветлело. Внезапный грохот, будто салют из тысячи пушек, возвес-

тил наступление рассвета. Все вздрогнули, хотя слышали его ежедневно.

Грейлстоуны извергли свою энергию.

— Для нас завтрака нет,— Бартон резко поднял голову.— Кстати, где наши цилиндры? Остался хоть один у кого-нибудь?

— Нет, все пропали вместе с судном.— Лицо Моната сморщилось, в глазах застыло горе.— Неужели Оуэнон утонула?

Они посмотрели друг на друга при свете дня. Казалось, все краски жизни покинули их лица.

Кто-то застонал. Бартон выругался. Конечно, он сожалел об утрате Оуэнон, но сейчас его ужаснуло другое — отныне он сам и его команда обречены на нищенство. Их жизнь теперь зависела от человеческих благодеяний; в этом мире смерть предпочтительней существования без цилиндра-кормушки. В былые дни люди, потерявшие чашу, кончали жизнь самоубийством. На следующий день они просыпались вдали от дома, от друзей и подруг, зато рядом стоял серый цилиндр — источник всех благ, дарованных человеку в этом мире.

— Ничего,— мягко произнес Фригейт, стараясь не встречаться с Бартоном взглядом.— Мы можем есть рыбу и желудевый хлеб.

— Всю оставшуюся жизнь? — горько усмехнулся тот.— Ну, и сколько веков вы способны продержаться на такой диете?

Поднявшись на ноги, Бартон вышел наружу в сопровождении Моната и Казза. Солнце уже рассеяло туман, и открывшаяся глазам картина ужаснула их.

Весь берег был завален бревнами, причалы и лодки, принадлежавшие ганопо, разнесены в щепки, Уцелевшая часть плота на треть оказалась на суше, окруженная валом вздыбленной, перемешанной с травой почвы. Слева в воде виднелись груды стволов с обрывками веревок, прижатых течением к скалистому мысу; волны с грохотом швыряли их на камни. Но нигде на поверхности Реки не было ни следов «Хаджи», ни тела Оуэнон. Надежды Бартона спасти хоть несколько чаш рухнули.

Он осмотрел плот. Даже без передней части он поражал своими размерами — около двухсот ярдов в длину при вдвое меньшей ширине. В центре, за вышкой, громоздилась черная статуя тридцатифутовой высоты. Огромный идол сидел, скрестив ноги; по спине ящерицей вилась высверленная косица. Пронзительный стеклянный блеск глаз, оскаленный рот, торчащие из пасти акульи зубы — это был лик древнего демона, владыки смерти. В его брюхе зияла круглая дыра каменного очага, в которой металось пламя. Дым уходил внутрь истукана, клубами вырываясь их ушей.

Повсюду на палубе были разбросаны хижины, большие и поменьше, одни — совершенно искореженные и разбитые, другие — покосившиеся, но устоявшие при ударе о берег. Бартон насчитал десяток мачт с прямым парусным вооружением и штук двадцать — с косыми латинскими парусами; все они были убраны. Вдоль бортов лежало множество лодок разных форм и размеров, привязанных к массивным деревянным стоякам.

Сразу за идолом находилось самое высокое строение на борту — дом вождя или храм, как предположил Бартон. Именно его крышу, темную и округлую, он видел перед катастрофой.

Внезапно забили барабаны, загудели трубы, и множество людей устремилось к храму, образовав полукруг перед идолом. Бартон подошел ближе и украдкой царапнул статую ножом.

К его изумлению, он обнаружил кирпич, покрытый черной краской. Откуда ее достали — и в таком количестве? Здесь, на Реке, любые краски являлись большой редкостью — к великому огорчению художников.

Вождь и главный жрец был довольно крупным мужчиной, только на полголовы ниже Бартона. Облаченный в полосатую накидку и кильт, с деревянным остроконечным венцом на голове и дубовым посохом в руках, он взгромоздился на небольшое возвышение перед храмом и начал с необыкновенной страстностью что-то вещать своей пастве.

Его посох грозил небесам, глаза яростно горели; он извергал поток слов, в котором Бартон не уловил ни одного знакомого. Спустя полчаса патриарх сошел с возвышения, и толпа начала распадаться на отдельные группы.

Часть людей сошла на остров и принялась разбирать завалы из бревен, другие направились к левому борту, где разрушения выглядели особенно значительными, третьи занялись лодками — видимо, им было поручено выловить из воды стволы. Через полчаса с обоих бортов спустили весла и несколько десятков гребцов навалились на них. Очевидно, они хотели поставить корму по течению, чтобы затем сдвинуть весь плот и снять его с мели.

Но не все задуманное осуществляется, и прекрасный замысел не оправдал себя на практике. Вскоре стало ясно, что столкнуть носовую часть в воду можно лишь разобрав вначале завалы бревен.

Бартону не терпелось потолковать с предводителем, но тот кружил около статуи, быстро кланялся и что-то пел. Прервать молитвенный ритуал Бартон не рискнул, по опыту зная, насколько это опасно. Ему оставалась лишь слоняться вокруг, рассматривая лодки и строения на борту. Убедившись, что хозяева не наблюдают за ним, он заглянул внутрь нескольких хижин.

Две из них оказались складами сушеной рыбы и желудевого хлеба, еще одна была набита оружием. Под навесом стояли два выдолбленных челнока и сосновая рама будущего каноэ, которую со временем обтянут рыбьей кожей.

В пятом строении хранились самые различные предметы: ящики с дубовыми кольцами на продажу; бивни и позвонки меч-рыбы; кипы кож — человеческой и речного дракона; барабаны, бамбуковые дудки и арфы со струнами из рыбьих кишок; сосуды из черепов; канаты и веревки из рыбьей кожи; каменные светильники; коробки с зажигалками, косметикой, марихуаной, сигарами и сигаретами; около пятидесяти ритуальных масок и множество других вещей. Видимо, все это добро предназначалось для торговли или выплаты дани во время странствий у чужих и враждебных берегов.

Заглянув в очередную хижину, Бартон расплылся в улыбке — здесь хранились чаши. В ожидании своих владельцев, серые цилиндры стояли на высоких стеллажах. Он пересчитал их — ровно триста пятьдесят. По его прикидкам на плоту находилось чуть больше трехсот человек; значит, тридцать — сорок штук — явно лишние.

Даже при беглом осмотре Бартон обнаружил, что все чаши, кроме тридцати, помечены. На их ручках висели обожженные глиняные таблички с вытисненными клинописными знаками. Внимательно рассмотрев их, он решил, что надписи имеют сходство с вавилонскими и ассирийскими письменами, знакомыми ему по копиям.

Бартон попытался приподнять крышки помеченных цилиндров; конечно, это ему не удалось. Каждая чаша была снабжена особым запорным устройством; открыть ее мог только владелец. Существовало несколько гипотез о природе этих замков; согласно одной из них, внутри цилиндра находилось нечто вроде реле, настроенного на электрофизическое поле хозяина и срабатывающего в нужный момент. Что касается непомеченных чаш, то они были свободными — именно так называли их в долине.

Когда тридцать шесть миллиардов умерших пробудились к новой жизни на бесконечных просторах Мира Реки, каждый обнаружил возле себя персональный цилиндр. На вершинах грейлстоунов для них были сделаны углубления, и в центральном стояла свободная чаша. Очевидно, неведомые благодетели хотели подсказать воскрешенным, как нужно пользоваться их даром.

В определенный час над каменными грибами впервые взревело пламя. Едва утихли громы и молнии, заинтригованные люди взобрались наверх и раскрыли стоявшие цилиндры. На этих чашах не было замков, и перед восхищенными взорами любопытных предстали наполненные едой сосуды. Пища появлялась в мисках, закрепленных наподобие судков внутри чаш; в других контейнерах, похожих на стаканы, было вино, табак и мелкие предметы — зажигалки, расчески, зеркала, ножницы, косметика и даже туалетная бумага.

Перед следующей материализацией все чаши уже стояли на грейлстоунах, и они вновь одарили людей питьем и едой. Однако человек всегда недоволен тем, что имеет; прошла неделя — и многие уже жаловались на однообразие блюд, слишком умеренное число сигарет или недостаток выпивки. Расторопные счастливцы, прихватившие с грейлстоуна вторую чашу, имели все в двойном количестве — пока другие руки, более сильные и жестокие, не отняли их богатства. Ибо свободные цилиндры являлись величайшим сокровищем

в этом мире — ради них убивали, их отнимали силой или похищали.

У Бартона никогда не было свободной чаши, и ему еще ну доводилось видеть такого впечатляющего их собрания. Тридцать цилиндров! Племя, обитавшее на плоту, оказалось богатым, очень богатым! И если он сможет уговорить вождя поделиться этим сокровищем, то проблема пропитания будет решена. В конце концов, крючконосые в долгу перед экипажем «Хаджи»; по их вине потеряно все — судно, оружие, одежда и чаши, а с ними — и право на жизнь.

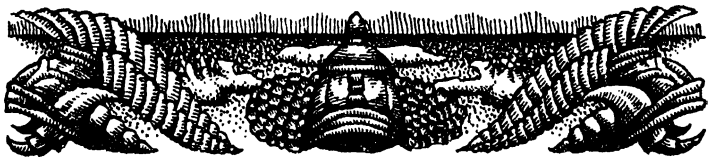
Бартон покинул хранилище, осторожно притворив дверь.

У него вдруг возникли опасения, что оказанное им гостеприимство имеет свои границы. Свободные цилиндры являлись слишком большой ценностью; они приносили команде плота немалый доход и могли служить выкупом у тех берегов, где скорость судна и сила оружия не обеспечивали безопасного плавания. Если он попросит у вождя семь чаш и получит отказ, то за цилиндрами наверняка станут приглядывать. Пожалуй, не следовало распространяться на эту тему и возбуждать излишнюю подозрительность. Их могут в любой момент выкинуть с плота.

Проходя мимо статуи, Бартон увидел, что вождь кончил возносить молитвы и направился на остров; очевидно, он хотел понаблюдать за ходом работ. Бартон в нерешительности остановился, потом, упрямо вздернув голову, зашагал следом. Он все-таки решил потолковать о свободных чашах — вне зависимости от исхода.

Когда человек бездействует, удача его спит.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На родном языке вождя звали Муту-шаили, что означало «Божий человек» — Мафусаил.

Как-то во сне Бартон возмечтал повстречаться с патриархом-долгожителем из Ветхого Завета.

Нет, этот Мафусаил не имел к нему никакого отношения. Он родился в Вавилоне и никогда даже не слышал о евреях. На Земле он был надсмотрщиком в зернохранилище, а здесь превратился в создателя и главу новой религии, капитана огромного плота.

— Это случилось много лет назад. Ночью в грозу я спал, и во сне ко мне явился Бог по имени Рашхаб. Я никогда о нем не слышал. Он сказал мне, что был могущественным Богом моих предков. Потомки забыли о нем, и почитали лишь в одном далеком поселении.

— Но Боги не умирают, а лишь меняются, приобретая иные имена или оставаясь безымянными; и Рашхаб тоже жил — в снах многих поколений. Но пришло время, когда он смог покинуть мир снов. Он повелел мне встать и отправиться в путь — чтобы нести людям слово истины во имя Его и по воле Его. Я должен был объединиться с единоверцами, построить большой плот и поплыть с моими людьми вниз по Реке.

— Рашхаб предрек, что спустя много лет — на Земле это жизнь нескольких поколений,— мы достигнем конца Реки, где она падает в дыру у подножья гор. Это будет Вершина Мира. Там мы минуем преисподнюю, огромную мрачную пещеру, потом светлое море и окажемся в благословенных землях, где будем жить вечно в мире и счастии вместе с богами и богинями.

Бартон подумал, что перед ним — безумец. Да, он попал со своей командой в руки фанатиков! К счастью, поклонни-

ки Рашхаба, по словам Мафусаила, никому не причиняли намеренного вреда, разве только при самозащите. Но Бартон знал по собственному опыту, как растяжимо это понятие.

— Рашхаб повелел, чтобы перед входом в преисподнюю его статуя была разбита на куски и брошена в Реку. Он не объяснил мне, почему надо так поступить; только заметил, что к тому времени мы все поймем сами.

— Что ж, ваши намерения прекрасны и благочестивы, — произнес Бартон. — Но вы виноваты в гибели моего судна и в том, что мы лишились чаш.

— Конечно, я прошу у вас прощения, но ничего не могу поделать — все произошло по воле Рашбаха.

Бартон увидел перед собой окаменевшее лицо собеседника. Едва сдерживаясь, он продолжал:

— Трое моих людей ранены и не могут продолжать путь пешком. Дайте нам хотя бы лодку, чтобы добраться до берега.

Сверкнув черными глазами, Мафусаил показал на остров.

— Вот он, берег, и там есть кормящий камень. Я прослежу, чтобы ваших раненых перенесли туда, дам сушеной рыбы и желудевого хлеба. Это все, чем я могу вам помочь. Пойми, я должен заниматься своими делами. Нам нужно сдвинуть плот в Реку. Рашхаб наказал не терять ни дня пути — что бы не случилось. Если мы задержимся, то найдем врата в страну богов запертыми навеки... тогда нам останутся лишь скорбь, отчаяние и сожаление об утрате веры и цели свершенного странствия.

Бартон понял: что бы он сам не свершил — все оправдано. Эти люди в долгу перед ним; он же им ничем не обязан.

Мафусаил отвернулся. Вдруг в его глазах мелькнуло изумление и, указывая на Моната, выходившего из хижины, он спросил:

— Кто это?

Бартон шагнул ближе к вавилонянину.

— Это существо из другого мира. Он со своими спутниками прибыл на Землю с далекой звезды. Это случилось лет через сто после моей смерти, вождь. Они пришли с миром, но земные люди узнали, что у них есть... лекарство — такое лекарство, которое может предохранить человека от старос-

ти. И люди потребовали открыть им секрет, но пришельцы отказались. Земля и так была очень перенаселена, а даже самый достойный человек не может жить вечно.

— Ты заблуждаешься, — возразил Мафусаил. — Вечную жизнь нам дали боги.

— Возможно; но согласно вашей религии бессмертным может стать лишь малая часть людей — например, те, что на плоту. Верно?

— Да. Это кажется жестоким, но пути к мысли богов неисповедимы.

— Ты прав. Мы знаем о богах лишь то, что они милостивы к тем человеческим существам, которые их славят. Я же никогда не встречал человека, чья жизнь была бы безупречна.

— И здесь ты заблуждаешься.

Бартон с трудом скрывал свое раздражение; спорить с этим фанатиком было бесполезно.

— На Моната и его спутников со звезды Тау Кита напала разъяренная толпа; они все погибли. Но перед этим Монат послал смерть почти всем людям на Земле.

Он замолк. Как объяснить этому невежественному существу суть событий, которые он сам плохо понимал? Пришельцы оставили свой звездный корабль на орбите около Земли, и за миг до смерти Монат подал туда радиосигнал. В ответ был исторгнут энергетический залп такой мощности, что почти все живое и разумное на Земле погибло. В этой истории многое оставалось для Бартона неясным — ведь в его время не было ни радио, ни космических кораблей.

Мафусаил широко раскрыл глаза. Глядя на Моната, вавилонянин спросил:

— Он великий волшебник? Он так могущественен, что смог убить сразу всех людей?

В какой-то момент Бартон решил обратить в свою пользу мифическое могущество Моната — как отмычку для получения лодки и нескольких чаш. Но Мафусаила, невежду и безумца, никак нельзя было считать глупцом; конечно, он тут же задался бы вопросом, почему Монат, такой великий чародей, не предотвратил крушения «Хаджи», или почему он не наградил своих спутников чудесной способностью летать по воздуху.

— Да, он убил их, — продолжал Бартон, — и сам очнулся на здешних берегах, не зная, где и почему он тут оказался. Естественно, его магические орудия остались на Земле; но он утверждает, что готов сделать новые и возродить свое могущество, такое же беспредельное, как прежде. Вот почему тем, кто смеется сейчас над ним, стоит подумать о будущем.

Пусть теперь Мафусаил поразмыслит над его словами; угроза была недвусмысленной. Но вавилонянин только усмехнулся:

— Ну, к тому времени...

Бартон понял: плот будет далеко.

— И Рашбах защитит свой народ, ведь бог всегда могущественнее человека, даже демона с других звезд.

— Почему же Рашбах не захотел предотвратить это крушение? — спросил Бартон.

— Не знаю, но уверен, что он посетит меня во сне и даст объяснения. — Без его воли ничего не происходит.

Мафусаил ушел, и Бартон вернулся к своим. Когда он вошел в хижину, Казз стоял у порога. На нем был одет лишь кильт, оставляющий открытым волосатый ширококостный могучий торс. Продолговатая голова с рыжей клочковатой порослью на темени казалась слегка опущенной из-за толстой, короткой шеи. Широкое лицо с проницательными маленькими темно-коричневыми глазками было почти человеческим — кроме носа, чудовищного комка плоти с вывороченными ноздрями, и рта — огромного, с серыми тонкими губами. Его руки, казалось, могли растереть камень в порошок.

Однако, будь неандерталец одет попристойней, во времена Бартона вряд ли он вызвал удивление на Ист Энд; разве только — любопытный взгляд.

Его полное имя, «Каззинтуйтруаабама», означало «Человек-Который-Убил-Длиннозубого». Бартон не раз думал, что Длиннозубому явно не повезло, когда он встретился с Каззом.

— Что случилось, Бартон-нак?

— Ты и Монат отправитесь со мной.

Он поинтересовался самочувствием остальных. Алиса и Фригейт заявили, что способны передвигаться самостоятельно, но бежать не могут. С Логу было сложнее. После приема

наркотика она не страдала от боли, но полное выздоровление наступит только через четыре-пять дней, когда срастется сломанная кость. Возможно, такая фантастическая быстрота исцеления вызывалась какими-то неизвестными им веществами, входившими в пищу. Но, какой бы не была причина, люди долго не могли привыкнуть к тому, как быстро тут исчезали всякие следы переломов, росли зубы, восстанавливалось зрение, обновлялись обожженные ткани, срастались раны и царапины. Сейчас, три десятилетия спустя, все это уже стало естественным.

Бартон еще не успел поведать о своих переговорах, как появились двенадцать вооруженных мужчин. Старший заявил, что ему приказано сопровождать их на остров. Двое положили Логу на носилки и вышли с ними из хижины. Следом захромал Фригейт, опираясь на руки Моната и Казза. Они еле шли, с трудом перебираясь через завалы из бревен. На берегу их встретили люди ганопо, взбешенные потерей лодок и причалов, но совершенно беспомощные.

Логу перенесли в одну из свободных хижин, и охрана удалилась. Перед уходом старший предупредил Бартона, что его команда больше не должна появляться на плоту.

— А если мы не подчинимся? — спросил Бартон.

— Тогда вас сбросят в Реку, причем с привязанными к ногам камнями. Всемогущий Рашбах повелел нам не проливать крови, пока нашей жизни не угрожает опасность. Но он ничего не говорил про воду, веревку и огонь.

Перед полуднем загрохотали грейлстоуны, а Бартону доставили с плота немного сухой рыбы и желудевого хлеба.

— Мафусаил сказал, что это спасет вас от голода, пока вы не наловите побольше рыбы и не приготовите хлеба из желудей, — передали посланцы.

— Ну, что ж, я отблагодарю его за все... хотя не знаю, понравится ли ему моя благодарность, — задумчиво произнес Бартон после того, как носильщики покинули хижину.

— Это пустая угроза или у вас есть план мести? — спросил Монат.

— Мстить — не в моих правилах, но без чаш мы отсюда не уйдем.

Прошло два дня. Плот все еще лежал на берегу. Завалы из бревен разобрали, и его удалось сдвинуть на несколько

метров к воде. Это была изнурительная работа. Все обитатели плота, за исключением вождя, трудились на носу, отталкиваясь шестами и веслами от берега. Целыми днями, от зари до заката, из сотен глоток неслось: «Взяли! Раз, два, три! Взяли!»

Каждый рывок передвигал тяжеленный плот лишь на десятую часть дюйма. Корма скользила по камням и набегавшие волны иногда выталкивали огромную махину обратно на берег, сводя на нет труд долгих часов.

К вечеру третьего дня плот удалось сдвинуть на пару ярдов. С такой скоростью, прикинул Бартон, им удастся освободиться лишь дней через семь.

Тем временем, ганопо тоже не сидели без дела. Они не смогли выпросить у предводителя вавилонян ни одной лодки взамен разбитых, и послали на правый берег четырех хороших пловцов. Те объяснили ситуацию соседям и вернулись с целой флотилией из двадцати лодок, набитых воинами. Высадившись на берег, их вождь осмотрел место катастрофы и уселся совещаться с ганопо. Бартон и Монат приняли участие во встрече.

Разговоров было много: жалобы ганопо, множество советов соседей и речь Бартона. Он рассказал о большом складе продуктов и товаров на плоту (не упомянув, конечно, о свободных цилиндрах). Возможно, стоит предложить вавилонянам помощь — если они поделятся частью своих запасов? Вождь соседей решил, что это неплохая мысль и отправился на переговоры с Мафусаилом. Тот был с ним весьма вежлив, но от помощи отказался. Парламентер вернулся на остров в большом разочаровании.

— У этих крючконосых никакого соображения, — заявил он. — Неужели они не понимают, что мы можем все у них отобрать, ничего не дав взамен? Они разбили судно чужестранцев, которое строилось целый год. Они виноваты в смерти члена их команды. Из-за них чужестранцы потеряли свои цилиндры! А если у человека нет кормушки, он умрет! Что они предлагают в уплату? Да ничего! Они издеваются и над ганопо, и над чужестранцами. Они — злые люди и должны быть наказаны.

— Хитрец! Ни слова о ценностях, которые его воины могут там раздобыть, — пробормотал Бартон по-английски Монату.

— Что ты сказал? — насторожился вождь.

— Я говорю моему другу, человеку со звезды, что ты обладаешь большой мудростью и понимаешь, где правда и где ложь. Поэтому все, что ты совершишь с крючконосыми, — правильно и справедливо, и на тебя снизойдет благоволение великого духа.

— Как много можно сказать на твоем языке несколькими словами!

— Язык моего народа — язык правды.

Да простит мне Бог это преувеличение, добавил про себя Бартон.

Вождь не раскрыл своих планов, но было очевидно, что задуманный набег может состояться буквально в эту же ночь.

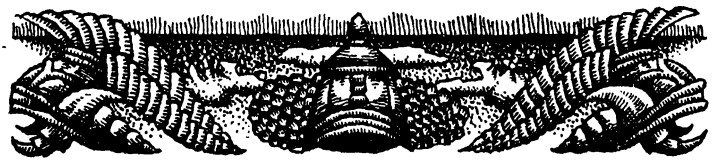
Бартон собрал свою команду в хижине.

— Не унывайте — я надеюсь, мы раздобудем чаши и не превратимся в нищих. Но надо не зевать и провернуть операцию сегодня же ночью. Логу, Пит, Алиса, вы можете двигаться? Нам будут нужны все силы.

Трое раненых ответили, что идти смогут, но бежать — вряд ли.

— Прекрасно. Значит, возражений нет, и мы принимаемся за дело. На этот раз мы возьмем свое!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вечером они с отвращением поужинали рыбой и хлебом, со страхом представляя, что впереди их ждут многие месяцы — или годы — полуголодного существования. Правда, добряки-ганопо снабдили их сигаретами и вином из лишайника. Перед тем, как забраться в хижину, Бартон прошел по берегу. Вавилоняне уже спали в своих жилищах, десятка два еще болтались на плоту. Трехдневная тяжкая работа совершенно измотала их, и вскоре все разошлись, спеша погрузиться в сон. Лишь несколько часовых расхаживали по палубе, зажигая сосновые факелы, смоченные рыбьим жиром.

Большая часть стражников собралась на носу — видимо, Мафусаил опасался, что люди Бартона заберутся на борт и похитят его добро. Маленькие темнокожие люди зорко следили за его прогулкой. На свое приветствие он не получил ответа.

Разведав обстановку, Бартон повернул к хижине. По пути он увидел вождя ганопо, сидевшего у костра с трубкой в зубах. Он присел рядом с индейцем.

— Думаю, что нынче ночью люди на плоту будут немало удивлены.

Вождь пыхнул трубочкой.

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, вождь народа с северного берега совершит набег на плот. Ты что-нибудь слышал об этом?

— Ни слова. Великий вождь шааванвааков не доверился мне. Но я не удивлюсь, если он и его воины не простят обид и оскорблений, нанесенных крючконосыми народу ганопо, находящемуся под их защитой.

— А как ты думаешь, когда они начнут атаку?

— В прежние дни, когда шааванвааки воевали с народом на южном берегу Реки, они переплывали ее перед рассветом — в час густого тумана их приближение было трудно заме-

тить. Вскоре после высадки поднималось солнце и воины видели, куда нанести удар.

— Так я и думал,— кивнул Бартон.— Но вот что меня удивляет. Перебраться через Реку на другой берег нетрудно, а вот найти в тумане небольшой островок — задача не из легких. Хотя утес на нем очень высокий, ночью его можно не разглядеть.

Вождь вытряхнул уголек из трубки.

— Меня это не касается.

— На стрелке есть бухточка, обращенная к северному берегу, которая может прикрыть нападающих от людей с плота. Им не будет виден и костер, но его легко разглядеть даже в тумане с северного берега. Не для этого ли костра ганопо целый день носили в бухту бамбук и хворост?

Вождь усмехнулся.

— Ты любопытен, как дикая кошка, и зорок, как ястреб, но я обещал вождю шаавнваков не проронить не слова.

Бартон прикусил язык.

— Понимаю. Не знаю, вождь, увидимся ли мы еще, но я благодарю тебя за гостеприимство.

— Увидимся,— не здесь, так в другом мире.

Бартон долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Он очнулся лишь когда Монат начал расталкивать его. Протирая глаза, Бартон поднялся. На планете Моната смена суток тоже занимала двадцать четыре часа, и Бартон полностью доверял его биологическому хронометру.

Остальные уже поднялись. Они тихо переговаривались и пили кофе. Темно-коричневые кристаллы, подарок островитян, мгновенно вскипали и растворялись в воде. Обсудив еще раз все детали похода, путники вышли наружу. Их хижина стояла высоко и, сквозь дымку тумана, им был виден слабый огонек, мерцавший на стрелке. Шаавнваки тоже смогут разглядеть его тусклый отблеск. Это все, что им было нужно от ганопо.

У Бартона и Фригейта были кремневые ножи, Казз держал в руках дубинку, вырезанную из сосновой ветви; остальные шли без оружия.

Вскоре они достигли края плота. До стражей с факелами оставалось ярдов пятнадцать, и нападающие поползли вдоль борта, уверенные, что заметить их невозможно.

Миновав часовых, Бартон поднялся на плот; остальные скользили за ним, словно тени в тумане. Наконец, он увидел стены и острую крышу склада — оттуда неслись громкие голоса и шаги стражи. Касаясь рукой стены, он обогнул строение сзади и остановился, доставая из-под одежды свернутую веревку, выпрошенную им у вождя (тот даже не поинтересовался, зачем она ему понадобилась). Веревки были также у Моната и Фригейта. Бартон связал их вместе и, протянув Алисе один конец, вместе с Монатом, Фригейтом, Логу, Бест и Каззом пошел дальше; он помнил, что как раз за складом лежали лодки.

В полном молчании они спустили на воду большое каноэ. Поднять лодку, выдолбленную из светлой сосны и обтянутую рыбьей кожей, было по силам лишь десятку человек, но они сумели справиться. Затем мужчины повернули обратно, оставив в каноэ Логу и Бест.

Держась за веревку, все четверо вернулись к складу. Кадзз проворчал:

— Тут еще кого-то принесло!

Они увидели пылающие факелы.

— Смена караула,— шепнул Бартон.

Они юркнули за угол, выжидая, когда пройдут часовые.

Бартон взглянул вверх: туман рассеивается или ему показалось? Они выжидали, стоя на холодном ветру, но обливаясь потом от напряжения. Стражники обменялись несколькими фразами, кто-то из них отпустил шутку, раздался смех, и они разошлись. По движению факелов было ясно, что двое направились к носу, а двое повернули к корме.

Наблюдавший за ними Бартон шепотом спросил:

— Эти двое, на корме... Кадзз, берешь на себя одного?

Неандерталец утвердительно буркнул.

Факелы удалялись, потом один из них исчез. Через минуту он показался уже невдалеке от них, словно один из стражников повернул в их сторону. Бартон жестом приказал всем спрятаться за постройку.

Это был Кадзз — его огромные зубы сверкнули бликами пламени. В руке он держал тяжелое дубовое копье с наконечником из рога меч-рыбы, на ремне висели сланцевый нож, насаженный на деревянную рукоятку, и кремневый то-

пор. Он направился к Фригейту и Алисе, протянув свою дубину Монату.

— Надеюсь, ты его не убил? — прошептал тот.

— Смотря какой толщины у него череп,— отозвался Казз. Монат поморщился. Он испытывал органическое отвращение к любому насилию, хотя в минуты опасности оказывался настоящим бойцом.

— Вас не подведет больная нога? — спросил Бартон Фригейта.— Сумеете точно метнуть топор?

— Об этом я сейчас и думаю,— Фригейт весь дрожал, хотя ему следовало держать себя в руках перед предстоящей схваткой. Он, как и Монат, страшился физической расправы.

Бартон наскоро объяснил своим бойцам задачу и повел Казза с Алисой вдоль стены к фасаду склада. Монат и Фригейт обходили его с другой стороны.

Они добрались до угла. Четверо стражников, собравшись в кружок, разговаривали. Бартон зажег свой фонарь и, быстро шагнув вперед, направил свет им в глаза.

В накинутом на голову капюшоне к часовым приближался Казз. Его не узнали сразу — видимо, стражники решили, что вернулся один из ушедших. Исправить свой промах они не успели. Казз резко взмахнул копьем и обрушил его как дубину на голову одного из вавилонян. Подскочивший Бартон поднес свой нож к шее другого. Он не хотел доводить дело до убийства и не позволил кровожадному Каззу заколоть свою жертву копьем. В стороне мелькнул топор Фригейта, он обрушил его на грудь третьего человека. Американец так боялся стать убийцей, что попал не совсем точно, однако сильный удар обухом топора свалил противника с ног. Тот попытался подняться, но рухнул под кулаками подоспевшего Бартона. Четвертый, побывав в руках Моната, уже корчился на полу.

Все произошло мгновенно и в полном молчании — без криков и шума. Никто не услышал их возни. Фригейт с Каззом подняли упавшие факелы, и Бартон открыл дверь склада. Стражников втянули внутрь, затем Монат быстро осмотрел их.

— Все в порядке, живы,— сообщил он.

— Они могут скоро прийти в себя. Казз, последи.

Бартон поднес фонарь к чашам, осветив их.

— Ну, все, мы не нищие!

Его раздирали сомнения. Должны ли они ограничиться семью цилиндрами или следует забрать все? В этом случае лишние можно обменять на древесину и паруса для нового судна. Конечно, его девиз — «Честь, не выгода!» — но в данном случае он не занимается воровством, а лишь возмещает потери. Наконец, он принял решение и велел забирать все тридцать цилиндров. Повесив их на шею, взяв по паре в каждую руку, они покинули склад и замкнули дверь. Держась за веревку, все двинулись в сторону каноэ, оставив факелы на палубе возле входа.

— Когда же индейцы начнут атаку? — спросил Монат.

— Я думаю, попозже,— ответил Бартон.

Спустившись в каноэ, они навалились на весла. Им нужно было добраться до южного берега и как можно дальше уплыть вверх по Реке. Бартона беспокоила сохранность лишних чаш. Их могли отобрать местные вожди, да и любой завистник наверняка бы покусился на такое сокровище.

Наконец, он придумал надежное укрытие. Двадцать три цилиндра наполнили водой и спустили под днище лодки, привязав к кожаному ремню. Ход каноэ сразу замедлился, но на их счастье берег был почти рядом.

Они причалили напротив грейлстоуна и, в ожидании завтрака, уселись на берегу. Со всех сторон сюда подходили местные жители. Бартон знакомился, представлял своих спутников, просил разрешения воспользоваться граалем. Туземцы не возражали. Они были весьма миролюбивы и благоволили чужестранцам, которые приносят свежие новости и слухи.

Туман спал. Бартон залез на вершину камня и осмотрелся. Отсюда он мог видеть примерно мили на четыре. Ему удалось разглядеть большие строения и идола на палубе; очаг в его брюхе не горел. Очевидно, вавилоняне опасались пожара на плоту, застрявшем у берега и зажатом со всех сторон бревнами.

Бартон понимал, что после напряжения прошедшей ночи, его команде необходим хороший отдых. Около полудня сюда прибыли вождь с несколькими воинами ганопо, и он принялся их расспрашивать.

— Эти тупоголовые шаванвааки не заметили плота и промахнули мимо. Не понимаю, как они умудрились не разглядеть наш костер! Плавали вокруг до рассвета, а когда туман рассеялся, обнаружилось, что их отнесло течением на пять миль ниже острова. Вот куча болванов!

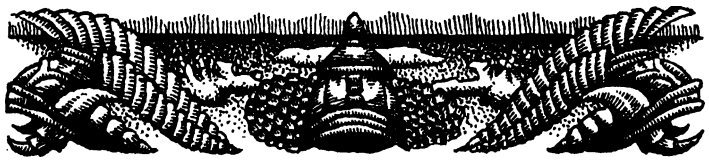
— А что говорят на плоту о пропаже каноэ? Не жалуются, что мы помяли охрану?

Бартон предпочел не упоминать о цилиндрах. Вождь рассмеялся.

— Да, перед вспышкой камня-кормильца они бушевали на берегу! Очень были сердиты, но почему — не сказали. Неужели из-за лодки? Цеплялись к нам, правда, дело обошлось без драки. Но мы рады, что эти скупцы остались в дураках. Они облазили весь остров, но вас, конечно, не нашли. Обнаружили пепел костра, спросили нас. Я объяснил, что здесь мы зажигаем огонь в честь Великого Духа, но они мне не поверили. Думаю, скоро они догадаются, где вы. Но не беспокойтесь, сейчас у них нет свободных людей — все, даже их шаман, трудятся на плоту. Раньше вечера они не нападут. Но шаванвааки могут их опередить...

Бартон так никогда не узнал, что случилось с поклонниками Рашбаха. Во избежание неожиданностей, он решил сразу же двинуться в путь. Оставив за кормой пару миль, путники вытащили из-под воды чаши и сложили их на дно каноэ. Странствие продолжалось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Спустя двести миль Бартон обнаружил место, пригодное для строительства судна. Здесь на берегах густо росли сосны, дубы, тис и бамбук; за ними простиралась открытая равнина. К тому же, в предгорьях еще оставался кремень и сланец, необходимые для изготовления топоров — это было сейчас большой редкостью. В некоторых государствах запасы подходящего камня совершенно истощились. В былые дни из-за таких месторождений часто вспыхивали жестокие войны.

К концу 32 года п.д.в. (После Дня Воскрешения) окончилась эпоха строительства судов. Это произошло во всех государствах, которые миновал Бартон за время своих странствий, но он полагал, что так было повсюду.

Страна, где они остановились, принадлежала к числу немногих, сохранивших запасы кремня и сланца. Местные жители — предшественники индейцев-алгонкинов с примесью древних пиктов — очень хорошо понимали ценность своих залежей. Их вождь по имени Оскас свирепо торговался с Бартоном. В конце концов, он заломил невероятную цену: семь тысяч обычных сигарет, пятьсот — с марихуаной, двадцать пять сотен сигар, сорок пачек трубочного табака и восемь тысяч чашек вина. Кроме того, он полагал, что неплохо было бы раз пять переспать с блондинкой — Логу. Он, конечно, предпочел бы заниматься этим каждую ночь, но боялся вызвать недовольство своих трех жен.

Бартон несколько минут не мог прийти в себя от изумления, затем сказал:

— Ну, это может решить только сама женщина. Но полагаю, что ни она, ни ее друг не согласятся. К тому же, ты просишь слишком много. Столько табака и марихуаны нам не набрать и за год.

Оскас пожал плечами.

— Ну, как хочешь...

Бартон собрал всех на совет и рассказал о требованиях вождя.

Казз возмутился.

— Бартон-нак, я прожил на Земле сорок пять зим без виски и табака, но здесь попал на крючок. И если я не получу и того, и другого хотя бы неделю, то чувствую себя как медведь с занозой в лапе.

— Ну, или две порции индейки к обеду или судно,— решил Бартон.— Выхода у нас нет, поэтому пожертвуем лишними цилиндрами.

Он вернулся к Оскасу, они сели, закурили трубки и приступили к новым переговорам.

— Женщина с желтыми волосами и голубыми глазами сказала, что ты можешь получить только одну часть ее тела — ногу; но и ту до колена. Боюсь, вождь, тебе придется трудновато.

Оскас долго смеялся, хлопая себя по бедрам и вытирая выступившие на глазах слезы.

— Вот неудача! Люблю умных женщин, но это уж слишком!

Бартон почесал нос, изображая нерешительность.

— Случилось так, что нам достался свободный цилиндр. Мне хотелось бы передать его тебе — в обмен на место, где мы могли бы построить судно, и на материалы для него.

Оскас не задал вопроса, где и как гость приобрел такую ценность; видимо, предположил кражу.

— Ну, что же,— засмеялся он,— сделку мы заключим, но сперва я должен взглянуть на эту кормушку. Ты не думаешь, что блондинка уж слишком поскупилась?

Вождь забрал цилиндр и отнес его в укрепленный дом совета племени, где хранились еще двадцать свободных цилиндров, собранных за многие годы. Их дары шли только вождю и его близким; как и повсюду, привилегии доставались лишь избранным.

Постройка судна заняла около года. Когда дело шло к концу, Бартон задумался о названии. Он не хотел давать ему имя предшественников — «Хаджи — 1» и «Хаджи — 2», плохо кончивших свой век; Бартон был слегка суверен. По согласию с командой корабль окрестили «Снарком». Алисе очень нравилось это название, связанное с воспоминаниями

о Льюисе Кэрролле, и она поддержала Фригейта, также считавшего его весьма удачным.

Улыбаясь, она прочитала вслух «Речь Белмена» из «Охоты на Снарка»:

«Он с собою взял в плаванье карту морей,
На которой земли — ни следа:
И команда, с восторгом склонившись над ней,
Дружным хором воскликнула: «Да!»
Для чего, в самом деле, полюса, параллели,
Зоны, тропики и зодиаки?
И команда в ответ: «В жизни этого нет,
Это чисто условные знаки.
На обыденных картах — слова, острова,
Все сплелось, перепуталось — жуть!
А на нашей, как в море, одна синева,
Вот так карта — приятно взглянуть!»

Бартон улыбался, но в глубине души был сердит на Алису: пусть иносказательно и метафорически, она оскорбила его как капитана. Дальше разговор пошел еще хуже.

— Будем надеяться, что путешествие на новой лодке не кончится новой катастрофой,— заявила Алиса.

— Ну, что же,— свирепо усмехнулся в ответ Бартон,— этот Белмен — капитан не лучше меня, если взял в путь вместо карты раскрашенную синим бумажку.— Он подумал и добавил: — Кроме того, в «Своде Морских Правил» существует статья 42, гласящая: «Никто не спорит с капитаном».

— А у Белмена она звучит так: «Капитан не спорит ни с кем».

Воцарилось молчание. Все ощутили напряжение, возникшее между ними и, неловко переглядываясь, в страхе ожидали гневной вспышки Бартона.

Монат поспешил исправить положение. Он улыбнулся.

— Я помню эти стихи. Особенно меня восхищает «Вопль шестой. Сон адвоката». Дайте-ка припомнить... Ах, да — там еще есть коза, которую судят за осквернение реки, и Снарк — в мантии, лентах и парике:

«Снарк (защитник) в конце выступления взмок —
Говорил он четыре часа;
Но никто из собравшихся так и не смог
Догадаться, при чем тут коза»

Он помолчал, поднял глаза вверх.

— Да, вот еще мое любимое четверостишие:

«Но тюремщик, роняя слезу на паркет,
Поуменьшил восторженность их,
Сообщив, что козы уже несколько лет,
К сожалению, нету в живых.»

Все засмеялись, и Монат добавил:

— Эти строчки — квинтэссенция земного правосудия: буква закона не отражает его сути.

— Я поражен,— вмешался Бартон.— За ваше краткое пребывание на Земле вы сумели не только многое прочитать, но и запомнить.

— Видите ли, «Охота на Снарка» — стихи, а я решил, что скорее пойму сущность людей Земли через их поэзию и беллетристику, чем из научной литературы. Вот почему мне запомнились эти стихи. Мой земной друг показал мне их, сказав, что это одно из величайших метафизических произведений, которым может гордиться человечество. Он, кстати, поинтересовался, есть ли у людей Тау Кита произведения, подобные этому.

— Ну уж вы, конечно, распустили хвост, расхвастались,— предположила Алиса.

— Ничего подобного! Уверен, что у нас такого нет.

Бартон удивленно покачал головой. Он был всегда ненасытным читателем и обладал почти фотографической памятью. Но он-то прожил на Земле шестьдесят девять лет, а Монат — лишь с 2002 по 2008 год! Однако здесь, за время их совместного плавания, Монат обнаружил познания, которые ни один человек не мог приобрести за столетие.

Разговор закончился мирно, и они приступили к работе на судне.

Но Бартон не мог отделаться от воспоминаний о колкостях Алисы и, когда они отправились спать, обрушился на нее с упреками. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, застывшими и безжизненными. При его атаках Алиса замыкалась, уходила в себя, что доводило Бартона до бешенства.

— Нет, Дик, я совсем не хотела тебя оскорбить. Если это и случилось, то совершенно бессознательно.

— Ах, бессознательно? Еще хуже! Неосознанные чувства — истинная суть человеческая! Ты можешь контролировать мысль, выраженную в словах... Можешь даже избавиться от нее! Но то, что лежит на дне подсознания... то, что смутной тенью мелькает в голове...

Он принялся вышагивать взад и вперед, его лицо в слабом свете костра казалось маской демона.

— Изабелла молилась на меня, но, когда я был неправ, спорила — яростно, упрямо! Ты же... от обиды ты, словно пес, залезаешь в свою конуру и сидишь там, затаившись. А в результате мы страдаем оба! Что дурного в спорах? Они, как гроза, очищают воздух!

— Вся беда в том, что тебя воспитали как леди. Ты никогда в гневе не повысила голоса, ты всегда ровна, холодна, спокойна. Но твое подсознание, доставшееся от прародителей-обезьян, бьется и бушует, как барс в клетке.

Глаза Алисы вспыхнули, она крикнула во весь голос:

— Ты лжец! И не смей попрекать меня своей женой! Мы же договорились никогда не вспоминать прежних супругов, а ты каждый раз толкуешь о ней и доводишь меня до исступления! Неправда, я — не каменная статуя... и не только в постели, ты-то прекрасно это знаешь! Да, я не стану скандалить при каждом неудачном слове и выхожу из себя лишь в самых крайних случаях. А ты... ты живешь в непрестанной ярости!

— Ложь!

— Я не лгу!

— Ну, хватит,— сдался Бартон, меняя тему.— Так чем же я не устраиваю тебя в роли капитана?

Алиса закусила губу.

— Речь не о том, как ты управляешь судном или обращаешься с командой; это все ты делаешь прекрасно. Нет, я о другом: ты не в силах справиться с самим собой.

Бартон присел.

— Ну, давай, давай. Только о чем ты?

Алиса наклонилась вперед. Ее лицо скрылось в тени.

— Прежде всего, ты не можешь прожить на одном месте больше недели. Через три дня ты уже взвинчен. К седьмому — мечешься, как тигр в клетке.

— Избавь меня от зоологических сравнений,— прервал он ее.— Ведь ты же прекрасно знаешь — только что я просидел на одном месте больше года.

— Да, пока строилась лодка. Но и сейчас ты выбрал такой проект, который позволил как можно быстрее ее закончить. К тому же, ты постоянно уезжал куда-то, оставляя нас работать на судне... Тебя тянет побывать всюду, узнать новости, изучить редкие обычаи и все еще незнакомые тебе языки — неважно что, был бы предлог удрать.

— Это болезнь души, Дик. И я сказала только об одном ее проявлении. Тебе невыносима любая остановка, но дело не только в этом... ты сам себя не выносишь, сам от себя пытаешься сбежать.

Он встал и принялся вышагивать взад и вперед.

— Значит, ты утверждаешь, что я сам себя не выношу. Какое жалкое существо! Он не любит даже себя — значит, другие тоже не могут его любить.

— Ерунда! Этого я не говорила!

— Все, что ты несешь — чистой воды вздор!

— Вздорные мысли в твоей голове, а не в моих словах!

По ее щекам потекли слезы.

— Но я... я люблю тебя, Дик!

— Видимо, не настолько, чтобы выносить мою никчемную эксцентричность.

Она всплеснула руками.

— Никчемную?

— Меня одолевает жажда странствий. Так что же? Надо ли над этим потешаться? Достоин ли осмеяния бегун, который чувствует зуд в ногах?

Она слабо улыбнулась.

— Нет. Я лишь заклинаю тебя избавиться он него. Это не зуд, не жажда странствий, Дик. Это обреченность.

Алиса встала, закурила сигарету и, размахивая ею перед носом Бартона, продолжала:

— Посмотри! В свое время на Земле я бы никогда не осмелилась закурить. Леди не могла себе этого позволить... особенно, если ее муж — эсквайр, а отец — епископ англиканской церкви. Леди не могла выпить больше допустимого приличиями... не могла, наконец, выругаться! Я уж не гово-

рю о том, чтобы лезть в воду голой или проткнуть копьем человека!

— И вот я, Алиса Лиддел Харгривс из поместья Кафнеллс, истинная аристократка, позволяю себе все это — и много большее... веду себя в постели так, что покраснели бы обложки французских романов, которые любил почитывать мой бывший супруг. Я изменилась! Почему же не можешь измениться ты? Сказать по правде, Дик, я устала от бесконечных странствий, от вечной тесноты на маленьких судах, от неуверенности в завтрашнем дне. Ты же знаешь, я — не трусиха. Все, что мне нужно — найти место, где говорят по-английски, где собрались подобные мне люди, где царит мир; место, где мы могли бы осесть и иметь крышу над головой. Я так устала вечно скитаться!

Бартона тронули ее слезы. Он положил ей руки на плечи.

— Но что же делать? Я должен продолжать свой путь. Вот моя...

— Изабелла? Но я-то — не она! Я — Алиса, и я люблю тебя, Дик, но не могу быть вечной твоей тенью, что волочится следом при свете дня и исчезает ночью.

Она отшвырнула наполовину выкуренную сигарету и повернулась к нему.

— Но это еще не все! Есть одна вещь, которая волнует значительно больше. Ты не доверяешь мне! У тебя есть тайна, Дик... по-моему, страшная тайна...

— Может быть, ты скажешь — какая? Лично мне ничего не известно.

— Не лги! Я же слышу, как ты разговариваешь во сне! Это связано с этиками, да? С тобой что-то произошло, о чем ты молчал все годы. Я слышу, как ты бормочешь о коконе, о своих семистах семидесяти семи смертях. Я слышу имена, о которых ты не упоминаешь наяву — Лога, Танабар. Ты говоришь о каком-то таинственном пришельце... Кто они, эти люди?

— Да, секреты могут хранить лишь мужчины, спящие в одинокой постели,— улыбнулся Бартон.

— Почему ты не хочешь рассказать мне? Неужели после стольких лет ты не можешь быть со мной откровенным?

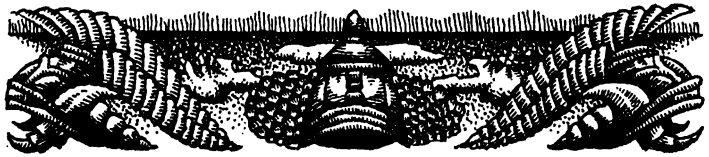
— Если бы я только рискнул... я рассказал бы обо всем, но это слишком опасно. Поверь мне, Алиса, я молчу, потому что ничего не смею сказать. Ради нашего общего блага не требуй никаких объяснений. Ты только разозлишь меня.

— Ну, ладно. Но ночью руки, пожалуйста, не распускай.

Он долго не мог заснуть, а перед рассветом, внезапно пробудившись, в страхе спрашивал себя: не разговаривал ли он вслух?

Алиса сидела на постели, пристально вглядываясь в него.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Во время завтрака к Бартону явился Оскас, изрядно под хмельком. Он вручил ему мех, в котором плескалось с полгаллона спиртного.

— Слышал ли ты о большой белой лодке, плывущей с низовьев Реки? — спросил вождь.

— Ну, об этом не слышал только глухой,— Бартон отхлебнул добрый глоток. У вина был прекрасный аромат — грейлстоуны никогда не выдавали второсортную продукцию.— А-а-ах! — Помолчав он добавил: — Мне трудно поверить всем этим россказням. Говорят, что корабль приводится в движение гребными колесами; значит, у них двигатели из металла. Но где удалось его добыть? Кроме того, я слышал, что и корпус металлический. Столько металла не собрать на всей планете — а судно не маленькое.

— Ты полон сомнений,— важно сказал Оскас,— и это очень вредно для печени. Если слухи правдивы, то большая лодка прибудет к нам через несколько дней. Мне бы очень хотелось иметь такую лодку.

— Не только тебе. Но если кто-то соорудил такое судно, то он имеет и подходящее оружие для его защиты — конечно, огнестрельное. Ты никогда не видел такого. Оно похоже на трубки из железа, выбрасывающие кусочки металла — их называют пули. Некоторые трубки могут выпустить десяток пуль, пока воин натягивает лук... И бьют они дальше тех холмов.

Бартон сделал еще глоток и скользнул взглядом по красному возбужденному лицу Оскаса.

— Будь уверен, многие хотели захватить эту лодку и поплатились жизнью, не успев даже выпустить своих стрел. Ну, а если ты ее даже получишь, то что станешь с ней делать? Управлять таким судном могут только умелые люди.

— Это можно устроить. Вот ты, например, мог бы с ней справиться?

— Возможно.

— Ты согласен помочь мне ее захватить? Я был бы благодарен и сделал тебя своим первым помощником.

— Я человек не воинственный и не жадный,— ответил Бартон.— Однако твоя идея мне нравится. Я готов. А сделать нужно вот что.

Оскас с увлечением выслушал фантастические планы Бартона, потом заявил, что пришлет еще вина. Они потолковали с полчаса, и Оскас, широко улыбаясь и сильно пошатываясь, удалился.

Бартон смотрел вслед доверчивому индейцу. Он не собирался участвовать в его игре; насчет судна у него имелись свои планы.

По слухам, этот корабль двигался быстрее парусников. Он должен попасть на него. Он еще не знал, каким образом, но понимал, что здесь нужна не сила, а хитрость.

Прежде всего, путешественники могли здесь не остановиться. Да и есть ли у них место, чтобы принять новых людей? Захочет ли капитан взять его на борт со всей командой?

Целый день он молчал, погруженный в свои мысли. Даже лежа в постели, Бартон продолжал обдумывать самые различные варианты. В какой-то момент он было решил действовать совместно с Оскасом. В конце концов, можно выдать планы вождя и этим заслужить расположение капитана. Но он тут же отказался от подобных замыслов. Пусть Оскас жаден и вероломен, но он, Бартон, предав его, станет бесчестным подлецом. Кроме того, погибнут и люди Оскаса, а ему не хотелось бы отягощать свою совесть подобной ношей.

Нет, надо искать другой путь.

В конце концов, он его нашел. Успех зависел от того, остановится ли здесь судно. Как это устроить? К утру план был готов, и Бартон, успокоившись, заснул.

Прошло два месяца и появились первые признаки приближения большого корабля — сигналы, которые подавали соседи вспышками слюдяных зеркал, дымом, огнями и барабанным боем.

Бартон пытался представить, как выглядит плывущий к ним левиафан. Конечно, он больше любого колесного судна, плававшего по Миссисипи в его времена. У корабля металлический корпус, скорость — около пятнадцати миль в час.

Бартон полагал, что у него паровые двигатели, но, по слухам экипаж редко брал на борт дрова — по-видимому, лишь для подогрева воды в душах и подачи пара на орудия. Ему трудно было представить, как пар выталкивает пули и снаряды, но Монат утверждал, что это вполне возможно.

Вскоре информация стала более определенной. Двигатели судна питало электричество, получаемое при разряде грейлстоунов.

— Значит, у них есть не только сталь, но и медь для обмоток электромоторов, — заключил Бартон. — Но где они добыли столько металла?

— Возможно, они использовали алюминий, — предположил Фригейт. — Он вполне годится для обмоток, хотя медь, конечно, эффективней.

Поступали все новые и новые сведения. На борту корабля красовалось латинское название «Рекс Грандиссимус», что в переводе означало «Величайший король».

Называли и имя его капитана, короля Джона Ланкастера, сына Генриха II и Элеоноры, дочери герцога Аквитанского. После смерти своего знаменитого брата, Ричарда Львиное Сердце, Джон стал Иоанном, королем Англии, владыкой Ирландии и сопредельных земель. За время своего правления он заработал столь скверную репутацию, что ни один повелитель Британского королевства больше не называл своего наследника презренным именем Джон.

Услышав эти новости, Бартон обратился к Алисе.

— Один из твоих предков командует колесным судном. Может, стоит воззвать к родственным чувствам, чтобы попасть на борт? Правда, как следует из истории, он не обращал внимания на такие мелочи. Он поднял мятеж против отца и прикончил своего племянника Артура, которого Ричард провозгласил наследником.

— Джон не хуже и не лучше любого короля тех времен, — возразила Алиса. — И, несмотря на людские толки, он сделал много полезного: реформировал денежную систему, развивал мореплавание, покровительствовал торговле, помог достроить Лондонский мост. Джон был образованным и неглупым человеком, читал книги на латинском и французском языках и никогда не расставался со своей библиотекой.

— Ничего себе! — воскликнул Бартон.— У тебя он выглядит просто святым.

— Ну, до этого ему далеко. Джона мало трогали интересы Англии и благополучие ее народа — впрочем, как и остальных Ланкастеров. Он...

— Ладно, бог с ним! Сейчас мы стоим перед фактом — средневековый монарх каким-то образом получил власть над грандиознейшим сооружением, самым мощным механизмом в этом мире. Мне нужно попасть на судно. Каким образом это сделать?

— Ты хочешь сказать — нам нужно попасть на борт?

— Ты права. Тысяча извинений, именно — нам.

Спуск «Снарка» на воду сопровождался множеством поздравлений и возлияний. Но Бартон не чувствовал радости. Он потерял к суденышку всякий интерес.

На пиршестве Оскас обратился к нему.

— Надеюсь, ты не собираешься уехать отсюда? Я рассчитываю на твою помощь в том деле с большой лодкой.

Бартон жаждал послать индейца ко всем чертям, но был вынужден вести себя дипломатично. Вождь мог отнять у них «Снарк» или, что еще хуже, силой увести Логу. В течение года он доставлял ей немало хлопот, но до прямого насилия дело не дошло. Когда он напивался — а это происходило часто — то открыто спрашивал Логу, когда она пойдет с ним в постель.

Фригейт, не лишенный по натуре воинственности, даже хотел вызвать его на дуэль, хотя и понимал всю абсурдность своего намерения. Нередко ночами им с Логу приходилось скрываться, и его мужское достоинство взывало к отмщению. Однако он не допускал и мысли, чтобы сбежать отсюда и бросить людей, с которыми он был близок много лет.

Однажды Логу заявила:

— Ты не коснешься этого дикаря даже пальцем. Если ты это сделаешь, его люди убьют тебя. Предоставь мне самой с ним разобраться.

Затем она потрясла всех, а больше всего — Оскаса, вызвав его на смертельный поединок.

Оправившись от изумления, вождь загоготал:

— Что? Мне драться с женщиной? Я луплю своих жен, когда они меня рассердят, но не дерусь с ними. Если я на это

пойду и убью тебя, мне плохо придется. Надо мной станут смеяться, я перестану быть Оскасом Медвежьей Лапой, и меня назовут Мужчиной-Который-Боролся-с-Женщиной.

— Ну, как же мы будем сражаться? — не отступала Логу.— На томагавках? На ножах? Или голыми руками? Ты уже видел в состязаниях, что я владею любым оружием. Правда, ты выше и сильней, зато я знаю много боевых приемов.

Она не добавила, что он пьян, тучен и явно пережил свою славу непобедимого бойца.

Если бы с Оскасом так разговаривал мужчина, он знал, как ответить. Но сейчас, в пьяном дурмане, вождь никак не мог найти достойного выхода. Если он убьет эту женщину, то станет всеобщим посмешищем, а если не примет ее вызова, его сочтут трусом.

Вперед выступил улыбающийся Монат.

— О вождь! Логу — мой лучший друг; ты — мой друг тоже. Почему бы вам не оставить эту затею? В тебе сейчас говорит вино, а не твой собственный разум. Оскас — вождь и могучий воин. Разве может унизить его отказ от борьбы с женщиной? — Монат пристально уставился в непроницаемые глаза индейца и продолжал: — Тебя больше не волнует эта женщина. Тебе это только кажется сейчас, потому что ты полон виски. С сегодняшнего дня ты будешь обходится с Логу, как с женой другого мужчины.

— Думаю, Бартон тебе рассказывал, что когда-то я был великим волшебником. Я еще сохранил былое могущество и мне придется пустить в ход чары, если ты оскорбишь Логу. Я сделаю это без желания, так как весьма почитаю тебя. Но если что-то произойдет, то пеняй на себя.

Лицо Оскаса, смуглое, с багровым румянцем на щеках, побледнело. Он кивнул головой.

— Да, во всем виновато виски. Забудем о том, что случилось.

Больше Оскас не произнес ни слова, но на следующий день заявил, что был накануне сильно пьян и ничего не помнит.

Несколько месяцев он проявлял к Логу лишь вежливую холодность, потом опять вернулся к старым разговорам.

Сейчас, когда близилось время отъезда, он неотступно преследовал ее.

Беседуя с Оскасом, Бартон учитывал деликатность ситуации и старался внушить вождю, что теперь у него должны быть другие заботы.

— Нет, пока мы не уезжаем, и я собираюсь действовать, как мы договорились — вместе с тобой захватить лодку. Но вот что важно: она должна остановиться у одного из кормящих камней на твоем берегу, чтобы получить силу для дальнейшего путешествия. Если она пройдет мимо — все пропало. Я примерно рассчитал место, где она может причалить — где-то у четвертого или пятого грейлстоуна. Завтра наш парусник должен сделать первый рейс. Мы отправимся туда, где остановится большое судно, и осмотрим местность. Надо все предусмотреть для успеха дела. Не хочешь ли поплыть с нами?

Оскас посмотрел на него прищуренными глазами и засмеялся.

— Конечно, хочу. Нельзя в битву вступать слепым.

Вождь ни словом не обмолвился о своих подозрениях насчет того, что «Снарк» может не вернуться, но они были очевидны. Этим вечером он оставил четырех воинов присматривать за суденышком и его экипажем, но Бартон спал сном младенца — вместе с остальными подозреваемыми.

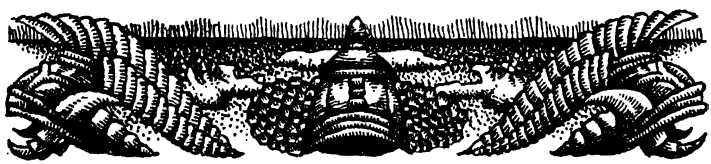
На следующее утро вождь появился на борту вместе с семью лучшими бойцами племени. На палубе негде было повернуться, но Бартон, казалось, ничего не имел против. Он стал потчевать гостей настойкой из лишайника и листьев железного дерева; его команда благоразумно воздерживалась от алкоголя. К полудню и Оскас, и воины начали громко хохотать и вести бессвязную беседу; их не отрезвил даже плотный обед. Бартон удвоил порции спиртного, и через час индейцы, шатаясь, бродили по палубе или валялись мертвецки пьяными.

Теперь справиться с ними не составляло труда. Тех, кто еще стоял на ногах, столкнули в Реку, остальных побросали следом. Холодная вода мигом привела их в чувство. Барахтаясь у берега, Оскас грозил кулаком и ругался сразу на двух языках — своем родном и эсперанто. Бартон расхохотался и приложил ко лбу расставленные на манер рогов

пальцы. Оскас впал в неистовство; еще больше изощряясь в ругани, он в самых сильных выражениях расписывал будущую месть.

Прицелившись, Казз метнул в вождя его собственный цилиндр и угодил в голову. Два индейца нырнули за погрузившимся под воду Оскасом и придерживали его, пока тот приходил в чувство. Неандертальцу эта шутка показалась очень забавной; было бы еще интересней, если бы вождь утонул. Казз не был жесток и за долгие годы скитаний перенял у своих спутников и компаньонов пристойные манеры. Но в душе он оставался первобытным дикарем, а потому обладал сильным чувством причастности к племени, к своему роду. Только члены его рода расценивались как человеческие существа; все остальные — и друзья, и враги — не были для него настоящими людьми. Он утратил своих соплеменников на Земле, но обрел новых среди команды «Снарка». Они стали его семьей, его родом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Снарк» не причалил в том месте, которое Бартон назвал Оскасу. Он обманул вождя — тот мог вернуться с воинами, чтобы отомстить за свой позор.

Два дня они плыли вниз по Реке до предполагаемой стоянки большого судна, непрерывно наблюдая сигналы Оскаса, посылаемые то с помощью гелиографа, то вспышками огня и клубами дыма, то стуком барабанов. Вождь объявлял всем и вся, что Бартон украл у него табак и спиртное, а также пытался похитить его самого. Он обещал награду любому, кто схватит «преступников».

Бартону пришлось обдумать ответные меры, хотя он сомневался, что правители мелких государств рискнут остановить «Снарк». Оскаса не жаловали в тех краях. Все эти годы он слишком досаждал соседям своей воинственностью. Но кто мог гарантировать, что не найдется желающих поживиться за их счет?

Бартон сошел на берег с большим ящиком табака и вина, и целым набором дубовых колец. Все это он уплатил местным властям за передачу его послания. В нем утверждалось, что Оскас — лжец, что на самом деле он хотел силой овладеть женщиной из их команды, поэтому ей со спутниками пришлось спасаться бегством. Их преследовали на боевом каноэ, которое перевернулось при нападении на «Снарк». Еще он добавил, что у вождя и его сподвижников — огромные богатства: чуть ли не сотня свободных цилиндров.

Конечно, все это было чистой воды враньем. Как-то в подпитии Оскас проговорился Бартону о припрятанных двадцати цилиндрах. Но сейчас важно было отвлечь от себя внимание и переключить его на вождя. Услышав о лишних чашах, племя, несомненно, ополчится на него и потребует отдавать излишки в общий котел. Оскас будет втянут в свару со своими подданными; возможно, к ней примкнут и сосед-

ние государства. На осуществление мести у него не хватит ни сил, ни времени.

Размышляя о своей проделке, Бартон потирал руки и довольно посмеивался.

«Снарк» миновал участок, где Река низвергалась вниз, образуя озеро. На Земле подобный водоем, окруженный высокими берегами, не мог бы породить даже крохотного ручья. Но здесь, миновав стоячие воды, они опять вышли на стремнину; Река все так же мчалась к далекому устью, к сказочной гигантской пещере, открывавшейся в северное море. Существовало множество гипотез о происхождении этого феномена, но разгадки не знал никто.

Одна из версий предполагала наличие локальных колебаний гравитационного поля, поднимавшего водный поток до уровня, с которого Река снова стекала по уклону местности. Ее сторонники считали, что творцы этого мира установили подземные устройства, создававшие дополнительное поле тяготения в определенных районах планеты.

Другие утверждали, что вода нагнетается под высоким давлением из труб, заложенных под руслом Реки.

Третий вариант предполагал одновременное воздействие сверхмощных насосов и гравитационного генератора, обеспечивающих непрерывный ток воды.

Четвертые не видели во всем этом никакого чуда, а лишь исполнение божьей воли.

Большинство же не пыталось ломать голову над подобными загадками.

Как бы то ни было, по всему руслу Реки, на протяжении миллионов миль, вода нигде не застаивалась и не останавливалась.

К концу второго дня «Снарк» причалил в местности, где предполагалась стоянка «Рекса». Неожиданно путники узнали, что металлический левиафан уже несколько дней стоит неподалеку, и его экипаж высадился на берег.

— Великолепно! — воскликнул Бартон.— Значит, завтра мы сможем до них добраться, потолковать с капитаном Джоном и заручиться его поддержкой.

Все это звучало оптимистически, но на самом деле он отнюдь не был уверен в успехе. Как примут их на судне? Если верить историческим хроникам и преданиям, Джон был ка-

призным человеком... Бартон решил не гадать, а дождаться утра, которое, как известно, мудренее вечера.

Большинство местных жителей были датчанами шестнадцатого столетия, меньшая часть — древние фракийцы, остальные — выходцы из разных стран и эпох. Бартон встретил здесь Флеминга, знавшего и Бена Джонсона, и Шекспира, и других знаменитостей своего времени. Во время оживленной беседы с ним к костру подошел худощавый голубоглазый блондин. Он стоял, пристально разглядывая Фригейта, и вдруг, широко улыбаясь, бросился к нему.

— Пит! — закричал он.— Боже правый, Пит! Я — Билл Оуэн! Пит Фригейт, господи боже! Ты же — Пит, правда?

Фригейт озадаченно смотрел на него.

— Да. Но откуда вы... простите, как вас зовут?

— Билл Оуэн! Господи, ты меня совсем не помнишь? Я же Билл Оуэн, твой старинный приятель! Ты изменился, Пит. Я тебя едва узнал. Я — Билл Оуэн, вспомни! Как давно мы не виделись, старина!

Фригейт хлопнул себя по лбу. Они обнялись и оживленно заговорили, перебивая друг друга и поминутно громко смеясь. Немного успокоившись, Фригейт представил Оуэна своим спутникам.

— Это мой однокашник. Мы знаем друг друга с четвертого класса, вместе кончали школу в Пеории, а потом дружили несколько лет. Даже когда я остался в Пеории один, мы время от времени встречались... не часто, конечно — у каждого уже была своя жизнь и свой круг знакомых.

— И все же,— упрекнул Оуэн,— не понимаю, почему ты не смог узнать меня. Впрочем, я тоже не был уверен. Мне ты запомнился другим: нос был длиннее, глаза — не такие светлые, рот и подбородок — больше. А голос? Помнишь, все шутили, что голос у тебя — точная копия Гарри Купера? Теперь он совсем другой. Ну, неплохая у меня память?

— Да, ничего не скажешь! Но мы помним друг друга пожилыми людьми, а сейчас опять выглядим двадцатипятилетними. К тому же, наши одеяния сильно изменились... знаешь, в них лучше не показываться на глаза старым знакомым.

— Да, верно! Слушай, ты — первый встретившийся мне человек из тех, кого я знал на Земле.

— А ты для меня — второй. Одного я повстречал тридцать два года назад, но лучше о нем не вспоминать.

Бартон знал, что речь идет о человеке по имени Шарко, чикагском издателе научной фантастики, который впутал Фригейта в довольно сомнительную сделку. Эта история тянулась несколько лет и едва не привела к полному краху его писательской карьеры. Именно на этого типа Пит и наткнулся почти сразу же после воскрешения. Бартон не был свидетелем их встречи, но с любопытством выслушал рассказ Фригейта о проведенной над Шарко экзекуции.

Сам Бартон лишь однажды увидел знакомое лицо, хотя на Земле общался с огромным кругом самых разных людей по всему миру. Пожалуй, он тоже не испытал большой радости. Тот человек был носильщиком в экспедиции к истокам Нила. По дороге на озеро Танганьика (Бартон являлся первым добравшимся туда европейцем) араб купил рабыню — девочку лет пятнадцати. Она оказалась больной, и он отрубил ей голову.

Предотвратить убийство Бартону не удалось — в тот момент его не было поблизости. По местным законам он не мог покарать убийцу, который имел все права на рабыню. Но, однажды, придравшись к арабу, Бартон нещадно избил его и выгнал — якобы за леность и воровство.

Потягивая вино из лишайника, Оуэн и Фригейт с увлечением вспоминали былые дни. Бартон обратил внимание, насколько Билл лучше помнит друзей и события прошлого. Странно, подумал он, ведь у Пита всегда была хорошая память.

— Помнишь, мы не могли пропустить ни одного фильма в этих старых киношках — «Принцессе», «Колумбии», «Аполлоне»? — увлеченно говорил Оуэн.— В субботу мы решали, сколько лент нам удастся посмотреть за день. Мы шли на два сеанса в «Принцессу», потом еще на два — в «Колумбию» и на три — в «Аполлон», да еще умудрялись попасть на ночной фильм в «Мэдисон».

Фригейт смеялся и поддакивал, но по выражению его лица было ясно, что многого не припоминает.

— А помнишь поездку в Сент-Луис вместе с Элом Эверхардом, Джеком Диркманом и Дэном Дабином? Нас отдали

на попечение кузине Эла, мы еще гуляли по кладбищу... как оно называлось?

— Совсем не помню, черт меня побери.

— Держу пари, ты не мог забыть, как вы с нашей опекуншей бегали по всему кладбищу, прыгали через могилы, целовались сквозь венки и расцарапали носы о жестяные листья... Нет, такое не забывается!

— Господи, неужели это было на самом деле? — криво усмехнулся Фригейт.

— Тебе вскружил голову ветер свободы! И кое-кто еще! Хо-хо!

Воспоминания продолжались. Затем разговор переключился на дни Великого Воскрешения и стал общим. Это являлось излюбленной темой. Никто не мог забыть тот страшный, неповторимый день, в каждом до сих пор жили его ужас и смятение. Бартон вначале удивлялся, что об этом не перестают толковать, но потом понял — возвращение к тому дню сродни исповеди. Люди, выплескивая свой страх в словах, надеялись в конце концов избавиться от потрясения.

На этот раз все пришли к общему мнению, что каждый из них вел себя достаточно глупо.

— Я припоминаю, как пыталась сохранить достоинство благородной леди, — улыбнулась Алиса. — И не только я одна. Но большую часть людей охватила истерика — естественно, все испытали сильнейший шок. Даже странно, что никто вновь не умер от сердечного приступа. Одна мысль, что ты разгуливаешь после своей смерти, способна убить любого.

— Я совершенно уверен, — заявил Монат, — что перед воскрешением неизвестные благодетели ввели нам какой-то препарат для смягчения шока. До сих пор мы находим в своих чашах Жвачку Сновидений, своего рода психический депрессант. Правда, она часто провоцирует людей на чудовищные поступки.

Алиса взглянула на Бартона. Даже после стольких лет при воспоминании о том, что произошло между ними в первую же ночь, ее лицо зaалело. Тогда в несколько минут рухнули все созданные прошлой жизнью барьеры, и они вели себя как настоящие животные. Все тайные помыслы и желания внезапно вырвались на свободу.

Беседой завладел Монат. Несмотря на свою мягкую обходительность, он при первой встрече обычно вызывал неприязнь. Людей отпугивала его странная внешность и неземное происхождение.

Ему часто приходилось рассказывать о жизни на родной планете и на Земле. Лишь немногие знали, что именно Монат уничтожил почти весь род людской. Никто из присутствующих, за исключением Фригейта, не жил на Земле в то время, когда космический корабль с Тау Кита прилетел на нашу планету.

— Все это очень странно,— заметил Бартон.— По словам Пита, в 2008 году на Земле обитало около восьми миллиардов человек. Из них я никого здесь не встретил, кроме Моната и Пита. А вы?

Не посчастливилось и остальным. Из местных после семидесятых годов двадцатого столетия жили лишь Оуэн и еще одна женщина. Она умерла в 1982 году, он — в 1981.

— На Реке обитает не меньше тридцати шести миллиардов. Из них, по-видимому, многие жили в период между 1983 и 2008 годами. Но где они?

— Возможно, у соседнего грейлстоуна,— предположил Фригейт,— или того, мимо которого мы проплыли вчера. Никто же здесь не проводил переписи, да она и невозможна. Мы видели на берегах сотни тысяч людей, но могли поговорить лишь с десятком в день.

Какое-то время они обсуждали причины воскрешения и его загадочных организаторов. Потом разговор зашел об отсутствии растительности на лицах мужчин и восстановлении девственной плевы у женщин перед воскрешением. Половина мужчин осталась чрезвычайно довольной тем, что исчезла необходимость бриться; другая — негодовала при мысли о потере усов и бород.

Весьма удивительной казалась и та щедрость, с которой грейлстоуны снабжали губной помадой и косметикой одинаково и мужчин, и женщин. По мнению Фригейта это означало, что их неведомые покровители не любят бриться, но широко используют макияж — причем не взирая на пол.

Алиса перевела разговор на пребывание Бартона в предвоскресительном коконе. Эта история всех заинтересовала, но Бартон отказался говорить на эту тему, сославшись на по-

терю памяти; после удара по голове его мучили сильные боли. Он заметил недоверчивую улыбку Моната и заподозрил, что инопланетянин ясно видит его лукавство. Но тот не проронил ни слова. Не зная причин, заставлявших Бартона молчать, он, признавал его право на скрытность.

Фригейт и Алиса пересказали его историю — так, как они им запомнилась. Кое-что они напутали, но он ничего не стал поправлять.

— Если все так,— заметил один из сидевших у костра мужчин,— то наше воскрешение не является сверхъестественным событием. Оно — результат — научного знания. Занятно!

— Да, действительно,— согласилась Алиса.— Но почему же воскрешения прекратились? Почему мы вновь обречены на смерть, на вечную смерть?

Воцарилось угрюмое молчание. Его прервал Казз.

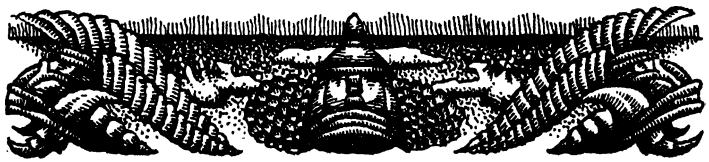
— Бьюсь об заклад, что Бартон-нак не забыл ту историю со Спрюсом, шпионом этиков.

Со всех сторон посыпались вопросы.

Бартон хлебнул хороший глоток спиртного и начал рассказ. Однажды, поведал он, его вместе с друзьями захватили в плен. Они превратились в рабов, в живое приложение к своим чашам. Слушателям не надо было объяснять смысл этих слов — почти каждый испытал и плен, и рабство. Захватчики атаковали судно Бартона и, после ожесточенной схватки, его команда оказалась в концлагере. У них забирали весь табак, вино, марихуану и Жвачку Сновидений — вместе с половиной пищи. Пленники вели полуголодное существование.

Прошло несколько месяцев, и Бартон, вместе с человеком по имени Таргоф, поднял мятеж и победил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Спустя пару дней после того, как мы вновь обрели свободу,— продолжал свою историю Бартон,— ко мне подошел Казз. Он был сильно возбужден. «Помнишь, я говорил тебе, что вижу знаки? — сказал он.— Ты не понял и не обратил внимания, хотя я пытался объяснить... но тогда я совсем плохо говорил по-английски. Теперь я опять встретил человека, который не имеет на лбу этого!».

— И мой друг, мой нак, как он говорит, показал на середину своего лба. Затем Казз продолжал: «Я знаю, ты не видишь этого, как не видят ни Пит, ни Монат. А я могу разглядеть знак на лбу каждого, кроме одного человека, о котором как-то пытался тебе сказать. Я видел еще женщину без *этого*, но промолчал. И сегодня я встретил третьего, тоже без знака.»

— Я ничего не понял, но Монат объяснил мне: «Казз хочет сказать, что он различает какие-то символы или знаки на лбу каждого из нас. Он может увидеть их только при ярком солнечном свете и под определенным углом. Все встречавшиеся ему люди имели эти метки, кроме троих.»

— Фригейт добавил, что, по-видимому, Казз способен видеть в более широком спектральном диапазоне, чем люди позднейших эпох. Очевидно, в ультрафиолете, так как метки голубоватые. Во всяком случае, так он их описывал. Мы, за редкими исключениями, помечены, как скотина. Все это время Казз и его подруга Бест видели их на лбах людей — только при ярком свете, разумеется.

Эти слова вызвали у присутствующих некоторый шок. Бартон переждал, пока утихнут страсти.

— Люди двадцатого столетия, возможно, знают о новом взгляде антропологов на положение неандертальцев в исто-

рии человечества. Установлено, что они являются не какими-то особыми существами, а подвидом хомо сапиенс. От нас их отличают физическое строение и форма зубов, а также способность видеть в ультрафиолетовом диапазоне спектра.

— Очевидно, наши неведомые благодетели создавшие этот мир и пометившие нас, как скотов, не подозревали об особенностях зрения хомо неандерталис, — Бартон усмехнулся. — Вот вам доказательство, что они не всеведущи. Я спросил, у кого же нет на лбу знака, и Казз ответил: «У Роберта Спрюса!»

— Спрюс жил среди рабов. Он представлялся англичанином, родившимся в 1945 году. Больше о нем ничего не было известно.

— Я сказал, что его нужно допросить, но Фригейт заметил, что сначала его следует поймать; Спрюс сбежал. Казз, по наивности, спросил его насчет метки — Спрюс побледнел и через несколько минут скрылся. Фригейт и Монат разослали поисковые отряды, но его пока не обнаружили.

— Его нашли в холмах через несколько часов и привели к членам Совета этого государства. Спрюс был бледен, дрожал, но бесстрашно смотрел нам в глаза.

— Я выложил ему все: что мы подозреваем в нем агента этиков, и что применим даже пытку чтобы узнать правду. Тут я солгал — вряд ли мы стали бы его пытать. Но Спрюс поверил угрозе и сказал: «Если вы начнете мучить меня, то потеряете шанс на вечную жизнь или, как минимум, будете отброшены далеко назад на вашем пути к конечной цели». Я поинтересовался, о какой цели идет речь, но он не ответил, прошептав: «Мы слишком чувствительны и не в силах переносить боль».

— Он перестал отвечать на наши вопросы, и один из членов Совета пригрозил, что его подвесят над костром. Тут вмешался Монат, сказав, что наука его родного мира намного опередила земную, а потому он более подготовлен к анализу и пониманию конечной цели этиков. Кроме того, добавил он, допрос под пыткой не даст никаких результатов — Спрюс может исказить истину. Лучше сделать так: он, Монат, поделится некоторыми соображениями об этиках и их агентах, а дело Спрюса — подтвердить или опровергнуть их.

Таким образом, Спрюсу не надо ничего говорить самому, и он не предаст своих хозяев.

— Весьма своеобразное соглашение,— заметил Оуэн.

— Именно так. Монат надеялся выудить какую-нибудь информацию. Повторяю, мы не собирались пытать Спрюса и, скорее, прибегли бы к гипнозу. И Монат, и я довольно опытные гипнотизеры. Однако дело обернулось совсем иначе.

— Монат сказал: «Согласно моим предположениям, ваша раса — земного происхождения. Хронологически вы принадлежите к эпохе, наступившей много позже 2008 года, и являетесь потомками тех немногих, кто избежал воздействия деструктора нашего орбитального корабля. Судя по уровню технологии и энергетической мощи, понадобившихся для преобразования поверхности этой планеты в огромную долину Реки, вас отделяет от названного года большой временной промежуток. Мне думается, ваше время — пятидесятый век новой эры.» Спрюс ответил, что надо прибавить еще два тысячелетия.

— Дальше Монат предположил, что воскрешению подверглось не все человечество. Для этого даже здесь не хватило бы места. Известно, что в долине нет детей, умерших до пяти лет, нет слабоумных и сумасшедших. Нет и тех, кто жил на Земле после двадцатого века. Так где же все эти люди?

— Спрюс ответил, что они где-то в другом месте, и это все, что он может сказать.

— Монат стал его расспрашивать, каким образом производилась запись каждого человеческого существа на Земле, что за устройства, с помощью которых этики сканируют тела и разумы. Спрюс заявил, что в них нет ничего сверхъестественного; для нашего воскрешения применялись лишь научные методы — все обитатели Земли от каменного века до 2008 года были подвергнуты наблюдению, структура каждой клетки человеческих тел сканировалась, данные накапливались — с тем, чтобы позднее использовать их при воссоздании каждого индивидуума.

— По мнению Моната, эти записи помещали в энергопреобразующие конвертеры, способные воспроизвести по ним новое тело, но — в улучшенном варианте. При материализа-

ции исчезали следы старых ран и болезней, восстанавливались утраченные конечности и другие органы. Когда я был в предвоскресительной камере, то сам наблюдал этот регенерационный процесс.

— Монат предположил, что грейлстоуны являются терминалами огромной системы, использующей энергию расплавленного ядра планеты. Вот почему мы появились рядом с ними — в тот великий день, когда произошло первое Воскрешение. Но больше всего его занимал вопрос — зачем все это нужно? Спрюс ответил: «Если в вашей власти даровать людям новую жизнь, разве вы не сочтете это своим этическим долгом?» Монат заметил, что он воскресил бы лишь достойных.

— И тут Спрюс взорвался. Он закричал, что Монат готов поставить себя вровень с Богом. Они, этики, считают, что всем людям, независимо от их качеств — жестокости, глупости, эгоизма — надо предоставить второй шанс на спасение. Однако нельзя ничего решать за них; каждый, в процессе духовного самосовершенствования, должен подавить животное начало, очиститься и возвыситься.

— Монат прервал его, спросив, как долго продлится этот процесс: тысячу лет? две тысячи? миллион? И Спрюс воскликнул: «Вы будете здесь столько времени, сколько необходимо для излечения! И только затем...— он помолчал, с ненавистью глядя на нас, затем прошептал: — Даже самые стойкие из нас деградируют после общения с вами... Потом нас самих надо лечить... Я чувствую себя покрытым грязью.»

— Один из советников опять пригрозил ему пыткой огнем, чтобы вытянуть правду. Спрюс закричал: «Нет, нет, вам это не удастся! Мне давно следовало так поступить... Но кто знает, возможно, что...»

Бартон сделал эффектную паузу.

— И тут Спрюс упал замертво!

Раздались возгласы изумления, и чей-то голос произнес: «Майн готт!»

— Да, вот так! Но это еще не конец истории. Тело Спрюса отдали врачу; нам казалось, что вряд ли он умер от сердечного приступа, причина в чем-то другом. Пока шло вскрытие, мы обсуждали произошедшее. В одном мы были

единодушны: в этом мире существовали агенты этиков или сами этики, которые не были отмечены метками, но теперь нам не удастся их обнаружить даже с помощью Казза. Спрюс воскреснет и расскажет все, что мы знаем, и они, без сомнения, поставят знаки на лбах своих агентов.

— Но для этого требовалось определенное время, а пока, возможно, Казз сумел бы распознать их. Но так не вышло. Ни он, ни Бест больше никогда не встречали людей без меток на лбу. Впрочем, это уже не имело значения.

— Три часа спустя хирург доложил о результатах вскрытия. Оказалось, что тело Спрюса ничем не отличалось от любого другого представителя рода хомо сапиенс...

И вновь Бартон выдержал паузу.

— Кроме одного крошечного устройства! Это был черный блестящий шарик — врач обнаружил его в поверхностных тканях лобной доли мозга. Он был подсоединен к нервным окончаниям тончайшими проволочками. Чтобы умереть, Спрюсу достаточно было подумать о смерти. Каким-то образом этот шарик выполнял мысленную команду. Возможно, он выделил мгновенно действующий яд, который врач не сумел распознать без необходимых для анализа химикалий и инструментов. Во всяком случае, в теле Спрюса он не нашел никакой патологии. Вероятно, остановилось сердце — но почему? Никаких очевидных свидетельств подобной кончины не было.

— Но, может быть, и среди нас есть такие люди? — спросила какая-то женщина.— Здесь и сейчас!

Бартон кивнул головой, и все заговорили одновременно. Гомон продолжался минут пятнадцать. Наконец, он встал и знаком приказал своей команде отправляться на судно. По дороге Казз отвел его в сторону.

— Бартон-нак, ты сказал, что вы с Монатом можете гипнотизировать. Я вот что подумал... может в этом нет ничего странного, однако...

— В чем дело?

— Да так, ничего особенного. Когда я сказал Спрюсу, что у него нет знаков на лбу, он исчез через несколько минут, но я учуял запах пота от страха. За завтраком были Таргоф, доктор Штейнберг, Монат, Пит и другие. Таргоф предложил собрать Совет, хотя Спрюса уже не было. Монат

и Пит согласились. И тут они сказали, что хотят меня немного еще порасспросить. Как выглядят эти знаки? Они разные или одинаковые? Я ответил — разные. Многие из них... как это сказать? — похожие, да, так. Но каждый... черт, не могу объяснить, какие они. Лучше нарисовать картинку.

Неандерталец присел и начал чертить пальцем по песку. Бартон смотрел.

— Некоторые напоминают китайские иероглифы, — сказал он, — но вообще эти символы ни на что не похожи. По-моему, это обозначения числовой системы.

— Да, может быть. Но не в том главное. Понимаешь, Монат и Пит увели меня в сторону — еще до того, как мы пришли тебе рассказать, что случилось. Сначала мы направились в хижину Моната.

Казз замолчал. Бартон нетерпеливо кинул:

— Ну и?..

— Я очень стараюсь вспомнить, но не могу. Я вошел в хижину и... и все.

— Что значит — все?

— Бартон-нак, это значит — все. Я ничего не помню после того, как туда вошел. Вошел в дверь. А затем — мы уже идем с Питом и Монатом и другими советниками в твою хижину.

Бартон испытал легкий шок, все еще не сознавая до конца серьезности рассказанного Каззом.

— Ты имеешь ввиду, что ничего не помнишь с того момента, как перешагнул порог хижины и до выхода из нее?

— Я даже не помню, как вышел. Я очнулся в ста шагах от дома Моната.

Бартон нахмурился. Алиса и Бест уже стояли на палубе. Они обернулись, удивляясь, почему отстали мужчины.

— Это весьма странно, Казз. Почему ты мне раньше не рассказал? Ведь прошло много лет... Разве ты об этом никогда не думал?

— Нет, никогда. Странно, да? Ни одной мысли. Я бы и про хижину не вспомнил, но мне потом сказала Логу. Она видела, как я туда входил. За завтраком ее не было, и она не знала, что произошло. Логу сидела у дверей хижины... их с Питом. Пит, Монат и я направились туда, потом они ее увидели и пошли к Монату. Она сказала мне об этом на следую-

щий день. Спрашивала, почему мы не захотели разговаривать при ней. Она же любопытная, как все женщины. Мужчины, те...

— У женщин любопытство кошки,— усмехнулся Бартон,— а у мужчин — обезьяны.

— Да? Как это?

— Звучит глубокомысленно, верно? Потом объясню. Ну, так что же? Логу заставила тебя вспомнить все, что было до и после входа в дом Моната?

— Не совсем так, Бартон-нак. Я удивился, когда она мне сказала. Я напряг голову... мозг едва не лопнул. В конце концов, я смутно вспомнил, что мы подошли к дому Пита и там была Логу. Тогда Монат велел идти в его хижину. А потом... я с трудом припоминаю, что мы двинулись к ней.

У Казза был низкий лоб, и за тридцать лет он не стал мыслителем, однако факты лежали на поверхности.

— Ты думаешь, что они — обманщики?

— Не знаю,— медленно ответил Бартон.— Мне ненавистна даже мысль об этом. Ведь многие годы... мы были друзьями. И, наконец...

— А я думаю не так,— возразил Казз; чувствовалось, как трудно дались ему эти слова.

— А как?

— Я не знаю, но мне кажется, что здесь что-то плохое.

— Не знаю,— повторил Бартон.— Я пытаюсь найти какое-нибудь здравое объяснение, но... Ладно, как бы то ни было, об этом — никому ни слова.

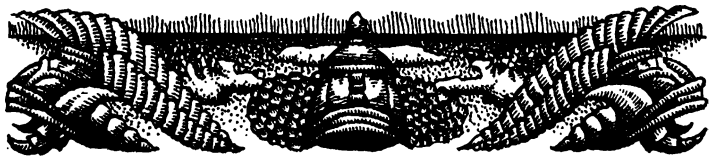
— Я не скажу. Только... послушай. Эти двое имеют знаки на голове, и они у них были всегда, я видел. Значит, если у агентов когда-то знаков не было, то Пит и Монат не могут быть агентами.

Бартон улыбнулся. Так думал и он, но следовало разобраться в странном клубке. Как же это сделать, не возбудив подозрений?

— Да, я знаю. И не забудь, что Бест тоже может разглядеть символы. Значит, у нас имеется двойное подтверждение. Но пока об этом ни слова!

Они направились к «Снарку». Казз не мог успокоиться.

— У меня дурное предчувствие. Рот свой я закрою, хотя считаю, что Логу должна узнать об этом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

В густом тумане Бартон шагал взад и вперед по палубе. Закутанное в плотные одежды тело согрелось, но лицо его мерзло. На Реку опустились непривычно холодные массы воздуха. Туман поднимался до середины мачт. Он не мог разглядеть ничего на расстоянии вытянутой руки.

На судне все спали. Он был наедине со своими сомнениями и мыслями, судорожно метавшимися в голове, словно заблудшие в горах овцы. Ему нужно собраться с силами, успокоить обезумевшее стадо и добраться до подножного корма. А сейчас во рту у него — лишь горькая полынь подозрений.

В памяти проносились тридцать три года его второй жизни, но отчетливо выплывали лишь воспоминания, связанные с Монатом и Фригейтом. Что в них подозрительно, какие поступки, какие слова? Что можно подставить в туманную картинку-загадку?

В тот чудовищный и счастливый день Воскрешения первым он встретил инопланетянина. Среди всех окружающих лишь Монат вел себя спокойно и рассудительно. Он довольно быстро оценил ситуацию, осмотрел окрестности и понял назначение грейлстоунов.

Вторым запомнившимся Бартону персонажем был Казз. Сначала это странное существо не пыталось заговорить с ним. Он просто ходил за Бартоном по пятам. Заговорил же с неандертальцем Фригейт. Бартон подумал, что американец всегда легко, непринужденно общался с людьми, хотя считал себя слишком нервным, даже истеричным человеком. Позже это проявлялось неоднократно, но за последние двадцать лет Фригейт как будто преодолел свою нервозность... хотя, кто знает? — обрел ли он самообладание или перестал играть некую роль?

Какое совпадение, что второй заговоривший с ним человек пытался написать когда-то его биографию! Сколько у

него биографов — десять, двенадцать? Какова же вероятность встречи с одним из них при воскрешении? Двенадцать к тридцати шести миллиардам? Что ж, теоретически возможно и такое...

Вчера, когда Казз стоял у руля, Бартон снова расспрашивал его. Он хотел знать, что видел неандерталец сразу после Воскрешения.

— В тот день ты замечал знаки на лбах людей?

— Да, у некоторых. Когда солнце стояло высоко.

— А у Моната и Фригейта?

— Не помню, у кого смотрел в тот день... даже у тебя — не помню. Ведь свет должен падать под определенным углом.

Из висевшей на плече сумки Бартон достал пачку бумаги из бамбука, остро заточенную рыбью кость и деревянную бутылочку с чернилами. Он взялся за руль, а Кааз принялся рисовать знаки инопланетянина и американца: три параллельных горизонтальных линии, пересеченных тремя вертикалями; эта решетка была заключена в круг. Линии, тонкие и длинные, имели на концах утолщения, причем в знаке Моната они расширялись справа, а у Фригейта — слева.

— Ну, а мой знак?

Казз изобразил волнистые параллельные вертикали, подчеркнутые снизу коротким тонким горизонтальным штрихом.

— Знаки Моната и Фригейта весьма похожи,— отметил Бартон.

По его просьбе Казз нарисовал ему символы всех членов команды. Больше ни один не напоминал другой.

— А ты помнишь знак Льва Рауха?

Казз сделал рисунок и протянул его Бартону. Тот ощутил разочарование: символ Рауха отличался от знаков Моната и Фригейта. Ничто не подтверждало зародившихся в нем подозрений.

Шагая сейчас по палубе, Бартон размышлял, почему он надеялся, что эти знаки будут похожи. Что-то мелькало у него в подсознании, но он никак не мог уловить смысла. Между этими тремя людьми существовала связь, пока недоступная его пониманию.

Ладно, хватит размышлять, пора действовать!

У порога каюты валялся белый ворох одежд. Бартон перешагнул через него, вошел и коснулся мускулистого плеча. Казз тотчас открыл глаза.

— Пора?

— Пора.

Казз вышел на палубу и помочился через борт. Бартон зажег фонарь. Они спустились по сходням на причал и пошли вдоль берега к стоявшей неподалеку пустой хижине. В темноте они пропустили ее, повернули обратно и сразу же наткнулись на стену. Перешагнув порог, Бартон прикрыл за собой дверь. Возле каменного очага лежали дрова и стружка, принесенные вчера Каззом. Через минуту запылал огонь. Казз уселся рядом на плетеный бамбуковый стул и закашлялся от дыма: тяга была слабой.

Погрузить Казза в гипнотический транс не составляло труда. Многие годы неандерталец служил Бартону одним из подопытных объектов, на котором временами он демонстрировал свои способности гипнотизера. При этом всегда присутствовали Монат и Фригейт. Интересно, нервничали ли они? Если да, то оба очень искусно скрывали свое волнение.

Бартон вернул Казза к тому моменту, когда за завтраком он объявил, что у Спрюса на лбу нет метки; затем воспоминания неандертальца были направлены на хижину Моната. Здесь Бартон наткнулся на первое сопротивление.

— Ты сейчас в хижине?

Казалось, Казз обратил свой взгляд в прошлое.

— Я — в дверях.

— Входи!

Могучее тело едва дрогнуло.

— Не могу, Бартон-нак!

— Почему же?

— Не знаю.

— Тебя что-то пугает в хижине?

— Не знаю.

— Тебя предупредили, что в хижине опасность?

— Нет.

— Тогда ничего не бойся. Ты же храбрый человек, Казз, верно?

— Ты меня хорошо знаешь, Бартон-нак...

— Тогда почему ты не входишь?

Казз дернул головой.

— Я не понимаю, но что-то...

— Что же?

— Что-то... что-то говорит мне... не могу вспомнить.

Бартон прикусил губу. Горящие дрова зашипели и затрещали.

— Кто с тобой говорит — Монат? Фригейт?

— Не знаю.

— Думай!

Лоб Казза взмок. Пот ручьями лил по его лицу. Вновь затрещали дрова. Бартон улыбнулся.

— Казз!

— Да?

— Казз, там в хижине Бест, она кричит. Слышишь?

Казз дернулся вперед, оглядываясь по сторонам, его глаза широко раскрылись, ноздри трепетали, губы дрожали.

— Я слышу ее! Что случилось?

— Казз, в хижине медведь, он сейчас нападет на Бест! Хватай копье! Убей его! Казз, спасай Бест!

Казз вскочил, его руки сжимали воображаемое копье, он прыгнул вперед. Бартон еле успел ускользнуть в сторону. Неандерталец споткнулся о стул и упал лицом вниз.

Бартон нахмурился, опасаясь, что от удара его подопечный может выйти из транса.

— Казз! Ты в хижине! Здесь медведь! Убей его! Убей, Казз!

Со страшным рычанием Казз схватил обеими руками копье-призрак и вонзил его во врага.

— Э-эй! Э-эй! — казавшийся бессвязным поток звуков рвался из его глотки, но Бартон уже давно знал этот язык — хриплую нечленораздельную речь, рожденную на заре времен.

— Я — Человек-Который-Убил-Длиннозубого! Умри-Спящий-Всю-Зиму! Умри, но запомни меня! Умри!

Бартон громко крикнул:

— Казз! Он убежал! Медведь убежал из хижины! Бест спасена!

Неандерталец остановился, сжимая свое копье. Он стоял прямо, оглядываясь по сторонам.

— Кazз, прошло несколько минут. Бест уже ушла. Ты снова в хижине. Тебе нечего бояться. Ты вошел, и здесь нет ничего страшного. Кто тут с тобой?

Лицо неандертальца успокаивалось, свирепое выражение исчезло. Он тупо уставился на Бартона.

— Кто? Ну, конечно — Монат и Пит.

— Очень хорошо. Кто с тобой заговорил первым?

— Монат.

— Повтори мне, что он сказал... что он говорит.

— Монат говорит: «Кazз, забудь все, что было в этой хижине. Мы немного побеседуем, потом уйдем, и ты забудешь, что был здесь и о чем мы говорили. Если кто-нибудь тебя об этом спросит, ты ответишь, что не запомнил ничего. И ты не солжешь, потому что все, о чем мы сейчас говорим, уйдет из твоей памяти. Понял, Кazз?»

Неандерталец кивнул.

— «Ты забудешь, Кazз, еще об одном... о том дне, когда ты первый раз заметил, что у меня и Фригейта нет знаков. Ты еще помнишь это?»

Неандерталец покачал головой.

— «Нет, Монат.»

Потом он облегченно вздохнул.

— Кто вздохнул? — спросил Бартон.— Ты?

— Фригейт.

Да, несомненно это был вздох облегчения.

— Что еще говорит Монат?

— «Кazз, ты помнишь, я велел передавать мне все, что рассказывает Бартон о встрече с таинственным человеком, этиком?»

— А-а-а! — протянул Бартон.

— «Ты помнишь об этом, Кazз?»

— «Нет»

— «Правильно. Потом я велел тебе забыть об этом приказе. А сейчас вспомни! Ты помнишь, Кazз?»

На несколько минут воцарилось молчание. Затем неандерталец вздохнул.

— «Да, сейчас помню».

— «А теперь скажи, Кazз, говорил ли тебе Бартон об этом этике? Или о ком-нибудь еще — мужчине или женщи-

не, кто утверждает что он — один из вернувших нас к жизни?»

— «Нет, никогда Бартон-нак ни о чем подобном не говорил.»

— «Если когда-нибудь он заговорит об этом, ты должен прийти ко мне и все рассказать. Ты понял меня?»

— «Да, Монат.»

— «Если тебе не удастся увидеться со мной, если я вдруг умру или отправлюсь путешествовать, ты должен все рассказать Фригейту или Льву Рауху. Понял меня?»

— Рауху тоже! — еле выдохнул Бартон.

— «Да, понял. Вместо тебя передам Питеру Фригейту и Льву Рауху.»

— «Рассказывать можно лишь тогда, когда никого нет рядом. Никто не должен подслушать. Понял?»

— «Да».

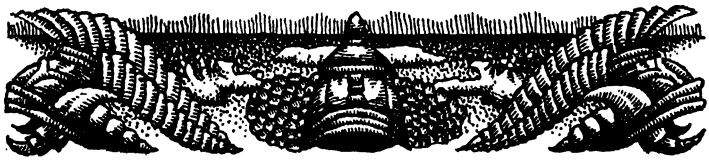
— «Прекрасно, Казз! Замечательно! Сейчас мы выйдем отсюда, и когда я дважды щелкну пальцами, ты забудешь об этом разговоре.»

— «Я понял».

— «Казз, и еще ты... О-о! Нас кто-то зовет. Времени не осталось, пошли!»

Бартон прекрасно понял подоплеку оборванной фразы. Монат собирался внушить Каззу другую версию событий в хижине на случай расспросов. Но, к счастью для Бартона, его прервали — ведь если бы у Казза была правдоподобная история, то не возникло никаких подозрений.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Сядь, Казз,— приказал Бартон.— Устраивайся поудобней и немного подожди. Сейчас я уйду, и придет Монат. Он с тобой поговорит.

— Хорошо.

Бартон вышел из хижины и несколько минут постоял у двери. Сейчас он вновь приступит к сеансу, выдав себя за Моната. Таким образом ему удастся быстрее преодолеть сопротивление Казза, не прибегая к трюку с медведем и Бест.

Он вновь вошел в хижину.

— Привет, Казз. Как поживаешь?

— Прекрасно, Монат. А ты?

— Великолепно. Так вот, Казз, начнем с того, на чем остановился наш друг Бартон. Вернемся к тому моменту, когда ты заметил, что у меня и Фригейта нет знаков на лбу. Сейчас ты это вспомнишь. Я, Монат, приказываю тебе вспомнить.

— Да.

— Где мы тогда находились с тобой и Фригейтом?

— Возле грейлстоуна.

— В какой день это произошло?

— Не понял.

— Я имею ввиду, на какой день после Воскрешения?

— На третий.

— Расскажи мне, что произошло, когда ты дал понять, что не видишь знаков?

Монотонным голосом Казз излагал события. Монат и Фригейт сказали, что хотели бы поговорить с ним с глазу на глаз. Они пошли через долину к холмам. Там, возле огромного грейлстоуна, Монат вперил свой взгляд в зрачки Казза. Не прибегая ни к жестам, ни к словам, он мгновенно загипнотизировал неандертальца.

— От него исходило что-то темное и давящее.

Бартон кивнул головой. Ему приходилось наблюдать проявление внутренней силы Моната — то, что в его времена

называли «животным магнетизмом». Гипнотические способности инопланетянина были сильнее, чем у Бартона, которому приходилось принимать меры предосторожности, чтобы его не застигли врасплох. Он даже прибегал к самогипнозу, опасаясь, что Монат способен подавить его волю. Правда, пришелец со звезд всегда мог разрушить этот барьер, и англичанин, оставаясь с ним наедине, вел себя предельно осторожно.

Больше всего Бартон боялся, что тот сумеет узнать о его встрече с этиком. Это было его тайной, о которой никто не должен знать. Но разве он подозревал, что Монат является одним из Них?

А Фригейт? Был ли он опытным гипнотизером? Этот человек никогда не проявлял подобных способностей, но он упрямо не соглашался участвовать в гипнотических опытах Бартона. Он говорил, что его ужасает даже мысль о потере самоконтроля.

Каззу удалось припомнить, что во время сеанса Монат обратил внимание Фригейта на его способность видеть символы.

— «Мы не имели понятия об этом. Как только представится возможность, надо тут же сообщить.»

Отсюда Бартон сделал вывод, что и Монат и Фригейт лишь временами встречаются с этиками. Как же осуществляется их контакт? Возможно, с помощью летающих аппаратов, которые он видел как-то мельком?

Очевидно, эта пара вела за ним непрерывное наблюдение. Теперь становилась понятной и осторожность Таинственного Пришельца, посетившего его лишь ночью. Этик, несомненно, знал об их присутствии среди команды, хотя ни словом не упомянул об этом. Возможно, он просто не успел его предупредить... Тогда, ночью, он сказал, что вскоре появятся его соплеменники, и внезапно исчез. Нет, все-таки он был обязан упомянуть о столь важном обстоятельстве! Почему же он промолчал? Неужели ему ничего не было известно про Моната и Фригейта? И про Рауха — о нем тоже не следует забывать!

Зачем к нему приставили трех агентов? Одного, значит, недостаточно? Но почему же лишь инопланетянин имел дело с Каззом?

Что бы за этим не таилось, самым важным было отсутствие знаков на лбах трех агентов. Очевидно, все этики, как руководители, так и подчиненные, их не имели. Но, узнав о способности неандертальца, они постарались сделать все, чтобы он не проболтался. Кроме того, Монат убедил Казза, что теперь он будет видеть метки у него и двух его сотоварищей.

Почему же тогда он не внушил Каззу, что тот должен видеть знаки всегда — даже у тех, у кого их нет? Может быть, решил, что в этом нет необходимости? Просто положился на удачу? Ведь встреча с агентом очень маловероятна... Существовало и другое объяснение: Монату пришлось бы описывать знаки всех агентов, а так как их, по предположению Бартона, была не одна сотня, то это оказалось невозможным.

Однако, кроме Казза, существовала еще и Бест.

Бартон попытался припомнить обстоятельства их встречи. Три года назад они пристали вечером к берегу. В тех местах обосновались китайцы четырнадцатого века и древние славяне. Бест жила с китайцем, но сразу же дала понять, что совсем не прочь перебраться на судно к Каззу. Было уже темно, и она вряд ли могла разглядеть что-то странное в лицах Фригейта и Моната — разумеется кроме необыкновенной внешности последнего.

В тот вечер они сидели и разговаривали на берегу. В конце концов, приятель Бест велел ей возвращаться в хижину. Она резко отказалась. В воздухе запахло скандалом. Казалось, китаец вот-вот нападет на Казза, но благоразумие возобладало. Он был выше неандертальца, но явно слабее его. При небольшом росте Казз был широкоплеч, мускулист и, конечно, более силен, чем любой человек цивилизованной эпохи. А его свирепое лицо! Эта физиономия могла напугать каждого!

Казз и Бест пришли на судно перед рассветом. Сумел ли Монат увидеться с ней наедине? Весьма возможно — ведь она никогда не упоминала об отсутствии знаков у Фригейта и Моната.

Казз кончил говорить, подтвердив худшие опасения Бартона, и был немедленно послан за Бест. Вскоре пара неандертальцев появилась в хижине. Подруга Казза сонным го-

лосом дала согласие подвергнуться гипнозу и уселась на стул.

Заверив ее, что он — Монат, Бартон вернул Бест к событиям трехлетней давности.

Как он и предполагал, все случилось по дороге на судно. Монат просто описал ей знаки трех агентов, ранее внушенные Каззу, и велел всегда видеть эти символы на своем лбу и лбах Фригейта и Рауха. Все произошло тихо и спокойно.

Выведя Бест из транса, Бартон сел и задумался. Неандертальцы с трудом приходили в себя, обмениваясь недоумевающими взглядами.

Наконец, он решил, что больше не станет ничего скрывать. Таинственный Незнакомец исчез на долгие годы — одно это снимало с Бартона обет молчания. Он был скрытным человеком, но сейчас жаждал разделить с другими груз навалившихся забот.

В размышлениях прошел час. К тому времени Бест и Кazз полностью очнулись и приступили к нему с расспросами. Но Бартон предостерегающе поднял руку.

— Потом, потом! Прежде всего мы должны их допросить. Инопланетянин — крепкий орешек, поэтому мы сперва примемся за Фригейта.

— А может быть,— предположил Кazз,— как следует стукнуть Моната и связать? Вдруг он проснется, когда мы придем к Питу?

— Никакого шума! Алиса и Логу услышат и начнется тарарам.

— Что начнется?

— Ну, суматоха. Пошли.

Они возвращались в густом тумане. Бартон прикидывал в уме вопросы, которые он задаст Фригейту. Его мучила одна загадка. Несомненно, Монат, Фригейт и Раух знали, кто такой Спрюс — у них была масса возможностей переговорить с ним еще до восстания. Во время сеанса в хижине Монат мог внушить Каззу, что тот видит знак на лбу Спрюса. Почему же он не сделал этого?

Кроме того, Монат, знавший о способностях Кazза и Бест, мог посоветовать Спрюсу исчезнуть сразу после освобождения из концлагеря. Однако где гарантия, что они оба служили одному хозяину — точнее, хозяевам?

Бартон остановился, пораженный этой идеей, и глубоко вдохнул холодный воздух.

Таинственный Незнакомец не упомянул, что имеет собственных агентов. До, он был ренегатом, предателем, однако мог привлечь на свою сторону кого-нибудь еще. Ему стоило бы назвать Бартону своих людей. Теперь он должен гадать, кто играет на стороне Икса. Не был ли Спрюс одним из них? Вдруг Монат это обнаружил и решил от него избавиться с помощью Казза?

Нет, маловероятно. Если Монат каким-то образом раскрыл, на чьей стороне Спрюс, то почему он его не загипнотизировал? Он мог бы выяснить, кто такой Пришелец, если, конечно, его агент знал правду.

Другое предположение: Монат знал, что Спрюс в любой момент может покончить с собой при помощи вживленного в мозг устройства. Значит, Спрюс не наболтает лишнего, а после завершающего эпизода допроса его душа отправится прямиком в главный центр этиков со свежей информацией.

Монат принимал участие в допросе Спрюса и, наверно, весьма забавлялся ситуацией. Недаром он вызвался задавать вопросы! Возможно, его диалог с пленником был подготовлен заранее? И они оба лгали?

Но зачем вся эта ложь? Зачем нужно держать воскресших в неведении?

Существовал еще и третий вариант — по приказу Моната Спрюс намеренно позволил Каззу заметить свою особенность. Бартон подозревал, что до завтрака сможет придумать еще с полдюжины гипотез.

Вскоре все трое поднялись на борт «Снарка». Неандертальцы остались наверху, Бартон спустился вниз и, отсчитав двери, остановился перед каютой Фригейта и Логу. Он тихо приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. В крошечной клетушке помещались одна над другой две койки, оставляя узкий проход у стены. Лишь в этой конуре человек мог обрести относительное уединение; здесь стояли бамбуковые ночные горшки и, в ящике под нижней полкой, валялся скарб Логу.

Обычно Фригейт спал наверху. Вытянув руки, Бартон двинулся вперед. Он хотел тихо разбудить его, шепнуть, что

пора на вахту, и проводить на палубу. Там сработает кулак Казза, после чего они отнесут пленника в хижину.

Чтобы исключить возможность самоубийства, Бартон решил вести допрос под гипнозом. По этому поводу у него возникли некоторые сомнения. Что, если Фригейт, в отличие от Спрюса, не захочет покончить с собой — теперь, когда воскрешения прекратились? Однако для агентов этиков такая возможность могла сохраниться, и Бартон не хотел рисковать.

Его пальцы коснулись края койки. Он ощупал матрас, одеяло, но больше там не было ничего. Бартон снова и снова судорожно водил руками по постели, словно надеялся на чудо. На мгновение он замер. Может быть, Фригейт поднялся потихоньку наверх помочиться? Может быть, он уже встал и вышел поболтать с вахтенным перед своим дежурством? А возможно, он... Бартон пришел в ярость. Вдруг Фригейт прокрался в его каюту и сейчас там с Алисой?

Он подавил гнев. Нет, Алиса не станет вести нечестную игру и никогда не опустится до тайной измены. Если она полюбит другого, то он будет первым, кто узнает об этом. Да и сам Фригейт, как бы он ни относился к Бартону, не способен на такую подлость.

Он нагнулся и ощупал покрывало на нижней койке. Его пальцы скользнули по плечу Логу, потом по ее округлой груди. Бартон повернулся и вышел из каюты.

Сердце у него билось так, что его стук, казалось, был слышен по всему судну. Он направился к каюте Моната. Приникнув ухом к двери, он прислушался. Тишина. Бартон выпрямился, открыл дверь и заглянул на верхнюю койку. Моната там не было. Может быть, он спит на нижней? Но Бартон не слышал даже дыхания. Его руки нащупали покрывало, под которым никто не лежал.

Ругаясь на чем свет, он поплелся на палубу.

Казз с поднятым кулаком шагнул навстречу.

— В чем дело, Бартон-нак?

— Они удрали.

— Но... как же так?

— Не знаю. Если только Монат что-то заподозрил? Временами он бывает невероятно чутким... следит за выражением лица, тоном, жестами... Возможно, он услышал, как ты

будил Бест, пошел за вами и подслушал под дверью хижины.

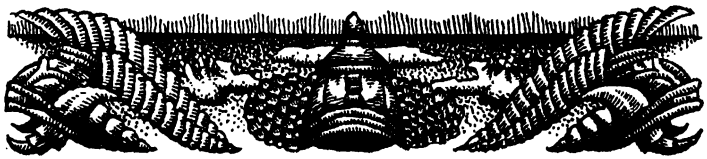
— Но мы с Бест не шумели. Мы молчали, словно ласка, выслеживающая кролика.

— Да, я верю тебе. А сейчас осмотри палубу. Проверь, не исчез ли ялик.

Он встретил Казза на полпути.

— На борту все на месте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Наконец Бартон поднял на ноги Алису и Логу и рассказал им все. Женщины в изумлении внимали ему; когда он кончил, на него обрушился град вопросов. Бартон, однако, решил отложить ответы до более подходящего времени — сейчас им надо было торопиться к грейлстоуну. Наступало время завтрака.

Взгляд Алисы был холоднее льда, глаза — прищурены, губы — поджаты. Бартон понял, что она в ярости.

— Прости мою скрытность, — шепнул он по дороге, — но ты должна понять — иного выхода не было. Предположим, я все рассказал бы, а потом ты попала Им в руки. Они исследовали бы твой мозг и обнаружили бы, что моя память хранит запретные сведения.

— Но Они же этого не сделали? Да и зачем я им нужна?

— Откуда ты знаешь? Впрочем, если бы Они действительно сделали это, ты ничего не могла бы вспомнить.

Это заявление так потрясло Алису, что вопросы на время прекратились.

Погода в тот день выдалась странная. Обычно солнце быстро разгоняло туман, небо очищалось, светлело. Иногда набегали тучки, минут пятнадцать моросил дождь, затем наступал обычный жаркий день. Этим же утром черные массы облаков полностью затянули небосвод. Сквозь темную пелену сверкали молнии, удары грома будили в горах глухое ворчание, будто невидимый великан прочищал спросонок горло. В тусклом, коричневато-желтом свете лица людей казались измученными, как после тяжелой болезни.

Казз и Бест быстро ели, поминутно оглядываясь вокруг, словно ожидая непрошенного гостя. Неандерталец пробормотал на своем хриплом наречии: «Идет-Медведь-Который-Приносит-Несчастье».

Бест едва не расплакалась.

— Нам нужно найти пустую хижину и спрятаться! Когда Он придет, нехорошо сидеть у воды.

Остальные тоже были не прочь где-нибудь укрыться — надвигалась гроза. Бартон встал.

— Друзья, прошу минуту подождать,— обратился он к собравшимся около грейлстоуна.— Проверьте, не пропала ли у кого-нибудь лодка.

— А в чем дело? — спросил рослый светловолосый парень.

— Двое из моей команды сбежали этой ночью; может быть, им пришло в голову украсть лодку.

Не обращая внимания на непогоду, люди бросились вдоль берега. Вскоре к Бартону подошел человек и заявил, что у него исчез челнок.

— Ну, значит, теперь они далеко,— решил Казз.— Вот только куда они отправились — вверх или вниз по Реке?

— В любом случае мы сможем их найти — в этих краях отличная сигнальная система,— ответил Бартон.— Правда, если они высадятся где-нибудь и незаметно уйдут в горы...

— Как же быть, Дик? — прервала его Алиса.— Нам нельзя тут задерживаться, мы не успеем попасть на «Рекс»!

Бартон пожал плечами. Все и так было ясно.

— Мы будем выслеживать их? — с надеждой спросил Казз. Его беспокойство прошло, глаза горели охотничьим азартом.

— Не знаю,— Бартон в задумчивости потер висок.— Они тоже могут захватить нас врасплох... могут убить или просто наврать с три короба... Пройдет немало времени, пока мы доберемся до Башни. Все может случиться...

Алиса медленно продекламировала, ее глаза загадочно мерцали:

«Не ведая, правдив его совет
И в той ли Черный Замок стороне,
Я повернул безвольно, как во сне:
Ведь гордости в душе давно уж нет,
И для меня померк надежды свет,
И лишь любой конец желанен мне.
Так много лет я в поисках бродил,
Так много стран успел я обойти,
Что коль успех сумею обрести,
Им насладиться мне не хватит сил,

И я себя почти не осудил
За то, что радуюсь концу пути.
Но вдруг поднялся гул былых времен,
И встали все, как рамой огневой
Вкруг новой жертвы замыкая дол.
Я всех узнал, я всех их перечел,
Но безоглядно в миг тот роковой
Я поднял рог и вызов бросил свой:
«Роланд до Замка Черного дошел!»[1]

Бартон усмехнулся.

— Браунингу стоило бы задуматься, насколько реальность далека от мира его поэзии. Но я готов последовать его совету и двинуться к Черному Замку.

— Не знаю, о чем вы толкуете, — вмешался Казз, — главное — как нам попасть в большую лодку.

— Если у короля Джона найдется для нас место, я предложу ему в благодарность наш золотой запас — свободные цилиндры. Такой дар тронет самое бескорыстное сердце.

— А если у него для нас места нет?

Бартон промолчал. Уже не раз где-то в глубине сознания у него мелькала смутная мысль, что он проглядел некое важное звено, объединяющее агентов. Сейчас, когда Алиса читала стихи, он вдруг осознал, что может представить всю цепочку их связи.

Как они узнают друг друга? Монат — особый случай, его не спутаешь ни с кем. Но по какому тайному знаку узнают друг друга остальные?

Обладая зрением неандертальцев, агенты легко распознавали бы своих. Но, видимо, такой способности им не дано. Спрюс явно не имел представления о даре Казза; он был испуган и поражен. Значит, они не видели меток невооруженным глазом — и, следовательно, у них существуют другие способы опознания.

Можно ли предположить, что все дело в хронологии? Откуда известно, что в долине воскрешены все, умершие не позже 2008 года? Эту дату называли Монат, Фригейт, Раух и Спрюс... Все четверо — агенты! Возможно, это ложь, и все кончилось раньше?

---

[1] Р.Браунинг «Роланд в Черном Замке»

Бартон совершенно не представлял себе более реальной даты, но вспомнил, что никогда не встречал людей, за исключением упомянутой четверки, живших после 1983 года. Но если этот год был последним, то его и следовало принять за точку отсчета.

По-видимому, этики выбрали наиболее простой и безошибочный способ, который позволял опознать своих — агенты были людьми, якобы обитавшими за гранью 1983 года. Отсюда вытекало, что вся земная история между 1983 и 2008 годами являлась чистой фикцией — включая и уничтожение человечества инопланетянами. Все, о чем ему рассказывали Монат, Раух и Фригейт — фантазия, ловкая инсценировка! Правда, Монат не был землянином, но кто мог подтвердить, что он действительно прилетел с Тау Кита? Все те же Раух и Фригейт? Необъяснимым оставался только один факт — присутствие инопланетянина в мире Реки.

Но, возможно, Монат, Раух и Фригейт говорили правду, и все события, случившиеся на грани второго тысячелетия, на самом деле имели место. Возможно, все трое жили в это время и, возможно, они не лгут... Однако это значило лишь одно — этики вербуют своих агентов среди людей, обитавших на Земле после 1983 года. Собственно, все они — агенты... Все? Сколько их там было? Шесть или восемь миллиардов? Бартон почувствовал легкое головокружение.

А если предположить, что агенты только выдавали себя за людей, якобы живших на Земле в конце двадцатого века? Существовал ли в том мире подлинный Питер Джайрус Фригейт, писатель-беллетрист, оседлавший загадочного Пегаса научной фантастики? Фригейт, которого он, Бартон, встретил в долине, мог быть подделкой, а интерес, проявленный этим писакой к его жизни — хитрым капканом, попыткой сблизиться с ним. Действительно, кто останется равнодушным к собственному биографу, посвятившему жизнь прославлению своего кумира!

Нет, вряд ли необходимо подобное перевоплощение. Скорее всего, Фригейт действительно является тем человеком, за которого выдает себя. В сложившейся ситуации использование реальной личности представлялось более естественным и эффективным.

Вопросы росли, как снежный ком, им не было конца — но кто ответит на них?

— Дик! — окликнула Бартона Алиса.— Что с тобой?

Он опомнился, вынырнув из потока мучительных раздумий. Люди разошлись, возле него стояли только его спутники да человек, у которого пропала лодка. Его взгляд блуждал по лицу Бартона; может быть, он намеревался требовать возмещения убытков — но у кого?

Ветер гнал волны по Реке, трепал тростниковые крыши хижин. До их слуха доносились мерные глухие удары — борт «Снарка» бился о причал. Все вокруг было сумрачным, лишь изредка вспыхивали багровые молнии, освещавшие бледные лица людей. Раскаты грома походили на рычание взбесившегося медведя. Кязз и Бест не решались нарушить молчание, но явно жаждали скрыться от бури. У остальных погода тоже не вызывала энтузиазма.

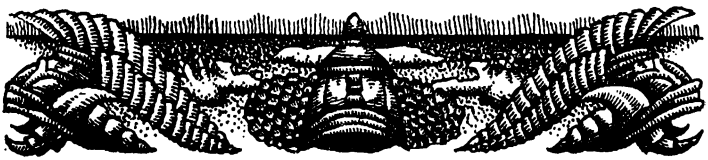
— Я думаю о том,— произнес Бартон,— найдется ли у короля Джона место для нас. И я уверен — если монарх пожелает, то место найдется. А если не пожелает, то я все равно попаду на борт «Рекса». Ничто и никто меня не остановит!

Молния вспыхнула совсем рядом, раздался страшный треск, будто мир раскололся надвое. Сломя голову, Кязз и Бест помчались к ближайшей хижине. Дождь полил как из ведра.

Неподвижно стоя под ливнем, Бартон смеялся, глядя им вслед, и вдруг громко, пронзительно выкрикнул:

— Вперед, к Темной Башне!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Во сне Питер Джайрус Фригейт голым пробирался в тумане. Его одежду украли, и теперь ему необходимо попасть домой до восхода солнца, дабы не стать посмешищем в глазах людей. Мокрая трава хлестала по коленям. Он вышел на обочину дороги и пошел по асфальту. Но идти все равно было трудно, а туман быстро редел. Вскоре справа он увидел купы деревьев.

Фригейт понимал, что находится где-то далеко за городом и до дома еще долгий путь. Следовало идти побыстрее, тогда он сможет проскользнуть незамеченным, не потревожив родителей.

Конечно, двери уже заперты, но он бросит камешек в верхнее окно и разбудит Рузвельта. Его брату исполнилось лишь восемнадцать, но он уже превратился в завзятого пьяницу и бабника, гонял на мотоцикле по округе со своими затянутыми в кожу дружками. Сегодня воскресенье, и сейчас, распространяя запах виски, он храпит в комнате, которую делит с Питером.

Рузвельтом его назвали в честь Теодора, а не Франклина Делано. Джеймс Фригейт питал отвращение к «этому типу из Белого Дома» и обожал «Чикаго Трибюн», которую каждое воскресенье ему вручали на пороге дома. Его старший сын не терпел ни газет, ни газетных писак, и признавал лишь комиксы. Когда он научился читать, то каждый выходной, после какао, оладьев, бекона и яиц, с нетерпением ждал очередную книжицу с приключениями Честера Гампа и его друзей, разыскивающих золотой город, волшебника-великана Панджаба, крошки Энни и ее громады-отца, злодея Эспа и мистера Эма, похожего на Санта-Клауса и древнего, как сама Земля, способного путешествовать во времени. А потом были Барней Гугл, и Смеющийся Джек, и Терри, и пираты. Упоительно!

Что заставляло его вспоминать великих героев комиксов, пока он, голым, в темноте и сырости пробирался по деревенским дорогам? Нетрудно представить. Они давали ему ощущение тепла и уюта, даже счастья, наполнявшего его в часы, когда живот бывал набит вкусной маминой стряпней, когда тихонько наигрывало радио, а отец посиживал с газетой на стуле и читал статьи полковника Блимпа. Пока мама суетилась на кухне, готовя завтрак двум его младшим братьям и маленькой сестренке, он устраивался на полу в гостиной, наслаждаясь страницами комиксов. Потом его сестра, нежно любимая Джаннета, очень быстро выросла, сменила трех мужей и бесчисленное количество любовников, поглотила сотни бутылок виски — проклятие семьи Фригейтов.

Но это все еще впереди, и образ, возникший в его мозгу, тотчас исчез. А сейчас он в комнате, совершенно счастливый... нет, и это исчезло... он не в доме, а на заднем дворе — голый, дрожащий от холода и ужаса перед грядущим позором. Он бросил камешек в окно крошечной спальни под самой крышей, надеясь разбудить брата.

Они жили в доме при деревенской школе близ города Пеория, Южный Иллинойс. Город рос, дома расползались все дальше, и сейчас его границы находились в полумиле от дома. Тогда-то у них появился водопровод и даже уборная, первая в его жизни уборная в доме. Затем каким-то образом этот дом превратился в миссурийскую ферму, где он жил с отцам, матерью и братьями в двух комнатах, сданных фермером их семье.

Его отец — инженер-строитель и электрик (год учебы в политехническом институте города Терре-Хот и диплом Интернешнл Корреспонденс Скул) некоторое время работал на электростанции в Мехико, штат Миссури. На ферме был птичий двор, где Питера потрясло и ужаснуло открытие: куры поедают живность, а он ест кур, которые питаются живыми существами! Это было первое осознание каннибализма как основы окружающего его мира.

Нет, неправда, подумал он, каннибал — это существо, пожирающее себе подобных. Он повернулся на другой бок, вновь проваливаясь в сон и совершенно отчетливо сознавая свое полупробуждение между двумя сериями видений. Иногда он просматривал этот бред сразу и целиком. За ночь сон

мог неоднократно вернуться к нему; бывало, он преследовал Фригейта несколько лет подряд.

Да, и в снах, и в творчестве над ним довлела цикличность. На протяжении писательской карьеры ему пришлось работать над двадцать одной серией романов. Десять были готовы, остальные — еще не завершены, когда великий небесный издатель внезапно призвал его к себе.

Как в жизни, так и в смерти. Он никогда (никогда? — ну, ладно, почти никогда) не мог что-либо закончить. Вечная Великая Незавершенность! Впервые он почувствовал ее груз еще в мятежной юности, когда изливал свои волнения и муки коллеге-первокурснику, сыгравшему случайную роль его духовного наставника.

Как его звали — О'Брайен? Худенький коротышка с резкими манерами и огненно-рыжей шевелюрой, всегда носивший пестрые галстуки.

И вот сейчас Питер Джайрус Фригейт бредет в тумане; вокруг ни звука, кроме дальнего уханья совы. Вдруг в тишине послышалось ворчание двигателя, возник слабый свет фар, он разгорался, сиял, затем совсем рядом рявкнул гудок. Он бросился в сторону, пытаясь скрыться в тумане и переждать, пока черная громада автомобиля проплывет мимо. При свете фар он увидел великолепный «Дьюсенберг» — в точности такой, каким правил Горри Грант в фильме «Цилиндр», который ему удалось посмотреть на прошлой неделе. За рулем громоздилась некая бестелесная, бесформенная масса; он видел лишь глаза — светло-серые, как у его немецкой бабушки по матери, Вильгельмины Кайзер.

Внезапно Фригейт испустил истошный крик: машина резко повернула и двинулась к нему. Он замер, не в силах шевельнуться, отскочить в сторону, а темная громада надвигалась все ближе и ближе...

Застонав, он проснулся. Ева сонно пробормотала: «Ты видел плохой сон?..» и вновь провалилась в дрему, слегка посапывая.

Питер сел в постели. Бамбуковая рама на низких ножках скрипнула под его тяжестью, матрас — два покрывала, скрепленные магнитными застежками и набитые листьями — просел. Земляной пол покрывали циновки; в окнах, затянутых полупрозрачными пленками из рыбьих внутренностей,

мерцал слабый свет ночного неба. Он встал, направился к двери, вышел и помочился. С крыши еще капало. Сквозь расщелину между холмами ему был виден огонь над крышей сторожевой башни и силуэт часового, облокотившегося на перила; он глядел на Реку. Показались и другие огни — на мачтах судна, которого он прежде не видел. Второго стражника на вышке не было — наверное, он спустился к Реке, чтобы допросить рулевого. Опасности он там явно не усмотрел, иначе барабаны уже забили бы тревогу.

Вернувшись в постель, Фригейт вспоминал свой сон. В нем была обычная хронологическая путаница. В 1937 году Рузвельту было только шестнадцать, а мотоцикл и крашеные блондинки появились двумя годами позже. Семья уже жила в новом большом доме с несколькими комнатами.

В машине он увидел бесформенную мрачную фигуру с глазами его бабушки. Что бы это значило? В первую минуту его безумно напугало это видение. Почему бабка явилась в столь устрашающем обличье?

Он знал, что она приехала перед его рождением из Канзаса в Терре-Хот помочь его матери в уходе за ребенком. По маминым рассказам, она прожила с ними пять лет, но он совсем не помнил ее, хотя и видел еще раз — в двенадцатилетнем возрасте. В нем сохранилась убежденность, что в детстве она совершила с ним нечто ужасное, хотя была добродушной старушкой, правда, несколько склонной к истерии. Когда дети ее дочерей ушли из под ее опеки, она потеряла с ними всякую связь

Так где же она сейчас? Бабка умерла в возрасте семидесяти семи лет от рака желудка после долгой и мучительной агонии.

Он видел ее фотографии, где она была снята двадцатилетней — миниатюрная блондинка с очень светлыми, видимо, голубыми глазами, с тонкими и плотно сжатыми губами, фамильной чертой Кайзеров. На этих старых фотографиях люди выглядели так, словно перенесли все тяготы жизни, но не согнулись под ее ударами.

Да, у людей викторианской эпохи были трудные судьбы. Семья его бабки тоже прошла тернистый путь. Они принадлежали к баптистской церкви, в Тюрингии их преследовали, травили, так что им пришлось сменить Германию на землю

обетованную. Странно, подумал Фригейт, его родственники с обеих сторон всегда выбирали религию меньшинства, часто весьма причудливую. Возможно, жаждали потрясений?

Много лет они скитались, переезжая с места на место, но нигде не обрели златых гор.

После долгих лет изнурительной работы, иссушающей душу бедности, смерти детей, а затем и родителей, Кайзеры нашли свою судьбу. Одни стали преуспевающими фермерами, другие — владельцами механической мастерской в Канзас-Сити.

Стоило ли это уплаченной цены? Потомки утверждали — да, стоило.

Когда они приехали в Америку, Вильгельмина была прелестной голубоглазой десятилетней девочкой. В восемнадцать она вышла замуж за человека на двадцать лет ее старше — возможно, в его жилах текла индейская кровь; кажется, он участвовал в кантрильском мятеже. Так ли это — неизвестно, в родне Фригейта с обеих сторон было достаточно бахвалов. Все они пытались выглядеть лучше или хуже, чем на самом деле. Мать Питера никогда не говорила о прошлом своего отца. Возможно, он был просто конокрадом.

Где же сейчас Вильгельмина? Она уже не морщинистая, согбенная годами старуха, которую он знал, а очаровательная девушка с точеной фигуркой. Но взгляд ее голубых глаз, наверное, остался таким же рассеянным, как и раньше, а по-английски она по-прежнему говорит с сильным немецким акцентом. Встреться он с ней сейчас, узнал ли бы он ее? Определенно — нет. Да и что он мог ей сказать? Что он помнил о душевной травме, нанесенной ею маленькому внуку? Ничего. Наверняка, она тоже забыла об этом пустячном для взрослого человека инциденте. А если бы и вспомнила, то даже под угрозой смерти не призналась, что дурно поступила с ребенком.

Предаваясь психоанализу, Питер попробовал пробиться сквозь сумеречные дебри полузабытого к той давней драме, в которой его бабушка сыграла столь важную роль. Но попытка не удалась. Он вновь и вновь возвращался к предыдущим жизням, соскальзывая в прошлое, как обезьяна по навощенному столбу. Он снова был женщиной, обитавшей в средневековом замке, ихтиозавром в палеозойском океане, кучером

дилижанса, индейцем, крадущимся через девственный лес... Посетив еще ряд своих предыдущих ипостасей, он закончил с экскурсом в историю. Как, однако, интересны эти фантазии — каждая открывает что-то новое в его характере. Вильгельмина, однако, больше не появлялась, несмотря на все его усилия.

Пытаясь здесь, в мире Реки, пробиться сквозь туман прошлого, Фригейт прибегал к Жвачке Сновидений. Под руководством гуру он раз за разом нырял в глубины своего подсознания в поисках жемчужин воспоминаний — пока однажды, очнувшись от страшных видений, не обнаружил своего наставника избитым и окровавленным. Было совершенно очевидно, что это — дело его рук. Убедившись в том, что гуру не получил серьезных ран, Питер ушел из тех мест навсегда; его гнало предчувствие, что при виде этого человека он будет испытывать жгучее ощущение вины и нестерпимый стыд. А сам пострадавший не помнил зла и был готов продолжать сеансы.

Насилие казалось Фригейту омерзительным; он испытывал панический страх перед ним — и перед каждым, кто нес его в своей душе. И, в то же время, он знал, чувствовал, что насилие гнездится в тайниках его сознания, как червь в сердцевине яблока. Но что с этим можно было поделать! Не звезды наносят нам поражение, а наши собственные гены, наши бесплодные попытки преодолеть себя...

Следующим, почти неизбежным видением, была попытка обольщения Вильгельмины. Как легко разыгрывалась фантазия — словно он действительно встретился с ней! Можно представить, как, после взаимных расспросов, будут выяснены их родственные связи. Последует долгий разговор и рассказ о судьбе ее дочери и зятя — отца Питера — о ее внуках и правнуках. Интересно, ужаснулась бы она, узнав, что одна из ее правнучек стала женой еврея? Несомненно. В деревенской ветви семьи все были полны предрассудков. А что, если признаться ей, что его сестра вышла замуж за японца, а брат и кузина сочетались браком с католиками? Или что праправнучка стала католичкой, а праправнук принял буддизм?

Возможно, жизнь в долине Реки изменила ее взгляды. Это случалось с многими; большинство, однако, были такими же закостенелыми ретроградами, как на Земле.

Чем продлить игру воображения? Что последует за разговором? Вино, марихуана, Жвачка — и, наконец, апофеоз — постель?

По здравом размышлении не каждый рискнет переспать со своей бабушкой. Но размышляет ли человек в подобных обстоятельствах? Пожалуй, о родстве лучше поговорить после постели...

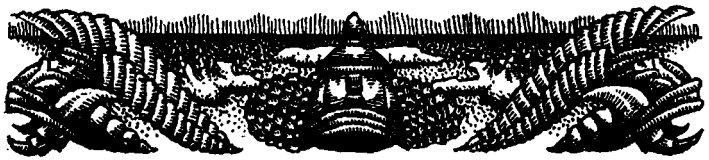
На этом пункте вся фантазия распадалась. Как она поведет себя, что скажет? Этого Питер представить не мог, хотя предполагал, что ночь любви с собственным внуком нанесла бы жестокий удар по целомудрию Вильгельмины — или тому, что от него осталось.

Впрочем, он знал, что не способен реализовать на практике эту возбуждающую мечту; его тянуло к тонким, умным женщинам, а Вильгельмина была невежественной крестьянкой.

Но, может быть, она все-таки изменилась? Как многие другие?

«К дьяволу их всех», — пробормотал Фригейт про себя и повернулся на бок, погружаясь в сон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Начали бить барабаны, загудели деревянные трубы. Питер Фригейт проснулся и попал в разгар другого сна. Время — три месяца после Пирл Харбора; он — курсант летного училища в Рандолф-Филд, жертва придирок пилота-инструктора. Этот лейтенант, высокий молодой человек с тонкими усиками и огромными ногами, был таким же истериком, как и бабка Кайзер.

— В следующий раз вы повернете влево, Фригейт, а сейчас я приказываю лечь на правое крыло! Я немедленно прекращу этот проклятый полет и откажусь обучать вас! Можете взять инструктора, которому наплевать, погубит его этакий курсант или нет. Господи Иисусе, Фригейт, мы же разобьемся! Вы что, не видите — машина берет влево? Вы — самоубийца! Ладно, сейчас вы со мной, а когда рядом никого не будет? Можете вытворять свои штучки где и когда угодно, но только не на самолете ВВС США! Какой дьявол в вас сидит Фригейт? Вы что — собираетесь угробить меня?

— Я вас не слышу, сэр,— выдавил из себя Питер. — По этим трубкам ничего не слышно.

— Ларингофон в порядке. Я же хорошо вас слышу. И ничего не случилось с вашими ушами. Неделю назад вы прошли медицинское освидетельствование. Вас, засранцев, всех осматривали при переводе сюда.

— Да, сэр, именно так,— кивнул головой Питер.

— На что это вы намекаете? — побагровел лейтенант.— Что я — засранец?

— О, нет, сэр, я никогда не мог бы сказать о вас «засранец».

— Тогда что вам полагается сделать? — лейтенант почти визжал.

Питер скосил глаза на других курсантов и инструкторов. Большинство из них не обращали ни малейшего внимания на перепалку, но кое-кто ухмылялся.

— Мне никогда не следует упоминать о вас.

— Что? Я даже не заслуживаю упоминания? Фригейт, не выводите меня из терпения! Вы ни черта не стоите ни на земле, ни в воздухе. Но вернемся к делу. Почему вы меня не слышите, когда я прекрасно вас слышу? Потому, что не хотите слышать? Это очень опасная штука, Фригейт, просто настораживающая. Меня это пугает. Знаете, сколько этих БТ-12 входит в штопор за неделю? Даже когда инструктор вдолбит тупоголовому курсанту, как осторожно надо входить в штопор, а сам держит руку на запасном управлении, и то эти чертовы машины трудно выровнять. Так вот, сейчас же поворачивайте вправо. Вам толкуют о штопоре и осторожности. Я даже за парашют не успею схватиться, как вы вобьете нас обоих на двадцать футов под землю! Что там за чертовщина с вашими ушами?

— Не знаю,— жалобно ответил Питер.— Может быть, пробки забили уши.

— Разве доктор вас не проверял? Конечно, проверял! Так что не болтайте ерунды. Просто не желаете меня слушать. А почему? Да Бог его знает! Или вы меня ненавидите так, что готовы и сами погибнуть, да?

Питер нисколько не удивился, если бы лейтенант начал пускать пену.

— Нет, сэр.

— Что — нет, сэр?

— Нет, сэр, совсем не так.

— Значит, от всего отпираетесь? Вы повернули влево, когда вам было велено сделать правый поворот! Разве не так? Теперь вы скажете, что я еще и лжец?

— Нет, сэр.

Лейтенант помолчал и снова завелся.

— Чему вы улыбаетесь, Фригейт?

— Разве я улыбнулся? — Питер был в состоянии полной физической и умственной прострации; весьма возможно, что на его губах играла бессмысленная улыбка.

— Да вы сумасшедший, Фригейт! — заорал инструктор. Проходивший мимо капитан вздрогнул, но не сделал попыт-

ки вмешаться.— Пока не принесете мне справку от врача, что ваши уши в порядке, и на глаза мне не показывайтесь! Слышите — вы, идиот!

— Да, сэр, слышу.

— Я вас отстраняю от полета. Но завтра справка должна быть передо мной. Тогда я возьму вас в воздух, и да поможет мне Бог!

— Да, сэр,— Питер отдал честь, хотя это не было принято в учебном зале. Проверяя парашют, он обернулся. Капитан о чем-то серьезно толковал с лейтенантом. Что они о нем говорят? Собираются его убрать? Возможно, это и к лучшему. Он больше не мог выносить своего инструктора. Дело оказалось совсем не в пробках; позднее Питер понял, что он действительно не хотел его слышать.

— Он был прав,— признался Фригейт.

— Кто прав? — завернувшись в одеяние из разноцветных полотнищ, Ева устроилась на краю постели, пристально разглядывая его лицо. Питер сел и потянулся. В хижине было темно. Звуки барабанов и рожков слышались слабее. Но вдруг рядом забил в барабан сосед — с такой силой, будто желал разбудить весь мир.

— Никто.

— Ты бормотал и ругался во сне.

— Земля всегда с нами,— он предоставил ей догадываться о смысле недосказанного и, прихватив ночной горшок, отправился туда, где полагалось его опоражнивать. Там уже была целая толпа. Люди опрокидывали содержимое в специальные бочки; после завтрака дежурная команда перетащит их к подножью гор. Экскременты предназначались для переработки на поташ. Два раза в неделю Фригейт сам работал в этой команде, четыре дня стоял на сторожевой вышке.

Грейлстоун, куда они с Евой обычно ставили свои цилиндры, находился за холмом. Но сегодня Фригейт хотел встретиться с командой прибывшего ночью судна и отправился к берегу. Ева не возражала; она собиралась заняться изготовлением бус из рыбьих позвонков. Эти украшения пользовались тут большим спросом, и они обменивали их на табак, вино и кремень. Фригейт вытачивал бумеранги, иногда строил челноки и каноэ.

Взяв в одну руку чашу, в другую — копье из тиса с кремневым наконечником, он собрался уходить. На поясе у него висели ножны с топориком, на плече — колчан с остроконечными стрелами и тисовый лук.

Он жил в маленьком мирном государстве — Руритании, давно не знавшем войн. Но закон, сохранившийся с мятежных времен, обязывал каждого иметь под рукой оружие. Закон устарел, но действовал, как часто бывало и на Земле; здесь царила та же косность.

Фригейт шел вдоль разбросанных по долине хижин. Вместе с ним двигались сотни людей; все — закутанные с головы до ног, как и он сам. После восхода солнца станет тепло, и они скинут свои одежды. Поглощая завтрак, Питер присматривался к вновь прибывшим. Их оказалось пятнадцать человек, полная команда причалившей вчера шхуны «Раззл-Даззл»[1]. Он подсел к окружавшей их группе, слушая разговоры и рассматривая незнакомцев.

Капитан шхуны — Мартин Фарингтон, также известный под именем Фриско Кид, невысокий, мускулистый человек, — напоминал выходца из Ирландии. Голубоглазый, рыжеволосый, курчавый крепыш разговаривал весьма энергично, часто улыбался и отпускал занятные шутки. На эсперанто он говорил довольно бегло, но с ошибками, и явно предпочитал английский язык. Его помощника, Тома Райдера, товарищи называли Текс. Он не уступал ростом Фригейту и отличался «суровой красотой», как в свое время писали в бульварных романах; в его быстрых движениях сквозили изящество и грация, покорившие Пита. Черные волосы, падавшие прямыми прядями, и темная, дубленая солнцем кожа наводили на мысль об индейских предках. Его эсперанто было безупречным, но, подобно Фарингтону, он был рад поговорить на родном языке.

Из их болтовни Фригейт выцедил массу интересных подробностей. На судне собралась пестрая компанию. Подруга капитана, уроженка девятнадцатого века, происходила из Южной Америки. Приятельница помощника когда-то обитала в одном из римских поселений второго века нашей эры,

[1] Раззл-Даззл — суета, суматоха

носившего название Афродита. Фригейт припомнил о его раскопках в семидесятых годах.

Двое из команды были арабами. Мужчину звали Нурэль-Музафир, то есть «Странник». Его спутница в земной жизни была супругой капитана арабского судна, торговавшего с африканскими странами в двенадцатом веке.

На борту находился и моряк-китаец; Чанг утонул при гибели флота Кублай-хана, направлявшегося в Японию. Другой моряк, уроженец семнадцатого века Эдмунд Тресселиан из Корнуэла в 1759 году потерял ногу при захвате французского судна «Беллона» у мыса Финистер. Он остался с женой и семью детьми без пенсии и вынужден был бродяжничать. Как-то в отчаянии он украл кошелек; его схватили и посадили в тюрьму, где он умер от лихорадки, так и не дождавшись судебного разбирательства. Его современник — рыжий Казенс — еще гардемарином участвовал в кругосветной экспедиции адмирала Энсона. Их судно потерпело крушение у берегов Патагонии. С невероятными трудностями и мучениями часть команды добралась до берега, где была захвачена в плен чилийскими властями. Через несколько дней после освобождения несчастный Казенс был расстрелян капитаном Чипом по ложному обвинению в мятеже.

Остальные члены команды тоже были весьма примечательными типами: Бинс, миллионер и яхтсмен-любитель из двадцатого века; турок Мустафа, умерший на Земле от сифилиса — болезни, весьма распространенной среди моряков в восемнадцатом веке; Абигайл Райс — жена матроса-китобоя девятнадцатого столетия. Фригейту показалось, что Бинс и турок жили в мужском союзе, а Казенс, Тресселиан и Чанг делили между собой любовь Абигайл Райс. Ему пришло в голову, что она, вероятно, и на Земле не теряла времени даром, пока ее муж ловил китов.

Еще среди них был Умслапогас или просто Погас, сын вождя африканского племени свази, извечного врага зулусов. Он жил во времена буров, британской экспансии и кровавых битв.

На Земле он зарубил в схватках человек двадцать, здесь — не меньше пятидесяти. Кроме воинских подвигов, он был известен своей причастностью к миссии сэра Теофила Шепстона. В его штаб входил и молодой человек по имени Рай-

дер Хаггард, весьма заинтересовавшийся личностью и живописными рассказами старого свази. Впоследствии он обессмертил Умслапогаса в трех своих романах — «Нэда и Лили», «Она и Аллан» и «Аллан Квотермейн» — правда, превратив там его в зулуса.

Сейчас Погас сидел у судна, опершись на массивную рукоять своего боевого топора. Высокий и стройный, с очень длинными ногами, лицом он скорее напоминал человека хамидского, а не негроидного типа: тонкие губы, орлиный нос, высокие приподнятые скулы. Выглядел он довольно миролюбиво, но чувствовалось, что шутить с ним опасно.

Фригейт пришел в неописуемый восторг, узнав, что перед ним тот самый Умслапогас. Подумать только — тот самый!

Из разговоров с людьми «Раззл-Даззл» он понял, что их путешествие не имеет точной цели. Правда, как заметил капитан, они хотят достичь истоков Реки, но это может случиться и через сто, и через двести лет.

Фригейт долго болтал с ними, расспрашивая о земной жизни. Фарингтон родился где-то в Калифорнии; он не уточнил ни места, ни даты рождения. Райдер был родом из Пенсильвании; он появился на свет в 1880 году и всю жизнь провел на Западе.

Пит подумал, что здесь он выглядит весьма заурядно. А если водрузить на голову Райдера широкополую шляпу, обрядить его в костюм ковбоя с бриджами и расшитыми сапогами, да посадить на лошадь?

Ребенком Фригейт видел его именно в таком обличье и верхом на лошади. Это было на параде перед цирком — кажется, Селлс и Флото? Фригейт стоял со своим отцом у здания суда на Адамс Стрит и нетерпеливо ждал появления всадника — любимого героя вестернов. Герой появился, но вдрызг пьяный, и на глазах у публики свалился с коня. Под громкий хохот и крики толпы Райдер вмиг отрезвел, вскочил в седло и с блеском продемонстрировал целое представление в духе «Дикого Запада» — все ковбойские трюки и потрясающе точные броски лассо.

Тогда Пит считал пьянство моральной проказой, и этот эпизод мог полностью развенчать Райдера в его глазах. Но

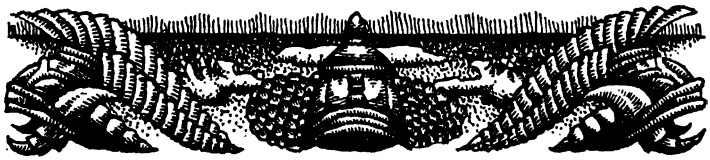
восхищение героем было столь велико, что он отпустил ему все грехи. Каким же маленьким фарисеем был он в те годы!

Что касается Фарингтона, то по портретам на суперобложках биографических книг Фригейт хорошо запомнил его внешность. Он читал его рассказы и романы с десяти лет, а в пятьдесят семь написал предисловие к его собранию сочинений.

В силу каких-то непонятных причин они оба — Райдер и Фарингтон — путешествовали под вымышленными именами. Фригейт не пытался проникнуть в их тайну, во всяком случае — пока. Но он загорелся желанием во что бы то ни стало попасть на борт «Раззл-Даззл».

В этот момент Фриско Кид заявил во всеуслышание, что он и Текс готовы вести переговоры со всяким, кто пожелает записаться в команду. На палубу вынесли два складных стула, и перед усевшимися офицерами немедленно стала выстраиваться очередь желающих. Питер встал следом за тремя мужчинами и одной женщиной. Он внимательно прислушивался к задаваемым вопросам и прикидывал, что же ему следует отвечать своим нанимателям.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Сидя на бамбуковом стуле и покуривая сигарету, Фриско Кид внимательно осматривал Фригейта с ног до головы.

— Питер Джайрус Фригейт, э? Американец. Средний Запад. Правильно? Вы смотритесь достаточно выносливым парнем. Когда-нибудь плавали?

— На Земле — немного, обычно на небольших судах по реке Иллинойс. Но здесь — вполне достаточно: три года на катамаране и год — на двухмачтовой шхуне вроде вашей.

Все это было совершеннейшим враньем. Ему удалось лишь три месяца попутешествовать на паруснике; времени хватило лишь для того, чтобы запомнить терминологию.

— Гмм... А что — эти суда ходили в короткое или долгое плавание?

— Некоторые — в долгое,— Фригейт обрадовался, что его не спросили о разнице между шхуной и катамараном; моряки очень любили это выяснять. Для Фригейта все, что плавало по реке, называлось лодкой; Фарингтон же был истинным мореплавателем, хотя и лишенным здесь моря.

— В этих краях,— добавил Питер,— ветер обычно дует вверх по Реке. Поэтому большей частью мы шли против ветра.

— Ну, некоторые ходят и по ветру,— отозвался Фарингтон.

— Что вас заставляет наниматься на судно? — спросил Райдер.

— Я по горло сыт здешней жизнью. Мне больше невмоготу это монотонное существование. Я...

— Но на судне не легче, вы же прекрасно знаете,— прервал его Фарингтон.— Теснота, скученность, людей мало, но со всеми нужно уживаться. То же самое однообразие.

— Конечно, я понимаю. Но мне хотелось бы добраться до конца Реки. Катамаран, на котором я плавал, сгорел, ко-

гда его команду пытались захватить в рабство. Шхуну потопил речной дракон...

— Так. А капитаны этих двух судов? Кто они?

— Катамараном командовал француз, де Грасс. А капитаном шхуны был сукин сын Ларсен, не то норвежец, не то датчанин. По-моему, на Земле он занимался охотой на тюленей.

В том, что он сказал о Ларсене, не было ни слова правды, но надо отбивать атаки Фарингтона. Тот улыбнулся, прищурился и медленно спросил:

— У Ларсена было прозвище — Волк?

Питер сохранял полную невозмутимость. Нет, он не попадет в эту ловушку и не станет выкручиваться. Стоит Фарингтону уловить хоть малейшую фальшь, он ни за что не возьмет его на судно.

— Нет, его прозвали Ублюдок. Ростом он был шести с половиной футов и слишком темноволос для скандинава. А глаза у него черные, как у араба. Вы его знали?

Фарингтон отмолчался. Он придавил в пепельнице сигарету и прикурил другую.

— Владеете ли вы луком? — спросил Райдер.

— Конечно, я не Робин Гуд, но за двадцать секунд выпущу шесть стрел с весьма приличной точностью. Я изучал это искусство два десятилетия. Не стану выдавать себя за великого воина, однако я участвовал примерно в сорока крупных операциях и множестве мелких. Четырежды тяжело ранен.

— Когда вы родились? — продолжал Райдер.

— В 1918 году.

Мартин Фарингтон посмотрел на своего помощника.

— Полагаю, в детстве вы посмотрели множество фильмов?

— Не больше других.

— А ваше образование?

— Я получил степень бакалавра по английской литературе, занимался философией, но читал лишь временами, от случая к случаю. Боже, как я всегда старался уклониться от чтения!

— Я тоже,— бросил Фарингтон.

Наступило молчание, и Райдер медленно произнес:

— Да, наши земные воспоминания с каждым днем тускнеют.

Это означало, что даже если Фригейт и видел Райдера в его фильмах, а портреты Фарингтона на его книгах, он должен об этом забыть. Вопрос капитана о его образовании, возможно, был связан с желанием иметь на судне достойного собеседника. На Земле его товарищи по плаванию обычно являлись людьми грубыми, необразованными и не могли разделять его духовных интересов.

— Нам остается еще поговорить примерно с двадцатью претендентами, — сказал Фарингтон, — а потом сделать выбор. Решение вы узнаете к вечеру.

Фригейту нестерпимо хотелось попасть на судно, но он боялся, что излишняя настойчивость отпугнет капитана и его помощника. Они странствовали под чужими именами, а потому осторожно подбирали людей. Чем это было вызвано, он еще не понимал.

— Мы забыли еще кое о чем, — заметил Райдер. — На судне есть лишь одно место, и вашу подругу мы принять не можем. Это вам подходит?

— Вполне.

— Попытайтесь закрутить роман с Абигайл, — посоветовал Райдер, — если не имеете ничего против трех остальных ее поклонников и если, разумеется, она вам понравится. Пока что она не проявляла слишком большой неприступности.

— Абигайл — женщина привлекательная, — ответил Питер, — но она не в моем вкусе.

— Может быть, в вашем вкусе Мустафа? — усмехнулся Фарингтон. — Во всяком случае, сам он на вас посматривает.

Фригейт бросил взгляд на подмигнувшего ему турка и, вспыхнув, отрезал:

— А это меня привлекает еще меньше!

— Тогда, чтобы избавиться от посягательств Бинса и Мустафы, дайте им это понять. — Фарингтон заговорил серьезно. — Я — не гомик, хотя это участь многих моряков. Любое судно — военное или торговое — змеиное гнездо содомского греха. Эти двое — настоящие мужчины, но совершенно безразличны к прекрасному полу. Они отличные моряки. Если вы уверены, что сумеете их отвадить, мы оставим вас в списке претендентов. Но предупреждаю заранее, на

судне — никаких свар и грызни. Можете сводить счеты на берегу, и если мы кого-то потеряем, вы прихватите любую бабенку, которая вам приглянется. Но она обязательно должна быть хорошим матросом — на судне нет места для балласта.

— Ну, если как следует приглядеться, то Абигайл выглядит вполне заманчиво,— ответил на это Питер.

Все рассмеялись, и Фригейт отошел.

Вскоре он оказался возле причала, тянувшегося вдоль мелкой искусственной бухты. Ее с большим трудом вырубили в плотном прибрежном дерне и выложили по краям каменными глыбами. Обычно здесь стояли мелкие суденышки и катамараны, но сейчас на воде покачивались два огромных плота, предназначенных для охоты на речных драконов. Вдоль берега тянулся ряд боевых каноэ, принимавших на борт до сорока человек, но служивших в настоящее время рыболовецкими судами. Повсюду на Реке виднелось множество малых и крупных лодок.

«Раззл-Даззл» не могла подойти к пирсу. Она стояла на якоре у входа в бухту, за выступом огромных черных скал. Это было прекрасное, длинное и низкое судно, построенное из дуба и сосны без единого металлического гвоздя. Тонкие, но прочные паруса из шкуры речного дракона просвечивали на солнце. На носу вздымалась фигура сирены с факелом в руке. Шхуна казалась диковинной игрушкой. Как экипажу удалось сберечь ее? Большинство судов, плавающих на дальние расстояния, рано или поздно становились добычей мародеров.

Подгоняемый беспокойством, Питер вернулся к Фарингтону и Райдеру. Переговоры шли полным ходом; около двух десятков мужчин и женщин дожидались своей очереди. Если так пойдет дело, то на болтовню будет потрачен весь день. Ничего не попишешь, придется идти домой.

Он заглянул в хижину; на его счастье, Ева еще не вернулась, и Фригейту не пришлось с нею объясняться.

Сегодня утром его ждала рабочая смена на фабрике по производству спирта. Прекрасный повод отвлечься от снедающих его мыслей! Фригейт направился туда по тропинке, что извивалась меж холмов. Деревья редели, хижин здесь почти не было. Поднявшись по склону самого высокого хол-

ма, он остановился у подножья горы; скалистая стена круто вздымалась над ним на высоту более трех тысяч футов. Сверху низвергался водопад, его прозрачные чистые струи наполняли вырубленный в камне бассейн. В просторном сарае, расположенном между бассейном и утесами, находилась фабрика.

Фригейт миновал ее, поглядывая на множество перегонных аппаратов из стекла и бамбуковых трубок. Здесь стояла нестерпимая жара, от невыветрившегося запаха спирта было трудно дышать. Поднявшись выше, к поросшим лишайником склонам, Питер подошел к мастеру, чтобы получить скребок и разграфленную сосновую планку, на которой были выжжены его инициалы. На ней отмечались отработанные дни.

— Скоро будем скрести камень деревяшками,— угрюмо пробурчал мастер.— Сланец и кремень придется оставить для оружия.

Да, запасы кремня истощались. В долине Реки развитие техники шло в обратном направлении: от каменного века к деревянному. Человечество повернуло вспять.

Фригейт подумал, сумеет ли он вывезти отсюда свое оружие с кремневыми наконечниками. Если его возьмут на шхуну, то по законам страны кремень нужно сдать.

Пару часов он усердно трудился, соскребая зеленовато-серые стебли с каменистой почвы и складывая их в бамбуковые корзины. Другие рабочие спускали их вниз и опрокидывали содержимое в чаны. К полудню они прервали работу; близилось время обеда. Прежде чем спуститься вниз, Фригейт бросил взгляд на берег — там виднелся белый корпус шхуны, залитый солнечным светом.

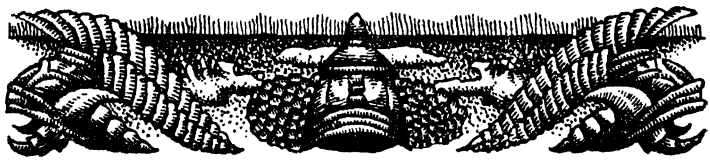
Нет, ни за что на свете он не упустит такой случай!

Питер направился в хижину. Она была пуста. Ева пока не вернулась, и он вновь поспешил к берегу. За время его отсутствия очередь не стала короче. Он прошел до края равнины, где у подножий холмов короткую жесткую траву внезапно сменяли непролазные заросли. Кто провел эту демаркационную линию? Казалось, земля на склонах холмов ничем не отличается от почвы низины, но на возвышенностях трава доходила ему до груди.

В полумиле от причала находилось стрельбище. Минут тридцать Фригейт стрелял из лука в травяную мишень, торчавшую на бамбуковом треножнике, затем перешел на гимнастическую площадку. Он сделал несколько коротких пробежек, потом долго прыгал и почти два часа упражнялся в карате и дзюдо. В конце концов, он совершенно выбился из сил, но зато вновь обрел уверенность и вкус к жизни. Его юное тело не знало, что такое ревматизм, ожирение, одышка; тут он избавился от всех болезней, что мучили его на Земле в зрелые годы.

В прошлой жизни с тридцати семи лет и до пятидесяти он просидел за столом. Кабинетная работа почти прикончила его. Зря он расстался с местом на сталеплавильном заводе. Труд там был монотонным и нелегким, но он хорошо переносил жару и тяжелые нагрузки. Его мозг непрерывно генерировал новые сюжеты, он мог писать целыми ночами. Но стило ему бросить завод и плотно усесться за письменный стол, как он начал пить. После восьми часов выстукивания на пишущей машинке проще всего было просидеть весь вечер перед телевизором, потягивая бурбон или виски. Воистину, телевизор — это худшее, что изобрело человечество в двадцатом веке, если не считать атомную бомбу и демографический взрыв! Он понимал это, и все же не мог оторваться от дурацкого ящика, торчал перед ним, как замороженный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вытирая с лица пот, Фригейт быстро спускался к Реке. Он миновал пустынный участок побережья и вышел к причалу, где протолкался до обеда, болтая со знакомыми. В толпе ему встретились два матроса с судна; там все еще шли переговоры. Когда же, наконец, кончится эта очередь?

В назначенный час Фарингтон встал и громко объявил, что прием окончен. В очереди зашумели, но капитан остался непреклонен. К нему подошел глава Руритании «барон» Томас Буллит с помощниками.

Буллит не удостоился большой славы на Земле. В 1775 году он исследовал водопады на реке Огайо в Кентукки — вблизи тех мест, где позднее вырос Луисвилл; потом его имя забылось.

С Буллитом пришел его помощник Пауль Байс, датчанин шестнадцатого века. Согласно обычаю, они пригласили команду «Раззл-Даззл» на вечеринку, устраиваемую в честь прибытия судна. Повсюду на Реке люди с удовольствием принимали путников, приносивших свежие новости, слухи и занятные истории — лучшую плату за гостеприимство.

Фарингтон принял приглашение, но заметил, что четверо членов экипажа останутся охранять судно. Вслед за толпой Фригейт направился к площадке с навесной крышей — местной ратуше. Фарингтон и Текс стояли в окружении власть имущих, болтая с их женами. Питер не был приобщен к избранному кругу, но знал, что позже строгий этикет нарушится — виски и вино уравняют всех. Он занял очередь за спиртным и тут увидел свою подругу.

Ева Беллингтон стояла неподалеку от него. Она была высокой, черноволосой и голубоглазой женщиной — типичной красавицей из южных штатов. Ева родилась в 1850 году и умерла, не дожив лишь двух лет до своего столетия. Ее отец, богатый помещик-южанин, в годы войны служил в кавале-

рии Конфедерации в звании майора. Во время похода Шермана на Джорджию их плантация сгорела, и Беллингтон разорился. Он уехал в Калифорнию и стал там компаньоном богатого судовладельца. Ева вновь жила в достатке, но вскоре отец бросил семью — чего она не могла простить ему никогда.

Женщины поселились у брата отца, красивого мужчины лишь на десять лет старше своей племянницы. Когда Еве стукнуло пятнадцать, он изнасиловал девушку — правда, как она сама признавалась, без большого сопротивления с ее стороны. Мать, узнав о беременности дочери, выстрелила в насильника, целясь в гениталии. Он прожил евнухом несколько лет в тюрьме и там же скончался.

Стыдясь огласки, миссис Беллингтон переехала в Ричмонд, где ее нашел раскаявшийся муж. Сын Евы, которого она обожала, вырос красивым и стройным малым. После жесточайшей ссоры с дедом, он покинул Ричмонд и отправился на Запад в поисках удачи. Последнюю весточку от него Ева получила из Силвер-Сити; затем он пропал навсегда — во всяком случае, ни одно сыскное агентство не смогло обнаружить его следов. Вскоре миссис Беллингтон погибла при пожаре, а отец Евы, пытавшийся спасти ее, тут же умер от сердечного приступа. Ее первый муж скончался от холеры вскоре после этого несчастья. К пятидесяти годам она потеряла двух супругов и семерых из десяти детей. Если бы Маргарет Митчел и Уильям Тенесси сочинили в соавторстве роман, то вполне могли бы выбрать ее своей героиней. Питер часто повторял эту шутку, но Ева не находила ее забавной.

За семь лет жизни в долине Ева избавилась от презрения к неграм и ненависти к северянам. Она даже полюбила одного из мерзких янки, однако Пит, дабы не подвергать ее любовь излишним испытаниям, воздерживался от рассказа о своем прадеде, участнике «подлого» марша Шермана.

Получив свою порцию спиртного, он направился к Еве, все еще стоявшей в очереди. Питер спросил, где она пропадала целый день. Оказывается, ей нужно было о многом подумать, и она отправилась прогуляться.

Предмет ее размышлений не был секретом для Фригейта — между ними назревал разрыв; уже несколько месяцев они, внезапно охладев, все больше отдалялись друг от друга.

Питер тоже задумывался об их отношениях, но пока не начинал решающего разговора.

Предупредив Еву, что они увидятся позже, он стал кружить около Фарингтона. Райдер отправился танцевать; он лихо отплясывал с женой Буллита и распевал во все горло.

Питер покорно ждал, пока капитан кончит рассказ о своих злоключениях на золотых приисках Юкона в 1899 году. Поведав о потере нескольких зубов от цинги, он перешел к более веселым подробностям. Наконец, Фригейту удалось спросить:

— Мистер Фарингтон, вы пришли к какому-то решению?

На языке у капитана уже вертелась следующая история, и он недоуменно моргнул покрасневшими веками.

— О-о! Да, да. Вас... ммм... зовут Фригейт, верно? Питер Фригейт. Тот, что много читал. Да, у нас с Томом все решено. В конце вечеринки мы объявим о своем выборе.

— Надеюсь, я вам подошел. Мне действительно очень хочется отправиться с вами.

— Энтузиазм — весьма ценное качество,— отозвался Фарингтон,— но опытность еще дороже. Нам нужен человек, в котором сочеталось бы и то, и другое.

Питер глубоко вздохнул и с отчаянием произнес:

— Значит, меня отвергли. Ну, а если бы я был неграмотным, то что бы вы сказали? Мне остается только пожалеть, что я такой, какой есть.

— Вам на самом деле это так важно? — улыбнулся капитан.— Но почему?

— Потому, что я хочу добраться до конца Реки.

— Вот как? И вы надеетесь найти там решение всех ваших проблем?

— «Мне не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить»,— сказал Фригейт.— Это слова одного из персонажей «Братьев Карамазовых» Достоевского.

— Грандиозно! Я много слышал о Достоевском, но мне не довелось его читать. Думаю, в мое время еще не было английских переводов его романов.

— Ницше утверждал, что русские романы многое открыли ему в психологии,— добавил Питер.

— Э-э, Ницше? Вы хорошо его знаете?

— Я читал его на английском и на немецком... Он — великий поэт. Немецкие философы писали обычно водянистой, размытой прозой; а читая Шопенгауэра и добираясь до сути, рискуешь или заснуть или получить нервное расстройство. Но Ницше — другое дело. «Человек — это мостик над пропастью, лежащей между животным и сверхчеловеком», — процитировал он.— Возможно, я что-то уже забыл; я читал «Так говорил Заратустра» черт знает когда... Пожалуй, я готов поверить в эту концепцию, но сверхчеловека я понимаю иначе, чем Ницше. Истинный сверхчеловек, мужчина или женщина — неважно,— это личность, которая полностью реализовала свои возможности и живет по законам добра, сострадания, любви. Личность, независимая в своих суждениях и лишенная стадности. Только тогда это истинный и нестибаемый сверхчеловек.

— Наверное, вы считаете воплощением идей Ницше роман Джека Лондона «Морской волк»?

Питер на минуту замолк.

— А вы его разве читали?

— Неоднократно,— усмехнулся Фарингтон.— Так как же насчет Волка Ларсена?

— Мне думается, что он — сверхчеловек скорее в понимании Лондона, чем Ницше. Это воплощение его идеала. Ницше отпугнула бы жестокость Ларсена. Помните, Лондон заставил его умереть от опухоли мозга — возможно, он хотел внушить читателям мысль, что сверхчеловек Волк Ларсен изначально обречен. Но Лондон явно переоценил способности литературных критиков — они просто не заметили эту деталь. Кроме того, он показал человека — пусть, сверхчеловека — сущностью которого являлось животное начало. Он — часть Природы и, несмотря на свой ум, не может избежать воздействия своих страстей. Он — животное, зверь, а потому и подвержен такой болезни, как опухоль мозга. «Так рушится могущество».

— Однако,— продолжал Фригейт,— в Ларсене было и то, что ценил сам автор. Лондон жил в жестоком мире и считал, что выжить в нем можно лишь с помощью сверхжестокости. Но он был и провидцем. Изыскивая возможности для людей вырваться из пропасти инферно, он видел выход в социализме и надеялся, что в нем человечество обретет избав-

ление от страданий. В то же время, Лондон — крайний индивидуалист, и эта его особенность всегда вступала в противоречие с идейными убеждениями. В конце концов, он утратил веру в социализм — за что был осужден собственной дочерью в ее книге воспоминаний.

— Этого я не знал,— задумчиво произнес Фарингтон. По-видимому, она написала ее после моей смерти. А что еще вы знаете о ней?

Кажется, клюнуло, подумал Фригейт, судорожно вспоминая все, что знал о судьбе Джоан.

— Она являлась активным членом социалистической партии, и умерла, по-моему, в 1971 году. Ее книга об отце написана весьма откровенно... она даже не скрывает, что отец ревновал ее мать к молодым женщинам. Что же касается самого Лондона, то я думаю, ему хотелось стать Волком Ларсеном, чтобы избавиться от сопереживания скорбям людским. Ему представлялось, что человек, свободный от сострадания, неуязвим. Но сам он всю жизнь нес в себе это чувство — хотя готов был им пожертвовать, пусть даже ценой умерщвления души. Как и прочих людей, писателей тоже раздирают противоречия; и величайшие из них — всегда загадка для критиков. «Когда небес разверзнется покров и разольются воды широко, лишь человек единственной загадкой станет.»

— Это мне нравится! — воскликнул Фарингтон.— Кто это написал?

— Каммингс. А вот моя любимая строчка: «Послушай! Вселенной двери распахнулись в ад... Войдем же!»

Питеру показалось, что он выразился слишком туманно, но, похоже, Фарингтон хорошо его понял.

Если он окажется на судне, то подобные темы могут вызвать раздражение капитана. Сведения Фарингтона об учении Ницше получены, в основном, из бесед с одним из его друзей — Страун-Гамильтоном. Он пытался читать Ницше, но внимание писателя задерживалось на поэтических образах, смысла же философии он так и не постиг. Как Гитлер, он выхватывал из учения немецкого философа лишь то, что ему импонировало, и отбрасывал остальное. Правда, Фарингтон — не чета Гитлеру...

— Ну, что еще рассказать вам о Лондоне? — продолжал Фригейт. — Пожалуй, лучше всех написал о нем Льюис Петтон: «Его можно критиковать, но обойтись без него нельзя».

Это очень понравилось Фарингтону, однако он пожелал сменить тему.

— Закончим с Лондоном... в другой раз мы еще потолкуем о нем, — он приложился к своей кружке, потом пристально взглянул на Фригейта. — Послушайте! Ваши идеи о сверхчеловеке весьма похожи на то, что проповедует Церковь Второго Шанса. Звучат они, правда, получше, чем у одного из наших матросов. Да вы его знаете — маленький араб... точнее — испанский мавр двенадцатого века. Но он не относится к миссионерам Церкви.

Фарингтон указал на человека, уже знакомого Фригейту. Тот сидел в кружке руританцев, прихлебывая вино и покуривая сигарету. Его рассказы, видимо, забавляли окружающих — они от души смеялись. Невысокого роста, но сильный и гибкий, этот человек напоминал юного Джимми Дюранта.

— Нур-эд-дин-эль-Музафир, — назвал его капитан. — Для краткости — Нур.

— Это значит — Странник Светоча Веры, — перевел с арабского Фригейт.

— Вы знаете арабский? Я вот никогда не сумел выучить ни одного языка... разве только эсперанто.

— Я просто нахватался слов из «Арабских сказок» Бартона, — Фригейт помолчал. — Так что же будет со мной? Вы меня не берете?

— И да, и нет, — Фарингтон расхохотался, взглянув на растерянное лицо Питера, и хлопнул его по плечу. — Умеете держать язык за зубами?

— Как траппистский монах.

— Тогда вот что я вам скажу, Пит. Мы с Томом хотим здесь избавиться от Канака. — Он указал на громадного полинезийца, облаченного в белые одежды, с огромным красным цветком в черных курчавых волосах. — В свое время он был лучшим гарпунером на китобойном судне. Но мне нужны образованные люди, а он, конечно, книги в руках не держал. Возможно, мое требование попахивает снобизмом, но что поделаешь? Так вот, вас примут на судно... во всяком

случае, таково мое решение. Нет, подождите ликовать! Мне еще нужно поговорить с Томом. Минутку, я сейчас вернусь.

Он нырнул в толпу танцующих, схватил Райдера за руку и, не обращая внимания на сопротивление, потащил в сторону. Фригейт мог только гадать, что ждет его впереди. У этих двоих была какая-то важная причина путешествовать под чужими именами. Опасаясь разоблачения, они могут исчезнуть, оставив его здесь, но могут и взять с собой, если убедятся, что он не из болтливых. Сейчас, вероятно, Фарингтон наверняка желает выяснить, почему человек, так хорошо знакомый с произведениями Лондона, не узнал его самого. Возможно, капитан ведет какую-то игру, подозревая, что Фригейт питает некие темные замыслы... Во всяком случае, физическая расправа ему не грозит — ни Фарингтон, ни Райдер не были убийцами. Правда, в этом мире люди менялись — и не всегда к лучшему.

К нему подошел Райдер, пожал руку и сказал, что будет рад видеть его на судне. Через несколько минут Фарингтон остановил музыкантов, чтобы во всеуслышание объявить о выборе нового матроса. Лишь после этого Фригейт собрался с силами, отвел Еву в сторонку и сказал о своем отъезде.

— Да, я знаю, что ты хочешь уйти на этом судне,— довольно спокойно сказала она.— Здесь трудно сохранить что-нибудь в тайне, Питер. Мне только больно, что ты скрыл это от меня.

— Я пытался предупредить тебя, но ты ушла из дома... Я не знал где тебя найти.

Ева расплакалась. Глаза Питера тоже увлажнились. Потом женщина быстро вытерла слезы.

— Я плачу не из-за твоего отъезда. Мне горько, что умерла наша любовь, хотя я понимаю, что со временем все проходит.

— Я все еще люблю тебя.

— Но не так уж сильно, верно? Мне не следует упрекать тебя, Пит, я и сама не лучше. А мне так хотелось, чтобы мы оба любили друг друга... как прежде...

— Ты встретишь другого. И мы расстаемся не врагами...

— Да, все к лучшему. Хуже жить с человеком, который тебя не любит. Сейчас, когда любовь ушла, мне было бы тяжело с тобой.

Он привлек Еву к себе, собираясь поцеловать, но она подставила лишь щеку.

— Прощай, Пит.

— Я тебя никогда не забуду.

— У нас было много хорошего, — и Ева ушла.

Питер вернулся в толпу. Его поздравляли, но он не ощущал радости. Прощание с Евой не выходило из головы, и общее внимание становилось ему в тягость. Буллит торжественно пожал его руку.

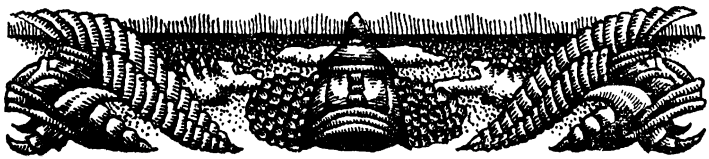
— Мне очень жаль, что вы уезжаете, Фригейт, — заявил он. — Вы были образцовым гражданином. Осталась небольшая формальность. — Он обернулся к стоявшему рядом чиновнику. — Мистер Армстронг, пожалуйста, примите оружие у мистера Фригейта.

Питер не протестовал. В свое время он дал клятву вернуть оружие в случае отъезда. Но свой меч он не принес, припрятав его еще утром. Последняя память о жизни в Руритании... о Еве, украсившей вышивкой перевязь... Он заберет меч с собой.

Этой ночью он снова вернулся в прошлое, к прежнему сну, когда, стоя голышом перед домом, он бросал камешки в окно спальни в тщетной надежде разбудить Рузвельта. Он обогнул дом, пытаясь открыть какое-нибудь окно, и вдруг обнаружил распахнутую дверь. Ему удалось тихо проскользнуть через переднюю в кухню; теперь оставалось сделать лишь пару шагов до противоположной двери, откуда шел коридор к лестнице, что вела на второй этаж. Ступеньки скрипели, он старался наступать на самый краешек. В этот момент он заметил, что дверь в спальню родителей, где спали и младшие дети, открыта; комнату заливал лунный свет. Старомодная постель отца и матери зияла пустотой; пусты были кроватки сестры и брата.

Не оказалось на месте и Рузвельта. В смятении Питер обернулся к окну: перед ним зияла пустотой собачья будка.

Все, даже пес, исчезли без следа. Что за таинственное преступление произошло здесь?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

— Наш учебный дирижабль будет готов через месяц,— объявил однажды Файбрас.— Первый полет совершит Джил Галбира, наш самый опытный пилот. Я назначаю ее командиром этого корабля. Ну, как, Джил? Теперь уж вам не удастся обвинить меня в пристрастности.

Окружившие Джил мужчины принялись поздравлять ее, хотя с довольно кислыми минами.

Казалось, искреннюю радость испытывал лишь Сирано; только опасение рассердить ее удержало француза от поцелуя. Через двадцать минут Файбрас, Мессне, Пискатор, Джил и десяток инженеров вновь склонились над чертежами дирижабля. За три недели изнурительной работы они составили всю техническую документацию, от расчетов до чертежей, с помощью компьютера.

Машина дала возможность предельно ускорить проектирование, выявить допущенные ошибки, внести поправки а, главное,— перепроверить все математические выкладки, сделанные ранее вручную.

Напряжение этих недель не прошло даром. Джил чувствовала, что стоит на пороге нервного срыва, и начала по два часа в день заниматься фехтованием.

Она увлекалась этим видом спорта еще на Земле, но здесь пришлось приобретать совсем новые навыки. Рапиры в Пароландо были легкими и гибкими, а мишенью считалась любая точка тела.

— Вы еще не научились правильно парировать быстрые удары,— говорил ей Сирано,— но придет время, и вы можете стать серьезным соперником.

А когда-то она отлично фехтовала. Ее великий учитель, олимпийский чемпион, уверял, что при постоянных тренировках она могла бы претендовать на самые высокие награды в мировых чемпионатах. Однако работа отнимала все

время, и на занятия в спортивном зале его почти не оставалось. Но Джил обожала фехтование. Ей казалось, что в нем есть какое-то сходство с шахматами, еще одной ее любовью.

Она испытывала удовольствие, просто касаясь клинка и вспоминая полузабытые навыки. Но настоящую радость ей приносили победы над большинством ее противников-мужчин. Джил считали неуклюжей из-за высокого роста, но, взяв в руки рапиру, она преображалась, приобретала ловкость и даже известное изящество.

Она не могла победить лишь двоих. Одним был Раделли, итальянский мастер, автор «Руководства по фехтованию на рапирах и саблях», опубликованного в 1885 году. Другим — бесспорный чемпион Савиньон Сирано де Бержерак. Он поражал ее... Сирано умер в середине семнадцатого века, когда техника фехтования только начала развиваться. Итальянцы закладывали основы современного боевого искусства, и лишь к началу девятнадцатого столетия сформировалась настоящая школа.

Репутация Сирано как величайшего фехтовальщика всех времен сложилась вне конкуренции с серьезными противниками позднейших столетий, и Джил всегда казалось, что она сильно преувеличена. Истинной правды о схватке у Нэльской башни не знал никто, кроме француза, а сам он о ней помалкивал.

Здесь Сирано обучился всем тонкостям современного поединка у Раделли и Борсоди. Через четыре месяца непрерывных занятий он превзошел своих учителей, через пять — был вновь, как некогда, непобедим.

Постепенно Джил преодолела скованность и даже приобрела некоторый блеск в бою. Ей не раз удавалось выигрывать шестиминутные схватки у опытных мастеров с преимуществом в одно очко. Но Бержераку она всегда проигрывала — ей не хватало быстроты, стремительности. Пока она наносила один укол, он успевал сделать пять выпадов. Но даже этот один он словно допускал из милости, стараясь смягчить горечь поражения. Однажды после боя она в раздражении запретила ему щадить ее самолюбие.

— Даже если бы я был влюблен в вас и желал оградить от боли, — возмутился он, — то и тогда не играл бы в поддавки! Это бесчестно! Считается, что в любви и на войне все

средства хороши, но этот девиз не для меня. Нет, у вас хороший удар, есть быстрота и уменье.

— Однако, если бы мы сражались всерьез, вы могли убить меня первым же ударом.

Он поднял маску и вытер лоб, мокрый от пота.

— Верно. Не собираетесь ли вы вызвать меня на дуэль? Все еще сердитесь на меня?

— За то, что случилось на берегу? Нет.

— Тогда из-за чего же, осмелюсь вас спросить?

Она не ответила, и Сирано, подняв бровь, истинно галльским жестом пожал плечами.

Да, он превосходил ее как фехтовальщик. Сколько бы она не тренировалась, сколько не тратила усилий, чтобы превзойти его — мужчину! — все равно она проиграет, как проигрывала до сих пор. Она попыталась взять реванш в другом. Однажды во время схватки Джил начала издеваться над его невежеством и суевериями. Сирано ответил яростной атакой. Однако он не потерял головы: хладнокровно, с фантастической точностью предугадывая каждое ее движение, он нанес ей пять уколов за полторы минуты. Джил была покорена и извинилась перед ним.

— Как глупо смеяться над пробелами в ваших познаниях и над вашими религиозными заблуждениями,— покаялась она.— В конце концов, вы же не виноваты, что родились в 1619 году. Мне не надо было доводить вас до бешенства. Это никогда не повторится; прошу вас — простите меня.

— Значит, все гадости, что вы наговорили — только уловка? Лишь способ взять верх в поединке? Здесь ничего не направлено против меня лично?

— Должна признаться: я хотела, чтобы вы потеряли самообладание. В тот момент мне действительно казалось, что вы — невежественный простофиля, живое ископаемое. Во мне все кипело...— После минутного молчания она робко поинтересовалась: — Это правда, что на смертном одре вы покаялись в своих грехах?

Француз побагровел, его глаза гневно блеснули.

— Да, мисс Галбира. Действительно, я заявил, что виновен в богохульстве и безверии, и просил Господа о прощении. Я сделал это! Я, ненавидевший разжиревших, самодовольных, невежественных, лицемерных попов и их бесчувст-

венного, беспощадного Бога! Поймите... вы жили в мире, свободном от предрассудков, и даже представить себе не можете ужас перед вечным огнем, вечными муками в аду... Вы не в силах вообразить этот треклятый, въевшийся в душу страх... С самого детства он начинал пропитывать нашу плоть и наш мозг... Вот почему в свой смертный час, в диком страхе перед геенной огненной, я уступил сестре, этой беззубой суке, и доброму верному другу Ле Брэ, сказав, что покаюсь и спасу свою душу... а вы, моя дорогая сестра и дорогой друг, можете радоваться и молиться за меня, чтобы я попал в чистилище.

— Что мне оставалось? Кому могло повредить мое покаяние? Ведь если Христос действительно Спаситель, и спасти тебя ему ничего не стоит, если существует и рай, и ад, то нужно быть последним болваном, чтобы не позаботиться о своей никчемной шкуре и бессмертной душе. С другой стороны, если после смерти — лишь пустота небытия, то что я теряю? А так я осчастливил свою сестру и добросердечного Ле Брэ.

— Через два года после вашей смерти он написал вам блестящий панегирик,— сказала Джил,— предисловие к «Путешествию на Луну».

— Надеюсь, он не сделал из меня святого,— воскликнул Сирано.

— Нет, он создал прекрасный образ, благородный, но не благостный. Правда, другие писатели... впрочем, у вас было множество врагов.

— Которые все сделали, чтобы очернить мое имя и репутацию, когда я был мертв и не мог защитить себя? Вот свиньи, воронье!

— Мне не вспомнить их имена,— сказала Джил,— да и какое сейчас это имеет значение? Только литературоведы знают, как звали ваших злопыхателей, а большинству людей вы известны лишь как романтический, остроумный и трогательный герой пьесы Ростана. Долгое время ваши творения — «Путешествие на Луну» и «Путешествие к Солнцу» — считали плодом безумца, их подвергали жесточайшей цензуре. Церковные власти резали ваши тексты, выбрасывая огромные куски и доводя содержание до полнейшей бессмыс-

лицы. Но со временем книги возрождались, и я уже смогла прочесть их полностью в английском переводе.

— Счастлив это слышать. Мне довелось узнать от Клеменса и других, что я вознесен на литературный Олимп и стал там если не Зевсом, то Ганимедом...— он нахмурился.— Но меня чрезвычайно больно задела ваша ядовитая насмешка над моими суевериями, мадам. Да, я верил, что убывающая луна поглощает костный мозг животных. Вы утверждаете, что это явный вздор. Хорошо, я согласен... Но это же мелкое безобидное заблуждение! Кому оно повредило? А вот настоящее суеверие — это уже серьезно. Оно нанесло огромный ущерб многим миллионам человеческих существ. В мире царила тупая варварская вера в колдовство, в способность человека заклинаниями изгнать бесов или, наоборот, призывать силы ада. Я написал письмо, осуждавшее порочное невежество. Мне было ясно, что все эти абсурдные приговоры, жестокие пытки и казни, на которые обрекали безумных или невинных людей в борьбе с Дьяволом и во имя Бога, сами несли в себе дьявольское начало. Правда, при моей жизни это письмо «Против колдунов» не было напечатано — за него меня могли бы отправить на костер. Но оно ходило по рукам в списках... Вот вам доказательство, что я не таков, каким вы меня представляете!

— Да, я знаю,— Джил понурила голову,— и уже извинилась перед вами. Могу это сделать еще раз.

— О, нет! Вполне достаточно,— он усмехнулся и, потирая кончик длинного носа, добавил: — Конечно, вы, люди двадцатого века, можете считать меня невеждой. Однако в нашей компании был кое-кто... человек весьма древних времен, который знал побольше ваших ученых. Вы слышали про Одиссея из Итаки?

Одиссей! Конечно, Джил не раз рассказывали о нем. Он внезапно появился во время сражения объединенных войск Клеменса и короля Джона с флотом фон Радовитца, предводителя германцев, пытавшегося захватить главное сокровище Пароландо — железный метеорит. Одиссей на самом деле оказался легендарным стрелком — он поразил из лука фон Радовитца, перебил его помощников и обеспечил победу. После таких подвигов ни у кого не оставалось сомнений в подлинности имени, которое назвал этот коренастый, плот-

ный человек — редкий случай в долине Реки, заполненной десятками Наполеонов, Юлиев Цезарей и Александров Македонских. Да, странник был Одиссеем из гомеровского эпоса, вождем Итаки и одним из предводителей ахейцев, разрушивших древнюю Трою. Правда, он утверждал, что Илион, столица Приама, располагался совсем не там, где считали археологи нового времени, а значительно южнее.

Он исчез так же таинственно и внезапно, как появился. Клеменс полагал, что грека убили по приказу короля Джона, и долго пытался обнаружить его следы. После того, как «Марк Твен» отправился в свой нескончаемый путь, поиски продолжил Файбрас — но так же безрезультатно. Правда, одному из его разведчиков, Джиму Сорли, удалось выяснить, что король Джон не связан с исчезновением Одиссея. Это было все.

Джил весьма занимали причины, по которым Одиссей вступил в бой на стороне Клеменса. Зачем чужаку ввязываться в военные распри в Пароландо? Какую выгоду он преследовал, что надеялся получить от победителей? Она не раз мучила вопросами Файбраса, но он не знал ничего. Только Сэм Клеменс мог бы дать объяснения — однако он никогда не распространялся об этом предмете.

— Возможно, у Одиссея были те же причины, что у нас с Бержераком, — заметил как-то Файбрас. — А мы хотим добраться до северного полюса.

«Странно, — размышляла Джил, — почему до конца строительства второго судна никто не подумал о дирижабле? Ведь на нем до северных широт можно добраться за несколько дней, а странствие по Реке требует десятилетий.»

— Одна из житейских загадок, — усмехнулся Файбрас, когда она спросила его об этом. — Как всегда, человечество не видит дальше своего носа. Нужно, чтобы со стороны ему поднесли зеркало.

Это зеркало поднес человек по имени Август фон Парсефаль, майор немецкой армии и конструктор дирижаблей. В период между 1906 и 1914 годами Англия и Германия строили дирижабли только по его проектам.

Он появился в Пароландо перед отплытием «Марка Твена» и искренне изумился, что никому не пришла в голову мысль о воздушном корабле, который обеспечивал наиболь-

шую скорость передвижения. Файбрас обругал себя за недомыслие и поспешил изложить эту идею Клеменсу. К своему удивлению он узнал, что Сэм давно размышляет о постройке дирижабля. Впрочем, разве не Клеменс написал роман «Том Сойер за границей»? Тот самый, в котором Том, Джим и Геккльбери совершили путешествие на воздушном шаре?

Пораженный Файбрас поинтересовался, почему Сэм ни разу не упомянул о подобном проекте.

— Да потому, что я предчувствовал появление какого-нибудь восторженного болвана, который предложит забросить все работы на судне, а материалы и специалистов передать на строительство дирижабля. Нет уж, дудки! Ковчег — прежде всего, сказал Ной жене, когда она вместо работы пустилась в пляс под ливнем всемирного потопа. Так вот, друг мой, Народ и Парламент постановляют: никаких дирижаблей! Это дьявольская, опасная машина. Я не смогу там даже выкурить сигару! Ну, посудите сами, почему я должен из-за этого чудовища отказывать себе в невинном развлечении? Ради чего тогда жить?

Когда у Сэма кончился запас острот, он привел другие, уже серьезные доводы. Но Файбрас чувствовал, что он не коснулся главной причины. Клеменса интересовала не столько Башня, сколько само путешествие. Построить огромное судно, стать его капитаном и плыть на нем по Реке миллионы миль и десятки лет, восхищая и изумляя миллиарды людей... Именно это было его мечтой!

Однако он имел еще одну цель — мщение. Он лелеял мысль о том, что взыщет долг с короля Джона, расплатится с ним за потерю первого судна — «Ненаемного», своей первой любви. Догнать, захватить и сокрушить — вот возмездие, которое он мечтал обрушить на обидчика.

Чтобы добраться от Пароландо до гор, окружающих северное море, требовалось не меньше сорока лет. Но Сэма не беспокоил срок. Сорок лет? Ерунда! Колумба и Магеллана такие пустяки не волновали!

Он жаждал увидеть новые лица, потолковать с тысячами тысяч встречных. Любопытство переполняло его, словно женщину перед соседской дверью с замочной скважиной величиной с ладонь. А путешествуя на воздушном корабле разве можно заглянуть во все эти соблазнительные отверстия?

И как говорить с людьми, проплывая в миле над их головами?

Файбрас, столь же общительный, как Клеменс, тем не менее не мог его понять. Экс-астронавта интересовала цель, а не путь ее достижения; а цель — Великая Чаша, Туманный Замок, Темная Башня — продолжала маячить на севере неразгаданной тайной. Там был ключ ко всем секретам этого мира, с неодолимой силой притягивающий Файбраса.

Он не стал спорить с Клеменсом, подозревая, что тот прекрасно понимает слабость своих доводов. Действительно, месяца за два до отплытия «Марка Твена» его будущий капитан сам вернулся к этой теме.

— Если вы еще не разочаровались в своем огнеопасном капризе, то, после моего отъезда можете вернуться к проекту «Дирижабль». Я полагаю, что воздушное судно надо использовать только с разведывательными целями.

— Но почему?

— А на что еще годятся эти надутые шары пылающего Ваала? Дирижабль не может сесть на башню, не может даже приземлиться где-то рядом. По словам Джо Миллера, там повсюду отвесные скалы и совсем нет пологих берегов. Да и...

— Откуда Джо знает, какие там берега? Море было покрыто густым туманом, и он видел лишь верхушку Башни.

Сэм выдохнул клуб дыма, напомнив Файбрасу разгневанного дракона.

— Это и так ясно! Зачем этикам создавать удобный плацдарм для высадки? Конечно, его не существует. Но я хочу, чтобы вы изучили местность. Посмотрите, нет ли другого прохода в горах, кроме того, которым прошел Джо.

И на этот раз Файбрас не стал с ним спорить. Если дирижабль доберется до полюса, он поступит так, как сочтет нужным; до Клеменса с его советами будет достаточно далеко.

— Корабль ушел, я был свободен и счастлив, как пес, которого спустили с поводка,— Файбрас усмехнулся внимательно слушавшей Джил.— Я рассказал новость фон Парсефалю, и мы с ним отметили это событие. Но через два месяца Август угодил в пасть речного дракона. Мне с трудом удалось спастись...

Файбрас поглядел на Джил, поглаживая висок тонкими смуглыми пальцами; казалось, он колеблется.

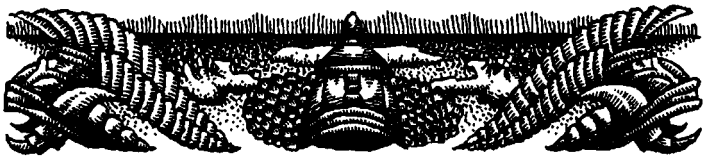
— Я открою вам одну тайну. Но поклянитесь, что никогда, ни при каких обстоятельствах вы...

Джил с готовностью кивнула.

— Ну, ладно... У нас был один инженер, специалист из Калифорнийского технологического... Ему удалось построить лазер, действующий в пределах пятисот ярдов. На таком расстоянии он может перерезать «Рекс» пополам. Сейчас он уже у Сэма. Это совершенно секретное дело, о нем знают на «Марке Твене» лишь шесть человек; даже Джо не посвящен в тайну. Когда они догонят «Рекс», будет нанесен мгновенный удар. Сэм победит, Джону придет конец, и обе команды будут избавлены от кровопролития.

— Я был одним из разработчиков этого оружия, и когда мы, наконец, испытали его, поговорил с Сэмом. Я просил его оставить лазер для дирижабля — ведь надо как-то вскрыть стены Башни. Но он отказал наотрез... заявил, что, случись с дирижаблем авария, лазер пропадет, а потому его нужно установить на судне. Впервые я спорил с ним, как бешеный... но бесполезно. Сэм бывает очень упрям. И теперь самое мощное средство, которым мы располагали, болтается в трюме его корабля.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В тот момент, когда Джил хотела спросить, не собирается ли ее шеф отправить экспедицию в поисках материалов для нового лазера, в дверь постучала секретарша, Агата Ренник: не примет ли мистер Файбрас Пискатора? Файбрас кивнул, и японец тут же появился на пороге кабинета. Учтиво осведомившись о здоровье, он сообщил, что принес хорошие новости. Химики, которые трудились над синтетическим топливом для двигателя, готовы поставить первую партию на следующей неделе.

— Грандиозно! — Файбрас подмигнул Джил.— Значит, вы можете провести наземные испытания «Минервы» завтра же, а старт состоится через семь дней. Великолепно!

Джил почувствовала себя совершенно счастливой. Файбрас решил, что по этому поводу не грех выпить, но прекрасная идея увяла в самом зародыше — секретарша появилась вновь.

— Я не хотела мешать вам,— девушка широко улыбнулась,— но у нас гость. Кажется, мы можем заполучить нового и весьма опытного летчика. Он только что прибыл.

Восторженность Джил улетучилась, как дым, сердце упало. Она почувствовала, что капитанские регалии могут уплыть от нее во мгновение ока. Если тут появится мужчина — и более опытный, чем она... Но, главное — мужчина! Возможно, он служил офицером на «Графе Цеппелине» или на «Гинденбурге», летал на жестких дирижаблях... В глазах Файбраса это тоже будет несомненным преимуществом! Когда она увидела человека, вошедшего вслед за секретаршей, сердце ее учащенно забилось. Нет, она его не знала. Он мог работать в какой-нибудь частной компании... мог служить на воздушных кораблях ранних лет. На старых фотографиях, попадавших в руки Джил, она видела солидных мужчин в

форме — любого из них было бы нелегко узнать в обличье юноши.

— Мистер Файбрас,— представила Агата,— это Барри Торн.

Незнакомец, одетый в черную, закрытую до горла блузу и яркий кильт в красную, синюю и белую полосы, держал в одной руке металлический цилиндр, в другой — большой мешок из рыбьей кожи. Среднего роста, плотного телосложения, он чем-то неуловимым напомнил Джил быка.

Длинные ноги делали его фигуру более пропорциональной. Странное впечатление оставляли руки — длинные, как у обезьяны, с гибкими пальцами. Густые рыжеватые волосы вились крутыми прядями вокруг широкого лица с темно-голубыми глазами, прямым длинным носом, полными губами и мощной челюстью. Маленькие уши были плотно прижаты к черепу.

Войдя, он сверкнул белозубой улыбкой, и стал растирать пальцы. Вероятно, он долго тащил тяжелый груз или греб на каноэ.

Оказавшись перед незнакомыми людьми, которые с пристрастием расспрашивали его о прошлой профессии, Торн держался свободно и непринужденно, излучая флюиды благожелательства и некоего магнетизма, который, правда был бессилен перед ревнивой настороженностью Джил. Позднее она подметила в нем любопытную способность мгновенно отключаться от окружающего — так гаснет свет в выключенной лампе; Торн также предпочитал держаться в тени, на втором плане, несмотря на незаурядную внешность.

Поглядывая на Пискатора, Джил обратила внимание, что тот весьма заинтересовался личностью новичка. Сощурив глаза и склонив на бок голову, японец внимательно прислушивался к мягким звукам его голоса.

Файбрас пожал Торну руку.

— Ого! Ну и хватка! Если Агата вас правильно представила, сэр, то мы рады вас здесь видеть. Садитесь, дайте отдых ногам. Давно к нам добираетесь? Сколько? Сорок тысяч грейлстоунов? Хотите чего-нибудь выпить? Чай, кофе, пиво или виски?

Торн отказался от всего и сел на стул. У него был приятный баритон, звучавший весьма уверенно; он говорил без

обычных пауз, начиная новую фразу в момент, когда еще не разделался с предыдущей. Обнаружив, что Торн — канадец, Файбрас перешел с эсперанто на английский. Через несколько минут они уже знали биографию гостя.

Барри Торн родился в 1929 году на отцовской ферме под городом Реджайна провинции Саскачеван. Получив диплом инженера-электромеханика, он пошел служить в Британские военно-морские силы. Во время войны командовал дирижаблем. Затем женился на американке и уехал с ней в Огайо, так как она захотела жить поближе к родителям.

Там перед ним открылись значительно большие возможности, чем в период военной карьеры. Он получил лицензию летчика коммерческих авиалиний, развелся, уехал на Аляску и работал несколько лет пилотом полярной авиации.

Затем он снова вернулся в Штаты и женился второй раз. Он получил место в недавно открытой Британско-Западногерманской авиакомпании и водил дирижабли, буксирующие надувные контейнеры с газом со Среднего Востока в Европу.

Джил задала ему несколько вопросов о тех его сослуживцах, с которыми была знакома. Торн помнил лишь одного из них, остальные канули во тьму забвения.

Он умер в 1982 году во время отпуска в Фридрихсхафене. Причины смерти Торн не знал; очевидно — сердечный приступ: вечером лег спать, а очнулся нагим уже на берегу Реки. Здесь он много бродяжничал. Однажды, услышав рассказ о строительстве громадного дирижабля, решил отыскать его.

— Какая удача! — сверкнул улыбкой Файбрас.— Мы очень рады видеть вас у себя. Агата, вы распорядились о доме для мистера Торна?

Покидая кабинет, Торн обменялся со всеми рукопожатиями. Файбрас только что не танцевал от восторга.

— Какая удача!

— А она меняет что-нибудь в моем положении? — сухо спросила Джил.

— Почему же? — изумился Файбрас.— Я сказал, что вы будете капитаном «Минервы», а Файбрас всегда держит слово! Ну, почти всегда... если говорить начистоту. Вас, вероятно, беспокоит, что ничего не сказано о кандидатуре первого помощника на «Парсифале». Так вот, вы — один из претен-

дентов на это место, но это все, что я уполномочен сегодня сказать. Решение еще не принято; в конкурсе может победить мужчина, но может — и женщина.

Пискатор тихонько похлопал ее по руке. В другое время она вознегодовала бы от такой фамильярности, но сейчас даже растрогалась. Они вместе вышли из кабинета.

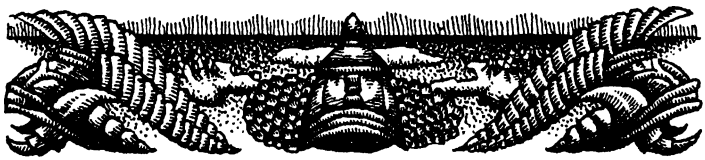
— Я не уверен, что Торн до конца искренен, — заметил Пискатор. — его рассказ, может быть, и правдив, но в тоне слышится фальшь. По-моему, он что-то скрывает.

— Вы меня иногда пугаете, — посмотрела на него Джил.

— Впрочем, я тоже могу ошибаться.

Но у Джил создалось впечатление, что это отговорка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Каждое утро перед рассветом «Минерва» поднималась для учебных полетов. Иногда они продолжались до полудня, иногда тянулись весь день. Первую неделю Джил летала одна, затем начала брать с собой пилотов-стажеров и наблюдателей. Барри Торн не допускался к рукояткам управления целый месяц — Джил потребовала, чтобы он вначале поработал на тренажере. Конечно, он был опытным аэронавтом, но не летал уже тридцать два года и, по собственному признанию, многое позабыл. Торн не возражал против ее приказа.

Когда канадец впервые занял кресло пилота, Джил наблюдала за ним с особым пристрастием. В чем бы не подозревал его Пискатор, Торн явно не был самозванцем; он вел дирижабль так, словно еще вчера сидел у штурвала.

Скорость, с которой он восстановил летные навыки, прекрасная реакция и завидное уменье выходить из критических ситуаций не радовали Джил. У нее появился серьезный конкурент — этот Торн был из породы капитанов.

Однако он оказался весьма странным субъектом. Легко сходился с людьми, любил хорошую шутку, но никогда не шутил сам и вне работы держался особняком. Его хижина стояла в двадцати ярдах от жилища Джил, но он ни разу не заглянул к ней. Впрочем, ей это было на руку — не хватало только, чтобы соперник начал ухаживать за ней! Но он избегал и других женщин, дав повод к подозрениям в гомосексуализме. Но, похоже, вопросы пола совершенно не занимали Торна. Он был сам по себе — наподобие кошки из сказки Киплинга,— хотя при желании мог очаровать любого. Затем внезапно, часто — в середине разговора, он замыкался, переставал реагировать на окружающих.

— Странности человека в обычной жизни совершенно не исключают выдающихся летных качеств,— заявил Файбрас.

И он сам, и де Бержерак также оказались необыкновенно способными пилотами. Американец никого не удивил; он налетал тысячи часов на реактивных самолетах, вертолетах и космических кораблях. Но француз являлся сыном эпохи, в которую даже не мечтали о воздушных судах; самым сложным механизмом, который он держал в руках, был мушкет с фитильным запалом. Однако он быстро усвоил все премудрости летного дела и даже не испытывал особых трудностей с теорией.

Хотя Файбрас был отличным пилотом, но де Бержерак скоро превзошел его. Даже Джил — правда, без большой радости — признала его превосходство. Француз обладал молниеносной реакцией и потрясающим хладнокровием; он работал с быстротой и надежностью компьютера.

Аналогичный сюрприз преподнес и другой кандидат — Джон де Грейсток. Барон выразил желание стать членом экипажа «Минервы», которой предстояло атаковать «Рекс». Джил скептически отнеслась к его намерению, но через три месяца полетов и она, и Файбрас уже считали его одним из лучших в команде. Он обладал воинской сметкой, беспощадностью и безудержной отвагой — превосходными качествами боевого летчика. Но, главное, Грейсток ненавидел короля Джона. При абордаже «Ненаемного» его ранили, и он жаждал отмщения.

Джил прибыла в Пароландо к концу месяца, именуемого на эсперанто «дектра»,— тринадцатый по-английски. В стране был принят тринадцатимесячный календарь, поскольку ни времен года, ни луны в Мире Реки не существовало. Из чисто сентиментальных соображений, год по-прежнему состоял из трехсот шестидесяти пяти дней. Каждый месяц включал четыре семидневные недели, то есть двадцать восемь дней. Так как в двенадцати месяцах заключалось лишь 336 дней, добавили еще один. Но оставался лишний день, и его объявили новогодним праздником. Джил высадилась за три дня до наступления 31 года После Воскрешения.

Сейчас шел январь тридцать третьего эры п.в. Для подготовки полета к полюсу требовалось еще не меньше года. Часто возникали непредвиденные осложнения в работе, да и грандиозность намерений Файбраса не позволяла сократить

сроки. Первоначальные планы срывались, назначались новые даты.

К этому времени состав экипажа определился, однако еще не было ясности с назначением главных фигур — первого и второго помощников капитана; одни предпочитали Торна, другие — Джил. Она сама теперь стала спокойней, волнения улеглись, изредка тревожа ее в ночных кошмарах. Что касается Торна, то его, как будто, совсем не заботили вопросы карьеры.

В ту среду января, или первого месяца, работы шли так успешно, что Джил решила пораньше уйти домой и немного отдохнуть. Настроение было прекрасным, и она, взяв удочки, направилась к ближайшему озеру. На вершине холма она нагнала Пискатора — тоже с рыболовными принадлежностями и плетеной корзиной. Джил окликнула его, японец обернулся и поклонился, не одарив ее, однако, обычной приветливой улыбкой.

— У вас такой вид, словно вы ждете какой-то беды.

— Вы правы, но я беспокоюсь не за себя, а за человека, которого, льщу себя надеждой, могу считать своим другом.

— Тогда ничего мне не рассказывайте.

— Нет, придется — ведь это касается вас.

Она остановилась.

— В чем дело?

— Все пилоты регулярно проходят медицинские и психологические проверки. Я узнал от Файбраса, что предстоит еще одно испытание — для всех, без исключения, членов команды.

— Мне грозят какие-то неприятности в связи с ним?

— Этот тест включает глубокий гипноз. Он должен выявить потенциальную психологическую неустойчивость, которую могли пропустить при предыдущих анализах.

— Да, но я...

— Меня пугает, что могут обнаружить... э-э-э... вашу склонность к галлюцинациям, мучающим вас временами.

Джил почувствовала приступ дурноты. На какой-то момент в глазах у нее потемнело. Пискатор подхватил ее под руку.

— Простите за плохую новость, но мне хотелось предупредить вас.

Она отодвинулась от него.

— Мне уже лучше, все в порядке... — Джил вытерла вспотевший лоб. — Боже милостивый, у меня не было *этого* уже восемь месяцев! Жвачку я не употребляла ни разу после того приступа, когда вы были в моей хижине... Собственно, раньше у меня никогда и не было галлюцинаций. Вы думаете, что Файбрас отстранит меня? Но почему?

— Я не знаю, — Пискатор говорил очень медленно, — может быть, гипноз и не выявит этих приступов. Простите меня за попытку вмешаться в ваши дела, но мне кажется, вам нужно пойти к Файбрасу и откровенно все ему рассказать. Но это надо сделать до испытания.

— Что это даст?

— Если он обнаружит, что вы что-то от него скрыли, то непременно снимет вас. Но если вы будете с ним откровенны, откроетесь ему до официального диагноза, он может прислушаться к вашим словам. Я не думаю, что кошмары, которые изредка вас тревожат, несут серьезную опасность, но мое мнение ничего не значит.

— Я не стану просить!

— Не забудьте, что ваша гордость может привести к плачевному результату.

Джил глубоко вздохнула и оглянулась вокруг, будто в поисках выхода. Лишь пять минут назад она было так уверена в себе, так счастлива!

— Ладно. У меня нет привычки откладывать важные дела на завтра.

— Весьма похвально, — заметил Пискатор, — и благоразумно. Желаю удачи.

Тем не менее, поднимаясь на третий этаж к кабинету Файбраса, Джил задыхалась от волнения. Секретарша сказала, что он ушел к себе — возможно, отдохнуть. Она спустилась этажом ниже, к дверям его квартиры. Перед ними стояла охрана — четыре человека, обычно сопровождавшие его повсюду; эта предосторожность была вызвана парой покушений за последние полгода. Преступников не обнаружили — скорее всего, они покончили с собой. Никто не знал достоверно, откуда взялись эти люди; подозревали происки одного из враждебных государств, расположенных вниз по Реке, откуда могли заслать убийц. Файбрас полагал, что там

еще не расстались с надеждами захватить месторождения руды, невиданные машины и оружие Пароландо, предварительно прикончив его самого. Однако это были лишь предположения.

Джил подошла к старшему охраннику.

— Мне нужно поговорить с шефом.

— Извините, — отрезал верзила по имени Смизерс, — но он распорядился не беспокоить его.

— Почему?

— Не могу знать, мэм, — Смизерс взглянул на нее с любопытством.

— У него там, наверное, женщина! — раздражение победило в ней осторожность.

— Нет, не женщина и никто из своих, мэм. — Охранник ехидно усмехнулся. — У него гость, который прибыл сюда час назад — немец, Фриц Штерн, один из пилотов дирижаблей. Слышал, что он командор НДЕЛАГ... не знаю, что это такое. Но летал-то он побольше вашего!

Джил едва удержалась, чтобы не стукнуть его по физиономии. Она знала, что Смизерс не терпит ее; без сомнения он с удовольствием преподносил эти новости.

— НДЕЛАГ, — она осудила себя за дрогнувший голос, — это «Нойе Дейч Люфтшиффартс Актиен Гезельтшафт». Перед первой мировой войной была компания ДЕЛАГ. Ее дирижабли перевозили в Германии грузы и пассажиров. Но о НДЕЛАГ я никогда не слышала.

— По-видимому, ее создали после вашей смерти, — Смизерс откровенно наслаждался происходящим. — Я еще разобрал, как он говорил капитану, что кончил академию в Фридрихсхафене в 1984 году... он дослужился до командира супердирижабля «Виктория».

Джил окончательно пала духом: сначала — Торн, теперь — Штерн! Нет, здесь ей нечего делать! Пожав плечами, она сказала дрогнувшим от ярости голосом:

— Я... я повидаюсь с ним позже.

— Да, мэм. Извините, мэм, — Смизерс криво усмехался.

Джил уже шла вниз по лестнице, когда сзади раздался стук захлопнувшейся двери. Она резко обернулась. Из квартиры Файбраса вышел незнакомец. Он остановился, холодно разглядывая стражу. Парни потянулись за своими писто-

летами. Перед ними стоял высокий широкоплечий человек, длинноногий, с удивительно тонкой талией. Светлые волосы вьющимися прядями падали на лоб; лицо, красивое, но иссеченное морщинами, поражало нездоровой бледностью. В левой руке он держал окровавленный кинжал, правой выхватил из ножен меч. Вновь резко хлопнула дверь, и на пороге появился Файбрас, стиснув в кулаке рапиру. По его подбородку струилась кровь.

— Штерн? — выкрикнул Смизерс.

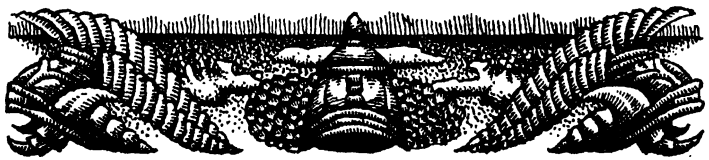
Немец метнулся в сторону. Путь вниз по лестнице, к двери, загораживала Джил, и он побежал к окну.

— Не стрелять! Ему не уйти! — закричал Смизерс.

Штерн прыгнул на подоконник и попытался кинжалом разбить окно. Толстое стекло не поддавалось, он бил по нему изо всей силы, потом, пошатнувшись, упал. Файбрас с охраной бросились к нему, следом спешила Джил.

Штерн поднялся на ноги, посмотрел на бежавших к нему людей, затем перевел взгляд на выпавшее из его рук оружие, закрыл глаза и рухнул на пол.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Когда Джил подбежала, Файбрас щупал пульс распростертого на полу человека.

— Он мертв!

— Что произошло, сэр? — спросил Смизерс.

— Я могу лишь сказать, каким образом все случилось... объясняй сам, если сможешь. Мы мирно болтали с ним за рюмкой. Все шло нормально. Вдруг он вскочил, выхватил кинжал и попытался прикончить меня. Он выглядел так, словно в него вселился дьявол... но до того, пока мы выпивали — клянусь, я не встречал более уравновешенного человека! Но что с ним произошло? Похоже, он умер от сердечного приступа?

— От сердечного приступа? — спросила Джил. — Никогда не слышала тут о чем-то подобном. А вы?

— Всегда что-то происходит впервые, — пожал плечами Файбрас, — особенно теперь, когда прекратились воскрешения.

— Кожа на лице посинела, — заметила Джил. — Не похоже на инфаркт... А он не мог принять яд? Правда, я не заметила, чтобы он подносил руки ко рту...

— Интересно, где он мог достать цианистый калий или синильную кислоту? — возразил Файбрас. Он взглянул на Смизерса. — Заверните тело и отнесите ко мне в спальню. Ночью спустите в Реку.

— Да, сэр, — вытянулся Смизерс. — А как же ваш подбородок, сэр? Вызвать врача?

— Не надо, я заклею пластырем сам... И никому ни слова! Ты понял, Смизерс? К вам это тоже относится, Галбира. Ни одного слова! Не надо будоражить людей.

Все покорно кивнули.

— Как вы думаете, — спросил Смизерс, — этого подонка тоже подослал Барр?

— Не знаю. Меня это не интересует... Займитесь им.

Он повернулся к Джил.

— А вы что здесь делаете?

— Я хотел с вами поговорить, но лучше попозже. Сейчас вам не до меня.

— Глупости — поморщился Файбрас.— Со мной все о'кей. Пошли, Джил, я только заклею царапину, и мы побеседуем.

Джил шагнула в роскошно обставленную гостиную и уселась в мягкое кресло. Файбрас исчез в ванной; через несколько минут вернулся с белой нашлепкой пластыря на подбородке.

Беззаботно улыбаясь, будто ничего не произошло, он обратился к Джил:

— Выпьем чего-нибудь? Вам нужно успокоить нервы.

— Вы уверены, что только мне?

— Ну, хорошо — и вам, и мне. Вы правы, я слегка взбудоражен. Хотя я и удостоился славы супермена, но это не так.

Он плеснул в наполненные льдом бокалы пурпурного вина. Нигде, кроме Пароландо, не было ни льда, ни изделий из стекла, ни пластыря. Во всяком случае, в других местах Джил не встречала этих атрибутов цивилизации. Несколько минут они молча потягивали холодный напиток. Их глаза встретились, но ни один не произнес ни слова. Наконец, Файбрас нарушил молчание.

— Ну-с, церемониал можно считать законченным. Так почему вы хотели со мной встретиться?

Джил с трудом выдавливала слова. Казалось, они застревали у нее в горле, едва пробиваясь сквозь преграду. Она замолчала и отхлебнула большой глоток; теперь речь полилась свободнее. Файбрас не прерывал ее исповеди. Он сидел неподвижно, устремив на нее пристальный взгляд.

— Вот почему я здесь,— закончила Джил.— Я должна была вам все рассказать, и поверьте — далось мне это непросто.

— Ну, и в связи с чем вы решили вывалить свои тайны? Узнали о гипнозе?

Ей захотелось слукавить. Пискатор ничего не скажет Файбрасу, в этом она была уверена.

Джил поборола искушение.

— Да, узнала. Вначале я не собиралась признаваться... но... мне даже страшно подумать о такой... таком исходе, как отстранение от должности,— у нее перехватило горло.

— Если у вас случится приступ во время полета, хорошего мало,— задумчиво произнес Файбрас.— С другой стороны, не считая Торна, вы наш лучший специалист. Конечно, Торн — опытный летчик, но вы... вы не просто аэронавт — вы фанатично преданы делу. Таких людей немного, и мне ни в коем случае не хотелось бы отстранять вас. Да я на это и не рискну, зная вас... не хватает только, чтобы вы покончили самоубийством! Нет, не возражайте! — Файбрас повелительно поднял ладонь.— В гневе и отчаянии вы на все способны! Однако я должен побеспокоиться о безопасности дирижабля и его команды. И поэтому предлагаю вам следующее: если с сегодняшнего дня и до момента отлета у вас больше не будет приступов, вы остаетесь на своем месте,— он задумчиво посмотрел на Джил.— Единственное осложнение — поверить вам на слово. Ну, что же, придется! Я даже не смогу подвергнуть вас гипнозу, чтобы узнать, говорите ли вы правду. Если я это сделаю, получится, что я вам не доверяю. А мне неприятно работать с людьми, которым я не доверял хотя бы на сотую долю процента.

Джил была готова броситься к нему с объятиями. Ее глаза увлажнились, она едва не всхлипнула от радости, но взяла себя в руки. Подчиненному не подобает обниматься с начальством. К тому же, начальство может превратно истолковать ее порыв и увлечь в свою спальню. Но тут же она одернула себя: Файбрас всегда весьма корректно держался с женщинами.

— Но как же быть с этой проверкой под гипнозом? — спросила она.— Разве можно без нее обойтись, когда все члены экипажа обязаны пройти испытание?

— Есть другой выход.

Файбрас встал, подошел к письменному столу, что-то черкнул на листе бумаги и протянул ей записку.

— Отдайте это доктору Грейвсу. Он сделает вам рентген.

— Зачем? — удивилась Джил.

— Это приказ командира и извольте ему подчиняться. Однако, чтобы вы не чувствовали себя обиженной, я кое-что скажу вам. Речь идет об анализе особого рода... психологи-

ческом исследовании, для которого я сам спроектировал аппаратуру. Все остальные его тоже пройдут, однако вам предоставляется первая очередь.

— Ничего не поняла,— пробормотала Джил, вставая.— Но я все сделаю. Благодарю вас.

— Не стоит благодарности. А теперь — прямиком к доку Грейвсу.

Когда она вошла в кабинет врача, тот, хмуря брови и свирепо теребя сигару, говорил по телефону.

— Ну, ладно, Милт, я все сделаю! Но вы явно что-то не договариваете, и это мне не нравится!

Он повесил трубку и повернулся к Джил.

— Привет! Вам придется подождать начальника охраны Смизерса. Он сразу же возьмет ваш снимок и отнесет Файбрасу.

Доктор начал мерить шагами комнату, раздраженно попыхивая сигарой.

— Вот черт! Он не позволил мне даже взглянуть на снимок. Интересно, почему?

— Он говорил о психологическом исследовании... Возможно, это условие является его частью.

— Да разве может рентген головы показать изменения в человеческой психике? Он что, меня самого принимает за психа?

— Хороший вопрос! — ухмыльнулась Джил.

Доктор бросил на нее грозный взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Ладно, красавица. Я не желаю мучиться ночами из-за всяких загадок и тайн. Мое единственное желание — обрести тут немного тишины и покоя... Я покинул грешную Землю в 1980 году и, конечно, не знаком с позднейшими открытиями в медицине. Подозреваю, что оно к лучшему. Если шеф надеется обнаружить неврастению и психоз с помощью рентгена, это его личное дело.

Он резко повернулся к Джил, наставив на нее сигару словно дуло пистолета.

— Однако меня интересует один вопрос... и я хотел бы узнать у вас кое-что. Скажите, Джил, вы встречали людей, живших позже 1983 года — за исключением Файбраса, разумеется?

Джил удивленно подняла брови.

— Не-ет,— нерешительно протянула она,— пожалуй, не встречала. Странно, не так ли?

Она едва не проговорилась о Штерне, но вовремя прикусила язык.

— Я тоже,— кивнул Грейвс.— И я согласен с вами, что это выглядит чертовски странно.

— Впрочем, хотя я проехала сотни тысяч миль и видела тысячи людей, я не могла поговорить со всеми. Насколько мне известно, уроженцы двадцатого века нигде не образуют большую группу, они рассеяны среди других людей, растворились в их массе. Поэтому нет ничего удивительного, что далеко не каждому удается встретить человека, жившего после 1983 года.

— Да? Все может быть... А вот и Смизерс со своими парнями! Ну, моя дорогая, как сказал лис курице, приготовьтесь демонстрировать свои внутренности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вот газета «Ежедневные вести» (владелец — государство Пароландо, издатель — С.К.Бегг), выдержки из разных номеров.

«Дмитрий («Митя») Иванович Никитин, в настоящее время — третий пилот «Парсефаля». Родился в 1885 году в городе Гомеле, Россия, в семье предпринимателя. Его отец был владельцем кожевенной фабрики, мать — учительницей музыки. Никитин включен в команду в связи с тем, что он был первым пилотом дирижабля «Россия», построенного французской фирмой «Лебоди-Жийо» в 1905 году по заказу русского правительства.

Главный инструктор полетов мисс Джилл Галбира утверждает, что, по ее мнению, опыт Мити недостаточен, но в процессе тренировок он проявил великолепные способности. Однако, по слухам, он — большой любитель спиртного. Прислушайтесь к нашему совету, Митя! Подальше от бутылки!»

«...Издатель не собирается подавать в суд на Никитина. В кратком интервью, которое мистер Бегг дал в больнице, он заявил: »Я бы предпочел, чтобы меня вывел из строя кто-нибудь поприличнее этого подонка. Когда в следующий раз он явится в мой кабинет, я буду начеку. Но арестовать его не дам! Не потому, что жалею, нет! Я сам хочу вправить ему мозги, и палка у меня наготове!»

«...Этторе Ардуино — итальянец (а кем же еще ему быть?), но он — блондин с голубыми глазами, и при его молчаливости и неприязни к чесноку, может сойти за шведа. Как известно, он появился в Пароландо два месяца назад и сразу же был включен в группу, проходящую тренировочные полеты. Его прошлое связано со знаменитой и трагической эпопеей Умберто Нобиле (см. на стр. 6 биографию этого славного сына Рима). Ардуино служил главным механиком на дирижаблях «Норвегия» и «Италия». «Норвегия» совершила свой первый перелет через северный полюс 12 мая 1926 года. Во время этой экспедиции было установлено отсутствие обширных земель между полюсом и Аляской, что опровергло гипотезу великого путешественника и исследователя Роберта Е.Пири (1856-

1920), первого человека, достигшего северного полюса в 1909 году. (Надо добавить, что Пири сопровождали негр Мэтью Хэнсон и четыре эскимоса, чьи имена остались неизвестными; в действительности, Хэнсон первым ступил на полюс).

«Италия», миновав северный полюс, столкнулась с сильнейшим встречным ветром. Корпус судна мгновенно обледенел. Казалось, катастрофа неминуема; но вскоре лед растаял, и полет продолжался. Однако спустя некоторое время корабль начал медленно снижаться. Команда пыталась противостоять обледенению, но ветер сорвал запасную гондолу, она зацепилась за дирижабль и своей тяжестью потянула его вниз. Люди с ужасом следили за падением; затем гондола рухнула и освобожденный корабль вновь взмыл в небеса.

В последний раз Этторе Ардуино видели стоявшим на мостках у правого двигателя падающей гондолы. Как рассказывал один из членов экспедиции, доктор Фрэнсис Бегоунек из Пражского института связи (Чехословакия), лицо Ардуино с выражением страшного отчаяния мелькнуло перед ними как трагическая маска. «Италия» улетела, и больше его никто не видел — на Земле, разумеется.

Ардуино рассказывает, что он погиб от холода уже после падения «Италии» на лед. Его история, вместе с чудовищными подробностями гибели экспедиции Нобиле, будет опубликована в четверг. После подобных испытаний никто из здравомыслящих людей не решился бы предложить Этторе вновь подняться в воздух. Но этот отважный человек сам выразил желание участвовать еще в одной полярной экспедиции. Что бы там не толковали об итальянцах, но бесстрашия у них не отнимешь. Правда, они скорее храбры, чем мудры; но тем более вероятно, что Этторе станет самым блистательным членом команды «Парсефаля».

«...в отчаянии налегал на весла, пытаясь пересечь Реку, пока сеньор Ардуино целился в него из пистолета «Марк-4». Но то ли оружие было не в порядке, то ли рука сеньора Ардуино дрогнула — наш незабвенный издатель, по словам очевидцев, лишился только мочки правого уха...»

«...новый издатель попытается учесть просьбу президента Файбраса и не допускать излишней вольности выражений в газете.»

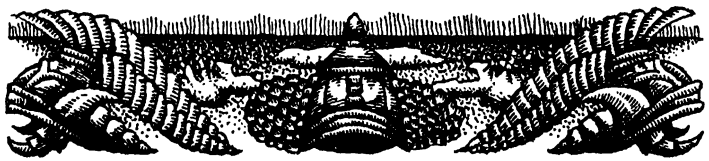
«...Сеньора Ардуино освободили из-под стражи, взяв с него слово улаживать в дальнейшем свои проблемы ненасильственными методами. Вновь созданная Колле-

гия гражданского суда намерена впредь с подобными делами апеллировать к президенту Файбрасу как к верховной инстанции. Правда, мы запамятовали о мистере Бегге, и должны признать, что...»

«...Метцинг был в 1913 году командиром эскадрильи морской авиации Германской империи и летал на дирижабле «Цеппелин Л-1». Девятого сентября 1913 года, во время маневров, он поднялся в воздух вместе со своим экипажем. Здесь-то и произошла гибель первого морского дирижабля, вызванная отнюдь не промахами команды, а незнанием метеорологических условий в верхних слоях атмосферы; в те времена наука о предсказании погоды была в зачаточном состоянии. Бешеный шквал швырнул «Л-1» вверх, затем опрокинул в воду. Дирижабль с крутящимся пропеллером погрузился в Гельголандскую бухту, и Метцинг погиб вместе со своими людьми... Мы приветствуем в Пароландо опытнейшего командира и очаровательного человека, но надеемся, что он не потянет за собой шлейф своих злоключений.»

«...В последнюю минуту! Только что с верховьев Реки к нам прибыла еще одна опытнейшая женщина-аэронавт — Анна Карловна Обренова. Из краткой беседы, предшествующей ее встрече с президентом Файбрасом, мы узнали, что она была капитаном грузового дирижабля «Лермонтов», принадлежавшего СССР. Она налетала 8584 часа, что больше 8342 полето-часов мисс Галбиры и 8452 часов мистера Торна. Подробный рассказ об Обреновой будет помещен в завтрашнем номере. А сейчас можем лишь сказать, что она — просто персик, румяное яблочко!»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Все это было весьма забавно, но не смешно.

В свое время появление мужчины, налетавшего больше часов, погрузило Джил в отчаяние. К счастью, Торн не обладал честолюбием и напористостью; канадец хотел только попасть в команду дирижабля — в любом качестве. Но могла ли она предполагать, что очередной соперницей станет женщина? В семидесятых годах двадцатого столетия женщины-пилоты еще были величайшей редкостью. По словам Файбраса, после 1983 года наступила эра огромных цельнометаллических дирижаблей; это дата являлась рубежом между поколениями аэронавтов, и Джил не могла конкурировать с теми, кому посчастливилось родиться позже. Однако лишь один из этих властелинов воздуха сумел добраться в Пароландо — но вряд ли его появление можно было считать удачным.

И тут — эта женщина, Обренова! Она обладала не только большим летным стажем; она провела в воздухе восемьсот шестьдесят часов в качестве командира огромного советского дирижабля!

До сих пор командный состав «Парсефаля» еще не был объявлен, но Джил понимала, что миниатюрная блондинка может стать для нее самым серьезным конкурентом. Собственно, уже стала.

На месте Файбраса Джил выбрала бы именно ее. Но, с другой стороны, до полярной экспедиции «Парсефаля» оставалось лишь два месяца, и вряд ли эта русская успеет пройти достаточную подготовку. За тридцать четыре года, проведенных на Реке, она многое утратила. Ей предстоит месяц тренировочных полетов с Джил на «Минерве» и месяц работы на большом дирижабле. Сможет ли она восстановить забытые навыки? Вероятно. Во всяком случае, сама Джил сумела бы.

Она сидела вместе с сослуживцами в конференц-зале, когда Агата привела туда Обренову. При взгляде на нее сердце Джил судорожно забилось. Анна, маленькая, стройная женщина с длинными ногами и высокой грудью, была, что называется, красоткой с обложки журнала: вьющиеся светлые волосы, огромные темно-голубые глаза, высокие скулы, чувственные полные губы, бронзовый загар. Необыкновенно изящна и женственна! Увы, но это так! Сейчас все мужчины бросятся опекать ее, а потом тащить в постель.

Файбрас быстро встал и, с разгоревшимся лицом двинулся ей навстречу. В его глазах явно светилось вожделение. Это не удивило Джил; ее поразила реакция Торна. Увидев Обренову, канадец вскочил со стула, открыл рот, закрыл, вытер выступивший на лбу пот и побледнел, как мрамор.

— Вы ее знаете? — мягко спросила Джил.

Он тяжело опустился на стул и закрыл лицо руками. Потом, подняв голову, Торн медленно произнес:

— Нет! Вначале ее лицо показалось мне знакомым. Она невероятно похожа на мою первую жену... ту, что бросила меня.

Торн остался сидеть, остальные мужчины окружили Обренову. Лишь после того, как все представились прелестной блондинке, он подошел и пожал ей руку, заметив, что она напоминает его жену. Обренова одарила канадца улыбкой, которую обычно называют «ослепительной» (в данном случае это соответствовало действительности), и спросила по-английски, с сильным акцентом: «Вы любили вашу жену?» Странный вопрос!

Торн отступил на шаг.

— Да, очень. Но она оставила меня.

— Простите...

Больше они не обменялись ни словом.

Файбрас усадил Анну в кресло и предложил на выбор закуску, сигареты и вино. Она согласилась лишь немного перекусить.

— Означает ли это, что у вас нет пороков? — усмехнувшись, спросил экс-астронавт.— Может быть, найдется хоть один?

Обренова промолчала. Файбрас пожал плечами и стал расспрашивать о ее жизни. Выслушав эту историю, Джил со-

всем сникла. Анна родилась в Смоленске в 1970 году. Получив диплом инженера-авиамеханика, она в 1994 стала пилотом-инструктором, а в 2001 году была назначена капитаном грузопассажирского дирижабля «Лермонтов».

Наконец, Файбрас решил, что гостья утомилась и велел Агате подобрать ей жилье.

— Лучше в этом здании,— добавил он.

Агата возразила, что в доме правительства Пароландо уже нет свободных помещений; придется выделить госпоже Обреновой хижину неподалеку от жилища мисс Галбира и мистера Торна.

— Ну, ладно,— недовольно проворчал Файбрас,— потом мы что-нибудь здесь подыщем. А сейчас пойдемте вместе, Анна, а то вас пихнут на какую-нибудь помойку.

Джил совсем пала духом. На что же рассчитывать ей, если он так откровенно увивается вокруг этой русской? В голове у нее стали роиться всякие бредовые замыслы: может, похитить Анну и спрятать в потайном месте до отлета «Парсефаля»? Не отложит же Файбрас полет? И Джил Галбира станет его первым помощником... Ну, а если проделать эту операцию с самим Файбрасом? Тогда она возглавит команду...

Мысли путались, скакали, но грели душу. Впрочем, очнулась Джил, бесполезно предаваться фантазиям; она не в праве посягать ни на свободу, ни на достоинство других людей.

Следующая неделя запомнилась ей разбитыми в кровь костяшками пальцев и сорванным голосом; по вечерам ее охватывали приступы истерического бешенства — плача навзрыд, она молотила кулаками по столу, не думая о том, что может привлечь внимание соседей. Она пыталась заставить себя смириться с неизбежным. В конце концов, ей не отказывают в праве участвовать в экспедиции; так ли важно, станет она первым помощником или нет? Ей хотелось бы обуздать гнев, подавить негодование и обиду, избавиться от гнетущего чувства неуверенности... О Боже, почему другие люди способны довольствоваться тем, что имеют!

Пискатор, видимо, разгадал ее состояние. Она нередко замечала обращенный на нее пристальный взгляд, но в от-

вет японец лишь улыбался и быстро отводил глаза. Конечно, он понимал все.

Прошло полгода; вылет «Парсефаля» был задержан. Файбрас неоднократно предлагал Обреновой переселиться поближе к нему; его намерения — как и явное безразличие Анны — ни для кого не были секретом.

— Рядом с ней вы в чем-то выигрываете и что-то теряете,— с кривой улыбочкой обратился он как-то к Джил.— Возможно, ей вообще не нужны мужчины. Вокруг нее вьется целая туча поклонников, а она холодна, словно Венера Милосская.

— Я уверена, что она не лесбиянка.

— Похоже, вы в этом хорошо разбираетесь? Ха-ха!

— Ну вас к черту! Вы же знаете — мои вкусы разнообразны.

— А вернее сказать — непостоянны,— бросил Файбрас ей вслед.

Несколько последних месяцев Джил прожила с Абелем Парком, красивым, стройным и неглупым юношей. Он был дитем Реки, одним из многих миллионов умерших на Земле в пятилетнем возрасте. Абель не помнил ни страны, где он родился, ни родного языка. В этом мире его усыновила шотландская чета из семнадцатого века. В прошлой жизни его приемный отец, несмотря на бедность, сумел стать врачом в Эдинбурге.

Родителей Абеля убили, он отправился вниз по Реке и добрался до Пароландо. Юноша вызвал симпатию у Джил, и она пригласила его в свою хижину. Они прожили несколько месяцев в идиллическом согласии. Но его невежество ужасало Джил, и она принялась учить его всему — истории, философии, поэзии и даже арифметике. Он многое постигал легко, но, в конце концов, упрекнул свою подругу в высокомерии.

— Но я всего лишь хочу дать тебе знания, восполнить то, чего тебя лишила ранняя смерть.

— Да, однако ты слишком нетерпелива и забываешь, что у меня нет никакой подготовки. Вещи, простые и естественные для тебя, меня сбивают с толка.— Он помолчал.— Ты какой-то воинствующий эрудит... просто... как это называется? — сноб!

Это ее поразило, и хотя Джил пыталась протестовать, в глубине души она понимала его правоту. В их отношениях уже ничего нельзя было изменить, и он ушел к другой женщине.

Джил убеждала себя, что ее бывший приятель заражен идеей мужского превосходства и не в силах воспринимать ее как равного партнера. Но вскоре ей стало ясно, что в этом лишь часть правды. Да, на подсознательном уровне она презирала его за невежество, за то, что он не мог сравняться с ней в интеллектуальном плане. Лишь сейчас она уловила подоплеку событий и, сожалея о случившемся, одновременно стыдилась его.

В дальнейшем она уже не прилагала усилий, чтобы сохранить распадавшиеся связи. Ее партнерами были и мужчины, и женщины, которые, подобно ей, стремились лишь снять напряжение плоти. Но внутренняя тревога нарастала, и Джил все больше нуждалась в постоянной привязанности.

Она обратила внимание, что ни один гость не переступал порог хижин Торна и Обреновой. В их отношениях с людьми не замечалось и следа того, что можно было бы истолковать как сексуальное влечение — даже случайных встреч на одну ночь.

По-видимому, Торну нравилось общество Обреновой; Джил часто являлась свидетелем их оживленных бесед. Возможно, он домогался ее любви, а она уклонялась, не желая становиться вынужденной заменой его первой жены?

За три дня до старта большого дирижабля состоялся праздник. Вдоль берега толкалась масса народа; стоял такой шум и гам, что Джил просидела весь день у себя в хижине. На следующее утро она направилась к небольшому озеру, чтобы порыбачить в покое и тишине. Часа через полтора за ее спиной послышались чьи-то шаги. Джил раздраженно обернулась и с облегчением перевела дух — это был Пискатор. Как обычно, он нес в руках удочку и большую плетеную корзину. Подойдя к ней, японец устроился рядом и протянул сигарету. Джил покачала головой. Они сидели молча, поглядывая на поверхность воды, которую едва рябил легкий ветерок.

Наконец, Пискатор прервал молчание.

— Скоро мне предстоит расставание с моими учениками и любимым занятием,— он погладил бамбуковое удилище.

— Вас это огорчает?

— А вы как думаете? Придется сменить приятную жизнь на тяготы экспедиции, которая может привести всех нас к гибели. Я не пророк и не знаю, что ждет впереди...— Он помолчал.— Ну, а вы? Больше не было таких случаев, как той ночью?

— Нет, все в порядке.

— Однако, носите в сердце занозу?

— Что вы имеете в виду? — Джил повернулась к японцу, надеясь, что он не заметит ее замешательства.

— Я бы сказал, даже три занозы: честолюбивые мечты, эта русская и, прежде всего, вы сами, Джил.

— Да, конечно, у меня есть свои проблемы... Но у кого их нет? У вас? Разве вы не такой же человек, как все?

— О, да,— улыбнулся Пискатор,— еще в большей степени, чем другие, и я говорю об этом без излишней скромности. Почему в большей? Потому, что я реализовал свои человеческие возможности почти во всей их полноте. Не могу настаивать, чтобы вы сейчас поверили мне. Быть может, когда-нибудь... или такой день вообще не наступит...— он проследил взглядом мелькнувшую в воде рыбешку.— Так вот, к вопросу о человечности. Я часто задумываюсь — все ли, кто встретился мне здесь, принадлежат к роду человеческому? Я имею в виду — к роду хомо сапиенс.

— Весьма возможно, что среди нас действуют Их агенты... тех, кто создал этот мир и несет за него ответственность. Трудно сказать, зачем они здесь. Я бы предположил, что они действуют как катализаторы нашей жизнедеятельности. Я подразумеваю не физическую деятельность — строительство судна или дирижабля, хотя и здесь их вмешательство тоже допустимо — нет, я говорю о психическом воздействии. Я бы назвал его гуманизирующим влиянием, причем направленным к цели, сходной с постулатами Церкви Второго Шанса,— очищению человеческого духа. Или, если воспользоваться христианской метафорой,— отделением овец от козлищ.

Он помолчал и вытащил новую сигарету.

— Развивая дальше этот метафорический религиозный подход, мы можем заподозрить наличие двух сил — силы зла и силы добра, причем первая из них работает против осуществления упомянутой мной цели.

— Что? — Джил резко повернулась к японцу.— У вас есть доказательства?

— Нет, только предположения. Поймите меня правильно — я не считаю, что Шайтан вкупе с Люцифером действительно ведут холодную войну против Аллаха или христианского Бога, которого мы, суфии, предпочитаем называть Истиной. Иногда мне кажется, что эти силы направлены параллельно друг другу. Но это лишь мои домыслы. Если агенты существуют, то они должны действовать в человеческом обличье.

— Вам что-нибудь известно?

— Я стараюсь приглядываться, наблюдать. Вот у вас, например, тоже двойственная сущность, не укладывающаяся в обычную схему... причем сущность достаточно мрачная. Правда, может быть, я уловил только одну ее сторону, тогда как другая полна света.

— Мне хочется понять, к чему вы клоните. Вы хотите постигнуть эту... эту схему?

Пискатор встал, бросил окурок в озеро. Из воды вынырнула рыбка, сглотнула его и вновь исчезла в глубине.

— Под водой идет деятельная жизнь,— он показал на озеро.— Мы ничего не в силах там разглядеть, вода — иная субстанция, чем воздух. Можно лишь спустить туда наши крючки и надеяться выловить что-нибудь интересное. Как-то я читал рассказ о рыбе, устроившейся в темноте на дне глубокого озера и забросившей на берег свою удочку. Она ловила людей.

— Это все, что вы находите нужным мне сказать?

Пискатор кивнул головой.

— Я полагаю, что сегодня вы отправитесь на прощальный вечер к Файбрасу.

— Да, приглашение было достаточно категоричным... скорее, это приказ. Но даже мысль о вечеринке мне невыносима. Все выльется в пьяный скандал.

— А вы не марайтесь в этом свинарнике. Будьте с ними, но не одной из них. Пусть мысль о своем превосходстве подкрепит вас.

— Вы просто осел! — Она тут же осеклась: — Простите меня, Пискатор, я говорю глупости. Конечно, вы правы... и вы раскусили меня.

— Мне кажется, Файбрас вечером объявит о назначении пилотов.

— Мне тоже... Но для себя я не жду ничего хорошего.

— Вы получите высокую должность — да вы и сами это понимаете... Во всяком случае, все шансы на вашей стороне.

— Надеюсь!

Она дернула леску; наживки на крючке не было.

— Пожалуй, я пойду домой и чуточку поразмышляю.

— Только спокойнее. По минному полю нельзя идти напрямик.

Она фыркнула в ответ и отправилась к себе. Проходя мимо хижины Торна, она услышала громкие голоса хозяина и Обреновой. Значит, они, наконец, сошлись.

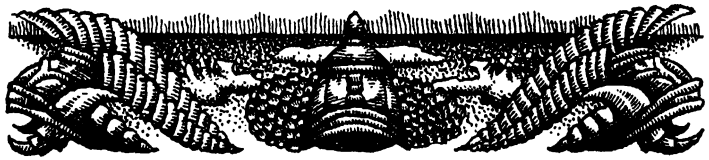
Преодолев минутное колебание, Джил подошла поближе. Она могла отчетливо различить слова, но не смысл спора — Торн что-то резко говорил на незнакомом ей языке. Странно... Он явно не походил на русский. Послышался мягкий голос Обреновой; похоже, она просила его говорить тише. Джил прекрасно ее слышала, но тоже не поняла ничего. Потом наступила тишина.

Джил на цыпочках направилась к себе, стараясь двигаться бесшумно, чтобы не привлечь внимания соседей. Она вошла в хижину, размышляя о происшедшем. Торн знал английский, французский, немецкий и эсперанто. В своих странствиях по Реке он мог изучить множество других наречий.

Почему же они не говорили на одном из родных языков или эсперанто? Значит, оба знали еще какой-то, который здесь никто не мог понять?

Об этом надо рассказать Пискатору. У него, наверное, найдется разумное объяснение.

Однако события обернулись таким образом, что она не сумела поговорить с ним до подъема «Парсефаля», а потом совершенно забыла о происшествии.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Реминисценции в ре-минор

26 января 20 года эры п.в.
От Питера Джарвиса Фригейта,
борт «Раззл-Даззл»,
южный умеренный пояс,
Мир Реки.
Роберту Ф. Роригу
Низовья Реки
(предположительно)

Дорогой Боб!

За тринадцать лет, проведенных на этом судне, мне довелось отправить тебе двадцать одно послание. Письмо из Пизаны. Телеграмму из Телема. Записку из Сапоскана. Рукопись из Рура. Сетования из Сет-на-Н'ока. Аллегории из аль-Гората. Стенания из Стикса. Исповедь из Испеда.

Все это был чистой воды треп, достойный, в лучшем случае, студента-второкурсника. Три года назад я выбросил в воду очередную «радиограмму из Раджастана», описав в ней все значительные события, что произошли после моей смерти на Земле, в Сент-Луисе. Вряд ли ты ее получишь, но вдруг нам улыбнется счастье?

Сегодня, в яркий солнечный день, я сижу на верхней палубе шхуны и строчу на бамбуковой бумаге пером из рыбьей кости письмо. Окончив, я скручу страницы, оберну их рыбьим пузырем и запихаю в бамбуковый пенал. Суну в отверстие заглушку, вознесу молитву неведомым богам и швырну свое творение в воду — авось донесет куда-нибудь по речной почте.

У руля стоит капитан — Мартин Фарингтон, он же — Фриско Кид. Его темно-каштановые волосы блестят на солнце и развеваются по ветру. Выглядит он наполовину полинезийцем, наполовину — кельтом; в действительности, наш

шкипер — американец англо-уэллльского происхождения, родившийся в Окленде, штат Калифорния, в 1876 году. Сам о себе он помалкивает, но я о нем знаю все — даже то, кем он является на самом деле. Мне довелось так часто видеть его портреты, что не узнать это лицо я не мог. Я не смею назвать его настоящее имя — серьезнейшие причины заставляют его путешествовать инкогнито, под псевдонимом, составленным из имен двух его персонажей. Да, это он — знаменитый писатель. Возможно, ты поймешь, о ком идет речь, хотя я сильно в этом сомневаюсь. Когда-то ты признался, что читал лишь одно его произведение — «Рассказы рыбачьего патруля» — и нашел его отвратительным. Жаль; его лучшие сочинения признаны классическими.

Из первоначальной команды на судне остались лишь сам капитан, его первый помощник Том Райдер — Текс, араб по имени Нур, да двое-трое других. Остальные исчезли по самым разным причинам — смерть, психологическая несовместимость, разочарование и тому подобное. Текс и Кид — две земные знаменитости, встретившиеся мне в этом мире. Как-то у меня появился шанс увидеться с Георгом Симоном Омом (ты же слышал об «омах»), но встреча, увы, не состоялась. И вдруг, о чудо! Райдер и Фарингтон стояли во главе списка из двадцати персон, о свидании с которыми я мечтал. Список, конечно, выглядит довольно странно, но я всегда был несколько эксцентричен.

У Райдера, помощника капитана, тоже чужое имя. Но его лицо незабываемо, хотя и сказывается отсутствие на голове белого сомбреро емкостью этак галлонов десять. Он — знаменитейший герой фильмов моего детства; он — Тарзан, Джон Картер из Барсума, Шерлок Холмс и Одиссей. Мне посчастливилось увидеть не менее сорока из двухсот картин, в которых он снимался. Эти ленты шли во второразрядных киношках Пеории — «Гранд», «Принцесса», «Колумбия», «Аполлон», бесследно исчезнувших задолго до моего пятидесятилетия. С его фильмами связаны золотые часы моего детства. Но сейчас я не могу вспомнить ни подробностей, ни содержания хотя бы одного из них; все они слились в один блестящий кадр с гигантской фигурой Райдера.

Мне было пятьдесят два года, когда я задумал написать несколько беллетризированных биографий. Ты знаешь, что

я много лет собирался воссоздать историю нелегкой жизни сэра Ричарда Фрэнсиса Бартона, прославленного и ославленного путешественника девятнадцатого века, писателя, переводчика, антрополога и авантюриста. Меня часто отвлекали от работы над «Неистовым рыцарем королевы» мои финансовые заботы, а когда я смог вплотную заняться книгой, в свет вышла великолепная биография Бартона, написанная Байроном Фаруэлом. Решив переждать, чтобы рынок сумел проглотить вторую книгу о нем, я работал еще несколько лет, но тут Фоун Броди опубликовал свое жизнеописание подвигов сего мужа.

Так десять лет откладывалось осуществление моего замысла. В конце концов, я решил написать биографию упоминавшегося выше любимого киногероя моего детства (хотя я ставлю Дугласа Фербенкса-старшего не ниже его). Я прочитал уйму статей о моем избраннике. Жизнь, которая в них описывалась, была наполнена приключениями покруче киношных. Мне хотелось встретиться с людьми, которые знали моего героя, но денег по-прежнему не хватало; я не мог полностью отдаться работе и поездить по стране, собирая материал о нем. Правда, какие-то сведения мне удалось найти; теперь я более ясно мог представить себе этого техасского бродягу, полицейского инспектора из Нью-Мехико, шерифа из Оклахомы, участника гражданской войны на Филиппинах, объездчика лошадей, наемника, сражавшегося в Южной Африке и в Мексике, исполнителя ролей в шоу Дикого Запада, восседающего на своем неизменном Рузвельте, самого высокооплачиваемого актера кино в те времена.

Доверять написанным о нем статьям не приходилось; они наполнены противоречиями, путаницу внесли даже в некролог. Множество воспоминаний о нем опубликовали кинокомпании «Фокс» и «Юниверсал», но там довлели личные симпатии и антипатии. Все это мало чего стоило.

Женщина, считавшаяся его первой женой, написала его биографию, не упомянув ни об их разводе, ни о его последующих женах, ни о двух дочерях еще от какой-то женщины.

Она умолчала о его любви к выпивке, о незаконном сыне, ставшем ювелиром в Лондоне. К тому же, она лишь вооб-

разила себя его первой женой, а на самом деле была не то второй, не то третьей — точно никто не знал.

Мой приятель Кориэлл Веролл (ты должен его помнить — цирковой акробат, жонглер, канатоходец, грандиозный выпивоха и поклонник Тарзана) написал мне о нем (примерно в 1964 году, я думаю):

«... Помню, впервые встретившись с ним, я решил, что увидел самого Бога... Позднее мы частенько бывали вместе; благоговение и трепет исчезли, но я его обожал, а для подростков он навсегда остался кумиром... Он тогда сильно выпивал. Трезвый — великолепен, но лишь выпьет, начинает драться и вести себя чертовски безобразно. (Впрочем, что же сказать о всех нас?..) Я храню в памяти дюжину историй о нем, но никогда ничего не опубликую. Когда мы с тобой встретимся в следующий раз, я готов тебе их поведать.»

Но почему-то Кори этого не сделал.

Сомнения вызывал даже год его рождения. Биографы и жены называли тысяча восемьсот восьмидесятый. На памятнике, неподалеку от Флоренса в Аризоне, где он погиб на скверной дороге, мчась со скоростью восемьдесят миль в час, указана та же дата.

Но есть свидетельства, что годом его появления на свет нужно считать 1870-й. Как бы то ни было, в шестьдесят (или в семьдесят?) лет он выглядел великолепно, много моложе пятидесятилетних. Форму он держал всю жизнь.

Его друг, встретившийся с ним на той последней, роковой дороге, утверждал, что он сидел за рулем желтого форда. Жена друга клялась, что машина была белой... Верь после этого очевидцам! Считается, что он уроженец Техаса, но это тоже миф. Место его рождения — Микс Ран, Пенсильвания; там он вырос и уехал оттуда лишь в восемнадцать лет, уйдя по призыву в армию.

Я было собрался написать в министерство обороны и попросить копию его личного дела (меня особенно интересовала его военная карьера), как в свет вышел роман Дэррил Пониксен. Меня вновь обскакали. Книга была беллетризированной, но автор использовал много документальных материалов, к которым и я сам хотел обратиться.

Итак, мой герой — не внук вождя племени ирокезов, и он не родился в техасском Эль-Пасо. Он действительно слу-

жил в армии, но не был серьезно ранен под Сан Хуан Хиллом, да и на Филиппинах обошлось без ущерба. Он поступил на военную службу, когда только что началась испано-американская война. Я совершенно уверен — впрочем, как и Пониксен, — что он стремился принять участие в военных действиях; сомнений в его храбрости никогда не возникало, всю жизнь этого парня влекло туда, где стреляют. Но его оставили в казармах, а потом демобилизовали. Он вновь вербуется, но опять не может попасть на фронт, и в 1902 году покидает армию.

По утверждениям его биографов, после армии он отправился в Южную Африку, но это тоже вымысел. На самом деле, он женится на молоденькой школьной учительнице, и они уезжают в Оклахому. Вскоре то ли она сама его бросила, то ли их разлучил ее папаша, но они расходятся, не оформив развода.

Некоторое время он работает где-то буфетчиком, вновь женится и вскоре расстается с новой женой.

Я убедился теперь, что большинство сведений, опубликованных службой прессы киностудии (да и самим Райдером), были выдумкой. Все эти статьи имели целью восславить человека, уже не нуждавшегося в славе.

Весьма возможно, что часть историй придумана самим героем. В конце концов, он и сам в них поверил. Я слышал, как он их пересказывает — но всегда уклончиво, с недомолвками, — и понял, что они вошли в его плоть и кровь.

Это не помешало ему, однако, отвергнуть попытки компании «Фокс» превратить его в незаконного сына Буффало Билла. Полагаю, ему и так хватало известности. Но здесь он ни разу не упомянул о своем блистательном прошлом.

Почему он живет под чужим именем? Не понимаю.

Третья жена (та, что считала себя первой) описала его внешность: высокий, красивый, смуглый человек. Думаю, в начале века он действительно выглядел высоким мужчиной, хотя оказался ниже меня. Мускулы у него поистине стальные. Фарингтон ниже его ростом и на вид более мускулистый, но в индейской борьбе он обычно проигрывает Тому — особенно, когда бывает навеселе. Они ставят локти на стол, сцепляют ладони и пытаются положить руку противника

плашмя. Состязание идет долго и упорно, и в результате, как правило, побеждает Том.

Я боролся с обоими и половину схваток выигрывал. Обставить их вчистую мне удавалось лишь в беге и прыжках в длину, но когда дело доходило до бокса, побежденным оказывался я. У меня отсутствует то, что называют «инстинктом убийцы», да и ощущение мужского превосходства я не стремлюсь испытать. Том же щедро наделен и тем, и другим, хотя обычно держит себя в руках. Как бы то ни было, оба они создают атмосферу некой напряженности и не допускают особой близости с остальными.

Том Райдер знает Реку вниз и вверх на тысячи миль. Его трижды убивали. Однажды он воскрес вблизи устья — правда, эта близость составляла тысяч двадцать миль. Исток Реки сближается с устьем в районе северного полюса, но оба потока текут в диаметрально противоположных направлениях. Воды, изливающиеся с гор, устремляются в западное полушарие, а возвращаются с востока.

Я слышал о существовании у северного полюса большого водного бассейна — моря, опоясанного кольцом гор. Из этого моря к подножью хребта изливается Река, гигантскими зигзагами пересекает одно из полушарий, полукольцом охватывает южный полюс и такими же зигзагами возвращается по другому полушарию. Она вьется между Антарктикой и Арктикой этого мира и, наконец, пропадает среди северных гор.

Если бы мне удалось нарисовать схему Реки, то ее контуры напомнили бы змея Мидгарда из скандинавских саг, опоясывающего мир и держащего свой хвост во рту.

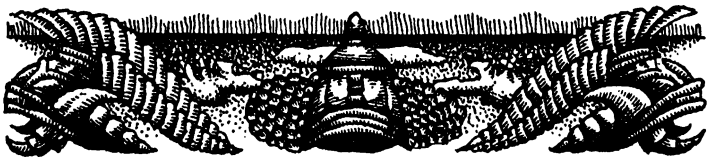
Том рассказывал, что земли вблизи устья заселены выходцами из ледникового периода, древней Сибири и эскимосами, но среди них попадаются и современные жители Аляски, Северной Канады, России и других стран.

Том, вечный искатель приключений, не раздумывая, решился на путешествие к устью. Вместе с шестью энтузиастами он построил несколько каяков, и вся компания отправилась вниз про Реке из царства жизни в пустыню, окутанную саваном тумана. К их изумлению, несмотря на все возраставший мрак, там имелась какая-то растительность. Другой неожиданностью были грейлстоуны, которые тянулись в гус-

том тумане на сотни миль. В конце концов, их цепочка оборвалась, и дальше путники питались сухой рыбой и желудевым хлебом, взятыми про запас. Течение становилось все стремительнее; на последней сотне миль Река неслась с такой скоростью, что повернуть обратно или пристать к берегу было невозможно. Вокруг высились отвесные стены каменного ущелья и путники вынуждены были спать в лодках. Казалось, им пришел конец. А потом это произошло на самом деле. Они провалились в огромную пещеру. Свет факела Тома не достигал ни ее стен, ни свода. Отсюда Река со страшным ревом устремлялась в тоннель. Их несло по узкому и низкому ущелью. Тому пришлось лечь в лодке, чтобы не разбить головы. Больше он ничего не помнил. По-видимому, каяк разнесло в щепы.

На следующий день он пробудился неподалеку от южного полюса.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

(Продолжение письма Фригейта)

Среди моря, окруженного северными горами, стоит Башня,— сказал Том.

— Башня? — переспросил я.— Что вы имеете в виду?

— Разве вы о ней не слышали? Мне казалось, что про Башню знают все.

— Мне о ней никогда не говорили.

— Да ну? До чего же велика Река! Наверно, есть еще масса мест, где не слыхивали этих сказок.

И он начал рассказывать мне то, что, по справедливости, можно назвать мифом — доказательств не было никаких. Человек, поведавший Тому эту историю, вполне мог оказаться лгуном. Но зато она не являлась пересказом из вторых, третьих — и так далее — уст. О нет! Том действительно разговаривал с тем, кто утверждал, что ему удалось лицезреть Башню своими глазами.

Они давно были знакомы, однако его приятель никогда и словом не обмолвился об увиденном. Но однажды, ночью, после грандиозной попойки, он выложил эту историю Тому.

Правда, протрезвев, он стал все отрицать.

Этот человек был родом из Древнего Египта и служил фараону Аменхотепу или, как его еще называли, Эхнатону. Ты, наверное, помнишь, что в тринадцатом веке до нашей эры этот владыка Египта пытался создать монотеистическую религию. После воскрешения он оказался среди людей своей эпохи. Рассказчик, которого звали Пахери, знатный египтянин, примкнул к Эхнатону вместе с сорока соплеменниками. Они построили лодку и отправились в путь, совершенно не представляя, как долго он продлится, с единственной целью — достичь истоков Реки. Там, по мнению фараона, должен пребывать бог солнца Атон, который примет под свое покровительство странников и перенесет

их в рай, в место, значительно более приемлемое для них, чем Мир Реки.

В отличие от Эхнатона, Пахери оставался политеистом. Он верил в «истинных» богов — Ра, Гора, Изиду — в «старую гвардию», так сказать. Египтянин отправился вместе с фараоном, убежденный, что тот приведет их к божественной обители и там откажется от своей ложной веры. В этом он видел торжество справедливости и ждал вознаграждения от богов за проявленную верность.

К счастью для египтян, их воскрешение произошло в северном полушарии, довольно близко к истокам Реки. Удачей являлось и то, что их соседями были миролюбивые скандинавы, не захватившие путников в плен; они разрешали им пользоваться грейлстоунами.

Приблизившись к северным горам, египтяне попали в районы, населенные гигантскими человекообразными существами, никогда не виданными на Земле. Поверишь ли, их рост достигал восьми или даже десяти футов! Их огромные носы походили на хоботы. Они умели говорить — впрочем, на весьма примитивном языке.

Конечно, поодиночке эти великаны, заросшие рыжим волосом, не могли бы справиться с многочисленной командой судна. Однако сыны Та Кем пришли в ужас: воистину, двери обители мертвых распахнулись перед ними и чудовищные демоны Сета охраняли вход! Но Эхнатону удалось привлечь внимание одного из гигантов, а затем подружиться с ним. Это создание с длинноклювой головой ибиса даже пожелало присоединиться к команде. Египтяне прозвали его Техати — в честь бога, известного грекам под именем Тота.

Дальше Река резко сужалась, вода бурлила в скалистых берегах, грести против течения не хватало сил. Но ничто не могло остановить египтян. С помощью кремневых и железных топоров (железные орудия они умудрились выменять на табак и алкоголь во время странствий) они вырубили в скале узкий выступ в десяти футах над водой, разобрали лодку, и обошли узкий участок. Это заняло шесть месяцев.

Судно продолжало свой путь, но вскоре ряд грейлстоунов оборвался. Дальше началось царство вечного тумана. Несмотря на то, что Река отдавала морю массу тепла, она

еще могла согреть холодный воздух, наполняя его сырой белесой мглой.

А теперь начинается самая странная часть рассказа.

Путники вышли к утесу, показавшемуся им непреодолимым. Но у его основания египтяне обнаружили прорытый кем-то туннель. Ползком, согнувшись, они миновали его, и дальше увидели конец веревки — связанные вместе полотнища ткани, свисавшие с другого утеса. Они поднялись наверх и без каких-либо осложнений очутились за грядой гор, у полярного моря.

Кто же прорыл туннель и оставил веревку? И зачем? Мне представляется очевидным, что людям это не под силу. Основная горная порода здесь — твердый кварц, и вырубить в нем туннель можно лишь стальными орудиями. Да и сколько времени заняла бы такая работа? Для нас это неосуществимо.

К тому же Пахери сказал, что около туннеля не было никаких следов — ни остатков лагеря, ни кусков породы, ни обломков. Поразительно! Нельзя же унести с собой все, вплоть до камешка!

А как забраться на второй утес без каната? Положим, что таинственные предшественники египтян запустили туда ракету, привязав к ней веревку. Но наверху был лишь один выступ — длинный тонкий пик скалы, за который можно зацепить гипотетическую веревку с гипотетическими крючьями. Попасть в него практически невозможно — выступ снизу не виден, да и рядом с ним египтяне ничего не нашли. Значит, кто-то должен был привязать этот канат и спустить его вниз! Все выглядело так, словно один из неведомых властителей этого мира решил облегчить землянам путь.

С невероятным трудом путники пробрались по краю глубокого ущелья, продуваемого ледяным ветром, и вышли к морю. Над поверхностью воды до самого горизонта висели густые клубы туч. На другой стороне между горами виднелась расселина. Первым заметил ее Техати, уловив мелькнувший в просвете лучик солнца. Он быстро обогнул выступ горы, исчезнув за ним. Потом египтяне услышали крик, за ним — долгий замирающий вопль. Они бросились следом и успели заметить, как тело Техати катится вниз, в туман, по почти отвесному склону.

Позднее они сумели представить себе случившееся. Гигант завернул за утес и в нескольких шагах от себя увидел чашу. Да, представь себе — цилиндр! Значит, кто-то уже побывал там! Техати прошел мимо него, и в этот момент сквозь брешь в хребте блеснул яркий луч солнца. Видимо, ослепленный им, великан в испуге шагнул назад, оступился, споткнувшись о цилиндр, и рухнул со скалы.

Луч высветил посреди водного бассейна колоссальное цилиндрическое сооружение, вершина которого тонула в волнах тумана. Это продолжалось не больше минуты, затем солнце исчезло и вокруг вновь все затянулось серой дымкой.

Ты, наверное, усомнишься, что египтянам удалось увидеть солнце. Даже если это ущелье в горах простирается до горизонта, тучи все равно должны затянуть ее. Очевидно, сильный порыв ветра на миг развеял марево, и это совпало с появлением над расщелиной солнца, Редкий случай, оказавшийся для Техати роковым.

Да, ветры там причудливы. Они еще дважды разгоняли тучи, и египтянам удалось рассмотреть верх Башни. Если бы прямые лучи солнца не осветили ее, они увидели бы лишь темную бесформенную массу; сейчас же перед ними было огромное сооружение в виде цилиндра, поставленного на торец. Вряд ли эту чудовищную конструкцию создали человеческие руки; однако я подозреваю, что творцы и властители нашего мира могли бы принять и облик людей, если на то будет их воля.

Еще одна странность. Через несколько часов египтяне увидели, как из окутавшего Башню тумана возникло нечто округлое и огромное. На их глазах оно стремительно вознеслось вверх, отражая свет солнца, и вскоре исчезло из глаз.

Меня охватило безумное волнение.

— Эта Башня, несомненно, главный штаб, пристанище Тех, кто правит в нашем мире!

— Мы с Фриско того же мнения.

В пути египтяне очень привязались к Техати. Несмотря на устрашающую внешность, гигант обладал добрым сердцем и любил пошутить. Он быстро изучил язык, иногда удивляя своих спутников неожиданными каламбурами, что свидетельствовало о его несомненном уме. В царстве живых лишь человеку дана способность к игре словами. Только хо-

мо агномонатио, так, кажется? Не помню, совсем забыл латынь. Попадись мне ее знаток, я с удовольствием восстановил бы свои знания.

Но вернемся к Пахери и Техати. Египтянам удалось пройти тяжкий путь через горы лишь благодаря его силе и обезьяньей ловкости. На месте гибели гиганта они вознесли молитвы и двинулись дальше. Узкая тропка косо нависала над ущельем под углом сорок пять градусов; влажная и скользкая, она была так узка, что путникам пришлось идти цепочкой друг за другом, касаясь плечами отвесной стены утеса. В некоторых местах она сужалась еще больше, и люди передвигались боком, прижавшись грудью и лицом к скале, судорожно цепляясь за малейшие неровности.

На полпути Эхнатон, который шел первым, едва не сорвался — он увидел скелет. Да, там лежал скелет; без сомнения, скелет человека, погибшего от голода в этом краю, где не было грейлстоунов. Фараон прочитал над костями молитву и столкнул их в воду. Они продолжали свой путь и вскоре добрались до конца тропы. Казалось, она исчезала в море, и люди пришли в полное отчаяние. Эхнатон, уцепившись одной рукой за выступ скалы и держа в другой факел, стал осматриваться вокруг. Неподалеку он увидел темный провал — вход в пещеру; видимо, тропа вела к нему. Он оттолкнулся от выступа и шагнул в свинцовые волны. Вода доходила до колен; египтяне брели за своим вождем, осторожно нащупывая каждый шаг.

Их охватил смертельный холод, зубы стучали, они еле двигались. Пахери, содрогаясь от ужаса, шел последним. Что их ждет? Может быть, перед ними дверь в жилище богов? Не ожидает ли их там песьеголовый Анубис, дабы отвести к Великому Судье, который каждому отпустит по его деяниям? Пахери вспоминал о совершенных им несправедливостях, о мелочности и жестокости, алчности и вероломстве. В предчувствии неизбежной кары он замер; остальные ушли вперед, а он все стоял в ледяном холоде и мраке, обуреваемый страхом. Наконец, он поспешил за своими товарищами.

Пещера окончилась туннелем, явно искусственным. Через сотню ярдов он расширился, и люди оказались в круглом зале, освещенном девятью лампами в форме сфер; установ-

ленные на высоких треножниках, они излучали холодный ровный свет.

Первое впечатление было устрашающим — они увидели скелет. Его правая рука была вытянута, будто человек старался что-то достать. Рядом валялся цилиндр. Но египтян больше поразило то, что скелет оказался женским. По черепу и остаткам волос они определили, что незнакомка принадлежала к негроидной расе. Вероятно, женщина тоже умерла от голода. По трагической иронии судьбы это произошло в нескольких футах от запасов пищи.

После смерти своего спутника, на останки которого египтяне наткнулись раньше, она сумела пройти — или проползти — весь путь в эту подземную камеру и погибла, когда спасение было рядом.

Меня чрезвычайно заинтриговала ее судьба. Что толкнуло ее на это гибельное странствие? Сколько было у нее спутников? Кто из них погиб, а кто вернулся, не дойдя до пещеры, через порог которой перекатываются волны северного моря? Каким образом им удалось миновать земли длинноносых гигантов? Как ее звали и почему ей выпал столь страшный конец?

Может быть, она оставила записку в своей чаше? Но цилиндр был заперт, и открыть крышку могла лишь его владелица. Да и вряд ли египтяне смогли бы прочесть послание. Все это случилось до того, как усилиями миссионеров Церкви Второго Шанса на Реке был внедрен эсперанто. Кроме того, миллиарды людей, научившихся говорить на этом языке, писать на нем не умеют.

Египтяне прочли заупокойную молитву над останками и в молчании принялись осматривать зал. Они обнаружили одиннадцать металлических лодок разного размера, покоящихся на У-образных металлических опорах.

Здесь же были запасы пищи в пластмассовых коробках. Вначале Эхнатон и его спутники не могли понять, что это такое; потом они разглядели на банках рисунки, поясняющие, как их открыть.

Откупорив сосуды, люди обнаружили там мясо, хлеб и овощи. Они с жадностью набросились на еду, насытились, и от усталости их сразу же сморил глубокий и долгий сон.

Теперь египтяне твердо уверовали, что боги (по мнению Эхнатона — бог) им покровительствует. Это для них была подготовлена тропа — пусть тяжкая, но путь к бессмертию не дается легко и преодолеть его можно лишь добродетелью и усердным трудом. Вот Техати, несомненно, грешил в своей жизни, и боги за это сбросили его со скалы.

На лодках также были нанесены схемы, из которых стало ясно, как ими управлять. Египтяне внимательно изучили их и выбрали себе одно из самых вместительных суденышек. Четыре человека легко подняли лодку и донесли до моря. Спустив ее на воду, они разместились в ней. Возле руля находился щиток с кнопками. Хотя фараону не подобало заниматься мирскими трудами, Эхнатон решил сам вести кораблик. Сверяясь с рисунком-схемой, он надавил клавишу на щитке. Засветился экран, на нем возник оранжевый силуэт башни. Он нажал другую кнопку, и лодка двинулась вперед.

Среди египтян возникла паника, но их вождь не дрогнул и сохранил невозмутимость. Потом люди успокоились. Они знали, что сделали все правильно и не нарушили божественной воли. Металлическое суденышко представлялось им баркой, на которой, по их верованиям, умерших перевозят по водам в иной мир — Аменти, Страну Заката. Пищу, найденную в пещере, они сочли даром богов, а сама гигантская Башня — что ж, она походила на огромную круглую колонну; в своей стране они привыкли лицезреть громадные сооружения.

Подобно многим народам, египтяне после воскрешения в мире Реки испытали потрясение, даже гнев. Их жрецы рассказывали совсем другие истории о загробной жизни. Правда, они по-прежнему обитали в прибрежной стране, как раньше на Ниле, но на этом сходство кончалось. Однако сейчас боги вели их в самое сердце Иного Мира.

И то, что окружало их, было действительно похоже на Страну Заката. Сейчас, когда они уже пребывали в жилище Озириса, это особенно бросалось в глаза. Наверное, долина Реки — промежуточная стадия между миром живых и миром мертвых. О ней тоже рассказывали жрецы, но они во многом заблуждались и это понятно — лишь боги владеют истиной. Конечно, колонноподобная Башня не похожа на Двойной Дворец Великого Судии, но боги могут менять все. В Мире

Реки тоже все постоянно менялось, потому что менялись сами души богов.

Эхнатон повернул руль, и оранжевое изображение башни на экране надвое пересекла темная черта. Время от времени он сжимал круглую рукоять справа от штурвала, регулируя скорость. Кораблик несся по волнам затянутого туманом моря с такой быстротой, что пассажиры онемели от страха. Через два часа изображение Башни разрослось до огромных размеров, и вдруг экран осветился ярким всполохом. Эхнатон резко снизил скорость. Он нажал еще одну кнопку, и египтяне закричали от ужаса и изумления: из двух овальных стояков на носу судна вырвались блестящие снопы света.

Гигантский монолит Башни нависал над ними.

Эхнатон коснулся следующей клавиши. Гладкие, без единого шва стены медленно разошлись, образовав огромные круглые ворота. Лучи прожекторов осветили просторный зал с металлическими стенами. Фараон направил лодку к самому входу, выключил двигатель и встал на борт, пытаясь дотянуться до порога, возвышавшегося над ними. Рывок — и он прыгнул в зал, держа в руках конец каната; крюки, торчавшие из стен, подсказывали, где следует его закрепить. Недоверчиво, в полном молчании, за ним последовали остальные.

Все — за исключением Пахери. Его обуял такой ужас, что он не мог заставить себя сдвинуться с места. У него стучали зубы, тряслись колени, испуганной птицей билось в груди сердце. В голове царил полный сумбур. Он не находил сил подняться и догнать остальных. Там, в глубинах чудовищной Башни, ему уготовано предстать перед Судией и ждать кары!

Тут я должен вступиться за Пахери. Он рискнул поведать Тому Райдеру о своей трусости, а это уже мужественный поступок.

Что касается Эхнатона, то он не опасался своего Единого Бога и смело направился вперед по проходу. Кучка египтян следовала за ним, отставая лишь на несколько шагов. Один из них с удивлением обернулся к сидящему в лодке Пахери, махнул рукой, приглашая поспешить за ними, и двинулся дальше.

Внезапно египтяне без единого звука рухнули на колени. Они пытались подняться, опираясь на руки, но неведомая сила прижала их к полу. Они лежали, распластавшись, словно восковые фигурки.

Медленно сдвинулись створки ворот; ни следа, ни тонкой щелки не осталось от них на гладкой поверхности стены. В густом тумане холодного моря Пахери был один.

Не теряя времени он нажал кнопку, и лодка двинулась с прежней скоростью. Но теперь на экране не было никакого изображения, никакой картинки, подсказывающей путь. Он долго метался взад и вперед вдоль отвесной скалы, пытаясь найти пещеру. В конце концов, Пахери выбрал одно направление и вскоре добрался до провала, под сводом которого море пробивалось сквозь горы. Направив туда лодку, он попал в громадную вытянутую пещеру; в дальнем конце ее раздавался грохот водопада. Египтянин попробовал найти место, чтобы пристать, но течение стремительно несло его лодку к пропасти. Рев падающей воды стал громоподобным, суденышко перевернулось, Пахери рухнул куда-то вниз... и больше он не помнил ничего.

Очнувшись, Пахери обнаружил, что лежит, совершенно нагой, у какого-то грейлстоуна. Рядом стояла чаша — конечно, новая,— и громоздилась стопка полотнищ. Он услышал голоса. Темные фигуры с цилиндрами в руках двигались к грейлстоуну. Египтянин был здоров и невредим, но переполнен чудовищными воспоминаниями об обители богов.

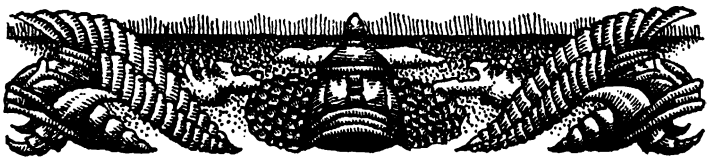
Том Райдер встретился с Пахери в этих местах, пробудившись после того, как его прикончил какой-то средневековый фанатик-христианин. Он вновь избрал солдатское ремесло и попал в один отряд с египтянином. Вскоре ему удалось услышать этот рассказ. Райдер дослужился до звания капитана и вновь был убит. На следующий день он проснулся в местности, где жил Фарингтон. Через несколько месяцев они вместе отправились вверх по Реке на выдолбленном из сосны челне. Позже вернулись обратно, построили «Раззл-Даззл» и набрали экипаж.

Как я отнесся к этой истории? Ну, прежде всего, я решил, что до истины нужно добраться самому. Если Пахери ничего не выдумал — а Том, считал, что у него воображения не больше, чем в дубовом топорище — то стоит поискать пу-

ти на север. Этот мир, столь непохожий на Землю, может дать ответы на великие вопросы; он — отражение подлинной сути вещей.

Эй, там, на Башне! Ждите!

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

(Продолжение письма Фригейта)

Недавно к рассказу Райдера добавились новые подробности. Несколько дней назад мне довелось быть невидимым свидетелем разговора между Фриско и Томом. Они беседовали в большой каюте, я сидел снаружи у ее стенки, покуривая сигарету.

Занятый размышлениями о недавнем споре с Нур эль-Музафиром, я не обращал внимания на доносившиеся голоса, как вдруг уловил слова капитана:

— Да, но каким образом выяснить, не использует ли он нас в своих собственных целях? И что они сулят нам? Как узнать, сможем ли мы попасть в Башню? Есть ли там еще один вход? А если есть, то почему он не сказал о нем? Правда, он обещал объяснить все позже, но прошло уже столько времени, а мы его больше не видели. Вернее, не видел ты, я-то с ним никогда не встречался. Вдруг что-то произошло — его могли схватить, или мы стали ему больше не нужны.

Райдер что-то ответил, но я не расслышал; видимо, он сидел спиной к стене.

Снова раздался голос Фарингтона:

— Да, конечно... Но я думаю вот о чем. Мне кажется, что к моменту вашей встречи он даже не подозревал, что египтяне добрались до Башни, а один из них вернулся сюда.

Опять ответ Райдера и реплика Фарингтона:

— Согласен. Туннель, канат, лодки, да и сама тропа — все подготовлено для нас, но прежде туда проникли другие.

Усилился ветер, и несколько минут я не мог разобрать ни слова. Я подсел к стенке вплотную и вновь услышал голос Фриско.

— Ты подозреваешь, что кто-то из Них оказался на нашем судне? Все может быть, Текс, но к чему это? Нам же не объяснили, как мы узнаем посвященных. Когда нам об этом

скажут и где мы встретимся? В устье Реки? Представь себе — мы туда добрались, а там никого нет. Сколько нам придется ждать — сто лет? А если...

Райдер прервал его длинной тирадой. Я навострил уши, пылая любопытством так, словно от меня исходили огни святого Эльма. Стоявший у штурвала Мустафа странно на меня поглядывал. Он мог сообразить, что я подслушиваю, и меня это сильно встревожило: если турок расскажет капитану, меня в два счета выставят с судна. Но вряд ли он догадывался, что речь идет о вещах, которые мне не следует знать. Я продолжал попыхивать сигаретой, а когда она потухла, притворился спящим.

Все происходящее сильно напоминало сцену из «Острова сокровищ», когда, сидя в бочке из-под яблок, Джим Хокинс узнает о сговоре Джона Сильвера с дружками-пиратами насчет захвата «Эспаньолы».

Но в данном случае ни Фарингтон, ни Райдер не плели интриг. Похоже, они были их жертвами.

— Меня больше всего интересует,— говорил Фарингтон,— зачем мы ему нужны? Могущество этого существа превосходит силу дюжины богов. Он борется против себе подобных, а мы — пешки в его руках. Если он хочет видеть нас в Башне, то почему сам не переправит туда?

Наступило молчание, нарушаемое лишь стуком кружек, потом послышался голос Райдера:

— Но должны же быть, черт возьми, какие-то разумные причины! Когда-нибудь мы узнаем о них. А сейчас — что мы можем поделать?

— Верно! — горько рассмеялся Фарингтон.— Что мы можем? Уж скорее бы добраться до конца — хорошего или плохого... Я все время ощущаю, что мной вертят словно куклой... я сыт этим по горло! В молодости из меня выжимали соки и богачи, и люди победнее. Стал знаменит — на мне наживались мои издатели, а потом — родные и друзья. Но здесь, в этом мире, я не допущу, чтобы меня эксплуатировали как бессловесного скота, годного лишь сгребать уголь да ловить рыбу!

— Да ты и сам себя эксплуатировал, как и все мы,— возразил Райдер.— Я греб деньги кучами, ты — тоже. Ну, и чего мы добились? Понастроили дурацких домов, накупили

машин, выпивки, шлюх... разную ерунду... И сдохли! А могли бы жить красиво и прилично, сберечь свои денежки, дотянуть до старости...

Фарингтон вновь разразился смехом.

— Да разве это наша стихия, Текс? Жить на всю катушку, жечь свечу с обоих концов — вот наш удел! Стоит ли крутиться в беличьем колесе обыденности, стать тупым животным на жирном пастбище, вести серую, тусклую жизнь в преддверии столь же серого будущего?

Снова звон кружек. Тут Фарингтон принялся рассказывать Райдеру о своей поездке из Сан-Франциско в Чикаго. В поезде ехала прелестная женщина с ребенком и служанкой. Уже через час после знакомства она перебралась в его купе, и трое суток подряд они наслаждались друг другом — словно обезумевшие в брачную пору животные.

Я понял, что мне пора отойти, и перебрался к фок-мачте, где болтали Абигайл Райс и Нур. Похоже, Мустафа не догадался, что я подслушивал чужой разговор.

С этого часа меня охватило необоримое желание узнать, кто же был Он, о котором шла речь в каюте.

По-видимому, кто-то из создателей этого мира, кто-то из могущественных существ, воскресивших нас. Как это могло стать реальностью? Сама идея казалась столь грандиозной и устрашающей, что я с трудом мог ее осознать. Да, был Некто, а вернее — Некие, осуществившие этот невероятный проект. И Они были истинными богами.

Если история Райдера правдива, то Башня в северном море, по-видимому, является цитаделью, главным штабом Творцов этого мира, наших тайных владык.

Я понимаю, что это звучит как бред — или сюжет фантастического романа, большинство которых ничем не отличается от бреда. Правда, авторы, создававшие эту галиматью, считали владыками своих издателей. Вдруг в Башне собралась клика этаких супер-издателей? Живот надорвешь от смеха — верно, Боб?

А если Райдер лжет, или лжет его информатор — Пахери? Нет, не думаю. По-моему, Райдер и Фарингтон связаны с кем-то из таинственных владык. Их разговор явно не преследовал цель разыграть подслушивающего. Хотя... Оба они — парни с юмором.

Тут впору совсем свихнуться!

Нет, конечно, они обсуждали реальные события и разговаривали открыто лишь по одной причине. Кого им опасаться на собственном судне после стольких лет? Кто станет следить за ними, да и зачем?

Мысли путались, метались, как муравьи в разворошенном муравейнике. Сколько невероятных гипотез, предположений, противоречий! И какова фабула!

Жаль, что во времена моей литературной карьеры подобный сюжет не приходил мне в голову. Но как вместить в одну книгу историю планеты, опоясанной огромной, бесконечной рекой в долине которой обитают почти все разумные существа, когда-либо видевшие свет земного солнца! Тут понадобится дюжина книг! Нет, даже к лучшему, что эта идея у меня на Земле не возникла!

Как поступить сейчас? Отправить письмо или порвать его? В твои руки оно, конечно, не попадет, а в чьих окажется? Дай Бог, оно достанется тому, кто не знает английского языка.

Чего я опасаюсь? Трудно сказать... Но наша, на первый взгляд незатейливая жизнь в долине Реки, имеет оборотную сторону. Там, в мрачной тени, идет какая-то тайная борьба и внутренний голос подсказывает мне: не зная всего, держись подальше!

Кому предназначены эти послания? Конечно, мне самому, хотя я и надеюсь, что, при невероятном стечении обстоятельств, они попадут в руки тех, кого я знаю, люблю, к кому питаю симпатии.

Сейчас, восседая с пером в руке на палубе судна, я пытаюсь разглядеть лица людей на берегу и увидеть того, кому я адресовал эти письма. Но мы плывем посреди Реки, и я вижу лишь крохотные темные фигурки.

Великий Боже, сколько лиц промелькнуло здесь передо мной за двадцать лет! Миллионы — значительно больше, чем на Земле! Некоторые из них вынырнули из далеких тысячелетий; несомненно, я встречал и своих предков, не ведая о том. Если принять во внимание приливы и отливы великих миграций, военные вторжения, странствия отдельных людей и прочие обстоятельства, то среди моих предков я отыщу и

монголоидов, и американских индейцев, и австралийцев, и негров.

Вот поразмысли. С каждым поколением назад число твоих предков удваивается. Предположим, ты родился в 1925, а твои родители — в 1900 году (конечно, я прекрасно помню твой год рождения — 1923, — как и то, что твоей матери тогда было уже под сорок, но я беру средние цифры). Итак, родители твоих родителей появились на свет в 1875. Таким образом, предков уже четверо. Удвоение их количества происходит каждые 25 лет. К 1800 году их будет уже тридцать два. Большинство из них даже не знакомы друг с другом, но им предначертано стать твоими пра-пра-пра-пра-родителями.

В 1700 году у тебя было пятьсот двенадцать предков, в 1600 — 8192. в 1500 — 131 072, в 1400 — 2 097 152, в 1300 — 33 554 432. К 1200 году н.э. у тебя 536 870 912 предков.

То же самое можно сказать обо мне и о любом из нас. Если в 1925 население Земли составляло два миллиарда (точной цифры не помню), то умножь это число на количество твоих предков в 1200 году. Получится квадрильон. Невозможно? Правильно.

Мне удалось припомнить, что историки оценивали население в 1600 году в пятьсот миллионов, а в первом веке н.э. — в сто тридцать восемь миллионов. Вывод совершенно ясен. В прошлом, начиная с зари человечества, происходило невероятное множество кровосмешений среди близких и дальних родственников. Я уж не говорю о настоящем. Значит, и мы с тобой состоим в родстве, причем наверняка — многократном. Сколько же китайцев и черных африканцев, родившихся в 1925 году, являются нашими отдаленными братьями? Несть им числа!

И вот по обоим берегам мелькают лица моих далеких кузенов: «Хелло, Хань Чу, Яйа, Балабула! Как дела, Гайавата? Здравствуй Ог, Сын огня!» Но даже зная о родстве, вряд ли они станут дружелюбнее; может быть, даже наоборот. Самые непримиримые ссоры и жестокие кровопускания происходят именно среди близких.

Гражданские войны — жесточайшие из всех. Но ведь мы все — братья, следовательно, любая война — гражданская. Таков парадокс человеческих взаимоотношений, брат мой!

Прав был Марк Твен. Ты читал его «Путешествие капитана Стормфильда в рай»? Старина Стормфильд, пройдя сквозь Жемчужные Врата, обнаружил там множество чернокожих. Подобно любому из нас, он представлял себе рай набитым белолицыми соплеменниками, среди которых изредка встречаются желтые, смуглые и черные физиономии. Но это не так! Он запамятовал, что темнокожих всегда было больше, чем белых. На каждого белого приходятся двое цветных. Та же история и здесь. Я снимаю перед вами шляпу, мистер Клеменс! Вы предсказали нашу жизнь после смерти.

Итак, мы в долине Реки, но неизвестно, каким образом и зачем мы здесь оказались. Впрочем, как и на Земле.

Правда, существуют люди, утверждающие, что они-де об этом знают из первых рук. Прежде всего, это миссионеры Церкви Второго Шанса, сотни сект различных реформаторов христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма, индуизма и Бог знает, чего еще. Бывшие даосы и конфуцианцы полностью принимают здешнюю жизнь — она лучше их прежней. Тотемисты утратили множество связей с миром — ведь в долине Реки нет животных,— но дух и смысл тотема сохранился. Однако многие из них осознали примитивность собственных верований и примкнули к более «возвышенным» религиям.

Среди нас оказался суфий — Нур-эль-Музафир. После воскрешения он был ошеломлен Миром Реки, но предпочел не переделывать себя, а сохранить привычный образ мыслей. Он утверждает, что, где бы не возник новый мир, люди всегда сохранят в нем свою извечную тягу к добру. Зачем же тогда волноваться и суетиться?

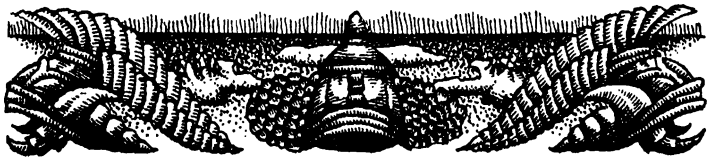
«К чему нам знать, Кто и Как создал этот мир; следует лишь понять — Зачем!» — говорит Нур. В этом он близок Церкви Второго Шанса.

Я полагаю, что мне пора заканчивать свои писания, а потому — адье, адиос, амен, салам, шалом и со-лонг.

Прими в недрах неведомого мои дружеские наставления.

Питер Джайрус Фригейт.

P.S. Боюсь, что в полном виде свою писанину не отошлю: часть подвергну цензуре и пущу в обиход как туалетную бумагу.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

В среднем по ширине Река достигала полутора миль. Местами она сужалась, пробиваясь в узком ущелье между отвесными горами, местами разливалась широким озером. Глубина ее доходила до тысячи футов.

Кое-где у берегов она зацвела. Вначале на поверхности, потом все глубже и глубже, до самого дна. Корни спутались и переплелись в плотную массу, не поддающуюся даже ножу.

Полчища рыб кормятся в этих джунглях. Прожорливые породы обитают в верхних слоях, залитых лучами солнца. Другие заполняют средние уровни. В глубине суетятся, ползают, вьются загадочные, таинственные существа. Они питаются полуразложившимися, похожими на цветы корневищами и отбросами, что падают с верхних этажей. Однако в водах Реки живут и иные создания, большие и малые, которые непрерывно снуют вверх и вниз с разинутыми пастями в поисках пищи.

Самое огромное из них (больше земного голубого кита) — плотоядное чудище, которое здесь прозвали речным драконом. Он без труда выдерживает любое давление и плавает и в глубине, и в мелких водах.

Другая крупная тварь — амфибия величиной с приличного сома. Ее называют по-разному, чаще — «ворчуном». Это на удивление медлительная тварь, главный санитар Реки, поедающая, как свинья, все без разбора; главная ее пища — человеческие фекалии.

Часто на берегу в густом тумане люди приходили в ужас, споткнувшись о склизкую рыбину с огромными выпученными глазами, роющуюся в требухе и человеческих испражнениях. Под стать ее отвратительному виду и мерзкие, похожие на карканье звуки, которые она издает.

В тот день 25 года п.в. одна из подобных вонючих тварей подплыла близко к берегу, где течение слабее, чем на середине. Ее плавники-лапы еле двигались. Нос нацелился на мертвую рыбью тушку, покачивающуюся у самой травы. Ворчун разинул пасть, ожидая, когда рыбу прибьет поближе. Вместе с ней в пасть попал и другой предмет, плывущий следом. Рыбка проскользнула легко, но та, другая добыча на минуту застряла в глотке и лишь с большим усилием была проглочена.

Пять лет плыл по течению водонепроницаемый бамбуковый футляр с письмом Фригейта Роригу. И пятью днями раньше он миновал берег, где жил долгожданный адресат. Но в тот момент Рориг сидел у себя в хижине, среди каменных и деревянных фигурок, изготовленных им для обмена на вино и сигареты. То ли по случайному совпадению, то ли в силу каких-то психических законов, но между отправителем и адресатом протянулась тонкая связующая нить,— этим утром Рориг вспоминал о Фригейте, вернувшись памятью к 1950 году. Он был студентом-выпускником, существующим за счет государственных льгот для демобилизованных и заработка жены.

В тот теплый майский день он сидел в крошечной комнатке лицом к лицу с тремя профессорами. Пришел миг расплаты. После пяти лет напряженного труда он, наконец, сможет получить — или потерять — звание магистра гуманитарных наук в области английской литературы. При удачном раскладе он выйдет в мир преподавателем колледжа; если провалится — ему предстоит корпеть еще полгода и вторично рискнуть на защиту.

Сейчас он являлся мишенью для трех инквизиторов, обстреливающих его залпами нескончаемых вопросов. Боб переносил атаки спокойно; вряд ли его тема — уэльская поэзия — хорошо знакома преподавателям. Но среди них была Элла Резерфорд, интересная сорокашестилетняя дама с ранней сединой, затаившая на него злобу. Несколько лет назад они были любовниками и дважды в неделю встречались у нее дома. Однажды вечером между ними разгорелся нелепый и яростный спор о поэтическом даре Байрона. Рориг равнодушно относился к творчеству великого барда, но восхищался его человеческими качествами и считал, что подобной

судьбе может завидовать любой поэт. Элла вела себя довольно едко; он разбушевался, наговорил ей гадостей и заявил, что больше не желает с ней встречаться.

Элла была уверена, что он вступил в связь с ней ради высокой отметки по ее курсу, и сейчас использовал спор как повод для разрыва. Но она ошибалась. Рориг искренне привязался к стареющей женщине. Правда, вскоре она утомила его излишними любовными притязаниями; он больше не мог одновременно выполнять обязательства перед ней, своей женой, двумя сокурсницами, двумя женами своих друзей и привратницей дома, где он жил. С пятью он бы справился, но с семью — нет, ему не по силам. Рориг терял время, энергию и сперму, проваливаясь в сон во время занятий. Поэтому он решительно порвал с «миссис профессор», с одной из сокурсниц (прошел слух, что она больна триппером) и женой друга (сплошная похоть).

Зло сощурив глаза, миссис Резерфорд произнесла:

— Ну, что же, пока вы хорошо отбивались, мистер Рориг. Пока!

Она сделала паузу. Рориг замер, что-то сдавило в желудке, пот заструился по лицу и спине. Ему представилось, что Элла опять хочет овладеть им, но каким-то чудовищным и унизительным способом.

Доктор Дьюрхем и доктор Парр с интересом уставились на них. Ситуация становилась занятной. Их коллега тигром бросалась на привязанного к креслу ягненка. Сейчас ударит молния, а незадачливый кандидат, похоже, не позаботился о заземлении.

Рориг стиснул ручки кресла. Пот струился по лбу, рубашка у подмышек взмокла. Черт, что происходит?

— Мне кажется,— вновь начала Резерфорд,— вы хорошо знаете свою тему и проявили достаточные познания в малоизученной области поэзии. Мы гордимся вами, Рориг. Видимо, наши усилия — по крайней мере, на лекциях,— не пропали даром.

Эта вероломная сучка намекала, что зря потратила на него время вне занятий. Но она нанесла лишь предупредительный удар, способный ранить, но не убить, и теперь готовилась разобраться с ним до конца.

Что за пытка! Может быть, кафедра все-таки за него проголосует, и он проскочит?

— А теперь... скажите мне,— она опять помолчала,— ответьте только на один вопрос, мистер Рориг: где находится Уэльс?

В нем что-то оборвалось и провалилось в желудок. Сжав пальцами подбородок, Рориг выругался:

— Матерь Божья! Ну и влип! Вот дерьмо-то!

Доктор Парр, настоятель женской общины, побелел от ужаса. Впервые в жизни он услышал подобную мерзость!

Доктор Дьюрхэм, обливавшийся слезами при чтении стихов студентам, был близок к обмороку.

А доктор Резерфорд, вызвавшая гром среди ясного неба, безмятежно улыбалась — без всяких следов сочувствия к своей жертве.

Рориг взял себя в руки. Нет, он не унизится и отступит с поднятыми знаменами, под звуки оркестра, играющего «С нами Бог». Вскинув голову, он ясно улыбнулся.

— Не знаю, как вам удалось, но вы меня добили! Ладно, я никогда не утверждал, что являюсь знатоком географии. Так что меня ждет?

Вердикт: не защитил. Приговор: шесть месяцев работы над другой темой и новая инквизиция в конце срока.

Когда позже в вестибюле они остались вдвоем с Эллой, она мило улыбнулась:

— Я-то полагала, что вы учили географию, Рориг. Так вот, Уэльс — это возле Англии. Сомневаюсь только, что вам это поможет. Вы потеряли свой шанс, хотя вам его преподнесли на блюдечке.

В стороне маялся в ожидании его друг — Пит Фригейт. Он также принадлежал к группе старших студентов, прозванных «бородачами». Все они учились в колледже после демобилизации и, вместе с женами и подругами, вели весьма богемный образ жизни, став предтечами будущих битников и хиппи. Сейчас Пит пристально смотрел на приближающегося к нему Рорига.

У злосчастного соискателя глаза были полны слез, но он широко улыбался и, подойдя ближе, разразился истерическим смехом.

— Пит, ты ни за что не поверишь!

Конечно, трудно было поверить, что, после шести лет обучения в колледже, можно не знать, где находится Уэльс. Фригейт тоже смеялся взахлеб.

— Нет,— кричал Рориг,— как эта старая лиса умудрилась нащупать мое уязвимое место?

— Не знаю,— смеялся Пит,— но она молодец! Послушай, Боб, не переживай. Я знаю выдающегося хирурга, который никак не мог вспомнить: то ли солнце кружит вокруг Земли, то ли — Земля вокруг солнца. Он заявил, что когда ему приходится копаться в человеческих внутренностях, это не важно. Однако, скажу тебе, если профилирующий предмет — английская литература, то следовало бы знать кое-что и об Англии... о-о-о... ха-ха-ха!

Рориг встретился с Питом в одном из своих странных снов, рожденных фантазией неведомых сценаристов. Он блуждал в тумане, преследуя великолепную бабочку. Ее непременно надо было поймать — другой такой Рориг не встречал. На крылышках у нее перемежались голубые и золотистые полоски, торчали пурпурные усики, глаза горели изумрудным блеском. Не иначе, как предводитель гномов вылепил ее в своей пещере Черногорья, а волшебник из страны Оз окропил живой водой.

Сейчас она порхала в дюйме от вытянутой руки и уводила его все дальше и дольше.

— Стой, сучья дочь, стой!

Он бросался за ней раз за разом; казалось, что проделано уже много миль, но бабочка не давалась в руки. На бегу краем глаза Рориг уловил едва просвечивающие сквозь туман силуэты, недвижные и безмолвные, словно выточенные из кости. Дважды он разглядел их более отчетливо — голова одного увенчана короной, у другого вместо лица вытянутая лошадиная морда.

Внезапно он натолкнулся на какое-то препятствие. Рориг замер, сообразив, что не в силах его обойти. Бабочка на минуту зависла в воздухе, потом опустилась ниже. Ее изумрудные глаза сверкали, передние лапки насмешливо теребили усики.

Медленно двинувшись вперед, Рориг разглядел, что дорогу ему загородил Фригейт.

— Не вздумай ее тронуть,— свирепо зашипел Рориг.— Она моя!

Лицо Фригейта осталось неподвижным. Такое безразличие всегда приводила Боба в ярость, и сейчас он был на грани бешенства.

— Прочь с дороги, Фригейт, или я тебя двину!

Бабочка встрепенулась и отлетела в сторону.

— Я не могу,— отозвался Питер.

— Это почему? — Рориг в нетерпении переминался с ноги на ногу.

Фригейт протянул руку вниз. Он стоял в центре большого красного квадрата, вокруг — другие квадраты, красные и черные.

— Меня сюда поставили. Я не знаю, что меня ожидает. Это совершенно против правил — держать меня в красном квадрате. Но разве кто-нибудь думает о правилах? Кроме старых дев, разумеется...

— Могу я тебе помочь? — спросил Рориг, остывая.

Фригейт указал на что-то поверх его плеча.

— Тебя сейчас тоже поймают. Пока ты ловил бабочку, тебя самого готовились схватить.

Рорига охватил смертельный страх. Сзади надвигалась опасность! В отчаянии он попытался сдвинуться с места, обойти Фригейта, но красный квадрат держал его цепко, как и однокашника.

— Ну и влип!

Он еще видел улетающую бабочку; она превратилась в точку, в пылинку и исчезла. Навсегда.

Туман сгущался, и Фригейт проступал в нем неясным пятном.

— Я живу по собственным законам! — закричал Рориг.

Из мрака донесся еле слышный шепот:

— Тише! Тебя могут услышать.

Внезапно он проснулся. Его подруга пошевелилась.

— Что случилось, Боб?

— Меня уносит прибоем, и ему нет конца.

— Что?

— Нет, вот он — конец.

Рориг погружался на дно первозданного океана, туда, где затонувшие боги нелепо барахтались в тине, тараща холодные рыбьи глаза под торчащими венцами корон.

Фригейт не знал, что его приятель мог бы ответить на один из вопросов письма. При воскрешении Рориг очнулся на далеком севере. Его соседями оказались доисторические скандинавы, индейцы из Патагонии, монголоиды ледникового периода и сибиряки двадцатого века. Он отличался необыкновенной способностью к языкам и вскоре бегло болтал на доброй дюжине наречий; правда, с чудовищным произношением и абсолютным пренебрежением к синтаксису. У него повсюду были друзья; за недолгое время он снискал славу шамана. Но шаманство требует серьезной подготовки, а Рориг увлекался лишь своими занятиями скульптурой. Кроме того, его безумно тяготил холод. По своей природе Рориг был солнцепоклонником. Самые счастливые дни выпали ему в Мексике, куда он приплыл со своей подругой на маленьком каботажном судне, перевозившем мороженных креветок из Юкатана в Браунсвиль, Техас. Там он оказался замешанным в дела шайки контрабандистов и даже провел несколько дней в мексиканской тюрьме.

Рориг уже был готов уплыть в челноке вниз по Реке в теплые края, когда появилась Агата Крумс, чернокожая женщина, родившаяся в 1713 и умершая в 1783 году. Она была рабыней, которой гражданская война принесла освобождение; затем стала баптистским проповедником, четырежды выходила замуж, родила десятерых детей.

Славная толстушка Агата любила выкурить трубочку, прикладываясь между делом к чарке. После воскрешения она оказалась за много тысяч грейлстоунов от этих мест, но получила божественное откровение — Господь призвал ее в свою обитель на северном полюсе, где посулил распахнуть врата Его царства. Там она станет вечно прославлять Его, познавать сущность времени и вечности, пространства и бесконечности, созидания и разрушения, жизни и смерти. Она станет одной из тех, кому удастся низвергнуть дьявола в преисподнюю, запереть его там и выбросить ключ.

Рориг решил, что Агата сумасшедшая, но заинтересовался ею. К тому же он подозревал, что главные тайны этого мира скрыты у истоков Реки.

Он знал, что еще никто не отважился проникнуть в подернутые вечным туманом северные земли. Если он примкнет к Агате и одиннадцати ее спутникам, то будет одним из первых, кто доберется до северного полюса; возможно — даже первым. Завидев полюс, он бросится вперед бегом и поставит там каменную статуэтку, на которой высечено его имя. Любой, кто потом доберется сюда, обнаружит, что первым здесь побывал Роберт Ф. Рориг.

Агата не хотела брать его с собой — он не верил в Бога и Священное Писание; Рориг ненавидел ложь и чистосердечно признался ей в своих атеистических грехах. Правда, в глубине души он почитал Бога, хотя колебался в том, как правильно его назвать: Иегова или Р.Ф.Рориг. Библия же, как и всякая книга, содержит лишь ту правду, которую исповедует ее автор.

Еще не кончилась цепь грейлстоунов, как пятеро их спутников повернули обратно. Еще четверо отказались продолжать путь у входа в огромную пещеру, из которой изливалась Река.

Рориг двинулся дальше вместе с Агатой и Винглатом, выходцем из древнего сибирского племени, в каменном веке перебравшегося на Аляску. Иногда он и сам подумывал о возвращении, но не мог допустить мысли, что у сумасшедшей чернокожей бабенки и дикаря из палеолита больше храбрости, чем у него.

К тому же, проповеднический дар Агаты постепенно подтачивал твердыню его неверия; может быть, он действительно должен предстать перед всемогущим Богом и милосердным Иисусом в положенный ему срок?

Когда они пробирались по узенькой тропке к пещере, Винглат поскользнулся и полетел в Реку.

Теперь Рориг окончательно понял, что он такой же безумец, как Агата,— и решил продолжать путь.

Они добрались до места, где тропка резко спускалась и пропадала в тумане, скрывавшем море; из белесого марева доносился едва слышный плеск.

Рориг с Агатой еле держались на ногах от голода. Если сегодня они не найдут еды, то завтра их не будет в живых. Но Агата заявила, что пища ждет их впереди — в пророче-

ском сне ей привиделась пещера, забитая хлебом, овощами и мясом.

Рориг смотрел, как она уползала от него вниз по тропе. Собрав последние силы, он двинулся следом, оставив свою чашу, в которой лежала заветная статуэтка. На миг он замер в нерешительности — не вернуться ли за ней? Но страшная слабость охватила его, тело налилось тяжестью, и Рориг понял, что не сможет сделать назад ни шага.

Его убил не голод, а жажда. Какая ирония судьбы! Внизу мчалась многоводная Река, а у него не было веревки, чтобы спуститься к потоку. Море билось у подножья скал, но он уже не имел сил подползти к его холодным волнам.

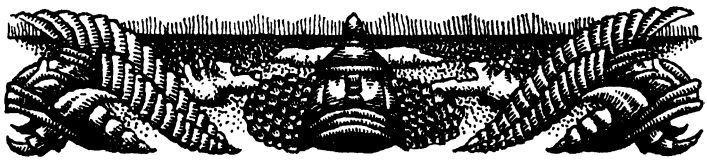
«Это смог бы понять лишь Колдридж, — мелькнуло у него в голове, и еще: — Ну вот, я уже никогда не получу ответов на свои вопросы. Возможно, и к лучшему: они могли бы меня не устроить.»

Сейчас Рориг спал в хижине на берегу Реки в экваториальной зоне. А Фригейт, стоя на теплых, нагретых солнцем досках палубы хохотал — ему вспомнилась диссертация Боба и фиаско, которое его приятель потерпел на защите.

Что вызвало у них одновременно это воспоминание? Телепатия? Память о прошлом не исчезает; она становится острее с каждым годом. Впрочем, совпадение их мыслей было, скорее всего, простой случайностью.

Ворчун перегородил путь дохлой рыбешке. Ее тельце скользнуло в широкую пасть амфибии, за ним последовал футляр с письмом Фригейта. Чудище легко справлялось с требухой, экскрементами и разложившейся плотью, но бамбуковую фибру переварить не смогло. Долгое время ворчун корчился в муках и подох в тщетных попытках исторгнуть из желудка инородное тело.

Письма зачастую убивают; порой это удается и конверту.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Со всех сторон к Джил неслись поздравления. Ее окружили, обнимали, целовали — и, странное дело, она впервые этому не противилась. Правда, подобный взрыв чувств следовало частично отнести за счет обильных возлияний, однако в нем ощущалась истинная приязнь, а не прикрытая лицемерием враждебность. Сама Джил пребывала в приподнятом настроении; даже Давид Шварц, обычно называвший ее «дикой собакой динго», подошел с поздравлениями.

Анна Обренова стояла поодаль с Барри Торном. Они почти не разговаривали. Анна улыбалась; чужой успех как будто радовал ее, хотя Джил подозревала, что внутри она кипит от ярости. Джил ошибалась — Обренова разумно оценивала ситуацию. Она была здесь новичком, а Галбира вложила много труда и в разработку проекта, и в подготовку команды.

Великое событие свершилось четверть часа назад. Сначала Файбрас потребовал тишины. Громкая болтовня и пение затихли, и он сообщил, что сейчас будет зачитан список офицеров «Парсефаля». Его ухмылка в сторону Джил не предвещала ничего хорошего; она побледнела, стиснув переплетенные пальцы. Теперь он отплатит ей за несговорчивость, размолвки и споры! Пусть! Она готова спорить хоть до утра, если считает себя правой! И никому из мужчин не позволит себя унизить!

Файбрас начал зачитывать список. Он был мужчиной, но Джил не могла отказать ему в справедливости. Возможно, он являлся исключением? Она двинулась сквозь толпу, подошла к Файбрасу, обняла его и разразилась слезами.

Американец без церемоний чмокнул ее в губы, похлопав по спине. Джил не противилась этой непрошенной фамиль-

ярности. Все-таки он не остался равнодушным к ее чарам, а что касается размолвок... Всякое бывает во время работы.

С улыбкой подошла Анна и протянула ей руку.

— Примите мои самые искренние поздравления.

Пожимая холодные тонкие пальцы, Джил почувствовала почти непреодолимое желание стиснуть их со всей силы. Вздрогнув, она постаралась ответить спокойно:

— Чрезвычайно вам признательна, Анна.

Торн обернулся и что-то крикнул — видимо, тоже поздравил ее. Однако канадец не двинулся с места.

Сейчас Джил ненавидела себя за слезы, за проявленную минутную слабость. Никогда в жизни не плакала она на людях, даже на похоронах своих родителей.

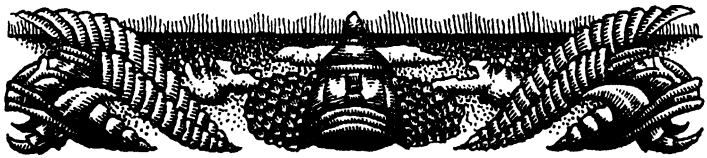
Слезы высохли, и мысли ее неожиданно обратились к матери и отцу. Где они сейчас? Чем заняты? Как чудесно было бы повидать их... но только ненадолго. Жить рядом с ними она уже не сможет. Джил запомнила их старыми, седыми и морщинистыми; казалось, этот возраст соответствовал их основному предназначению — нянчить детей своего многочисленного потомства. Здесь они выглядят столь же молодо, как сама Джил; тем не менее, между ними лежит пропасть — ее жизненный опыт, столь не похожий на их тусклое существование. Прошло бы два-три дня, и они надоели бы друг другу. Да, видимо нельзя навеки сохранить связи между родителями и детьми...

Мать всегда казалась лишь придатком своего мужа, а он был сильным, шумным, волевым человеком. Джил никогда не стремилась ни понять, ни полюбить отца, хотя и горевала после его смерти.

Она знала, что в Мире Реки они умерли для нее вновь.

Так в чем же дело? Откуда новый поток слез?

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Репортаж специального радиокорреспондента «Ежедневных Вестей».

— Ну, люди, вот мы, наконец, собрались здесь. Сегодня — великий день, день грандиозного рывка! Теперь нам нипочем Великая Чаша, Туманный Замок, Башня Санта Клауса на северном полюсе, пославшего нам от щедрот своих воскрешение, вечную молодость, хлеб насущный, а также — отличную выпивку и курево.

Народу здесь — не меньше миллиона. Посмотрите-ка — трибуны полны, на холмах — толпы, с деревьев люди валятся пачками. Полиции сегодня придется хорошо повертеться. Прекрасный день, никогда такого не было, верно? Ну и гам! Похоже, вы ни одного моего слова не слышите, несмотря на микрофон.

Ага! Некоторые все же слышат. Люди, теперь постарайтесь сосредоточиться, я расскажу вам о «Парсефале». Правда, в ваших руках проспекты с его описанием, но большинство, я полагаю, не умеет читать. Это не ваша вина. Вы все говорите на эсперанто, но выучиться читать — совсем другое дело... Минуточку! Я только смочу глотку каплей спиртного.А — ах! Это прекрасно. Беда только, что я начал прикладываться еще с рассвета... не знаю, что меня ждет впереди. Ну, неважно! Ненавижу загадывать. Что будет, то будет! В этом мире за удовольствие надо платить; впрочем, во всех остальных — тоже.

Вот он — наш «Парсефаль»! Так назвал его Файбрас, первый человек, задумавший построить дирижабль и написавший это гордое имя на его серебряной гондоле.

Второй помощник, Метцинг, предлагал назвать его «Граф Цеппелин-3», в честь человека, впервые построившего гражданский дирижабль. Первый помощник капитана мисс Галбира считала, что его надо назвать «Адам и Ева» — как дань уважения всему человечеству... ведь он предназна-

чен для всех нас. Другие ее предложения — «Королева небес» и «Титания». Ну, здесь явно замешаны женские амбиции, к тому же «Титания» звучит почти как «Титаник», а вам известно, что случилось с этим судном. Простите, я забыл, что многие из вас никогда не слышали этого названия.

Кто-то из команды,— забыл его имя,— предложил «Серебряное яблоко»... помните — как в книге «Том Свифт и его огромный корабль».

Кто-то еще предложил назвать судно «Анри Жиффар» — в честь француза, впервые взлетевшего на аппарате легче воздуха. Как жаль, что старина Анри не сможет увидеть своими глазами этот воздушный корабль — вершину дирижаблестроения, последний и величайший из всех, когда либо построенных. И как жаль, что все человечество не станет свидетелем этого вызова богам — перчатки, брошенной им в лицо.

Люди, извините меня! Опять придется оросить высохшую глотку, иначе я рухну.

А-а-а! Великий Боже! Ну, пейте же, люди, только залпом! Выпивки сегодня — море. Мы не поскупились — этого требует честь нашего дома и народа Пароландо.

Итак, люди, наш уважаемый экс-президент Милтон Файбрас, экс-американец и экс-астронавт, решил назвать этот колосс «Парсефалем», а поскольку он — начальник, хозяин, босс,— то предложение было принято единогласно.

А теперь немного статистики. Капитан Файбрас пожелал построить самый большой корабль всех времен, и он это совершил. Наше воздушное судно не только величайшее из когда-либо существовавших, но, скорее всего, второго такого никогда не будет... так что я предложил бы название — «Последний — значит, наилучший».

Так вот, длина «Парсефаля» — 820 метров или 2680 футов, максимальный диаметр — 328 метров или 1112 футов. Его объем — 6 300 000 кубических метров или 120 000 000 кубических футов. Обшивка — из сверхпрочного дюралюминия. В нем восемь крупных газовых отсеков и еще несколько мелких — на носу и в хвосте.

На корпусе закреплены тринадцать внешних гондол и двенадцать двигательных отсеков, каждый — с двумя подвесными моторами. Наружное расположение двигателей сни-

жает опасность возгорания водорода. При испытании материалов для газовых отсеков выяснилось, что пленки, полученные из внутренностей речного дракона, пропускают водород. Тогда Файбрас предложил ученым создать такое вещество, пленка из которого — извините за красное словцо! — не позволяла бы испортить воздух.

И, представьте себе, он подпрыгнул на десять футов, когда один из спецов тут же предложил новую идею... Что? Мой помощник Рэнди утверждает, что никто не может сходу установить новый рекорд в прыжках в высоту... Ну так что? Кого это волнует? Главное, что утечка водорода была сведена к нулю.

Водород — чистый на 99,999 процентов.

«Парсефаль» несет команду из девяноста восьми мужчин и двух женщин, два вертолета, каждый вместимостью на тридцать два человека, и двухместный планер. Парашютов для этой сотни храбрецов на нем нет — слишком тяжелый груз, и от них решили отказаться. Как видите, я с вами полностью откровенен.

Посмотрите на него, люди! Каков? Он сверкает на солнце, как божий нимб! Как он прекрасен и величественен! Сегодня у человечества великий день. Оркестры играют увертюру к «Одинокому Страннику»... Ха-ха! Тут я слегка пошутил... ладно, долго объяснять. На самом деле это увертюра к «Вильгельму Теллю» Россини. Эту пламенную музыку выбрал сам Файбрас, столь же пламенный ее поклонник. Думаю, среди вас немало людей, восхищавшихся ею в былые дни.

— Рэнди, дай-ка мне еще стаканчик этой амброзии. Кстати, Рэнди — мой помощник на радиоцентре, бывший автор фантастических романов, а ныне, в Пароландо,— главный инспектор качества спиртных напитков. На мой взгляд, пустили козла в огород...

— А, великий момент приближается! Наш «Парсефаль» выруливает из ангара! Через несколько минут состоится взлет. Сквозь ветровое стекло мне виден пульт управления в штурманской рубке.

— Человек, сидящий у пульта,— вы все видите его — наш первый пилот Сирано де Бержерак. В свое время он тоже был писателем-фантастом и создал романы о путешествии

на луну и солнце. А сейчас он управляет воздушным кораблем, которого даже вообразить не мог, и отправляется в настоящий полет. Его путь лежит к северному полюсу планеты, которую, насколько мне известно, не живописала ни одна живая душа в самых невероятных фантазиях; он направится туда, словно рыцарь воздуха, потомок земного Галахада, странствующего в поисках гигантской Чаши Грааля.

— Всю работу в полете Сирано может выполнить один. Дирижабль полностью автоматизирован — его моторы, штурвал, руль высоты соединены с пультом управления электромеханическим приводом. На борту не нужны ни инженер, ни радист, ни штурман, как это было на прежних дирижаблях. Если Сирано способен бодрствовать трое с половиной суток — столько времени займет путь до полюса — то ему не понадобятся помощники. Теоретически судно может лететь без единой живой души на борту.

— Справа от Сирано — капитан Милтон Файбрас. Сейчас он направляется к человеку, сменившему его на посту президента, всем известному Джуду П. Бенджамену, экс-министру юстиции утраченной и вечно оплакиваемой Конфедерации Штатов Америки.

Ну-ка, друг, убери лапы. Не смей оскорблять экс-гражданина Конфедерации! Полиция, заберите, этого пьянчугу! А вот там, слева, третий пилот — Митя Никитин. Он поклялся в абсолютной трезвости на время полета и даже не припрятал бутылочку в дальних отсеках. Справа от Никитина — первый помощник Джил Галбира. Вам здесь пришлось нелегко, мисс Галбира, но мы в восхищении...

О-о, загудели моторы! Какой рев! Нам машет капитан Файбрас! Пока, мой капитан, бон вояж! Держите с нами радиосвязь!

Вот отпустили тросы с хвоста. Дирижабль чуть подпрыгнул и опустился вновь. Пару часов назад я наблюдал за его балансировкой. Его так экви-либ-либ... ну, уравновесили, что, стоя под этой махиной, один человек может поднять его одной рукой.

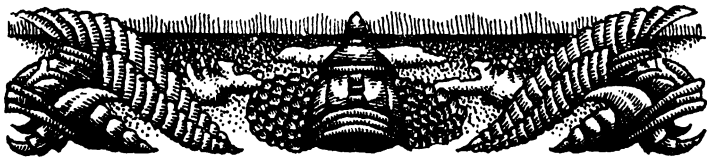
А сейчас отвели в сторону передвижную мачту и начали выпускать водяной балласт. Эй, джентльмен в сером! Отойдите немного, если не желаете принять душ!

Вот он начал подниматься. Ветер относит его назад — к югу. Но уже крутятся винты, сейчас дирижабль взметнет вверх и направится к северу.

Пошел! Больше горы, легче перышка! Вперед, к северному полюсу, к таинственной Башне!

Господи, да никак я плачу? Видимо, этот стакан был лишним.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Высоко в небе парил дирижабль. Лишь острый глаз мог уловить мерцание металлического корпуса в голубом просторе.

С высоты двадцати тысяч футов команда «Парсефаля» обозревала просторы мира Реки. Стоя у ветрового стекла, Джил любовалась серебристой нитью водного потока, продернутой меж зеленых полосок берегов. В ста милях впереди река делала крутой изгиб к западу, затем извивалась, как лезвие малайского кинжала, и сворачивала на север.

Повсюду на воде трепетали солнечные блики. Отсюда, с высоты, нельзя было разглядеть миллионов людей, обитавших на побережье. Даже большие суда казались спинами вынырнувших на поверхность речных драконов. Долина Реки выглядела безлюдной, как до Дня Воскрешения.

На носу суетился фотограф, выполняя первые в этом мире аэрофотосъемки. И последние. Снимки сопоставят с данными о течении Реки, полученными с борта «Марка Твена».

Но на карте «Парсефаля» все равно останутся белые пятна. Курс корабля шел к южной оконечности северного района, и у картографа накопятся данные лишь о части северного полушария. Однако преимущества перед наблюдениями с речного судна несомненны — на каждом снимке зафиксирован участок, доступный «Марку Твену» лишь по истечении нескольких дней.

Радар определил высоту гор. Самые высокие достигали пятнадцати тысяч футов, большинство — десяти тысяч, но кое-где хребты опускались вдвое ниже.

До прибытия в Пароландо Джил, как и большинство окружающих, полагала, что высота гор составляет от пятнадцати до двадцати тысяч футов. Но это являлось лишь гипотезой, прикидкой на глазок; точные измерения никогда не

проводились. Только в Пароландо, где были приборы двадцатого века, она узнала их истинные размеры.

Очевидно сравнительная близость гор обманывала человеческие чувства. Они поднимались гладкой стеной на тысячу футов, затем шли отвесные и столь же неприступные голые скалы. Зачастую их вершины были шире подножья и образовывали выступ, на который впору забраться лишь змеям. Поперечный размер вершин достигал в среднем полутора тысяч футов, но даже при относительно небольшой толщине скалы были непробиваемы — твердые породы поддавались лишь стальным бурам и динамиту.

В экваториальной зоне «Парсефалю» пришлось бороться с северо-восточным бризом. В средних широтах он шел в полосе попутного ветра. За сутки дирижабль преодолел путь, примерно равный расстоянию от Мехико до Гудзонова залива в Канаде. В конце второго дня полета с полярных широт вдруг подул встречный ветер. Путешественники не знали, насколько он устойчив. С земными условиями сравнивать было нельзя, поскольку здесь отсутствовал перепад температур на границе водных и континентальных масс.

С высоты бросалась в глаза разница между экваториальной и умеренной зонами. Долины к северу сужались, горы вздымались выше, ландшафт напоминал природу Шотландии. Дождь шел здесь в три часа пополудни, тогда как на юге грозы с сильнейшими ливнями разражались в три часа ночи. Трудно представить, что это было природным явлением. Ученые Пароландо предполагали, что в горах скрыты климатические установки, вызывавшие регулярное выпадение осадков; видимо, они поглощали колоссальную энергию. Но никто не сомневался, что существа, сумевшие превратить эту планету в долину гигантской Реки и способные обеспечить пропитанием тридцать шесть миллиардов человек, в силах управлять погодой.

Что же являлось источником энергии? Достоверно это не было известно; общепризнанная гипотеза гласила, что чудовищные механизмы используют тепло планетарного ядра.

Существовало также предположение о некоем металлическом щите, пролегавшем между земной корой и глубинными слоями. Эта гипотеза объясняла отсутствие на планете вулканической деятельности и землетрясений.

Поскольку здесь не было ни обширных ледяных полей, ни водных пространств, подобных земным, следовало ожидать и различия в режиме воздушных потоков. Но пока они не отличались от привычных аэронавтам на Земле.

Файбрас решился опустить дирижабль до двенадцати тысяч футов, рассчитывая, что ниже ветер ослабеет. До вершин гор оставалось только пару тысяч футов, и в это время дня воздушные потоки были довольно устойчивы. Его предположение оказалось верным — скорость полета возросла.

В три часа пополудни капитан приказал поднять корабль над дождевыми облаками. Через час они снова снизились; «Парсефаль» величественно парил над долинами, сверкая серебром обшивки. С заходом солнца ветер стих, чехарда вертикальных и горизонтальных воздушных потоков прекратилась. Полет продолжался без помех.

Наступила ночь, водород в отсеках начал остывать. Опасаясь потерять подъемную силу, пилот направил нос корабля вверх.

В герметизированной рубке управления включили электрические обогреватели. В воздухе потеплело, но все оставались в плотных одеждах. Файбрас и Пискатор закурили сигары, остальные — сигареты. Курильщики наслаждались ароматным табаком, стараясь отмахнуть дым от Джил.

Все газовые отсеки были снабжены детекторами, сигнализирующими о малейшей утечке газа. Курение в дирижабле разрешалось лишь в рубке управления, во вспомогательном хвостовом отсеке и в жилых каютах.

Барри Торн, старший офицер хвостовой секции, доложил о показаниях магнетометра. Северный полюс Мира Реки совпадал с его магнитным полюсом.

Магнитное поле здесь оказалось значительно слабее земного — измерить его удалось лишь с помощью приборов повышенной чувствительности, известных с семидесятых годов двадцатого века.

— Итак,— засмеялся Файбрас,— в одной точке сосредоточены все три полюса — северный, магнитный и магический — я имею в виду Башню. Значит, если только один человек доберется туда, придется засчитать ему тройной рекорд.

В этот день наладилась отличная радиосвязь. Сигналы «Марка Твена» принимались через антенну, закрепленную на буксируемом аэростате.

Аукусо, радист, подозвал капитана:

— Можете говорить, сэр.

Тот сел на его место.

— Сэм, говорит Файбрас. Только что получили радиограмму от Грейстока. Он готов изменить курс, как только узнает о местонахождении «Рекса».

— Надеюсь, вам не удастся достать Кровавого Джона, — ответил Сэм.— Я должен сам разделаться с ним... утопить собственными руками в бочке с дерьмом. Вряд ли это осуществимо, но весьма заманчиво. Я — не мстительный человек, Милт, но эта геенна ожесточила бы и святого Франциска.

— На «Минерве» полтонны бомб и шесть ракет с девятикилограммовыми боеголовками,— заметил Файбрас.— При прямом попадании двух снарядов судно будет потоплено.

— Этот ворюга-нормандец вывернется из любой переделки,— пробормотал Сэм.— Ему дьявольски везет. Как же быть? Я непременно хочу полюбоваться на его труп. Если его схватят живым, я сам сверну ему шею.

— Ну, Сэм,— рассмеялся Файбрас,— если нужно открутить голову, то лучше Джо никто не справиться.

В рубке зарокотал низкий голос:

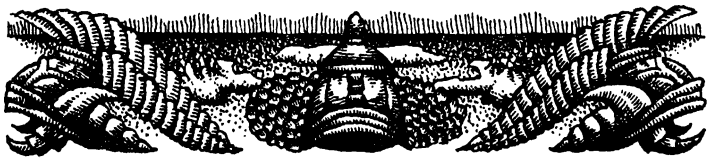
— Нет, я оторву ему тперва руки и ноги, а потом уж Тэм путсь вертит ему голову во втсе тстороны, как ему нравится.

— Ты меня насмерть оглушил, приятель,— Файбрас отпрянул от передатчика.— Уж если старина Джо до меня добирается, то бьет наповал.

— По нашим расчетам до «Рекса» всего час полета,— продолжал Файбрас.— Вы находитесь примерно в том же районе, миль на сто к западу. Насколько нам известно, Джонни не спешит и путешествует довольно медленно. Не то он уверен в своей безопасности, не то судно уже нуждается в ремонте.

Разговор продолжался не менее часа. Клеменс поговорил еще с несколькими знакомыми из команды, но Джил обратила внимание, что он не подозвал де Бержерака.

Они кончали связь, когда оператор радара сообщил, что «Рекс Грандиссимус» находится в зоне видимости.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Над судном «Парсефаль» кружил на высоте тысячи футов. Отсюда «Рекс» казался детской игрушкой, но фотограф быстро увеличил снимок, так что корабль Джона можно было разглядеть во всех подробностях. Выглядел он великолепно. Джил подумала что разрушать такое прекрасное творение рук человеческих просто преступно, но вслух ничего не сказала. У Файбраса и де Бержерака были давние счеты с человеком, захватившим этот волшебный корабль.

Аукусо передал Грейстоку данные о местонахождении «Рекса». Тот ответил, что «Минерва» доберется до него на следующий день и запросил сведения о курсе «Марка Твена».

— Мне бы хотелось над ним пролететь. Пусть Сэм полюбуется на воздушный корабль, который идет топить «Рекса»,— заявил Грейсток.

— Ну, это вам как раз по пути,— ответил Файбрас,— а Сэму не помешает хороший заряд бодрости.

После разговора он заметил:

— По-моему, полет Грейстока — просто самоубийство. На «Рексе» стоят ракеты, есть два самолета, тоже вооруженных ракетами и пулеметами. Все будет зависеть от случая — сумеет ли он захватить их врасплох или нет. Единственная надежда, что радары Джона не засекут «Минерву».

— Да,— вмешался Пискатор,— но на «Рексе» разглядят нас — и, конечно, включат радары, чтобы выяснить, кто мы такие.

— Думаю, они поймут, что дирижабль могли построить только в Пароландо.— поддержала его Джил.

— Все может быть. Посмотрим. К тому времени, когда подойдет «Минерва», мы будем уже за северными горами.

Вряд ли оттуда нам удастся связаться с Грейстоком; следовательно, новости мы узнаем лишь после возвращения.

Выражение лица Файбраса казалось странным — будто он сомневался, что «Парсефаль» вернется.

Солнце опустилось за горизонт, но его отблески еще долго освещали плывущие в вышине облака. Наконец, наступила ночь, сквозь туманную пелену засверкали звезды. Прежде чем уйти в свою каюту, Джил обменялась несколькими словами с Анной Обреновой. Маленькая женщина держалась приветливо, но в поведении ее сквозила какая-то скованность. Может быть, она расстроена тем, как Файбрас распределил должности?

Джил прошла по длинному проходу в хвостовой отсек — выпить кофе и поболтать с членами команды. Там был и Барри Торн. Он тоже показался ей несколько взволнованным и еще более молчаливым, чем обычно. Джил подумала, что он, наверно, переживает свою размолвку с Обреновой. Впрочем, причина могла заключаться и в другом.

Неожиданно ей вспомнился их громкий разговор — скорее даже, спор — на неведомом языке. Хорошо бы расспросить его, но страх признаться в том, что она подслушивала, останавливал Джил. Правда, если сказать, что она случайно шла мимо (именно так все и было!) и услышала несколько фраз... Можно ли считать подслушанным разговор, в котором не понятно ни слова?

Джил добралась до своей каюты, рухнула на койку и провалилась в сон. В два часа пополудни ее разбудил свисток, раздавшийся по внутренней связи. Она прошла в рубку управления сменить Метцинга, второго помощника. Он немного постоял рядом, рассказывая о своих полетах на «ЛЦ—1», потом ушел. Вахта начиналась спокойно. Атмосферные условия были нормальными, и она вполне могла полагаться на опыт сидевшего у штурвала Пискатора. Японец включил автоматическое управление, но продолжал внимательно следить за показаниями приборов.

В стороне работали радист и оператор радиолокатора.

— Мы достигнем гор около двадцати трех часов, — заметила Джил.

Пискатор поинтересовался, правда ли, что этот северный хребет, как рассказывал Джо Миллер, достигает двадцати

тысяч футов? Вряд ли гигант мог точно определить их высоту — он не сильно разбирался в метрической и английской системах.

— Попадем туда и все узнаем,— ответила она.

— Интересно, выпустят ли нас обратно таинственные обитатели Башни,— продолжал рассуждать японец.— Впрочем, позволят ли они нам вообще проникнуть туда?

На этот вопрос можно было ответить так же, как и на предыдущий. Джил промолчала.

— И если нам это удастся,— не унимался Пискатор,— получим ли мы возможность осмотреть их загадочную обитель?

Джил закурила сигарету. Она была сейчас совершенно спокойна, предчувствуя, что с приближением к горам и к тайне, которую они охраняли, ей вряд ли удастся сохранить душевное равновесие.

Пискатор улыбнулся, в его глазах сверкнул огонек.

— Вы никогда не допускали мысли, что на борту может оказаться кто-нибудь из Них?

От неожиданности Джил подавилась дымом. Откашлявшись, она хрипло спросила:

— Как это пришло вам в голову?

— Они вполне способны заслать на «Парсефаль» своих агентов.

— И что же натолкнуло вас на эту мысль?

— Это лишь мое предположение, не больше... но вполне допустимо, что за нами следят.

— Я полагаю, это не только предположение. Что вас побудило так думать? Признайтесь мне, Пискатор!

— Ничего конкретного... ничего, кроме праздных размышлений.

— Возможно, ваши праздные размышления касаются какой-то личности? Кого же?

— Если даже и так, то называть ее было бы совершенно неблагоразумно. Вы хотите, чтобы я ткнул пальцем в кого-то... скорее всего — в совершенно невинного человека?

— А меня вы не подозреваете?

— Нужно быть последним глупцом для этого. Я просто размышляю вслух. Прискорбная привычка, от которой не мешало бы избавиться.

— Что-то я не припомню за вами обыкновения думать вслух.

Джил прекратила разговор, понимая, что он ничего не прибавит к сказанному. Остаток дежурства она пыталась обдумать слова Пискатора и привести все в какую-то систему.

В конце концов, голова у нее разболелась, и она в совершеннейшем изнеможении отправилась спать. Может быть, он все-таки имел в виду ее?

Ближе к полуночи показались северные горы. В своем прогнозе Джил ошиблась лишь на две минуты. Хребет был скрыт облаками, но радары обрисовали его очертания — сплошная горная цепь, окружающая море. Файбрас, узнав ее истинную высоту, громко выругался.

— Тридцать две тысячи футов! Выше Эвереста!

Все выглядели озабоченными. Дирижабль не мог подняться выше тридцати тысяч, и Файбрас страшился даже такой высоты — в этом случае давление в газовых камерах приближалось к критическому, срабатывали аварийные клапаны и начиналась утечка водорода.

Капитан остерегался максимальных высот и по другой причине. Если судно неожиданно попадет там в поток теплого воздуха, объем водорода увеличится. Правда, это создаст большую подъемную силу, но также будет грозить безопасности полета. «Парсефаль» стремительно взовьется вверх; в подобных условиях пилот должен отреагировать молниеносно и заставить корабль снизиться в холодные слои атмосферы. Если запоздать с маневром, то увеличившийся в объеме газ способен разорвать стенки камер.

— Если придется переваливать через эту стену,— вздохнул Файбрас,— нас хорошо прижмет. Правда, Джо говорил...

Он замолчал, пытаясь разглядеть впереди темную гряду гор. Под ними тянулась извилистая лента долины, вечно окутанная туманом. Грейлстоуны уже давно исчезли. Но радары и инфраскоп показывали, что холмы внизу покрыты растительностью. Новая загадка: как удалось вырасти деревьям в этом холодном мареве?

— Сирано,— обратился к французу Файбрас,— опускайтесь до десяти тысяч футов. Мне нужно хорошенько осмотреть верховья.

«Осмотреть» их можно было лишь с помощью радара. Сквозь массивные клубящиеся слои туч никто не смог бы заметить огромный разлом у подножья гор, о котором говорил Джо. Вскоре на экране обозначился зев колоссальной пещеры трехмильной ширины, из которой вытекала Река. Чудовищный свод вздымался на высоту десяти тысяч футов.

— Джо явно преувеличивал, утверждая, что здесь может пройти луна,— ухмыльнулся Файбрас,— но это все равно впечатляет.

— Грандиозное зрелище,— отозвался Сирано.— Но воздух здесь очень холодный и тяжелый.

Файбрас приказал поднять корабль выше и идти курсом, параллельным горам, на расстоянии восьми миль. Чтобы избежать сноса из-за южного ветра, Сирано был вынужден сделать крен; затем, уравновесив дирижабль, он стал набирать высоту.

Тем временем радист пытался найти в эфире позывные «Марка Твена».

— Вызывай их, вызывай,— приказал ему Файбрас.— Сэм, наверное, хочет знать, что с нами происходит. А мне интересно, добралась ли до них «Минерва».

Он повернулся к остальным.

— Я ищу расщелину в горах. Здесь непременно должен быть разлом. Джо говорил, что сквозь него на минуту сверкнуло солнце. Возможно, ему померещилось — солнце здесь поднимается над горизонтом вдвое ниже, чем в средних широтах, и не может осветить ущелье, если оно не рассекает хребет почти до самого основания.

В 15.15 экран радара высветил вертикальную брешь. Дирижабль летел выше и несколько в стороне от основной гряды. Вблизи ущелья горы были невысоки, лишь отдельные вершины вздымались до десяти тысяч футов. Вскоре «Парсефаль» приблизился к разлому, и они увидели огромную долину, прорезавшую хребет насквозь.

— Похоже на Большой Каньон, насколько я помню ваши рассказы,— заметил Сирано.— Колоссальное ущелье! Стены тысячефутовой высоты... без длинного каната туда не спуститься! И скалы тут гладкие, как женский зад!

За невысокими горами вздымался новый каменный барьер, ограждавший Реку. Но если бы путешественники преодо-

лели это препятствие и пересекли долину, то перед ними выросла бы другая отвесная каменная стена, тянувшаяся на пятьдесят миль.

Да, если Клеменс собирается преодолеть этот путь по суше, его команде придется нелегко!

— Гинунгагап,— пробормотала Джил.

— Что? — удивился Файбрас.

— В норвежских сказаниях — первичный хаос, где родился Имир, первое живое существо, предок племени злых гигантов.

Файбрас фыркнул.

— Теперь вы мне скажете, что море населено демонами!

Он казался совершенно спокойным, но Джил понимала,— его выручает лишь привычка держать себя в руках. Однако не пора ли доверить штурвал более опытному пилоту? Конечно, у Сирано великолепные рефлексы и быстрота реакции, но он совершенно не имеет летного опыта. Что ему известно об аэронавтике в полярных условиях?

Здесь, на вершине мира, слабые солнечные лучи почти не грели, в воздухе сильно похолодало. За каменной преградой Река низвергалась в полярное море, отдавая тепло, собранное за тысячи миль пути. При контакте холодного воздуха с теплой водой вверх поднимались плотные массы тумана — о нем рассказывал Джо. Но воздух не согревался, и тут было значительно холоднее, чем за горами. Высокое давление внутри каменного пояса вытесняло холодный воздух наружу. Джо вспоминал, какой пронзительный ветер преследовал их по дороге к морю.

В полном отчаянии Джил была готова попросить Файбраса, чтобы он сменил Сирано. Пусть к рулю встанет она сама, Анна или Барри Торн, кто-нибудь из опытных пилотов...

Возможно, Файбрас тоже так считал, но он не собирался этого делать. Неписанный закон воздуха! Сменять сейчас Сирано — значит, подчеркнуть недоверие к нему, унизить его мужское достоинство.

Как это нелепо! Совершенно нелепо! На карту поставлены успех их дела и жизнь людей!

Но Джил не произнесла ни слова. Подобно другим, она молчаливо подчинялась традиции и, наверно, была бы ос-

корблена сама, если бы кто-то попытался намекнуть на неопытность француза.

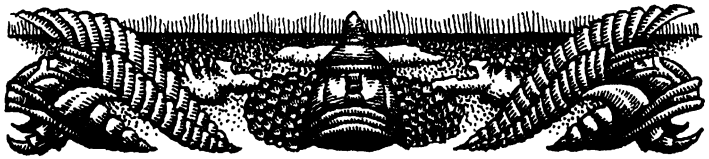
Наконец, судно поравнялось с каньоном. Как они и предполагали, ущелье расширялось в сторону моря; из гигантского двухмильного разлома, как из аэродинамической трубы вырывались подгоняемые ветром облака. Казалось, вой урагана проникает даже сквозь обшивку дирижабля. Сирано направил корабль прямо в ущелье, стараясь, чтобы его не отнесло к югу. Двигатели работали на полную мощность, но «Парсефаль» шел со скоростью не больше десяти узлов.

— Ну и ветер! — воскликнул Файбрас. Его обуревали сомнения.— Возможно, стоит подняться выше... Воздушные потоки с гор могли бы помочь нам пробиться через расщелину. Не думаю, что толщина хребта здесь больше, чем в долине,— пробормотал он сквозь зубы.— Наверху мы проскочим через эту дыру быстрее, чем пес сквозь обруч. Только вот...

Он откусил кончик сигары и чиркнул зажигалкой.

— Поскорее бы пробиться сквозь эти адские ворота!

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Сейчас Фригейту не давала покоя мысль о переплетении человеческих судеб.

Сам он появился на свет по воле чистой случайности. Неожиданное стечение обстоятельств сделало возможное реальным.

Его отец родился и вырос в городе Терра-Хот штата Индианы, мать — в маленьком канзасском городке Галена. Вряд ли у них были шансы встретиться в те времена, когда люди вообще редко путешествовали. Но его деда, бонвивана и азартного дельца, любителя вина и женщин, обстоятельства вынудили отправиться в деловую поездку в Канзас-Сити.

Он решил взять с собой старшего сына — двадцатилетнего Джеймса, которому пора было приобщаться к бизнесу. Оставив в гараже новехонький «паккард», они отправились поездом.

Мать Питера училась в коммерческой школе Канзас-Сити и жила у своих немецких родственников. Ничего общего у двух семей не было — разве лишь то, что они жили на Среднем Западе, территории, равной иной европейской стране.

Итак, в один прекрасный день, его будущая мать отправилась с подружками в кафе полакомиться молочным коктейлем и мороженым.

Его будущий отец притомился от деловых переговоров родителя с фабрикантом сельскохозяйственных машин. Когда наступило время ланча, оба старца направили свои стопы в бар. Джеймсу не улыбалось напиваться с утра, и он повернул к кафе. Его привели в восторг аппетитные запахи мороженного, ванилина и шоколада, жужжание вентиляторов под потолком, длинная мраморная стойка и три хорошенькие девушки, сидевшие в плетеных креслицах возле маленького столика. Как истый мужчина, он окинул их с головы до ног оценивающим взглядом и уселся неподалеку, заказав шоколадный коктейль и гамбургер. В ожидании юноша небрежно листал страницы газет, разглядывая лишь рекламу

фантастических и приключенческих романов. Надо сказать, они мало его интересовали. Он пытался читать Уэллса, Жюля Верна, Хаггарда, Френка Рида, но трезвому уму торговца оставался чужд полет их фантазий.

Джеймс отправился к стойке за порцией мороженого. Когда он проходил мимо столика девушек, одна из них, увлеченная пересказом какой-то истории, опрокинула стакан с коктейлем. Он отпрыгнул в сторону. Не будь Джеймс столь проворен, его панталоны могли сильно пострадать. Брызги попали на сапоги.

Девушка извинилась. Джеймс ответил, что на это не стоит обращать внимания, и попросил разрешения присесть рядом. Юные особы были рады поболтать с интересным молодым человеком, прибывшим из далекого штата Индиана.

К тому времени, когда они отправились в свое училище, Джеймс уже немало знал о Тэдди Грифитс. В этом трио она выделялась спокойствием и миловидностью; сочетание тевтонских и индейских черт придавало ее лицу особую прелесть. Иссиня-черные волосы и огромные темные глаза произвели на Джеймса сильное впечатление.

В те времена ухаживание за девушками было делом непростым. Джеймсу пришлось нанести визит в резиденцию Кайзеров на Локуст Стрит, претерпеть долгую поездку в экипаже, представление дядюшке и тетушке, обед со стариками с неизменным домашним мороженым и печеньем. Около девяти часов их с Тедди отпустили на прогулку вокруг квартала. По возвращении Джеймс поблагодарил хозяев за гостеприимство и попрощался с Тедди, даже не поцеловав ее. Они стали переписываться, через два месяца он предпринял другую поездку в Канзас-Сити, уже на отцовской машине. На этот раз они сумели вкусить скромные радости любви, сидя в последнем ряду местной киношки.

Когда Джеймс приехал в третий раз, они с Тедди поженились. После венчания молодые сразу же отправились поездом в Терра-Хот. Джеймс любил рассказывать своему старшему сыну, что его следовало бы назвать Пулмен: «Ты был зачат в поезде, Пит, и я собирался назвать тебя соответственно обстоятельствам, но твоя мать воспротивилась». Питер не знал, стоит ли верить ему — отец любил приврать.

Но он никогда не слышал, чтобы мать возражала ему. Коротышка Джеймс, задира и забияка, управлял своим курятником с твердостью домашнего Наполеона.

Таково стечение обстоятельств, сделавшее реальностью появление Питера Фригейта. Если бы старый Уильям не взял своего сына в Канзас-Сити, если бы Джеймс не соблазнился коктейлем, предпочтя его пиву, если бы девушка не уронила стакан, то не было бы и Питера Фригейта. Не было бы личности, носившей это имя. Могло случиться и так, что отец проспал бы пьяным сном ту ночь в поезде или, несмотря на его старания, зачатия не произошло. В любом случае Питер не появился бы на свет.

Но случилось так, что один сперматозоид — один из трехсот миллионов — сумел опередить другие на пути к яйцеклетке. Да, побеждает сильнейший, думал в утешение Фригейт.

Ниточка воспоминаний раскручивалась дальше; перед ним проплывали лица сестры и братьев. Они умерли, ничего не оставив после себя. Пустая порода, шлак, плоть без духа. Нес ли в себе тот сперматозоид будущий дар воображения и писательского таланта? Или это было заложено в яйцеклетке? Возможно, лишь их комбинация образовала нужные гены? Его братья не были творческими людьми. У сестры воображение, несомненно, присутствовало, но в пассивной форме. Она любила фантастические романы, но склонностью к творчеству, к писательству не обладала. Что сделало их столь различными?

Этого не объяснить влиянием среды, все они находились в одинаковых условиях. Отец покупал книги в красных обложках под кожу. В детстве у них была домашняя библиотека из дешевых изданий (вспомнить бы, как они назывались?) Но книги не интересовали младших. Они не увлекались приключениями Шерлока Холмса, не сочувствовали несчастному чудовищу из «Франкенштейна», не сражались под стенами Трои вместе с Ахиллесом, не отправлялись с Одиссеем в его долгий путь к Итаке, не спускались в ледяные глубины в поисках Грендола с Беовульфом, не путешествовали с машиной времени Уэллса, не посещали таинственные звезды Олива Шнейдера, не прятались от ирокезов в компании Натти Бумпо. Они прошли мимо «Странствий пи-

лигрима», «Тома Сойера» и «Геккльбери Финна», «Острова сокровищ», сказок «Тысячи и одной ночи», «Путешествия Гулливера». Они не рылись на полках домашней библиотеки, где он открыл для себя Фрэнка Баума, Ганса Андерсена, Эндрю Ланга, Джека Лондона, Конан Дойла, Эдгара Райса Берроуза, Редьярда Киплинга, Райдера Хаггарда. Не забыть ему и менее славных: Ирвинга Грампа, Дж.Хенти, Роя Роквуда, Оливера Кервуда, Дж.Фарнола, Роберта Сервиса, Энтони Хопа и Хайатта Верилла. В пантеоне его воспоминаний неандерталец Ог и Рудольф Рессендайл навсегда останутся рядом с Тарзаном, Джоном Картером из Барнума, Одиссеем, Челленджером, Джимом Хокинсом, Алланом Квотермейном и Умслапогасом.

Сейчас Питер плыл на одном судне с человеком, который являлся прообразом фантастического Умслапогаса; он служил матросом у создателя Бэка и Белого Клыка, Волка Ларсена и Смока Белью; он ежедневно запросто болтал с кумиром своего детства, несравненным искателем приключений — и в фильмах, и в жизни. Добавить бы к ним еще и Конан Дойла, и Твена, и Сервантеса... и, конечно, Бартона. Особенно Бартона! Однако, судно легко перегрузить. Будь доволен и этим! Но человеку никогда не хватает того, что он имеет.

Как же его сюда занесло? О, да! Простая случайность — синоним судьбы.

В отличие от Марка Твена, он не верил, что все события жизни детерминированы, определены раз и навсегда. «С того момента, когда первый атом Великой Пустоты космоса столкнулся с другим атомом,— наши судьбы предопределены». Твен сказал нечто подобное — кажется, в своем довольно пессимистическом произведении «Что есть человек?» Этой философией он прикрывал грех бегства от действительности. Он прятался за ней, как цапля, сунувшая голову в кусты.

Фригейт не разделял и мнение Курта Воннегута — этого Марка Твена двадцатого века — утверждавшего примат химических реакций организма в человеческой судьбе. Творец — не Великий автомеханик и не Божественный игрок в бильярд. Впрочем, о Боге стоит говорить, если Он действительно существует, в чем Фригейт часто сомневался.

Но если Бога нет, то тогда все определяет собственная воля. Правда, это ограниченная сила, зависящая от случайных обстоятельств, болезней мозга, воздействия лекарств, лоботомии. Но человеческое существо — не протеиновый робот, который не способен изменить свое мышление.

Мы рождаемся с самыми различными сочетаниями генов. Они определяют развитие нашего ума, способностей, реакций, короче говоря — наш характер.

А как говаривал старик Гераклит — характер создает судьбу. Любая личность способна на самопреобразование. Скрытые в нас силы позволяют заявить: «Я этого делать не стану!» Или — «Никто меня не остановит!» Или — «Я был теленком, а стал свирепым тигром!».

Наша мысль способна изменить душевный строй человека. Фригейт свято верил в это, но его жизненная практика всегда расходилась с теорией.

Его семья пребывала в лоне «Христианской науки». Но когда ему было одиннадцать лет, отец, в состоянии полной религиозной апатии, послал его в пресвитерианскую школу. Мать не вмешивалась; она с головой ушла в хозяйственные заботы — ей было важнее вымыть кухню и накормить детей вкусным завтраком, пока отец изучает «Чикаго Трибьюн». Питер стал ходить на воскресные занятия и слушать проповеди.

Так в нем соединились два религиозных начала.

В одной из религий зло и материя — лишь мираж, единственная реальность — душа.

В другой — вера в предопределенность. Немногих избирает Бог во спасение, остальных отправляет в ад. В этом нет ни поэзии, ни высокого смысла — осуществляется лишь однажды сделанный божественный отбор. Можно жить чистой жизнью, проводить дни и ночи в молитвах, но в конце концов вас отправят в единственное уготованное вам прибежище. Агнец, овца, которую неизвестно почему Бог отметил своей милостью, приближен и посажен одесную Его. Таинственно отвергнутый козлище низвергается в геену огненную.

В двенадцать лет Питера мучили ночные кошмары, в которых Мери Беккер-Эдди и Жан Кальвин сражались за его душу. Неудивительно, что в четырнадцать он решил порвать с обеими религиями, да и с остальными тоже. Тем не менее,

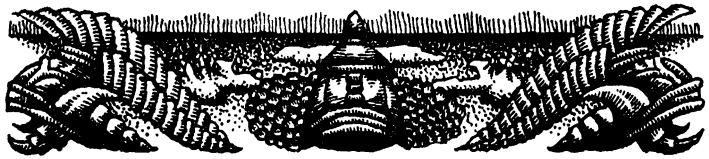
он сохранил в себе следы стыдливого пуританства: не осквернял себя грязным словом, краснел при соленых шутках, не выносил даже запаха вина или пива, с презрение отвергая любые попытки подпоить его. Но зато какое восхитительное чувство превосходства переполняло его при этом!

Источником мучения для Пита стала его ранняя половая зрелость. Когда в седьмом классе его вызывали отвечать, он безумно краснел, терялся. При виде пышного бюста учительницы его пенис трепетал. Никто не замечал этого, но каждый раз Пит был уверен, что теперь он опозорен до конца дней. Сидя с родителями в кино, на фильме, где у героини было излишне открытое платье или видна подвязка, он прятал в карманы дрожащие руки. После сеанса он боялся взглянуть в лицо родителям.

Отец дважды говорил с ним о сексе. Однажды, когда ему было двенадцать, мать заметила кровь на его полотенце и рассказала отцу. Запинаясь и невнятно бормоча, Джеймс Фригейт с трудом выдавил из себя вопрос, не было ли у Пита мастурбации. Тот ужаснулся и все отрицал. При расследовании выяснилось, что принимая душ, он случайно повредил кожицу крайней плоти и там образовался нарыв. Он вовсе не теребил пенис, а просто тщательно мылся. Отец стал объяснять ему, что если он будет терзать свой член, то тронется умом; в качестве назидательного примера Фригейт-старший упомянул деревенского дурачка из Норд Терра-Хот, у которого мастурбация происходили на глазах у людей. С серьезным лицом он убеждал сына оставить дурную привычку, дабы не стать полным идиотом. Может быть, папаша Джеймс на самом деле верил в это — во всяком случае, люди его поколения не сомневались в подобных вещах.

Возможно, он просто хотел запугать сына.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Случилось это много лет назад. Изрядно набравшись, Питер привел женщину в пустой католический храм и уложил ее на алтарь. Она была еврейкой и яростно ненавидела католицизм (в бостонской школе мальчишки, польские католики, поколачивали ее только за то, что она — еврейка). Питер был так пьян, что согласился на эту эскападу. Мысль осквернить церковь пришлась ему по душе, хотя уже на следующий день он горько сожалел о своей выходке. Он ни за что не пошел бы в пресвитерианский храм, казавшийся ему нищенским и тоскливым,— там и самому Богу приткнуться негде. То ли дело католический костел, где все восхваляет Его могущество! Так почему бы не осквернить это место, где Он якобы присутствует?

После церкви они с Саррой решили добавить и направились в меблированные номера огромного дома — на улице, название которой он так и не мог припомнить.

Это был богатый район с громадными, безвкусными особняками. Здесь жили состоятельные старики, вдовы и пожилые пары. Из-за плотно закрытых дверей не доносилось ни звука. Когда они уходили оттуда, на площадке третьего этажа Сарра встала перед ним на колени. В этот момент распахнулась дверь, из-за которой выглянула какая-то старуха. Увидев их, она вскрикнула и в панике скрылась; раздался щелчок замка, потом — грохот засова. Они с хохотом выскочили на улицу. Позже Питер с ужасом представил себе, что старуха могла вызвать полицию; его ожидали публичный позор, потеря места в «Дженерал Электрик», скандалы в семье... А если у пожилой леди случился сердечный приступ? Он начал судорожно просматривать колонку некрологов, но не обнаружил никого, кто умер бы ночью на этой улице. Странно! Сарра, жившая напротив, говорила, что стоит ей

выглянуть в окно, она обязательно увидит похоронную процессию.

Он твердо сказал себе, что тридцатишестилетнему мужчине не подобает пускаться в такие авантюры. Все, баста! Шалостям конец! Прошли годы, и теперь он лишь посмеивался, вспоминая этот случай.

Став в юности атеистом, Фригейт, однако, не избавился от разъедающих душу сомнений. В девятнадцать лет он повстречал Боба Олвуда, парня из религиозной семьи, тоже пришедшего к безбожию. Родители Боба умерли от рака. Потрясение, вызванное их смертью, склонило его к мыслям о бессмертии. Он не мог представить, что отец и мать ушли навсегда, что он больше их не увидит. Боб стал посещать религиозные собрания и вновь обратился к вере.

В те годы Питер и Боб встречались довольно часто и не раз беседовали о религии, обсуждая достоверность библейских событий. Однажды Боб уговорил Пита пойти на собрание, где выступал с проповедью преподобный Роберт Рэнсом. Там, к своему собственному изумлению, молодой Фригейт ощутил глубокое волнение; он даже опустился перед пастором на колени, признавая Христа своим Господом.

Правда, через месяц от его благочестия ничего не осталось. По выражению Олвуда он «впал в ересь» и «лишился благодати». Питер уверял Боба, что от неистовства веры его оттолкнула детская религиозная раздвоенность и излишняя эмоциональность новообращенных. Олвуд же продолжал убеждать его «бороться за спасение своей души».

Когда Питеру исполнилось шестьдесят, никого из его соучеников и друзей юности уже не было в живых, да он и сам прибаливал. Смерть была не за горами. В юности он часто обращался мыслью к судьбам миллиардов людей, живших до него,— они рождались, страдали, любили, смеялись, плакали, умирали. И те, что будут жить потом, тоже уйдут в небытие — вместе со своей скорбью, ненавистью, любовью... А с гибелью Земли все станут прахом — да, собственно, и праха не останется.

Тогда к чему все, что было, есть и будет? Если нет бессмертия, жизнь лишена смысла. Существовали люди, утверждавшие, что сама жизнь является оправданием жизни — в

этом ее единственный смысл. Питеру подобные мысли казались глупым самообманом.

Неужели у человечества нет другой альтернативы, кроме загробного мира? Неужели люди — только безвольные, лицемерные, себялюбивые бедолаги? Впрочем, и звери тоже... Он не встретил ни одного человека, прожившего без греха, хотя и допускал их существование; несомненно, им надлежит получить бессмертие. Но Питер не верил тем, кого традиция и общество увенчали нимбом святости.

К примеру, святой Августин. Все, что он сделал — это выдавил из себя одно-единственное: «Покайтесь мне!» Вопиющее себялюбие и самообман!

Святой Франциск, по-видимому, прожил действительно безгрешную жизнь, но был явным психопатом — целовал прокаженных лишь для того, чтобы продемонстрировать самоуничижение.

Значит, как говаривала жена Питера, нет на Земле совершенства.

Да, был еще Иисус. Но его безгрешность тоже сомнительна. Из Нового Завета следует, что именно он положил конец спасению евреев, за что они и предали его. Поэтому святой Павел счел израильтян недостойными религии, прошедшей сквозь муки и страдания, и обратил свою проповедь к другим народам. Христианство, которое следовало бы назвать «павелизмом», распространилось по всему миру. Но в те времена половое воздержание считалось извращением; значит, и Иисус, и Павел стали по законам своего века сексуальными извращенцами, ренегатами.

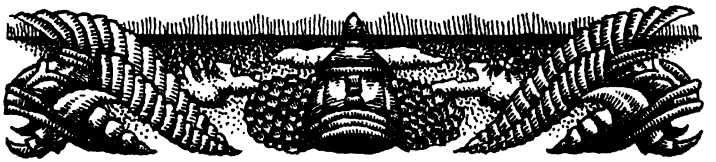
Правда, всегда существовали люди, не обладающие достаточной сексуальной энергией. Может быть, к ним относились Иисус и Павел? Или же они сублимировали свою половую потенцию в нечто более значительное — в стремление обратить души людей к Истине?

Весьма вероятно, что святую жизнь прожил Будда. Судьба даровала ему все — трон, богатство, могущество, любимую женщину, детей. Но в странствиях по Индии ему открылись несчастье и бесправие бедноты, неизбежность голодной смерти. Так он достиг Истины. Он основал буддизм, но индусы, народ, которому он хотел помочь, отвергли его. Подобно Павлу, который понес учение Иисуса в чужие земли и

насаждал его среди чужих племен, последователи Будды тоже ушли к другим, покинув свой народ-страдалец.

Учения Иисуса и Будды начали вырождаться, когда тела их основателей еще не остыли в могилах. Орден святого Франциска стал разлагаться до того, как разложилось его тело.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

В один из дней плавания Фригейт поведал свои сомнения Нур-эль-Музафиру. Они сидели на палубе, покуривая сигары и лениво разглядывая людей на берегу. У руля стоял Фриско Кид, остальные болтали или играли в шахматы.

— То, что мучает вас, Пит, волнует и других людей. Дело в том, что, исповедуя высокие идеалы, вы даже не пытаетесь жить в соответствии с ними.

— Я не знаю, как приняться за это, а потому и не пытаюсь. Но есть люди, провозглашающие подобные истины, которые уверены, что живут в полном соответствии с ними. Когда я говорю им, что это — заблуждение, они приходят в ярость.

— Естественно,— хмыкнул мавр.— Ваш скептицизм угрожает разрушить созданный ими образ праведника. Они полагают, что стоит ему рухнуть, как их души тоже погибнут.

— Это я понимаю,— ответил Фригейт,— и всегда в спорах стараюсь сохранять спокойствие. Тем не менее, праведники приходят в бешенство и даже готовы к насилию. Я же не могу быть сторонником насилия и зла.

— Однако, по характеру вы весьма вспыльчивы. Мне кажется, ваше отвращение к насилию вызвано только страхом перед вспышкой страстей. Вы боитесь нанести этим кому-нибудь вред, обиду, а потому всячески подавляете их в душе... Но вы — писатель, Пит, и вы могли бы выплеснуть все это... по крайней мере — на бумагу.

— Да, я знаю.

— Но почему вы не поможете себе?

— Я пытался... Я прибегал к различным видам духовной терапии... ко многим учениям и религиям: психоанализу, оккультным наукам, учению Дзен, трансцедентальной медита-

ции, Христианской науке и традиционному христианству... Одно время меня весьма привлекал католицизм...

— О некоторых из этих учений я даже не слышал, — прервал его Нур. — Однако, сколь не были бы они основательны, им не исцелить вашей болезни. Она заложена в вас самом, в основе вашей натуры. Вы признались сейчас, что не смогли ничего выбрать — а потому, не сумели и помочь себе.

— Увы! В каждом учении я видел его уязвимое место. Мне пришлось наблюдать людей, верящих, что они живут в мире с исповедуемыми ими истинами. Да, большинство учений и религий оказывает благотворное воздействие на души своих последователей, но весьма незначительное. Люди просто обманывают себя, прячась в раковину догм.

— И все-таки вы непоследовательны. Вы желаете перемен, даже мечтаете о них, но боитесь при этом лишиться своего «я».

— И это я понимаю, — печально признался Фригейт.

— Тогда почему же вы не пытаетесь преодолеть эту боязнь?

— Ну, я все-таки пытаюсь...

— Ваших усилий недостаточно.

— Не сомневаюсь. Но с возрастом я сделал некоторые успехи, а здесь продвинулся еще дальше.

— И все-таки недостаточно?

— Несомненно, так.

— Тогда — что пользы в самопознании, если нет желания действовать?

— Вы правы — немного.

— Вам нужно найти путь к действию, преодолев свой страх и внутреннее сопротивление, — Нур помолчал, улыбнулся, его темные глаза блеснули. — Конечно, вы скажете, что все это вам известно, а затем попросите меня указать путь. И я отвечу, что вы еще не готовы вступить на него... Хотя, возможно, вы полагаете обратное. Может случиться так, что вы никогда не будете готовы — вот в чем беда. В вас заложена лишь потенция к действию.

— Все люди в мире обладают этой потенцией.

— В каком-то смысле да, в другом — нет.

— Этому есть разумное объяснение?

Маленькой крепкой рукой Нур потер нос, потушил сигару о палубу и бросил в воду. Он поднял лежащую рядом бамбуковую флейту, осмотрел ее, но положил обратно.

— Всему свое время,— он взглянул на Фригейта.— Вы чувствуете себя отвергнутым? Я знаю, вас это всегда серьезно ранит, и вы стараетесь избегать подобных ситуаций. Разве не так? Скажем, когда вы стремились попасть на наше судно и встретили отказ...— он погладил флейту и задумчиво продолжал: — Пусть все идет своим чередом. Сегодня вам трудно смириться с моими словами. Но попытайтесь еще раз. Вы сами поймете, когда наступит час.

Фригейт отмолчался. Нур приложил к губам флейту, и в воздухе задрожали печальные звуки, изменчивые, как взлеты и падения судьбы.

Отдыхая, Нур никогда не расставался с инструментом. Случалось, он довольствовался короткими лирическими мелодиями. Иногда он часами не прикасался к флейте; сидел, скрестив ноги и закрыв глаза. Никто не решался обеспокоить его. Фригейт понимал, что маленький араб пребывает в некоем трансе, но лишь однажды осмелился спросить его об этом.

— Вы не поймете... во всяком случае — пока.

Нур-эд-дин ибн Али эль-Халлаг (Свет веры, сын Али-цирюльника) совершенно очаровал Фригейта. Он родился в 1164 году в Кордове, принадлежавшей мусульманам с 711 года. В мавританской Иберии арабская культура достигла невиданного расцвета. По сравнению с мусульманской цивилизацией христианская Европа прозябала во мраке средневековья. Расцветали искусство, наука, философия, медицина. Западные центры арабской диаспоры — Кордова, Севилья, Гренада, как восточные — Багдад и Александрия — не знали соперников в христианском мире; лишь в далекой Азии с ними могли сравниться города Китая.

Богатые христиане посылали своих отпрысков получать образование в иберийских университетах, а не в Лондон, Париж или Рим. Сыновья бедняков тоже отправлялись туда и учились, перебиваясь милостыней.

Мавританская Иберия, великолепная страна, чуждая Европе, управлялась различными людьми. Одни славились фанатизмом и жестокой непримиримостью к иноверцам, дру-

гих отличала определенная широта взглядов; эти эмиры были достаточно терпимы к христианам и евреям, назначали их своими визирями. Они приветливо встречали чужестранцев, приезжавших к ним в поисках мудрости.

Отец Нура занимался своим ремеслом в громадном дворце городка Медина-аз-Захра, неподалеку от Кордовы. В те времена дворец славился по всей Европе; позже от него не осталось и следа. Нур родился там и подростком постигал под наблюдением отца искусство цирюльника. Юноша был очень смышлен, отличался склонностью к литературе, математике, алхимии, теологии. Отец решил обратиться за помощью к своим богатым хозяевам. Нура отправили в лучшую школу Кордовы. Здесь он общался с богатыми и бедными, знатными и безродными, с христианами и черными нубийцами.

Среди других он встретил Мюида-эд-дина аль-Араби, молодого человека, которому предстояло стать величайшим лирическим поэтом своего времени. Отголоски его стихов обнаружат в поэзии трубадуров Прованса и миннезингеров Германии. Богатому и красивому юноше пришелся по душе бедный и некрасивый сын цирюльника, и в 1202 году он пригласил его в странствие к Мекке. При переходе через северную Африку они повстречались с группой персидских беженцев-суфиев. Нур уже кое-что знал о суфизме и, поговорив с персами, решил стать их учеником. Но среди них он не нашел себе наставника. Вместе с эль-Араби он продолжал путь до Египта. Там местные фанатики обвинили их в ереси, и иберийцы едва не погибли.

После завершения хаджа они отправились в Палестину, Сирию, Персию и Индию; они странствовали четыре года, затем еще год добирались в родной город. Какое-то время они провели в обители женщины-суфии Фатимы Валейи. Суфизм полагал мужчин и женщин равными. Это возмущало правоверных мусульман, считавших, что неравенство полов закреплено в Коране, и женщина создана лишь для ублаготворения плоти.

Фатима послала Нура в Багдад, к знаменитому духовному наставнику. Через несколько месяцев тот направил своего ученика в Кордову, к другому великому суфию. Когда хри-

стиане, в результате жестокой войны, захватили Кордову, Нур вместе с учителем бежал в Гранаду.

Через несколько лет он отправляется в новое странствие и получает «лакаб» — прозвище эль-Музафир, то есть «Странник». После Рима, куда Нур прибыл с рекомендательными письмами Фатимы и эль-Араби, он путешествует по Греции, Персии, Афганистану, Индии, Цейлону, Индонезии, Китаю и Японии.

На несколько лет Нур обосновался в священном Дамаске и зарабатывал себе на жизнь как музыкант и тазавуф — учитель суфизма. Вскоре он снова пустился в путь, добрался до Волги, повернул на запад, пересек Финляндию и Швецию, перебрался через Балтийское море и попал в страну идолопоклонников — диких пруссов... Там он чуть не погиб, его хотели принести в жертву деревянному идолу, но, к счастью, ему удалось избежать опасности. Дальнейший его путь лежал через Германию, северную Францию и Англию в Ирландию.

В те времена королем Англии был Ричард Львиное Сердце. Когда этот неистовый рыцарь был убит случайной стрелой во время осады французского замка Шалю, на престол вступил его брат Джон. Позднее Нур удостоился аудиенции у нового короля. Он нашел его весьма приятным и остроумным человеком, живо интересовавшимся исламской культурой и суфизмом. Джона очаровали рассказы Нура о далеких землях.

— Путешествия в вашу эпоху являлись делом весьма трудным и опасным, — заметил Фрингейт. — Их нельзя было назвать развлечением — повсюду царила религиозная нетерпимость. Как же удавалось вам, мусульманину, без денег и защиты пробираться по христианским землям, особенно в те годы крестовых походов и вспышек религиозного фанатизма?

— Обычно мне оказывали покровительство сами церковные власти, а это обеспечивало и гражданскую защиту. Князья церкви больше боролись с собственными еретиками, чем с неверными. В некоторых случаях меня спасала нищета — грабителям нечем было поживиться. Странствуя по деревням, я зарабатывал игрой на флейте или представлениями; мне случалось бывать жонглером, акробатом и заклинате-

лем. У меня хорошие способности к языкам — я быстро осваивал местный диалект и часто развлекал людей рассказами и шутками... Чаще всего, меня встречали приветливо. Людей не интересовала моя вера; главное — я сочувствовал их бедам и приносил им радость.

Вернувшись в Гранаду и обнаружив, что к суфиям там относятся с предубеждением, Нур отправился в Хоросан, где несколько лет проповедовал, а затем вновь совершил странствие в Мекку.

Из южной Аравии на торговой шхуне он перебрался к берегам Занзибара, а оттуда — в юго-восточную Африку. Остаток дней своих он прожил в Багдаде, где и был убит в возрасте девяноста четырех лет.

В тот год монголы, под предводительством внука Чингизхана Хулагу, захватили Багдад, разграбили и потопили в крови прекрасный город. За сорок дней сотни тысяч жителей были истреблены. Так погиб и Нур. Он сидел в своей крошечной комнатушке и играл на флейте когда туда ворвались приземистые, раскосые, выпачканные кровью воины. Нур продолжал играть, и тогда монгол мечом проткнул ему горло.

— Монголы завоевали весь Средний Восток,— пояснил Фригейт.— Во всей истории не припомнить подобного молниеносного разорения земель. Они разрушили все — от оросительных каналов до крестьянских хижин. Даже в мое время, спустя семь столетий, эти места еще до конца не возродились.

— То было карой Аллаха,— кивнул головой Нур.— Но даже среди них встречались добрые люди, и мужчины, и женщины.

Сейчас, сидя рядом с маленьким арабом и поглядывая на берег, Фригейт размышлял о воле случая.

Какая сила переплела пути американца из двадцатого века и испанского мусульманина, родившегося в 1164 году? Случайность ли это? На Земле подобное событие было бы невероятным; здесь — стало осуществившейся реальностью.

После разговора с Нуром вечером все собрались в каюте капитана. Судно стояло на якоре. Они играли в карты при свете лампы, заправленной рыбьим жиром. Райдер сорвал

первый же банк (ставка — сигареты), игра прервалась и завязалась оживленная беседа.

Нур рассказал две истории о Ходже Насреддине, персонаже мусульманского фольклора, дервише и чудаке. Притчи о нем слыли уроками мудрости.

Нур хлебнул шотландского виски — он никогда не пил больше двух унций в день, и начал:

— Капитан, вы рассказали мне как-то историю о Пэте и Майке. Занятная побасенка, и поучительная — в ней проявляется образ мышления людей Запада. Позвольте представить вам восточную притчу...

Нур коснулся виска и начал:

«Однажды какой-то человек подошел к дому Ходжи Насреддина и увидел, что тот бродит по двору, разбрасывая кусочки хлеба.

— Что вы делаете, мулла? — спросил он.

— Отпугиваю тигров.

— Но здесь же нет тигров!

— Да, правильно. Тогда это наверняка поможет.»

Они посмеялись, а Фригейт спросил:

— Это очень старая притча?

— Не меньше двух тысяч лет. Она возникла в среде суфиев. А почему вы спросили?

— Да потому, что я слышал нечто подобное, но в слегка измененном варианте в пятидесятых годах двадцатого века. Только там действовал англичанин: он стоял посреди улицы на коленях и очерчивал мелом круг. Подошедший к нему приятель спросил, чем он занимается.

«Отгоняю львов.

— В Англии же нет львов!

— Неужели?»

Вмешался Фарингтон.

— Господи, да я ее слышал еще мальчишкой во Фриско. Только героем был ирландец.

— Большинство поучительных историй о Насреддине стали позднее просто анекдотами,— пояснил Нур.— Их начали рассказывать ради забавы, но первоначальный смысл этих басен весьма серьезен. Ну, а теперь другая притча.

«Множество раз Насреддин пересекал границу между Персией и Индией. Из Персии осел тащил на себе огромные

мешки. Когда же Насреддин возвращался обратно, при нем не было ни клади, ни осла. Стражник всегда обыскивал Насреддина, но никогда не мог обнаружить контрабанды. Он спрашивал его, что тот везет, и неизменно получал ответ: «Контрабанду».

Через много лет Насреддин возвращался из Египта. Стражник спросил его:

— Скажи мне, Насреддин, какую ты провозил тогда контрабанду? Сейчас тебе уже нечего опасаться.

— Ослов.»

Все снова засмеялись, а Фригейт сказал:

— Я эту историю слышал в Аризоне. Только контрабандиста звали Панчо, а переходил он границу между Мексикой и Соединенными Штатами.

— По-моему, все анекдоты возникли в глубокой древности,— предположил Том Райдер,— и исходят они от пещерного человека.

— Все может быть,— отозвался Нур.— Но принято считать, что эти сказания созданы суфиями задолго до рождения Магомета. Они хотели научить людей мыслить не по шаблонам. К тому же притчи еще и забавны. Обычно ими пользовались на начальных ступенях обучения. Со временем эти истории распространились и на востоке, и на западе. Меня очень позабавило, когда я столкнулся с некоторыми видоизмененными вариантами в Ирландии, где их рассказывали на гэльском наречии. За много веков великое множество людей передавало от Персии до Иберии сказания о Насреддине.

— Если суфизм возник еще до Магомета,— сказал Фригейт,— то суфии должны быть последователями Заратустры.

— Суфизм не является монополией ислама, хотя в современном виде был создан мусульманами,— возразил Нур.— Каждый верующий в Бога может стать суфием. Это гибкое учение, оно меняет доктрину, приспосабливаясь к определенной культуре. То, что воздействует на персидского мусульманина в Хоросане, не имеет успеха в Судане. Цель и приемы наставника-суфия определяются местом и временем.

Позже Нур и Фригейт спустились на берег и подошли к огромному костру, окруженному веселящимися дравидами.

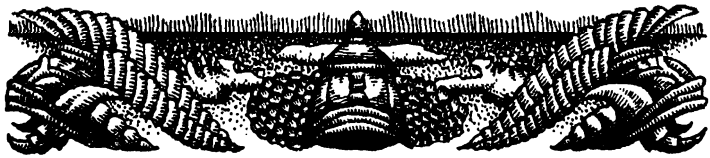
— Скажите, — спросил Фригейт, — каким образом удастся приспособить здесь ваш иберийско-мавританский метод? Народ на Реке — смесь разных эпох и стран. Здесь нет монолитной культуры.

— Я об этом сейчас размышляю, — ответил Нур.

— Значит, одна из причин, по которой я не принят учеником, состоит в том, что вы сами к этому не готовы?

— Ну, что же, — улыбнулся Нур, — пусть эта мысль утешит вас. Однако вы назвали лишь одну из причин. Учитель должен учиться всегда.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Серые клубы тумана окутали судно, пропитав насквозь каждую каюту и коридор. Сэм Клеменс громко произнес: «Господи, только не это!» — почему, он не знал сам. Туман скользил по переборкам, насыщая все, вокруг. Белесые пары проникали в его горло, обволакивали сердце. Вода сочилась, капала в желудок, стекала в пах, по ногам к коленям.

Его охватил страх — животный ужас, пришедший из прошлого. Он был один в рубке. И один на всем судне. Он стоял у приборной панели, всматриваясь в ветровое стекло, затянутое туманом, и мог разглядеть что-либо лишь на расстоянии вытянутой руки, однако каким-то образом знал, что на берегах Реки нет жизни. Там — никого, и здесь, на огромном судне — ни души. И он тут не нужен; корабль шел в автоматическом режиме. Когда судно достигнет истоков Реки, он не сможет его остановить, и нет никого в мире, кто сумел бы помочь ему.

Сэм повернулся и начал ходить взад-вперед. Долго ли еще продлится это путешествие? Рассеется ли туман, засветит ли когда-нибудь солнце и покажутся ли горы, окружающие полярное море? Услышит ли он еще человеческий голос? Увидит ли чье-нибудь лицо?

— Сейчас! — раздался громовой голос.

Сэм подскочил, словно подброшенный пружиной. Его сердце птицей забилось в груди, исторгая из него воду. Вокруг его ног образовалась целая лужа. Он закрутился волчком и оказался лицом к лицу с обладателем голоса. Сквозь клубы тумана у ветрового стекла чернел неясный силуэт. Эта тень приблизилась к нему, остановилась и вытянула огромную руку, щелкнув тумблером на панели.

Сэм силился крикнуть: — «Нет, нет!», но слова цеплялись одно за другое, застревали, словно не могли пробиться сквозь стекло. Хотя он не видел, какого рычажка коснулась

рука незнакомца, но знал, что судно на полной скорости движется к левому берегу. Он выдавил из себя:

— Вы не сделаете этого!

В полном молчании темная фигура двинулась вперед. Незнакомец был его роста, но значительно плотнее и шире. На одном плече у него покачивалось деревянное топорище со стальным лезвием на конце.

— Эрик Кровавый Топор! — в ужасе закричал он.

И началась чудовищная охота. Спасаясь бегством, Сэм мчался по кораблю — через рулевую рубку, по взлетной площадке к ангару, по штормовой палубе, вниз по лестнице, через все каюты главной палубы, потом по трапу в машинное отделение. Сознавая, что он ниже уровня Реки, что вода может раздавить корпус, Сэм ринулся мимо огромных электродвигателей, вращавших гребные колеса, которые сейчас несли судно навстречу гибели.

В отчаянии он бросился в огромный отсек для моторных лодок. Он сорвал канат с крюка. Еще немного — и он скользнет в Реку, избавившись от рокового преследования. Но дверь шлюза оказалась запертой. Он согнулся, пытаясь восстановить дыхание. Внезапно сверху грохнула крышка люка, и в тумане показался Эрик Кровавый Топор. Он медленно шагнул к Сэму, держа обеими руками свое страшное оружие.

— Я же предупреждал тебя,— и Эрик поднял топор.

Сэм оцепенел, не в силах ни двинуться с места, ни сопротивляться. Да, он виновен и должен понести кару.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Тихо застонав, он проснулся. В залитой светом каюте над ним склонилось прекрасное лицо Гвиневры, опутанное золотистым ореолом волос.

— Сэм! Проснись! Тебя опять мучают кошмары.

— Они у меня всегда в эту пору,— пробормотал он.

Клеменс сел в постели. С палубы раздался свист. Через минуту забормотало судовое радио. Вскоре судно должно остановиться у ближайшего грейлстоуна для завтрака.

Сэм не любил вставать рано и всегда был готов пожертвовать завтраком, но долг капитана заставлял его подниматься вместе с командой.

Он направился в душ, вымылся, почистил зубы. Гвиневра уже оделась и выглядела эскимоской, сменившей меха на полотна.

Сэм тоже набросил плащ и приготовил свою капитанскую фуражку. Он зажег сигару; голубой дымок потянулся по каюте.

— У тебя опять был страшный сон про Эрика? — спросила Гвиневра.

— Да. Немного кофе было бы очень кстати.

Гвиневра кинула в чашку несколько темных кристалликов. Вода мгновенно забурлила. Он взял чашку и с благодарностью кивнул.

Она коснулась плеча Сэма.

— Ты ни в чем не виноват перед ним.

— Я повторяю это себе бесконечно,— сказал Сэм.— И без всякого результата! Нами владеет иррациональное начало. У Создателя Снов мозги как у дикобраза. Он — великий художник и неразумен, как все художники, которых мне довелось знать. Вероятно, включая и вашего покорного слугу.

— Кровавый Топор никогда не сможет разыскать тебя.

— Я-то знаю. Попробуй внушить это Творцу Иллюзий.

Мигнула лампочка, со щитка на переборке раздался сигнал. Сэм нажал кнопку.

— Капитан? Это Детвейлер. Через пять минут подойдем к назначенному грейлстоуну.

— О'кей, Хэнк. Я готов.

Вместе с Гвиневрой он покинул каюту. Они прошли узким коридором и поднялись в штурманскую рубку, находившуюся на верхней палубе. Каюты остальных офицеров располагались ниже.

Их встретили трое: Детвейлер, бывший когда-то лоцманом, капитаном, а затем владельцем пароходства на Миссисипи; старший офицер — Джон Байрон, экс-адмирал Британского Королевского флота; и командир морской пехоты Жан-Батист Антуан Марселен де Марбо, бывший генерал наполеоновской армии.

Де Марбо, невысокий, стройный человек, отличался необыкновенным добродушием. Его голубые глаза ярко блестели на смуглом лице. Он откозырял Клеменсу и доложил на эсперанто:

— Вахта прошла без происшествий, мой капитан.

— Прекрасно, Марк. Можете сдавать дежурство.

Француз поклонился, вышел из рубки и спустился на освещенную солнцем взлетную площадку. Посреди палубы замерли в боевом строю шеренги морской пехоты. Знаменосец вздымал флаг корабля — светло-синий квадрат с изображением алого феникса. За ним тянулись ряды мужчин и женщин в металлических шлемах, увенчанных султанами из человеческих волос, в пластмассовых кирасах, в высоких, до колен, кожаных сапогах. На широких поясах висели револьверы «Марк-4». Следом за ними стояли копьеносцы, сзади — стрелки с базуками.

На правом фланге возвышался гигант, закованный в доспехи; дубовая палица, которую Сэм с трудом приподнимал обеими руками, покоилась на его плече. Официально Джо Миллер был личным охранником Клеменса, но на утренней поверке всегда вставал в строй. Его главная функция заключалась в том, чтобы вызывать у местных зрителей благоговейный трепет.

— Джо, по обыкновению, слегка перебирает,— любил говорить Сэм.— Ему достаточно только появиться, чтобы запугать кого угодно.

День начался как обычно, но ему суждено было войти в историю — сегодня «Минерва» намеревалась атаковать судно «Рекс Грандиссимус». Сэму следовало бы чувствовать себя именинником, но подъема он не ощущал. Сладость мести меркла перед мыслью о разрушении прекраснейшего корабля, в который он вложил душу.

С другой стороны, иного выхода не существовало.

В полумиле от них на правом берегу показался костер. Проступили очертания грибообразного грейлстоуна, окруженного фигурками людей в белых одеждах. Тонкой вуалью туман покрывал Реку, среди облаков в небе сверкали звезды.

Как обычно, впереди судна шла амфибия «Огненный Дракон-3» с вооруженной командой. Когда они приближались к месту, намеченному для очередной подзарядки аккумуляторов «Марка Твена», ее командир вступал в переговоры с местными властями, испрашивая разрешения воспользоваться двумя грейлстоунами. Чаще всего они приходили к согласию: плата была весьма внушительной, да и сам вид гигантского судна побуждал к мирному исходу дела.

Но все же конфликты иногда возникали. Они, естественно, кончались в пользу путешественников; копье и лук не могли противостоять судовой артиллерии. Правда, Клеменс старался не допускать открытых столкновений или, тем более, бойни. В этих случаях с амфибии давали поверх голов пулеметную очередь; пластиковые пули восьмидесятого калибра являлись наилучшим аргументом в споре. Толпа разбегалась, убитых не было никогда.

В конце концов, что теряют местные, если однажды воспользоваться двумя их грейлстоунами? Никто не лишится пищи. Всегда поблизости находились камни, где полно неиспользованных отверстий для чаш. Поэтому люди предпочитали мирно уступить пару граалей прибывшим и всласть насмотреться на поражающий воображение корабль.

Четыре огромных электродвигателя требовали невероятных затрат энергии. Раз в день судно подходило к берегу и на один из граалей насаживался гигантский металлический

колпак; к соседнему катер подвозил цилиндры команды. Когда происходил разряд, его энергия по проводам передавалась в батакайтор — огромный накопитель, заполнявший пространство между машинным отделением и главной палубой.

Сэм Клеменс сошел на берег, чтобы перебросится парой слов с местными властями. Здесь понимали эсперанто, и хотя язык был несколько искажен, он смог поддержать разговор. Сэм поблагодарил за гостеприимство и вернулся на свой личный катер, доставивший его на судно. Через десять минут к борту подошел «Огненный Дракон-4» с наполненными цилиндрами.

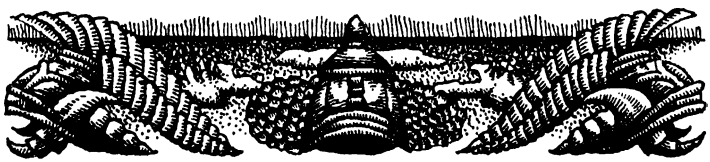
Свистки и звон колокола, раздавшиеся при отплытии корабля, привели туземцев в неистовый восторг. «Марк Твен» величественно двинулся вверх по Реке.

В кают-кампании за большим столом, накрытом на десять персон, сидели Сэм и Гвиневра. С ними завтракали старшие офицеры — кроме тех, кто стоял на вахте. Отдав распоряжения на день, Сэм направился к бильярдному столу сыграть партию с Джо. Гигантопитек не очень ловко владел кием, и Сэм почти всегда побивал его. Вторую партию он обычно играл с более опытным партнером.

Как всегда, в семь утра Клеменс отправился в обход судна. Он терпеть не мог пешей ходьбы, но физические нагрузки были необходимы, и он заставлял себя совершать утренний моцион. Кроме того, появление капитана поддерживало порядок на корабле. Если пренебречь дисциплиной, команда могла разболтаться и выйти из повиновения.

— Судно у меня надежное,— любил повторять Сэм.— Во всяком случае, что касается команды. Я еще ни разу не видел на вахте пьяного.

Сегодня инспекционный обход не состоялся. Сэма вызвали в штурманскую рубку, так как радист получил сообщение с «Минервы». Не успел он войти, как на радаре появилось изображение объекта, движущегося над горами по направлению к «Марку Твену».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Огромным серебряным яйцом из-за гор вынырнул дирижабль. Люди на берегах Реки, никогда не видевшие воздушного корабля, могли принять его за жуткое чудовище. Но многие прониклись убеждением, что в небесах появились Те, Кто пробудил их после смерти; в порыве счастливого неведения они стали взывать к неведомым богам, уверенные, что сейчас им откроются все тайны их мира.

Как же «Минерве» удалось так быстро обнаружить судно? На высоте нескольких тысяч футов над «Марком Твеном» парил привязной аэростат — антенна мощного передатчика, посылавшего непрерывный сигнал. Харди, штурман «Минервы», представлял курс судна; данные о его передвижении регулярно поступали в Пароландо и наносились на карту. Самая свежая информация была передана с «Парсефаля» — она позволила установить точное местоположение. Теперь на «Минерве» также знали, что расстояние между «Рексом» и «Марком Твеном» по прямой составляло только сотню миль, но с учетом прихотливого течения Реки эта сотня превращалась в четыре.

Грейсток по радио запросил разрешения пролететь над судном. В голосе Сэма послышалось сомнение:

— Зачем?

— Хотим вас приветствовать,— ответил англичанин.— Кроме того, мне кажется, что и вам, и команде будет приятно взглянуть на тех, что собирается покончить с Кровавым Джоном. А нашему экипажу хотелось бы полюбоваться прекрасным судном.— Помолчав, он добавил: — Может быть, в последний раз.

Сэм тоже примолк, затем заговорил с трудом, словно едва сдерживал слезы:

— Ну, ладно, Грейсток. Можете спуститься, но только рядом с нами. Считайте меня параноиком, но я не желаю,

чтобы над моей головой висел дирижабль с четырьмя огромными бомбами на борту. А если они по несчастной случайности оторвутся?

Грейсток поднял глаза к небу и свирепо усмехнулся.

— Да ничего подобного произойти не может.

— Так ли? Нет, Грейсток, пусть будет по-моему.

С явным неудовольствием Грейсток ответил, что подчиняется.

— Мы облетим вокруг судна и отправимся на дело.

— Ну, удачи вам, — пожелал Сэм. — Я хорошо понимаю, что ваши чудесные парни... могут и не...

Окончить фразу у него не хватило сил.

— Мы прекрасно отдаем себе отчет, что можем не вернуться, — ответил Грейсток, — но рассчитываем захватить их врасплох.

— Я тоже надеюсь на это. Только не забудьте, что на «Рексе» два самолета. Первым делом следует разбомбить их взлетную площадку, чтобы они не сумели взлететь.

— Я не нуждаюсь в советах, — холодно отрезал Грейсток.

Наступила долгая пауза, потом раздался громкий голос Сэма.

— Вот подошел Лотар фон Рихтгофен, чтобы с вами поздороваться, Джон. Он хочет подняться в воздух и сопровождать вас. Мне это совсем не улыбается, и я потратил уйму времени, чтобы отговорить его от этой затеи, но он жаждет участвовать в атаке. Дело в том, что потолок наших самолетов только десять тысяч футов, над горами могут произойти любые неожиданности. С горючим у него все в порядке, на обратную дорогу хватит.

Голос Лотара прервал Сэма.

— Я сказал ему, что вам тоже хватит горючего на обратный путь, если не жечь его напропалую. Мы с вами вернемся вместе, Джон.

— Ничего не имею против.

Грейсток посмотрел в сторону судна. Издали ему был хорошо виден аэростат. Чтобы его опустить, понадобится не меньше двадцати минут.

Гигантский корабль, прекрасное творение рук человеческих, был на четверть длиннее «Рекса» и несколько уже.

Джил Галбира как-то заявила, что «Парсефаль» является самым прекрасным и грандиозным сооружением мира Реки; ничего подобного Земля не знала. Но Грейсток предпочитал корабль, который, по словам Сэма, в любом соревновании выиграл бы «Голубую ленту длиной в милю».

Он снова бросил взгляд вниз. Самолет Лотара уже стоял на взлетной площадке; вокруг суетились люди, подготавливая к запуску катапульту.

Ледяным взглядом англичанин осмотрел штурманскую кабину. Пилот Ньютон, летчик второй мировой войны, сидел у штурвала. Штурман Харди и ирландец Семрад, первый помощник, стояли у бортового экрана. Шестеро остальных находились у двигателей.

Грейсток быстро подошел к оружейному боксу, открыл его и достал два револьвера «Марк-4", четырехзарядное оружие с пулями шестьдесят девятого калибра. Он взял в левую руку рукоятку одного из них, ствол другого — в правую; затем, внимательно следя за Харди и Семрадом, прошел за их спинами к креслу пилота. Остановившись позади Ньютона, он поднял правую руку и сильно ударил его рукояткой по голове. Пилот рухнул на пол. Грейсток быстро щелкнул тумблерами, отключая передатчик. Харди и Семрад обернулись на шум и оцепенели от неожиданности, увидев направленные на них стволы.

— Не двигаться! — резко кинул Грейсток.— А теперь — руки за шею!

Харди еле выдавил:

— Грейсток! Что с тобой?

— Спокойно! — он ткнул пистолетом в сторону коридора.— Туда! Надеть парашюты! И не вздумайте помешать мне — уложу на месте обоих!

Семрад побагровел.

— Ты... ты...— он заикался, не находя слов,— ты... ублюдок! Предатель!

— Не-е-е-т! — протянул Грейсток.— Я — верноподданный короля Англии Джона,— он улыбнулся.— А кроме того, мне обещано место первого помощника на «Рексе», когда я приведу этот дирижабль Его Величеству. Это подкрепило мою преданность.

Семрад взглянул на дверь, за которой находилось машинный отсек дирижабля.

— Полчаса назад я выходил проверить работу инженеров, помните? Так вот, они все связаны и вам уже не помогут.

Двое мужчин подошли к шкафу, открыли его и стали одевать парашюты.

— Что будет с ним? — спросил Харди, кивнув на неподвижного пилота.

— Вы натянете на Ньютона его парашют и столкнете перед прыжком.

— А инженеры?

— Им будет предоставлен выбор, кому служить.

— А если они откажутся?

— Тем хуже для них.

Застегнув на груди Ньютона лямки парашюта, Семрад и Харди перенесли его на середину гондолы. Грейсток шел следом, держа в обеих руках по револьверу; он локтем нажал кнопку, и боковой люк распахнулся. Стонущего, не пришедшего в сознание пилота подтащили к борту. Дернув вытяжной трос, Семрад столкнул его вниз и прыгнул следом. Харди на минуту задержался в дверном проеме.

— Если мы когда-нибудь встретимся с тобой, Грейсток, я убью тебя.

— Не выйдет,— ухмыльнулся тот.— Прыгай, пока я не передумал.

Он вернулся в кабину и включил радио. Раздался рев Клеменса:

— Что у вас там происходит? Откуда эти голубые вспышки?

— Троим из моей команды пришлось покинуть дирижабль,— бесцветным голосом сообщил Грейсток.— Мы решили его облегчить... скорость и маневренность будут выше.

— Что за чертовщину вы несете? — Клеменс был вне себя.— Теперь нам придется искать их и вылавливать из воды!

— Что поделаешь,— вздохнул Грейсток.

Он взглянул на экран. «Минерва» зависла позади «Марка Твена». На его палубах толпился народ, разглядывая дирижабль. Одноместный моноплан Рихтгофена уже стоял на катапульте.

Грейсток уселся на место пилота. За несколько минут он опустил дирижабль до трехсот футов над поверхностью воды, повернул его и направил прямо на судно.

Огромный белый корабль замер посреди Реки; его четыре колеса взбивали фонтаны пены, уравновешивая течение. Из люка на корме показалась моторная лодка; она упала вниз и заскользила вдоль борта к парашютистам, барахтающимся в воде.

Оба берега усеивали толпы любопытных, не меньше сотни челноков и пирог спешили к голубым полотнищам парашютов.

Катапульта пыхнула паром, и моноплан взмыл в воздух. Его серебряный фюзеляж и винты ярко светились на солнце, он начал набирать высоту, устремившись к дирижаблю.

Из приемника донесся яростный голос Сэма:

— Какого дьявола вы там выделываете, Джон?

— Я только хочу посмотреть, спасены ли мои люди.

— Тупица! — заорал Клеменс.— Не знаю, сколько мозгов нужно добавить тебе в башку, чтобы выдать за осла! Да легче норковую шапку засунуть в зад свинье! Говорил же я Файбрасу, что ни баронов, ни графов, ни герцогов нельзя и близко подпускать к дирижаблю. Ха, Грейсток? Порождение самого подлого и тупого клана — средневекового дворянства! Господи Иисусе, Милт еще спорил со мной! Это, видите ли, социальный эксперимент — сумеет ли средневековый недоносок приспособиться к эпохе индустрии! Сумел, нечего сказать!

— Успокойся, Тэм! — зарокотал голос Джо.— Если ты тстанешь ругать его, он не атакует корабль Джона.

— Лутше помолтши,— передразнил его раздраженный Сэм.— Когда мне понадобятся советы палеоантропуса, я скажу сам.

— Ну, ну, Тэм, не надо никого откорблять, ты товтсем тумашедший,— успокаивал его Миллер.— Лутше подумай, а не дурачит ли натс Грейтсток? Может, он уже сговорился с королем Джоном?

Грейсток выругался. Этот волосатый ублюдок поумней великого Клеменса! Однако разъяренный Сэм пропустил его слова мимо ушей.

Грейсток положил руки на штурвал и дирижабль, послушно наклонившись на десять градусов к горизонту, двинулся к судну. Моноплан фон Рихтгофена промелькнул мимо ярдах в пятнадцати от него. Лотар приветственно махнул рукой, но лицо его сохраняло недоуменное выражение. Без сомнения, он слышал разговор по радио от слова до слова.

Грейсток нажал кнопку. Из расположенного под носовым люком пускового устройства вырвалась ракета. Дирижабль взметнуло вверх. Длинная узкая трубка с бьющим из хвоста пламенем и голубым дымом от носового выхлопа устремилась к серебристому самолетику. Грейсток уже не мог разглядеть лица Рихтгофена, но ясно представил, как ужас сменил на нем недоумение. У немца оставалось лишь шесть секунд, чтобы натянуть парашют. Но если он даже сделает это, при такой высоте купол не успеет раскрыться. Нет, похоже, ему не спастись.

Рихтгофен не стал прыгать; он направил самолет вниз, пытаясь спикировать на воду. Моноплан стремительно падал, но ракета была быстрее. Удар, взрыв! Самолет и смертоносный снаряд исчезли в ослепительной вспышке пламени.

Команда судна торопливо устанавливала на катапульту второй самолет. Услышав вой сирен и рожков, люди, занятые спуском аэростата, приостановили работу. Грейсток надеялся, что они не догадаются обрезать канаты, и аэростат станет тормозом при маневре судна.

Из радиоприемника был слышен вой сирен и приглушенный голос Клеменса. Судно начало набирать скорость, одновременно разворачиваясь по течению. Грейсток улыбнулся. Теперь «Марк Твен» подставил ему свой борт. Он нажал кнопку, и дирижабль содрогнулся, выпустив две тяжелые торпеды.

Грейсток дернул руль высоты, приподнимая облегченный нос «Минервы», и до предела открыл дроссельные клапаны; сейчас ему понадобится вся скорость, которую можно выжать из моторов.

С громким всплеском торпеды вошли в воду и устремились к кораблю, взбивая две белые дорожки пены. Из динамика доносился отчаянный голос Клеменса. Гигантский корабль, не закончив поворот, под углом двинулся к левому

берегу. С палубных орудий открыли огонь по торпедам и дирижаблю.

Грейсток сыпал нормандскими проклятиями. Он не успевал справляться с пилотированием, стрельбой и наблюдением за кораблем. Но он должен сделать свое дело — потопить судно ради милости короля Джона и награды, которая его ждет! Он не собирался погибать здесь, не выполнив свое предназначение!

Он допустил промах — наверно, надо было спуститься, пройти прямо над «Марком Твеном» и сбросить бомбы... Он не рискнул взять курс на корабль после запрещения Сэма... Дьявол! Почему ему не удалось убедить Клеменса, что экипаж «Минервы» просто хочет рассмотреть судно?

Мысли метались в голове Грейстока, пока он продолжал автоматически нажимать кнопки, выпуская одну ракету за другой. Они устремились навстречу снарядам «Марка Твена»; тепловые детекторы, расположенные в головной части, вели их к выхлопам пламени, бившего их ракет противника. Впрочем, ракетная артиллерия корабля тоже было оснащена такими же устройствами.

Взрыв столкнувшихся ракет встряхнул дирижабль. Воздух заволокло дымом, окутавшим белый корпус корабля. Сквозь темное облако Грейсток с трудом различил, что висит почти над «Марком Твеном».

О, раны Божьи! Одна торпеда проскочила справа от кормы... но, кажется, сейчас их настигнет вторая! Нет, она лишь чуть задела борт и, сменив направление от толчка, двинулась к берегу. Промах! Снова промах!

Сейчас Клеменс сдавленным голосом заклинал его прекратить стрельбу. Он боялся взрыва дирижабля — горящая оболочка могла рухнуть на палубу. Похоже, он совсем забыл, что на борту «Минервы» есть еще запас бомб.

Второй самолет — двухместная амфибия — наконец поднялся в воздух. Пилот напряженно смотрел вверх, выжидая удобный момент для атаки. Но они находились слишком близко друг к другу и двигались очень быстро; летчик не успел выстрелить.

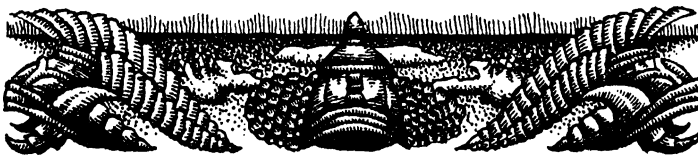
Кормовой стрелок, сидевший позади него, развернул свои пулеметы. Каждая десятая пуля была трассирующей, с фосфорной головкой. Одной вполне достаточно, чтобы взо-

рвать топливный бак «Минервы». Дирижабль был уже в ста пятидесяти ярдах от судна и стремительно приближался к нему. Сильный ветер и волочившийся за кораблем аэростат могли помешать быстрому маневру «Марка Твена».

Только бы успеть выпустить бомбы до разрыва трассирующих пуль! Может быть, стрелок промахнется, может, не успеет развернуть пулеметы...

Стремительно надвигался борт судна. Теперь уже нельзя сбрасывать бомбы; они взорвутся оба — и дирижабль, и судно. «Минерва» висела прямо над гребным колесом. Грейсток повернул бомбометатель, быстро поднялся и прыгнул в открытый люк. У него не оставалось времени, чтобы одеть парашют; к тому же, поверхность воды была слишком близко. Удар воздуха могучим Мальстремом закрутил его и швырнул вверх. Грейсток потерял сознание, не успев даже вспомнить о навсегда потерянном месте в команде «Рекса» и о своих мечтах когда-нибудь одолеть его капитана и стать полновластным владыкой прекрасного, как сон, корабля.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

На борт «Раззл-Даззл» Питер Фригейт вступил в первую неделю седьмого года после Воскрешения. Через двадцать шесть лет плавания он ощущал сильное утомление и был изрядно разочарован. Доберется ли когда-нибудь их шхуна до верховьев Реки? За эти годы они миновали 810 000 грейлстоунов — восемьсот десять тысяч миль или миллион триста тысяч километров!

Он поднялся на палубу судна в экваториальной зоне и через полтора года оказался в северном поясе. Они двигались не по прямой, как птицы, а ползли вдоль зигзагов огромной змеи. Если бы Река текла прямо, их путешествие заняло бы полгода — даже за пять месяцев! — но она извивалась, словно продажный политик во время выборов.

Когда судно впервые попало в высокие широты, к сгибу Реки, откуда поток опять поворачивал к югу, Фригейт предположил, что теперь они двинутся к полюсу пешком. Правда, полярные горы еще не были видны, но, вероятно, до них можно добраться сравнительно быстро. Искушение непрерывно терзало его, но все уговоры были тщетны.

— Ну и как же мы переберемся через вон ту преграду? — Фарингтон показал на вертикальную каменную стену высотой не меньше двенадцати тысяч футов.

— На аэростате.

— Вы с своем уме? Ветер здесь дует на юг, нас просто отбросит от гор!

— Да, но только вблизи поверхности. Если метеоусловия здесь совпадают с земными, в верхних слоях ветер направлен к северу. Когда аэростат поднимется до нужной высоты, его понесет к полюсу. Мы доберемся до гор, которые окружают море, и там опустимся. Если верить слухам, полярный хребет слишком высок и на аэростате его не преодолеть. Затем...

Слушая рассуждения Фригейта, Фарингтон даже побледнел.

Райдер усмехнулся.

— Разве вы не знаете, что Фриско Киду отвратительна даже мысль о путешествии по воздуху?

— Неправда! — свирепо глянул на него Мартин. — Если бы только была хоть какая-то возможность добраться туда, я первый полез в корзину аэростата! Но это невозможно! А, кроме того, из чего мы соорудим его — из дерьма, что ли?

Фригейт вынужден был признать его правоту. Тут они не могли ничего поделать. У них нет материалов для изготовления воздушного шара и нет водорода.

Но стоило обдумать другой вариант. Например, попытаться заполнить аэростат горячим воздухом. Он взлетит до вершины горы, а там они спустят вниз канат.

Выпалив новую идею, он сам первый расхохотался. Да разве можно изготовить канат длиной в тысячи футов, причем настолько прочный, что он не порвется от собственного веса? Какого же размера должен быть аэростат, способный его поднять, — не меньше «Гинденбурга»? И как без человеческих рук закрепить веревку на вершине горы?

Этот вариант отпал, но у Фригейта уже был готов следующий: послать человека на привязном аэростате; он доберется до вершины и лебедкой втянет канат наверх.

— Выбросьте все это из головы, — сердито фыркнул Фарингтон.

Фригейт примолк.

«Раззл-Даззл» плыла к югу. Дул попутный ветер, и команда, поскучневшая в мрачных, сырых местах, наслаждалась теплом. Через несколько месяцев судно пересекло экватор и девятый раз вступило в южное полушарие.

Однажды во время завтрака Фригейта подстерегала приятная неожиданность — исполнились два его заветных желания. Один подарок ему преподнес цилиндр; уже десяток лет Питер мечтал получить одновременно ореховое масло и банан. Сейчас, открыв крышку, он узрел долгожданный сюрприз — кружку, наполненную мягким, благоухающим ореховым маслом, и несколько желтых в коричневых пятнышках бананов.

Полный предвкушения, Фригейт тщательно почистил банан, окунул его кончик в масло и сунул в рот. Ну разве не стоило воскресать хотя бы ради этого?

Тут он заметил проходившую мимо женщину, весьма недурную собой. Но его внимание привлекла не хорошенькая мордашка, а браслет на ее руке. Глаза Фригейта широко открылись, он вскочил и, догнав незнакомку, произнес на эсперанто:

— Пардону мин, синьорино. Не могу ли я посмотреть ваш необыкновенный браслет? Он похож на медный. — От волнения он перешел на английский.

— Естас бразо — действительно, медный, — обернувшись, она улыбнулась ему.

Женщина взяла предложенную ей сигарету, пробормотав — «Данке!» — и закурила. При ближайшем рассмотрении она оказалась столь же привлекательной, как и браслет; Фригейт удивился, узрев такую красотку в одиночестве. Однако в тот же миг за ее спиной возник хмурый темноволосый субъект и Питеру пришлось пуститься в поспешные объяснения, что его заинтересовал лишь браслет, а не его владелица. Мужчина, казалось, успокоился, но на лице женщины проступило выражение явного разочарования. Она пожала плечами и ограничилась краткой справкой:

— Его привезли с верховьев Реки, и стоил он всего сто сигарет и два рога меч-рыбы.

— Конечно, ей уступили в цене, но никто не имел на нее видов, — добавил мужчина.

— О, Эмиль, но это все было еще до тебя.

— А вы не знаете, из какой страны эта штука? — продолжал расспросы Фригейт. — Где его сделали?

— Продавец сказал, что он приехал из Новой Богемии.

Фригейт предложил сигарету мужчине, окончательно развеяв его подозрения. Эмиль сказал, что Новая Богемия — довольно крупное государство; отсюда до него около девятисот грейлстоунов вверх по Реке. Большинство его граждан — чехи двадцатого столетия; с ними живет какое-то древнее галльское племя. Остальные, как обычно, относились к разным народам и разным эпохам.

Еще три года тому назад Новая Богемия была маленькой страной со смешанным славянско-галльским населением.

— Но их вождь, Ладислав Подебрад, шесть лет назад начал один проект. Почему-то он решил, что в недрах его страны много металла, особенно — железа. Люди принялись копать у подножия гор и прорыли огромную, глубокую шахту. Они пробились сквозь дерн и почву, а вы знаете, как это трудно.

Фригейт кивнул. Переплетенные корни травы уходили глубоко в землю, предохраняя верхний слой от эрозии. Возможно, они образовывали единый конгломерат, тянувшийся по обеим берегам Реки и под нею.

— Они очень долго долбили грунт, пока на глубине шестидесяти ярдов не наткнулись на скалу, Думаю, это был известняк. Народ взбунтовался и решил бросить работу, но Подебрад заявил, что видел вещий сон... якобы под камнем кроются огромные залежи железа. Люди поверили ему.

— Ну и ну,— покачала головой женщина,— уж тебя-то он не уговорил бы потрудиться.

— Тебя тоже, крошка!

Фригейт подумал, что им вряд ли стоит жить вместе, но предусмотрительно оставил свое мнение при себе.

Впрочем, ему и раньше встречались пары, терзавшие друг друга со дня свадьбы и до самой смерти. Удивительно, что их соединяло?

Три года назад предсказание Подебрада сбылось, и труд его народа был вознагражден: они наткнулись на огромнейшие запасы полезных ископаемых — железную руду, сульфид цинка, уголь, соль, серу, свинец, даже платину и ванадий.

— Все в одном месте? — Фригейт недоуменно моргнул.— Но такие залежи не могут образоваться естественным путем!

— Так рассказывал тот человек Марии. Я слышал и от других жителей Новой Богемии, что все это походило на гигантскую свалку, устроенную Теми, Кто создал этот мир. Казалось, там поработал огромный бульдозер, нагромоздивший всякой всячины... а потом все завалили громадной скалой и слоем почвы.

Подебрад начал добывать руду, и вскоре у его людей появилось стальное оружие и инструменты. В результате Новая Богемия, до того владевшая лишь семью милями по-

бережья, теперь простиралась на сорок миль по обеим берегам Реки. Подебрад ни с кем не воевал и не захватывал чужих земель; соседние страны сами пожелали присоединиться, и он не отказывал никому.

Окружающие Новую Богемию государства заразились золотой лихорадкой, но на их долю выпал лишь тяжкий труд, поломанный инструмент и горькое разочарование. Видимо, клад залегал лишь на небольшом участке первоначальной Новой Богемии, скрываясь в глубинах планеты.

Эмиль показал на холмы.

— У нас тоже пробили шахту в двести футов, но все пришлось бросить,— под слоем почвы мы наткнулись на доломит. Подебрад — еще тот счастливчик, у него был мягкий известняк!

Фригейт поблагодарил словоохотливого собеседника и помчался с новостями на судно. В результате уже через одиннадцать дней они бросили якорь у столицы Подебрада.

За полдня пути до южных берегов Новой Богемии команда уже ощутила запахи серы и угля. По берегу тянулись высоченные земляные насыпи, на Реке патрулировали четыре больших паровых корабля, вооруженных пушками, и множество судов помельче. Часовые со стальным оружием в руках стояли на вышках.

Команда «Раззл-Даззл» осматривала окрестности в полном изумлении и даже подавленности. Они привыкли к чистому воздуху, ясным голубым небесам, зеленой растительности; здесь же цивилизация сокрушила долину.

Нур поинтересовался у одного из местных жителей, стоило ли так истощать недра. И к чему им столько оружия?

— Конечно, это необходимо,— с полной убежденностью ответил тот.— Если мы не будем вооружаться, наши шахты захватят другие государства. Так что оружие нам нужно для самообороны,— он немного подумал и добавил: — но мы производим и другие изделия из металла — для обмена на табак, сигареты, украшения и продовольствие.

— Зачем? Ведь грейлстоуны снабжают нас всем необходимым... иногда даже балуют нас,— улыбнулся Нур.— К чему терзать землю и заражать воздух?

— Я же объяснил вам!

— Закопали бы вы свою шахту,— сказал Нур.— А еще лучше — вообще не принимались за нее.

Человек молча пожал плечами. Вдруг он обернулся и в изумлении уставился на Райдера.

— Скажите, вы — не Том Микс, киноактер?

— Нет, дружище,— засмеялся Том,— но мне уже не однажды говорили, что я на него похож.

— Я видел вас... его, когда он приехал в Париж. Мне пришлось тогда посетить Париж по делу... Я стоял в толпе и любовался на вас... на него, когда он ехал верхом на Тони, своей лошади... Незабываемое зрелище! Микс был моим любимым актером.

— И моим тоже,— Том повернулся и отошел в сторону.

Фригейт, вместе с капитаном, направился к нему.

— У меня такое впечатление, что вы весьма взволнованы, Пит,— заметил Фарингтон.— И, вероятно, думаете о том же, о чем мы с Томом только что толковали.

— Не понимаю,— Фригейт поднял на капитана затуманенный взгляд.— Что вы имеете в виду?

— Как — что? — Фарингтон посмотрел на Тома.— Только то, что неплохо бы заполучить один из паровых катеров.

Фригейт в изумлении поднял брови.

— Но я думал совсем не об этом! Вы полагаете, его нужно украсть?

— Что-то в этом роде,— протянул Том.— Они же всегда могут соорудить другой, а мы на таком суденышке гораздо быстрее доберемся к верховьям Реки.

— Но это же аморально! — воскликнул Фригейт.— И, к тому же, опасно. Я уверен, что их сторожат днем и ночью.

— Кто тут толкует о морали? — прервал его Мартин.— Помнится мне, как в Руритании один парень завербовался к нам на шхуну... и прихватил с собой казенный меч!

Фригейт побагровел.

— Неправда! Я сам его сделал!

— А потом украл,— Мартин усмехнулся своей чудесной улыбкой и хлопнул Фригейта по плечу.— Не заводитесь, Пит. Если вам очень хочется, тащите, что плохо лежит. Так вот: нам нужно быстроходное судно, чтобы поскорее добраться до истоков.

— Не говоря о том, что оно обладает и некоторым комфортом,— ухмыльнулся Том.

— Вы толкаете нас на большой риск... может быть — на смерть.

— Я никого не тяну и никому не приказываю. Если не страшно, присоединяйтесь, идет?

— Я вовсе не трушу,— Фригейт опять вспыхнул.— Была бы необходимость, я пошел на это. Но тут можно раздобыть кое-что побыстрее допотопного парохода!

— Вы полагаете, Подебрад построит вам личный скоростной катер? — насмешливо спросил Мартин.— Паровую яхту?

— Нет, я думаю не о том, как проплыть Реку из конца в конец. Наша задача — перебраться через горы.

— Ну-ка, подтяни подпруги, приятель,— осадил его Том.— Это что — самолет?

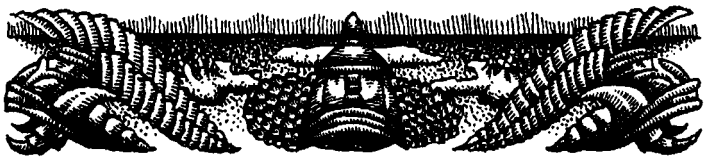
Мартин побледнел.

— Нет, его нам не построить. И с самолетом много возни — надо садиться, откуда-то брать горючее... Нет, нам нужен другой аппарат — но тоже способный к полету. Такой, которому не нужен ни двигатель, ни бензин, ни спирт...

— Вы говорите об аэростате?

— Почему бы и нет? Аэростат или еще лучше — дирижабль.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Том Райдер идею одобрил сразу же, но Фарингтон запротестовал.

— Нет! Слишком опасный проект! Я не верю в этот мешок, начиненный водородом! Газ взорвется, и мы все сгорим!

Он хрустнул пальцами.

— К тому же, он целиком зависит от ветра... игрушка урагана — ничего более! А где мы найдем пилота? Обычного летчика еще можно откопать, я даже был знаком с двумя-тремя... Но опытного аэронавта? А команда? Надо подобрать людей, обучить их... Разве это нам под силу? И еще одно...

— Побаиваешься? — улыбнулся Том.

Мартин густо покраснел и сцепил руки.

— Хочешь расстаться с парой зубов?

— К этому мне не привыкать,— Райдер снова ухмыльнулся, потом глаза его стали серьезными.— Успокойся, Фриско. Если о чем и стоит поразмыслить, так только о причинах, по которым этот проект неосуществим.

Фригейт знал, что Джек Лондон никогда не интересовался путешествиями по воздуху. Странно! Казалось бы, человек, чья жизнь была столь бурной и полной приключений, мужчина, исполненный воинственной отваги и жажды нового, должен с восторгом согласиться на подобный полет.

Неужели он боится высоты?

Все может быть! Существует множество храбрых людей, которые ничего не страшатся на земле, но впадают в панику, стоит им только оторваться от нее. Вряд ли следует их осуждать — здесь виновата одна из причуд человеческого характера. Но Мартину было стыдно показать свой страх.

Фригейт признался себе, что и ему ведома эта стыдливость. В какой-то степени с годами он избавился от нее, но способно ли время так глубоко перекроить душу человека? Когда ирра-

циональное начало вступает в игру, оно подавляет разум; мозг бессилен ему противостоять.

Фригейт понимал, что в реакции Фарингтона есть своя логика. Полет на дирижабле — дело опасное и непростое; здесь нужно взвесить все обстоятельства.

К обсуждению решили привлечь Нура и Погаса. Фригейт изложил им свою идею, не скрывая риска предприятия.

— И все же полет на дирижабле даст нам огромный выигрыш во времени. А опасность... что ж, может быть, воздушное путешествие менее опасно, чем путь по воде и предстоящий пеший переход через горы у полюса.

— Черт вас побери, да не опасностей я боюсь! Вы же это знаете, Пит! Дело в том...

Голос Мартина дрогнул. Том улыбнулся.

— Ну, что ты все скалишься? — рявкнул Фарингтон.

Погас тоже усмехнулся.

— Да не распаляй ты себя,— сказал Том.— Сейчас нам надо наживить крючок для местного босса, пана Подебрада. С какой стати такая большая шишка согласится нам помочь? Скорее всего, он откажет. Но почему бы не попробовать? Пошли к нему домой и поговорим начистоту.

Нур и Погас согласились, что не стоит откладывать дело в долгий ящик, а потому капитан, его помощник и матрос Фригейт направились к большому строению из известняка, на который указал им один из прохожих.

— Вы все-таки хотите выкрасть катер? — спросил Пит.

— Ну, все зависит от развития событий,— уклончиво отозвался Том.

— Нур на это никогда не пойдет,— убежденно заявил Фригейт.— Да и остальные тоже будут против.

— Тогда придется действовать без них.

Дом Подебрада возвышался на холме; его островерхая бамбуковая крыша почти касалась нижних ветвей огромной сосны. Охранники провели их в приемную. Внимательно оглядев каждого из путников, секретарь вышел из комнаты, потом быстро вернулся и объявил, что через два дня Подебрад примет их после завтрака.

Остаток дня они решили порыбачить. Райдер и Фарингтон поймали несколько полосатых окуньков; в основном же они заняты обсуждением способов похищения катера.

Ладислав Подебрад, невысокий рыжеволосый человек, с головой, плотно посаженной на бычьей шее, и массивным подбородком, славился непреклонным характером и ледяной невозмутимостью. Разговор с ним шел долгий и закончился совершенно неожиданно для трех визитеров.

— Ну что вас так тянет к северному полюсу? Я слышал, что Башня расположена за непроходимыми горами. Не знаю, можно ли верить этим россказням, но я охотно допускаю такую возможность.

— Я также готов согласиться, что этот мир, в его первозданном виде, был действительно создан Богом. Однако любому здравомыслящему человеку ясно, что затем планета была преобразована разумными существами, и Бог здесь совершенно не при чем. Как ученый, я понимаю — наше воскрешение совершилось на основе законов физики и биологии, а не по воле сверхъестественных существ. Но во имя чего это сделано, я не могу представить. Церковь Второго Шанса выдвинула весьма логичную гипотезу, но ей не достает точности и определенности доказательства.

Подебрад встал, подошел к шкафу и вынул оттуда спиралевидную кость речного дракона.

— Вы, конечно, знаете, что это такое — священный символ сторонников Церкви Второго Шанса. Однако в их вере отсутствует рациональное зерно, знание основ мироздания. Правда, излишек знаний мешает людям истинно верить... В этом смысле Церковь подобна остальным религиям на Земле и Мире Реки.

— Здесь нам открылась истина о существовании послежизни... во всяком случае, в первые годы после Великого Пробуждения. Теперь, когда прекратились воскрешения, мы утратили веру в будущее. Даже Церковь не знает, почему люди опять стали смертны. Ее проповедники говорят, что нам был отпущен достаточный срок для того, чтобы обрести спасение; он истек, и больше воскрешений не будет.

— Не думаю, что здесь скрыта истина. Джентльмены, на Земле я был атеистом, членом чехословацкой коммунистической партии. Но здесь я встретил человека, убедившего меня, что религия и вера не имеют ничего общего с рациональным началом, во всяком случае, в момент их зарождения. Осознание веры, ее псевдологическое обоснование, приходит

позднее. Ни Иисус, ни Маркс, ни Будда, ни Магомет не знали правды о загробном мире. Они допустили больше ошибок в его толковании, чем любой из нас, возродившихся на этой планете, в этой вселенной.

Он подошел к письменному столу, сел в кресло и положил перед собой спиралевидную кость.

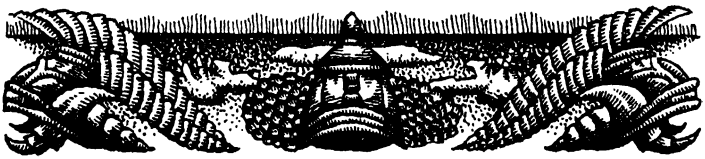
— Джентльмены, на днях я собирался объявить о моем обращении в лоно Церкви Второго Шанса. Кроме того, я покидаю пост главы государства Новая Богемия. Я хочу отправиться в Вироландо и искренне надеюсь, что эта страна — не миф, не сказка. Мне хотелось бы задать несколько вопросов основателю Церкви — Ла Виро. Если его ответы удовлетворят меня, или он признает, что не может дать ответов на все вопросы, я посвящу свою жизнь служению ему — пойду, куда он повелит, и буду делать то, что он сочтет возможным доверить мне.

— Если мои сведения верны — а я располагаю довольно точной информацией — то Вироландо находится отсюда на расстоянии миллионов миль. Чтобы добраться туда, мне потребуется половина моей земной жизни.

— И вот в этот момент передо мной появляетесь вы со своим предложением. Удивительно, что подобная мысль не пришла мне в голову раньше! Возможно потому, что меня больше занимал сам путь, чем его окончание... Ведь этот путь — только еще один способ познать себя, не правда ли?

— Да, джентльмены, я построю вам дирижабль — но при условии, что вы возьмете меня в полет.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Наступило долгое молчание. Наконец, Фарингтон произнес:

— Я согласен, пан Подебрад, но что скажут мои спутники?

Фригейт и Райдер кивнули.

— Да, неожиданная ситуация, — протянул Фарингтон. — Дело не в том, что вы хотите лететь с нами, — поспешно добавил капитан. — Этому-то я очень рад. Но где мы найдем опытных пилотов? Только сумасшедший поднимется в воздух с людьми, которые не знают, с какой стороны взяться за руль и как запустить машину.

— Конечно, вы правы. Однако строительство дирижабля — долгое дело. Нам еще предстоит разыскать инженеров, способных спроектировать его и сделать все расчеты. Придется начинать с нуля. Постепенно мы найдем и пилотов. Конечно, это непросто, но где-то в долине, пусть за две тысячи миль от нас, обитает хоть один аэронавт!

— Мне приходилось летать на воздушном шаре, — вмешался Фригейт, — и я довольно много читал о них. Кроме того, я дважды поднимался на дирижабле. Правда, не могу считать себя специалистом, однако...

— Мы можем и сами изучить это искусство, мистер Фригейт. Ваши познания весьма помогут нам в тренировках.

— Это было так давно... Невероятно давно!

— Вы не внушаете мне доверия, Пит, — свирепо заявил Фарингтон.

— Доверие придет с опытом, — подвел итог Подебрад. — А теперь, джентльмены, я сразу приступаю к делу. Мне придется отложить свою отставку и все религиозные проблемы до окончания строительства дирижабля. Пост главы государства не может занимать сторонник Церкви, проповедующей непротивление насилию.

Фригейта поразила его глубокая убежденность и последовательность. Ему казалось, что ни один приверженец

Церкви Второго Шанса, искренне поверивший в ее догматы, не способен к таким решительным действиям.

— Как только мы закончим совещание, я сразу же займусь поиском сырья и оборудования для производства водорода,— продолжал чех.— Самыми подходящими материалами мне представляются серная кислота и цинк. И то, и другое у нас есть; производство кислоты уже налажено. Хотелось бы получить алюминий, но...

— Дирижабли Шютте-Ланца были деревянными,— вспомнил Фригейт.— Дерева нужно совсем немного.

— Дерево! — подскочил Фарингтон.— Вы что — хотите лететь на деревянном дирижабле?

— Нет, деревянным будет лишь каркас; обшивку можно сделать из внутренностей речного дракона.

— Мы перебьем всех драконов на сто миль в окрестности,— улыбнулся Подебрад и встал.— Ладно! У меня сегодня еще масса дел. Увидимся завтра утром и обсудим детали. Итак, до свидания.

Когда они вышли из дома, Фарингтон буркнул:

— Все это чистое безумие!

— Сказать по правде, я уже устал плыть по Реке,— заявил Том.

— Значит, ты предпочитаешь убиться насмерть, пока научишься летать на этой проклятой штуковине? Или, представь себе, мы ее построим, а она не взлетит? Потеряем зря уйму времени!

— Не могу поверить — вмешался Фригейт,— что слышу это от человека, который перегонял лодки через Белую Лошадь и подвизался в качестве устричного пирата...

Он остановился и побледнел. Райдер и Фарингтон встали перед ним с окаменелыми лицами.

— Я рассказывал массу историй о приключениях на Аляске,— медленно заговорил Фарингтон — но ни словом не упоминал о Белой Лошади... во всяком случае — при всех. Значит, вы нас подслушивали?

Фригейт глубоко вздохнул.

— Черт побери, я никогда не был шпионом! Просто я узнал вас с первого взгляда.

Райдер быстро зашел ему за спину. Фарингтон стиснул рукоять ножа.

— Кто бы вы не были,— ровным голосом приказал Райдер,— идите вперед и прямо на судно. Никаких шуточек, пожалуйста!

— Я не скрываюсь под чужим именем, как вы оба! — отпарировал Фригейт.

— Делайте, что вам велят!

Фригейт пожал плечами и попытался усмехнуться.

— Очевидно, у вас много чего на совести, если вы не хотите открыть свои настоящие имена. Ладно, я подчиняюсь. Вы же не собираетесь прикончить меня?

— Посмотрим,— сухо ответил Райдер.

Они спустились с холма, направляясь к Реке. На палубе Нур разговаривал с какой-то женщиной. Райдер шепнул:

— Ни слова Пит, и улыбайтесь. Улыбайтесь, дьявол вас побери!

Фригейт бросил взгляд на маленького араба и подмигнул ему. Он надеялся, что тот заметит неладное,— суфии умели улавливать малейшие перемены в выражении лица. Но Нур не обратил на них внимания. Когда они вошли в каюту капитана, Фриско подтолкнул Фригейта к койке.

— Я прожил с вами двадцать шесть лет,— произнес Фригейт,— Двадцать шесть! И ни разу не вспомнил ваших настоящих имен!

Фарингтон сел на стул. Поигрывая ножом, он посмотрел на пленника.

— Это кажется противоестественным. Как же вам удалось держать язык за зубами столько лет? И почему?

— Главное — почему? — Райдер навис над ним; стилет из бивня речного дракона сверкнул перед глазами Фригейта.

— Только потому, что уважал ваше инкогнито. Поверьте, я не враг вам. Если вы не хотели быть узнанными... что ж, ваше право. Но меня всегда интересовала причина... Почему вы оба затаились?

Фарингтон посмотрел на Райдера.

— Что ты думаешь об этом, Том?

Актер пожал плечами.

— Мы промахнулись. Надо было обратить все в шутку... сказать Питу, кто мы, и преподнести какую-нибудь развесистую байку. Теперь он знает — нам есть что скрывать.

Фарингтон отложил нож и зажег сигарету.

— Да, мы совершили ошибку. Что будем делать?

Райдер вложил стилет в ножны и тоже закурил. Фригейт незаметно присматривался к ним. Сумеет ли он отбиться? Сомнительно; оба были сильными и проворными людьми. К тому же, попытка к бегству будет расценена как признак вины. Вины в чем?

— Ладно,— выдавил из себя Том.— Попробуем выбросить все из головы. Расслабьтесь, Пит.

— Пока вы соображаете, с какого бока лучше выпустить мне кишки?

— Полагаю,— усмехнулся Райдер,— за долгие годы вы убедились, что хладнокровное убийство не в нашем стиле. Мы не подымем руки даже на чужака... а к вам — к вам, Пит, мы испытываем известную привязанность.

— Если я что-то значу для вас, то что же вы намерены делать?

— В ярости убиваешь с легким сердцем,— задумчиво сообщил Том.— Даже того, кто дорог.

— Но почему?!

— Если вы не настоящий Питер Фригейт, то скоро узнаете об этом.

— Кем же еще, черт возьми, я могу быть?

Наступило долгое молчание. Фарингтон бросил сигарету в пепельницу, прикрепленную к столу.

— Все дело в том, Райдер,— начал капитан,— что мы прожили с ним больше времени, чем с любой из наших подружек. Если он — один из Них, то зачем возится с нами так долго? Тем более, что он сразу нас узнал. Мы в два счета попали бы на крючок.

— Весьма вероятно. Но учти — мы не знаем и четверти, даже одной восьмой правды. Может быть, все вокруг — ложь, а мы — просто марионетки.

— Один из Них? О чем вы? — не понял Фригейт.

Мартин Фарингтон хмуро взглянул на него.

— Что же делать? Мы не с состоянии доказать, что он — Их соглядатай... как, впрочем, и обратного. Мы в тупике... Ты был прав, Том — надо было наврать ему с три короба. А сейчас, похоже, придется доводить дело до конца.

— Если он — один из Них, то все знает сам,— рассудил Том.— Мы ничего нового ему не скажем. Разве лишь про то-

го этика. И если Пит — Их агент, то ты догадываешься, почему его послали следить за нами. Они подозревают, что мы связаны с Ним.

— Но если Пит — шпион, на кой черт ему дирижабль? Зачем ему тащить нас в Башню?

— Да, это верно. И все же...

— Не тяни!

— Возможно, у этих парней из Башни началась какая-то неразбериха, и он сейчас в таком же неведении, как и мы сами.

— Что ты имеешь в виду? Послушай, Том, мне кажется, что происходит нечто странное... дела идут совсем не так, как обещал твой этик. Скажем, почему прекратились воскрешения?

— Возможно, изменился первоначальный план? Или действительно что-то случилось?

— Думаешь, нашелся ловкач, который бросил в их механику гаечный ключ и поломал все колесики?

— Да. И агенты знают об этом не больше, чем мы с тобой.

— Отсюда следует, что Пит — агент и хочет вернуться к Ним. Поэтому он нашел нас, подкинул мысль о дирижабле, который поможет быстро туда добраться... Ему, а не нам!

— Что-то в этом роде.

— Тогда вернемся к исходной точке. Пит может быть одним из Них. Если так, мы не сообщим ему ничего нового.

— Да, но он сам может нам все рассказать. Все, полностью!

— И ты готов это «все» выбить из него? А если он только Фригейт?

— Дьявольщина! — Райдер сжал кулаки.— Развязать язык нетрудно — я знаю пару-другую хороших трюков... Но... но... у меня никогда рука не поднимется!

— Тогда мы отплываем, а Пита оставим здесь,— решил Фарингтон.

— Вот как? — криво усмехнулся Том.— Тебя устраивает такой оборот? Значит, ты не рискнешь вверить свою дрожащую плоть и трепещущее сердце небесному кораблю?

— Ты меня выведешь из себя, Том!

— Ладно, молчу, молчу... Я знаю, Фриско, в твоей душе нет страха... — Райдер потер лоб ладонью. — Но как же нам действовать дальше? Если мы продолжим плавание по Реке, то Пит окажется у северного полюса куда быстрее нас... Представляю, какой прием нас ждет!

— Послушай, что мы морочим друг другу головы! Разве Пит может быть одним из Них? Эти существа превосходят людей, а он совсем не супермен. Не обижайтесь, Пит.

Том прищурился, всматриваясь в лицо Фригейта.

— Может, он притворяется... Сомнительно, конечно чтобы, он мог морочить нас четверть века...

— Давай расскажем ему все. Что мы теряем? Я хранил эту тайну двадцать девять лет.

— Ты уже наговорил слишком много!

— Нет, посмотрите-ка на него! Ты бы уж помалкивал, старый болтун!

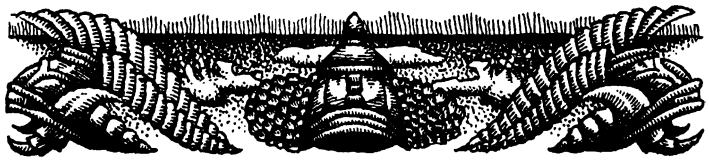
Фарингтон зажег еще одну сигарету, Райдер последовал его примеру, затем спросил:

— Хотите закурить, Пит?

— А вы не попытаетесь прикончить меня в дыму? — Фригейт достал из сумки сигару. — Послушайте, мне пора выпить.

— Нам тоже. Том, похозяйничай вот в этом шкафу. А потом мы поговорим. Господи, точно камень с души свалился!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

— Это случилось в темную и бурную ночь, — Том улыбнулся — видимо, припомнил классическое начало историй о привидениях. — Джек и я...

— Давай оставим прежнее — Мартин. Как договаривались. Даже когда мы только вдвоем.

— Ладно, но тогда ты был Джеком. Я познакомился с Фриско тут, в долине, но друзьями мы стали не сразу. Наши хижины стояли бок о бок, мы оба служили в береговой охране местного лорда. Однажды ночью, когда я был свободен от дежурства и спал у себя в хижине, кто-то разбудил меня, тронув за плечо. Я было подумал, что это Говардайн, моя подружка. Ты помнишь ее, Кид?

— Красавица, — подмигнул Мартин Фригейту. — Рыжая шотландка!

— Не сбивай меня! Одним словом, это была не Варди — она крепко спала, я слышал ее ровное дыхание. Тут отблески света упали на фигуру, что стояла рядом с постелью. Я хотел схватить томагавк, но не смог шевельнуть даже пальцем. Лежу я и размышляю о том, как вредно баловаться с наркотиками и какое представление меня ждет. Впрочем, реальность была бы еще хуже — тот малый мог запросто обрезать мне уши.

— При новых вспышках молний я разглядел затаившегося незнакомца и совсем запаниковал. Он был закутан в широкий черный плащ. А голова? Ее вовсе не было... то есть я хочу сказать, она скрывалась под огромным шаром. Лица я не разглядел, но он-то видел меня прекрасно — даже в темноте.

— Двигаться я не мог, но дара речи не потерял и говорю ему: «Кто вы такой? Что вам нужно?» Я почти кричал — надеялся разбудить Варди, — но она так и не проснулась. Я ду-

маю, ее тоже напичкали наркотиками... или загипнотизировали.

— Низким голосом незнакомец ответил мне по-английски: «У меня мало времени, поэтому подробности придется опустить. Имя мое значения не имеет — в любом случае, я не мог бы назвать его вам, потому что Они сумели бы извлечь из вашей памяти все, что Им нужно.»

— Я поинтересовался, что значит «извлечь из памяти». Происходящее все больше поражало меня. Теперь я отчетливо понимал, что не сплю.

«Они могут узнать обо всем, что здесь говорится и делается,— ответил пришелец.— Понимаете, в вашем мозгу прокручивается что-то вроде киноленты. Они могут вырезать из нее кусок — и все, что хранили эти кадры, исчезнет из вашей памяти. Но если это произойдет, я встречусь с вами и повторю еще раз.»

— Кто такие «Они»? — спросил я.

— «Люди, преобразовавшие эту планету и воскресившие вас. А теперь слушайте меня и не перебивайте.»

— Вы меня хорошо знаете, парни — я не стану возводить напраслину на человека... но этот тип разговаривал так, словно весь мир — его собственное ранчо, а я — нищий ковбой... Но что я мог поделать?

— Незнакомец продолжал: « Они живут в Башне, расположенной в центре северного моря. Вы, наверное, уже слышали о ней — нескольким людям удалось добраться до окружающих море гор»

— Тут мне бы спросить его, не он ли подвесил в тех краях веревку для спуска с обрыва и прорыл туннель. Но тогда я еще не знал о них.

«Но люди не сумели попасть в Башню,— рассказывал он.— Один из них умер, сорвавшись со скалы в море. Его опять вернули в долину... без всяких потерь.»

Том помолчал, потом задумчиво произнес:

— Очевидно, он каким-то образом узнал об этом. Затем он добавил: «Но остальные... они не помнят ничего.» Похоже, этот тип пропустил кое-какие подробности о египтянах

— во всяком случае, о том, что Пахери удалось смыться. А может, он все знал, только не успел мне сказать... Но я так не думаю.

— Тем временем пришелец продолжал: «Скорость, с которой распространяются новости по Долине, просто поражает. Тот человек, что упал с горы, после возвращения многим рассказывал свою историю; ее теперь знают повсюду. Вы ее слышали?»

— Еще нет,— ответил я.

— «Без сомнения, скоро услышите. Если поплывете вверх по Реке, то вам изложат какой-нибудь из вариантов,— он сделал паузу, потом неожиданно спросил: — Вас, конечно, интересует, почему людей воскресили после смерти и перенесли в этот мир?»

— Я подтвердил, и он принялся объяснять мне: «Мой народ, этики, осуществляет научный эксперимент. Вас поселили здесь, перемешав все расы и нации, времена и эпохи, только затем, чтобы изучить ваши реакции и зафиксировать их для последующей классификации. Затем,— в его голосе зазвучало негодование,— после окончания эксперимента, после того, как вас поманят надеждой на вечную жизнь, проект завершится. Они покончат и с ним, и с вами. Вы умрете — умрете навсегда. Вас более не воскресят; вы превратитесь в прах, вечный и безвозвратный!»

— Чудовищная жестокость! — воскликнул я, забыв, что он не дал мне разрешения говорить.

— «Нечеловеческая,— подтвердил он.— В их власти подарить вам вечную жизнь, пока существует солнце! Даже дольше — весь род людской можно перенести на другую планету, к юной звезде... Но нет! Они считают людей недостойными бессмертия!»

— Если не ошибаюсь, «этик» происходит от слова «этический»,— сказал я.— Но то, что вы рассказали — безнравственно!

Тут он замолк на мгновенье, а затем сказал:

— «Они считают безнравственным давать вечную жизнь тем, кто ее не заслужил.»

— У них не лучшее мнение о нас.

— «У меня тоже. Но мнение — хорошее или плохое, как и теоретические домыслы по этому поводу,— не имеют ничего общего с аспектами нравственности.»

— Как же вы можете любить тех, кого презираете?

— «Это нелегко... истинно нравственное деяние всегда трудно дается.»

При вспышке молнии я увидел его правую руку с каким-то прибором на запястье, напоминавшим мужские часы; он испускал мерцающее сияние. Я не мог разглядеть его как следует, но слышал доносившийся оттуда мягкий голос, словно из приглушенного радиоприемника. Язык был мне незнаком... такого я никогда не слышал. Его кисть казалась широкой, но пальцы — длинными, тонкими.

— «Мое время истекло,— сказал он, пряча руку под плащ, и хижина вновь погрузилась во мрак; блеск молний лишь изредка разрывал темноту.— Я не могу сейчас открыть причины, по которым выбрал именно вас. Скажу лишь, что ваша аура позволяет мне надеяться, что вы — подходящий кандидат.»

«Какая аура? — подумал я. Значение этого слова мне было известно, но, казалось, он вкладывал в него еще особый смысл.— И для какого дела набирает он кандидатов?»

— Внезапно, словно прочитав мои мысли, он вновь вытянул руку из под плаща. Искрящийся свет на миг ослепил меня, но мне удалось разглядеть, как он приподнял над плечами шар. Ни контура головы, ни лица! Я видел лишь большую вращающуюся сферу; она бросала во все стороны световые лучи всех цветов радуги. Время от времени они словно уходили внутрь, потом появлялись опять. Я уже не испытывал страха — мне казалось, я стою перед лицом ангела. А разве можно страшиться божьего посланца?

— Но Люцифер тоже был ангелом,— заметил Фригейт.

— Да, знаю. Библию я читал. Мильтона — тоже.

Мартин фыркнул.

— Вы, два идиота... вы действительно верите в ангелов?

— Я-то нет — ответил Том.— Я говорю, он показался мне похожим на ангела. Это свечение... Я решил, что оно исходит от прибора на его запястье. Оно меня ослепило, и ли-

ца его я так и не разглядел. А при одной из вспышек увидел, что шар опять на его голове.

— Теперь мне было ясно, что он называл «аурой». Вероятно, нечто подобное окружало и мою голову, только этот ореол оставался невидимым.

— Следующим ангелом мы объявим тебя,— хмыкнул Мартин.

— Потом пришелец сказал:

«Вы можете и должны мне помочь. Я хочу, чтобы вы отправились к верховьям Реки, к Башне. Но перед этим вам надо рассказать все Джеку Лондону, вашему соседу, и убедить его отправиться вместе с вами. Но больше не открывайтесь никому, ни одному человеку!

Мы, этики, редко покидаем Башню. Однако в долине действуют агенты моих врагов, неотличимые от людей; их не очень много, но они существуют.

И они ищут предателя. Они не знают, кто он, но факт измены для них не тайна. Они подозревают, что кто-то из этиков набирает себе помощников среди обитателей долины, и этих людей они тоже пытаются разыскать. Если вы попадетесь, то будете доставлены в Башню; там считают ваши воспоминания и сотрут все, что относится ко мне. Потом вас вернут в долину.»

— «У Лондона подходящая аура, вот почему надо убедить его пойти с вами. Передайте ему, что мы еще встретимся. Я должен многое рассказать вам обоим.»

— Он поднялся и произнес: «Ждите следующего раза.»

— Я наблюдал за ним при вспышках молнии, освещавших темную фигуру, плащ и шар, размышляя, не сошел ли я с ума. Оцепенение отпустило меня лишь через полчаса. Я вышел из хижины. Гроза прошла, тучи расплывались по небу; нигде никаких следов этого странного существа...

Рассказ продолжил Мартин. Том пришел к нему на следующий вечер и поведал эту невероятную историю, взяв слово, что она не уйдет дальше порога хижины. Фарингтона охватили сомнения. Возможно, Том лгал или собирался над ним подшутить? Но зачем? Или Райдер сам стал объектом розыгрыша? Но кто мог обладать стеклянным шаром или таинственным прибором? Кто в силах создать сверкающую ауру?

Фарингтон предпочел поверить; мысль о постройке судна и предстоящем плавании захватила его. Он больше не интересовался тем, была ли эта история подлинной или иллюзорной; главное, она побудила его к действию, наполнила смыслом жизнь. Том разделял эти чувства; Башня казалась подобием Святого Грааля.

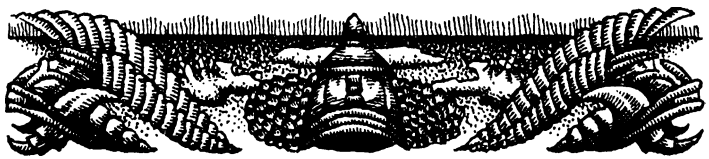
— Я покинул Ḅарди как последний мерзавец, без единого слова,— сказал Райдер.— Киду было проще. Не знаю, где ему удалось выкопать ту бабенку, что жила с ним, но он ее бросил без малейшего сожаления.

— Мы отшагали вверх по Реке пару сотен грейлстоунов и занялись строительством шхуны. Потом к нам присоединился Нур — единственный, кто остался с нами из первой команды.

Вдруг Том коснулся губ пальцем, на цыпочках подошел к двери и приложил к ней ухо. Минуту он прислушивался, затем резко дернул на себя ручку.

За дверью стоял маленький мавр Нур эль-Музафир.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

На лице Нура не было и тени испуга или растерянности. Он спросил по-английски:

— Можно войти?

— Черт побери! — заорал Том — но даже в сильном раздражении он не рискнул тронуть Нура и пальцем. В этом невысоком, щуплом человеке таилось нечто такое, что ставило преграду между ним и остальными людьми.

Нур вошел. Взбешенный Фарингтон вскочил.

— Вы нас подслушивали?

— Это же очевидно.

— Почему?

— Потому, что когда вы вернулись на судно, я прочел на ваших лицах, что произошла беда и Питер в опасности.

— Благодарю вас, Нур,— с чувством произнес Фригейт.

Том плотно закрыл дверь.

— Нет, я должен еще выпить,— вздохнул Мартин.

Нур присел на край ящика. Мартин опрокинул в себя два стаканчика виски.

— Вы все слышали?

— Да,— Нур был немногословен.

— С тем же успехом мы могли стоять на палубе и вещать в мегафон,— Мартин с горечью расхохотался.

— Господи, еще один камень на наши шеи! — Том глубоко вздохнул.

— Вам нет нужды убивать меня — как, впрочем, и Пита,— Нур вынул из сумки сигару и закурил.— Но и мы должны спешить,— скоро вернутся женщины.

— Как хладнокровен, а? — бросил Том Мартину.

— Похож на опытного агента.

— О, нет,— улыбнулся Нур,— скорее на человека, тоже избранного Им. Вы удивлены? А почему вы не поинтересо-

вались в свое время, из-за чего я первым примкнул к вам и столько лет делил с вами это тяжелейшее странствие?

Мартин и Том одновременно открыли рты, но мавр их перебил:

— Да, я знаю, что вы думаете: если я — агент, то мне лучше всего выдать себя за избранника этика. Но поверьте мне — я не агент.

— Почему мы должны этому верить? Какие у вас доказательства?

— А как вы можете доказать, что не являетесь агентами? Вы, оба?

Капитан и его помощник онемели.

— Когда с вами разговаривал таинственный незнакомец? И почему он ничего не сказал вам о Томе? — лишь Фригейт мог рассуждать здраво.

Нур пожал плечами.

— По моим прикидкам, он появился вскоре после того, как посетил Тома; когда именно — не помню. Что касается второго вопроса, на него я ответить не могу. Подозреваю, что этик не был с нами искренним. В его словах — лишь часть правды... я чувствую, что он смешал истину с ложью, белое с черным. Почему? Не знаю. Однако это весьма занимает меня.

— Может быть, нам лучше выставить с судна и того, и другого? — Мартин, наконец, обрел дар речи.

— Если вы это сделаете,— ответил Нур,— то мы с Питером сами «тяжкий путь преодолеем и к башне все равно поспеем».

Райдер рассмеялся.

— Он перефразировал песню Роберта Бернса, которую ты так часто напеваешь,— сказал он Мартину.

Тот задумчиво кивнул головой, потом произнес.

— Нет, не могут они быть шпионами. Столько лет вместе... Нет, Том. Время — вот что меня убеждает. И я не понимаю лишь одного — почему этик не предупредил нас о Нуре?

Вопрос повис в воздухе.

Том предложил тост за новоявленный союз, и они выпили. Тут на палубе послышались женские голоса, и заговорщики прервали затянувшееся совещание. Их подруги, ожив-

ленные и раскрасневшиеся, появились в каюте; Мартин, по своему обыкновению, отпустил какую-то шутку. Все расхохотались.

На следующий день была назначена встреча с Подебрадом, который познакомил их с инженерами. Они уже приступили к делу — подготовке технической документации для строительства дирижабля.

Фригейт изложил свои предложения. Поскольку они хотят добраться до истоков Реки, им нужен большой воздушный корабль, способный нести достаточный запас топлива. Средняя высота полета — около пятнадцати тысяч футов. Однако, если они захотят преодолеть на дирижабле полярный хребет, судно должно подняться вдвое выше. Фригейт мог только строить предположения на этот счет; точной информации о северных районах не было.

Эти требования чрезвычайно усложняли проект. Стало ясно, что для путешествия к полюсу надо строить жесткий дирижабль, для управления которым необходим большой и опытный экипаж. Полеты на высоте тридцати тысяч футов требуют создания двигателей с наддувом, а также запасов кислорода для людей и оборудования; это сильно утяжелит судно. Кроме того, возникают проблемы, связанные с обледенением на больших высотах.

Выслушав всех, Подебрад твердо заявил, что даже не желает обсуждать вопрос о постройке крупного цельнометаллического дирижабля. Ему надо всего лишь небольшое воздушное судно, способное подняться на десять — двенадцать тысяч футов. Если оно не сможет преодолеть высокие хребты, значит, придется искать места, где они понижаются.

— Тогда нужно больше горючего — полет будет длительным, — возразил Фригейт.

— Несомненно. Но проще увеличить грузоподъемность судна, чем его потолок, — это было сказано таким тоном, что всем было ясно: хозяин здесь — Подебрад.

Работа над проектом началась на следующий же день. Она потребовала восьми месяцев и закончилась раньше предполагаемого срока. Подебрад был хорошим погонщиком.

Однажды Нур спросил чеха, как он собирается найти Вироландо без карты. Тот признался, что беседовал со мно-

гими миссионерами из этой легендарной страны. Судя по их рассказам, Святая Земля Виро находилась недалеко от арктической зоны, где расположено устье Реки, и с воздуха ее легко обнаружить. Она простирается вдоль берегов огромного озера, напоминающего песочные часы. Другим характерным признаком были островерхие скалы — их насчитывалось около сотни. При таких ориентирах ошибиться невозможно.

— Как-то мне не верится, что наш хозяин действительно примкнул к Церкви Второго Шанса,— заметил Фригейт.— Миссионеры и прозелиты обычно люди мягкие и сердечные. А этот малый больше похож на глыбу арктического льда.

— Не агент ли он? — тихо сказал Нур.

При этой мысли все оцепенели.

— Нет, не может быть,— продолжал араб, покачав головой.— Зачем тогда он согласился строить воздушный корабль?

Как бы то ни было, Подебрад действовал весьма активно. Чеху не удалось разыскать опытных аэронавтов, но из инженеров, работавших над проектом, можно было набрать хоть дюжину экипажей. Он решил готовить из них пилотов.

Были сформированы три команды, предназначенные подменять друг друга, и пятерку с «Раззл-Даззл» — Фригейта, Нура, Фарингтона, Райдера и Погаса — включили в первую из них. Однако в ходе наземной подготовки у Питера начали возникать серьезные сомнения. Ни один из них не имел опыта работы с машинами. Зачем Подебраду брать с собой балласт, когда в его распоряжении были опытные инженеры и механики? Ведь дирижабль был рассчитан только на восьмерых.

Во время первой воздушной тренировки Фригейт сильно нервничал, однако опыт полетов на аэростате помог ему довольно быстро освоиться. Постепенно и остальные приобрели навыки пилотирования. Большой полужесткий дирижабль налетал уже четыреста миль и прошел над четырьмя цепями гор. Впервые людям удалось увидеть скрытые за ними долины; раньше они были недоступны, хотя находились на расстоянии вытянутой руки.

Вечером команду пригласили на вечеринку.

Пятеро с «Раззл-Даззл» пришли без своих подруг. Их оставили на судне, что весьма разгневало женщин,— хотя они давно уже присмотрели замену. Лишь Нур был избавлен от семейных неприятностей; он прибыл в Новую Богемию в одиночестве.

Незадолго до полуночи Подебрад отправил всех по домам. Вылет предполагался ранний — еще затемно, и людям надо было хорошенько выспаться.

Группа Фарингтона осталась ночевать в хижине неподалеку от ангара. Они немного поболтали, обсуждая вечеринку. Их удивляло, что Подебрад так и не объявил о своей отставке и отъезде; по-видимому, он собирался сделать это перед самым отлетом.

— Наверно, испугался, что подданные его линчуют,— усмехнулся Мартин.

Наконец, они улеглись. Фарингтон уснул довольно быстро — несмотря на мучившую его неуверенность и тщательно скрываемый страх перед высотой. Фригейт долго вертелся в постели; напряжение не оставляло его. Всю жизнь он плохо спал перед любыми серьезными событиями — даже перед футбольным матчем или соревнованием по бегу. Часто бессонница мучила его после трудного дня, и утром он вставал без сил. Сейчас перед его мысленным взором чередой выстраивались все предстоящие испытания. Благодаря своему опыту пилота — в молодости он служил в военно-воздушных силах США, а в зрелом возрасте летал на аэростатах — Питер мог трезво оценить рискованность их предприятия.

Едва он забылся неглубоким сном, как его разбудил приглушенный расстоянием рев мотора. Фригейт кубарем скатился с постели, открыл дверь и выглянул наружу. Сквозь туман не было видно ни зги, но он понимал, что возможен лишь один источник этого грохота. В одно мгновение он поднял остальных. Натянув кильты, набросив на плечи плащи, они кинулись к ангару. Спотыкаясь и падая, сбиваясь в темноте с дороги, пятерка несостоявшихся аэронавтов набрела, в конце концов, на подъем к холмам, и их головы вынырнули из тумана.

При ярком свете звезд они увидели то, чего больше всего опасались.

Толпа мужчин и женщин тянула на канатах дирижабль; воздушное судно величественно парило над ними, гудя моторами. Вдруг на людей обрушился поток выпущенного водного балласта, и они разбежались. Серебряная сигара, развернувшись к верховьям, стала набирать высоту. Сверкнул свет в пилотской рубке, и все ясно увидели в ней профиль Подебрада.

С проклятиями и воплями пятерка мчалась к дирижаблю, но было уже поздно.

Фарингтон схватил прислоненное к стене ангара копье и с силой метнул его в сторону улетающего корабля, но оружие упало на землю, чуть не задев какую-то женщину. Мартин рухнул в траву; он катался в ней с пронзительным криком, исступленно колотя руками пропитанный влагой дерн.

Райдер выругался и погрозил вслед дирижаблю.

Нур молчал, страдальчески покачивая головой.

Погас изрыгал проклятия на родном языке.

Фригейт плакал. Из-за него потеряно девять месяцев. Без этой затеи с дирижаблем они были бы сейчас на тридцать тысяч миль ближе к цели. И самое ужасное — они продали «Раззл-Даззл», причем за бесценок: за пять сотен сигарет, спиртное и благосклонность нескольких дам.

Позже они мрачно сидели возле грейлстоуна в ожидании завтрака. Вокруг них толпились местные жители, шумно обсуждавшие новости; многие ругали своего исчезнувшего правителя. Экс-команда «Раззл-Даззл» хранила молчание.

Наконец, Мартин выдавил:

— Что ж, нам остается только забрать назад свое судно.

— Это будет нечестно,— заметил Нур.

— Что значит «нечестно»? Я не собираюсь красть его! Мы вернем все, что нам заплатили.

— Они никогда не пойдут на такую сделку,— сказал Том.

— Выбора нет — ни у них, ни у нас.

Снова воцарилось молчание. Внезапно толпа около грейлстоуна зашевелилась, пропуская группу людей. Один из них, светловолосый чех, объявил, что избран Советом на пост главы государства. Послышались отдельные возгласы, но большого воодушевления не ощущалась; все были еще слишком подавлены последними событиями.

— Почему он надул нас? — вопросил Мартин. — Наша команда не хуже других... к тому же, между нами была договоренность...

— Вы не правы, — голос Фригейта дрогнул. — Хронов и Железны более опытные пилоты, чем я. Подебрад понимал, что вы его пошлете подальше, если он попробуем меня отставить. И он решил полететь без нас.

— Он — подлый негодяй! — взревел Том. — Дело совсем не в вас. Вы прекрасно справлялись с управлением!

— Ну, правды мы никогда не узнаем, — прервал его Мартин. — Может быть, Подебрад все-таки был Их агентом? Но как он сумел добраться до нашего секрета?

— Да хотя бы через женщин, — сказал Фригейт. — Иногда Надя или Элоиза могли услышать... Прекрасная возможность для мести! Кто-то из них рассказал все Подебраду, и тот решил от нас отделаться.

— Сначала они бы все выложили нам, — покачал головой Том. — Ни одна из них не умеет держать язык за зубами. Да вся округа давно уже обсуждала бы наши тайны!

— Мы никогда ничего не узнаем, — мрачно повторил Мартин.

— Ты так думаешь? — голос Тома был полон ярости. — Ну, попадется он мне когда-нибудь... все зубы пересчитаю!

— Сначала я переломаю ему ноги, — оживился Мартин.

— Нет, я бы сделал иначе... — мечтательно произнес Фригейт. — Я построил бы дом этажей в шесть и с единственным окном на чердаке... и потом бы устроил ему дефенестрацию.

— Как, как? — заинтересовался Том.

— Выбросил бы в это окно.

— Самый лучший способ избавиться от гнева — помечтать об отмщении, — улыбнулся Нур. — Но нам сейчас нужно действовать, а не выпускать пар.

Вдруг Фригейт вскочил на ноги.

— У меня родилась идея! Нур, поставьте мою чашу на камень. Я должен срочно увидеться с Новаком.

— Подите вы с вашими идеями! — заорал Мартин. — Хотите новых неприятностей? Сейчас же вернитесь!

Но Фригейт уже был далеко.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

С задранным кверху носом и поднятыми под углом пропеллерами, «Парсефаль» медленно летел над ущельем. Ветер рвался из глубины каньона, грозя снести судно. Сирано приходилось маневрировать с предельной точностью. Малейшая ошибка могла привести к катастрофе.

Стоя у обтекаемого прозрачного колпака гондолы, Джил думала, что на месте капитана она не рискнула бы углубиться в этот узкий проход.

Лучше двинуться вдоль хребта и поискать другую лазейку. Правда, это требовало большого расхода горючего, а его нужно экономить — им предстояло возвращение в Пароландо.

От напряжения Сирано покрылся потом, но глаза его сияли, а на лице отражалась полная безмятежность. Испытывал ли он страх? По нему это было незаметно. Джил признала про себя, что француз незаменим в подобной ситуации: молниеносная реакция, полнейшее хладнокровие, ни следа паники.

Для него этот полет — словно дуэль на рапирах; ветер атакует — он отбивает, ветер слабеет — он наносит контрудар.

Дирижабль пронизал гущу облаков, нависших над ущельем, и неожиданно вырвался на простор. На экране радарной установки показалось раскинувшееся внизу море. Вокруг кольцом громоздились горы. Впереди, в центре водного бассейна, милях в тридцати от берега, возвышалась темная массивная громада.

Сирано, бросив взгляд на экран панели управления, бесстрастно произнес: «Башня по курсу!». Тотчас откликнулся оператор радиолокационной установки — контуры Великой Чаши высветились на его мониторе.

Файбрас приказал поднять корабль на высоту десяти тысяч футов; ветер там был слабее, воздушное судно двигалось со скоростью пятидесяти узлов.

Бледные лучи солнца и скопления звезд освещали тусклое северное небо.

На такой высоте радар уже мог охватить все пространство моря и даже дальнюю кромку гор. Водный бассейн достигал в диаметре почти шестидесяти миль. Горный хребет на противоположной стороне возносился в небеса на двадцать-тридцать тысяч футов.

— Башня! — вырвалось у Файбраса; голос его был хриплым.— Ну и чудовище!

Да, Великая Чаша потрясала; ее высота была больше мили, ширина — почти десять миль.

Старший бортинженер Хакконен доложил, что корпус судна покрылся ледяной коркой. Колпак гондолы, изготовленный из специального пластика, оставался прозрачным. Файбрас распорядился снизиться до пяти тысяч футов — там воздух был несколько теплее.

Миновав арктическую зону, Река все еще сохраняла жар южных широт и здесь отдавала его водам глубокой холодной впадины.

До пяти тысяч футов температура держалась около двух градусов выше нуля, но наверху влажный воздух замерзал, ледяным панцирем покрывая стенки газовых отсеков.

Дирижабль снижался. Оператор радиолокатора, не отрываясь от экрана, доложил, что со стороны моря горы имеют другую структуру, чем на внешних склонах. Их рассекало множество провалов, выступы и остроконечные шпили усеивали утесы, словно их создатели не успели кончить отделку. Радар показал и узкий карниз, о котором рассказывал Джо Миллер. Он тянулся над морем и исчезал в темной дыре размером в рост человека.

Это не вызвало особого удивления. Но зачем сделан пролом в горах, через который проник дирижабль?

Внезапно Джил обнаружила, что задает этот вопрос вслух.

— Может быть, у них есть летательные аппараты,— предположил Файбрас,— и ущелье пробили специально для них.

Что ж, гипотеза не хуже прочих!

— Возможно, вы правы,— заговорил Пискатор.— Но испугавшая Джо Миллера вспышка света вряд ли была отблеском солнца. Ущелье почти всегда окутано облаками. И если бы даже солнечный луч пробился сквозь них, он не мог осветить верх Башни — скорее, подножие или середину.

— А если эта световая вспышка была связана с воздушным судном? — предположил Файбрас.— Представьте себе — корабль снижался, тормозил, и выхлоп двигателя показался Джо солнечным бликом.

— Не лишено смысла,— согласился Сирано.— Но я думаю, что свет был сигналом с Башни. Джо находился слишком далеко — он не мог разглядеть корабль за тридцать миль.

— А вот это зависит от его размеров,— заметил Файбрас.

На мгновение все примолкли. Джил мысленно попыталась прикинуть габариты воздушного судна, которое можно было бы увидеть с такого расстояния. Похоже, ширина его должна приближаться к полумиле...

— Не хочу даже думать об этом,— тряхнул головой Сирано.

Файбрас приказал облететь Башню по кругу. Столпившись у экрана радара, офицеры «Парсефаля» внимательно рассматривали мощные гладкие стены гигантского цилиндра. По верху, примерно на расстоянии восьмисот футов от края Чаши, тянулся ряд отверстий. На такую же высоту стены здания выдавались над торцом, окружая плоскую посадочную площадку миль девяти в поперечнике. Внимательно изучив ее, путешественники обнаружили на южной оконечности какое-то возвышение — полусферу диаметром пятьдесят и высотой двадцать пять футов.

— Я готов сжевать свои башмаки, если это не вход,— покачал головой Файбрас.— Сэм сильно разочаруется, когда узнает, что в Башню можно попасть лишь с воздуха.

— Пока мы в нее не попали,— пробормотал Пискатор.

— Ну и что? Попробуем, черт возьми! — Файбрас повернулся к офицерам.— Слушайте все! Мы договорились с Сэмом, что совершим разведывательный полет. Я полагаю, что это включает и внутренний осмотр Башни.

Экс-астронавт трепетал от возбуждения, его лицо горело. Казалось, он излучает столь мощную нервную энергию, что воздух в рубке наэлектризовался.

— У них могут быть любые средства защиты, ручные или автоматические. Единственная возможность проверить это — спуститься вниз. Но я не намерен подвергать опасности дирижабль. Джил, я отправляюсь туда на вертолете с полудюжиной надежных парней. Вы остаетесь капитаном и, что бы не случилось, завершите дело. Держите корабль на высоте полумили над торцом Башни и примерно столько же вбок. Если с нами что-то произойдет, возвращайтесь к Сэму. Это приказ.

Он замолк на секунду и добавил:

— В случае затруднений я сразу же вызываю вас. Снижайтесь и помогите нам вернуться на судно. Идет?

— Да, сэр,— Джил не тратила лишних слов.

— Если в этом сооружении есть вход,— Файбрас ткнул пальцем в полусферу на экране радара,— он может быть снабжен электронным или механическим замком. А, может быть, там нет запоров — если они твердо уверены, что сюда никто не доберется. Думаю, они выжидают, и ничего не станут предпринимать, пока не разберутся в наших намерениях. Так что будем надеяться на лучшее.

— Я бы хотел отправиться с вами, мой капитан,— обратился к Файбрасу Сирано.

— Вам придется остаться — вы наш лучший пилот. Я беру вас, Анна, Халдорссона — он поведет вертолет, Метцинга, Ардуино, Чонга и Сингха.

Обренова оповестила по внутренней связи всех членов группы; отказавшихся не было.

Файбрас уже собирался выйти, когда раздался звонок телефона — капитана вызывал Торн. После минутной паузы Файбрас произнес:

— Нет, Барри, добровольцев вполне достаточно.— Положив трубку, он пояснил: — Торн горит желанием пойти с нами. Весьма расстроился, когда я ему отказал. Не понимаю, почему он был так настойчив.

Джил позвонила в ангар Чентесу, авиамеханику, и приказала подготовить к полету вертолет.

Файбрас пожал руки мужчинам и крепко обнял Джил. Она встревожилась — все это слишком походило на прощание. Неужели он сомневается в успехе? Или ее собственное волнение придает событиям другую окраску?

Противоречивые чувства обуревали Джил. Она негодовала на Файбраса за то, что этим непрошенным объятием он словно выделил ее среди других, однако сердце ее затрепетало от нежности и тревоги. Удивительно, что она еще не забыла, что в мире существует нежность и ласка... Если припомнить все, выпавшее ей и здесь, и на Земле...

Через минуту Джил уже не помнила об обиде. Сирано попросил Пискатора подменить его, поднялся с кресла и обнял капитана. По его щекам текли слезы.

— Мой дорогой друг, не глядите так печально. И пусть опасности не страшат вас! Я, Савиньен де Сирано де Бержерак, мысленно буду с вами!

Файбрас легко вздохнул, потряс француза за плечи и засмеялся.

— Ну, я не собираюсь никому внушать, что дело плохо. Я не скажу даже «прощайте»... пока, друзья! Черт побери! Не могу же я... Ладно, Сирано, отправляйтесь на свое место!

Сверкнув белозубой улыбкой, он поклонился:

— Пока!

Анна, серьезная и сосредоточенная, шагнула за ним к выходу; остальные гурьбой шли позади.

Джил отдала приказ, и «Парсефаль» начал снижаться. Дирижабль погрузился в туман, белые клочья стремительно скользили по прозрачному колпаку гондолы. Четыре световых конуса с трудом пронзали плотное марево, рассеиваясь и пропадая в двухстах ярдах от судна.

Башня оставалась невидимой, но казалось, что токи неведомой угрозы исходят от нее; Великая Чаша в ненасытной жадности все плотнее охватывала корабль щупальцами тумана.

В рубке царило молчание. Сирано закурил; Пискатор, стоя за спиной оператора радара, внимательно следил за изображением. Радист настраивал приемник, гоняя верньеры по всему диапазону. Джил не могла понять, что он надеется выудить в эфире.

Прошли пятнадцать минут, показавшиеся им часами. Чентес доложил, что нижний люк открыт, вертолет готов к полету, старт — через минуту.

— Еще одно, мисс Галбира. Сюда заходил Торн и пытался убедить капитана взять его в десантную группу. Капитан велел ему вернуться на место.

— Он ушел?

— Да, мэм. Но капитан приказал проверить, выполнено ли его распоряжение. Мистер Торн вышел только что и еще не добрался до хвостового отсека.

— Хорошо, Чентес, я проверю.

Она отключила связь и тихонько чертыхнулась: пятнадцать минут в должности — и уже нарушения дисциплины. Что это Торну втемяшилось в голову? Нет, если она сразу же не поведет жесткую линию, то утратит контроль над командой. Джил позвонила в хвостовой отсек. Ответил Саломо Коппенейм, уроженец Суринама.

— Немедленно арестовать мистера Торна, проводить его в каюту и держать под стражей.

Коппенейм, очевидно, был поражен, но не задал ни одного вопроса.

— Сообщите мне, как только он появится.

— Да, мэм.

На панели управления замигал красный огонек: закрылся нижний люк. Радар отметил появление в воздухе вертолета, направлявшегося в сторону Башни.

Внезапно из приемника раздался голос:

— Говорит Файбрас.

— Мы вас прекрасно слышим, сэр,— отозвался радист.

— Хорошо, я тоже. Мы собираемся сесть примерно в ста ярдах от купола. Наш радар работает в режиме А-ОК. Полагаю, никаких осложнений не возникнет. Джил, где вы?

— Здесь, капитан.

— Что с Торном?

Джил сообщила о своем приказе.

— Теперь слушайте меня,— сказал Файбрас.— Мы должны выяснить, почему он так горел желанием попасть в десантную группу. Если... если я почему-то не вернусь, допросите Торна сами. Держите его под стражей до окончания операции в Башне.

Джил велела Аукусо включить внутреннюю трансляцию, чтобы каждый слышал слова капитана.

— Мы опускаемся. Ветер здесь слабее. Джил, я...

— Открывается нижний люк! — прервал капитана Сирано.

Красная лампочка на пульте начала мигать.

— Мон дье! — француз вытянул руку, указывая на ветровое стекло кабины. Но все, кто находился в рубке, уже видели разгоравшийся во мраке огненный шар.

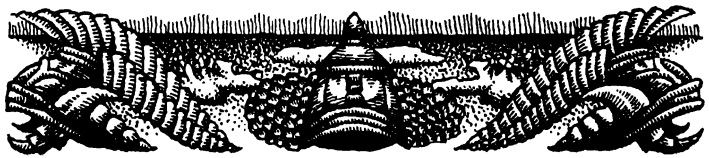
У Джил вырвался стон.

Аукусо закричал в микрофон:

— Капитан! Капитан, отзовитесь!

Но ответа они не услышали.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Резко прозвенел звонок внутренней связи. С трудом протянув руку, Джил нажала кнопку.

— Мэм,— прозвучал взволнованный голос Чентеса,— Торн только что похитил второй вертолет. Но, кажется, я ранил этого сукина сына! Я выпустил в него всю обойму!

— Его вертолет на экране,— доложил Сирано.

— Чентес, что случилось?

— По приказу капитана Торн ушел из ангара. Но, как только вылетел первый вертолет, он вернулся. В руках у него был револьвер. Он загнал нас в подсобный отсек, отключил связь и запер дверь. Но там хранилось оружие... видимо, он забыл про это или решил, что успеет покинуть корабль. Мы взломали дверь и выскочили в ангар. Торн уже сидел в вертолете, люк был распахнут. Я начал стрелять, но вертолет вылетел. Стреляли все. Что делать, мэм?

— Я отдам приказ, когда разберусь сама,— резко ответила Джил.

— Капитан?

— Да?

— Вот какая странная штука... Торн плакал, запирая нас в подсобке... даже тогда, когда грозился нас перестрелять, если мы его остановим.

— Конец связи,— Джил надавила на клавишу.

Техник, сидевший у экрана инфракрасного контроля, произнес:

— Огонь еще горит, капитан.

Его перебил оператор радара; его смуглое лицо посерело.

— Это вертолет, мэм... он на посадочной площадке Башни.

Джил вглядывалась в туман, но не могла разглядеть ничего, кроме туч.

— Я поймал второй вертолет,— быстро заговорил оператор,— он спускается к основанию Башни.— Через минуту он добавил: — Аппарат почти у поверхности воды.

— Аукусо, вызовите Торна.

Постепенно мужество возвратилось к Джил. Она еще чувствовала себя подавленной, но не сомневалась, что сумеет овладеть ситуацией.

— Торн не отвечает,— доложил Аукусо.

Радар показывал, что вертолет-амфибия приводнился примерно ярдах в тридцати от основания Башни.

— Попробуйте еще раз, Аукусо.

Скорее всего, Файбрас уже мертв. Вот она и стала капитаном...

— Боже мой, но не такой же ценой!

Хриплым голосом Джил вызвала Коппенейма и приказала ему явиться в рулевую рубку, чтобы принять обязанности первого помощника. Затем она повернулась к де Бержераку.

— Сирано, мы займемся Торном позже. Сейчас нужно выяснить, что произошло с Файбрасом... и остальными,— Джил замолкла на мгновение.— Вы сможете посадить корабль на вершину Башни?

— Если надо, сядем,— Сирано не замедлил с ответом. Он был бледен, но владел собой безукоризненно.

«Парсефаль» двинулся вниз сквозь тучи. На круглом экране радара четко обозначились очертания огромного цилиндра, но изображение расплылось, когда дирижабль приблизился к верхнему торцу Чаши.

Лучи прожекторов осветили раскинувшуюся под ними тускло-серую металлическую площадку. Из кабины были видны огненные сполохи, но разглядеть вертолет не удавалось. Дирижабль медленно проплыл над тусклым пламенем костра; пропеллеры встали горизонтально, выравнивая гигантский корабль.

Сирано осторожно опускал «Парсефаль». Условия для посадки были идеальными — почти полное безветрие. Сотни сквозных отверстий у основания стен, окружавших торец Башни, создавали ветровой поток примерно до пяти узлов — легкий бриз по шкале Бофорта. Такой ветерок не смог бы даже шевельнуть листву на деревьях, и неопытный аэронавт вряд ли обратил на него внимание. Но Сирано, видимо, по-

нимал, что это слабое дуновение может прижать огромный дирижабль к стене; виртуозно маневрируя двигателями, он уравновесил давление ветра на носовую часть «Парсефаля» и продолжал спуск.

Джил не вмешивалась в действия пилота; сейчас в его руках была и жизнь экипажа, и судьба экспедиции. Скорчившись над пультом управления, Савиньен де Сирано де Бержерак, поэт и дуэлянт, вел труднейший в своей жизни поединок. И он не нуждался ни в помощи, ни в сочувствии.

Дирижабль резко сбросил скорость, красный огонек мигнул на панели, открылся нижний люк. Вниз сбросили стропы, и четыре десятка аэронавтов скользнули по ним в туманную мглу. Потеряв лишний груз, корабль начал приподыматься, и Джил приказала выпустить часть водорода. Ей не хотелось зря расходовать газ, но сейчас не было другой возможности удержать воздушное судно от немедленного взлета.

С носа и кормы сбросили другие стропы; люди, находившиеся внизу, повисли на них, пытаясь сбалансировать огромную серебристую сигару. Сирано медленно подвел «Парсефаль» к стене и выключил моторы; теперь судно дрейфовало на небольшой высоте.

Двое из наземной команды метнулись к отверстиям, чтобы выяснить источник ветра. Через минуту они доложили по рации, что эти круглые дыры действительно порождают воздушный поток, направленный к центру площадки; он был слаб, но устойчив, и дирижаблю не грозил внезапный удар о стену. Остальные аэронавты подтащили сброшенные с носа и кормы канаты и, протянув их сквозь отверстия, закрепили судно. «Парсефаль» завис в двадцати ярдах от стены.

Джил надеялась, что ветер не изменится — малейший порыв грозил катастрофой. Удар о стену — и лопасти пропеллеров будут сломаны, моторы выведены из строя, двигательные отсеки искорежены.

Из среднего люка спустили лестницу. Джил и Пискатор торопливо вышли из рубки, миновали центральный коридор и спустились вниз. Их ждал доктор Грейвс с белой сумкой в руках.

Вертолет разбился в тридцати ярдах от купола. Они направились сквозь туман к тускло мерцавшему огню; подойдя

ближе к обломкам, Джил содрогнулась. Она не могла себе представить Файбраса мертвым... мужественного, блестящего Файбраса!

Он лежал в нескольких ярдах от пылающего корпуса, на том месте, где его настиг удар. Почерневшие останки его спутников громоздились в кабине вертолета.

Грейвс отдал свой фонарь Пискатору и склонился над телом капитана. Дым смешивался с туманом и темными хлопьями уносился вверх. Тошнотворный запах горящего бензина и обугленной человеческой плоти ударил в лицо, и Джил, ощутив мгновенный приступ дурноты, пошатнулась.

— Держите прямо лампу! — резко бросил Грейвс.

Опомнившись, она заставила себя взглянуть на тело: порванная одежда, кожа обгорела с головы до ног. Но лицо Файбраса почти не было обезображено; он недолго оставался в пламени. Успел ли он выскочить? Или взрыв выбросил его из машины?

Джил не могла понять, почему доктор так долго и тщательно осматривает труп; она хотел уже задать вопрос, как вдруг Грейвс выпрямился и спросил:

— Как вы собираетесь поступить с останками?

— У нас нет пенных пламегасителей, чтобы сбить огонь с вертолета,— ответила Джил безжизненным голосом, и махнула рукой старшему наземной команды:

— Петерсон, доставьте тело на борт. Только сначала укройте его. Остальные пусть идут со мной.

Через несколько минут они стояли перед куполом. В свете направленных на него прожекторов, он показался Джил похожим на эскимосское иглу. Внимательно рассмотрев серый колпак, она поняла, что его оболочкой служил тот же металл, из которого была воздвигнута Башня. Нигде никаких следов сварки, ни одного шва; казалось, полусферу просто выдули на поверхности, словно огромный пузырь.

Весь десантный отряд собрался неподалеку отвхода в купол; люди ожидали распоряжений Джил. Лучи света от их фонарей терялись в похожем на пещеру проходе. Он тянулся ярдов на десять, затем поворачивал, образуя коридор десятифутовой ширины; свод его находился примерно на такой же высоте.

Над аркой входа виднелись два горельефа с эмблемами. Вверху — полукругом — символическая радуга; ниже — полный круг с изломанным крестом внутри. Джил узнала его — то был египетский анк.

— Радуга символизирует жизнь и воскрешение,— задумчиво произнесла она.

— Простите, что перебиваю,— вмешался Пискатор.— Крест внутри круга является еще и астрологическим символом Земли... Правда, тот крест обычный.

— Ну, а радуга — символ надежды. Если вы помните Ветхий Завет, это знака Божий избранному народу.

Пискатор взглянул на нее с любопытством.

Джил помолчала, стараясь подавить охвативший ее благоговейный страх, в тайной надежде, что он останется незамеченным для окружающих. Затем она твердым тоном распорядилась:

— Я войду туда. Вы, Пискатор, останетесь здесь. Когда я окажусь в конце прохода, то подам сигнал, и вы направитесь ко мне — если я не обнаружу ничего опасного. В противном случае вы с людьми вернетесь на корабль и улетите. Это приказ, Пискатор. Я оставляю вас капитаном. Коппенейм — славный малый, но он неопытен, да и характер у вас потверже.

Пискатор улыбнулся.

— Файбрас не давал нам разрешения садиться — и, тем не менее, вы на это пошли. Могу ли я бросить вас в опасности?

— А я не могу подвергать опасности судно и жизнь ста человек.

— Что ж, понимаю вас. Я буду действовать сообразно обстоятельствам. Согласитесь, что это разумно. И не забудьте, у нас еще есть Торн.

— Ну, проблемы надо решать по очереди.

Джил повернулась и пошла к входной арке. В проходе за ней замерцал слабый свет.

После некоторого замешательства она двинулась дальше. Когда Джил шагнула в коридор, яркая вспышка света осветила ее с ног до головы.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Внезапно Джил остановилась. Пискатор окликнул ее.

— Что там за свет?

Она повернулась к нему.

— Не знаю. Непонятно, откуда он падает... смотрите, у меня нет тени!

— В чем же дело? Вы...

— Ничего не понимаю. Как будто я окунулась в густое месиво. Дышать не могу... и нет сил сдвинуться с места.

Наклонившись вперед, словно преодолевая невидимый барьер, она с трудом сделала три шага и замерла, как вкопанная.

— Должно быть, это какое-то силовое поле. Ничего ощутимого и видимого нет, но я чувствую себя мухой, попавшей в паутину.

— Возможно, поле действует на металлические застежки?

— Не думаю, они бы разомкнулись. Но сейчас я попробую...

Ощущая неловкость под взглядами толпы мужчин, она расстегнула кнопки и одежда свалилась к ногам. В воздухе было морозно. Передергиваясь от холода, стуча зубами, Джил вновь попыталась продолжить путь, но не смогла преодолеть невидимую преграду. Она нагнулась, чтобы поднять платье, удивившись, как легко ей далось это движение. По-видимому, неведомая сила действовала лишь в горизонтальном направлении. Джил отошла на пару шагов и набросила одежду. Затем начала отступать — медленно, осторожно, пока снова не миновала арку, у которой столпились люди.

Она повернулась к Пискатору.

— Попробуйте теперь вы.

— Думаете, мне больше повезет? Ну, что же, попытаюсь.

Японец скинул одежду и нагим вступил в проход. Джил с удивлением заметила, что поле не действует на него — по крайне мере, на ближнем участке.

Он почти добрался до поворота и крикнул, что ощущает какое-то противодействие; теперь он шагал медленней, лоб его покрылся каплями пота. Наконец, Пискатор дошел до поворота и остановился, переводя дыхание.

— Я вижу открытый подъемник — сообщил он.— Коридор кончается у него.

— Вы можете пройти туда? — спросила Джил.

— Кажется, да...

Двигаясь, как актер в кадрах замедленного фильма, он с трудом шагнул вперед и скрылся за поворотом.

Прошла минута, две. Джил стремительно бросилась под арку.

— Пискатор! Пискатор!

Ее голос звучал незнакомо и странно, будто внутри коридора действовали неведомые законы акустики. Ответа не было.

Там, за поворотом, он мог ее не услышать, но Джил продолжала кричать. Вокруг царило молчание, невидимый барьер сдавливал грудь. Ей оставалось одно — вернуться к своим спутникам и предложить им попытать счастья.

Мужчины пошли парами. Одни продвигались быстрее, другие — с трудом; до поворота никто не смог добраться.

Включив портативный передатчик, Джил приказала оставшимся на судне покинуть «Парсефаль» и подойти к полусфере. Полсотни человек потерпели неудачу; но может быть, повезет одному из сорока двух, идущих им на смену.

Сейчас ее люди столпились у входа, похожие на призраков в густом тумане. Джил смотрела на них, ощущая свою отстраненность, полное одиночество — может быть, самое мучительное в ее жизни, хотя ей довелось изведать немало часов отчаяния и скорби.

Туман оседал на лице ледяной маской, перед глазами стояла картина погребального костра с телами Обреновой, Метцинга и других. А Пискатор, исчезнувший в этом странном коридоре — где он? Что с ним? В силах ли он вернуться или продолжить путь? Для нее и остальных возвращение оказалось нетрудным. Так почему же он не возвращается?

Впрочем, она и представить себе не могла, с чем столкнулся он за поворотом.

Она пробормотала строку Вергилия — «Не труден доступ к Аверну...» Как там дальше? После стольких лет трудно припомнить. Если бы в этом мире существовали книги! Вдруг стихи всплыли в ее памяти:

Не труден доступ к Аверну;
Ночи раскрыты и дни ворота черного Дита;
Но шаги обратить и на вышний вырваться воздух —
Это есть труд, — это подвиг.

Да, есть одно существенное расхождение с реальностью: войти туда трудно всем, кроме одного; но выбраться удалось всем, и лишь одному — не под силу.

Она вызвала по рации Сирано.

— Капитан на связи.

— Слушаю, мой капитан...

— Сирано, вы плачете?

— Да, да! Я нежно любил Файбраса и не стыжусь своих слез. Ведь я не бесстрастный англосакс!

— Выбросьте все из головы и возьмите себя в руки. Нам нужно заниматься делом.

Сирано всхлипнул.

— Я понимаю вас и готов работать. Каковы ваши приказания?

— Пусть вас подменит Никитин. Я хочу, чтобы вы доставили сюда двадцать пять килограммов взрывчатки.

— Слушаюсь. Вы собираетесь подорвать Башню?

— Только вход.

Прошло полчаса. Люди с судна должны были вот-вот подойти. Они спускались по одному, соблюдая строгую очередность. Если сорок два человека покинут судно одновременно, оно взмоет вверх.

Джил вглядывалась в туман; наконец, она увидела свет фонарей и услышала голоса. Окликнув людей из новой смены, она коротко ввела их в курс дела.

Ни один не отказался повторить попытку первой группы; аэронавты дружно направились к арке, но пройти по коридору не смог никто.

— Ладно, ничего не поделаешь, — решила Джил.

Взрывчатку заложили у купола с противоположной стороны от входа — Джил боялась, что взрыв повредит подъемник и может погубить Пискатора.

Все отошли к дирижаблю, и техник нажал кнопку взрывного устройства. Раздался оглушительный грохот. Задыхаясь и кашляя от едкого дыма, люди бросились вперед. Когда темная пелена рассеялась, Джил с тревогой взглянула на купол. Он был невредим.

— Этого следовало ожидать,— пробормотала она.

Джил снова принялась звать Пискатора; ни звука в ответ. В ней еще тлела слабая надежда, что японец жив. Она вновь вошла под арку, но, как и в первый раз, далеко продвинуться не удалось.

Если бы у них был перископ, чтобы с его помощью осмотреть участок коридора за поворотом! Возможно, это решило бы дело.

Но в их судовом хозяйстве ничего подобного не имелось. Джил, однако, не хотела сдаваться. На «Парсефале» имелась маленькая мастерская. Если собрать тележку и установить на ней фотокамеру с дистанционным управлением, то они получат хотя бы снимки... Не слишком много, но лучше, чем ничего. Главный механик полагал, что он сумеет за час соорудить такое устройство. Она отослала его на корабль и распорядилась, чтобы три человека заняли пост у входа в купол.

— Радируйте мне, если появится Пискатор.

Возвратившись на судно, она позвонила в мастерскую.

— Вы сможете работать в полете? Даже при сильном ветре?

— Без сомнения, мэм. Будет чуть трудней, но это неважно.

Отвязать судно и подняться в воздух — это заняло не больше пятнадцати минут. Никитин пролетел над Башней, потом опустился к ее подножью — туда, где дрейфовал похищенный вертолет. Море было неспокойно, мелкие, но сильные волны бились о подножье Великой Чаши. Вероятно, вертолет ударился о стену. На первый взгляд, если судить по экрану локатора, машина почти не пострадала.

Аукусо продолжал вызывать Торна по радио, но безуспешно.

Приблизиться к вертолету они не рискнули — дирижабль мог удариться о стену. Никитин держал судно на небольшой высоте, направляя его против ветра. Был открыт нижний люк и на воду спустили надувную лодку с подвесным мотором; ее экипаж состоял из трех человек.

Лодка двинулась к Башне. Минут через десять Бойнтон, старший в команде, доложил:

— Мы рядом с вертолетом. Он врезался в стену, но понтоны предохранили аппарат. Лопасти винта целы. Сами понтоны тоже не пострадали. Подождите... Сейчас мы справимся с этой чертовой качкой и осмотрим кабину.

Через пару минут вновь раздался его голос:

— Пропп и я перешли в вертолет. Торн здесь! Он весь в крови. Похоже, получил пулю в грудь... Лицо тоже задето. Но он жив!

— Есть ли там что-нибудь похожее на вход?

— Сейчас, нужно зажечь фонарь. Он, правда, слабоват... Нет, ничего не видно, сплошной металл.

— Интересно, почему он опустился там? — Джил повернулась к Сирано.

— Нам остается только гадать. Возможно, торопился.. боялся умереть.

— Куда же он летел?

— Да, сплошные загадки... И ответы мы получим только применив самые жесткие методы допроса.

— Пытка?

Длинное смуглое лицо Сирано посуровело.

— Да, хоть это бесчеловечно. Цель никогда не оправдывает средства... ложный, но соблазнительный тезис, который лишь помогает уйти от ответственности... Знаете, мне никого не приходилось пытать — и, дай Бог, не придется. Может быть, Торн даст добровольные показания, когда поймет, что у него нет другого выхода. Но я сомневаюсь. Этот тип выглядит весьма неподатливым.

Вновь зазвучал голос Бойнтона.

— С вашего разрешения, мисс Галбира, я подниму вертолет. С ним все в порядке. Мы доставим Торна в дирижабль.

— Действуйте, Бойнтон,— ответила Джил.— Если вертолет в рабочем состоянии, поднимитесь потом к вершине Башни. Мы будем там чуть позже.

Через десять минут оператор радарной установки доложил, что вертолет в воздухе. По словам Бойнтона, все шло нормально.

Оставив Коппенейма в рулевой рубке, Джил направилась в грузовой отсек. Торн, закутанный в полотнища, был уже на борту, но еще не пришел в сознание. Она пошла вслед за людьми, которые несли раненого в медицинский отсек, где им занялся доктор Грейвс.

— Он в шоке, но думаю, что я его приведу в чувство, — сказал врач. Потом он бросил острый взгляд на Джил. — Однако учтите, сразу допрашивать его нельзя.

Джил оставила у двери двух охранников и вернулась в рубку управления. Дирижабль уже набирал высоту, направляясь к вершине Башни. Через полчаса «Парсефаль», лениво вращая пропеллерами, вновь завис над посадочной площадкой в двухстах ярдах от купола. Механики выкатили из мастерской сооруженную ими тележку. Ее спустили вниз, прикрепили к ручкам стержни-удлинители и протолкнули в коридор до поворота. Быстро сделав шесть снимков, аэронавты вытянули тележку назад.

Джил схватила снимки, проявленные аппаратом в момент съемки; руки ее дрожали.

— Его там нет!

Она протянула снимки Сирано.

— А это что? Небольшое возвышение и дверь в конце прохода... Похоже на подъемник, но без кабины и тросов.

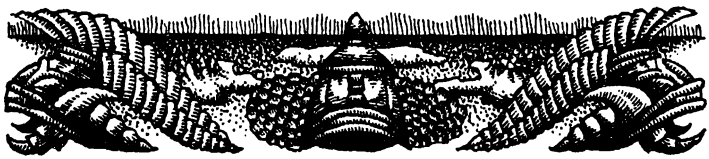
— Не думаю, чтобы Они нуждались в таких примитивных устройствах, — заметила Джил. — Очевидно, Пискатор преодолел силовое поле и вошел в лифт.

— Но почему он не вернулся? Он же знает, как мы беспокоимся.

Сирано сделал паузу и добавил:

— Он так же знает, что мы не можем оставаться здесь вечно.

Теперь перед ними стояла другая задача.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Когда Джил приказала поднять дирижабль вверх, то сразу распорядилась, чтобы команду собрали в грузовом отсеке, самом большом на корабле. Затем она прошла туда сама, и коротко обрисовала людям ситуацию. Фотографии переходили из рук в руки.

— Мы останемся здесь на неделю, затем улетаем. По своей воле Пискатор не пробудет там так долго. Если он не вернется через... скажем, двенадцать часов, будем считать, что он в плену. Или произошел несчастный случай, и Пискатор ранен или погиб. Мы не можем выяснить, в чем дело. Единственное, что в наших силах — ждать.

Ни у кого из членов экипажа не возникло мысли бросить Пискатора на произвол судьбы. Но Джил почувствовала напряжение; людей пугала необходимость провести еще семь дней в этом зловещем и мрачном месте, в преддверии адских врат.

Однако впереди было немало дел. Вертолет Файбраса уже чуть дымился; из него вынесли тела погибших, затем механики приступили к осмотру машины, чтобы установить причину взрыва.

Другая группа извлекла пули из пробоин в корпусе второго вертолета. Трое часовых продолжали дежурить у входа в Башню.

Перед тем, как уйти в кают-компанию, Джил переговорила с доктором Грейвсом.

— Торн начинает приходить в себя, ему явно лучше, — сообщил врач. Он в раздумье потер лоб длинными пальцами и произнес: — Вот что еще... Я сделал вскрытие и осмотрел мозг Файбраса... вернее, то, что он него осталось. Хотя осмотр был чисто внешним, мне удалось обнаружить небольшой черный шарик, вживленный в лобные доли. Сначала я принял его за осколок, попавший в голову Файбраса при

взрыве... но он совершенно гладкий, и механики говорят, что в машине не было ничего подобного.

— Вы полагаете, что шарик хирургическим путем имплантирован в его мозг?

— Возможно... Но пока я не осмотрю другие тела, ничего определенного сказать не могу. Для этого требуется время, а я не должен спускать глаз с Торна.

Сдерживая дрожь в голосе, Джил спросила:

— Значит, вы все-таки допускаете возможность имплантации?

— Мне надо еще поразмыслить. Я не могу понять, что бы это значило, хотя сознаю всю серьезность находки. Знаете, Джил, за многие годы я сделал массу вскрытий, но ни разу не обнаружил ничего необычного. И вот что еще я хочу сказать — теперь мне ясно, почему Файбрас хотел сделать всей команде рентгеновские снимки черепа: он искал эти шарики. Кстати, помните Штерна? Он велел бросить его тело в Реку, потому что знал — у Штерна в мозгу тоже такой шарик. Как говорила Алиса — «Все страньше и страньше», верно?

Ее сердце судорожно забилось, дыхание перехватило от ужаса. В полном смятении она взглянула на доктора.

Итак, Файбрас был одним из Них.

Через долгую, бесконечную минуту Джил вновь пришла в себя, и голос начал ей повиноваться.

— Файбрас обещал объяснить нам, почему он настаивает на рентгеновских снимках. Но мне, во всяком случае, он ничего не говорил. А вам?

— Нет. Я спрашивал его, но он отшутился.

— Сейчас мы не знаем, есть ли у Торна этот шарик. Но если он умрет, нужно сделать вскрытие, док.

— Обязательно. Я проведу исследования в любом случае, но не сейчас. Ему нужно набраться сил.

— А это не убьет его? Я знаю, что при таких операциях удаляют макушку черепа, чтобы добраться до мозга.

— Я сделаю все возможное.

Прошли сутки. Джил старалась занять команду делом, но сейчас они могли лишь прибираться в отсеках, есть да спать.

Она жалела, что не догадалась прихватить из Пароландо кинопроектор и несколько фильмов — они лучше бы отвле-

кали людей, чем болтовня, шахматы, карточная игра и метание стрелок в мишень.

С каждым часом темнота и холод все больше угнетали путешественников. В нервном напряжении держала и мысль о том, что внизу, под ними, притаились создавшие этот мир таинственные существа. Что они замышляют? Почему не показываются людям? А главное — где же Пискатор?

Сирано пребывал в совершеннейшем потрясении. Он молчал, замкнулся; по-видимому, мысли о гибели Файбраса преследовали его. Но Джил казалось, что у француза есть и какой-то другой повод для волнений.

Доктор Грейвс попросил ее зайти к нему. Когда она шагнула в медицинский отсек, врач сидел на краю стола, покачивая ногой. Не говоря ни слова, он протянул Джил ладонь: на ней лежал крошечный черный шарик.

— Они все так страшно обгорели, что при осмотре мне было трудно их идентифицировать. Но Обренову я не мог спутать ни с кем. Ее мозг я исследовал первым и обнаружил вот это. Но прежде, чем вызвать вас, я вскрыл все трупы.

— Шарик был лишь у нее?

— Нет, еще у двоих.

— Та-ак! Теперь меня интересует Торн.

Джил тяжело опустилась на стул, взяла трясущимися руками сигарету.

— Послушайте,— обратился к ней Грейвс,— у меня в шкафчике есть медицинский спирт. Вам сейчас просто необходимо подкрепиться.

Пока доктор доставал бутылку, Джил рассказала ему о споре между Обреновой и Торном. Грейвз плеснул в кружку пахучей жидкости.

— Не связано ли это с ее отказом работать вместе с Торном?

— Не думаю. Но истинная причина совершенно непонятна.

— А кому она понятна? Кроме Торна, разумеется. Ну, будьте здоровы!

Она выпила обжигающую жидкость.

— Мы не найдем ничего подозрительного в спорах между Файбрасом, Торном и Обреновой. Чаще всего они касались работы,— Джил помолчала.— Но есть одно обстоя-

тельство, которое сначала не привлекло моего внимания... Я, знаете ли, как Шерлок Холмс, который вдруг вспомнил, что собака-то не лаяла. Дело в том, что в каюте Торна не нашли его чашу. Я велела обыскать весь вертолет — тоже ничего. Вы сказали, он пришел в себя. Можно с ним поговорить?

— Не слишком долго, хотя я посоветовал бы еще подождать. Он очень слаб и, если не захочет отвечать, может притвориться потерявшим сознание.

Зазвонил внутренний телефон. Грейвс нажал кнопку.

— Доктор, это Когсвел. Можно поговорить с капитаном?

— Я слушаю,— отозвалась Джил.

— Капитан, во втором вертолете мы обнаружили бомбу. Около четырех фунтов на вид, взрыватель подсоединен к рации. Расположена возле оружейного ящика.

— До моего прихода ничего не предпринимайте. Я хочу взглянуть на нее.

Джил поднялась.

— Вряд ли стоит сомневаться, что Торн подложил бомбу и в вертолет Файбраса. Инженеры еще не определили причину взрыва, но их старший считает, что скорее всего это была бомба.

— Та-ак! — протянул Грейвс.— Весь вопрос в том, зачем ему это понадобилось.

Джил шагнула к двери, но вдруг остановилась.

— Мой Бог! Если Торн заминировал оба вертолета, то он мог начинить бомбами и весь дирижабль! Мы не нашли передатчика в его каюте — наверняка, он спрятан где-то в другом месте!

Она приказала объявить тревогу. Пока Колпенейм формировал поисковые группы и давал им задание, Джил прошла в ангар. Да, взрывное устройство было там, где его обнаружил Когсвел. Она опустилась на колени и, направив на серую массу луч ручного фонарика, внимательно ее осмотрела. Пластиковая взрывчатка! Покинув кабину вертолета, она приказала старшему группы:

— Немедленно удалите взрыватель и отключите приемник. И вызовите радиоинженера — пусть выяснит на какую волну он настроен. Впрочем, нет! Я поговорю с ним сама.

Исследование нужно проводить в тщательно экранированном помещении, сообразила Джил. Если Торн действи-

тельно подложил бомбы, то он мог настроить приемник на различные волны для каждой, чтобы избежать случайного срыва. И сейчас любые необдуманные действия могут привести к катастрофе.

Сирано неподвижно сидел в кресле пилота, вперив глаза в ветровое стекло. Он оглянулся, когда Джил подошла к нему.

— Позвольте спросить, что обнаружил доктор?

Она больше не могла скрывать от него правду и рассказала все.

Когда она закончила, француз не произнес ни слова. Его пальцы нервно постукивали по щитку, глаза уставились в потолок, как будто он читал там неведомые письмена. Наконец, Сирано встал.

— Мне бы нужно поговорить с вами наедине. Если возможно, то немедленно. Не пройти ли нам в штурманскую рубку?

Он пропустил ее впереди себя и запер дверь. Джил села и закурила сигарету. Сирано принялся нервно расхаживать взад и вперед, скрестив руки на груди.

— Совершенно ясно, что Файбрас, Торн и Обренова — Их агенты. Мне трудно представить Файбраса в роли шпиона. Он был достойным человеком... Впрочем, насколько мне известно, и этики, и их агенты утверждают, что насилие им ненавистно. Хотя должен сказать, что Файбрас умел проявить твердость... и не всегда он действовал мирными средствами. Вспомните эту историю со Штерном... Мне кажется, вы рассказывали, что Файбрас вынужден был защищаться, когда тот напал на него.

— Не помню такого разговора,— сказала Джил.— И давайте лучше начнем с самого начала.

— Прекрасно. Сейчас я сообщу вам то, что обещал хранить в тайне. Пожалуй, впервые в жизни я не сдержу своего слова,— губы Сирано искривились в горькой усмешке.— И меня оправдывает лишь то, что я, возможно, был вынужден дать обещание врагу... таинственному и грозному.

— Это случилось семнадцать лет назад. Господи, как давно и как недавно все это было! В те годы я жил в стране на правом берегу Реки, где большинство жителей — мои соотечественники и современники. На левом берегу обитали

смуглокожие дикари-индейцы с Кубы еще до-колумбовых времен — весьма миролюбивый народ. Правда, поначалу не обошлось без столкновений, но вскоре мы зажили с ними дружно.

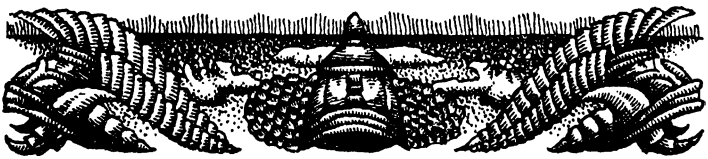
— Нашим маленьким государством управлял принц Конти — великий Конти, под началом которого я имел честь сражаться под Аррасом. Получив в той битве сильный удар в горло, мою вторую серьезную рану, и в придачу к ней несколько мелких, я осознал весь ужас и мерзость войны. В тот год мне стало ясно, что Марс — глупейший из богов. Мои увлечения переменились; я восторгался лишь моим другом и учителем — знаменитейшим Гассенди. Он, как вам, без сомнения, известно, был противником презренного Декарта и возродил во Франции учение Эпикура. Его философские взгляды произвели огромное воздействие на моих друзей — Мольера, Шапеля и Дено. Он убедил их перевести труды Лукреция, божественного римского атомиста...

— Прекратите болтовню, Сирано! Мне нужны лишь факты!

— Тогда, если перефразировать другого великого римлянина...

— Сирано!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Ну, хорошо, перейдем к делу. Это случилось ночью. Я спал возле своей любимой Ливи и вдруг пробудился. Хижина была освещена лишь слабым светом, струившимся в открытое окно. Надо мной склонилась высокая фигура с огромной круглой головой наподобие полной луны. Я потянулся к мечу, но вдруг незнакомец заговорил.

— На каком языке?

— А? Есть только один-единственный прекраснейший язык на Земле, которому, увы, я изменил,— мой родной французский. Он говорил плохо, с ошибками, но я его понимал.

«Савиньен де Сирано де Бержерак»,— он назвал мой полный титул.

«У вас есть передо мной преимущество, сэр,— с достоинством отозвался я.— Мне ваше имя неизвестно». Не бахвалясь, скажу, что держался я великолепно, несмотря на сильные позывы помочиться. При слабом свете звезд мне удалось разглядеть, что он безоружен. Если у него и было припрятано кое-что, то лишь под его широким плащом. Совершенно поглощенный неожиданным визитером, я, тем не менее, удивился, что не проснулась Ливи,— у нее всегда такой чуткий сон.

«Вы можете называть меня, как вам угодно,— сказал незнакомец,— мое имя не имеет никакого значения. Вас, кажется, удивляет крепкий сон вашей подруги? Я сделал так, что она не проснется. О, нет, она в полной безопасности,— поспешно добавил он, заметив, как я судорожно дернулся.— Утром она встанет как всегда, ничего не зная о нашей ночной беседе.»

— В этот момент я понял, что тоже нахожусь под каким-то странным воздействием; внезапно у меня перестали двигаться ноги, будто у парализованного. Они просто не шевелились. Хотя я рассвирепел от этакого бесцеремонного об-

ращения с моей особой, но проявить негодование смог бы только на словах. А здесь требовалось кое-что покрепче — и поострей.

— Незнакомец взял стул и уселся возле постели.

«Выслушайте меня внимательно и постарайтесь во всем разобраться».

— И он рассказал мне самую поразительную историю, которую я когда-либо слышал. Представьте, Джил, он утверждал, что является одним из тех существ, которые воскресили нас. Они называют себя этиками. Мой гость не коснулся ни их происхождения, ни внешности. Видите ли, если бы он попал в руки своих, ему пришлось бы плохо.

— Мне хотелось о многом его расспросить, но едва я раскрывал рот, как он перебивал меня, заставляя слушать. Правда, он обещал навестить меня — и даже не единожды — с тем, чтобы ответить на мои вопросы. Но главное я понял! Нам подарили жизнь, однако не вечную. Мы — лишь объекты научных экспериментов; по их завершении с нами будет покончено, и мы умрем уже навсегда.

— Что это за эксперименты?

— Исторические изыскания. Его народ собирает данные по истории, антропологии, языкам и тому подобному. Их интересует, какое общество могут создать люди, если их собрать воедино, и как они будут меняться в таких условиях. Мой гость заявил, что многие группы способны развиваться в нужном направлении и без вмешательства его народа. Но некоторые нуждаются в воздействии, иногда скрытом, а порой и непосредственно. Проект рассчитан на долгие годы; возможно, на несколько столетий. Затем работа завершится, равно как и наша жизнь. Мы станем прахом навечно.

— Я сказал ему: «Как же можно отказать нам в том, чем обладает ваш народ — в праве на вечную жизнь?»

— Он ответил, что они — не истинные этики, а жестокие существа, подобные ученым, мучающим животных во имя будущего науки. Однако эти последние имеют оправдание, разумное объяснение своей деятельности. Ученый приносит обществу благо, а потому его действия моральны. В данном же случае польза весьма сомнительна. Правда, в результате некоторые из нас обретут бессмертие, но лишь немногие.

«Как же этого достичь?» — спросил я. Тогда он объяснил мне сущность того, что Церковь Второго Шанса именует «ка». Вы слышали об этом, Джил?

— Я часто бывала на их проповедях.

— Ну, тогда вы знаете, что такое «ка», «акх» и прочие их штуки. Незнакомец рассказал, что доктрины Церкви истинны лишь отчасти. И сама Церковь создана по воле этиков, разыскавших человека по имени Ла Виро, который стал ее основателем.

— Мне всегда казалось, что эта религия — один из миров, выдуманных мистиками,— произнесла Джил.— Я никогда не доверяла бредовым идеям земных проповедников — Моисея, Иисуса, Заратустры, Магомета, Будды, Смита, Эдди и всей этой компании.

— Я тоже,— кивнул головой Сирано.— Но вы помните — когда я был при смерти, то принял покаяние,— в основном, чтобы осчастливить мою бедную сестру и верного друга Ле Брэ. Хотя должен признаться, что тогда и я сам не считал это излишним. Дело в том, что я безумно страшился вечного огня в аду. В конце концов...

— Этот ужас был заложен в вас с детства.

— Совершенно верно. Но представьте — появляется некто, утверждающий, что душа действительно существует — как и вечная жизнь. На миг мне показалось, что это шутка. Вдруг один из моих соседей разыграл из себя посланца богов? И завтра я буду выглядеть посмешищем в собственных глазах? Как же, де Бержерак, рационалист и атеист, пал жертвой неумного розыгрыша! Но кому могло прийти в голову устроить такой фарс? И зачем? Наконец, почему при этом не проснулась Ливи, а у меня парализовало ноги? Где можно раздобыть обволакивающую голову сферу? Даже при слабом свете я разглядел ее тускло-черную окраску. И еще... Он, вероятно, почувствовал мои сомнения, и протянул мне ладонь. На ней лежали очки — странные очки из неведомого мне материала. «Оденьте их,— сказал он,— взгляните на Ливи.»

— Я послушался и разинул от изумления рот. Над головой моей спящей подруги возник многоцветный шар; он сверкал, источая яркий свет, вращался, пульсировал и время от времени выбрасывал откуда-то изнутри лучи-щупальца.

Одни втягивались внутрь, вслед за ними появлялись другие. Незнакомец отодвинулся и велел положить очки на его ладонь. Мне показалось, что он не хочет меня коснуться. Я вернул этот поразительный прибор, и он тут же исчез в складках его плаща.

«То, что вы видели,— объяснил он,— это атман, бессмертная часть вашей личности. Можете называть ее душой.— Он сделал паузу и продолжил: — Я выбрал несколько человек, которые должны помочь мне в борьбе с чудовищным злом, с преступлением, которое совершил мой народ. Ваш атман свидетельствует, что вы достойны стать избранником.— Мой гость на миг задумался, потом пояснил: — Мы умеем читать в душах людских как в книгах. Характер человека выражается в его атмане, вернее — характер и есть атман. У меня нет времени объяснить вам это более подробно. Скажу главное — за отпущенный вам срок лишь малая часть человечества достигнет высшей цели.»

Затем он повторил то, что толкует и Церковь Второго Шанса: грешные души умерших вечно блуждают в мировом пространстве; они сохраняют в себе все человеческое, но лишены познания высшей сущности. Лишь те, чей атман прошел все стадии совершенствования, способен ее постичь. Особенно близки к этому те, кто уже при жизни достиг нравственной чистоты.

«Что?! — возмутился я.— На пути к вечности человек должен подобно неприкаянному духу скитаться в мировом пространстве, отскакивая мячиком от стенок вселенной, осознавая ужас своего положения и не имея возможности общаться с себе подобными? Разве о такой участи мы мечтали всю жизнь?»

«Не перебивайте,— остановил меня незнакомец,— я еще должен многое вам объяснить. Существо, достигшее совершенства атмана или акха, уходит из этого мира в запредельность.»

«Что значит — запредельность?»

«Уйти в запредельность — значит, соединиться, слиться со Сверхдушой, прийти к подлинной сущности или Богу, если вы предпочитаете это слово, стать одной из частиц Его и познать в том вечное и беспредельное блаженство.»

— Я почти уверился, что имею дело с безумным пантеистом, но решился спросить: «Означает ли это слияние потерю собственной индивидуальности?»

«Да,— ответил он.— Но зато вы становитесь Сверхдушой, Богом! Отвергнуть свою индивидуальность и самосознание ради возможности стать Высшим Существом — разве это потеря? Это величайший дар, венец существования!»

«Чудовищно! — воскликнул я.— В какую же дьявольскую игру Бог вовлек свои создания? Чем тогда бессмертие и загробная жизнь лучше смерти?

— О, нет! Во всем этом нет ни капли смысла! Логически рассуждая, зачем же создавать атман — душу, если большая часть душ будет развеяна, словно песок ураганом? К желанному пределу допустят лишь тех, кто приблизился к совершенству или, если хотите, к святости... И ради этого утратить свою индивидуальность, свое самосознание, исчезнуть? Нет, уж если мне суждено бессмертие, то я желаю остаться самим собой — Савиньеном Сирано де Бержераком! Мне не нужно это фальшивое бессмертие, существование в виде безымянной и безмозглой частицы Божьей плоти! Да — безымянной и безмозглой!»

«Вы, как и все ваше племя, слишком много разговариваете,— прервал меня незнакомец,— но тем не менее...— он минуту колебался, затем продолжил: — Существует третья альтернатива, которая вам больше придется по душе. Я не хотел говорить, но... все-таки скажу... правда, не сейчас. У меня нет времени, да и сегодня это было бы некстати. Возможно, я объясню вам кое-что еще — в следующий раз. А сейчас мне пора уходить. Итак, вы готовы помочь мне?»

«Но как я могу обещать вам поддержку, если не знаю, заслуживаете ли вы ее? Сейчас вы мне кажетесь Сатаной!»

— Он хмыкнул.

«Вы же не верите ни в Бога, ни в Дьявола. Я — не дьявол и не подобие его. Я — ваш союзник, сторонник обманутого, страдающего человечества. Доказать это я вам ничем не могу, во всяком случае — сейчас... Но задумайтесь вот над чем: разве кто-нибудь еще из моих соплеменников пришел к вам? Разве сделали они хоть что-нибудь, чтобы отвести от вас смерть, насылаемую во имя неведомых целей, которые

даже не удосужились объяснить? Разве я избрал вас не для того, чтобы бороться против их темных замыслов? Да, из миллиардов людей я выбрал вас и еще одиннадцать человек, способных помочь мне. Ваш атман подтверждает, что вы будете моим сторонником.»

«Значит, все уже предопределено? — спросил я.— Но я не верю в предопределенность.»

«И правильно делаете — ее не существует. Выбор за вами. Доверьтесь мне.»

«Но,— вскричал я,— что можем сделать мы — жалкие людишки!? Вы хотите стравить нас с могущественнейшими существами, обладающими нечеловеческими возможностями!»

— Он пояснил, что мы, двенадцать, ничего одни не сможем сделать. Нам нужен лазутчик во вражеском стане — им будет он, наш друг. Мы же должны объединиться и отправится к северному полюсу, к Башне посреди моря. В пути мы можем рассчитывать только на свои силы; он не сумеет ни предоставить нам транспортные средства, ни оказать помощь.

«Я вынужден действовать очень осмотрительно,— заявил мой гость.— И вам тоже следует молчать об этом разговоре. Вы можете открыться только одиннадцати избранникам.»

«Но как же мне их узнать? — недоуменно подумал я.— Как до них добраться? Где они?»

— Задаваясь этими вопросами я в тоже время испытывал волнение и гордость. Подумать только — один из Тех, кто пробудил нас от смерти и создал этот мир, просит меня о помощи! Я — Савиньен Сирано де Бержерак, слабый человек, отмечен и избран среди миллиардов!

«Вы сделаете то, о чем я вас прошу?» — произнес незнакомец.

«Непременно,— ответил я.— Даю слово! А свое слово я не нарушаю никогда!»

— Джил, не буду больше вдаваться в подробности нашего разговора. Скажу лишь, что он велел мне передать Сэму Клеменсу приказ найти человека по имени Ричард Фрэнсис Бартон, одного из избранных. Мы должны отправиться с

ним в Вироландо и в течение года поджидать остальных. Если даже соберутся не все, нам нужно через год отправиться в путь. Сам незнакомец обещал появиться в ближайшее время.

— Итак, мне предстояло разыскать Клеменса, жившего где-то за тысячи лье, и помогать ему в строительстве большого корабля. Я уже знал, кто такой Клеменс, хотя он родился спустя сто восемьдесят один год после моей смерти. Кому же знать, как не мне? Ведь я спал с его женой... Когда я заикнулся об этом, незнакомец пробормотал: «Да, я знаю.»

«Но это обстоятельство запутывает все дело,— сказал я.— Что будет с Ливи? И захочет ли великий Клеменс взять нас на борт своего судна в такой ситуации?»

«Что для вас важнее,— с оттенком нетерпения прервал он — женщина или спасение мира?»

«Все зависит от моего отношения к этой женщине. Правда, с позиции великой и гуманной миссии по спасению мира это, конечно не аргумент. Увы! Я гуманист, но совсем не хочу терять Ливи.»

«Отправляйтесь к нему, и будь что будет. Возможно, женщина предпочтет именно вас.»

«В делах любви Сирано де Бержерак не подчиняется чужим приказам,— гордо заявил я.— Лишь сердце — мой вожатый!»

Он встал и со словами: «Мы еще увидимся», вышел из хижины. Я подполз к порогу (онемевшие ноги еще не держали меня) и распахнул дверь. Там не было никого. Полумрак, звезды в небесах — и ни единого следа моего странного гостя.

— На следующее утро я заявил Ливи, что мне надоели здешние места и я жажду полюбоваться этим новым славным миром. Хотя еще в земной жизни ей наскучили странствия, она не оставила меня; мы отправились в путь. Дальнейшее вам известно.

Джил охватило ощущение ирреальности происходящего. Она верила рассказу Сирано, одновременно ощущая себя героиней фильма ужасов... актрисой, которая не знает ни своей роли, ни текста. Она покачала головой.

— Нет, о дальнейшем я ничего не знаю. Что произошло между вами и Клеменсом? Он знал больше вас? Появились ли остальные избранники этика?

— Этик встречался с Клеменсом дважды. Сэм называл его Икс или Таинственный Незнакомец.

— Да, у него есть книга с таким названием,— вспомнила Джил.— Очень грустная и горькая история, исполненная пессимизма. А Незнакомец — это Люцифер.

— Он мне о ней говорил. Ну, а знал он не больше меня. Единственное, что еще сказал ему Незнакомец, касалось метеорита, который он сбросил с небес на землю будущего Пароландо.— Сирано задумчиво уставился в иллюминатор, за которым неслись клочья белесого тумана.— Но Сэм нарушил слово. Он рассказал все Джо Миллеру и Лотару фон Ритгофену... Эти двое очень близки к нему... Они не сумели бы понять ни его поведения, ни поступков.

— Со временем в Пароландо появились и другие избранники — рыжий гигант по имени Джонстон и... Файбрас.

Джил смяла сигарету:

— Файбрас! Но он...

— Совершенно верно,— кивнул Сирано.— Оказалось, что он один их агентов, о которых предупреждал этик.

К сожалению, больше встреч с Незнакомцем у нас не было, и многого я так и не выяснил. Мне кажется, наш Икс был бы весьма удивлен, узнав, что Файбрас представился Сэму как один из двенадцати избранных. Увы! Скорее всего, он был шпионом. Но кто же такие Торн и Обренова?

— Джонстон и Файбрас добавили что-нибудь к рассказу Сэма?

— Об этике? Нет. К Джонстону он явился лишь однажды, а Файбрас вообще не любил говорить на эту тему. Может быть, он действительно принадлежал к двенадцати избранникам? Этик мог не распознать агента... Файбрас хорошо играл свою роль. Но лишнего он не болтал,— Сирано сделал паузу, потом с тоскливым вздохом произнес: — На самом деле меня тревожит лишь одно: почему наш Икс так и не появился...

Неожиданно Джил вся напряглась.

— А вдруг... вдруг Пискатор — тоже агент?

Сирано пожал плечами, недоуменно приподняв брови:

— Пока он не вернется, мы можем только гадать.

— Игра, контр-игра, игра против контр-игры... — медленно произнесла Джил. — И семь покровов Майи — барьер иллюзий, разделяющий Их и нас...

— Что? А, вы говорите об индуистском учении иллюзорности...

Сирано снова бросил взгляд в иллюминатор и после паузы сказал:

— Знаете, я не думаю, что Пискатор — их агент. Он делился со мной своими подозрениями... он считал, что на нас надвигается нечто таинственное и темное...

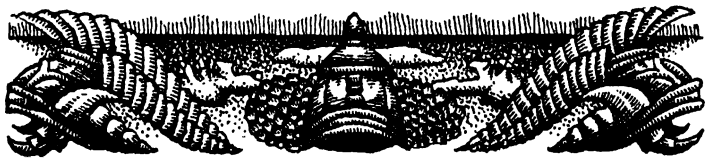
В дверь постучали.

— Капитан? Это Грисон, старший третьей поисковой группы. Мы осмотрели все помещения, кроме штурманской рубки. Нам подождать?

— Входите, — велела Джил и, повернувшись к Сирано, добавила: — Мы еще поговорим с вами. Слишком много загадок свалилось нам на голову.

— Сомневаюсь, что у меня есть разгадки к ним.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Минуло трое суток.

Они похоронили погибших в море. Их тела, завернутые, словно египетские мумии, в белые полотнища, скользнули одно за другим вниз через отверстия в стене. Джил стояла в густом тумане, наблюдая, как исчезают белые коконы и тщетно пытаясь уловить всплеск. Страх смерти терзал ее душу.

Смерть опять стала неотвратимой реальностью, неотъемлемой частью бытия. Надежда на вечную жизнь покинула мир. Здесь, в этом мрачном и таинственном месте, смерть витала незримой тенью и ужасала не меньше холода, сырых ветров и вздымающихся темных туч.

Джил отошла на несколько шагов в сторону, и туман сразу поглотил фигуры и голоса ее спутников. Она даже не слышала звука собственных шагов.

Подойди к отверстию в стене и просунув туда плечи, она прислушалась. Ни звука; даже рев морских волн у подножия Башни не долетал сюда. Здесь все было далеким, даже то, что находилось на расстоянии вытянутой руки. Пустыня, настоящая пустыня! Отсюда нужно бежать — бежать, чтобы вновь обрести себя.

Но Пискатор не вернулся. Она полагала, что японец застрял там не по своей воле: он или мертв, или тяжело ранен, или захвачен в плен. В любом случае они не в силах ему помочь и недельное ожидание лишено смысла. Джил объявила команде, что они улетают в конце пятого дня.

Люди приняли это известие с явным облегчением. Страх и неуверенность терзали их, нервы были натянуты до предела. Четырехчасовую вахту у купола пришлось сократить до двух часов. У некоторых начались галлюцинации, они видели в тумане тени, слышали чьи-то голоса. Один из стражей даже поднял стрельбу, утверждая, что из тумана на него надвигалась огромная фигура.

При первом осмотре судна на нем не нашли ни бомб, ни передатчика. Опасаясь ошибки, Джил приказала повторить поиск. К тому же, ей хотелось занять людей делом. На этот раз осмотрели и наружную поверхность корпуса, проверили все, просветив фонарями каждый квадратный фут от носа до кормы. Торн еще до отлета мог припрятать взрывчатку внутри наполненной газом оболочки. Для ее проверки требовалось выпустить водород, запасы которого пополнить здесь было невозможно. Но, а пока не обнаружен передатчик, надо было продолжать поиски. Конечно, Торн, находившийся в медицинском отсеке под неусыпным наблюдением, не мог сейчас до него добраться; однако лучше исключить любые неожиданности.

Джил тревожилась и по другому поводу.

— Сэм расстроится, когда узнает, что с моря нельзя попасть в башню,— сказала она Сирано.— Но, допустим, кто-то из его людей проберется наверх и сумеет преодолеть коридор. А дальше... дальше с ним может произойти то же, что и с Пискатором.

— Вполне возможно,— хмуро ответил Сирано. Он любил японца не меньше Файбраса.

— Скажите, Файбрас ничего не говорил вам о лазере, установленном на «Марке Твене»?

— А-а! — оживился Сирано.— Как же я мог забыть! Лазер! Конечно, Файбрас рассказывал мне про это чудо. Вы думаете, он способен пробить стены Башни?

— Не знаю. Этот металл обладает фантастической прочностью... Но надо попробовать.

Француз опять впал в уныние.

— А как быть с горючим? Мы не можем лететь к Клемансу за лазером и потом возвращаться сюда. В этом случае нам не хватит топлива на обратный путь в Пароландо.

— Надо забрать у Сэма лазер, потом отправиться за горючим в Пароландо и подготовить новую экспедицию.

— Большая потеря времени. К тому же, есть еще одно обстоятельство: упрямец Клеменс может не отдать нам лазер.

— У меня даже мысли об этом не возникает,— медленно сказала Джил.— Похоже, другого способа проникнуть в Башню не существует.

— Вы совершенно правы. Но вы рассуждаете логически, а Клеменс иногда не в ладах с логикой. Хорошо, поживем — увидим.

Захваченная новой идеей, Джил решила не тратить время в бесплодном ожидании Пискатора. Если японец ранен или захвачен в плен живыми существами или роботами, они ничем не могут ему помочь; для этого, как минимум, требовалось проникнуть в Башню. Или получить какую-то принципиально новую информацию.

С этой мыслью Джил, в сопровождении Сирано, направилась в медицинский отсек, чтобы допросить Торна. Канадец сидел в постели; его левая нога была прикована цепью к металлическому стояку. При виде посетителей он не проронил ни слова. Джил тоже молчала, внимательно разглядывая его. Торн прикрыл глаза; лицо его выражало странную смесь непримиримого упорства и покорности судьбе. Люцифер был повержен, но не утратил ни гордости, ни силы духа.

Джил обратилась к нему:

— Не хотите ли вы объяснить свои действия?

Торн молчал.

— Нам известно, что вы подложили бомбу в вертолет. Вы убийца, Торн. Файбрас, Обренова и их спутники погибли при взрыве.

Он широко раскрыл глаза, но выражение лица не изменилось. Слабая улыбка — скорее, только намек на улыбку — скользнула по его губам. Или ей только почудилось?

— Вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве, и я обязана отдать приказ о вашем расстреле. Однако мы хотим избежать ошибки. Вы можете признаться или привести любые доводы в свою защиту.

Он смотрел на нее неотрывно, тяжелым и холодным взглядом.

— Конечно, вы знаете о шариках... крохотных черных шариках? Мы нашли их у Файбраса и Обреновой.

В его глазах мелькнул страх. Или только волнение? Он побледнел, мучительная гримаса исказила лицо.

— В вашем мозгу тоже есть такой шарик?

Торн выругался и сказал:

— Мне делали рентгеновский снимок головы. Разве Файбрас взял бы меня, обнаружив что-нибудь?

— Не знаю,— возразила Джил.— Принял же он Обренову, так почему он должен был отвергнуть вас?

Торн покачал головой.

— Послушайте, я буду вынуждена приказать Грейвсу сделать вам трепанацию черепа.

— Только потеряете время,— ответил он.— У меня в голове нет этой штуки.

— Полагаю, вы лжете. Зачем имплантируют этот шарик?

Молчание.

— Вы ответите или нет?

Вмешался Сирано.

— Куда вы собирались лететь на вертолете?

Торн крепко сжал губы, потом спросил:

— Я думаю, вы так и не смогли попасть в Башню?

— Один из нас прошел.

Торн вздрогнул, его лицо покрылось мертвенной бледностью.

— Один? Кто же это?

— Я отвечу вам лишь тогда, когда вы все выложите.

Торн упрямо вздернул подбородок и перевел дыхание.

— Я не стану ничего говорить, пока мы не попадем на «Марк Твен». Я расскажу все лишь Сэму Клеменсу; здесь — ни слова. Если вы хотите, можете вскрыть мой череп. Это жестоко... и это будет стоить мне жизни, но вы не узнаете ничего.

Джил увела Сирано в соседнюю каюту.

— На борту «Марка Твена» есть рентгеновский аппарат?

— Не помню. Спросим их, как только возобновится связь.

Они возвратились к Торну. С минуту он пристально смотрел им в глаза, потом с трудом, словно презирая себя за слабость спросил:

— Этот человек... он вернулся?

— Не все ли вам равно?

Торн, видимо, колебался, собираясь что-то сказать, но неожиданно тишину разорвал его хохот. Он смеялся!

— Ну, что ж,— решила Джил,— летим к судну. Поговорим там.

Проверка оборудования дирижабля заняла не более часа. Затем отвязали канаты и последние члены экипажа взошли на борт. В кресле пилота сидел Сирано. Медленно, осторожно, он начал поднимать «Парсефаль» в воздух, развернув пропеллеры вверх. Из баков выпустили водный балласт, и дирижабль круто взмыл в небо. Через десять миль Сирано стал постепенно снижать высоту полета, направляя дирижабль к расщелине, через которую они проникли в этот туманный ад.

Джил стояла у ветрового стекла, напряженно вглядываясь в белесую пелену. На миг ей показалось, что она слышит рокот волн, свист ветра и заунывные стоны неприкаянных душ.

— До свидания, Пискатор,— пробормотала она,— Мы еще вернемся...

Поток воздуха швырнул дирижабль в узкое ущелье и с силой вытолкнул наружу. По словам Сирано они вылетели словно новорожденный из чрева матери, жаждущей отделаться от него. Свет, сверкающее солнце и вид зелени внизу привели всех в экстаз. Из отсека в отсек неслись восторженные крики, песни и смех.

Как только «Парсефаль» поднялся на достаточную высоту, Аукусо начал налаживать связь с «Марком Твеном». Через час ему удалось нащупать в эфире Клеменса.

Джил только начала свой доклад, как Сэм в возбуждении прервал ее и принялся рассказывать о предательском нападении Грейстока. Она молчала, потрясенная дурной вестью; вскоре пространные и подробные описания Сэма начали ее раздражать. Главное было уже ясно — корабль уцелел.

Наконец, Клеменс выложил все.

— Ну, я отчитался вчистую. Теперь ваша очередь. А где Файбрас?

— Погодите... я же не успела сказать вам и двух слов.

Она подробно изложила все, что случилось за последние пять дней. Сэм слушал с огромным напряжением, лишь изредка прерывая ее невнятными восклицаниями.

— Итак, Файбрас мертв, и вы полагаете, что он — один из Них? — дрогнувшим голосом произнес он, когда Джил закончила.— Может быть, это слишком поспешный вывод? Предположим, черный шарик имплантирован и другим лю-

дям в каких-то научных целях... Ну, скажем, одному из тысячи или из десяти тысяч... Не знаю, зачем... Возможно, шарик излучает волны, которые Они регистрируют в процессе исследований, или он дает возможность следить за выбранными объектами.

— Не думаю,— возразила Джил.— Хотя мне бы очень хотелось согласиться с вами. То, что Файбрас — один из Них...— она судорожно сглотнула и добавила едва слышно: — Мне ненавистна даже мысль об этом...

— Мне тоже. Но сейчас самое важное — ваш вывод о том, что наземная экспедиция бессмысленна. Я построил два судна напрасно,— он горько рассмеялся.— Впрочем, не совсем так. Я строил их ради самого долгого путешествия — даже если это путешествие в никуда... К тому же, у меня осталась другая цель — король Джон! Я должен схватить его и расквитаться за все!

— Но вы заблуждаетесь, Сэм. Я уверена, что мы сумеем попасть в Башню... Правда, для этого нужен лазер.

Клеменс замолчал, и Джил поняла, что он пытается совладать с охватившим его удивлением.

— Вы имеете в виду?..— Сэм был явно смущен.— Значит, Файбрас вам все рассказал? Ну что за безрассудный, беспринципный тип! Я же просил его молчать! И он прекрасно знал, как важно сохранить это в тайне! А теперь в рубке все уже в курсе дела — они здесь ловят каждое ваше слово. Придется мне взять с них клятву молчать, но я не уверен, что это помешает распространению слухов. Ну, Файбрас, попадись он мне!

Помолчав, Сэм добавил:

— Давайте продолжим наш разговор на судне, чтобы не сболтнуть лишнего. Как вы понимаете, нас постоянно подслушивают радисты Джона. Можете себе представить их восторг, если они узнают о наших планах! Да они будут облизываться как свиньи, нашедшие свежую коровью лепешку!

— Извините, что так получилось,— голос Джил был полон раскаяния,— но нам необходимо посоветоваться. Желательно поднять лазер на борт дирижабля без посадки.— Она помолчала.— Только с его помощью мы можем проникнуть в

Башню, мистер Клеменс. Иначе вся наша работа и смерть людей теряют смысл.

— А мне он нужен, чтобы уничтожить Джона!

Джил пыталась сдержать раздражение.

— Подумайте, Клеменс, что важнее — свести счеты с Джоном или разгадать тайны этого мира? В конце концов, мы можем оба использовать лазер. Я верну его вам.

— Черта с два — вернете! Если вернетесь сами, в чем я не совсем уверен! При следующей попытке вас могут схватить. До сих пор Они сидели в своей Башне как мыши, посмеиваясь над кошкой, что тычется в узкую нору. И что же вы думаете, мыши останутся мышами, когда лазер начнет сокрушать стены Башни? До они тут же прихватят вас, как Пискатора! И что дальше? — Сэм закашлялся, послышалось проклятье и щелчок зажигалки — он прикуривал сигару.— Ну, а теперь представьте, что металл не поддается лазеру?

— Все может быть... попробуем. Это единственный способ закончить дело.

— Ну, хорошо, хорошо. Вы рассуждаете логично, вы совершенно правы, поэтому не будем продолжать спор.— Я человек здравомыслящий; отсюда следует, что лазер вы получите. Однако здесь есть одно большое «но», как однажды сказала испанская королева: сначала вы доберетесь до короля Джона.

— Не понимаю... Что вы имеете в виду, Сэм?

— А вот что: я хочу совершить налет на «Рекс». Ночью пошлем туда вертолет и выдернем Джона с постели как морковку с грядки! Желательно взять его живым, но если это не удастся, я не буду сильно расстроен.

— Это глупо! Глупо и отвратительно! — возмутилась Джил.— Ради вашей авантюры мы должны рисковать вертолетом и жизнью людей! Мы можем потерять и то, и другое — а вертолет у нас остался только один.

Сэм тяжело задышал. Наконец, справившись с гневом, он заговорил ледяным тоном.

— Это выглядит глупостью только в ваших глазах. Напомню — если удастся схватить Джона, отпадет необходимость думать о «Рексе» как о противнике. Покончим с Джоном, и пусть его место займет первый помощник. Кто бы он ни был — я желаю ему удачи! А мое самое большое желание

— чтобы Джон не избежал кары за свои преступления... чтобы он не властвовал над моим прекрасным кораблем, ради которого я работал как вол, сражался, интриговал, лил кровь и пот... который я выстрадал! Мне надо только одно — чтобы этот мерзавец, выдающий себя за человека, стоял передо мной! И я скажу этой мрази, этому ничтожеству все, что думаю о нем! Я даже не стану его убивать — высажу на берег и раскочегарю топку... не больше... разве что на этом берегу случайно окажется племя каннибалов или компания рабовладельцев.

— А если его убьют во время нападения?

— Я примирюсь с подобной неудачей.

— Однако я не могу заставлять своих людей участвовать в таком рискованном деле.

— И не надо. Вызовите добровольцев. Если никто не согласится — тем хуже для вас: лазера вы не получите. Учтите, я никого насильно не толкаю на героическую смерть. Просто мне известна человеческая натура.

Сирано крикнул:

— Почту за честь участвовать в атаке, Сэм!

— Сирано? Что ж, хотя вы не относитесь к числу моих задушевных друзей, добрый вам путь! От всего сердца желаю удачи.

Джил так изумилась, что на минуту потеряла дар речи: это заявил человек, уверовавший, что Марс — глупейший из богов!

— Сирано, почему вы на это идете?

— Почему? Не забудьте — я тоже был на «Ненаемном», когда его захватил Джон со своей шайкой... меня чуть не убили! Я тоже жажду мщения, мечтаю увидеть физиономию этого бастарда, когда он попадется в капкан... Да, войны — отвратительны! Но речь идет не о той войне, что развязана алчными, жаждущими славы безумцами, которым наплевать на тысячи убитых, покалеченных, замерзших и погибших от голода... Нет, эта война — наше личное дело. И я знаю человека, вместе с которым буду вести свою крошечную, но абсолютно справедливую войну. Это Сэм Клеменс, питающий к войнам такое же отвращение, как и я.

Джил не стала спорить с ним. Сирано казался ей ребенком — глупым ребенком, которому все еще хотелось играть в

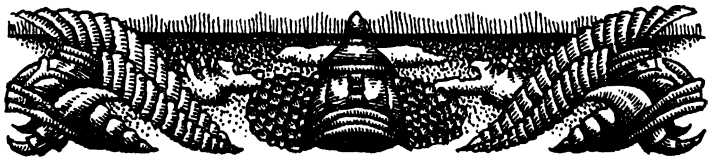
солдатики, хотя он прекрасно знал, что эти кровавые игры не доводят до добра.

Теперь она была вынуждена согласиться с условием, которое поставил Клеменс. Вначале ей казалось, что немногие рискнут принять участие в этой авантюре; затем Джил припомнила чувство тягостного бессилия, охватившее экипаж «Парсефаля» перед вратами Башни. Клеменс был прав; он действительно знал человеческую натуру — вернее, натуру мужчин. Сейчас ее команда была готова схватиться с любым реально существующим и зримым врагом.

Переговоры длились еще около часа. Сирано утверждал, что помнит расположение всех кают на «Рексе»; он рвался в бой с не меньшей горячностью, чем Клеменс. Обсудили последние детали, и Сэм прервал связь, получив твердые заверения, что узнает результаты рейда сразу же по возвращении вертолета.

— Если он вернется,— тихо добавила Джил, печально глядя на умолкнувшую рацию.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Казалось, судну не удастся избежать смертельного удара торпед, но через минуту наблюдатели доложили, что оба снаряда прошли мимо. Теперь перед Сэмом возникли очертания дирижабля; он стремительно приближался, словно сверкающее серебром копье Немезиды. Неужели Грейсток решил идти на таран?

Высунувшись из рубки, Клеменс пронзительно закричал, приказывая открыть огонь. Но прежде, чем канониры услышали его команду, из распахнувшихся люков дирижабля выпали четыре бомбы; затем «Минерва» с грохотом взорвалась.

Огромный корабль дрогнул. Люди падали, катились по палубе, и только потерявший сознание рулевой, пристегнутый ремнями к креслу, оставался недвижим. Со звоном лопнуло ветровое стекло, в лицо Байрона, первого помощника, полетели осколки. Вскрикнув, он упал, прикрывая ладонями глаза.

Сэм поднялся на ноги; из рулевой рубки валил дым. Задыхаясь в этом темном зловонном облаке, ничего не видя и не слыша, он пробрался к щиту управления. Приборы были целы. Ему пришлось низко склониться над пультом, чтобы разглядеть показания шкал и убедиться, что корабль продолжает идти по курсу.

Сэм расстегнул ремни, опустил безвольное тело Детвейлера на пол и уселся на место рулевого. Теперь он уже мог кое-что видеть.

Дирижабль — вернее то, что от него осталось — бесформенным комом плавал в воде; его горящие обломки были раскиданы на сотни ярдов. Вокруг клубился дым, но ветер постепенно относил его от «Марка Твена». Сэм взялся за штурвал и развернул судно против течения. Включив автопилот и убедившись в его исправности, он вышел из рубки и направился к правому борту, чтобы оценить повреждения.

Неподалеку он увидел Джо; тот что-то кричал и яростно жестикулировал. Сэм энергично потер уши, потом развел руками, показывая гиганту, что ничего не слышит. Джо продолжал вопить. По его груди, покрытой царапинами и порезами, стекали струйки крови.

Убитых на судне не оказалось, но раненых было много. Самое серьезное повреждение получил Детвейлер — острый осколок стекла попал ему в шею, едва не задев сонную артерию. Однако уже на третий день он был на ногах. Из команды «Минервы» спаслись только трое — Семрад, Харди и Ньютон, однако пилот дирижабля еще не пришел в сознание.

Да, на палубах «Марка Твена» все остались живы, однако один член экипажа погиб в воздухе. Лотар фон Ритгофен, превосходный летчик, один из самых близких Сэму людей, уже никогда не возьмет в руки штурвал самолета. Когда его тело, завернутое в белый саван, опускали в воды Реки, Сэм не мог удержаться от слез. С этим живым, энергичным человеком он прожил бок о бок почти пятнадцать лет — и с ним, с Лотаром, разделил свою тайну.

— Теперь мне понятно, почему Грейсток решился атаковать нас,— сказал Сэм Марселину де Марбо после похорон.— Джон Ланкастер сделал ему слишком соблазнительное предложение. Грейсток — жестокий и вероломный тип... впрочем, как и все люди его эпохи, относившие себя к благородному сословию. Если вы изучали историю Англии, Марк, то помните, что эти живодеры из средневековой знати всегда были склонны к изменам. Они поклонялись лишь удаче и наживе и плевали на церковь, хотя и строили храмы во славу Божию... Гиены, сущие гиены, без морали и чести!

— Ну, не все же,— возразил де Марбо.— Скажем, Вильям Маршал! Он был поистине благородным воином!

— К его счастью, он не служил королю Джону... бедняге Вильяму понадобился бы крепкий желудок, чтобы переварить приказы этого изверга! Вы только посмотрите — шпионы его скотского величества повсюду! Вот почему я всегда настаивал на том, что бы корабль тщательно охранялся!

— Тэм, ты страдаешь... как это?.. манией преследования. Потому ночные кошмары и мучают тебя. А меня — меня они не беспокоят.

— Неудивительно! Я — капитан, а ты — мой телохранитель, и должен бетспокоиться только об охране моей персоны.

— Ну, вот еще! Я бетспокоюсь, когда запаздывает обед!

Старший радист доложил о возобновлении радиосвязи с «Парсефалем». Беседуя с Джил Галбира, Сэм чувствовал себя путником на минном поле измены, лжи, лицемерия и обмана. В течение всего разговора он ждал, что одна из мин вот-вот взорвется под его ногами.

Пуская клубы дыма, Клеменс раздраженно шагал взад и вперед по палубе. Сигара отдавала горечью. Итак, кроме него, теперь лишь двое на судне были посвящены в тайну визита Икса — Джо Миллер и Джон Джонстон. Всего же их было восемь — Миллер, Джонстон, он сам, Файбрас (ныне покойный), де Бержерак, Одиссей (давно пропавший), фон Ритгофен (тоже покойный) и Ричард Фрэнсис Бартон. Некто, кого он, Клеменс, именовал Иксом или Таинственным Незнакомцем (в те давние года, когда этот провокатор еще не был для него «сукиным сыном» и «ублюдком») намеревался отобрать двенадцать человек для штурма Великой Чаши на полюсе. Он обещал Сэму вернуться через несколько лет и поведать многие тайны. Однако и разгадка тайн, и сам этик, похоже, канули в небытие.

А если его разоблачили? Где он может быть теперь?

Вечные вопросы продолжали терзать Сэма. Джо Миллер и фон Ритгофен узнали об этике от него. Значит, кроме известной ему шестерки, где-то странствует еще полдюжины избранников...

Может быть, все они находятся здесь, на судне! Почему незнакомец не сообщил какого-нибудь знака или пароля, чтобы они могли узнать друг друга? Если Икс и собирался объединить их в одну команду, то он явно не торопится... Его намерения были так же непредсказуемы и зыбки, как расписание мексиканских железных дорог.

Сирано передавал ему слухи о Бартоне, вечном страннике, бродившем вверх и вниз по Реке. Но еще на Земле Сэм читал о нем. Газеты были полны описаниями его подвигов. Он знал и его книги — «Одинокое странствие пилигрима в Эль-Медину», «Первые шаги по Восточной Африке», «Ве-

ликие озера Центральной Африки», а также перевод сказок «Тысячи и одной ночи».

Бартона знала Гвиневра. Она не раз рассказывала Сэму свою историю. В момент Великого Воскрешения ей было только семь лет. Ричард Бартон взял девочку под свое покровительство, и она целый год плыла с ним по Реке на небольшом катамаране. Затем на них напали охотники за рабами, и Гвиневра погибла. Прошло больше тридцати лет, но она так и не смогла забыть этого энергичного смуглого человека.

В экипаже Бартона был и Джон Грейсток. Но Гвиневра не слышала, чтобы они с Бартоном хоть словом обмолвились о Незнакомце. Возможно, Грейсток являлся агентом?

Он вновь вернулся к мыслям о Бартоне. На Земле англичанин руководил экспедицией, искавшей истоки Нила. Здесь он так же неистово стремился к истокам великой Реки, но по другим причинам. Если верить рассказу Сирано, Икс предупредил его, что Бартону грозит амнезия... возможно, все сведения об этиках будут стерты из его памяти. Поэтому де Бержерак и Клеменс должны сообщить ему все, что им известно о повелителях этого мира — и выслушать его историю. Если будет не слишком поздно... Забавная ситуация!

Тут были еще Штерн, Обренова, Торн... И Файбрас! Их роль столь же таинственна, как намерения Икса. Кто эти люди? На чьей они стороне?

Нет, он не в силах развязать все узлы, распутать все петли, расплести уток и основу этой паутины интриг! Необходимо посоветоваться.

Сэм пригласил в свою каюту Джо и Джона Джонстона и тщательно запер за ними дверь. Джонстон, семифутовый великан, широкоплечий и мускулистый, с красивым, но грубоватым лицом, выглядел рядом с Джо чуть ли не карликом.

Сэм выложил им новости. Джонстон молчал. Как истый горец, он был немногословен и нарушал молчание лишь в самых крайних случаях. Заговорил Джо.

— Что же втсе это значит? Почему только Питскатор тсмог пройти в дверь?

— Это мы выясним у Торна. Меня мучает другое: имел ли отношение Торн и прочая братия с «Парсефаля» к атаке «Минервы»?

— Ха! Никогда не поверю, что Грейсток был шпиком этиков,— вступил, наконец, в разговор Джонстон.— Этот вонючий скунс годится только в лакеи королю Джону!

— Однако он мог совмещать обе должности,— возразил Сэм.

— Как? — спросил Джо.

— Ты хочешь сказать — почему? Именно это спросил разбойник у Иисуса, когда его прибивали к кресту. Почему? Вот о чем следует поразмыслить! Я думаю, что Грейсток был агентом; просто цели короля Джона отвечали его собственным интересам.

— Но их шпики боятся жестокости,— настаивал Джонстон.— Ты мне сам рассказывал, как Икс проболтался об этом. Добрая потасовка не для них — они никого не тронут даже пальцем.

— Нет, этого я не говорил. Просто этики считают насилие аморальным. Так сказал Икс; впрочем, он мог и солгать. Вспомните библию! Князь Тьмы является и Князем Лжи!

— Тогда зачем же мы подчиняемся ему? — угрюмо произнес Джонстон.

— Затем, что я не знаю, действительно ли он лжет. Его коллеги — если таковые имеются — не проявили достаточной любезности и не снизошли до разговора с нами. Он обещал раскрыть все тайны, но, кажется, я его несколько раздражаю... Он похож на аболициониста, который пригласил негра к обеду, а потом проветрил гостиную... Но Их агенты тоже не святые. Во всяком случае, за Файбраса могу поручиться. Я вспоминаю, как Джо почуял запах Икса... особый запах. Он пришел ко мне в хижину сразу после того, как этот ублюдок удалился — и сказал, что человек так не пахнет. А я свято верю Джо и его носу.

— Тсам Тэм пахнет тсовтсем не лучше,— усмехнулся Джо.

— Это тснаешь только ты, верно? — передразнил его Сэм.— И больше Джо никогда не встречался с подобным запахом. Вот почему я считаю, что агенты этиков — обычные люди.

— Тэм тсмолит тсигары целыми днями,— пожаловался гигант.— В этом дыму я нитчего не вижу, тем более — не могу унюхать.

— Если ты не прекратишь агитацию против курения, я отправлю тебя назад — скакать по ветвям банановых деревьев.

— В жизни не ткакал на деревьях и не ел бананов! Я попробовал их впервые только тсесь!

— А ну, заткнитесь! — рявкнул Джонстон.

Брови Сэма поползли вверх, извиваясь, словно гусеницы.

— Заткнуться? Я надеюсь...

— Ближе к делу!

— Да, да, конечно. Я совершенно уверен, друзья мои, что нас окружают агенты... Они кишат на судне как черви в трупе жирного конгрессмена. Весь вопрос, чьи они — Икса или тех, других? Или же служат всем сразу?

— Чушь! — пробурчал Джонстон.— К чему им теперь сечь за нами? Вот когда мы приблизимся к верховьям...

— Кто знает? Их влияние может простираться очень далеко. Возьми хотя бы Икса... этого сукина сына! Я думаю, что он прорыл тоннель в северных горах и подвесил там канат для Джо и его египтян. Что касается остальных шакалов, им как будто плевать, доберемся ли мы до их конуры на полюсе. Правда, они не собираются облегчать для нас работу... а так — почему бы и нет?

Сэм пустил к потолку кольцо сизого дыма, послал вдогонку второе и признался:

— После этой истории с Файбрасом ни в чем нельзя быть уверенным. Вот, скажем, Одиссей... так скоропалительно покинувший нас. Он заявил, что принадлежит к двенадцати избранным, и я не сомневался, что его послал Икс. Нет, оказывается, к нему приходила женщина! Значит, у Икса есть союзник? Кто она? Прекрасная Незнакомка, подруга нашего Незнакомца? А, может, она — этик, подославший к нам лже-Одиссея? Есть у меня подозрения на его счет... Как-то я столкнулся с двумя микенцами, утверждавшими, что они сражались под Троей. Так вот, их Троя находилась совсем не там, где указывал Одиссей. Он говорил, что Троя расположена в Малой Азии — значит, археологи раскопали какой-то другой город. А по словам микенцев, столица Приама лежала неподалеку от Геллеспонта, там где позднее построили Гиссарлык.

— Если этот грек был шпиком, зачем ему плести такие байки? — Джонстон пожал могучими плечами.

— Ну... не знаю! Возможно, он хотел убедить меня, что на самом деле является Одиссеем...

Сэм запустил пальцы в густую шевелюру и с силой дернул себя за волосы. Ложь, помноженная на ложь, погонялась ложью; он прекрасно понимал, что следующий шаг в поисках агентов выведет его прямиком на Джонстона и Джо Миллера. Кому верить?

— Да, мы попали в серьезную переделку, сказал Шерлок Холмс Ватсону, падая в Ниагарский Водопад...— шепот Сэма был едва слышен, но Джо навострил уши.

— А это что за типы? — поинтересовался он.

Горец глухо заворчал.

— Ладно, ладно, Джон, извини,— Сэм задумчиво посасывал сигару.— Надеюсь, мы все-таки вытянем конец ниточки из этого хитрого клубка... Черт, но где найти этот кончик?

— Может быть, потсоветовагся с Гвиневрой? — предложил Джо.— Она — женщина, они втсе вокруг замечают, Тэм. Ты говорил, что женщины лучше втсе вотспринимают, чем мужчины... У них — как это? — женская интуация. Они нитчего не пропутстят и догадываются, когда от них что-то тскрывают. Вот тсейчас твоя Гвиневра дуется, тсидит в большой комнате в плохом натстроении, потому что мы здесь тсекретничаем.

— Не верю я в женскую интуицию.— досадливо отмахнулся Сэм.— Они способны подмечать лишь обычное... факты и слова, жесты и интонации, на которые мужчины не обращают внимания. Они острее воспринимают лишь мелочи.

— Это нам и нужно,— настаивал Джо.— Мы тут ломаем тсебе головы, и мы — как ты говоришь? — зашились... Пора вводить нового игрока.

— Слишком много болтовни,— опять вмешался Джонстон.

— По-твоему, все изрядно болтают. Ладно! Пожалуй, Гвен подойдет здесь больше, чем кто-либо.

— Дело кончится тем, что у каждого костра на берегу будут трепаться о наших секретах,— заключил Джонстон.

— Вот и хорошо,— бодро заявил Сэм.— Почему бы не рассказать всем эту историю? Она всех касается — и тех, кто плывет с нами на корабле, и тех, кто жжет костры на побережье.

— У того парня, вероятно, были причины, когда он просил нас помалкивать.

— Думаешь — благие? — спросил Сэм.— К Башне народ устремился уже целыми толпами... и их не остановит дурной пример золотой лихорадки сорок девятого года! Сотни и тысячи людей жаждут добраться до полюса, а миллионы готовы им помочь.

— Давайте проголосуем за Гвен. Это будет дем... демонкратично.

— Ты когда-нибудь видел женщину на военном совете? Она тут же подберет юбчонку и пойдет трепать на всех углах...

— Наши женщины не носят юбок,— ухмыльнулся Сэм,— да и всего остального тоже, как ты мог заметить.

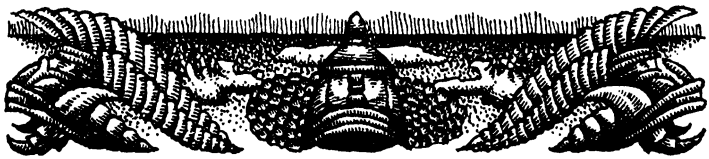
Они проголосовали: два — один в пользу Гвиневры.

— Ладно,— покорился неизбежному Джонстон.— Но когда она здесь рассядется, Сэм, пусть хотя бы скрестит ноги.

— Гвен весьма предусмотрительная дама. Она натянет свой кильт до самых колен, хотя купается нагишом. Но, в конечном счете, мир не перевернется, если она продемонстрирует лишний дюйм своей плоти.

— Это не плоть... это... это... кое-что другое. Тебе что, плевать на ее вид?

— Как правило. Не будь таким пуританином, Джон. Уже тридцать четыре года мы живем на планете, где сама королева Виктория выглядит не лучше римской куртизанки. Но если бы она в своей первой жизни увидела одежды наших женщин, ее наверняка хватил бы удар с поносом в придачу. Здесь же нагота естественна, как сон в церкви, друг мой.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Сэм предупредил ее, и Гвиневра явилась в каюту, с ног до головы завернутая в плотное сари. Неподвижно восседая на стуле и широко раскрыв глаза, она слушала рассказ о событиях, послуживших поводом для совета.

Когда Сэм закончил, она долго молчала, прихлебывая из кружки чай.

— Я знаю значительно больше, чем ты воображаешь, — наконец, сказала она. — Многое — из твоего сонного бормотания... Я догадывалась, что у тебя есть какая-то тайна... что часть твоей жизни остается скрытой от меня. Это обидно, Сэм, очень обидно... Иногда я была готова потребовать объяснений... или просто уйти, бросить тебя.

— Почему же ты молчала? Я понятия не имел о том, что с тобой происходит!

— Потому, что понимала — тебя удерживают весьма серьезные причины. Мне не хотелось ничего выпытывать у тебя. Сэм, ты слепец! Неужели ты совсем не замечал, как порой у меня менялся нрав — вдруг я начинала капризничать, спорить с тобой?

— Замечал, конечно... мне казалось, что у тебя плохое настроение... знаешь, одна из вечных женских загадок. Ладно, здесь не место выяснять отношения.

— Тогда — где и когда? Женщины не более загадочны, чем оловянные копи. Зажги фонарь, освети темную шахту — и ты увидишь все. Только вам, мужчинам, нравится выискивать в женщинах вечную загадку. Это спасает вас от лишнего беспокойства, бесполезных вопросов, от траты времени и сил.

— Короче, от вечных разговоров, — усмехнулся Сэм. — С вами до конца никогда не договоришься.

— Ну и болтуны вы оба! — нахмурился Джонстон.

— Нет, здесь другая крайность,— косо глянула на него Гвиневра.— Впрочем, ты прав. Скажите мне, что за человек Пискатор?

— Гм-м! — задумался Сэм.— Ты имеешь в виду, почему именно он сумел пройти в Башню, тогда как другим это не удалось? Ну, прежде всего, потому, что он — агент, я полагаю. Правда, возникает вопрос, почему этого не смог сделать Торн? И зачем ему вообще нужен «Парсефаль»? Этики и их агенты имеют другие средства передвижения — какие-то невидимые летательные аппараты.

— Ну, этого я не знаю,— Гвиневру явно интересовало другое.— Давайте лучше поговорим о Пискаторе. Чем он отличался от остальных? Не было ли у него каких-то внешних особенностей — в одежде, например,— послуживших ключом к дверям Башни? Кроме того, очень важно, какой путь каждый сумел пройти по коридору. Какие отличия дали возможность одним продвинуться дальше других?

— У нас нет компьютера, чтобы рассчитать и сравнить их пути,— возразил Сэм.— Но Галбира хорошо знает членов команды и, когда она появится, мы получим все данные. Итак, если узнаем точный путь каждого, то сможем сопоставить его с особенностями человека. Правда, я сомневаюсь, что они сделали там необходимые замеры...

— Тогда остановимся на Пискаторе.

— Он же из этих желтопузых,— буркнул Джонстон.

— Не думаю, что его национальность имела значение,— Сэм повернулся к великану.— Если считать агентами всех монголоидов, то наше дело труба. Их больше, чем остальных вместе взятых... Но подумаем вот о чем. Торн не хотел допустить в Башню Файбраса и Обренову — он хладнокровно подорвал вертолет с ними и прочими ни в чем не повинными людьми. Возможно, он не знал, что Файбрас — тоже агент. Значит, за Обренову он заплатил жизнями семи человек.

— А если их там было больше? — предположила Гвен.— Если у кого-то еще были эти шарики?

— Новый номер! Да не усложняй ты все, нам и так не разобраться!

— Да, неудачно получилось... Если бы эти двое прошли внутрь Башни, мы могли бы сравнить их с Пискатором.

— Я дотстаточно чатсто виделтся с Файбратсом, и он пахнет так же, как любой человек,— сообщил Джо.— Этик отставил тсвой запах в хижине Тэма — не человечетский. Питскатор — тоже человек, хотя у него немного другой запах. Я могу различать запахи разных племен, потому что их люди едят разное.

— Но ты же больше никого не встречал с нечеловеческим запахом. Трудно сказать, являются их агенты людьми или нет. Выглядят они как люди.

— Нет, такие никогда не попадались. Ни у кого не было нечеловечетского запаха, втсе пахли нормально. Наверно, эти агенты втсе-таки люди.

— Ну, может быть,— согласился Джонстон.— Тогда любой дьявол сойдет за человека, коли у него знакомый запах.

Джо засмеялся.

— А не поветсить ли нам объявление в главной каюте: «Втсем этикам и их агентам явиться к капитану Клементсу!»

Гвиневра заерзала на своем стуле и нахмурилась.

— Ну почему вас все время заносит в сторону? Вернемся к Пискатору.

— Да, мы как лилипуты в цирке,— все время ищем башмак великана под кроватью жены,— засмеялся Сэм,— а спросить боимся! Так вот. Я мало знаком с этим джентльменом из Чипанго — он появился лишь за два месяца до отплытия «Марка Твена». Судя по отзывам, это весьма спокойный и приветливый человек. Он никого не сторонился, но и никому не навязывался, ладил со всеми. С моей точки зрения это весьма подозрительно. Однако он не соглашатель, не угодник. Я вспоминаю, как он спорил с Файбрасом по поводу размера строившегося дирижабля. Пискатор считал его слишком громоздким и не соглашался с доводами Милтона. Но боссом был Файбрас и последнее слово осталось за ним.

— У Пискатора были какие-то странности? — спросила Гвиневра.

— Он — страстный рыбак... трудно считать это странностью. Скажи, Гвен, что ты меня расспрашиваешь? Ты же сама с ним знакома.

— Мне хотелось узнать твое мнение. Когда здесь появится Галбира, мы и ее расспросим. Тем более, что она знала его лучше нас.

— Не забудь Тсирано,— вмешался Джо,— он его тоже знал.

— Джо обожает Сирано,— ядовито заметил Сэм.— У француза такой нос, что Джо считает его своим соплеменником.

— Он да я — хорошая пара. А у тсебя не нотс, а ручка от чашки... похватстать нетчем! Можешь бротсаться на меня, как гиена во время тслучки, Тсирано втсе равно будет мне нравиться.

— Что-то ты нынче речист, как Эзоп,— холодно отозвался Сэм.— Так что ты думаешь о Пискаторе, Гвен?

— В нем есть нечто... не знаю, как сказать... Бартон называл это магнетизмом... Какая-то притягательность, лишенная сексуального оттенка. Всегда понимаешь, что нравишься ему, хотя открыто он этого не проявляет. Его тяготит глупость. До каких-то пор он терпит ее, потом избавляется от собеседника, но в самой милой манере.

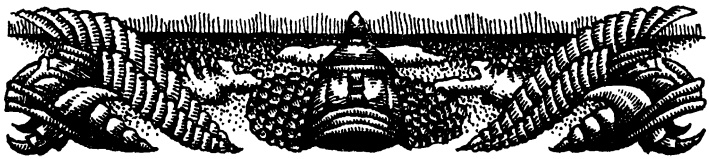
— Он верующий, мусульманин... однако, не ортодокс и не фанатик. По его словам, Коран следует понимать как аллегорию, да и Библию нельзя трактовать буквально. Помню, он цитировал из обеих книг на память огромные пассажи. Мне пришлось с ним часто разговаривать и однажды он поразил меня, сказав, что Иисус был величайшим пророком после Магомета... А ты, Сэм, утверждал, что мусульмане ненавидят Иисуса.

— Не Иисуса, а христиан, детка. Ну, впрочем, неважно. Одним словом, Пискатор выглядит в моих глазах мудрым и добрым человеком. И он... кажется, что он живет в этом мире, но сам — не от мира сего. И если подвести итог всему, что ты наговорила, он — не обычный моралист, а выдающийся духовник, наставник,— задумчиво произнес Сэм.

— Он никогда себя так не называл, но думаю, ты прав.

— Как жаль, что я не узнал его поближе!

— Но, Сэм, ты же был так занят строительством судна!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

В хижину Фригейт возвратился лишь перед ужином. На вопрос Нура, где он пропадал, Питер объяснил, что весь день провел в ожидании Новака, а к вечеру секретарша отправила его домой, пообещав назавтра краткую аудиенцию. По-видимому, Фригейт был сильно захвачен возникшей у него идеей, и потеря времени нервировала его. Поделиться своими планами он отказался.

— Когда мне ответят «да», я вам все расскажу.

Фарингтон, Райдер и Погас почти не обратили на него внимания. Они по-прежнему обсуждали, как им вернуть «Раззл-Даззл», время от времени обращаясь то к Питеру, то к Нуру. Фригейт не отвечал ничего; Нур улыбался и советовал сперва подумать о моральном аспекте предприятия.

Наконец, он заявил, что все их разговоры носят отвлеченный характер. Дело в том, что новые владельцы набили шхуну товаром и еще засветло ушли вниз по Реке.

Мартин рассвирепел.

— Почему же вы не предупредили нас?

— Я опасался, что вы со своей опрометчивостью и стремительностью броситесь в драку и тогда беды не миновать — местные бы вас не пощадили.

— Мы не так глупы!

— Но слишком импульсивны. А это тоже разновидность глупости.

— Чрезвычайно благодарен,— поклонился Том.— Хотя все к лучшему! Тем скорее я готов претендовать на одно из их патрульных суденышек. На первое время нас пятерых достаточно, а потом наберем еще людей.

Но дело оказалось значительно сложней. Государственный чиновник, к которому они обратились, заявил, что за судно они обязаны отработать определенное время. Если это их не устраивает, пусть убираются вон.

Фригейта с командой не было, он умчался по своим таинственным делам. В хижину он возвратился с улыбкой на лице. Казалось, добрые вести переполняют его, излучаясь во все стороны.

— Я договорился с Новаком!

— Что значит — договорился? — хмуро спросил Фарингтон.

Фригейт сел на бамбуковый стул и закурил сигарету.

— Так вот! Сначала я спросил, не угодно ли ему построить другой дирижабль. На согласие я не надеялся, да Новак его и не дал. Он заявил, что будет построено еще несколько дирижаблей — но не для нас, а для их патрульной службы, на случай войны.

— Вы хотите, что бы мы стянули дирижабль? — заворчал Фарингтон. Взбешенный коварством Подебрада, он, тем не менее, чувствовал некоторое облегчение; воздушное судно по-прежнему доверия ему не внушало.

— Ни в коем случае. Мы с Нуром решительно против кражи чьей-либо собственности... это у вас, двух фантазеров, чешутся руки на чужое. После того, как моя первая просьба была отвергнута, я изложил вторую. Новак заикался, мялся, но, в конце концов, обещал ее выполнить. Для этого потребуется меньше материалов и времени, чем для строительства дирижабля. Ему было явно неловко перед нами из-за мошенничества Подебрада, и он считал себя обязанным как-то нам помочь. Кроме того, его чрезвычайно заинтересовала сама идея воздушного шара: у него был сын — аэронавт.

— Воздушный шар? — выдохнул Фарингтон.— Вы все еще носитесь с этой бредовой идеей?

Зато Тома эта мысль явно заинтересовала, но его одолевали сомнения.

— А как быть с ветрами над горами? Нас же может отнести к югу.

— Верно. Но мы находимся севернее экватора, и если циркуляция воздушных потоков вверху происходит так же, как на Земле, то шар полетит на северо-восток. Труднее миновать штилевую зону. Но я попытаюсь сконструировать такой воздушный шар, который гарантирует нам достижение полярной зоны.

— Безумец, безумец! — качал головой Мартин.

— Вы отказываетесь участвовать в постройке?

— Нет, я этого не сказал. Но мне нужно вначале все обдумать. Что касается ветра, то вряд ли он будет попутным. Нет, все-таки нам лучше построить обычное судно!

Фарингтон ошибался или лукавил: на предполагаемой высоте их полета северо-восточные ветры были достаточно устойчивы.

Когда Фригейт рассказал о конструкции задуманного аэростата, на него со всех сторон посыпались вопросы и возражения.

— Конечно, я знаю, что никто и никогда не пытался построить такой воздушный шар,— отбивался Фригейт,— но это наш единственный шанс на успех!

— Да,— признал Мартин,— но Жюль Верн выдвинул эту идею еще в 1862 году. Если она так хороша, почему же никто ее не осуществил?

— Вот этого я не знаю. Если бы у меня на Земле завелись лишние деньги, я бы его непременно построил. Нам предстоит преодолеть огромные пространства, и мы можем сделать это лишь таким путем. Воздушный шар обеспечит нужную скорость — миль триста в день. По Реке нам придется совершить путешествие в миллион миль, а с помощью «Жюля Верна» и удачи мы десятикратно сократим путь.

Они долго спорили, но, в конце концов, согласились с предложенным планом. Началась работа. Больше всех нервничал Фригейт. Его волнение возрастало по мере приближения срока первого подъема. В ночных кошмарах ему постоянно мерещился разбитый аэростат и трупы его друзей, изуродованные, с переломанными костями. Но на людях он старался не проявлять слабости и работал не покладая рук.

В романе «Пять недель на воздушном шаре» Жюль Верн предложил достаточно простое, но опасное решение. Фригейт, однако, прекрасно понимал, что буквальное воплощение в реальность литературного образца чревато провалом.

Вскоре шар был готов и команда совершила на нем двенадцать пробных полетов. К общему удивлению (Фригейта — в особенности) лишь один из них оказался не вполне удачным. Правда, все полеты проходили на небольшой высоте, шар не поднимался до вершин гор, окружавших доли-

ну. Они остерегались далеко удаляться от Новой Богемии, чтобы не опоздать к намеченному сроку окончательного вылета.

Доктор Фергюссон, герой Жюля Верна, сконструировал воздушный шар, используя способность водорода расширяться при нагреве. Этот принцип применили дважды, в 1785 и 1810 годах, но оба шара разбились. Верн придумал нагревающее устройство, весьма мощное и эффективное, но оно существовало лишь на бумаге. У Фригейта в резерве была передовая технология, не сравнимая с существовавшей во времена французского фантаста, и на ее основе он добавил много усовершенствований. Позднее он хвастался, что подобное сооружение создано впервые за всю историю человечества.

Фриско заявил, что никто не собирался буквально следовать рекомендациям Жюля Верна, для этого нужно быть последним безумцем. Фригейт охотно согласился с капитаном, но продолжал стоять на своем: только на воздушном шаре им удастся преодолеть огромные пространства. Он не откажется от задуманного ни за какие блага. В двух мирах, где прошла его жизнь, ему часто приходилось что-то начинать, но никогда он не видел своего дела завершенным. Сейчас он доведет его до конца.

Вылет назначили перед рассветом. Над огромной толпой сверкали дуговые лампы и факелы. Сплющенная алюминиевая оболочка шара колыхалась, словно сморщенная колбаса, подвешенная на невидимом крюке. Непосвященным «Жюль Верн» казался странным обрубком, совершенно непохожим на готовый взлететь шар. Но он станет шаром — когда под влиянием тепла баллон раздуется, раздастся, преодолевая сопротивление окружающего воздуха.

Произнесли подобающие речи, подняли и осушили бокалы. Фригейт заметил, что Мартин приложился дважды, пробормотав: «Для храбрости». Когда Фарингтон с некоторым трудом залез в гондолу, он уже улыбался во весь рот и весело помахивал рукой провожающим.

Легкая алюминиевая гондола тыквообразной формы была подвешена под сморщенной сейчас оболочкой.

В центре гондолы помещалась нагревательная колонка, из верхней части которой сквозь специальные отверстия вы-

ходили две мягкие пластиковые трубки, пропущенные в оболочку шара и прикрепленные к ней жесткими кольцами. Одна тянулась до вершины купола; другая, с широким металлическим раструбом на конце, достигала только нижней части оболочки.

Все члены команды выглядели чрезвычайно возбужденными. Сгрудившись в гондоле и оживленно болтая, они с нетерпением поглядывали на Фригейта.

— Закрыть главный клапан,— негромко приказал он. Началась предстартовая суета.

Фригейт взглянул на манометр, проверил запорные вентили нагревателя и приоткрыл затвор в его верхней части. Он подкрутил другой запорный вентиль, прислушиваясь, не доносится ли из подводящих труб шипение газа, затем вставил электрический запал в горелку. Форсунка внизу нагревательной колонки выбросила тонкий язычок огня. Фригейт повернул вентиль, увеличивая пламя, и стал подкручивать две другие рукоятки, регулируя подачу кислорода и водорода.

Пламя начало подогревать основание большого диска, над которым в колонке располагался змеевик, соединенный с уходившими в оболочку пластиковыми трубками. Теплый водород наполнил верхнюю часть шара, начавшего медленно раздуваться. В нижней его половине холодный газ под воздействием всасывающего эффекта потек через широкий раструб короткой трубки в нагреватель. Цепь замкнулась.

В одной из секций основания нагревателя находилась электрическая батарея. Она была значительно легче и мощнее описанной Жюлем Верном и расщепляла воду на элементы — водород и кислород, которые поступали в две камеры. Затем они подавались в смеситель, питая горелку.

Одним из усовершенствований, которые Фригейт внес в конструкцию Жюля Верна, являлась отводная трубка, соединяющая камеру с водородом с оболочкой. В случае утечки газа из шара, аэронавт, манипулирую двумя вентилями, мог пополнить запас за счет разложения воды.

Прошло пятнадцать минут. Вдруг, без рывков и толчков, шар медленно поплыл вверх. Через несколько секунд Фригейт слегка прикрутил горелку. Шумные крики провожающих слабели, и вскоре снизу не доносилось ни звука. С вы-

соты огромный ангар казался игрушечным домиком. В этот момент над горами встало солнце, и они услышали рев грейлстоунов, тянувшихся по обоим берегам Реки.

— Салют из тысячи орудий в нашу честь,— улыбнулся Фригейт.

Никто не откликнулся ни единым словом, даже не шевельнулся. В гондоле царила глубокая тишина — как в глухом погребе, хотя стены ее не были обшиты звуконепроницаемым материалом. Фарингтон, кашлянул; звук прозвучал раскатом грома.

Неожиданно сменилось направление ветра, и шар стало относить к югу. Погас приоткрыл дверцу гондолы и высунул голову. Поскольку аэростат летел со скоростью ветра, он не ощутил ни малейшего дуновения. Воздух был неподвижен, словно путешественники оказались в запертой комнате. Пламя газовой горелки не колебалось.

Фригейт все еще ощущал эйфорический восторг первых минут полета. Многократные тренировочные подъемы не притупили новизны ощущений; он испытывал сейчас несравненно более сильное чувство — полет души, освобожденной от телесной оболочки, преодолевшей оковы гравитации, тяготы немощной плоти и ума. Пусть это только иллюзия, сладкий сон в предрассветный час — он всеми силами старался продлить прекрасное мгновение.

Но работа не ждала, и Фригейт встряхнулся, как мокрый пес после купания. Он проверил по альтиметру высоту — почти шесть тысяч футов. Спидометр показывал возрастание скорости подъема по мере того, как оболочка нагревалась лучами солнца.

Убедившись, что камеры с водородом и кислородом полны, он отключил батарею, подававшую энергию для расщепления воды. Основные операции кончились, оставалось лишь следить за показаниями альтиметра и спидометра.

Долина Реки сужалась; горы, покрытые серо-зелеными пятнами лишайника понижались. Легкая дымка тумана, извиваясь змеей, заполняла низину с быстротой мыши, учуявшей близость кошки.

Их продолжало относить к югу. «Отступаем» — пробормотал Мартин, словно хотел этим замечанием разрядить не

отпускавшее его напряжение. По некоторым признакам ветер должен был скоро смениться на северо-западный.

— Ну что ж, закурим по последней,— предложил Фригейт. Все, кроме Нура, задымили. Вообще курение на «Жюле Верне» запрещалось, но на небольших высотах и при выключенной горелке, иногда можно было отвести душу.

Воздушный шар парил над долиной, экипаж с интересом разглядывал скользившую под ними местность. Еще недавно они проплывали эти места на «Раззл-Даззл», но сейчас все представало по-иному. Горизонт стремительно отодвинулся вдаль, ушел из поля зрения. Подобную панораму Фригейт и Райдер уже наблюдали на Земле, но для остальных зрелище было новым и волнующим. Погас быстро произнес что-то на свази. Нур пробормотал: «Будто Бог расстелил скатерть перед нами.»

Закрыв все дверцы гондолы, Фригейт повернул вентиль подачи кислорода и включил маленький вентилятор, гнавший воздух в абсорбент-поглотитель двуокиси углерода. На высоте десяти миль «Жюль Верн» вошел в тропопаузу — переходную зону между тропосферой и стратосферой. Температура за стенами гондолы упала до минус сорока градусов по Цельсию.

Поднялся встречный ветер, и аэростат слегка покрутило — воздухоплавателям казалось, что они попали в коляску гигантской карусели. Наступило время дежурства Нура. Его сменил Погас, за ним последовала вахта Райдера.

Когда пришла очередь Фарингтона, он сразу взял себя в руки; его нервозность прошла, сменившись, как всегда в трудные минуты, полным самообладанием. Сейчас на него можно было положиться словно на каменную стену. Фригейт вспомнил рассказ Мартина о диком ликовании, охватившем его, семнадцатилетнего юнца, впервые допущенного к штурвалу шхуны. Капитан ушел вниз, в каюту, и Фарингтон остался один-одинешенек на палубе. Ему доверили жизнь людей и безопасность судна! Никогда в жизни, полной опаснейших приключений, не пережил он вновь такой острой радости риска.

Однако, как только Фригейт сменил его на вахте, Мартин вновь сник, погас, перестал улыбаться. Казалось, покончив с делом, он не мог найти себе места.

Солнце продолжало ползти вверх по небосводу, его прямые лучи все больше нагревали шар. В отличие от стандартных конструкций, его входная горловина была плотно закупорена, и при нагреве возникала опасность чрезмерного давления и разрыва оболочки. Последствия были очевидны: стремительный спуск с последующим анатомическим вскрытием. Но главный проектировщик предусмотрел необходимые меры.

Он проверил по альтиметру высоту и потянул канат, соединенный с деревянной задвижкой горловины. Клапан открылся, выпустив излишки газа; аэростат стал снижаться. Вскоре шар опять поднимется, и придется выпускать газ снова. Эта операция требовала большой точности, чтобы избежать резкого спуска.

На верхушке шара был установлен еще один предохранительный клапан, открывавшийся автоматически в аварийных ситуациях — например, при возгорании водорода,— но на больших высотах он мог примерзнуть к оболочке.

Пилоту приходилось непрерывно наблюдать за сменой слоев воздуха. Шар мог внезапно попасть в теплую или холодную струю; теплый поток подбрасывал аэростат вверх, в холодном слое начинался неожиданный спуск. В последнем случае следовало немедленно выбросить за борт балласт, но при этом шар могло сильно закрутить. Кроме того, балласт надо было беречь до последней крайности.

Однако день прошел без больших треволнений. Солнце село, и «Жюль Верн» медленно охлаждался. Фригейт включил горелку, чтобы поднять аэростат в область над тропопаузой. Остальные, свободные от дежурства, уютно свернулись под тяжелыми покрывалами и погрузились в сон.

Одинокое ночное бодрствование изменило настроение Фригейта, вселив в его сердце какой-то суеверный страх. Гондола едав освещалась светом звезд, проникавшим в иллюминаторы, да маленькими лампочками над запорными вентилями. В металлическом корпусе гулко резонировал каждый шорох, каждый звук. Любое прикосновение спящих к стенкам отдавалась в ушах Фригейта яростным звоном. Погас что-то бормотал на свази, Фриско скрипел зубами, Райдер сопел и фыркал, как застоявшийся мустанг. Непрерывно жужжал вентилятор.

Фригейт зажег горелку. Внезапное гудение разбудило спящих, но вскоре они успокоились и снова задремали.

Наступил рассвет. Четверо мужчин поднялись, посетили снабженный химическими поглотителями туалет, выпили кофе, позавтракали. Испражнения за борт не выбрасывались — давлением воздуха их могло занести обратно в открытые дверцы гондолы. Кроме того, любое уменьшение веса грозило резким рывком вверх.

Фарингтон, обладавший редким чувством скорости, определил ее равной пятидесяти узлам.

Перед полуднем ветер переменил направление и несколько часов их несло к югу. Затем они вновь повернули на северо-восток. Три часа спустя южный дрейф повторился.

— Если так будет продолжаться, то мы обречены на вечную болтанку, — мрачно заявил Фригейт. — Ничего не могу понять!

Вечером они опять летели в нужном направлении. Опасаясь нового разворота к югу, Фригейт предложил опуститься и попытать удачи при низовом северо-восточном ветре полярных широт, к которым они уже достаточно приблизились. Привернули пламя, газ стал медленно охлаждаться. Сначала плавно, потом все быстрей и быстрей аэростат шел на снижение. Нур на несколько минут включил горелку, замедляя спуск.

Наконец, шар оказался примерно в полутора милях над вершинами гор. Они двигались, пересекая под углом долину, что тянулась в этих местах с севера на юг.

— Теперь мы идем точно на северо-восток! — довольно сообщил Фригейт.

На третий день они дрейфовали к северу со скоростью пятнадцати узлов. Ни у кого уже не оставалось сомнений, что воздушный шар такой конструкции, как «Жюль Верн», способен подняться в стратосферу и спуститься до поверхностных слоев с самой незначительной потерей газа.

Открыли дверцы, впустив свежий, прохладный воздух. Все ежились от сквозняка, но особенно сильно их мучил перепад давления — уши заложило, они начали зевать и сглатывать слюну.

В середине следующего дня разразилась гроза. Стоявший на вахте Фарингтон увидел вдалеке черные облака, из

которых потоком хлынул дождь. Вначале казалось, что гроза не затронет их, пройдя ниже, но внезапно вверх от облаков потянулись тонкие нити, похожие на щупальца осьминога, и вся темная масса послушно двинулась следом. Аэростат окутало мглой, рассекаемой вспышками молний, закрутило, словно блесну на спиннинге.

— Сейчас мы рухнем вниз, как кирпич, — спокойно произнес Мартин. Он приказал выбросить часть балласта, но шар продолжал падать. Совсем рядом непрерывно сверкали молнии, освещая лица людей зеленоватыми отблесками; раскаты грома ревели в гондоле с утроенной силой, дождь хлестал в открытые дверцы, заливая пол.

— Задраить люки! Том, Нур! Бросайте мешок с балластом!

Райдер и мавр бросились выполнять приказ. Они ощущали необыкновенную легкость движений. Аэростат стремительно падал, и им казалось, что они парят в воздухе. Новая вспышка молнии и удар грома. При ярком свете люди с ужасом увидели под собой черный пик горы.

— Еще мешок!

Выглянув в иллюминатор, Нур крикнул, перекрывая грохот:

— Мешки падают не быстрей, чем мы!

— Два мешка за борт!

Еще одна огненная змея сверкнула рядом в темном небе.

— Поворачивайтесь! — орал Фарингтон.— Быстро — еще два мешка! Остальное — придержать!

Край оболочки аэростата чиркнул по выступу на вершине горы. Гондола содрогнулась, люди повалились на пол. К счастью, канаты, крепившие гондолу к оболочке, были невредимы; они ослабли лишь на мгновение и вновь натянулись. Аэронавты вскочили на ноги. Никто не представлял себе размеров повреждений, но каждый думал о худшем. Они находились рядом со склоном горы, и падение продолжалось. Остроконечная вершина гигантского железного дерева набегала со скоростью выпущенного копья.

Использовать горелку было бесполезно; она уже не успеет разогреть газ. Только бы избежать столкновения с горой — от удара лопнут трубы, и тогда достаточно одной искры, чтобы шар охватило пламя!

— Весь балласт за борт! — загремел голос Фарингтона.

Неожиданно их вынесло, вырвало из густых черных облаков, и они оказались в серой дымке легкого тумана. Теперь им были видны верхушки деревьев, несущиеся навстречу. Мартин подскочил к остальным, помогая выбрасывать мешки с балластом и контейнеры с водой. Однако они не успели подтащить к дверям и половины груза, как гондола обрушилась на крону железного дерева. Аэронавты покатились на пол. Но ветви лишь прогнулись под тяжестью, затем, распрямившись, подняли гондолу к оболочке шара. Через мгновение она снова осела, раскачиваясь на несокрушимых ветвях; люди перекатывались внутри от стены к стене, словно игральные кости в стакане, зажатом в кулаке великана.

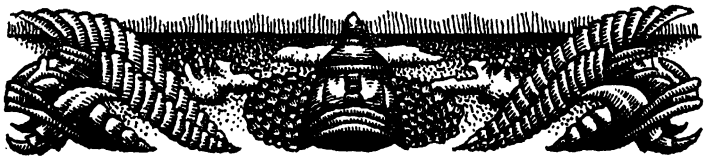
Фригейт был оглушен, его тело покрывали ссадины и синяки, но в голове крутилось лишь одно: что с трубами, насколько сильно их сдавило при ударе?

— О, Господи, помоги нам! Не допусти... не допусти, чтобы треснули трубы... чтобы ветви порвали оболочку... Только бы задержаться на дереве!

И вдруг гондола поплыла вверх.

Поднимется ли аэростат прямо или его понесет над Рекой? А вдруг ветер отбросит шар к горам, прямо на острые скалы?

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Ночью разразилась гроза; молнии чертили зигзаги на темном небе. Паря высоко над горами, дирижабль удалялся на юг, покидая полярные широты. Его радиолокатор был нацелен на огромное судно, но судовые радары не работали. Скорее всего, «Рекс» стоял на якоре, и его экипаж считал себя в полной безопасности.

В брюхе дирижабля распахнулся огромный люк, лопасти винтов стоявшего на платформе вертолета начали вращаться. Машина несла тридцать одного десантника; ее вел Бойнтон, рядом с ним сидел де Бержерак. В центре кабины было свалено оружие и ящики с взрывчаткой.

Как только двигатели разогрелись, Бойнтон подал знак. Чентес, прижав к уху трубку, слушал по внутренней связи последние распоряжения. Наконец, он взмахнул флажком: «Пошел!»

Вертолет чуть приподнялся вверх, сдвинулся с площадки и повис над открытым люком. Зажглись бортовые огни, осветив концы лопастей, затем машина камнем рухнула вниз.

Де Бержерак вскинул голову и сквозь ветровое стекло едва успел разглядеть колоссальный дирижабль, мгновенно исчезнувший в черных тучах. Он знал, что через минуту за ними последует двухместный планер. Его поведет Боб Уинкельмайер; пассажиром летел Джейс Мак-Парлан. Уинкельмайер окончил Вест-Пойнт; его самолет сбили японцы во время разведывательного полета над островами, лежавшими к северу от Австралии. Мак-Парлан стал знаменитостью в 1870 году. Ему, детективу агентства Пинкертона, удалось проникнуть в ряды «Молли Мегайрс», тайной террористической организации ирландских шахтеров в Пенсильвании. В результате организация была разгромлена, члены ее схвачены и девятнадцать из них приговорены к повешению, после чего

владельцы угольных шахт смогли спокойно продолжать эксплуатировать своих рабочих.

Уинкельмайер и Мак-Парлан получили задание сесть на Реке и утопить свой планер. Следующая их цель — попасть на борт «Рекса». По-видимому, там требовались специалисты; вряд ли за столь долгий рейс удалось сохранить команду в полном составе. Сэм достаточно подробно разъяснил задачу своим агентам.

— Надо лишить этого подонка Джона монополии на шпионаж. Вам придется подлизаться к нему, ребята, втереться в доверие. Но действовать вы начнете лишь в том случае, если рейд закончится неудачно.

Вертолет летел в густых облаках. Молнии раскалывали мир, сверкая пылающими клинками между твердью и небом. Непрерывно гремел гром. Дождь заливал ветровое стекло, ограничивая видимость. Но радар уже засек местонахождение судна, и через несколько минут вдали слабо мигнули его огни.

Накренив вертолет под углом в сорок пять градусов, Бойнтон направил его к «Рексу», затем резко бросил вниз, к воде. При свете мелькавших молний он мчался на полной скорости в нескольких ярдах над поверхностью Реки; палубные огни приближались с каждой секундой. Наконец, вертолет взмыл над палубой, пронесся вдоль борта, завис и опустился на посадочную площадку. Колеса стукнулись о деревянный настил, машина слегка подпрыгнула и замерла. Лопасти винтов еще вращались, когда в распахнутые люки начали выпрыгивать десантники.

В одно мгновение Бержерак оказался на палубе, жестом приказав выносить ящики с взрывчаткой. Он бросил взгляд в сторону рулевой рубки — кажется, она была пуста. Неужели на судне не заметили их появления? Невероятно! На палубе не было даже вахтенных! Может быть, они чувствуют себя в этих местах в полной безопасности, и большая часть команды сошла на берег? А часовые тем временем бездельничают — спят, выпивают или занимаются любовью?

Де Бержерак вынул пистолет «Марк-4» и сжал рукоять шпаги: «За мной!» Пять человек ринулись следом. Еще две группы направились в другую сторону. Бойнтон остался в

вертолете; он был готов включить двигатели в любую минуту.

Взлетная палуба казалась бесконечной. Француз бежал к рулевой рубке, за ним по дубовому настилу гремели шаги спутников. У трапа Сирано остановился; с мостика послышался чей-то окрик. Не обращая внимания, он открыл дверь и стал подниматься наверх. Когда последний из его пятерки переступил через комингс, раздался выстрел. Сирано обернулся:

— Кого-нибудь задело?

— Похоже, целились в меня — но промахнулись! — крикнул в ответ Когсвел.

Зазвенел сигнал тревоги, через минуту завыла сирена, за ней — другие.

Сирано уже был в ярко освещенном коридоре, куда выходили каюты старших офицеров и их подруг. Клеменс считал, что король Джон будет в одной из них — слева от трапа, ведущего на капитанский мостик. В свое время Сэм выбрал ее для себя как самую большую; вряд ли Джон удовлетворится меньшей.

С каждой стороны коридора находились по четыре двери. Одна была открыта, и Сирано бросился к ней. Оттуда высунулась голова мужчины; француз поднял пистолет, и она мгновенно исчезла.

Действуя по разработанному плану, все шестеро достали специальные затворы, изготовленные в мастерской «Парсефаля». Это были толстые дюралюминиевые пластины, с двух сторон оканчивающиеся шипами. Заработали молотки и запоры, прибитые к дверям и переборкам, блокировали выходы из кают. Возможно, кому-нибудь из местной команды потом удастся их выбить и освободить офицеров «Рекса», но в ближайший час им придется посидеть под замком.

Из кают неслись истошные крики и вопли. В одной кто-то попытался открыть дверь, пока Когсвел дубасил по ней молотком; десантник, не целясь выстрелил в узкую щель, и створка захлопнулась.

По-видимому, Джону уже сообщили по внутренней связи о нападении на судно, но шум в коридоре являлся знаком, что атакующие уже рядом. Все было понятно и без предупредительных выстрелов.

Три десантника отправились в рулевую рубку; Сирано прикинул, что они вот-вот будут там. Он поднял голову — на трапе появился один из вахтенных. Белое, как мел лицо, раскрытый рот... Увидев Сирано, он стал медленно отступать назад, трясущимися руками поднимая револьвер.

— Дьявол меня побери! Откуда...

Сирано выстрелил. Ему не нравилось убивать людей, которых он до того в глаза не видел, но в данном случае выбирать не приходилось.

— Мерд! Дерьмо!

К счастью, он промахнулся. Пластиковая пуля вонзилась в переборку рядом с вахтенным, в лицо ему посыпались осколки. Человек вскрикнул и бросился назад, прижав ладонь к глазам. Сирано был не очень хорошим стрелком, но сейчас не испытывал сожалений. Он не прикончил этого парня и даже не нанес ему серьезного увечья... Хвала Создателю!

Из рулевой рубки донеслись выстрелы и неистовые крики. Так, значит, троица десантников уже там и всерьез занялась вахтенными!

Сирано шагнул к двери, что находилась слева от трапа. Должно быть, его величество уже почуял неладное и трясется от страха... Нет, пожалуй, нет. Этот человек, владевший некогда Англией и половиной Франции в придачу, несомненно, последний мерзавец, но не трус. Впрочем, его каюта может оказаться пустой — на берегу много соблазнов. Вино и девки всегда были слабым местом Джона...

Сирано улыбнулся и тронул ручку двери — заперто. Так, хозяин в своих королевских апартаментах, но прием на сегодня закончен.

Мужской голос выкрикнул на эсперанто:

— Эй! Что там случилось?

Знакомый баритон Джона! Сирано довольно потер нос и крикнул в ответ:

— Капитан, откройте! Скорей! На нас напали!

Он ждал, прижавшись плечом к переборке. Попадется ли Джон на крючок? Вспомнит ли его голос?

Раздался резкий хлопок выстрела; если бы Сирано стоял перед дверью, пуля уложила бы его наповал. Что ж, предусмотрительность не менее важна, чем храбрость — особенно, когда имеешь дело с Джоном. Он стрелял не пластмассовой

пулей, которая застревала в дубовой доске; его пулька была сделана из драгоценного свинца, и она пробила в двери дыру внушительных размеров.

Сирано кивнул одному из своих людей, и тот вытащил из сумки пакет пластиковой взрывчатки. Француз стоял в стороне, ожидая, пока Шехан залепит вязкой массой замочную скважину. Парень скорчился у двери, стараясь протолкнуть взрывчатку поглубже.

Снова раздался выстрел; пуля попала Шехану в переносицу. Он упал навзничь и остался лежать с широко раскрытыми глазами. Лоб был залит кровью, белая полоска зубов поблескивала в электрическом свете.

— Кель домаж!

Шехан был отличным малым. Какая обида! Вместо вечной жизни ему досталось лишь восклицание — «Как жаль!» Но он сам виноват — много храбрости, мало осторожности.

Подскочил Когсвел, присоединил взрыватель и быстро ринулся прочь, разматывая кабель. К счастью, Шехан успел закончить с взрывчаткой, это дало им несколько секунд выигрыша. Здесь все решала внезапность и быстрота. Выигранные или потерянные мгновения означали успех или провал.

Сирано оттащил тело под лестницу, положив вдоль переборки, и осторожно прикрыл веками незрячие глаза Шехана. Отсюда он не видел Когсвела, но знал, что тот сейчас подсоединяет конец кабеля к батарее. Стоит повернуть рубильник, и...

Грохнул взрыв, клубы едкого дыма заполнили коридор. Полуоглушенный, почти ослепший Сирано скользнул вдоль стены, нашарил выщербленную притолоку и метнулся в каюту. Мгновенно упав на пол, француз откатился в сторону, оказавшись у ножек высокой кровати. Она не пустовала; вопли лежавшей в ней женщины могли, казалось, просверлить в черепе дыру. Но где же Джон Ланкастер?

Раздался выстрел. В дыму перед глазами Сирано мелькнула короткая яркая вспышка. Он вскочил на ноги и прыгнул вперед, вцепившись, словно клещами, в толстые обнаженные плечи. Яростно засопев, человек попытался вывернуться, его кулаки замолотили по голове Сирано — впрочем, без особого успеха. Француз прижал к его горлу острие кинжала:

— Только шевельнись — перережу глотку!

Никакого ответа. Что с этим типом? Оцепенел от ужаса или просто дурачит ему голову? Свободной рукой Сирано провел по шее, подбородку и губам мужчины — дыхание было едва заметным. А-а! Он в обмороке! Вероятно, ударился головой о спинку кровати и потерял сознание.

Сирано выпрямился, провел рукой по стене, нащупал выключатель. Вспыхнувшие под потолком лампы осветили просторную, роскошно обставленную комнату. Дым развеялся, и он увидел хорошенькую обнаженную женщину, в ужасе замершую посреди постели. Она уже не кричала, но, прижав к губам ладонь, со страхом уставилась на него огромными голубыми глазами.

— Прикройтесь покрывалом, сударыня, и не шевелитесь. Вам ничего не грозит — Бержерак не воюет с женщинами.

Лежавший на полу рыжеватый человек был небольшого роста, но плотного и мускулистого сложения. Неподвижно устремив в одну точку взгляд, он что-то невнятно пробормотал. Похоже, сейчас придет в себя. Сирано обернулся и только теперь понял, в кого Джон разрядил свой пистолет. Хойджес лежал на спине с развороченной пулей грудью.

— Черт побери!

По-видимому, парень проскользнул в дверь сразу за ним, и Джон, разглядев в дыму лишь один силуэт, выпалил с трех ярдов.

Итак, Шехан и Хойджес мертвы. Где же трое остальных? Почему они медлят?

А, наконец-то — Когсвел и Пропп появились на пороге.

Вдруг его словно что-то ударило, швырнуло на пол, придавив к лакированным дубовым доскам. Он лежал лицом вниз, в ушах звенело, огромные невидимые ладони то сжимали, то растягивали череп словно меха аккордеона. Тяжелые клубы дыма заполнили каюту, и Сирано зашелся в тяжелом кашле.

Спустя некоторое время он нашел в себе силы встать на колени, потом поднялся на ноги. Вероятно, в коридоре взорвалась граната. Кто метнул ее? Вахтенные из рубки?

С Когсвеллом и Проппом все кончено. И он сам, Савиньен де Сирано де Бержерак, был на волосок от смерти.

Он увидел, что Джон стоит на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону; помутневшие глаза были широко раскрыты. Пистолет лежал рядом с его рукой, но, казалось, он не сознает этого. Нужно торопиться; Ланкастеры — живучая порода!

Сирано выхватил из ножен шпагу и обрушил клинок на голову Джона. Тот рухнул навзничь и замер.

Женщина лежала ничком в постели, зажимая уши ладонями. Ее плечи мелко тряслись.

Сирано начал пробираться к выходу сквозь слепящий дым и споткнулся о тело Проппа. Он обошел труп и остановился у дверного проема. Слух вернулся к нему, и теперь он различил слабые отзвуки далекой стрельбы. Опустившись на колени, Сирано замер на мгновение; в голове гудели, бились медные колокола. Дым вытягивался из коридора в распахнутый люк, темными клубами скользил над трапом.

На нижней его ступеньке неподвижно распластался человек. Кто-то из людей Джона? Сирано не видел его лица. В дальнем конце коридора двое парней, прижавшись к стенам, палили вверх. Он узнал их — Стьюртевен и Велкас. По трапу спустились двое десантников — Риган и Синг, их лица были темными от гари. Они должны были очистить рулевую рубку, а затем прийти на помощь группе захвата. Сейчас их помощь оказалась весьма кстати.

Махнув рукой, Сирано подозвал парней к себе; они вошли в каюту и подхватили обмякшее тело Джона. Женщина по-прежнему лежала в постели, уткнувшись лицом в подушку и тихо всхлипывая. Сирано вложил шпагу в ножны и последовал за десантниками.

Ни Велкаса, ни Стьюртевена уже не было в коридоре; они сделали свое дело — расчистили путь для отступления. Риган и гигант Синг, тащившие Джона, ступили на трап.

Внезапно Сирано увидел Велкаса; тот мчался к нему, что-то выкрикивая на бегу. Приблизившись, он уже внятно доложил, что несколько человек из команды судна сумели пробраться к пушке, но их можно подстрелить с тыла — из каюты Джона.

Они вернулись в каюту и выглянули в иллюминатор. Справа на взлетной площадке виднелся поворотный круг, над ним торчал ствол парового орудия. За его щитом скорчи-

лись два человека; навалившись на массивную станину, они разворачивали пушку в сторону вертолета.

Стьюртевен и те двое, что несли Джона, показались на палубе; они бежали к вертолету и были сейчас прямо на линии выстрела.

Сирано открыл иллюминатор, опер о кромку ствол своего пистолета и выстрелил.

Оружие Велкаса грохнуло над ухом. Они стреляли, не переставая, полностью опустошив обоймы. На таком расстоянии из «Марка-4» было трудно поразить цель, да еще при стрельбе пластиковыми пулями шестьдесят девятого калибра, что приводило к сильнейшей отдаче.

Два первых залпа никого не задели. При третьем один из канониров повалился на бок; второй занял его место, но чуть позже тоже упал. Вероятно, их поразили не пули, а осколки пластмассы, рикошетировавшие от щита.

Стьюртевен и двое с телом Джона уже добрались до середины палубы. Над площадкой крутились лопасти вертолета — Бойнтон был готов взлететь. Сирано видел медленное вращение пропеллеров, но не слышал ничего — вой сирен перекрывал все звуки.

Схватив за руку Велкаса, француз притянул его к себе и крикнул, чтобы тот добрался до пушки и никого к ней не подпускал.

Из люка в дальнем конце палубы появилась группа вооруженных людей. Велкас кивнул и скрылся за дверью.

Сирано вновь выглянул в иллюминатор. Где же его люди, которые должны были заминировать машинное отделение и погреб с боеприпасами? Что с ними? Удалось ли им выполнить задачу, или их атаковали, и они не могут прорваться на палубу?

Француз выскочил из каюты и побежал вверх по трапу в рулевую рубку. В ней валялись три мертвые тела — один десантник, двое — люди Джона. Лампы бросали яркий свет на мертвенно бледные лица, остекленевшие глаза, приоткрытые рты.

Он отключил сирены и кинул взгляд сквозь ветровое стекло. На носу никого не было, лишь в дальнем конце палубы распростерлось несколько тел.

Судно стояло в длинном и узком заливе — удачная находка на Реке, где редко встречались большие заводи. Здесь оборудовали док; по-видимому, капитан решил предоставить команде долгий отдых и заодно отремонтировать судно. В конце концов, не важно, почему Джон решил тут пришвартоваться; в результате отряду Сирано выпала редкая удача — они атаковали почти пустой корабль, без команды, лишь с вахтенными да несколькими офицерами. Сам Джон пребывал на борту, желая спокойно вкусить от радостей любви, но, похоже, он просчитался.

На берегу царила суматоха. Люди выскакивали из хижин и мчались к доку. Сирано не сомневался, что это были, в основном, члены экипажа «Рекса» — почти у всех в руках сверкали стальные клинки.

В план атаки не входил полный захват судна, но сейчас обстоятельства этому благоприятствовали. Однако, следовало торопиться. С минуты на минуту толпа с берега могла хлынуть на борт «Рекса» и разделаться с остатками десантного отряда.

Сирано сел в кресло рулевого, отжал рубильник пуска двигателей и довольно усмехнулся, увидев вспыхнувший на пульте сигнал готовности. До этой минуты он не был уверен в том, что «Рекс» способен тронуться с места. Плохо, конечно, что его парни не успели отдать швартовы — но у корабля мощнейшие двигатели, они как-нибудь справятся с канатами.

Сирано двинул правую и левую ручки длинных рычагов, и гребные колеса завертелись. Судно дрогнуло, но колеса вращались еще слишком медленно, чтобы порвать тросы. Тогда он оттянул рычаги до предела, и лопасти колес начали бешено взбивать воду. Толстые канаты мгновенно натянулись, но не лопнули, а потащили за собой вертикальные сваи дока. Какой-то миг прочные крепления еще держали причал; толпа на нем заметалась и бросилась врассыпную, многие стали прыгать в узкую щель между судном и стенкой дока. С раздирающим уши скрежетом и треском сваи рухнули, за ними последовала передняя часть дока, подминая под себя людей. Лишь одному из них удалось перепрыгнуть на палубу судна.

Задним ходом «Рекс» медленно удалялся от берега, таща за собой сваи, привязанные к концам мощных тросов. Сирано расхохотался во все горло, нажал кнопку, и неистовый рев гудка глумливо понесся над Рекой.

— Ну, как тебе это нравится, Джон? — орал он. — Украли не только тебя, но и твое судно! Ну, теперь мы расквитаемся за все!

Он нажал пусковую кнопку переднего хода, и громадное судно двинулось вниз по Реке. Направив его по течению, Сирано включил автопилот. Гидролокаторы показывали глубину потока и дистанцию до обоих берегов. Теперь требовалось лишь одно — держать курс точно по середине Реки, избегая аварийных ситуаций.

Мужчина, прыгнувший с дока на судно, быстро исчез с нижней палубы. Вскоре он поднялся по трапу наверх. Очевидно, он хотел попасть в рулевую рубку.

В этот момент дождь прекратился.

Сирано выглянул за дверь и разрядил пистолет в человека, бегущего по палубе. Тот скрылся за выступом надстройки; затем, высунув голову, выстрелил в Бержерака. Пуля застряла в ступеньке трапа.

Француз повернулся и бросил взгляд назад. Вертолет стоял на взлетной площадке, Джон и три десантника уже находились внутри, еще четверо из его отряда бежали по палубе к рубке. Он опустил заднее стекло и махнул им рукой. Люди остановились, на их потных грязных лицах расцвели улыбки. Помахав ему в ответ, они повернули обратно к вертолету.

В дальнем конце взлетной палубы за крышкой люка засела группа, продолжавшая вести огонь по машине. Но им приходилось стрелять против ветра, и пластиковые пули падали на палубу, не достигая цели. Сирано не видел стрелков, но ему показалось, что их не более трех-четырех человек. Вероятно, в машинном отделении и на нижних палубах было еще десятка полтора.

Вдруг судно задрожало. Огромный столб дыма взметнулся неподалеку от рулевой рубки, и сразу же грохнул второй, более мощный взрыв у правого борта. В воздух полетели деревянные обломки. Они дождем падали обратно на па-

лубу, на вертолет, в воду. Когда рассеялся дым, рядом с правым гребным колесом открылась огромная дыра.

Сигнальные лампочки потухли, но сработала аварийная система, и пульт вновь ожил. Однако двигатели заглохли; судно начало медленно разворачиваться носом к правому берегу. Сейчас оно ляжет в дрейф, но пока это ничем не грозит. Течение пронесет корабль много миль, прежде чем он врежется в берег.

Стьюртевен вышел из вертолета, жестами показывая Сирано, чтобы он поторопился.

У правого борта верхней палубы появилось четверо десантников; еще двое поднимались снизу по трапу. Сирано разразился ругательствами. Неужели из команды подрывников выжили только они?

Дым взрыва поднимался из люка, откуда стреляли по вертолету. Сирано увидел, как упал один из его людей, и сразу же раздался залп заградительного огня. Под его прикрытием двое подхватили упавшего и оттащили в сторону. Один из них тоже упал. Его подняли двое других. Кто-то из парней был ранен и ковылял, опираясь на плечо товарища; тот, сгибаясь под тяжестью, тянул его к вертолету.

Сирано выглянул с другой стороны рубки. Этот настырный тип, прыгнувший с дока на борт, уже был совсем рядом. Сунув за пояс разряженный пистолет, француз потянул шпагу. Внезапно он уловил какое-то движение на ступеньках ведущего в рубку трапа. Кажется, один из его парней... из тех, кого он счел мертвыми.

Сирано не колебался ни секунды. Да, он получил приказ бросить убитых, но никто не говорил, что можно оставлять раненых! Он бы посчитал бы это подлостью!

Француз стремительно ринулся по трапу, перескакивая через несколько ступенек, съезжая на руках по поручням. Он приподнял Тсаукаса за плечи, голова парня упала, он дернулся.

Сирано стоял перед ним на коленях.

— Не волнуйтесь, мой друг, я с вами!

Тсаукас захрипел и опрокинулся в лужу крови.

— Мордье! Черт побери!

Он пощупал пульс.

— О, дьявол!

Парень был мертв. Но неподалеку лежало двое других... может быть, они... Но бросив на тела беглый взгляд, он понял, что ошибся,— жизнь в них уже не теплилась.

Сирано встал, его рука потянулась к кобуре. Этот шустрый парень добрался и сюда! Храбрец, вероятно, но слишком назойливый. Почему бы ему не прыгнуть в воду и уберечь Сирано от греха убийства?

— А-а-а-а!

Обойма пуста, он же забыл зарядить пистолет! И нет времени схватить другой, оброненный мертвецом... Ладно, ему хватит шпаги, чтобы прикончить этого наглеца. Придется Бойнтону подождать еще немного.

— Ан гард! Защищайтесь!

Противник был ниже его, но жилистый и плотный, как рукоять боевой секиры, широкоплечий, с сильными мускулистыми руками. Лицом он походил на арабского корсара — резкие черты, тонкие губы, быстрый взгляд темных глаз, хищный оскал...

Сильные запястья, подумал Сирано, с такими он стал бы прекрасным саблистом. Правда, к силе еще нужна и голова. А вот на рапирах ему не фехтовать. Тут главное быстрота, а не мощный удар.

Но уже после первых секунд схватки француз понял, что никогда не встречался с подобным противником. Его удары, выпады и уколы парировались блестяще. К счастью, парень не обладал достаточной реакцией, но Сирано было ясно, что от встретил настоящего мастера. К тому же, наглец сохранял полное самообладание и бесстрашно улыбался, прикрывая маской лихого удальца точный расчет; малейший промах грозил французу смертью.

Время работало на этого смуглого человека. Ему некуда было торопиться — он мог фехтовать бесконечно, а Сирано следовало спешить к вертолету. Конечно, Бойнтон знал, что он жив; пилот видел его только что в окне рубки. Станет ли он ждать или решит, что Сирано мертв? Улетит ли он или пошлет кого-нибудь на розыски? Раздумывать было некогда. Этот парень отбивал все его выпады, упорно загоняя в угол. Клинки с лязгом скрещивались, сверкала сталь.

А! Он сменил ритм! Однажды выбранная ритмичность давала противнику возможность установить определенную

последовательность ударов. При ее нарушении даже опытный фехтовальщик может замешкаться и пропустить очередной выпад.

Кажется, он все еще недооценивал этого типа. Ему пришлось прибегнуть к двойному финту клинком, и лишь этот маневр спас его от серьезной раны — только кончик лезвия задел правую руку Сирано. Он шагнул назад и сделал выпад. Противник отбил удар, но с трудом,— на его руке тоже проступила кровь.

— Вам принадлежит честь первой крови,— произнес Сирано на эсперанто.— Несомненно, большой успех для вас. Со мной такого еще никому не удавалось.

Вступать в разговор во время поединка с риском потерять дыхание — чистый идиотизм. Но Сирано хотел узнать, кто его соперник. Такие мастера не рождаются каждый день.

— Как вас зовут?

Смуглый человек не ответил. Возможно, он считал, что его клинок скажет сам за себя. Он острее, чем язык рыночной торговки.

— Обо мне вы могли слышать — Савиньен де Сирано де Бержерак.

Усмешка соперника стала еще свирепей, и он усилил натиск. Громкое имя не произвело на него впечатления. Он не желал тратить времени на пустую болтовню. Впрочем, весьма возможно, он никогда и не слышал имени Сирано де Бержерака.

Внезапно с палубы долетел чей-то крик. То ли звук отвлек внимание противника, то ли его все-таки потрясло громкое имя врага, но на миг он приоткрылся. Приемом Жарнака Сирано всадил ему клинок в бедро и получил в ответ чувствительный укол в предплечье. Шпага выпала у него из рук, и в тот же момент противник рухнул лицом вниз. Он попытался приподняться, но кровь заливала ему ноги.

Услышав грохот шагов, Сирано резко обернулся. К нему бежали Стьюртевен и Кейбел, с пистолетами наготове.

— Не стрелять! — закричал он.

Оба остановились, держа незнакомца под прицелом. Левой рукой Сирано поднял свою шпагу. Правая мучительно ныла, кровь хлестала, как вино из пробитой бочки.

— Если бы нас не прервали, матч мог кончится по-иному, — сказал Сирано.

Лежащий человек, по-видимому, испытывал сильную боль, но лицо его не дрогнуло. Темные глаза горели зловещим огнем, и Сирано казалось, что перед ним поверженный дьявол.

— Бросьте вашу шпагу, сэр, я перевяжу вашу рану.

— Пошел ты к черту!

— Прекрасно, сэр. Тогда желаю вам скорейшего выздоровления.

— Пошли, Сирано, — позвал его Кейбел.

Впервые Сирано явственно услышал выстрел — он долетел с кормы, из люка. Корабельная команда вновь пробивала себе путь к вертолету.

— Они уже предприняли несколько атак, — продолжал Кейбел. — Нам придется бежать к вертолету под обстрелом.

— Ну что же, Ричард, — Сирано показал на рацию, висевшую на поясе Стьюртевена, — почему бы вам, мой друг, не вызвать Бойнтона сюда? Мы спокойно поднимемся в машину.

— Точно! Мне надо было и самому догадаться!

Куском ткани, отодранной от полы, Кейбел перевязал раненую руку француза. У лежавшего на полу незнакомца смуглое лицо выцветало, серело; широко раскрытые глаза тускнели, утратив выражение свирепости.

Рядом с ними на палубу сел вертолет. Прежде, чем подняться в кабину, Сирано шагнул к своему поверженному сопернику и наступил на его шпагу, опасаясь, что тот схватится за оружие. Но он даже не шевельнулся, пока Сирано наскоро бинтовал его рану.

— Ското здесь будут ваши и сделают все, как следует... Я могу оказать вам лишь первую помощь... — Сирано задыхался от усилий.

Он подошел к вертолету, влез в кабину и тяжело опустился на ближайшее сиденье. Бойнтон резко поднял аппарат, не успев даже захлопнуть люк, и начал разворачивать его к верховьям. Позади Сирано полулежал в кресле совершенно голый Джон.

— Прикройте его. И свяжите руки и ноги — приказал француз.

Он посмотрел на корабль. По посадочной палубе металось человек двадцать. Откуда они взялись? Люди беспорядочно палили вверх, огоньки выстрелов вспыхивали светящимися облачками, но причинить вред не могли — вертолет уже поднялся ярдов на тридцать. Интересно, догадывались ли они, что их капитан здесь, в кабине?

Что-то сильно ударило его по затылку. Он осел в кресле, погружаясь в серую муть беспамятства, едва различая чьи-то голоса, крики... Перед ним поплыли странные, искаженные образы прошлого: уродливое лицо его школьного учителя, смутный силуэт деревенского кюре. Этот грубый мужлан поколачивал своих учеников, прикладывался палкой и к его спине. Лет в двенадцать Сирано, придя в неистовство, напал на священника, свалил с ног и отдубасил его же собственной палкой...

Раздувшиеся, гротескно искаженные лица надвигались и уплывали. Понемногу он стал приходить в себя и расслышал крики.

— Невероятно! Он сумел удрать! — голос Бойнтона.

— Он врезал мне, локтем под ребра, а Сирано стукнул по голове,— взволнованно частил Кейбел.

Вертолет повернулся, слегка накренившись, и Сирано разглядел сквозь открытую дверцу судно. Отблески бортовых огней скользнули по палубе, осветив распластанное обнаженное тело короля. Он молотил кулаками по настилу, пытаясь приподняться. Эта картина промелькнула мимолетным кадром, и все скрылось во мгле.

— Ему не выжить! — воскликнул Бойнтон.— Любой, свалившись с высоты ста футов, переломает все кости!

Повернуть назад, чтобы убедиться в его смерти, слишком рискованно. Их противники могли пустить в ход не только пистолеты, но и ракетные установки, а их снаряды были опасны на любой высоте.

Бойнтон, однако, оказался парнем не из пугливых. Разъяренный исчезновением пленника, он вновь повернул к судну. Не долетев сотни ярдов до кормы, вертолет завис в воздухе. Правую ракетную батарею охватило пламя, над ней взвивались клубы дыма. Палуба была завалена телами, и частями деревянной обшивки.

— С ними покончено! — выдохнул Бойнтон.

— Может быть, разнести их подчистую? — предложил Стьюртевен.

— Чем? Пулеметами? — спросил Сирано.— Нет, лучше убраться отсюда. Если выжил хоть один из команды, он может пустить в ход оставшуюся целой ракетную установку и разнести нас. Мы и так провалили дело.

— Не согласен,— возразил Бойнтон.— Да, мы не можем забрать труп Джона, но он же мертв! И корабль поврежден так, что восстановить его непросто.

— Вы полагаете, Джон умер? — усмехнулся Сирано.— Хочется верить... Но я не стал бы делать рискованных утверждений, пока не увижу его останки собственными глазами.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Скрипя зубами от боли и чертыхаясь, пятеро на «Жюле Верне» осматривали раны друг друга. У троих были повреждены ребра; трещины или переломы — сказать мог только врач. Фригейт отделался растяжением мышц. Фарингтон и Райдер ощупывали свои окровавленные носы, к тому же у Мартина мучительно ныло колено. Погас проехал лицом по полу; у него была сорвана кожа на лбу, и рана сильно кровоточила. Один Нур остался невредим.

Но у них не было времени привести себя в порядок — взлетевший вверх шар то относило к Реке, то снова бросало к горам. Грозовые тучи исчезали со скоростью удирающего от полиции громилы. К счастью, система освещения аэростата не пострадала, и Мартин принялся осматривать приборы. Нур, вооружившись фонарем, проверил все патрубки, обмазывая их герметизирующей пастой. Вновь осмотрев их сквозь лупу, он сообщил, что утечки газа нет — пузырьки в соединениях не показывались.

Фарингтон отнесся к его словам скептически.

— Ну да! Слишком уж нам везет! Вот сядем и выпустим газ, тогда и поглядим, как обстоят дела.

— Мы останемся в воздухе до тех пор, пока шар сохраняет подъемную силу, — возразил Фригейт. — Не думаю, что нам удастся сесть, пока нас несет северный ветер. К тому же при посадке мы рискуем потерять аэростат — кто знает, как к нему отнесутся местные жители. Стоит попасть к каким-нибудь дикарям, и наша песенка спета.

«Жюль Верн» летел над долиной, ветер нес его на северо-восток. Они продолжали подниматься. Фригейт, встав на вахту, сверился с альтиметром, — шар достиг шестнадцати тысяч футов. Чтобы прекратить подъем, он стал понемно-

гу выпускать из оболочки водород. Аэростат резко пошел вниз и ему пришлось включить горелку. Им нужно было удержаться на высоте шести-семи тысяч футов; это давало возможность экономить газ и минимально пользоваться горелкой.

Хотя Фригейта сильно мучили боли в шее и плече, он чувствовал себя счастливым. Им удалось взлететь и вырваться из туч! Поистине счастливое спасение! Судьба оказалась благосклонной к воздушным странникам.

Стоя у нагревательной колонки в холодном свете звезд и отблесках лампочек, едва тлевших над шкалами приборов, Фригейт вдруг с пронзительной остротой ощутил их безмерное одиночество в темных небесах этого мира. Но переполнявшая его радость была сильней. Аэростат, творение его рук и ума, уже преодолел три тысячи миль — на Земле это считалось бы рекордом.

Подумать только — такое путешествие совершено пятью неопытными любителями! Кроме него, никто из них не поднимался в воздух, да и он сам... Если говорить откровенно, семьдесят часов, которые он налетал на воздушных шарах за свою прошлую жизнь, не сделали из него ветерана аэронавтики. Тут он уже провел в воздухе больше времени, чем прежде, на родной планете.

Команда, совершившая подобный перелет, на Земле вошла бы в анналы воздухоплавания. Там их ожидала бы слава — интервью, банкеты, лекции и, как заключительный апофеоз, книги воспоминаний, фильмы... Да, там им воздали бы королевские почести!

Но здесь о них узнают немногие, и большинство из них даже не поверит в случившееся. А если им суждено погибнуть, то и те, кто мог бы поверить, останутся в неведении.

Он открыл дверцу. В небе сверкали звезды, внизу змеей извивалась Река. Молчали звезды, молчала Река — все замерло, застыло, как уста мертвеца. Какое мрачное сравнение! Ну, хорошо,— как крылья бабочки!

В памяти всплыли картины летних дней на Земле в пору его детства. Зеленеющие поля, темные бугристые стволы дубов и вязов, пестрые цветы их сада... Особенно был хорош подсолнечник — высокий желтый подсолнечник! А пение

птиц! А вкусные запахи, наполнявшие кухню — ростбиф, мамин вишневый пирог! А папина игра на рояле!

Он вспомнил одну из любимых песенок отца. Прошло без малого сто лет — Боже, какая тьма времени! — но звуки музыки и низкий баритон до сих пор звучали у него в ушах. В его душе разгорался свет, подобный отблеску далекой звезды, манящей к неясной, но столь желанной цели.

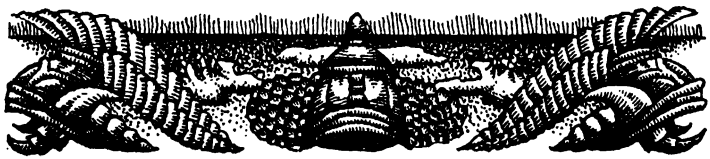
«Звезда вечерняя в высоких небесах,
Какой покой в твоих серебряных лучах,
Когда стремишься ты неведомо куда,
Звезда вечерняя, блаженная звезда,
Сияй, сияй, звезда божественной любви!
И наши души оживи и обнови
Мечтой любви, чтобы с тобой взойти туда,
Звезда вечерняя, блаженная звезда.»[1]

Внезапно он разразился слезами. Он оплакивал все бывшее и несбывшееся, светлые и темные страницы своей жизни,— все, что случилось, и все, чего не должно было случиться.

Осушив слезы, Фригейт принялся за дело — проверил показания приборов и разбудил маленького мавра. Нур сменил его на вахте. Питер завернулся в покрывало, но боли в шее и спине не давали покоя. После напрасных попыток уснуть, он окликнул Нура. Они вступили в беседу, которая шла между ними годами —денно и нощно.

[1] Дж.Сейлз, пер. О.Седаковой

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

В некоторых аспектах,— говорил Нур,— Церковь Второго Шанса и учение суфиев совпадают. Сторонников Церкви, однако, подводит терминология — часто в понятия суфизма они вкладывают совсем другое содержание.

— Конечно, цель сторонников Церкви и суфиев — одна. Если отвлечься от разного понимания терминов, то можно сказать, что те и другие стремятся к поглощению индивидуальной личности Мировой Душой. Это может быть Аллах, Бог, Создатель — называйте Его как хотите.

— Означает ли это уничтожение личности?

— Нет, лишь поглощение. Уничтожение есть разрушение. При поглощении же душа индивидуума, его «ка» или «брахман», становится частью всеобщей Мировой Души.

— Значит ли, что в этом случае личность утрачивает самосознание, собственную индивидуальность, что она теряет представление о собственном «я»?

— Да, но она становится частью Высшего «Я». Разве можно сравнивать утрату осознания себя как личности, с приобщением к Божественной Душе?

— Меня это ужасает... По-моему, это — смерть. Если ты больше себя не осознаешь, значит, ты умер. Нет, не могу понять, почему буддисты, индуисты, суфии и Церковь считают это желанной целью.

— Вы правы, без самосознания человек мертв. Но если бы вам удалось испытать восторг, который ощущают суфии на каждом этапе самосовершенствования, вы отнеслись бы к этому иначе.

— Да, пожалуй,— согласился Фригейт.— У меня был опыт мистических откровений. Даже трижды.

— Впервые это случилось со мной в возрасте двадцати шести лет. Я работал на сталелитейном заводе, в литейном цехе. Кран подавал туда стальные болванки — прямо из

форм плавильных печей. После обдирки охлажденные болванки поступали в чаны, где они повторно нагревались, и затем шли в прокат. Я работал у чанов и воображал, что болванки — это спасенные души, затерянные до того в пламени чистилища. Их калили в этом пламени, потом бросали под прессы, где им придавалась форма, угодная небесам. На прокатном стане их обжимали, выдавливая всю грязь, все вредные примеси. Оттуда они выходили с новой очищенной душой...

— Вы понимаете меня, Нур, правда? Так вот, однажды я стоял у огромной раскрытой двери цеха и глазел на заводской двор. Не помню, о чем я тогда размышлял. Возможно, о том, что на мою долю выпала тяжкая работа в чудовищной жаре, да еще за столь мизерную плату. А, может быть, о своем намерении стать преуспевающим писателем. У меня не приняли еще ни одной вещи, хотя многие издатели отзывались о них одобрительно. Например, Вит Барнет, владелец «Сториз», дважды был готов взять мои рассказы, но оба раза его отговорила жена. Этот журнал считался весьма престижным, но платил ничтожные гонорары.

— Итак, я разглядывал немыслимо уродливый двор, вид которого никоим образом не способствовал возвышенным мыслям или мистическому экстазу; скорее, я был подавлен. Меня приводило в уныние все: теснившиеся на подъездных путях платформы, темная металлическая пыль, покрывшая и механизмы, и здания, огромные печи, едкий запах дыма, стелющегося по земле. И вдруг в одно мгновение все изменилось. Нет, все оставалось таким же серым и безобразным, таким же уродливым, однако...

— Каким-то образом я внезапно ощутил, что мир, Вселенная устроены правильно и разумно. И все, что было и будет, — тоже разумно. В моем видении произошел некий перелом, сдвиг. Сейчас я постараюсь объяснить вам... Мне всегда представлялось, что мир — это бесконечность стеклянных кирпичиков. Их едва можно разглядеть... Я видел лишь их грани, но как-то смутно... только чуть заметные призрачные контуры.

— Обычно я воспринимал эти кирпичики в виде искривленной стены — словно Бог, сложивший ее, был под хмельком. Но сейчас я увидел, что кирпичи сдвинулись и поверх-

ность кладки стала ровной. Вселенная не выглядела больше наспех построенным зданием, способным вызвать у зрителя лишь осуждение.

— Я был вне себя от счастья. Мне удалось, пусть на миг, заглянуть в основы мироздания, проникнуть сквозь внешний слой штукатурки, небрежно нанесенной на стены, и увидеть их гладкими и ровными.

— Теперь я знал, что мир устроен стройно и разумно, что у меня есть в нем свое место. Оно определено точно и правильно. Да, я — живое существо, но я еще и один из кирпичиков, что лежит на уготованном ему месте. Вернее сказать, я осознал себя на своем месте. До этого мне казалось, что я так и не нашел его... что я выбиваюсь из стены Мироздания. Да и как могло быть иначе, если все кирпичики сложены в беспорядке? В этом заключалась моя ошибка. Все на свете имеет свое, уготованное ему место... Я был счастлив. Порядок и гармония мира внезапно открылись мне.

— И как долго длилось это ваше состояние? — спросил Нур.

— Несколько минут. Но весь день я чувствовал себя прекрасно! Когда же я снова попытался повторить это... это откровение... ничего не вышло. Я продолжал жить по-прежнему. Мир вновь стал созданием неумелого строителя... вернее — злого обманщика. Но были и еще моменты...

— Другие случаи?

— Да. Второй раз это произошло под воздействием марихуаны. Я все-таки выкурил за свою жизнь полдюжины сигарет с травкой... Это случилось в 1955 году, еще до того, как молодое поколение пристрастилось к наркотикам. В те времена марихуану и гашиш потребляли лишь в больших городах и только в богемных компаниях. Ну, еще среди черных и цветных в гетто.

— Мы с женой жили в Пеории, штат Иллинойс, и встретили там одну супружескую пару, типичных выходцев из Грин Вилледж. Они уговорили меня попробовать марихуану. Мне не хотелось. Я представлял, как нас схватит полиция... потом — скандал, суд, суровый приговор, тюрьма... Что станет с нашими детьми? Но алкоголь добавил мне храбрости, и я предался греху. Делая первые затяжки, я безумно

волновался. Но вот это произошло — и ничего страшного не случилось.

— До того вечера — как, впрочем, и потом — я не испытывал тяги к наркотикам. Но в тот раз мир представился мне раствором, насыщенным мельчайшими кристалликами. Вновь произошел какой-то сдвиг в сознании. Кристаллики зашевелились, заметались и начали мало-помалу выстраиваться в определенном порядке, будто ангелы на параде. Но этот порядок был бессмысленным... вернее, не столь разумным, как в первый раз. Я не ощущал в нем своего места — места, казавшегося справедливым и естественным.

— Ну, а третий случай? — заинтересованно спросил Нур.

— Тогда мне уже исполнилось пятьдесят семь. Я был единственным пассажиром воздушного шара, парящего над кукурузными полями Иллинойса. Солнце садилось, яркий свет дня понемногу тускнел. Мы парили в недвижном воздухе словно на ковре-самолете. Знаете, если в открытой гондоле зажечь свечу, даже при сильном ветре она не погаснет и будет гореть так же ровно, как в наглухо изолированном подземелье...

— Внезапно мне начало казаться, что солнце вновь встает над горизонтом. Все вокруг зажглось ярким слепящим светом — и он исходил от меня! Я превратился в пламя, и мир воспринимал мой свет и тепло. Спустя секунду — может быть, позже,— свет исчез... он не побледнел, не обесцветился, а просто исчез... Но прежнее ощущение вернулось ко мне... то, самое первое... Мне казалось, что мир, разумен и упорядочен, и все, что происходит со мной и любым другим человеком — естественно и закономерно.

— Пилот ничего не заметил. Очевидно, внешне транс никак не проявился... Тот случай был последним, Нур.

— Эти мистические откровения, по-видимому, не имели большого влияния на вашу жизнь? — спросил араб.

— Вы имеете ввиду — стал ли я лучше? Нет... Пожалуй, нет.

Нур задумчиво потер лоб.

— Эти эпизоды напоминают мне то, что мы называем «таджали», откровение... Однако они отличаются от истинного таджали, ибо проявились случайно, а не в результате

осознанного стремления к самосовершенствованию. Да, у вас были ложные откровения.

— Значит, я не могу испытать настоящего?

— Конечно, можете — и в самых различных формах.

На миг воцарилось молчание. Закутанный в покрывала Фарингтон что-то пробормотал во сне.

Неожиданно Фригейт спросил:

— Нур, меня давно мучает вопрос... не возьмете ли вы меня в ученики?

— Почему же вы не задали его раньше?

— Я боялся отказа.

Вновь молчание. Нур смотрел на альтиметр. Погас завороча лся, открыл глаза и потянулся за сигаретой. Он чиркнул зажигалкой и мелькнувший огонек отбросил странные блики на темную физиономию свази, исказив привычные черты, превратив его лицо в маску священного ястреба, высеченного резцом древнеегипетского скульптора из черного дерева.

— Так что же? — у Фригейта дрогнул голос.

— Однако, вы всегда считали, что способны сами прийти к истине.

— И я никогда не доходил до конца... я был слишком пассивен, меня носило, как воздушный шар. Обычно я принимал жизнь такой, какой она была или представлялась мне. Лишь временами меня охватывала тяга приобщиться к какому-либо учению, доктрине или религии. Но она проходила — рано или поздно, — и я вновь искал желанную цель. Так, день за днем, я плыл по течению, проклиная свою лень.

— Вы пытались достигнуть отрешенности?

— Да... Хотя бы в интеллектуальном отношении... несмотря на обуревавшие меня страсти.

— Чтобы обрести полную отрешенность, нужно освободиться и от эмоций, и от интеллекта, что выглядит нелепо... — Нур помолчал, потом остро взглянул на Фригейта. — Если я возьму вас в ученики, вы окажетесь в моей власти. Готовы ли вы к этому? Например, если я попрошу вас выпрыгнуть из гондолы, вы подчинитесь?

— Нет, черт возьми!

— Но вы должны! Теперь представьте, что я заставляю вас совершить то, что в интеллектуальном и эмоциональном

смысле равно такому прыжку... то, что покажется вам умственным или эмоциональным самоубийством...

— Пока вы не скажете, что именно, я не могу ответить.

— Ладно. Я никогда не отдам такой приказ, пока не пойму, что вы готовы его выполнить. Если это когда-нибудь произойдет.

Погас выглянул в дверь.

— Там какой-то свет! Он движется!

Фригейт и Нур подошли к нему. Разбуженные восклицанием свази, Фарингтон и Райдер, вскочив, прильнули к иллюминаторам.

Вдали, высоко в небе, вырисовывался продолговатый силуэт.

— Это дирижабль! — воскликнул Фригейт.

О чудо! Самая необычайная встреча, которая могла произойти в мире Реки!

— По-моему, я вижу носовые огни,— заявил Райдер.

— Он не из Новой Богемии,— уверенно сказал Фригейт.

— Значит, в долине есть еще одно место, где используют металл,— голос Нура был спокоен.

— Если только эта штука не создана Ими,— предположил Мартин.— Однако вряд ли Их аппарат оказался бы похожим на земную конструкцию.

Один из бортовых огней мигал. Присмотревшись, Фригейт произнес:

— Это азбука Морзе!

— Что они сообщают? — спросил Райдер.

— Но я не знаю кода! — Фригейт был в отчаянии.

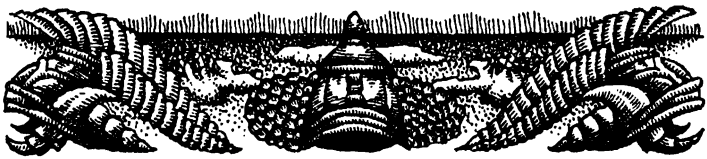
Нур отошел от двери, вернулся к нагревателю и приоткрыл вентиль. Ничто не нарушало тишины, слышалось лишь тяжелое дыхание людей. Огонек продолжал мигать. На двадцать секунд Нур увеличил пламя горелки, потом вновь шагнул к дверям и, внезапно застыв, бросил: «Тише!». Все с изумлением уставились на него. Мавр склонился над отводными трубками.

— Что такое? — спросил Фарингтон.

— Мне показалось, я услышал шипение,— Нур взглянул на Погаса.— Брось сигарету!

Он приложил ухо к патрубку и замер.

Погас швырнул сигарету на пол и придавил ногой.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

А пока вертолет возвращался, Джил выслушала по радио отчет Сирано о результатах рейда. Число убитых и жестокость схватки потрясли ее, хотя с самого начала она понимала всю рискованность экспедиции. Всему виной ее мягкотелость... на как иначе они могли получить этот проклятый лазер? Атаковать «Марка Твена» вместо «Рекса»?

Когда вертолет вернулся в ангар, Джил приказала взять курс на юго-запад — туда, где их поджидал Клеменс. Сирано и его люди были в медотсеке на перевязке; затем француз явился с докладом в рулевую рубку. Джил выслушала его подробный рассказ и вызвала по рации судно.

Как она и ожидала, Сэм был вне себя от счастья.

— Значит, вы полагаете, что с Его Мерзейшим Величеством покончено? Вы уверены на сто процентов?

— Не сомневаюсь. Мы сделали то, о чем вы просили. Надеюсь, теперь я получу лазер?

— Можете его забирать. Жду ваш вертолет.

Их прервал голос оператора радара:

— НЛО по правому борту, капитан. Примерно на нашей высоте.

Клеменс тоже расслышал рапорт.

— Что такое? Что за НЛО?

Джил, не обращая на него внимания, бросила взгляд на экран локатора. Ей показалось, что она видит два объекта, один под другим, но вдруг ей все стало ясно.

— Это воздушный шар! Шар с гондолой!

— Что? Воздушный шар? — взволнованно спросил Клеменс.— Надеюсь, это не Их аппарат?

— Может быть, еще одна экспедиция к Башне? — предположил Сирано.— Наши неведомые соратники?

Джил приказала включить прожектор и просигналить азбукой Морзе следующий текст:

«Здесь дирижабль «Парсефаль»! Здесь дирижабль «Парсефаль»! Назовите себя. Назовите себя.»

Тот же текст передали по радио. Никакого ответа.

Джил обратилась к Никитину.

— Курс на воздушный шар. Попробуем взглянуть на него вблизи.

— Да, капитан.

Русский развернул судно на новый курс и вдруг вскрикнул — на панели управления мигала красная лампочка.

— Люк ангара! Он открывается!

Старший помощник бросился к внутреннему телефону.

— Ангар! Ангар! Здесь Коппенгейм! Зачем открыли люк?

Динамик молчал.

Джил нажала кнопку сигнала тревоги. По всему дирижаблю раздался вой сирены.

— Говорит капитан! Говорит капитан! Тревога! Тревога!

Отозвался начальник электронной службы Катамура.

— Капитан, слушаю вас!

— Немедленно направьте людей в ангар. Быстро! Кажется, бежал Торн.

— Вы думаете, это его рук дело? — спросил Сирано.

— Не знаю, но весьма вероятно. Если... если не появился кто-то еще.

Она вызвала медицинский отсек. Там не отвечали.

— Да, это Торн! Дьявол! Говорила же я, что надо спроектировать автоматический запор нижнего люка!

Она быстро распорядилась отправить еще одну группу — в медицинский отсек.

— Однако,— Сирано с недоумением приподнял брови,— как же он мог сбежать? Еще не оправившись от ран... Его, прикованного в постели, стерегли четверо, и дверь была заперта снаружи... Ничего не понимаю!

— Это не обычный человек! Следовало надеть на него наручники, но мне не хотелось обращаться с ним так жестоко!

— Может быть, вертолет не заправлен?

— Сомневаюсь. Чентес весьма пунктуален.

— Люк открыт полностью,— доложил Никитин, взглянув на пульт.

По внутренней связи донесся голос Грейвса.

— Джил, это Торн...

— Как он умудрился улизнуть? — крикнула Джил.

— Я не все видел... я сидел у себя в каюте. Вдруг услышал шум, какие-то крики, стук упавшего тела. Я вскочил, но Торн был уже у двери, от его лодыжки тянулась разорванная цепь. По-видимому, он голыми руками ухитрился разомкнуть одно звено. Он так меня толкнул, что я ударился о стену и не смог сразу встать. Потом он сорвал с переборки телефон. Представляете — голыми руками! Я попробовал приподняться, и он тут же связал мне руки ремнем, снятым с кого-то из часовых. Я весь в синяках... Он мог меня придушить как цыпленка...

— В конце концов, я высвободился и выскочил из каюты. Все четверо охранников лежали на полу без сознания. Внутренняя связь повреждена. Дверь была закрыта, ее взломали из коридора. Если бы не помощь наших людей, я до сих пор сидел взаперти. Я тут же бросился к ближайшему телефону.

— Давно он освободился?

— Уже минут двадцать пять.

— Двадцать пять?!

Джил ужаснулась. Что же Торн делал все это время в дирижабле?

— Займитесь ранеными,— коротко приказала она и отключила связь.

— У него был где-то спрятан передатчик,— сказала она Сирано.

— Откуда вы знаете?

— Я не уверена, но он явно что-то искал. Никитин, начинайте снижаться — и побыстрее!

Она услышала голос Катамуры:

— Капитан, вертолет покинул ангар!

Сирано разразился французскими проклятиями.

Никитин включил общую связь и сообщил команде, что судно находится в состоянии опасного маневрирования. Весь личный состав должен позаботиться о собственной безопасности.

— Курс — сорок пять градусов, Никитин,— приказала Джил,— и полный ход!

Дежурный оператор доложил, что на локаторе появилось изображение вертолета. На максимальной скорости он двигался к югу и быстро снижался.

Пол рулевой рубки перекосило и все поспешно стали пристегиваться ремнями к переборкам и креслам. Джил осталась стоять за спиной Никитина. Ей хотелось самой вести корабль, но даже в экстремальных обстоятельствах правила запрещали сменить пилота. Впрочем, она знала, что этот русский выполнит маневр не хуже ее — он работал четко.

— Если у Торна есть передатчик, — заговорил Сирано, — то он в любой момент пустит его в дело. Мы ничего не успеем предпринять.

Француз был бледен, как полотно, но нашел в себе силы ободряюще улыбнуться Джил.

Джил отвела глаза и посмотрела на приборы. Судно шло параллельно Реке, обходя горы. Долина под ними казалась узкой щелью, которая, по мере снижения, стремительно раздвигалась. Внизу замерцали огни костров, вокруг которых обычно собиралась прибрежная стража или любители полуночных бдений. Облака рассеялись, над горами мелькнул слабый свет звезд. Следит ли за ними кто-нибудь с равнин и холмов? И если следит, то, наверно, преисполнен ужаса перед громадой, стремительно несущейся с небес...

Но для нее время тянулось бесконечно.

Сирано прав: если Торн собирается взорвать «Парсефаль», он сделает это сейчас. Или... или подождет, когда дирижабль приземлится? Пощадил же он Грейвса и своих стражников!

Поглядывая на экран локатора, она вызвала ангарный отсек. Отозвался Чентес.

— Все разошлись по своим каютам, мэм. Я здесь один.

— Понятно. Тогда быстро расскажите, что произошло.

— Торн ворвался в отсек и наставил на нас пистолет. Потом захлопнул дверь, разбил телефон внутренней связи и сказал, что за порогом — бомба. Если мы дотронемся до двери, она пустит на воздух весь корабль. Мы не поверили, но поначалу рисковать никто не хотел. Потом Катамура открыл дверь из коридора, бомбы там не было. Торн нас просто запугал. Простите, капитан...

— Вы все сделали правильно, Чентес.

Она велела радисту передать о случившемся на борт «Марка Твена».

На высоте трех тысяч футов она приказала Никитину наклонить винты и приподнять нос дирижабля на три градуса — они шли вниз слишком стремительно. Ее взгляд скользнул по шкалам приборов, и тут же последовал приказ поднять нос еще на семь градусов.

Что делать, что предпринять? Ее мысли метались в поисках выхода, как загнанное в смертельную ловушку стадо оленей.

Посадить дирижабль? Удержаться на якорях не удастся, значит, нужно спускать водород. Но когда экипаж покинет судно, оно может взлететь... И если кто-нибудь не успеет выскочить, его унесет...

Может быть, у Торна нет никакого передатчика — как не оказалось бомбы под дверью? Зачем тогда бросать дирижабль?

— Слишком быстро! Спускаемся слишком быстро! — повторял Никитин.

Джил резко наклонилась вперед и нажала кнопку выброса водного балласта. Корабль стремительно взмыл вверх.

— Извините, Никитин,— пробормотала она.— Я не могла ждать.

Локатор показывал, что вертолет летит к северу на высоте тысячи футов. Выжидал ли Торн их дальнейших действий или собирался взорвать заряд после посадки?

Что предпринять? От напряжения у нее заныли зубы. Она была не в силах примириться с мыслью о потере этого красавца — самого мощного, совершенного дирижабля в мире!

И, все-таки, главное — спасение людей.

Винты развернуты до предела, их лопасти вспарывают воздух. С обеих сторон угрожающе дыбятся горы. Внизу повсюду жилища, хрупкие бамбуковые строения, в которых спят люди, не ведая о мелькнувшей в вышине смерти... Если дирижабль рухнет, он раздавит сотни и сотни... Если взорвется — погибнут тысячи...

Джил приказал Никитину вести судно точно над Рекой.

Но что делать дальше?

В ту ночь немного людей бодрствовало на берегах Реки и еще меньше вглядывалось в сияющее звездное небо. Но они увидели там два силуэта, один — значительно больше другого. Меньший состоял из двух слегка сплюснутых шаров — нижнего и верхнего; более крупный имел форму длинной сигары. Они двигались навстречу друг другу. От меньшего небесного тела исходил слабый свет, от большего — тянулись яркие лучи, то вспыхивающие, то гаснущие через определенные промежутки времени.

Внезапно огромная сигара опустила нос и быстро пошла вниз. Приближаясь к земле, она исторгала странный гул.

Мало кто смог узнать в них воздушный шар или дирижабль. Большинство местных жили и умерли до того, как на Земле появились летательные аппараты; остальные если и видели нечто подобное, то лишь на картинках.

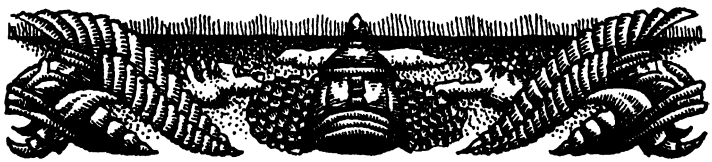
Только ничтожная часть наблюдателей поняла, что находится перед ними.

Однако это чудо вызвало необычайное волнение. Люди побежали будить своих подруг, друзей, соседей. На сторожевой башне ударил сигнал тревоги.

Внезапно в небе появился вертолет — еще одно гудящее фантастическое чудовище — и люди застыли в тревожном недоумении.

Барабаны загрохотали с новой силой. Обитатели равнины и холмов выбегали из хижин, дома опустели. Все стояли, запрокинув головы, не спуская глаз с трех парящих в вышине объектов, полных неведомой угрозы, Вдруг общий вопль вырвался из тысяч глоток — одно из небесных видений вспыхнуло с протяжным гулом. Пронзительный крик взмыл над Рекой, пока поверженный ангел сверкающим огненным факелом несся вниз.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

Одеяние Тай Пенга состояло только из листвы железного дерева да ярких цветов, сорванных с лиан. Вздымая левой рукой кружку с вином, он двигался со стремительностью струящегося с холма потока, импровизируя на ходу поэму. Стихи больше годились для чтения при дворе династии Тан; в ушах тех, кто не принадлежал к избранному народу синов, они звучали перестуком костяшек. Для здешних невежд он потом переведет их на эсперанто. Правда, в результате исчезнет множество нюансов и метафор, однако он все равно заставит их смеяться и плакать.

Подруга Тай Пенга — Вен Чин — наигрывала на флейте. Обычно она говорила зычным и скрипучим голосом, но при случае умела его смягчить. На эсперанто ее речь всегда звучала мелодично.

Тай Пенг был достаточно высок для человека своей расы и эпохи (он родился в восьмом веке нашей эры), гибок, но широкоплеч и мускулист. Длинные волосы тускло отсвечивали на солнце. Светло-зеленые глаза сверкали тигриным блеском.

Он был потомком императорской наложницы, но с тех пор прошло уже девять поколений и его ближайшие предки стояли не слишком высоко; говоря откровенно, они были степными ворами и убийцами.

Кто-то из его дедов происходил из племени диких кочевников; по-видимому, он и передал Тай Пенгу этот яростный блеск зеленых глаз.

Вместе со своими слушателями поэт расположился на вершине холма, с которого виднелись Река, равнина и горная цепь. Люди сидели полукругом, оставив ему свободное

пространство для моциона; Тай Пенг не терпел никаких ограничений и преград. Он страдал, пребывая в четырех стенах, а тюремные засовы приводили его в неистовство.

Половину аудитории составляли выходцы из Китая пятнадцатого века; остальные — случайные пришельцы, перелетные птицы.

Тай Пенг закончил импровизацию и начал читать стихи Чен Цзы Ана. Вначале он обратился к судьбе поэта, который умер за несколько лет до его рождения в тюрьме в возрасте сорока двух лет. Он промотал состояние отца, за что и был осужден местным мандарином.

«Как люди горды уменьем своим лавировать в бездне дел!
Но кто из них ведает судьбы душ и вечные тайны тел?
Наивна их вера, что разум всегда откроет истинный путь
Ведь только Дао таит во мгле событий скрытую суть.
Укажет дорогу сейчас верней владеющий правдой рок!
Но Темных Истин суровый страж
не пустит глупцов на порог.»[1]

Тай Пенг замолк, осушил кружку и подошел, чтобы наполнить ее вновь. Один из слушателей, чернокожий по имени Том Тарпин, предупредил:

— Вина больше нет. Может быть, сока?

— Нет напитка богов? Но я не желаю вашего варварского питья! От него тупеешь. Бодрит лишь вино.

Он улыбнулся, повернул голову, сверкнув взглядом ищущего подругу тигра, и схватил за руку Вен Чин. Они направились к хижине.

— Когда кончается время вина, наступает время женщины!

В такт его стремительным шагам шелестели сверкающие листья и цветы. Вен Чин с трудом поспевала следом. Он казался фавном, увлекающим нимфу в лесную сень.

Люди начали расходиться. Один из них обогнул холм и неторопливо поднялся к своему жилищу. Войдя, он запер

[1] Пер. М.Нахмансона

дверь и опустил бамбуковые шторы на окнах. Нашарив в полумраке стул, человек опустился на него, откинул крышку своего цилиндра и стал пристально всматриваться внутрь.

Мимо его двери прошла парочка. Мужчина и женщина громко обсуждали событие, случившееся почти месяц назад.

Ночью огромное грохочущее чудовище, вылетевшее из-за западных гор, опустилось на поверхность Реки. Смельчаки из местных жителей на лодках направились к нему. Но оно исчезло в воде и больше не показывалось. Никто не успел до него добраться.

Что это было — не дракон ли? Некоторые люди (неверующие выродки девятнадцатого и двадцатого веков) утверждают, что драконы — всего лишь сказка, но любой самый глупый китаец знает — они действительно существуют.

Правда, это могла быть и летающая машина тех существ, которые создали этот мир. Говорят, что люди видели человекообразную фигуру, которая плавала вокруг места, где затонул дракон.

Человек в хижине улыбнулся. Он подумал о Тай Пенге, чье истинное имя было совсем другим. Тай Пенг означает «Великий Феникс», а на Земле поэт частенько похвалялся, что феникс — его истинная сущность.

Он встретился с Тай Пенгом впервые много лет назад, но тот не подозревает о столь давнем знакомстве.

Человек, сидевший на стуле, произнес пароль, и внутри чаши вспыхнул свет. Комната оставалась в полутьме, но у стенок цилиндра засияли два круга.

Они становились все более выпуклыми, превращаясь в полусферы, внутри которых вспыхнули тысячи тонких мерцающих извивающихся линий. Они пересекали крошечные плоские пустые кружочки. Лишь один был заполнен; а он заключал в себе пентаграмму — пятиконечную звезду. Пустые кружки излучали световые точки и штрихи.

Это была карта, но особая, необычная. Зигзагообразные линии обозначали долины, кружочки — людей, мужчин и женщин. Пульсирующие частицы являлись их опознавательными кодами.

Икс отобрал себе двенадцать помощников, как было сказано Клеменсу и Бартону. Но на линиях повторялось двена-

дцать раз по двенадцать кружков; в целом — сто сорок четыре человека.

Некоторые кружки были собраны в группы. Другие излучали в одинаковом ритме. Человек долго всматривался, потом произнес кодовую фразу-команду. Внезапно исчезли все кружки, излучавшие три штриха и точку.

Еще одна фраза. У вершины цилиндра возникли два мерцающих знака.

Только семьдесят посвященных остались в живых — меньше половины.

Сколько же их будет через сорок лет? Сколько исчезнет еще раньше?

Однако существовали тысячи непосвященных, знавших о Башне. Некоторым из них Клеменс рассказал о Таинственном Незнакомце, об Иксе. Тайна раскрыта, и те, кто узнали о ней из чужих уст, будут так же неистово стремиться к ледяным волнам полярного моря.

Он произнес еще одну фразу. Среди кружочков вдруг появились другие символы — треугольники и пентаграммы. Среди них одиноко сияла гексаграмма, шестиконечная звезда. Треугольники обозначали этиков второго ранга, агентов.

Гексаграмма являлась символом Оператора.

Он вновь заговорил. Прямо перед ним, в центре одной из полусфер, появился световой квадрат. Он начал быстро расширяться и вскоре заполнил собой все пространство, занятое тремя звездами и несколькими кружочками.

Еще одна фраза вызвала появление над квадратом четырех мерцающих ответвлений. Шестиконечная звезда находилась ниже по течению, за много тысяч миль. Итак, Оператор потерпел неудачу на борту «Рекса». Но по Реке движется еще одно судно.

В соседней долине, на востоке, был Ричард Фрэнсис Бартон. Так близко и так далеко! Если бы плоть, подобно духу, обладала способностью проникать сквозь каменную толщу скал, между ними лежал бы лишь день пути.

Несомненно, Бартон был на том судне — «Рекс Грандиссимус». Его кружок очень быстро двигался по линии, ведущей к кораблю.

Оператор... Как же он поведет себя, попав на борт «Марка Твена»? Откроет часть правды Клеменсу? А, может быть, всю правду? Или будет хранить молчание?

Предугадать нельзя. Слишком резко меняется ситуация. Даже компьютер Главного Центра лишь в малой степени способен предугадать будущее.

До сих пор на борту «Рекса» был лишь один агент. В экипаж «Марка Твена» пытались внедрить десятерых, но вряд ли хоть один достиг успеха. Скорее всего, там никого нет.

Пятьдесят треугольников находились на линии между «Рексом» и Вироландо.

Из этих шестидесяти ему удалось опознать лишь десятерых. Это верхний эшелон, руководители групп. Весьма вероятно, что он ни с кем из них не столкнется.

Но... если ему не удастся попасть на борт судна?

Он почувствовал приступ дурноты.

Нет, он должен добиться этого во что бы то ни стало. Он должен! Однако, если не заниматься самообманом, он может потерпеть неудачу. Такое уже случалось.

Когда-то он полагал, что может действовать как человек и совершить то, чего человек сделать не в силах. Но он ошибся, и это открытие потрясло его.

Возможно, он слишком долго прожил среди людей мира Реки. Здесь было много бродяг, которых подталкивала к странствиям извечная любовь в перемене мест. Большинство из них слышали историю Джо Миллера — из сотых уст, искаженную почти до неузнаваемости. Но все они жаждали найти тот канат, который поможет преодолеть пропасть, а за ним — тропку, что вела по склону ущелья.

Но всего этого уже нет. Нет тоннеля, пробитого в скале, нет тропы, сметенной лавиной...

Он вновь взглянул на световой квадрат, в котором сияли звезды. Близко, слишком близко. В сложившейся ситуации, чреватой любыми неожиданностями, это грозит опасностью.

Кто знает, как все обернется?

До него донесся голос Тай Пенга. Позабавившись со своей женщиной, он покинул хижину и теперь выкрикивал что-то нечленораздельное, обращаясь к небесам. О, сколько шума приносят люди в этот мир, сколько нелепой суматохи!

— Пусть мне не удастся сокрушить богов в вышине, зато я устрою переполох в преисподней!

Его голос становился все громче; по-видимому, он приближался к хижине.

— Я ем как тигр! Я оправляюсь как слон! Я могу выпить триста кружек вина за один присест! У меня три жены, я делил ложе с тысячью женщин! Я всех переиграю на лютне и флейте! Я пишу тысячи бессмертных стихов, но закончив, бросаю в реку и любуюсь, как воды, ветры и духи воздуха поглощают их!

— Вода и цветы! Вода и цветы! Вот что я люблю больше всего на свете!

— Перемены и недолговечность! Вот что ужасает, ранит и мучает меня!

— Разве перемены несут красоту? Но может ли существовать красота без угасания и смерти?

— Красота остается красотой, пока она обречена на гибель!

— Но так ли это?

— Я, Тай Пенг, однажды вообразил себя текущей рекой, распустившимся цветком. И драконом.

— Цветы и драконы! Драконы и цветы во плоти! Красота жива, пока цветы рождаются и погибают! Цветение становится прахом! Погибают даже драконы! Они расцветают и становятся прахом.

— Белый человек, бледный, как привидение, с голубыми глазами дьявола, однажды сказал мне, что драконы жили в незапамятные времена! В незапамятные, непостижимые умом времена! Но... все они погибли миллионы лет назад, задолго до того, как Нукуа создал из желтой глины первого мужчину и первую женщину!

— Все, что гордится красотой, умирает!

— Вода! Цветы! Драконы!

Голос Тай Пенга затихал, он возвращался к себе. Но до человека в хижине донеслась еще одна сентенция:

— Какой же злодей вернул к жизни нас и наши желания, лишь затем, чтобы умертвить навсегда?

Человек в хижине произнес: «А-а!»

В стихах Тай Пенга много говорилось о краткости жизни мужчин, женщин и цветов, но никогда не упоминалось слово

«смерть». Но сейчас он заговорил о ней открыто — и с какой яростью!

Человек в хижине задумался. До сих пор ему казалось, что он счастлив — как только может быть счастлив обитатель этого мира. Он прожил шесть лет в крохотном государстве на берегу Реки, и у него не возникало желания покинуть его.

Готов ли он к этому сейчас?

Такой тип, как Тай Пенг, был бы неплохим спутником в странствиях по Реке. Если бы только он не докучал своими проповедями!

Что же все-таки может произойти за грядущие десятилетия?

Сейчас, когда он превратился из ткача лишь в ниточку в паутине темных замыслов, ему удастся предсказать немногое: кто-то сумеет добраться до Вироландо, кто-то — нет.

Самые стойкие обнаружат там послание. Некоторые даже расшифруют его. Среди них будут и избранники Икса, и агенты этиков.

Кому удастся первым добраться до Башни?

Это должен совершить он.

Ему придется пережить все опасности похода. Пожалуй, самая большая из них — неизбежная битва двух грандиозных кораблей. Клеменсу суждено схватиться с королем Джоном, убить его или захватить в плен. Возможно, весьма возможно, что оба судна и их экипажи погибнут.

Какая жестокость! Какое безрассудство!

И все — из-за бешеной жажды мести, которая охватила Клеменса. Как могло это случиться с самым миролюбивым из людей?

Почему ему не объяснили, что это всего лишь детский каприз?

Иногда ему хотелось согласиться со словами, произнесенными Оператором в дурном расположении духа:

«Человечество — кость, застрявшая в глотке Бога.»

Но... «С благословения дьявола и лед возгорится!»

Владыка Темных Истин держит нити событий в своих руках.

— Что? Что это?!

Мерцающие линии и знаки исчезли.

Приоткрыв рот, он несколько секунд всматривался в глубь чаши, потом пробормотал череду коротких команд. Внутренность цилиндра оставалась серой, мертвой.

Он стиснул зубы. Итак... произошло самое страшное. Вышли из строя какие-то элементы в сложнейшем комплексе сателлита! Ничего удивительного... После тысяч лет непрерывного функционирования вся система нуждалась в проверке, но кому это по силам?

Теперь он останется в неведении о судьбах людей. Он слеп и бредет во мраке, окутанный ночным туманом... Внезапно он почувствовал себя будто пилигрим, брошенный на пустынном берегу спутниками... Он стал тенью среди теней...

Какие препятствия ждут его в пути? Что может случиться? О... лишь бы не... Но если это случилось, он должен спешить.

Он встал, распрямил плечи.

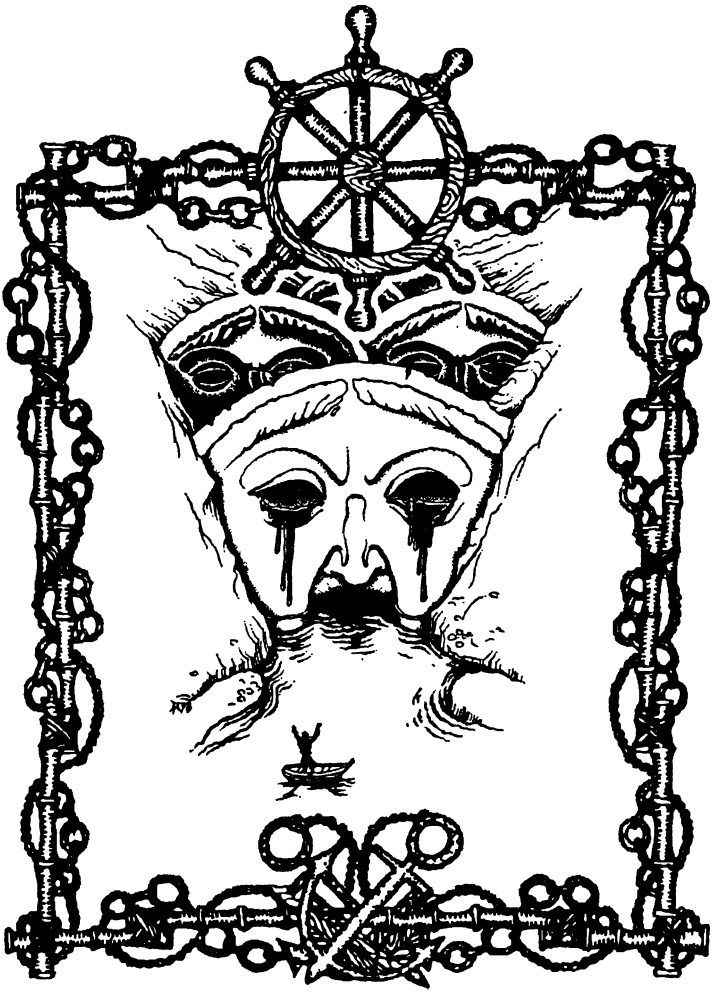
Пора отправляться!

Тень среди теней, выпавшая из времени своей реальности...

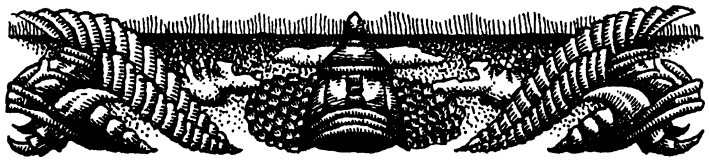
Как каждый избранник или агент, как каждый живущий в мире Реки, как каждое разумное существо, он обязан возжечь свой свет.

Да будет так!

РЕКА ВЕЧНОСТИ

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

В четверг, двенадцатого августа 1983 года, в десять часов утра, как раз в тот момент, когда мои пальцы уже легли на клавиши пишущей машинки, чтобы отстучать начало этого вступления, я внезапно заметил небольшой странный объект, оказавшийся прямо у меня перед носом. Хотя, не наклоняясь вперед, мне не удалось разглядеть его отчетливо, я сразу догадался, что это должно быть паук. В самом деле — ну какая еще тварь могла так медленно и осторожно, выдерживая идеально ровную линию, спускаться с потолка на мой стол?

Да, так оно и есть! Паучок, очень маленький и незаметный, аккуратно приземлился на лист бумаги, торчавший из моей пишущей машинки, отцепил удерживающую его клейкую нить и замер, словно призадумавшись. Затем он отвернулся от меня и быстро сполз с бумажного листа; наверно, сейчас он находится где-то у меня на столе.

Но если заблудившись по несчастливой случайности, он ухитрился залезть в недра пишущей машинки, то, вполне вероятно, я уже успел раздавить его. Не слишком радостный конец — ведь я, вообще-то говоря, всегда с симпатией относился к представителям рода паукообразных. Я позволял им охотиться за мухами в моем доме (вот мух я терпеть не могу!), даже невзирая на то, что иногда пауки доставляют мне неприятности — особенно когда их замечает моя жена.

Глядя на паучка, я сразу вспомнил одну старую историю — о Брюсе и пауке. Я читал ее очень давно, еще когда был ребенком, и суть этой истории заключалась в том, что в любом деле, как бы трудно вам не приходилось, нужно всегда идти до конца и не сдаваться ни при каких обстоятельствах. А в чем же тогда смысл сегодняшнего происшествия с маленьким паучком? Да в том, что лишь от наших собственных поступков зависит, как повернется жизнь в следующий момент. В том числе и моя собственная жизнь могла бы сложиться совсем иначе, если б я не принял участие в том зло-

получном конкурсе, который проводило издательство «Shasta Publishers».

Именно этот конкурс повлек за собой длинную цепь неприятных событий, произошедших со мной в 1952 году и позже. Именно после него я бросил работу на сталепрокатном заводе «Keystone Steel & Wire», на котором трудился до того целых одиннадцать лет. Именно из-за этого неожиданного успеха я решил стать профессиональным писателем. Мне было тридцать четыре года, я был женат и имел двух маленьких детишек, и жили мы тогда в городке под названием Пеория, штат Иллинойс. Жили до тех пор, пока я аккуратно выплачивал взносы за дом. Я продал «Любовников» («The Lovers»), свою первую большую вещь, а также кое-какие рассказы научно-фантастическим журналам и пребывал в полной уверенности, что я смогу и дальше точно таким же образом обеспечивать свою семью и поддерживать тот уровень дохода, к которому мы уже успели привыкнуть (и который никак нельзя было считать слишком большим — ведь у нас не было даже собственного автомобиля). Я прочел массу книг по различным предметам и получил степень бакалавра английской литературы, однако в премудростях издательского дела разбирался примерно так же, как бедуин в акулах. Я был тогда настолько неискушен и наивен (хотя сам, конечно, этого не подозревал), что мне просто сам Бог велел угодить в какую-нибудь веселенькую историю.

Идея устроить конкурс на лучший научно-фантастический роман принадлежала Мелвину Коршаку. Коршак являлся владельцем и заодно президентом небольшого чикагского издательства «Shasta», которое специализировалось на выпуске книг в стиле научной фантастики и фэнтези. Издательство Коршака выпустило в свет несколько поистине превосходных книг в твердой обложке, которые сейчас могли бы украсить любую коллекцию подобного рода (когда-то у меня было много таких книжек, но, к сожалению, все пропало во время наводнения 1968 года в Лос Анджелесе). Вице-президентом издательства был Тед Дикти.

Итак, Мелвин Коршак совместно с издательством «Pocket Books» организовал этот конкурс, и обещанная ими награда выглядела весьма внушительно: три тысячи долларов от «Pocket Books» плюс тысяча от «Shasta» — после че-

го, естественно, «Shasta» издает роман-победитель в твердой обложке, а «Pocket Books» — в мягкой. Кроме того, Коршак брал на себя не только проведение конкурса, но и всевозможные административные, финансовые и литературные детали.

Четыре тысячи долларов были для меня огромными деньгами, да и продажа книг в мягкой обложке могла также принести немалую сумму — тем более, что они выпускались в свет таким широко известным издательством, как «Pocket Books». Однако окончательно и бесповоротно я решил участвовать в состязании лишь за месяц до последнего дня приема конкурсных работ. Это означало, что за оставшиеся тридцать дней мне необходимо разработать основной сюжет романа, продумать его, написать черновой текст, затем выправить его и, наконец, отослать рукопись своего произведения издательству «Shasta». Для того, чтобы корпеть над деталями, времени не оставалось. Я плотно уселся за свое писание и проводил двенадцать-шестнадцать часов в день за пишущей машинкой. Как только я заканчивал очередные десять-двенадцать страниц и вносил карандашом все необходимые поправки, один из трех моих приятелей немедленно начинал перепечатывать их набело. Этим занимались либо Рандел Гарретт, который жил с нами одно время, либо Ривренд Джон Блумквист, наш сосед, либо, наконец, моя жена Бетти. Гарретт — мой коллега по писательскому ремеслу — приехал к нам в гости из Цинциннати, штат Огайо, чтобы вместе отметить Рождество, да так и остался. Блумквист, когда-то священник нашей церкви, с некоторых пор пребывал не у дел — видимо потому, что читал проповеди в основном о летающих тарелках и их происхождении, а не о более земных и доступных вещах. Ну, а Бетти... Бетти тоже помогала мне печатать роман в те часы, когда она не была занята готовкой, уборкой, стиркой и детьми.

Работа над романом, который я (как мне казалось) весьма оригинально озаглавил «Благодарен за плоть» («Owe For The Flesh»), протекала столь же бурно, как и течение той самой Реки. И временами я оказывался абсолютно в таком же положении, как и мои герои, населяющие ее берега — я не понимал, что я делаю и где нахожусь.

К последнему дню приема конкурсных работ мой роман перевалил за отметку в сто пятьдесят тысяч слов. Когда были отпечатаны последние двадцать страниц, я тут же побежал к ближайшему почтовому отделению (уже не помню, как я до него добирался — автобусом или на попутной машине), чтобы мою бандероль проштемпелевали сегодняшним числом. Я чувствовал себя вконец измотанным. Только неделю спустя я снова смог заставить себя усесться за пишущую машинку и начать работу над новым рассказом (который немедленно отвергли и Джон Кемпбелл из «Astounding», и Хорэс Голд из «Galaxy»). Я не помню, сколько дней прошло до того знаменательного вечера, когда Коршак позвонил мне и сказал, что мой роман победил в конкурсе; помню только, что ожидание показалось мне почти бесконечным.

И все-таки я выиграл и ухватил свою удачу за хвост! Вот только оказалось, что удача как ящерица: отломившийся хвост остается у вас в руках, в то время как сама рептилия уже проворно уползает в кусты.

С нетерпением я принялся ждать того дня, когда мистер Льюис, вице-президент издательства «Pocket Books» (и племянник небезызвестного Синклера Льюиса), должен будет в торжественной обстановке вручить мне чек и оказать все остальные почести. Состоится это грандиозное действо не где-нибудь, а в самом Чикаго, и потому репортеры крупнейших газет города обязательно почтят его своим присутствием... Одним словом, неплохая реклама для провинциального писателя из какой-то там Пеории!

Самой серьезной проблемой для меня оставалось то, что мне просто-напросто не хватало денег на поезд до Чикаго и обратно. Коршак заявил мне, что чек от «Pocket Books» еще не пришел, но согласился субсидировать мою поездку в Чикаго от имени своего издательства. Естественно, с последующим вычетом этой суммы из моих призовых денег.

Бетти поинтересовалась, почему бы тогда ему не выдать положенную часть награды — эту злополучную тысячу долларов? Я не помню точно, что он ответил, однако ответ его показался мне весьма уклончивым.

Перед церемонией вручения чека мы с Бетти побывали в офисе издательства «Shasta», где и встретились с Коршаком, Тедом Дикти и его женой, Джулиан Мей. Все они были

очень дружелюбны, но больше всего мне хотелось пообщаться с Джулиан — ее первый рассказ в «Astounding» произвел на меня очень положительное впечатление. А вот отрицательное впечатление произвело то, как Коршак обращался с Тедом Дикти. Казалось, что он держал своего младшего партнера за мальчика на побегушках.

Затем Льюис, Коршак и я отправились еще в какое-то место (уже не помню точно, куда именно), где нас троих сфотографировали как раз в тот момент, когда Коршак вручает мне чек. Чек почему-то оказался без суммы и без подписи. Предупредил ли он меня, что чек этот будет пустышкой, или я обнаружил все сам, как только взял его в руки? Не помню... Если бы я писал роман обо всем том, что произошло со мной тогда, я поставил бы эту сцену последней. В любом случае Коршак оправдывался тем, что издательство «Pocket Books» якобы потребовало урезать роман. Сто пятьдесят тысяч слов — слишком много для них; книжка выходит такой толстой, что уже не помещается в карман, и, кроме того, чересчур дорогой для того, чтобы предлагать ее людям, которые обо мне и слыхом-то не слыхивали. Да и жанр у нее такой новый, такой необычный — научная фантастика! Чтобы не попасть впросак, нужно выполнить все необходимые переделки, и так далее, и так далее, и так далее...

Я был очень расстроен, а Бетти просто пришла в ярость. На обратном пути она сказала мне, что вся эта история кажется ей подозрительной. Более того: она не доверяет Коршаку. Скользкий тип, и глаза у него как у гремучей змеи... С чего бы это издательству «Pocket Books» сначала принимать мой роман, а потом отказываться и предлагать переделку? Неужели нельзя было сразу заявить, что роман пойдет у них только в урезанном виде? Я должен немедленно забрать свою работу с конкурса и так далее, и так далее, и так далее...

Между тем, мне удалось заключить с издательством «Shasta» контракт на издание в твердом переплете расширенной версии моей новеллы «Lovers». После нескольких месяцев задержки я даже получил от них аванс (в размере тысячи долларов, если мне не изменяет память). Кроме того Коршак наконец подкинул мне сотню-другую из моих давно обещанных призовых денег. Все эти заработки позволили

нам какое-то время продержаться на плаву, однако работая над сокращением своего романа, я не имел возможности писать новые рассказы, а потом Бетти заболела... Счета из больницы окончательно подорвали наш жалкий бюджет.

Именно подобным образом мы и пришли к тому, с чего нам следовало бы начать, как только был получен пустой чек — мы наняли литературного агента. Даже не помню ее имени; мне кажется, что она также была еще и агентом Джона Стейнбека. Она считала, что у научной фантастики большое будущее и, видимо, только поэтому ей хотелось заполучить писателя-фантаста в свои клиенты. Выслушав нашу историю, она отправилась в «Pocket Books» и навела там все справки, в результате чего бомба замедленного действия, которой так опасался Коршак, взорвалась со страшной силой.

Как выяснилось, издательство «Pocket Books» уже давным-давно выслало чек на три тысячи долларов Коршаку. Кроме того, издательство «Pocket Books» в принципе не могло потребовать от меня никаких переделок и сокращений в романе, потому что оно до сих пор не получило от Коршака его текст и не меньше нас самих было обеспокоено этой непонятной задержкой.

Так же оказалось, что еще два писателя, Джон Кемпбелл и Реймонд Джонс, не получили своих денег от издательства «Shasta».

Объем сокрытой от нас информации вырастал, как скатывающийся с горы снежный ком. Коршак использовал мои деньги, а также гонорары Джонса и Кемпбелла, вбухав их в проект, который, как он надеялся, должен был увенчаться выходом колоссального бестселлера. Как мне говорили, Коршак вовсе и не считал, что обманывает нас. Он просто «позаимствовал» наши деньги, чтобы вложить их в производство толстой и богато иллюстрированной книжки, написанной (возможно) какой-то голливудской знаменитостью по части грима и макияжа. Считалось, что книга пойдет «на ура» среди миллионов гадких утят, мечтающих приобщиться к секретам красоты голливудских кинозвезд.

Но книга провалилась. Коршак по уши залез в долги; Кемпбелл, Джонс и я были обобраны до нитки. Наши деньги к нам так никогда и не вернулись.

Коршак признал себя банкротом, но вскоре начал все сначала и организовал новое издательство. Оно тоже обанкротилось. Коршак потерял свой бизнес, свою квартиру, свою собаку и свою жену. После этого он работал в каком-то третьеразрядном ночном заведении, чем ему, возможно, и следовало заниматься с самого начала. По крайней мере, мы так думаем. Потом умер его богатый дядюшка, оставив ему довольно крупную сумму. Коршак перебрался в Калифорнию, где, по слухам, ему так и не удалось выучиться на юриста. По утверждениям других источников — может быть, все-таки удалось.

Я никогда больше не слышал ни о Коршаке, ни о его заместителе, Теде Дикти. Один только раз мне удалось кое-что о них узнать через вторые или третьи руки — от агента одной из аргентинских книжных фирм. Коршак ухитрился продать им права на издание «Любовников» — несмотря на то, что наш с ним контракт был давно уже разорван (ведь, кроме аванса, он мне так ничего и не заплатил). И что хуже всего, Коршак даже не потрудился отослать им рукопись.

Пострадал и художник Мел Тернер, нарисовавший превосходные иллюстрации для суперобложки «Любовников» (я видел их во время визита в офис «Shasta»). Тернеру никто не заплатил за его работу; картины ему тоже так и не вернули.

Для нас с Бетти события развивались от плохого к худшему, но вдаваться в подробности и вспоминать, насколько туго нам тогда пришлось, мне не хочется. Я был вынужден снова устроиться на работу: на этот раз — на молокозавод, что позволило мне сохранить хорошую физическую форму, а также каждый день объедаться мороженым. Издательство «Pocket Books» было настолько разочаровано своим первым научно-фантастическим проектом, что поспешило откреститься от научной фантастики вообще. А я, так как для моего «Мира Реки» просто не оказалось издателя, не долго думая, засунул роман в стол.

В 1963 или в начале 1964, одиннадцатью годами позже того, как была написана первая версия «Мира Реки», я обосновался в Скоттсдейле, штат Аризона, трудясь литературным обработчиком в одном из военных отделов фирмы «Моторола». К тому времени ситуация с рынком научно-фанта-

стических произведений существенно изменилась к лучшему, и потому я решил снова извлечь на свет божий свое полузабытое детище. Работая по вечерам и выходным дням, я расширил и практически полностью переписал старую сокращенную версию «Мира Реки».

Если самая первая версия романа насчитывала около ста пятидесяти тысяч слов, а сокращенная — порядка семидесяти тысяч, то третья версия получилась в сто тридцать семь тысяч слов.

Персонаж, прототипом которого послужил сэр Ричард Френсис Бартон, в первой версии именовался Ричардом Блэком. Сэма Клеменса в той же версии звали Сэм Хэлли. Причинами подобной маскировки для меня послужили следующие соображения: используя в своем романе имена реальных личностей, я опасался того, что могу затем подвергнуться преследованиям со стороны их потомков. Поскольку писал я тогда в страшной спешке, у меня не было времени разузнать, соответствуют ли мои опасения действительности. Федор Борбич из первой и второй версий романа в третьей наконец сделался Федором Достоевским. Не знаю, имело ли смысл маскироваться и в этом случае — родственники и потомки Достоевского не смогли бы причинить мне каких-либо неприятностей. Возможно, тогда я просто считал, что стоит от греха подальше держать всех своих реально существовавших персонажей под вымышленными именами? Что ж, может быть и так, но теперь я решил полностью отойти от этой традиции. Полностью — потому что один подобный прецедент у меня уже имелся: Бешеного Билла Хикока во всех трех версиях звали именно Бешеным Биллом Хикоком. Насколько мне известно, у него не было ни детей, ни родственников.

Эверетт Блейлер, технический консультант издательства «Shasta», заверил меня, что не существует никаких запретов, мешающих мне использовать для своих персонажей их настоящие имена. Уже во второй версии романа я поменял Хэлли на Клеменса. Не помню уж по каким причинам, но Бартон в той же версии пока что остался Блэком.

(Необходимо заметить, что Эверетт Блейлер не имел никакого отношения к устроенному Коршаком надувательству.

К тому времени, когда все выяснилось, он уже давно расстался с издательством «Shasta».)

Иезекиил Харди появился в первой и во второй версиях. Этот человек существовал в реальности, и упоминания о нем можно обнаружить в первой части «Моби Дика». В сериале, выпущенном впоследствии издательством «Punthams», Харди появляется лишь в третьей книге («The Dark Design») и играет гораздо более скромную роль, чем в ранних версиях.

Филлис Макбейн, подруга Бартона-Блэка, выдуманный персонаж, однако он списан с одной женщины, которую я когда-то знал. Филлис присутствует в первых трех версиях. Алиса Харгривс появляется в третьей версии и позже (причем сначала я сделал ее подругой Фригейта, а не Бартона).

Джо Кейвмен (Пещерный Человек, гигантопитек), в третьей версии сделался Джо Миллером.

Голдберг из первой и второй версий в третьей стал Львом Руахом.

В процессе работы над третьей версией романа мне пришлось существенно изменить сюжет, выкинуть часть персонажей и взамен ввести целую кучу новых. Чарбрасс стал Файбрассом. Ранее работавший на дровах корабль Сэма Клеменса получил электромотор. В самом деле — зачем нужны дрова, если под рукой всегда находятся грейлстоуны?

В то время, когда Ранделл Гарретт жил с нами, я подбросил ему несколько идей для его фантастических рассказов. Он, в свою очередь, кое в чем помог и мне. Например, разработал проект пулемета с паровым приводом — подобные пулеметы были затем установлены на «Ненаемном». Он вообще очень любил различные механизмы и приспособления. Заряжаемые с казенной части пятидесятидюймовые пистолеты, стреляющие пластиковыми пулями, также придуманы Ранделлом Гарреттом.

В первой версии Река вытекала из северного полярного моря планеты, змеилась вниз через все полушарие вплоть до самого южного полюса, оборачивалась вокруг него и затем точно так же, только уже в противоположном полушарии, текла вверх — и, наконец, впадала обратно в северное полярное море. Во второй версии романа Река выглядит по другому. Не могу сейчас сказать, почему я решил изменить

ее первоначальный вид. Возможно я думал, что так Река будет выглядеть более реалистично. В третьей версии я опять вернулся к первоначальному варианту.

Та книга, которую вы сейчас держите в руках, во многом отличается от окончательных версий романа, выпущенных издательством «Putnams».

Мне казалось, что третья версия («Owe For A River») заметно выигрывает по сравнению с первыми двумя. Я отослал рукопись романа Бетти Баллантайн, но она отвергла ее, мотивировав тем, что книга, по ее мнению, получилась «слишком приключенческой». Странная отговорка — ведь моя «Одиссея Грина» («The Green Odyssey»), изданная «Ballantine Books», так же, как и многие другие вещи, выпущенные этим издательством, относились к жанру именно приключенческой фантастики. Кроме того, хотя роман «Owe For A River» не мог конкурировать с кантовской «Критикой чистого разума» по количеству вложенных в него философских идей, утверждать, что он не содержит вообще никакого серьзного философского основания, было бы тоже неправильно.

Разочарованный, но не устрашенный, я отослал манускрипт Фредерику Полу, редактору таких научно-фантастических журналов, как «Galaxy», «Worlds of IF» и «Worlds of Tomorrow». Пол возвратил мне роман с пометкой, что, несмотря на то, что вещь очень длинная, она тем не менее остается весьма сжатой по содержанию. Представленная в романе концепция не умещается в рамки одной или даже двух книг. Разработать ее во всей полноте можно лишь на страницах большого сериала. Почему бы мне не написать такой сериал из небольших романов или повестей, которые будут печататься в одном из половских журналов?

Прекрасная мысль! И, таким образом, после очередной переделки, появляется четвертая версия. На этот раз я переношу начало повествования на двадцать лет назад — в то время, когда Бартон, вместе с тридцатью пятью миллиардами остальных жителей Земли, впервые пробуждается на берегах Мира Реки.

Первой в новом сериале стоит повесть «День Большого Плача» («The Day of the Great Shout»), опубликованная в январском выпуске журнала «Worlds of Tomorrow» за 1965

год. «Мир Реки» («Riverworld»), несколько выпадающая из основного потока повесть о Томе Миксе и Иисусе Христе, появилась в «Worlds of Tomorrow» в январе 1966 года. Затем последовало продолжение «Дня Большого Плача» — «Экспресс самоубийства» («The Suicide Express»). Оно было напечатано в мартовском номере «Worlds of Tomorrow» за 1966 год.

Следующие две повести — «Упавшая звезда» («The Felled Star», «Worlds of IF» июль и август 1967 года) и «Сказочный корабль» («The Fabulous Riverboat», «Worlds of IF» июнь и август 1967) посвящены Сэмюэлю Клеменсу.

Две повести о Бартоне и две о Клеменсе послужили основой для двух больших книг, выпущенных издательством «Putnams» — «Восстаньте из праха» («To Your Scattered Bodies Go») и «Сказочный корабль» («The Fabulous Riverboat»). После выхода в свет этих двух книг дела с сериалом наладились, и я смог позволить себе работать без спешки. Мне потребовалось еще двенадцать лет, чтобы наконец завершить основной цикл романов о Речном Мире. Последний роман — «Боги Мира Реки» («Gods of Riverworld») — выйдет в издательстве «Phantasia Press» в этом месяце. Еще через месяц или около того его планирует выпустить и издательство «Putnams».

Итак, сериал, над которым я работал на протяжении тридцати одного года (1952 — 1983) закончен (признаюсь, что в перерывах между написанием основных романов сериала мне тоже хватало работы). Теперь перейдем к странной истории той самой книги, которую вы держите в руках. Несколько лет назад, в разговоре с Алексом Берманом из «Phantasia Press», я упомянул, что неплохо было бы издать самую первую оригинальную версию Речного Мира — а, возможно, и все остальные. Насколько мне было известно, наиболее полный текст первой версии романа был продан на одном из аукционов научно-фантастической литературы в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. К сожалению, я не знал даже, кто именно купил мой роман. Алекс пытался отыскать этого человека, но без особого успеха.

Потом кто-то из моих друзей сообщил мне, что, вроде бы, у Дана Алдерсона из Туджанги, штат Калифорния, есть копия одной из версий. Я связался с ним, и Дан великодущ-

но разрешил мне сделать копию с его копии. Просмотрев ее, я пришел к убеждению, что это скорее вторая версия романа, а вовсе не первая. Я был абсолютно уверен, что вторая версия насчитывает порядка семидесяти тысяч слов, в то время как вариант Алдерсона оказался существенно больше.

И как раз в тот момент, когда мы с Алексом Берманом почти что заключили контракт на издание копии, обнаруженной у Дана Алдерсона, я получил по почте толстый пакет и письмо от Эверетта Блейлера. Оказывается, разбирая залежи всевозможной макулатуры у себя в гараже, Блейлер наткнулся на еще один вариант «Речного Мира». Когда же до него дошли слухи о том, что я разыскиваю первый вариант романа, он решил послать мне свою находку. Однако ее заглавие, толщина и литературный стиль неоспоримо свидетельствовали о том, что это не первая, а какая-то другая версия романа — по всей видимости та самая, которую я написал по заказу Мелвина Коршака.

В итоге оказалось, что версия романа, принадлежащая Дану Алдерсону, не первая, а третья — та, которую я посылал Фредерику Полу. Версия же, обнаруженная Блейлером в своем гараже — не первая, а вторая.

Книга, которую вы держите сейчас в руках, является второй версией оригинального романа «Owe for the Flesh». Первая, кажется, утрачена навсегда. Хотя вполне возможно, кто-нибудь еще и найдет ее, перебирая пачки старых газет у себя на чердаке, и пришлет мне. По крайней мере находка Блейлера показалась мне тогда настоящим чудом. Так почему бы не случиться еще одному?

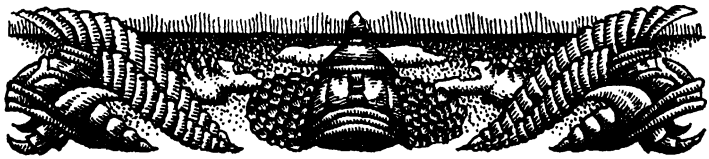
Я с трудом удержался от соблазна слегка переработать и пригладить текст романа. Здесь он именно такой, каким сошел с моей пишущей машинки в 1953 году, за исключением нескольких опечаток, которые я выправил, прежде чем отдавать роман в набор.

И последнее. Хотя Коршак не собирался оказывать мне услугу, облапошивая меня со своим конкурсом на лучший научно-фантастический роман, как выяснилось впоследствии, он только сыграл мне на руку. Постоянно откладываемые публикации романа и многочисленные переделки его текста позволили концепции Мира Реки окончательно вызреть и наиболее полно раскрыться на страницах целого се-

риала. Наверно, я должен быть в чем-то признателен Коршаку, и что самое странное, я действительно признателен ему. Пройдя через эту историю, я многому научился. Прежде всего, я научился писать много и хорошо. Я приобрел достаточно опыта и мастерства, чтобы успешно справиться со столь глобальным замыслом, как идея Мира Реки.

Что ни говори, для писателя любой жизненный опыт — как зерно для мельницы: все перемелется, и будет мука. Главное, чтобы жернова жизни не покалечили нас самих.

Филип Жозе Фармер

«Я хотел бы быть свободным, как ветер; и вот имя мое значится в долговых книгах всего мира. Я богат... Но я в долгу за самую плоть моего языка, каким я сейчас выхваляюсь.»

Герман Мелвилл «Моби Дик или Белый Кит»

ЧАСТЬ 1

ПО ВОДАМ ВРЕМЕН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ты обязан мне за плоть! — Голос, исходивший от темной фигуры, был гулким и звучным; лицо человека скрывал капюшон плаща.

Ричард Блэк застонал и попытался отодвинуться от таинственного незнакомца.

— Плати! — потребовал тот.

— У вас имеется судебное постановление? — спросил Ричард Блэк. — Огласите его! Весь счет по пунктам, как полагается, сэр!

— По пунктам? — прогрохотал голос из-под скрывавшего лицо капюшона. — Ты действительно этого хочешь? Тогда оглядись вокруг! И загляни во тьму! Там ты найдешь свое постановление. Там, и повсюду!

Бледная рука с длинными, точеными, почти женскими пальцами протянулась к Блэку. Ладонь проникла в его грудь, словно не ощущая сопротивления плоти, растопыренные пальцы скользнули сквозь кожу и ребра, начали по-хозяйски шарить внутри, схватили что-то, отдернулись. С белых пальцев капала кровь — с пальцев и того предмета, что лежал на ладони незнакомца.

— Твое сердце!

— Верни его... — с мольбой прошептал Блэк, одновременно сознавая, что эта просьба выглядит странной — как, впрочем, и весь его сон.

Было нечто ужасное в том, что он должен молить кого-то; это совершенно не вязалось ни с его характером, ни с убеждениями.

Уязвленный и разгневанный, он упрямо шагнул вперед, вглядываясь в то, что серело под капюшоном. Вначале он увидел лишь что-то неопределенное, аморфное, бледно-серое; затем, под его пристальным взглядом, пятна света и клочья тьмы начали трансформироваться, морщиться, будто блестящая ткань, слагаясь в новые черты. Ткань извивалась и трепетала, пока перед ним не возникло некое подобие лица.

Оно походило на человеческое — самый зловещий лик, который Блэку когда-либо доводилось видеть. Факт этот значил немало: за семьдесят один год своей земной жизни и двадцать лет, проведенных на планете Реки, Блэк странствовал долго и далеко, поднимался высоко, опускался глубоко и встречал многие неприятные вещи.

Однако представшие его взгляду черты не отличались животной грубостью; не стояла на этом челе и печать низости или разврата. Его зловещее выражение было тенью той скрытой силы, той хищной и каменно-несокрушимой мощи, что была присуща этому существу, отзвуком переполнявшей его энергии, тайным и диким позывом к бунту.

Несомненно в чертах незнакомца скрывалось некое противоречие: высокий выпуклый лоб принадлежал мыслителю, но щеки казались сухими и запавшими, скулы сильно выступали; нос, прямой и четко очерченный, нависал над полными губами; крепкие челюсти и твердый подбородок, круглившийся словно кулак, завершали эту картину. И глаза!.. Мрачные, исполненные магнетической силы, они принадлежали человеку действия. Быть может, скорее падшему Люциферу или мученику Прометею: Люциферу, вожделевшему власти над миром; Прометею, похитившему огонь — но не для себя, а для жалких пигмеев-людишек.

Лик дьявола, лик бога...

Чело, которое невозможно позабыть...

Его лицо...

— Я вижу, ты узнал меня,— раздалось из-под капюшона.— Впрочем, неважно! Я держу твое сердце в руках... И какой же процент, какая прибыль положены мне за это?

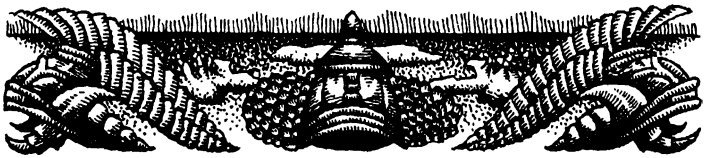
— Верни его,— молил Блэк,— не отнимай...
— Да?
— Не отнимай...
— Прощай.
Блэк пронзительно вскрикнул.
— Нет, ты не можешь сказать «прощай!» Что я должен сделать? Говори! Что я должен сделать?

* * *

Но этого он так и не узнал; Филлис уже расталкивала его, шепча: «Дик, Дик, проснись... Тебе привиделся кошмар!»

Ее лицо белело в лунном свете, струившемся сквозь распахнутую дверь их хижины. Еще не стряхнув дремотную одурь, Блэк подумал, что черты его подруги странным образом расплылись, исказились, словно став удивительным и зловещим слепком с лика, который он видел под капюшоном; сквозь него зыбким маревом проглядывало ее собственное лицо. Затем это впечатление, столь же призрачное, как лунный свет, исчезло, и долгое время с той ночи Блэк не вспоминал о нем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обычно у Ричарда Блэка переход от глубокого сна к напряженному бодрствованию происходил быстро и безболезненно. Но сейчас, пусть ненадолго, он забыл, что находится не на Земле. Находится вот уже целых двадцать лет.

Или дольше...

Насколько дольше?

Блэк не знал. Он также не имел ни малейшего понятия, как называется то место, что заменило ему навеки утраченную родину.

Он просто жил в своей хижине, стоявшей на всхолмленной прибрежной равнине, и огромная Река неторопливо струила мимо нее свои воды.

Некоторые утверждали, что долина Реки является раем.

Нет, не соглашались другие, это всего лишь чистилище.

Но были еще и третьи, которые считали долину сущим адом.

Четвертые же презрительно замечали: и дураку ясно, что долина Реки — ни то, ни другое и ни третье. Просто теперь человечество живет на планете земного типа, обращающейся вокруг звезды, похожей на Солнце, во Вселенной, в которой привычные физические законы выполняются с такой же неизбежной строгостью, что и на старушке Земле.

«Но как же тогда объяснить,— говорили те, кто считал данное место адом, раем или чистилищем,— что мы — все мы, когда-то умершие — теперь живем снова, что мы опять молоды и находимся здесь — в долине, протянувшейся вдоль берегов Реки?»

Что ж, кое-кто пытался найти объяснение и этому факту. Вполне научное объяснение! Да что там — вы и сами можете поиграть в такую игру, действуя либо с позиций здравого смысла, либо наоборот, с полным отсутствием такового.

— Бога ради, Дик! Проснись! — низкий голос Филлис прозвучал над самым его ухом.— Тебе снова привиделся тот кошмар? День Великого Плача?

Блэк сел в постели, обхватив руками согнутые колени.

— Нет, на этот раз — нет,— ответил он.— Кое-что другое.

Он рассказал ей о своем сне. А пока рассказывал, следил за ее реакцией. В той, земной жизни Филлис Макбейн была психологом, и потому не раз пыталась заняться скрупулезным анализом его кошмарных видений. Раньше Блэк никогда не воспринимал всерьез женский интеллект, но сейчас постепенно склонялся к мнению, что женщины, вероятно, вовсе не глупее мужчин. Скорее всего дела обстояли именно так; в его время им попросту не удавалось продемонстрировать свои таланты. Но, несмотря на столь серьезное заблуждение, Блэк всегда высоко ценил умственные способности своей подруги. Она не уступала ему во многом, а в кое-каких областях ей даже удавалось положить его на обе лопатки. Конечно, у нее было прекрасное образование — ведь в двадцатом столетии наука находилась на гораздо более высокой ступени развития, чем в позднюю викторианскую эпоху.

— И то существо сказало: ты обязан за плоть? — Филлис ненадолго умолкла.— Ты когда-нибудь читал «Моби Дика», Ричард? Этот роман написал один американец, его звали Герман Мелвил. Он был твоим современником.

— Нет, не читал,— неохотно признался Блэк.

— Да? В «Моби Дике» главный персонаж — капитан Ахав, китобой из Новой Англии, сильный, смелый и жестокий человек, одержимый навязчивой идеей. Понимаешь, он жаждал убить белого кита... совершенно определенного белого кита. Этот кит, Моби Дик, как бы являлся не обычным морским чудищем, а неким символом... Осознанно или нет, Ахав стремится уничтожить и то, и другое... И он был гордецом, дьявольским гордецом!

Немного поколебавшись, Филлис продолжила:

— Таким же гордецом, как и ты. И это,— торопливо добавила она с нервной усмешкой,— уже кое о чем говорит.

Так вот, Ричард, одна из самых драматических сцен в романе, когда одноногий Ахав проклинает своего корабельного плотника — тот, видишь ли, должен был смастерить ему но-

вый костыль из китовой кости. И он кричит — он вообще никогда не разговаривал нормальным голосом, а только кричал или ревел — примерно следующее: «О, жизнь! Вот стою я, горд, как греческий бог, но я в долгу у этого болвана за кусок кости, на котором я стою. Будь проклята эта всечеловеческая взаимная задолженность, которая не желает отказаться от гроссбухов и счетов. Я хотел бы быть свободным, как ветер; и вот имя мое значится в долговых книгах всего мира. Я богат... но я в долгу за самую плоть моего языка, каким я сейчас выхваляюсь.»[1]

— На что это ты намекаешь? — подозрительно спросил он.

— О, не обижайся, пожалуйста,— проговорила Филлис.— Я вовсе не хотела сказать, что ты похож на безумного капитана Ахава или что твоя мечта — добраться до истоков Реки — сродни его бредовой идее прикончить белого кита.

— А! Значит, ты вовсе этого не хотела?

— Давай не будем спорить, Дик... по крайней мере, не с самого раннего утра. Ты же знаешь, я давно не настаиваю, чтобы мы остались здесь, в Телеме, и закончили свои странствия. Куда ты пойдешь, туда и я. Так мы с тобой договорились, и именно так все и будет.

Я лишь хотела сказать, что любое человеческое существо, рожденное на свет, в конце концов превращается просто в кучку костей — да что там!.. в пыль, в прах!.. даже меньше, чем прах... И все-таки кто-то или что-то сочло себя в праве потревожить наши кости, вновь облачить их плотью и отправить сюда, в долину. Кто, как и зачем сделал все это, нам неведомо.

— Пока что ты не сообщила мне ничего нового,— заметил Блэк.

— Двадцать лет,— продолжала Филлис,— двадцать местных лет минуло с того дня, когда люди — все люди, кроме умственно отсталых и ребятишек младше пяти лет — очнулись на берегах Реки, пробудились нагие и растерянные, но вновь живые. Воистину, это был День Великого Плача! День, когда один и тот же вопль раздался из глоток милли-

[1] Герман Мелвилл «Моби Дик или Белый Кит», перевод И.М. Бернштейн (здесь и далее прим. переводчика)

ардов людей, раскиданных по необъятным просторам речной долины! Воскресшие могли вкладывать разные эмоции в свои крики и стоны, но главной была одна — ужас! Потому что никто из них, каких бы убеждений он не придерживался в прошлой своей жизни, не верил, что будет жить снова.

— Филлис,— сказал Блэк серьезно.— Я очень люблю тебя, но временами начинаю ломать себе голову — почему? Единственное, что может быть хуже мужчины, который всегда что-то недоговаривает — женщина, которая делает то же самое.

— Ну хорошо, хорошо, я договорю! Мне кажется, дорогой, дело в том, что многие из нас одержимы комплексом, сильнейшим комплексом. Мы знаем, что мы в долгу у кого-то — за плоть, за наши тела, за возможность жить снова; нам неизвестно только, кого же мы должны благодарить. И нам страстно хочется узнать это... это занимает все наши мысли, и потому...

— И потому,— перебил он,— я был бы совсем не прочь выплатить свой должок, только вот не могу сообразить — кому и как! И потому мне снятся кошмары, которые были бы совсем непонятны, если б мне не повезло заполучить в любовницы женщину с магистерской степенью по психологии.

— Дик, ты несешь какую-то чушь!

— Едва ли. Просто быть чьим-то должником всегда утомляет. А ведь я еще и перед тобой в неоплатном долгу... За то, чему ты соизволила меня научить...

— И теперь,— с неожиданной злостью в голосе произнесла Филлис,— теперь, когда ты высосал из меня все знания, пришел срок уплаты по векселям, не так ли?

Он не ответил ей. Филлис поднялась с постели и стала одеваться. Надела девственно белое нижнее белье, светло-желтую блузку, зеленую юбку ниже колена и ярко-красное кимоно, расшитое золотыми драконами.

Блэк тоже быстро натянул свое кимоно и шорты, и покинул хижину. Филлис вышла вслед за ним и встала рядом. Руки женщины обвились вокруг его талии, головка, увенчанная копной темно-каштановых волос, легла на грудь — Филлис не доставала Блэку даже до подбородка. Но, несмотря на свой небольшой рост, она вовсе не выглядела маленькой и

хрупкой; ее ладная фигурка казалась очень пропорциональной.

— Ты простишь меня? — прошептала она.— Не знаю, что на меня нашло... Это все волнения, Дик, тревоги... Я так беспокоюсь из-за Мюреля, да еще за твой корабль... будет ли он доделан в срок...

— Не бери в голову, Фил,— Блэк рассеянно похлопал ее по плечу.

Он пристально уставился на восток, в ту сторону, где долина начинала плавно закругляться, скрывая Реку в складках местности. Горные пики уже подернулись золотым сиянием встающего солнца, в то время как в низинах воздух еще продолжал сверкать серебристым лунным светом. Привычная картина — Блэк всегда просыпался незадолго до восхода солнца. Но сейчас его поразило нечто совсем иное, то, чего он раньше никогда не замечал — в эти утренние часы над долиной стояла абсолютная тишина. Просто невероятная! Но ведь тут, кроме людей, не обитала ни единая живая тварь, крик, щебет или рев которой мог бы хоть ненадолго разогнать воцарившееся на берегах Реки безмолвие. Нависшая в плотном воздухе тишина нарушалась лишь посвистом ветра, игравшего полами их кимоно. И это — все; ни лая собак, ни суматошного кудахтанья кур, ни шумной воробьиной возни — ничего подобного здесь не было и в помине. Природа словно онемела. Не было даже мух, которые могли бы с жужжанием биться в оконные стекла.

Ни буйства красок, ни богатства оттенков, ни какофонии разнообразных звуков здесь не существовало в принципе. Здесь были лишь люди, мелкая рыбешка, плавающая в речных водах, высокая трава, что шелестящим ковром покрывала всю долину, могучие, напоминающие сосны деревья да вездесущие заросли похожей на бамбук растительности. И — тишина... Возможно, если бы кто-то захотел забавы ради перечесть все невидимые глазу бактерии, все микроорганизмы, превращавшие отмирающую растительность в перегной, ему не пришлось бы трудиться слишком долго. В долине никто не страдал от инфекционных заболеваний; это была на редкость стерильная планета — и не только в том, что касалось микробов и бактерий.

Непроизвольно наморщив лоб, Блэк вбирал в себя панораму раскинувшейся перед ним долины.

— Вот — повелитель и властелин всего, что он видит, — поддразнила его Филлис.

Обернувшись, он криво усмехнулся ей в ответ. Хотя, если быть честным до конца, Филлис не слишком далеко уклонилась от истины: все, что Блэк видел на северном берегу Реки, принадлежало только ему и никому иному. Холм, на котором он стоял, небольшая равнина и два холма поменьше на противоположном ее краю, так называемый город, Замок Блэка, Торговая Площадь, причалы и пристани, и, наконец, почти законченная «Речная Комета», казавшаяся такой огромной на этом берегу — его гордость, его чудесный корабль, оснащенный паровым двигателем. Ему принадлежало и множество хижин, рассыпавшихся темными точками по склонам холмов и по равнине, и форт, охранявший подходы к горам, и Копи Упавшей Звезды — единственный известный Блэку источник металла в этом мире.

Ему принадлежали и люди, обитавшие на десятимильном скруглении Реки, которые называли себя гражданами демократического государства Телем.

Демократического? Да, так! Вероятно, сей термин наиболее полно отражал действительность. Однако ему было известно, что собственные его люди — да и прочие, обитавшие на берегах бесконечной Реки, за спиной зовут его королем Ричардом Первым.

Ну, пусть... Не его вина, что обстоятельства наделили его большей властью, чем хотелось бы... Иначе Телем не сумел бы выжить! Когда исчезнет непрекращающееся давление извне, он откажется от власти... Может быть, это произойдет и раньше, если «Речную Комету» удастся достроить достаточно скоро...

А пока, подумал он, может ли кто-нибудь заявить, что Телем принадлежит не ему? Он владел им по справедливости. Он сражался и убивал ради него, он создал его, он, в Год Кометы, начал разыскивать — и нашел! — место, где потом была заложена Копь. В поисках метеоритного железа он пробил шурфы в горном склоне, он выстроил Замок, он написал Хартию Телема, он руководил строительством «Реч-

ной Кометы»; им же были организованы телемская армия и Поисковая Служба... Да, он владел Телемом по праву!

— Дик,— казалось, голос Филлис, нарушивший его раздумья, долетел с огромного расстояния,— ты займешься своими упражнениями до того, как мы спустимся вниз?

— Пожалуй,— ответил он, сбросил кимоно, расставил ноги пошире и принялся наклоняться, касаясь пальцами рук земли. Три сотни наклонов; затем — три сотни приседаний.

Филлис направилась обратно в хижину — прибираться. Она застелила постель, стоявшую в углу одной из комнат; кровать представляла собой бамбуковую раму на четырех стойках, переплетенную травяными жгутами, поверх которой лежал матрац, набитый все той же неизбежной травой. Затем она подмела пол — метлой, насаженной на бамбуковый шест; и, намного раньше, чем Блэк добрался до двухсотого приседания, покончила с хлопотами по хозяйству.

Он завершил упражнения. Грудь его вздымалась, дыхание было тяжелым, на лбу выступил пот. Разминая бицепсы, он спросил:

— Не пора ли теперь окунуться?

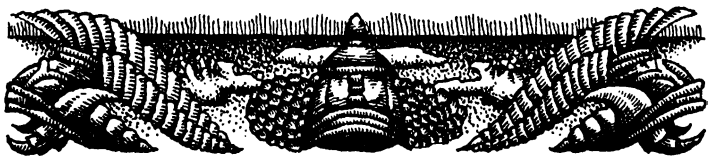
Филлис поморщилась.

— О, нет! Ненавижу лезть в холодную воду! Почему бы нам не дождаться полудня?

— Не выйдет. Ты же знаешь, у нас нет времени. Давай-ка к Реке, быстро!

Он натянул алые штаны и канареечно-желтое кимоно, подпоясался сплетенным из травы поясом, на котором болтался длинный нож, повесил на плечо перевязь с саблей. Затем Блэк закатал рукава голубой рубахи, что торчали из-под кимоно, и взял в левую руку свою чашу-грааль — металлический цилиндр высотой в пару футов с небольшим. В правой он крепко сжимал увесистую железную трость, с которой никогда не расставался; она была чем-то вроде его торговой марки.

Вместе они начали спускаться по тропинке, проложенной по склону холма. Белые металлические цилиндры раскачивались в их руках.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ты был испуган, Дик? — спросила Филлис.

— Чем? Этим дурацким сном?

— Нет. Я имею в виду, был ли ты испуган, когда пробудился на речном берегу двадцать лет назад? Представь, в один момент ты был умирающим старцем, а в следующий — молодым человеком, очутившемся в странном месте, непохожем на Землю... Что ты подумал тогда? Что спишь? Или тебе показалось, что ты попал в преисподнюю, и дьяволы вот-вот доберутся до тебя? Ты боялся?

— Да. Я был напуган, очень сильно напуган! Но если бы дьяволы принялись скакать вокруг меня, они нарвались бы на добрую драку... Я решил, что буду вести себя как всегда — неважно, на Земле или в аду. Я был готов сражаться.

— О, держу пари, ты бы это и сделал! — она усмехнулась.— Старина Ник заполучил бы тебя не иначе, как с разбитым носом, а ты взамен выдрал бы у него хвост... Но я, Дик, я была в ужасе! Видишь ли, хоть я и выросла среди правоверных протестантов, но со временем, как большинство взрослых, превратилась в атеиста... а затем, в зрелых годах, в агностика. Я считала, что адское пламя лишь пугало для людей, чтобы они стали терпимее и добрее. Но добро, порожденное страхом — плохое добро... Всякий, у кого была хоть половина глаза, мог это видеть! Ненависть, предрассудки, кровопролитие — вот результаты этого страха! А по другую сторону веры был воинствующий атеизм марксистов, плод того же древа страха...

Словом, в результате всех своих экспериментов и размышлений на религиозные темы — не стоит упоминать о них подробно — я пришла к твердому убеждению, что жизни после смерти не существует. Ну, а потом я очнулась на этой проклятой равнине у Реки, в месте, которого я не видела нигде и никогда... И я обнаружила, что детский ужас — то, че-

му меня обучали в приходской школе — так глубоко въелся в кости, что мне не удалось избежать страшного потрясения. В первый час на речном берегу я чуть не умерла от страха... я ждала, что сейчас появятся демоны и утащат меня куда-то... в застенок, где мне суждено изведать вечные муки... Я корила себя за то, что не верила в грозного протестантского Бога, в предопределение и возмездие, в одно, и в другое, и в третье... И за то, что не ходила в церковь, смеялась над словами священника и отвращала лик свой от креста... И я раскаивалась в том, что раз-другой изменила мужу... и мучилась, вспоминая, как нагрубила отцу в восемь лет...

Вскоре я встретила человека, который был в таком же состоянии. Он горевал потому, что отрекся от путей своих предков, ел запретную пищу, пренебрегал какими-то правилами и традициями... Не важно, в чем заключалась его религия, его давно позабытая вера; она могла не походить на мою, но его история была точно такой же.

Но, когда я поговорила с ним и с остальными грешниками, что каялись и рыдали в страхе, я поняла, что все эти истории, которые мы пересказывали друг другу словно испуганные дети, не могли быть истинными. Иначе не все из нас оказались бы тут!

Потом я встретила иных — тех, кто негодовал; да, они негодовали и ругались, они в ярости заламывали руки, скрежетали зубами, выдирали клочья волос — потому что им здесь было не место. Так считали они сами. Они были безгрешными, чистыми, чуть ли не святыми, понимаешь? И я начала смеяться. Боже, как я смеялась! Слишком отличную шутку сыграли с этими святошами, чтобы не похохотать!

С той поры я смирилась с нашей новой жизнью. Не знаю, плоха она или хороша... Довольствуешься существованием ото дня ко дню и видишь, как воды времени несут тебя куда-то...

Блэк сказал:

— Ты знаешь, Фил, что я не довольствуюсь такой жизнью и не позволяю водам времени нести себя в неизвестность. Я верю, что этот мир — вероятно, искусственный — сотворен некими существами, хотя и могущественными, но способными совершать ошибки. И внимательный человек может увидеть кончик путеводной нити, забытый ими, и доб-

раться до этих неведомых творцов. Тут, в долине, таится загадка... и если мы сможем разрешить ее, то узнаем, почему и зачем нас поместили сюда. Придет день, и мы узнаем! Узнаем все — и об этой долине, и о грейлстоунах, и о воскрешении! Придет день...

— Возможно. Быть может, мы найдем даже причину и повод своего земного существования?.. Нет, пожалуй вряд ли... Но тогда... тогда... Почему мы должны надеяться, что наша нынешняя жизнь в долине Реки скрыта не столь же плотной завесой тайны? Все, что мы знали и знаем, теперь заключается в том, что нас бесплатно доставили из одного места в другое... Вернее, мы полагаем, что бесплатно. Но, быть может, мы обязаны платить? Не своими ли страданиями, болью, замешательством, страхом? Быть может, наши эмоции — пища для неких существ, которые живут за счет наших мук, наших радостей или того и другого?

— Быть может,— сказал он и процитировал:

Кто жизнь проводит в птичьей клетке
Плененный волею чужой
Вопросы множит бесконечно —
Зачем и Как, Куда, Какой...

— Фицджеральд? — сказала она.

— Нет, мое... написано за восемь лет до «Рубаи».

— Я знакома с твоим жизнеописанием, но никогда не касалась твоей поэзии. Не хватило времени... Я была слишком занятой, но мне надо было прочитать хоть что-нибудь...— покаянно заметила Филлис.

— Когда у нас появится время, я продекламирую тебе все — все, что еще помню. Конечно, это не гениальные творения, не предвидения Фицджеральда — хотел бы я знать, где он теперь? — но кое-кто утверждал, что некоторые мои вещи не хуже, чем у него. Впрочем, теперь я почти не узнаю собственных строф...

Филлис не обратила внимания на едва заметный оттенок горечи в его голосе.

— Дело в другом,— заявила она.— Мы живем тут, не беспокоясь ни о хлебе насущном, ни о крове над головой; у нас есть досуг — даже когда мы крутимся с рассвета до сумерек, желая сделать что-то совсем не столь уж необходимое... Мы вместе двенадцать лет, но я впервые слышу строки из

твоих стихов. Почему мы раньше не догадались, как сделать жизнь немного приятнее?

Он пожал плечами.

— Долина переполнена борзописцами, бездельниками и бродягами. Что до меня, то я работаю, потому что мне это нравится. И потому, что я должен работать! Я хочу найти ответ — если не «зачем», то «как».

— Да, я знаю. Я тоже люблю совать нос куда не следует... Тем не менее, — добавила она мягко, — мне хотелось бы получать больше удовольствий от этой жизни. День состоит только из восьми часов, и у тебя не остается времени для чего-либо, кроме работы... К счастью, наше жалкое освещение не позволяет работать и ночью.

— Разделаемся с Мюрелем и отправимся путешествовать.

— О да, конечно! Тогда мы поплывем вверх по Реке, и наша работа поплывет вместе с нами.

Она привстала на носках, пригнула вниз его голову и поцеловала в смуглую щеку.

— Дик, ты хочешь узнать, чьи пальцы дергают ниточки за сценой... Но, дорогой, ты даже не узнал меня!

— Быть может, если это случится, я потеряю к тебе всякий интерес.

Филлис хихикнула и сказала:

— Ну, на такой случай я что-нибудь припасу.

Блэк остро взглянул на свою подругу, но ее серо-голубые глаза светились простодушием.

Они в молчании достигли подножия холма и двинулись по крохотной долинке, тянувшейся меж двумя меньшими возвышенностями. За ней простиралась прибрежная равнина шириной в милю. Выйдя к ней, Блэк и Филлис начали пробираться в лабиринте плетеных изгородей и стен, оштукатуренных глиной, среди жилищ обитателей Телема, Тут и там люди, мужчины и женщины, выглядевшие лет на двадцать пять, появлялись из хижин и приветствовали их. Некоторые, несмотря на утренний холодок, были почти нагими, но у всех было оружие за поясом и граали в руках.

Филлис сказала:

— Был бы у меня пенс, отдала бы тебе за одно слово. За одно крохотное словечко.

Блэк одарил ее раздраженным взглядом. Его подруга знала, что он не выносит, когда прерываются его раздумья. Тем не менее, он ответил:

— Ты слышала барабаны прошлой ночью?

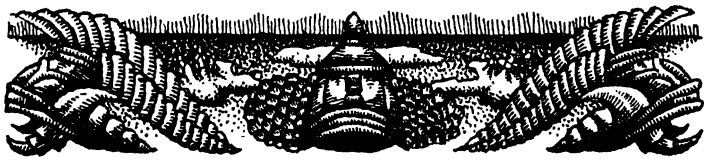
— Нет. Что за сообщение они передали?

— Судно Мюреля покинуло его столицу в полночь и должно быть здесь завтра к полудню. Мои стражники опросили нескольких капитанов с проходящих кораблей, но безуспешно — никто не знает, с какой целью оно направляется к нам. Однако на мачте флаг перемирия — чья-то белая рубаха — так что я полагаю, что наш королек Мюрель шлет Телему предложение присоединиться к его державе.

— Или что-то еще? — спросила Филлис.

— Или что-то еще.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Никто не знал, на какое расстояние протянулась Река. Сорок миллионов миль были самой большой из оценок, но немногие верили в такую возможность, даже встречаясь ежедневно с еще более невероятными чудесами — чашами, грейлстоунами и воскрешением.

Однако не подлежало сомнению, что часть потока находится вблизи экватора, где человек, стоя под полуденным солнцем, не отбрасывает тени в любое время года. Предполагали также, что Река напоминает синусоиду, колеблющуюся вверх и вниз относительно некоторой линии — словно на чертеже, нарисованном математиком. От одного гребня этой кривой до другого насчитывалось двадцать миль.

Ученые Телема выяснили, что волна синусоиды была вдвое длиннее, чем линия, лежавшая в ее основании. Следовательно, как утверждали телемские специалисты, если экваториальная окружность планеты составляет двадцать пять тысяч миль (что вытекало из некоторых довольно грубых измерений), то длина Реки должна равняться пятидесяти тысячам миль. Скорее всего она начиналась и заканчивалась в каком-то месте на экваторе, но вряд ли вся Река располагалась в зоне низких широт — в Телем прибывало много людей, обитавших ранее на крайнем севере или в далеких южных краях.

Опрашивая этих странников, шнырявших вверх и вниз по Реке, можно было выяснить и еще кое-что. В среднем ширина потока составляла полмили; иногда он разливался, образуя нечто похожее на озера. Телем лежал на берегу одного из них; здесь Река расширялась втрое от средней величины на протяжении десяти миль. Официально этот водоем именовался Телемским озером, но народная молва окрестила его Морем Блэка.

Человек, чье имя носило озеро, и его подруга спустились вниз с гряды небольших холмов, располагавшихся у подножия высоких и неприступных гор. Они начали пересекать плоскую равнину шириной в милю, что тянулась вдоль каждого речного берега, повсюду и везде. День был похож на любой другой в долине; солнце поднималось вверх, воздух стал согреваться, и к полудню температура должна была достичь обычной отметки — девяноста по Фаренгейту. Легкий ветер все еще рябил воду, превращая ее поверхность в скопище мириадов крохотных зеркал. Далеко-далеко, на южном берегу, можно было разглядеть бронзовокожих людей с прямыми черными волосами. Кое-кто стоял или сидел у дымящихся костров, другие выводили в озеро челны и каноэ, присматривая места, где стоило бы забросить рыболовные снасти.

Вдоль телемского берега тянулся длинный песчаный пляж, и некоторые из самых закаленных уже разделись и плавали в холодной воде. «Словно эскимосы»,— заявила Филлис. Она ринулась вперед, обогнав Блэка, который двигался широким, но спокойным шагом. Он еще не успел ступить на пляж, как Филлис положила на белый песок свою чашу и саблю, сбросила одежду и, взвизгивая, плеща водой, устремилась в поток. Когда Блэк нагнал ее, его приветствовали хихиканьем и фонтаном холодных брызг.

Это его рассердило. Возможно, виной тому был внезапный шок, возможно, непрекращающееся напряжение последних четырех недель. Этого он не знал, но не сомневался, что полезно дать выход чувствам — конечно, каким-нибудь безвредным и безобидным образом. Бывали времена, когда душ из холодной воды доставил бы ему только удовольствие, но — увы! — это было уже в прошлом. Теперь он ощущал лишь скрытое негодование, направленное на Филлис и готов был на ней отыграться. Обхватив нагие плечи своей подруги, Блэк погрузил ее в воду и держал — пока, по его прикидкам, она могла вытерпеть без воздуха. Затем он отпустил ее.

Филлис вынырнула, хватая воздух широко раскрытым ртом; глаза ее расширились и были полны паники, пальцы, в поисках поддержки, цеплялись за руки Блэка.

— Мой Бог, Ричард, что ты собирался сделать? Утопить меня?

— Всего лишь преподать маленький урок,— ответил он, ухмыляясь.— Видишь ли, от этакого холодного душа чувствуешь себя премерзко.

— Ты наставил мне синяков на плечах,— сказала Филлис, изучая его лицо в поисках следов какой-либо эмоции, которую она могла бы перевести и истолковать.— Если бы я не знала тебя так долго, то подумала бы, что ты сошел с ума. Что я такого сделала, Дик?

— Только то, что я сказал. И ничего больше.

— Но, Дик, раньше такие вещи тебя не сердили. Что с тобой?

— Давай забудем об этом,— произнес он, шагнул глубже в воду и поплыл прочь, предоставив ей время сообразить, что данной темы лучше не касаться. На самом деле он не представлял, что подтолкнуло его к подобному образу действий. Ее маленькие шалости, прежде казавшиеся такими милыми, теперь лишь раздражали его.

Он повернул обратно — туда, где стояла Филлис, погрузившись по пояс в воду, с куском мыла в руках — и бросил виноватый взгляд на ее лицо. Не говоря ни слова, он взял мыло и принялся тереть ей спину, затем повернулся и подождал, пока она намылит ему лопатки. Филлис поводила куском вверх-вниз, потом начала соскребать грязь кончиками ногтей. Блэк стоически терпел эти раскопки, зная, что она желает добиться от него какой-то реакции — хоть собачьего визга. В последнее время такие сцены происходили все чаще и чаще, всякий раз, когда Филлис сердилась на него — а это случалось не реже, чем он испытывал к ней аналогичное чувство. И, как упрямый осел, он не хотел говорить ни слова по этому поводу. Да, одно-единственное слово могло бы разрешить ситуацию, однако он не мог первым произнести его.

Как всегда, он одержал победу: пальцы Филлис на его спине вдруг замерли, и она сказала:

— О, как это все нелепо, Дик! В конце концов, нам надо что-то решить. Я чуть ли не впадаю в детство, пытаясь сделать вид, что между нами нет ничего плохого. Мне надоело притворяться! И я думаю, что сегодня, когда мы уляжемся в постель, нам стоило бы как следует потолковать. Что ты скажешь?

— Деканавидах и его парни могут заявиться сегодня ночью,— вспомнил Блэк.— Нам стоило бы поговорить попозже.

— Позже или нет — не важно. Что ты скажешь в принципе?

— Я согласен.

Зачерпнув воду ладошками, Филлис окатила его намыленные плечи.

— Я чувствую себя лучше, когда все сказано,— заявила она с улыбкой.— Что ни делается, делается к лучшему. Во всяком случае, пока ты любил меня, я жила! И мир был чудесным местечком.

С усилием он сдержал дрожь. Итак, она сказала то, что его беспокоило. Сам он никак не мог набраться мужества, чтобы сказать это себе.

— Нам пора идти, Фил,— произнес он.— Советники уже собираются на завтрак.

Они вышли из воды и обсушились, завернувшись в кимоно. Они давно привыкли к своей чудесной одежде, и ее загадочные свойства уже не повергали их в изумление, как поначалу. Ткань эта поистине была волшебной: она не изнашивалась, не пачкалась, была всегда свежей и словно отталкивала и грязь, и пот, и запах их тел. Тоже самое касалось и воды: стоило только привести ткань в контакт с мокрой кожей, как капли влаги скатывались с нее будто ртутные шарики с гладкой поверхности наклонного стола.

Филлис собрала свои короткие волосы на затылке, скрепив их заколками, вырезанными из рыбьей кости, и одела сережки. Серьги ее были сделаны из пустых блестящих футлярчиков от губной помады. Затем она подкрасила свои пухлые губы, завершив тем самым утреннюю церемонию.

— Ну,— сказала она, пряча золотистый спиральный футляр с губной помадой в карман кимоно,— как я выгляжу? Привлекательно?

— Так привлекательно, как никогда прежде,— сказал с улыбкой Блэк, заключая ее в объятия. Она казалась такой свежей, такой прелестной, так нетерпеливо тянулась к нему, так хотела его поцеловать, что он забыл обо всем недосказанном, недоговоренном, что портило им жизнь. Филлис, кажется, тоже.

Но даже в кольце ее гибких рук, в свежем аромате, исходившем от нее, он не мог забыться. Все было не таким, каким должно было бы быть.

Перегнувшись в талии, Филлис произнесла:

— Наверное, ты и в самом деле любишь меня, Ричард, иначе смог бы ты так измениться? Позволить себе измениться,— улыбнувшись, добавила она.— Вспомни, когда мы впервые встретились, ты считал, что целовать женщину у всех на виду — недопустимая глупость. А теперь ты обнимаешь меня, совсем не думая о том, застанет ли тебя кто-то за таким нелепым занятием... Нет, ты полностью изменился, должна заметить. И это доказывает, что ты действительно меня любишь.

— Ну,— сказал Блэк,— общественный пляж, пожалуй, не то место, где стоит расточать сантименты, и если я целую тебя тут, то лишь потому, что хочу это сделать. И любой в Телеме имеет право сделать это — везде, где захочет. Но не слишком долго, как ты понимаешь, и без серьезных последствий.

Она расхохоталась.

— Святые небеса! Я совсем не хочу, чтобы ты уложил меня прямо тут, на пляже!

Подхватив свои чаши, они направились к Замку. Филлис сказала:

— Мне известно, что я — не какая-то красавица, потрясающая воображение. Говоря начистоту, я не знаю, как я ухитрилась удержать тебя, Ричард, так надолго... Ты замечательный человек, известный, знаменитый... Ты мог бы отправиться вверх или вниз по Реке и разыскать Клеопатру или Лукрецию Борджиа, Марию Стюарт, королеву Шотландии, или Риту Хейворт, Сафо, Аспазию или смуглую леди сонетов[1]... ну, не знаю, кого еще... любую из этих чудесных и прославленных красавиц... Думаю, это больше соответствовало бы твоему характеру. Ты был великим исследователем в свое время; тебе не нравилось оставаться подолгу на одном месте, и ты не тратил много времени на свою жену. Однако ты прожил со мной двенадцать лет, и все это время мы хранили верность друг другу, словно были обвенчаны в

[1] Придворная дама, тайная любовь Шекспира

церкви. Я не могу сказать такого о своем земном супруге... да и о себе самой, если вспомнить прошлое.

— Я была очень счастлива, даже в этой преисподней. Я... — она хихикнула, — прекрасно провела время в аду! И я была верна тебе, Дик! Я не встречала другого мужчины, подобного тебе... Но, если говорить серьезно, почему ты выбрал меня?

— Я полагаю, — Блэк усмехнулся, — события развивались как обычно. Ты мне понравилась... очень понравилась... ну, а потом я влюбился в тебя. Еще я узнал, что ты умна и образована и можешь многому меня научить. Ты была для меня чем-то вроде чистилища, понимаешь? Ты в самом деле заставила меня измениться. Ты разрушила мое предубеждение против негров — вернее, дала мне неоспоримые факты, изменившие мое мнение. И ты справилась со многими моими предрассудками, причины которых лежали либо в дремучем невежестве викторианской эпохи, либо являлись следствием научных заблуждений.

— Ты все еще не хочешь распрощаться с кое-какими из них, — сказала Филлис. — Вот табу, которое ты не можешь преодолеть.

— Возможно, они слишком глубоко сидят во мне, въелись и в кости, и в плоть, — заметил Блэк. — Но они безвредны... Впрочем, мы говорим сейчас не о них, а о том, почему я выбрал тебя, не так ли? Что же касается дам, которых ты упомянула... Во-первых, моя дорогая, если они и превосходят тебя красотой, то ненамного. Ну, а во-вторых, я полагаю, что жизнь с ними оказалась бы нелегкой.

Первые восемь лет, когда я странствовал, словно Вечный Жид, по берегам Реки, я искал ответ на один вопрос: что же случилось со мной и — как было нетрудно заметить — со всем остальным человечеством? Столь же важным — я никогда не скрывал этого от тебя, Фил — казалось найти Изабеллу. Оба эти поиска сулили мне долгий путь, и прошло изрядное время, пока я понял, сколь тщетными они были. Даже если б моя жена — бывшая жена, точнее говоря, ибо здесь, в этом раю или преисподней, нет ни жен, ни супружеских обетов... так вот, если б даже моя жена находилась в этой части долины, населенной в основном англичанами викторианской эпохи, шансы найти ее равнялись одному к ста миллионам.

За восемь лет странствий я, разумеется, видел миллионы мужчин и женщин. Однако, хоть сам я имел некую толику славы на Земле и общался со многими людьми, мне встретились лишь тринадцать знакомых. Тех, кого я узнал! Подумай только: тринадцать — из миллионов!

В этот момент чей-то крик прервал его. Голос казался высоким и тонким, с просительными нотками.

— Мистер Блэк! Один момент, прошу вас! Только минуту вашего драгоценного времени!

Блэк нахмурился и приподнял бровь.

— В чем дело, Борбич?

Федор Борбич был невысоким человеком хрупкого сложения, с огромной головой. Хотя ему, как и всем остальным, была дарована вечная молодость, он выглядел много старше двадцати пяти. Долгие и жестокие душевные бури и шквалы эмоций избороздили морщинами его физиономию, походившую на лик сфинкса, источенный ветрами и песками. Массивный свод его лба спадал к ушам — большим, оттопыренным, с тяжелыми вислыми мочками. Его глаза были глубоко посажены; бледно-голубые зрачки затенялись свисавшими бровями. Нос его казался совершенно простецким — короткий, расплывчатый, неопределенных очертаний; губы искажала вечная гримаса, забавная смесь чувственности и печали. Наконец, его щеки и виски усеивали складки, подобные лощинам и холмам — верный признак внутреннего диссонанса, царившего в его душе.

Но самым удивительным являлось то, что когда он пребывал в покое, его чело казалось тусклым и бесцветным, как у любого из сотен миллионов усталых и голодных славян, испокон веков ковырявших землю восточно-европейской равнины. Однако когда он был оживлен, как сейчас, глаза его словно притягивали к себе, не позволяя отвести взгляда в сторону. И в них ясно читалось, что человек этот прожил всю свою жизнь в аду. Так что для Федора Борбича путешествие из мира Земли в мир Реки ничем не отличалось от заурядной поездки из Минска в Пинск.

В ответ на слова Блэка Борбич подпрыгнул — так, словно его укусили. Протянув руки жестом не то мольбы, не то извинения, он проговорил:

— Я знаю, что еще очень рано, мистер Блэк, очень рано, раньше завтрака... И я знаю, что вы имеете право считать — да, полное право! — что я вас утомил вас и надоедаю зря... Но, мистер Блэк, поверьте, то, что я хочу сказать, должно быть сказано в любое время дня и ночи и должно быть выслушано в любое время. Это касается вашей безопасности и безопасности всего общества — я разумею всех, кто обитает в долине. Но речь идет не о безопасности вашего тела, не о вещах плотских и материальных... Я разумею нечто более высокое и важное! Высшую безопасность! Истинные причины, по которым вы, я, Филлис и все остальные очутились тут, в долине.

— Ближе к делу, парень! — резко произнес Блэк.

Борбич кивнул своей огромной головой так быстро, что, казалось, она едва не слетела с тонкой шеи. Голос его сделался выше, пронзительней.

— Я постараюсь, постараюсь! Терпение, мистер Блэк, терпение! Кроме того напомню, что перед нами — вечность... Все время в этом мире принадлежит нам, как вы знаете, и здесь нет никого, кто бы это отрицал.

— В таком случае,— сказал Блэк,— к чему нам торопиться? Представьте то, что вы хотите сказать, на рассмотрение Большого Совета.

Рот Борбича скривился в печальной и одновременно циничной усмешке, его маленькие бледные глаза словно бы отпрянули, спрятались под нависшими бровями.

— Хорошо известно, сэр: ежели желаешь что-то сделать в Телеме, лучше иметь уверенность, что король Ричард согласен с тобой. Тогда не будет никаких хлопот ни на Большом Совете, ни на Малом.

Блэк остановился так внезапно, что Филлис уткнулась в его спину. Нахмурившись, он с угрозой поднял сжатый кулак.

Борбич уставился на него с тревогой, отступил назад и, словно защищаясь, вскинул руку. Тем не менее, прежняя усмешка все еще змеилась на его тонких губах.

— О, нет, нет, мистер Блэк, вы неправильно меня поняли! Я не разумел обидеть, я говорил искренне! Я лишь эхо — любой из ваших близких скажет то же самое. И в моих словах не было ни обиды для вас, ни оскорбления. Ни в ко-

ем случае! Однако, мистер Блэк, вспомните главный принцип, на котором вами же было основано государство Телем: делай то, что пожелаешь, но не причиняй неприятностей другим. И второй закон: будь честен, даже если это принесет тебе вред. Разумеется, на практике не так-то просто следовать этим принципам... верно, мистер Блэк? Но я отклоняюсь, отклоняюсь от сути... Я разумею, что хотел бы получить ваши извинения — за случившееся после того, как я позволил истине соскользнуть с моего языка.

— Я хорошо знаю, что вы разумеете,— сказал Блэк, и его мрачное лицо потемнело еще сильней.— И не испытывайте на мне свои мерзкие трюки, Борбич! Соскользнуть с языка! Это надо же!

Он потряс своей железной тростью у самой физиономии Борбича и двинулся вперед. Лицо его превратилось в маску гнева и ярости, взгляд вселял в Борбича ужас. Это было нетрудно; даже в покое черты и осанка Блэка вызывали бессознательное уважение — у всех, кто его окружал.

Сейчас, уставившись Борбичу в лицо, он не замечал, что тот нерешительно пятится в сторону некой преграды, лежавшей на земле. Это был большой крест двенадцатифутовой длины — массивный столб, вытесанный из местной сосны, с двумя перекладинами; верхняя была покороче, нижняя — подлинней. Некоторое время назад Борбич, позаимствовав кое-какие железные орудия, отправился вместе с двумя последователями в холмы, где они свалили подходящее дерево и вытесали символ своей веры и своей церкви. После тяжких и долгих трудов троица дотащила тяжеленный крест до Торговой Площади, где он и валялся по сей день. Борбич так и не получил разрешения от Большого Совета на его установку; собственно говоря, он даже не имел права принести его на площадь.

Тем не менее, он это сделал. И теперь, отступая перед разгневанным Блэком, он споткнулся о толстый комель своего детища и с размаха упал на спину. Задохнувшись от неожиданности, Борбич быстро перекатился на бок и стал было подниматься, но, увидев острый конец железной трости, чиркнувший у самого его носа, снова присел вниз и обхватил крест обеими руками, словно надеясь на его защиту. Пальцы Борбича вцепились в дерево, он откинул голову назад, глядя

на склонившегося к нему Блэка; глаза его расширились, губы сложились в полуиспуганную-полувызывающую улыбку. Блэк высился над ним, поигрывая своей палицей, и со злой насмешкой рассматривал распростертого на кресте человека.

В этот момент за его спиной раздался голос Филлис — очень спокойный и холодный, как воды Реки поутру.

— Дик, почему бы тебе не выслушать то, что он жаждет сказать? И, ради всех святых, перестань размахивать своей палкой! Разве ты не видишь — он хочет, чтобы ты ударил его!

— Это правда, мисс Макбейн, это правда,— задыхаясь пробормотал Борбич. Глаза его вдруг выпучились, словно под черепом у него произошел некий внутренний взрыв.— Действительно, я бы сам попросил мистера Блэка ударить меня, зато потом, когда это будет сделано, мы можем прийти к некоему соглашению, вступить в контакт, я разумею, конечные результаты которого окажутся вполне приемлемыми... Но, увы! Мы с мистером Блэком как бы обитаем в разных пространствах, меж коими не существует интеллектуальной связи. То, что я говорю, блуждает Бог знает где; то, что говорит он...

Блэк опустил свою трость. Он не имел намерения использовать ее; с другой стороны, у него не было и никаких предубеждений против того, чтобы пустить ее в дело.

— Слушайте, Борбич,— сказал он с раздражением,— возможно, вы полагаете, что я питаю к вам отвращение — столь же сильное отвращение, как и вы ко мне. Так, во всяком случае, кажется вам. Но не мне! Для меня главное заключается в другом. Если то, что проповедуется вами, станет мощной силой в Телеме, мои парни-работяги откажутся от дела, которым мы заняты последние двенадцать лет. Все, ради чего я трудился, за что сражался, пойдет прахом! Этого я не могу допустить.

Борбич встал, не спуская глаз с трости, и произнес:

— Мистер Блэк, все, о чем я прошу — возможность свободно распространять свое учение, принципы церкви, которую я представляю, церкви истинного гуманизма, Церкви Второго Шанса.

— Вы получите свой шанс,— заявил Блэк.— Но сейчас Телем находится в критической ситуации, и у нас нет ни вре-

мени, ни желания рассматривать то, что вы хотите предложить. Когда будет покончено с Мюрелем, можно вернуться к вашему вопросу. Пока же я требую, чтобы вы прекратили свою болтовню и не вмешивались в дела, которые вас не касаются.

— Прекрасное решение, мистер Блэк,— произнес Борбич.— Вполне в вашем стиле.

— Вне всякого сомнения,— Блэк, с мрачной ухмылкой на губах, широко зашагал прочь. Филлис бросилась за ним.

— Дик, Дик, он же не хочет ничего плохого! Почему ты так поступаешь с ним?

Он скрипнул зубами.

— Потому, моя дорогая, что этот кроткий и робкий Борбич представляет большую опасность, чем кровожадный и злобный Мюрель. Мюрель взывает к разбойной дикости, к полной свободе страстей и вожделений, не думая о тех, кому это принесет несчастье, ужас, горе... Обычные грехи! Борбич, с другой стороны, проповедует терпимость, понимание, миролюбие, любовь... Все обычные добродетели, прекрасные, как слово Божье! Но, вдобавок к этому, он уверовал в странную теорию, что все, соблюдающие этический кодекс, неким образом избегнут вечного заключения в долине, освободятся от своих тел, от плотской оболочки, и дух их воспарит куда-то — в нематериальную область, в астрал.

Разрушительное учение! Я не имею ничего против, если ему хочется так верить. Но если он попробует втянуть в свою секту жителей Телема и добьется успеха, мы потерпим крах. Он сокрушит все, что я создавал годами! Первым делом будут закрыты Копи... К чему они? Ведь мы имеем все, что необходимо для жизни, зачем же тратить время и силы на создание технологии? К чему все стремления, все труды, к чему излишества, мешающие созерцать собственный пуп?

Затем, само собой, Поисковой Службе запретят выдавать премии спиртным за разведку рудных залежей в горах и розыски людей. Несколькими днями раньше я получил сообщение — по барабанной связи, разумеется — что один из моих молодцов нашел медную жилу в двух тысячах миль вверх по Реке. Положенная награда — шестьдесят унций виски, и она будет ему выдана, как только мы проверим эти сведения. Но я слышал уже болтовню Борбича на сей счет! По его сло-

вам, это пример греховного злоупотребления теми дарами, что приносят чаши. И еще он говорил, что мы не должны побуждать людей к разведкам в горах, играя на их низменных желаниях.

— Ну,— с осторожностью заметила Филлис,— теоретически он прав.

— Но мы же не спаиваем разведчиков! Эти люди получают свое вознаграждение время от времени, а когда этот запас иссякает, они вновь довольствуются тем, что находят в цилиндрах! Вдобавок, каждый в Телеме жертвует четыре из пяти унций спиртного в общий фонд... В других местах люди пьют свое виски, мы же копим его для торговли и обмена.

— Да, я знаю,— Филлис кивнула головой.— Но эти премии спиртным... Из-за них человек может превратиться в алкоголика, а затем начнет красть виски у соседей.

— Это не наша проблема! — Блэк широким жестом отмел возражения.— Мы не няньки, но мы, конечно, и не распространители наркотиков... А главное, все эти дела абсолютно не касаются Борбича! Он, будь его воля и власть, разрушил бы даже «Речную Комету»! Поскольку судно могло бы служить для нас источником греховной гордыни, сделав нас владыками водных путей... и еще потому, что, трудясь над ним, мы занимаемся не молитвами, а техникой, металлургией и горным делом.

И последнее, но далеко не самое безобидное: он призывает нас вышвырнуть все оружие в Реку! А после этого, представь себе, мы сами пригласим Мюреля с его бандой! Нас всех перебьют? Ну и что с того! Мы просто перескочим в какое-то другое место в долине, чтобы распространять добрые семена Церкви Второго Шанса! Веселая перспектива, не так ли?

Ну, а если Мюрель нас не прикончит, если он обратит нас в рабов, если он будет отбирать у нас половину пищи, все спиртное и сигареты, так это, пожалуй, еще лучше. Потому что мы, медленно и в мучениях двигаясь к смерти, быть может сумеем — только быть может! — вселить в сердца Мюреля и его негодяев хоть каплю сострадания, хоть малую толику любви. Они могут даже перемениться, узреть внезапно свет истины и склонить слух свой к церковной пропове-

ди... Ну, а если этого не произойдет, то пример нашего мученичества заронит первую искру сомнений в их сердца!

Блэк сделал паузу, потом пробормотал:

— Такая вот чушь, Филлис... Не хотелось бы мне, чтобы Борбич распространял ее в Телеме.

Она осторожно ответила:

— Мне с ним не по пути, Дик, но я думаю, мы можем допустить, что в его учении есть кое-что стоящее. Ведь по большей части то, что он говорит, не слишком отличается от телемской Хартии. Отказываться оптом от всего неразумно. Каждый человек может чему-то научить нас.

— Я бы закончил эту дискуссию,— сухо заметил Блэк, и они погрузились в молчание.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На берегу Блэк и Филлис задержались дольше, чем рассчитывали. Они торопливо шли мимо лодок и каноэ, мимо длинного пирса, у которого покачивался «Клык Дракона», девяностофутовая боевая галера, мимо двух больших молов, между которыми высилась громада «Речной Кометы», одетая лесами и облепленная рабочими. Наконец перед ними раскинуло ветви Дерево Совета, огромная сосна, что росла к юго-западу от Замка. Под ней находился большой стол, предназначенный для заседаний Малого Совета.

Большая часть его членов все еще вкушала завтрак. Кое-кто, приветствовав запоздавшую парочку, поинтересовался — чем же они занимались, пронежившись в кровати дольше положенного. Блэк, игнорируя эти шпильки, уселся во главе стола и откинул крышку со своей чаши. Принюхавшись, он усмехнулся.

— Ну, сегодня неведомые боги расщедрились, послав отличный завтрак! Кофе, яйца, ветчина, тосты с земляничным джемом... да еще большая и сочная груша! Много лучше, чем вчера. Я получил весьма сомнительный кокос да чашку каши с фруктовой смесью... по-моему, в ней было больше воздуха и сахара, чем овсянки.

Он начал вытаскивать из белого цилиндра глубокие металлические тарелки и картонки, выкладывая их на стол. Последним был извлечен бумажный пакет с сигаретами. Заглянув в него, Блэк сказал:

— «Лакки»! Тебе везет, Фил! Ну, а чем облагодетельствовали тебя?

Она пошарила на дне своей чаши.

— «Кэмэл». Хочешь поменяться?

— Ты права как всегда,— вздохнул он.— Хотел бы я знать, почему тот, кто построил эту автоматическую корзинку для ланча, не потрудился добавить к ней какую-нибудь

штуковину, способную учитывать мои вкусы по части пищи, спиртного и курева. Три раза в день я волей-неволей обязан есть то, что мне дают, а если не хочу, должен тратить массу времени на обмен. Отвратительно!

Гибкий рыжеволосый юноша с орлиным носом, облаченный в белую рубаху и шорты, отставил тарелку.

— Ты, Дик, из тех парней, которые желают, чтоб их повесили только на новой веревке.

Он помахал перед лицом Блэка большой коричневой сигарой.

— Взгляни сюда! Три раза в день я нахожу три такие гаваны в своей чаше. Три — мистическое число, символ удачи, а умноженное само на себя оно дает девять, еще один знак доброй фортуны. И не говори мне, что это только случайность! Ничего другого я не получаю, лишь эти сигары, любимого сорта и превосходного качества! — Рыжеволосый снова помахал своей гаваной. — А дело все в том, что я — баловень богов, их избранник, тогда как ты, Ричард Блэк, не достоин их милостей. Ты — всего лишь некто в безликой толпе!

Все рассмеялись. Филлис сказала:

— Странно! Насколько я знаю, Сэм — единственный, кому так везет.

— Ничего странного, — спокойно заметил рыжеволосый, зажигая сигару. — Я родился под кометным хвостом, а всем известно, что сие означает добрую удачу. Не то чтобы я сделался слишком суеверным, но, понимаете ли, я — осторожен. Я не оскорбляю Бога, хоть и догадываюсь, что он не существует... во всяком случае, в этой Вселенной его точно нет, потому что он направился в следующую вкушать свой космический ланч и вернется не раньше, чем через десять эонов или около того. Я его и не трогаю. Безопасные воды — вот это по мне.

Конечно, вы можете сказать, что комета еще и знак несчастья. Дело в том, что я умер, когда эта небесная метла, под которой мне довелось родиться, вернулась — лет этак через семьдесят. Но я решил, что это совпадение, явное совпадение. Как уже говорилось ранее, я не суеверен. Только невежественен... Улавливаете различие?

Он откинулся назад и выпустил несколько дымных колечек.

— Разумеется, я должен был тогда умереть. Ведь я говорил всем и каждому, что собираюсь проехаться на этой комете по небесам на манер главного шкипера... Мог ли я допустить, чтобы люди называли меня лжецом?

Он хихикнул и с гордостью заявил:

— Я никогда не лгал! Никогда!

Блэк взглянул на Филлис.

— Эта история с сигарами Сэма — неоспоримый факт. Либо божественная рука, либо клеймо дьявола... Что ты думаешь на сей счет?

— Не знаю. Такие вещи не очень-то согласуются с моими догадками насчет того, как устроены граали.

Блэк отпил глоток дымящегося кофе, затем принялся нарезать свою яичницу с ветчиной пластмассовым ножом и накалывать куски на вилку, отправляя их затем в рот. Прожевав очередной ломтик, он сказал:

— Давай-ка рассмотрим эту проблему еще раз. Ты полагаешь, Фил, что наши цилиндры — некие устройства, превращающие энергию в материю, так?

— Да, Дик. Если не существует других теорий...

Филлис взглянула через стол на Джайруса Чарбрасса, сидевшего напротив, словно нуждаясь в его подтверждении. Чарбрасс, живший некогда в двадцать первом веке, был инженером космического флота и обладал глубокими научными познаниями, вполне достаточными, чтобы подтвердить или опровергнуть теорию Филлис насчет чаш. Но пока он молчал, с обычной своей сдержанностью.

Чарбрасс выглядел представительным мужчиной, рослым, отлично сложенным, с приятным лицом, очень смуглой кожей, волосами цвета бронзы и зелеными глазами восточного разреза, в которых мелькали золотые искорки — точь-в-точь как в знаменитом немецком ликере «Голдвассер». С первого взгляда он казался человеком неторопливым, почти ленивым; веки с монголоидной складкой прикрывали глаза, движения были спокойными и плавными.

В ответ на вопросительный взгляд Филлис он склонил голову. Самая характерная для него реакция; вытянуть из Чарбрасса какие-то сведения было не легче, подцепить акулу на спиннинг. Однако и наружность его, и поведение были обманчивы. Он мог работать день и ночь, когда его помощ-

ники уже валились с ног, и выглядел таким свежим, словно проспал целую неделю. Кроме того, Чарбрасс отличался красноречием и во время всевозможных социальных катаклизмов, иногда потрясавших Телем, мог говорить столь долго, сколько хватало терпения слушать.

Чарбрасс являлся одним из тех немногих людей, о которых у Блэка не сформировалось определенного мнения. Хотя этот уроженец двадцать первого столетия ни словом, ни жестом не давал почувствовать своего превосходства, Блэка не оставляло чувство, что он поглядывает свысока на тех, кому выпало несчастье появиться на свет в менее просвещенные времена.

Они встретились двенадцать лет назад, сразу же после падения огромного метеорита. Тогда Блэк вел поиски в горах, пытаясь обнаружить следы небесного посланца, и наткнулся на Чарбрасса, который, судя по всему, разыскивал то же самое. Отношения их складывались непросто; был ряд напряженных моментов, когда Блэк едва не убил его, подозревая, что Чарбрасс желает придержать в тайне места падения обломков, обратив эти сведения к собственной пользе. Однако конфликт разрешился вполне мирно, ибо Чарбрасс обладал весьма развитым инстинктом к сотрудничеству и кооперации. Блэк изложил ему свои планы насчет использования железоникелевого сокровища, свалившегося в долину, и Чарбрасс ответил, что готов стать главным инженером проекта. Он занял этот пост по праву, ибо знания его были неоспоримы. Однако и сейчас, спустя двенадцать лет, он оставался для Блэка загадкой: общительный и в то же время державшийся поодаль, откровенный и скрытный, демократ с манерами аристократа.

Но сейчас, похоже, он не собирался ограничиваться кивком в ответ на реплику Филлис.

— Ваша идея, Фил,— произнес он наконец,— единственное научное объяснение, которое я слышал на этих берегах,— его рука широким жестом вытянулась в сторону Реки.— Полагаю, мы можем воспользоваться лезвием Оккама, чтобы отсечь теории, основанные на вере в сверхъестественное. Эта долина, этот мир, в котором мы теперь живем, создан вероятней всего с помощью конвертера, преобразующего энергию в материю, и подчиняется обычным физическим за-

конам. Значит, мы по-прежнему находимся в той же самой Вселенной, что и Земля. Отмечу, что принцип энергоматериальной трансформации был известен там еще в двадцатом веке.

Помнится, Фил говорила, что подобный эксперимент был осуществлен еще в сороковых годах. В очень скромных масштабах, разумеется: ученым удалось создать лишь несколько атомов, а затем — молекулу углерода. Но это было только началом! В конце двадцать первого века мы уже могли преобразовывать энергию в цепочки органических молекул, синтезируя всевозможные аминокислоты. Не знаю, каких успехов достигли следующие поколения, но наверняка они научились производить более сложные трансмутации.

Тут Чарбрасс улыбнулся и постучал по крышке своей чаши:

— Итак, еще в двадцатом веке мы сделали первые шаги к созданию подобного устройства. Филлис еще рассказывала, что в ее время был создан электронный микроскоп, позволявший фотографировать объекты атомарной величины. В моем столетии на основе этого прибора была спроектирована установка, позволявшая наблюдать в визуальной форме любые материальные структуры, даже кванты времени, порожденные столкновениями между элементарными частицами. Предположим, что в более поздние времена людям удалось объединить оба этих принципа... Результат перед нами — эта чаша.

Он поднял свой цилиндр на вытянутой руке, повернул его, и закругленная поверхность белого металла блеснула в солнечных лучах. В полной тишине все разглядывали граль, словно видели его впервые.

— Эта великолепная корзинка для ланча,— произнес Чарбрасс со спокойной улыбкой,— внутри по большей части полая, и стенки ее очень тонки. Вы, однако, могли заметить, что у нее имеется второе дно — всего лишь дюймовой толщиной и диаметром в фут. Представьте, что там находится энергоматериальный конвертер — миниатюрное, очень компактное, многофункциональное устройство. Нечто такое, что берет энергию из неведомого нам источника или прямо от солнца... Нечто, содержащее молекулярные «фотографии» пищи, напитков и других вещей, которые позволяют трижды

в день воспроизводить все, что нам необходимо... Представьте только!

— Да, Джайрус, это я могу сделать,— заметил темноволосый Келли, генерал телемской армии.— Но объясни, почему сегодня я получаю бифштекс, а завтра — ветчину? «Лакки» одним утром и «Кэмэл» следующим?

— Фил предполагает, что в каждой чаше есть нечто вроде электронного меню. Возможно, там имеется и устройство, которое делает выбор блюд из этого меню на основе чистой случайности. Этот приборчик выбирает определенный номер из списка, а затем, в соответствии с его «фотографией», начинает копаться в своих файлах, в банке памяти, подбирая все необходимые молекулярные структуры. Когда это сделано, наступает следующий этап: поток энергии, например — солнечный свет, преобразуется в материю. Хоп, и готово! Ланч сервирован!

— Великолепно,— заметил один из советников.— Но почему лишь владелец чаши может открыть ее?

— Тут имеется целая дюжина разных объяснений,— заметила Филлис.— Например, запирающий механизм чаши может реагировать на ментальное излучение ее владельца... И, как только цилиндр наполнен, этот прибор мгновенно снимает энцефалограмму, после чего хозяину разрешается откинуть крышку. Мы знаем, что никто, включая и хозяина, не может это сделать, пока процесс сотворения очередной трапезы не завершен.

— Наверное,— произнес Иезекиил Харди, капитан «Клыка Дракона»,— надо быть уверенным, что ничья рука не болтается в кормушке, когда в нее валят жратву.

Филлис кивнула.

— Вы правы. Если бы ваша рука очутилась в зоне действия конвертера, произошел бы страшный взрыв. Два предмета не могут занимать одновременно одно и то же место.

Харди, некогда шкипер китобойца из Нью Бедфорда, сказал:

— Что до меня, я предпочел бы сверхъестественное объяснение и этой штуки, и всего остального,— он похлопал свой цилиндр.— Так было бы проще.

— Сверхъестественное непознаваемо,— усмехнулся Блэк,— что, в свою очередь, освобождает нас от необходи-

мости думать. Неинтересная ситуация... в ней отсутствует вызов... Нет, я все же сторонник натуральных теорий! По крайней мере, они позволяют на что-то надеяться... скажем, что нам удастся найти творцов этого мира... раскрыть их тайны... быть может, справиться с ними...

— Дон Кихот против ветряных мельниц! — фыркнул Харди.

— Крылья мельниц — не единственная вещь, что болтается по ветру, — произнес Блэк, и его челюсти сомкнулись с такой силой, словно он собирался перекусить пластмассовую вилку напополам.

Харди побагровел. Филлис, вечная миротворица, быстро сказала:

— Научные теории также позволяют объяснить наше воскрешение.

Китаец, сидевший наискосок от Филлис, поднял глаза от бобовой похлебки, которую он черпал из своего котелка, и улыбнулся. Имя этого полного краснощекого человека было Тзе Чан. На столе, рядом с его локтем, лежала широкополая шляпа с загнутым кончиком, сплетенная из травы — своеобразный знак «торговой марки», такой же, каким для Блэка служила железная трость. Несколько лет назад Тзе Чан был убит бандой гангстеров, не разделявших его либеральных политических идей, и вновь восстал к жизни среди индейцев кайюга, что обитали на противоположном берегу Телемского озера. Он сделался рабом, но вскоре сумел убедить индейского сахема Деканавидаха, что будет гораздо полезней ему в качестве полноправного члена племени. Более того, он женился на правнучке сахема и со временем стал вторым лицом среди кайюга, замещая тестя, когда тот отсутствовал. Он превосходно владел и индейским диалектом, и языком англичан, живших напротив, за речными водами. В настоящий момент Тзе Чан находился в Телеме с дипломатическим визитом — он и в дипломатии был человеком ловким и искусным. Речь шла о союзе белых с краснокожими, и о встрече Малого Совета с вождями кайюга. Тзе Чан и Блэк надеялись создать лигу, объединяющую оба народа, но дело это было медленным, непростым и весьма деликатным.

Сейчас Тзе Чан, китайский чиновник и поэт одиннадцатого века, с удовольствием внимал беседе о материях, кото-

рые представлялись ему загадкой. Услышав реплику Филлис, он отодвинул котелок и с нескрываемым интересом произнес:

— Вы готовы объяснить даже наше возрождение, прекрасная госпожа?

— Вполне,— Филлис послала ему улыбку.— Представьте себе прибор, который способен фотографировать молекулярную структуру человека все время, каждый миг его существования и до самой смерти. Если человек погиб, то самая последняя его фотография поступает в энергоматериальный конвертер и служит матрицей, по которой можно воспроизвести личность, снова послав ее в долину. Я думаю, что Те, Кто сотворили Реку и весь наш мир, поступают именно так.

Глаза у Тзе Чана были необычайно яркие, большие; сейчас они сверкали еще сильней, красные же губы, пухлые, чувственные, округлились в изумлении.

— Именно так, моя госпожа?

— Это единственное разумное объяснение.

— Но как же они сумели воскресить нас совсем молодыми?

— Этим мы обязаны их достижениям в гериатрии, мистер Тзе Чан... то есть, я хотела сказать, в науке о долговечности или долгожительстве. Очевидно, они умеют бороться с возрастными изменениями и ликвидировать последствия любых болезней и ранений. Вспомните, по какой бы причине мы не погибли здесь, на берегах Реки, мы вновь возрождаемся к жизни в другом месте все той же долины, и тела наши по-прежнему молоды, здоровы и сильны. Ибо то, что можно сделать один раз, можно повторять снова и снова.

— Но как сделаны эти...— Тзе Чан запнулся,— эти фотографии? Как можно сфотографировать тело и душу человека, который жил двенадцать тысяч лет назад? Кто сделал это? И зачем?

Филлис звонко рассмеялась.

— Вот этого-то я и не знаю, мистер Тзе Чан. В этом самом месте теории мои скользят и шлепаются прямо в грязь. Как зафиксировать разум и плоть давно умершего человека? Кроме путешествия во времени я ничего не могу придумать... Но подобное предположение выглядит столь фантастичным, что я предпочитаю не раздумывать на сей счет.

— Я тоже,— добавил Чарбрасс.— Наверно, я не скажу ничего нового, но думаю, что рано или поздно мы найдем объяснение всему. Однажды мы узнаем, почему очутились здесь.

— Мне кажется,— сказала Филлис,— уже сейчас мы обладаем неким ключиком... некой путеводной нитью, я хочу сказать. Посмотрите, вся долина, насколько нам известно, заселена человеческими существами, и в этом кроется намек на определенное сходство культур, на антропоморфность наших неведомых благодетелей. Взять хотя бы содержимое цилиндров... Кроме пищи, которая, разумеется, нам необходима, мы получаем сигареты, сигары, мыло, губную помаду, гребешки. Ну, я понимаю — мыло... Но табак, спиртное и губная помада?.. Не подсказывает ли это, что Они — тоже люди, которые используют такие вещи и считают их совершенно необходимыми для нормальной жизни?

— Губная помада укрепляет наш моральный дух, Фил,— прокомментировал Блэк, но она только отмахнулась и продолжила:

— Я уверена, что лишь человеческие существа могут понимать нужды подобных себе. Отсюда следует, что наши цилиндры сотворены не богами. Их изготовили руки людей!

— Простите, мне хотелось бы вставить одно замечание,— перебил ее Тзе Чан.— Я распробовал этот бобовый суп, и вкус его кажется мне очень знакомым. Я думаю... нет, я уверен!.. это то самое блюдо, рецепт которого придуман мной.

— Вот как! — пораженно воскликнула Филлис.— Ну, тогда я готова держать пари, Тзе Чан, что такой суп варился в Китае с ваших времен, и Те, Кто создал чаши для китайцев, решили непременно включить его в меню!

— Не забудь про одежду,— добавил Блэк.— Для всех и каждого в долине она абсолютно одинакова. Женщинам — лифчики, трусики, блузы и юбки, мужчинам — трусы, штаны и рубахи... Ну и еще эти кимоно... Тут не видно попытки учесть национальные традиции или требования эпохи. Фараоны Египта, австралийские аборигены, моряки елизаветинских времен, индийские крестьяне, рыболовы-эскимосы, спартанские гоплиты — все едино! Всем дана одна и та же

одежда! Быть может, тут кроется намек на то, что и наши благодетели одеваются в подобном стиле?

Далее,— продолжал он после небольшой паузы,— что вы скажете насчет таинственного исчезновения наших бород и усов? Мы, мужчины, пришли в этот мир с лицами гладкими, как у детей, и такими же они остаются и по сию пору... Не говорит ли это о расе, которая считает бакенбарды отвратительным уродством? И мы, волей-неволей, должны подчиняться их вкусам?

Филлис расхохоталась.

— О, Дик! Ты никогда не простишь им, что тебя лишили таких великолепных усов!

Сэм Клеменс, молодой человек с ястребиным носом и рыжеватыми волосами, поднялся, яростно взмахнул своей дымящейся сигарой и воскликнул:

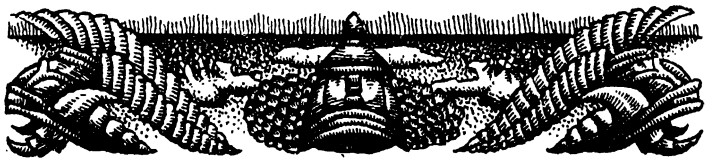
— Я говорю: к позорному столбу негодяев! Если эти проклятые сучьи дети набрались наглости, чтобы выдернуть нас из могил и зашвырнуть в эту мерзкую долину, то почему они не сказали нам все? Все, как есть? Зачем они сделали это? И что собираются делать теперь?

Быть может, они сожалеют, что воскресили нашу несчастную расу и думают, что это плохая затея, которой не стоило заниматься, но не желают признать сей факт? Быть может, они уже ускользнули прочь, потеряв надежду поживиться чем-нибудь за наш счет? Ускользнули с места своего преступления? Кровавого, тайного, беззаконного, трусливого, смердящего преступления? — Сэм выдержал паузу и рявкнул: — Почему, я спрашиваю, они не пожелали открыться нам? Или для них это всего лишь шутка? Веселенькое развлечение для банды ублюдков и висельников?

Никто не попытался успокоить его. Клеменс был подвержен припадкам ярости и в подобные моменты нес что угодно; с этим ничего нельзя было поделать, разве что дать ему выговориться и излить свой гнев. В обычное же время он производил впечатление приятного молодого человека, страстного любителя сигар и прочих мелочей жизни, коими не возбранялось наслаждаться в долине. Но иногда какой-то жест или слово заставляли его взрываться — так, словно внутри у него была запрятана бочка с бензином или ящик динамита.

Сэм, видя, что никто не собирается с ним спорить, со злобой пнул свой цилиндр и, крепко сжимая зубами сигару, нахмурив густые брови, обвел сидящих за столом грозным взглядом — будто бы высматривая жертву, на которой можно отыграться. Но в этот момент, разорвав воцарившуюся тишину, заговорили барабаны на западе, и советники, забыв про Сэма и его гнев, сконцентрировались на сообщении. Докладывала пограничная стража — люди, что стерегли рубеж, за которым лежала территория Мюреля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хикок скоро прибудет,— сказал Блэк, когда барабаны отгремели.— Кое-кто из вас наверняка заметил, что он исчез пару недель назад. Теперь я могу сказать, чем он занимался: шпионил и следил за Мюрелем.

Возбужденно обсуждая новости, люди поднялись. Каждый тщательно вымыл металлические тарелки и чашки в ближайшем ручье, затем установил их в держатели внутри своего цилиндра и захлопнул крышку. Пластиковые ложки, вилки и ножи также были вымыты и аккуратно перевязаны травяными веревками; пустые пачки из-под сигарет — расправлены, разглажены и вручены Филлис. Как секретарь Малого Совета, она собирала все бумажки, на которых можно было писать и вести протоколы заседаний. Чуть позже сигаретные обертки, пластмассовые столовые приборы и спиртное — минус одна унция, положенная каждому гражданину Телема — будут перенесены в Замок, в кладовые, где хранилось общественное достояние.

Туда же, в Замок, направились и Филлис с Блэком, подхватив свои цилиндры. Перед воротами, высокими, но узкими, Блэк обернулся и бросил взгляд на зеленую лужайку Торговой Площади. Там стоял Борбич, размахивая руками словно семафор; дюжина или около того людей слушала его проповедь.

Блэк вошел в здание, скривив губы. Пожалуй, во всем Телеме не было никого, кто выглядел бы так дико, отвратительно и нелепо, как этот Борбич! Блэк чувствовал, что должен поскорее разобраться с парнем, пока к тому не принудили обстоятельства.

Он миновал длинный холл в два человеческих роста высотой и соседнее помещение, прошел под подтянутой кверху решеткой со множеством остроконечных зубцов, и перешагнул порог комнаты, где располагался главный офис Поиско-

вой Службы. Этот довольно обширный зал был выкрашен краской, полученной из известняка; в нем стояло несколько конторок, огороженных бамбуковыми ширмами.

Глава Поисковой Службы приветствовал Блэка и тут же протянул ему очередное донесение. Прочитав его, Блэк довольно кивнул.

— Ну и ну! Выходит, наш агент разыскал Диккенса? Дайте-ка взглянуть, кто поручил нам это дело... — он потянулся к рапорту.

— Человек по имени Честертон. Он не сказал, почему желает найти Диккенса, но, похоже, был этим очень озабочен.

— И чем он нам платит?

— Услугой. Он готов основать филиал нашей Службы и руководить им, пока ему интересно заниматься этим делом, либо пока мы не захотим поставить на его место другого человека. Он живет слишком далеко от нас, чтобы платить обычную цену — сто сорок унций спиртного. К тому же, как сообщил наш агент в тех краях, он не похож на парня, готового расстаться хоть с капелькой своего виски.

— А тот агент, который нашел Диккенса, спросил, желает ли он иметь с нами дело?

— Да. Мистер Диккенс сказал, что будет просто счастлив. Он, конечно, не может писать тут романы, но он делает то, что ему всегда хотелось — странствует с труппой декламаторов, читающих и представляющих отрывки из его книг. Наш агент, мистер Дэйн, похоже был сильно изумлен тем, что Диккенс имеет близкие связи — очень близкие, как было подчеркнуто — с одной из актрис труппы... не могу припомнить ее имя... Кажется, она была звездой Голливуда в двадцатом веке... американка, разумеется. Сейчас я посмотрю, как ее звали.

— Не стоит беспокоиться, мистер Джонсон.

Блэк двинулся дальше. Филлис хихикнула, но он не улыбнулся в ответ и ничем не показал, что разделяет ее веселое настроение. Сейчас Блэка скорей сердила эта ее привычка, и он с трудом сдержался, чтобы не сорвать на ней раздражение.

Филлис виновато взглянула на него, но он, не глядя на свою подругу, шел дальше, остановившись лишь раз, чтобы

послушать, как опрашивают одного из клиентов, рыжеволосого парня с огромным носом и торчащим адамовым яблоком.

— Я родился... родился... да, в сорок втором...

— В каком столетии, сэр?

— Ну-у... в этом, конешно.

Пауза; потом, терпеливо:

— В девятнадцатом или в двадцатом?

— Ну-у... да, мисс... война... да, война случилась в 1842, конешно. Тогда я и помер, в двадцать один годок-то... Реб откромсал мне ногу, я и помер от этой... от инфукции... Но когда я проснулся тут, на берегу, нога моя вернулась обратно, и я...

— Да, сэр. Понимаю, сэр. Но кто та женщина, которую вы хотите найти?

— Лаура Мэй Иверсон, мисс. Она и я... мы собирались пожениться, но тут эта война... Мы не могли ждать... ну, вы понимаете... и когда я начал маршировать на юг, не уверен, что она осталась в одиночестве. Ну, вы понимаете, чего я хочу сказать... не такой большой грех сделать девушке ребенка... теперь все мы, и святые, и грешники, в одной лодке... все здесь... Словом, я хочу найти ее, мисс. Двенадцать лет я брожу туда и сюда, вверх и вниз, вверх и вниз... Не то чтобы я сторонился других женщин, нет, но с последней я поссорился и удрал подальше, а потом попал сюда и услышал про вашу контору. Понимаете, Лаура Мэй все не выходит у меня из головы, и я хотел бы узнать, получился ли у нас ребенок, и как...

Другой клиент был невысоким смугловатым человеком с большой головой, темными курчавыми волосами и носом крючком.

— Ваше имя, пожалуйста?

— Исаак Голдберг.

— Время и место вашего рождения?

— Двадцать шестое января 1918 года, Гамбург, Германия.

— И вы умерли...

— В Дахау, зимой сорок второго.

— Вы воскресли в этом районе долины?

— Нет, ниже по Реке, среди немцев, моих современников.

— И чего вы желаете от нашей Службы, мистер Голдберг?

Губы маленького человека дрогнули, искривились, запрыгали, извергли поток гортанных немецких фраз. Слова его были ядовиты и горьки, как полынь, и одно имя повторялось среди них снова и снова.

Никто из слушателей не шевельнулся, никто не выказал удивления. Долгий и тяжкий опыт научил их, что ненависть является столь же могущественной силой, столь же важной мотивацией для поисков, как и любовь. Никто, кроме Филлис, не знал имени человека, коего требовалось найти Исааку Голдбергу; лишь она слышала о нем — и слышала предостаточно.

Сотрудник службы спокойно произнес:

— Хорошо, мистер Голдберг, мы сделаем все, что сможем. Но, как вы знаете, мы не можем гарантировать успеха. Насколько я понял, вы уже находили этого человека раньше, причем не один раз?

— Йа, йа! И я мучил и убивал его, как он мучил и убивал моего отца и мою мать, мою сестру и ее мужа, мою жену и моего ребенка. И я найду его снова и снова швырну в огонь! А потом еще раз и еще — все бесконечное время, что отведено нам тут!

— Это может продлиться очень долго, мистер Голдберг... Впрочем, это ваше дело. Теперь позвольте задать вам несколько вопросов. Не встречалась ли вам высокая голубоглазая и светловолосая англичанка по имени Изабелла Блэк? Или, возможно, вы что-то слышали о ней?

Пальцы Филлис, лежавшие в ладони Блэка, внезапно дрогнули. Этот традиционный вопрос, который по приказу Блэка задавался всем клиентам Службы, отнюдь не делал ее счастливее.

Голдберг покачал головой.

— Нет... Нет, я ничего не слышал об этой женщине.

Пальцы Филлис расслабились.

— Благодарю вас. Теперь, известно ли вам что-нибудь о Верховьях Реки? Или вы знаете кого-то, кто располагает подобной информацией?

— Нет, но я встречал людей, которые побывали в самом конце Реки, в Низовьях. Они говорили, что Река там течет в узком каньоне, среди обрывистых берегов, под огромными утесами, и из ревущего потока торчат скалы — такие скалы, что могут разнести на куски любое судно, которое попробует преодолеть стремнину. Ни один человек — из тех, кто попытался отправиться туда — не вернулся назад, ни живым, ни мертвым.

— Благодарю вас, мистер Голдберг, это нам известно. Нас интересуют Верховья.

— Ничего не знаю о них. По-моему, нет никого, кто сумел бы добраться туда.

Маленький человек стиснул кулаки и уставился в угол обширной комнаты.

Тихо ступая, Блэк и Филлис двинулись прочь, остановившись только у двери госпиталя, чтобы выкурить по сигарете. Филлис ни словом не помянула про Изабеллу, однако Блэк догадывался, какие мысли вертятся в ее голове. Вдруг она сказала:

— Этот Голдберг, Дик... он нуждается в помощи психиатра, я полагаю. Отчаянно нуждается! Подумать только, он провел двадцать лет в долине, и до сих пор не приспособился к новой жизни. Двадцать лет сердце его истекает кровью, двадцать лет его сжигает ненависть... Великий Боже! Не то, чтобы я ставила это ему в вину... Господь видит, он достаточно настрадался на Земле... Но есть же различия, Дик, есть различия! Тут — долина! Тут мы можем начать все с начала, обрести покой и даже некое подобие счастья... Ты обратил внимание, что он ничего не спрашивал о своих пропавших родственниках? Не то, чтобы он не хотел найти их, но я должна сказать, Дик, что он...

— Не стоит так нервничать, Фил.

Она выпустила струйку дыма.

— И все же я нервничаю, вот уже несколько дней. Что касается этого Голдберга... Хотела бы я знать, как найти человека, который умер здесь, в долине? Воскрешенный может очутиться очень далеко от места своей гибели...— Филлис тяжело вздохнула.— И это тоже нервирует меня, Дик. Часто я думаю, что буду делать, если тебя убьют? Ведь я никогда не увижу тебя снова, даже если и буду уверена, что на самом

деле ты жив и обитаешь где-то далеко... Но для меня ты будешь все равно что мертвый! Я не вынесу этого, Дик! Ты — единственный мужчина, которого я люблю! По-настоящему люблю!

— Тут есть миллионы других мужчин, которых ты могла бы любить с той же страстью, что и меня, Фил. И, вероятно, будешь любить. Ведь перед нами бесконечность! Представь, что случится через сотню лет? Будем ли мы любить друг друга так же преданно, или будем желать друг другу смерти? И сколько других возлюбленных мы встретим на своем пути? Чьи руки будут обнимать нас, с чьих губ станем мы пить нектар любви?

Она вздрогнула, уязвленная.

— Многие пары на Земле доживали до девяноста или до ста лет и любили друг друга до самого конца. Это правда, Дик!

— Это непроверенные и сомнительные сведения. Сколь многие из этих супругов, казавшихся такими преданными, жили вместе лишь по привычке или потому, что они состарились и не могли ничего изменить в своей судьбе? Что случилось бы, если б они, подобно нам, вернули жизненные силы двадцатипятилетних? Ты думаешь, что эти парочки стали бы по-прежнему проводить тихие вечера, кивая головами и поддакивая друг другу? Не уверен, совсем не уверен! Вряд ли они смогли бы воспротивиться зову плоти и сексуальным желаниям, направленным на других женщин и мужчин... Я думаю, те пары, о которых ты сказала, просто покорились рутинному существованию, не имея сил разорвать возрастные оковы.

Филлис глубоко втянула воздух.

— Дик, когда ты так рассуждаешь, я невольно задаюсь вопросом: любишь ли ты меня?

Он моргнул.

— Разве из моих рассуждений можно сделать такой вывод?

— Такой вывод? Побойся Бога, Ричард Блэк! Ты — самый глупый, самый тупой, самый самодовольный человек из всех, кого я знала! Удивляюсь, как у меня хватило терпения прожить с тобой двенадцать лет!

— Но только что ты собиралась любить меня целую вечность, — произнес он с ухмылкой.

— Ну, это было маленьким преувеличением.

— Об этом я и говорю.

Она была в ярости; Блэк, хоть и усмехался терпеливо, не мог этого не заметить. Машинально он взглянул на календарь, начертанный прямо на беленой стене, и в символах его нашел ответ. По крайней мере, часть ответа. Конечно же, то был день, когда начался ее цикл! А это означало, что слова и события, которые в иное время не могли бы вывести ее из равновесия, воспринимались особенно остро и били по нервам как пущенные из пращи снаряды. Все это, плюс назревавший конфликт с Мюрелем, напоминание об Изабелле и все возрастающие сомнения насчет постоянства его чувств, тяжким камнем легли на сердце Филлис в это утро.

Как всегда Блэк мельком подумал — как думал часто — о загадочной причине стерильности всех обитавших на берегах Реки. Как и раньше, женщины приносили дань кровью и выздоравливали, по мере того, как убывала и прибывала луна, и мужчины по-прежнему орошали их своим семенем. Однако в теплой и влажной темноте женского чрева не зарождалось ничего.

Он пожал плечами. Вероятно, они никогда не найдут причину своего бесплодия. Тут не имелось микроскопов, и ни один биолог, ни один врач не сумел бы выяснить, потеряли ли жизнеспособность мужские сперматозоиды, или проблема заключается в яйцеклетке, или в женских гормонах, или же связана с контрацептивами, подмешанными в пищу и питье.

Оставив эти бесплодные размышления, Блэк переступил порог госпиталя — так называемого госпиталя, довольно большой комнаты, где стояло два десятка коек, и где его приветствовал доктор Винтерс. Это был невысокий коренастый человек, с очень яркими голубыми глазами, шевелюрой песочного цвета и насмешливым выражением лица.

— Ну, что у нас сегодня, Джо? — спросил Блэк.

Винтерс пожал плечами, одновременно сделав элегантный жест рукой.

— Все прекрасно, шеф, все превосходно. Ни одного случая холеры, тифа, малярии, сифилиса, гонореи, дифтерита,

пневмонии, дизентерии и так далее. Проказой тоже никто не заболел,— добавил он с сардонической усмешкой. Впрочем, шутка его была не более странной, чем мир, в котором сейчас обитало человечество.

Блэк никак не отреагировал на нее; он никогда не смеялся из вежливости. Оглядев палату, он неторопливо направился к ближайшей кровати.

— Привет, Ванда! Как ты сегодня себя чувствуешь?

— Неважно, Дик. Сильные боли в груди, и все виски, что док вливает меня, не приносит облегчения.

Рак. И никакого обезболивающего, кроме алкоголя, да и его не слишком-то много...

В следующей постели лежал человек, чьи руки были скрючены, а спина согнута вопросительным знаком.

Артрит...

— Почему ты не разрешаешь доку Винтерсу прирезать меня, Дик? Я кончился — волею Бога или Бог знает кого... Но, по крайней мере, я освобожусь от мук, от этой медленной агонии.

— Ты действительно этого хочешь? И как же тебя прикончить? Утопить, заколоть или лягнуть со всей силы в промежность?

— Клянусь Богом, Дик, хочу! Можешь запихать меня в чемодан и вышвырнуть в Реку!

— Ну, хорошо. Мы подумаем, что тут можно сделать.

Третьим пациентом была девушка, обвязанная сплетенными из травы веревками. Волосы ее были в беспорядке, глаза плотно закрыты, губы безостановочно двигались, шепча что-то непонятное, бессвязное, ясное лишь ей одной.

Винтерс, бросив на нее взгляд, покачал головой и спросил:

— Вы нашли ее приятеля?

— Да. Один из наших агентов разыскал его в пяти сотнях миль вниз по Реке.

— И что же?..

— Он к ней не вернется. Нашел другую женщину и говорит, что жизнь с ней намного приятнее.

— Жаль... Он единственный человек, который мог бы спасти эту малышку. Если он вернется, она, быть может, выйдет из своего ступора.

— Джо, он не вернется. Он еще сказал, что не хочет быть прикованным к женщине, которую не любит.

Блэк пристально посмотрел на бледное лицо и подумал о Филлис. Что случится с его подругой, если он скажет, что разлюбил ее?

— Ну,— произнес док Винтерс,— мы не можем иметь претензий к этому парню. Почему он обязан жить с ней, если не хочет этого? И если она сошла из-за этого с ума, то может винить в том лишь себя одну. Он — не целительный бальзам, он — человек, и у него своя жизнь. Но мне хотелось бы, чтоб он вернулся назад и попробовал войти с ней в контакт. Тогда, возможно, я сумел бы что-то сделать... Я овладел новой психотехникой... Чарбрасс показал мне...

— Чарбрасс? — Блэк был удивлен.

— Да, наш Великий Молчальник. Они там, в двадцать первом веке, умели многое! Все, что я знал до сих пор, кажется теперь таким примитивным...— док невесело усмехнулся и заметил: — Так что я очень благодарен Чарбрассу за демонстрацию на редкость эффективной методики, но одновременно горю желанием пнуть его в зад. Он мог бы обучить меня этому гораздо раньше.

Великий Боже, парень,— сказал я ему,— мы знакомы шесть лет, и ты отлично знал, как я нуждаюсь в чем-то таком... в чем-то более мощном, более совершенном. И ты не пожелал раскрыть рта! Почему?

И знаете, Блэк, что он мне ответил? В этой своей небрежной, ленивой манере, чуть приподняв веки... «Док,— произнес он,— что же ты не поинтересовался у меня раньше?»

Блэк задумчиво сощурился.

— Чарбрасс — инженер, все-таки инженер, а не врач. Может быть он думал, что знает слишком мало по сравнению с медиками своего времени?

— Он сказал, что его познания в медицине непрофессиональны. И все же, все же!.. Они оказались значительней всего, чему я некогда учился!

Блэк перевел взгляд на застывшую в шоке девушку.

— Скажите, Джо, она страдала душевной болезнью во время своей земной жизни?

— Да. И умерла в лечебнице для умалишенных. Но здесь, на берегу Реки, пробудилась вполне здоровой.

— Выходит, Тот, Кто перенес ее сюда, поправил дело...

— Да, как и во всех прочих случаях соматических и психосоматических нарушений. Все они излечились, по крайней мере, временно.

— Это, знаете ли, странная вещь,— заявил Блэк.— Ни одного идиота в долине! Их сюда не перенесли.

— Как и детей младше пяти лет. И те женщины, которые умерли на Земле беременными или во время родов, тут очутились с пустым чревом.

— Хмм... Где же все кретины, все детишки и все зародыши?

— Спросите что-нибудь полегче,— ухмыльнулся Винтерс.— Это есть очередная великая тайна нашей жизни на сих берегах... Если вы начнете слишком усиленно размышлять на такие темы, то либо превратитесь в алкоголика — а с выпивкой здесь, учтите, туговато — либо сойдете с ума, как эта бедная девочка...— Доктор покосился на замершую в ступоре пациентку и страдальчески сморщился.— Я думаю, существует лишь один способ излечить ее — эвтаназия.

— Да. И она восстанет где-то на берегу к новой жизни, чистая, здоровая, способная начать все сначала...— Блэк взглянул на больного артритом, потом перевел глаза на Винтерса.— Как вы полагаете, то, что вам показал Чарбрасс, может ему помочь?

— Во всяком случае, я сделаю попытку. Почему бы нет?

— Если не получится... Одним словом, я поставлю вопрос об эвтаназии наших безнадежно больных на Совете. Чудовищно заставлять людей мучиться!

Винтерс одобрительно потер ладони.

— Насчет эвтаназии — это превосходная идея! Я быстренько похороню свои неудачные эксперименты и займусь тем, что умею делать — буду вправлять сломанные кости да выдирать зубы. Таким образом, у меня останется куда больше времени для рыбалки... О, наша долина — счастливейшее местечко! Здесь врач может излечить пациента самым простым способом — прикончив его. Клянусь Богом, если бы так было на Земле!..

Блэк рассмеялся, а затем поведал доку историю Исаака Голдберга, попросив найти его и убедить подвергнуться психотерапевтическим процедурам.

— Мне говорили, что этот парень был в свое время довольно известным комическим актером. Думаю, если изгнать горечь из его души, он сделался бы полезным членом нашей общины. Певцы, актеры и музыканты нужны нам не меньше химиков и больше, чем профессора английского.

Винтерс кивнул.

— Да, в отсутствии бумаги и письменных принадлежностей человек опять возвращается к Слову. Хороший рассказчик идет по цене золота — если бы тут оно было! В этом мире не так много развлечений, и любой комедиант, игравший во второсортных водевилях, может снискать бессмертную славу.

— Рад, что вы это понимаете. Вот и займитесь Голдбергом... может, удастся что-то сделать для него.

Блэк уже направлялся к выходу, когда доктор окликнул его.

— Минуту, Дик! Тут есть кое-кто, с кем я хотел бы вас познакомить. Одна красотка, появившаяся с рассветом на Торговой Площади... Я уговорил ее прийти в Замок, пока она размышляла, куда бы двинуться. Ну, и мы решили, что она будет прибирать здесь, если не найдет работенки почище. Думаю, за этим дело не станет!

Винтерс раскурил сигарету и выдохнул клуб дыма; его глаза возбужденно поблескивали.

— Уже выстроилась целая очередь желающих взять эту малышку под свое крыло. Еще бы, Дик! Это такое блюдо! Поджаристое, наперченное и под острым соусом! Настоящая женщина, если вы понимаете, что я имею в виду!

Итак, вот она: Анна де Цельнос собственной персоной!

И доктор, приложив ко рту сложенные лодочкой ладони, торжественно протрубил: та-ра-та-ра-тарара!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Анна де Цельнос оказалась невысокой и гибкой, как лоза. У нее были самые прекрасные каштановые волосы, какие доводилось видеть Блэку, округлое личико, нежная смугловатая кожа, губы, яркие от природы, не ведающие косметики, маленькая ямочка на подбородке, от которой было трудно отвести взгляд, и карие глаза с ресницами, подобными черным крыльям. Глаза эти горели, пылали огнем, смеялись, покоряли!

Она не отличалась классической красотой, и она была из тех женщин, чьи души нельзя сковать цепями или заключить в клетку; эти грубые приспособления могли пленить лишь тело, но не дух. На портрете ее лицо показалось бы весьма посредственным, даже некрасивым, но один взгляд на нее — живую, сияющую, один звук ее голоса повергали в трепет. Она была редкостным самоцветом, синей птицей среди воробьиной стаи!

Блэк определил это сразу же, в первый момент их встречи. Ему не хотелось, чтобы она ушла после нескольких слов, сказанных меж ними; он был бы не прочь поговорить с ней дольше. И, отвечая на ее расспросы про Телем и местные порядки, он поинтересовался причиной ее смерти. Вопрос этот не был под запретом; каждый свободно толковал о собственной кончине, вспоминая ее с сарказмом, юмором или драматическими подробностями — в зависимости от склада характера и темперамента.

— О, ла-ла! — Анна взмахнула руками.— Я была рада уйти из того места! Там было слишком много хмурых мужчин... Ни минутки веселья, ни часа остроумной болтовни, лишь черные взгляды, проклятья сквозь зубы и кровь, кровь... Нет, это не для меня!

Она была из той же породы, что и Елена Троянская. Став подругой самозваного короля, правившего областью,

где обитали французы семнадцатого века, она сбежала от своего повелителя с принцем, прибывшим с дипломатическим визитом. Последовала война между двумя державами. Тем временем первый министр принца и его генерал пали жертвами чар Анны. Министр был уличен и приговорен к смерти; генерал же, не затягивая дело, прикончил и министра, и принца, и сделал Анну своей возлюбленной.

— Что же случилось потом? — с любопытством спросил Блэк.

— О, я начала уставать от этих тупоголовых вояк, желавших, чтобы я клялась в вечной любви каждую минуту. Ну, я сбежала с певцом, с оперным баритоном... Я обожаю этот тембр, он делает со мной что-то такое... такое, что не доступно ни тенору, ни басу. Словом, мы сбежали, но были пойманы. И мой генерал задушил меня своими собственными руками.

Она коснулась шеи, покрытой золотистым загаром, и произнесла:

— Я очень рада, что воскрешение стерло все следы его жестокости.

Блэк улыбнулся.

— Я тоже! Стыдно портить такое совершенство.

— Благодарю вас, монсеньор.

Ее глаза поймали взгляд Блэка. Она смотрела на него долго и пристально, потом сказала:

— Ах, вы один из самых безобразных людей, которых я видела. Нет, нет, не возражайте! Это комплимент! Вы безобразны, но на самый приятный манер. Вы — словно помесь дьявола и бога... И вы пугаете меня — настолько, насколько я могу бояться мужчины... и в то же время притягиваете... — Внезапно она улыбнулась. — Я думаю, у вас есть подруга?

— Да. Филлис Макбейн. Я познакомлю вас с ней.

— Это хорошо. Я должна взглянуть на женщину, которую собираюсь вытеснить из вашего сердца.

— Вы откровенны.

— Почему бы и нет? Даже на Земле я редко лицемерила, а здесь нет никаких причин — ну абсолютно никаких! — чтобы не быть правдивой. После первого ужаса, испытанного мной при воскрешении — а я, надо сказать, никогда не ве-

рила в жизнь после смерти, хотя в мое время таких богохульников сжигали...

— Но не в вашей стране, мадам.

— Верно... Но и не так далеко от ее границ... В общем я хочу сказать, что когда привыкла к жизни долине, которая кажется на первый взгляд такой скудной и бедной, я поняла, что во многих отношениях она богаче, чем на Земле. И я решила, что могу делать все, что захочу. Абсолютно все!

— Тогда — добро пожаловать в Телем, вашу истинную обитель! — Блэк поклонился.

— Вы правы, монсеньор. Но, как уже упоминалось, я говорю, что хочу, и я делаю, что хочу. Это приносит мне кое-какие неприятности, но лишь потому, что мужчины все слишком серьезно воспринимают. Я сказала Жан-Жаку, что мы будем любить друг друга месяц, или год, или два, а потом он может мне надоесть. И он ответил, что убьет меня! Конечно же, я его разлюбила... и все-таки не он сам, а его генерал отнял у меня жизнь... Но я отплатила ему, монсеньор Блэк, я ему отплатила! Я так лягнула его... ну, вы понимаете, куда... так лягнула, что он присел и отпустил меня! Но потом, когда он пришел в себя, то закончил свою работу... Вполне успешно, полагаю, иначе я не была бы сейчас здесь, с вами.

— Мы в долгу перед генералом,— галантно заметил Блэк.— Его потеря — наше приобретение.

Поблагодарив очаровательной улыбкой, Анна засыпала его вопросами. Блэк объяснил ей назначение Поисковой Службы, охватившей уже Реку на протяжении трех тысяч миль, рассказал, как получает донесения от своих агентов с помощью барабанной связи и как надеется с их помощью влиять на весь сектор долины с англоязычным населением.

— И тогда в один прекрасный день ваш Телем превратится в империю,— сказала Анна.

Он рассмеялся.

— Мечты, мечты, мадам! Здесь, я уверен, не появится ни империй, ни императоров. Люди станут править сами и, вероятно, это будет наиболее демократичное правительство из всех, когда-либо существовавших.

— О, монсеньор! Вы не похожи на глупца... И вы действительно верите, что толпа способна править государством?

— Здесь — да. Это не Земля, не Европа, напомню вам. Здесь у нас есть время, чтобы исправить свои ошибки.

— Или умножить их.

— Верно, но тут, в долине, у нас больше надежд на благоприятный исход. Мы молоды и способны адаптироваться; наш разум — по крайней мере, теоретически — должен быть таким же гибким, как мышцы, и чистым, как кровь, текущая в наших жилах. У нас нет детей и нет проблем с их воспитанием; нам не надо следить, чтобы они не наделали тех же ошибок, что их отцы. У нас есть только мы сами! И каждый из нас обладает опытом прежней жизни. Уверен, что мы способны перемениться и поумнеть, если время от времени будем вспоминать о тех глупостях, что творили прежде.

— Рассуждения монсеньора весьма оптимистичны... — Анна, склонив головку, присела в реверансе. — Монсеньор полагает, что люди способны чему-то научиться, но я думаю, это не так. О, мон дье! Глупость человеческая не иссякнет даже в бесконечности! Мне кажется, что большинство скорее даст разрезать себя на куски... Но изменить идеи, образ мысли — никогда! Скорее они умрут! Они возродятся к жизни в тысячный раз, и в тысячу первый сотворят все те же глупости, что творили их отцы.

— Я надеюсь, вы ошибаетесь, мадам. Вы красите все в черный цвет...

— Вы, Блэк — Черный, монсеньор, а не я.

— Не так я черен и не столь доверчив, как вы нарисовали.

Наступила пауза; затем Блэк снова заговорил — с вдохновением и взволнованностью, которые он не мог скрыть. Да ему и не хотелось этого делать.

— Сегодня в полдень я собираюсь проинспектировать укрепления, что охраняют подход к Копям Упавшей Звезды. Не желаете ли отправиться со мной? Вы бросите взгляд на Телем с холмов, и я смогу рассказать вам о том, чем мы заняты и чего пытаемся достичь.

— Монсеньор делает мне честь... — Анна снова присела в реверансе.

— Тогда я буду ждать вас в северо-западном углу Торговой Площади, около полудня.

Когда Блэк уходил, ему не хотелось задумываться ни над тем, чем вызвано его внезапное волнение, ни над причинами, по которым он назначил ей встречу. Но он знал, что ощущает на самом деле; то было такое же чувство, что охватывало его уже дважды: когда он впервые повстречался с Изабеллой и с Филлис.

Теперь его вызвала Анна.

В этот момент он заметил, что Филлис стоит у двери и уже некоторое время наблюдает за ним. Увидев, что он глядит на нее, она вздрогнула; сосредоточенное выражение на ее лице исчезло, и она спросила:

— Пойдем в твой офис? Или у нас есть еще какие-то дела?

Он оглянулся на Анну, потом отрицательно покачал головой.

— Нет.

Когда они вошли в кабинет Блэка, Филлис спросила, кто была та женщина. Блэк объяснил.

— Она говорит словно избалованный ребенок,— заметила Филлис.— Она красива?

— Ты же видела ее.

— Конечно. Но я спрашиваю, находишь ли ты ее красивой?

— Очень привлекательная особа. Но у нас в Телеме есть добрая дюжина более красивых женщин.

— Мне кажется, она полновата.

— Хмм... Она принадлежит к типу чувственных женщин, а для них лишний фунт или два в самом деле может стать катастрофой. Возможно, у нее есть капелька лишнего веса.

— Но ты так не считаешь, не правда ли?

— Откуда тебе известно, что я считаю, и что — нет?

— Ты глаз с нее не спускал!

— Вполне естественно! Я мужчина, а всякий мужчина способен оценить привлекательность женщины.

Филлис помолчала; затем:

— Она умна?

— Да.

— Любит пошутить?

— Да.

— Неординарная личность?

— Несомненно.

— Выделяется в толпе, так?

— Никогда не наблюдал ее в толпе, но, вероятно, она не пожелала бы смешаться с ней.

Блэк уселся за конторку. Филлис тоже устроилась в своем кресле.

— Слышала ли я об этой Анне де Цельнос раньше? — задумчиво произнесла она. — Кажется, я что-то читала о ней.

— Возможно, — обронил Блэк.

Закурив сигарету, он сказал:

— Она жила во Франции в семнадцатом столетии и немного — в восемнадцатом. Имела репутацию ведьмы, дорогостоящей куртизанки и держала салон, весьма популярный в те времена.

Услышав его последние слова, Филлис резко выпрямилась.

— О, я знаю, знаю! У нее было так много любовников, что в ее биографии не хватило места, дабы всех упомянуть! Настоящая проститутка!

— Едва ли. Она никогда не имела дел с поклонниками, которые ей не нравились. И хотя принимала их подарки, они не являлись поводом, чтобы ложиться в постель с каждым из ее благодетелей.

— А я говорю, она проститутка!

— Сегодня ты слишком сурова в своих приговорах, дорогая. Это на тебя не похоже.

— Думаю, она мне не нравится.

— Но даже не поговорила с ней!

— Зато я видела, как ты говорил. Для меня этого достаточно!

Блэк резко повернул голову; его черные глаза впились в голубые зрачки Филлис. Она вздрогнула, сморщилась и сказала:

— Ради всех святых, Дик, не надо так на меня смотреть! Я знаю, что не должна была говорить о ней гадости... Но что-то случилось с тобой. Все эти годы я никогда не замечала такого счастливого выражения на твоем лице... Только раз, один раз! В день, когда мы встретились. Ты еще помнишь его?

— Выражение или день?

Она попыталась улыбнуться, но улыбка умерла на ее губах.

— День, глупый. Это было после большой драки с бандой грабителей чаш, которые владели тогда нашей стороной озера. Ты убил их вождя... не могу припомнить его имени... убил огромным каменным обломком. Разбил ему череп, помнишь? А я держала его за ноги, когда ты сидел на нем и молотил своим камнем... Это было ужасно, и я должна была бы бояться, но я была счастлива. Мы разделались с этим чудовищем!

И когда ты поднялся, потный, грязный, окровавленный, с горящим взглядом и ликом словно у торжествующего демона, я почувствовала, что люблю тебя. И ты посмотрел на меня — в тот миг у тебя было такое счастливое выражение! — и я поняла, что этой ночью мы будем спать вместе. И еще много, много ночей!

Конечно, то было романтическое и мимолетное чувство. Ты мог сделаться тираном, таким же жестоким, как убитый тобой бандит, но ты им не стал. И, когда чары рассеялись, а романтика ушла, когда мы вернулись к обычной жизни, я тебя полюбила. Больше даже, чем раньше, потому что я люблю тебя как человека, а не как сказочного героя.

— Я не слепой, Фил,— произнес Блэк,— и я вижу, что ты пытаешься сделать. Ты напоминаешь мне о годах, которые мы провели вместе. Это важно, очень важно, но прежде ты такого не делала. Ты знаешь, я встречал других женщин, очень привлекательных женщин, и они не делали секрета из того, чего им хотелось. Я мог с легкостью заполучить любую, и ты бы не бросила меня, хотя в жизни нашей кое-что бы переменилось... Но я отказывал всем этим женщинам, потому что знал: я получу от них не больше того, что даешь мне ты... ну, не считая новизны, конечно. Я думаю, мы жили хорошо, слишком хорошо, чтобы предпочесть нашу любовь удовольствиям одной или двух ночей. Я был тебе верен все эти двенадцать лет, и ты, насколько я знаю, тоже. Так почему я должен был менять нечто прочное, определенное, на эфемерный дым?

Я этого и не делал. И мы всегда отлично понимали друг друга, Фил. Но теперь на нашем берегу внезапно оказалась

женщина, другая женщина, с которой я поболтал несколько минут, а ты — ты не обмолвилась с ней ни словом! И ты ведешь себя так, словно мы на грани разрыва, словно я влюбился в эту француженку без памяти и готов вышвырнуть тебя из нашего бунгало! Побойся Бога, Фил! Первый раз я замечаю за тобой ревность.

Ее серо-голубые глаза вдруг подозрительно заблестели; очевидно, Филлис с трудом сдерживала слезы. Моргнув, она сказала:

— Да, ревность — не из числа моих недостатков... я не похожа на тех женщин, что ищут чужие волоски на пиджаках своих мужей... И ты был прав, говоря, что я приняла бы тебя и в том случае, если б ты ночь или две пощипал травку на чужом лужке. Те, другие женщины, могли бы оказаться соблазнительными в постели, но вряд ли я потеряла бы тебя из-за этого. Они не сумели бы тебя удержать.

Но эта Анна де Цельнос, думаю, совсем иная. Я прочитала это на твоем лице, Дик! Ты выглядел каким-то... каким-то преображенным!

— Вряд ли,— сухо произнес Блэк.— Всякий бывает поражен, встретив святого. Она, разумеется, не святая, но... Необычная женщина! Не такая, как все.

— Это я понимаю! — Филлис тихо заплакала.— Но я не собираюсь осуждать ее... и не собираюсь лицемерить... я чувствую, что это только отвратило бы тебя...

Она вытерла слезы и сказала:

— Дик, я отлично знаю, что не должна говорить об этом... тебе такое не нравится, да и мне тоже... но мне непонятно, как она может тебя привлечь. Ты получил викторианское воспитание, но никогда не раздавал премий девственницам, ты достаточно умен для этого. Но все же, все же... Эта женщина... она переспала с огромным числом мужчин во Франции в свое время... А срок ей был отпущен долгий! Даже в семьдесят лет у нее бывали любовники!

Он выпустил к потолку дымное колечко.

— Успокойся, Фил. Весь последний месяц ты слишком возбуждена, ведешь себя как истеричка — и без всяких к тому причин. Что же касается Анны... Ну, если она была так популярна, значит, в ней есть нечто привлекательное для мужчин.

— О! Это правда, правда! Ты влюбился в нее!

Филлис разрыдалась.

— Я же сказал, успокойся! Она мне понравилась, это верно, но я не сошел с ума и не потерял головы, детка! Я не собираюсь крутить с ней роман.

Раздраженный, он откинулся в кресле и сделал то, чего прежде никогда не делал — швырнул в угол наполовину выкуренную сигарету. Филлис, по щекам которой текли слезы, автоматически поднялась, подобрала окурок и, надорвав обертку, высыпала остатки табака в долбленый из дерева ящичек, уже почти заполненный. Табак был великой ценностью; на него они могли выменять на Торговой Площади массу нужных вещей.

Блэк следил за ней, выжидая подходящий момент. Наконец он встал, сделал пару шагов и, очутившись позади своей подруги, крепко обнял ее гибкую талию. Он опустил голову, коснулся губами ее шеи и прошептал:

— Поверь мне, Филлис, я никогда не собирался бросать тебя. Да, говоря начистоту, Анна показалась мне очаровательной... Но это вовсе не значит, что я вышвырну тебя и уложу ее в свою постель.

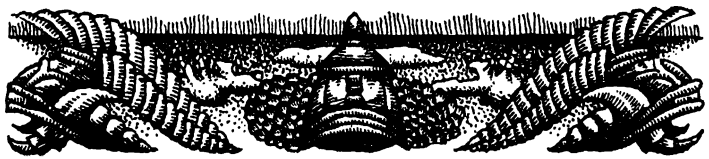
Она повернулась и поцеловала его.

— О, Дик! Я так надеялась, что ты это скажешь! Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Их губы соприкоснулись; поцелуй был долгим и страстным. Затем он нежно отстранил ее и сказал, что пора приниматься за работу.

Покорно кивнув, Филлис вытерла слезы. Минутой позже жизнь потекла тем же путем, что и всегда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ричард Блэк сидел за своей узкой конторкой из обструганных сосновых досок в жестком и неудобном бамбуковом кресле. Филлис расположилась рядом, в таком же кресле; на коленях ее лежала гладкая дощечка, на ней — стопка бумажных листков из расправленных сигаретных пачек. Ее перо, сделанное из рыбьей кости, царапало бумагу, сосудик с чернилами, которые добывали из древесной коры, стоял на полу. Бумаги всегда не хватало, и потому записи Филлис скорей напоминали стенографию или некий шифр: какой-нибудь значок или символ мог обозначать слово или целую фразу.

Когда Блэк закончил диктовать наиболее важные распоряжения на сегодняшний день, она встала и покинула кабинет с клочком бумаги в руках. Через минуту Филлис вернулась — вместе с невысоким смуглокожим и черноволосым человеком. Он был футов пяти ростом, с узким удлиненным лицом, крючковатым носом и полными пухлыми губами. Несомненно, этот парень — или его ближайшие предки — происходил из восточного Средиземноморья.

— Вот человек, о котором я говорила тебе вчера, — произнесла Филлис, подталкивая посетителя вперед. — Он пеласг, его имя Макаи. Как можно понять из его истории, он родился в то время, когда началась экспансия греческих племен на Балканы, острова Эгейского моря и в Пелопоннес.

Блэк произнес несколько слов на греческом эпохи Гомера, но глаза Макаи были пусты, как чистый лист бумаги. Он повторил попытку, используя различные диалекты древнегреческого — с тем же успехом. Затем ему пришла мысль обратиться к арабскому, древнееврейскому и арамейскому; Блэк надеялся, что его посетитель знаком с финикийским, который, безусловно, был связан с возникшими позже семитскими языками. Макаи, однако, не понял ничего.

Пришлось вернуться к английскому, на котором посетитель изъяснялся хоть и с трудом, но вполне разборчиво. Подстегиваемый вопросами и репликами Блэка, запинаясь и подыскивая слова, он поведал свою историю.

Макаи тонул дважды: первый раз — в Эгейском море, у берегов островка, на котором провел всю жизнь, и второй — в водах Реки. Блэк поинтересовался, в какой части долины он обитал до появления в Телеме, но в ответ пеласг лишь пожал плечами.

Был ли тот район долины похож на местность, в которой он теперь очутился?

Плечи Макаи вновь поднялись и опустились; он закатил свои черные глаза и вздохнул.

Означало ли это «да» или «нет»?

На повторный вопрос пеласг пробормотал что-то неразборчивое. «Дда-аа»,— с трудом различил Блэк.

Было ли там холоднее, чем здесь?

Немного.

Простиралась ли долина на запад и восток, как вблизи Телема, или тянулась на север и юг?

На запад и восток.

Теперь пришло время поговорить о звездных небесах. Блэк описал одно из ярких созвездий, называвшееся Лук и Стрела, указав его расположение на небе в это время года. Видел ли его Макаи в своей части долины?

Нет.

Становилось ясно, что пеласг впервые пробудился где-то в высоких широтах, в северном или южном полушарии этого неведомого мира. Телем же лежал вблизи экватора.

Макаи поведал, что утонул вторично во время рыбной ловли и воскрес неподалеку от Телема, в шестидесяти милях к западу. Боги этого мира поместили Макаи на южном берегу Реки, в области, населенной племенем чероки, которые тут же обратили пришельца в рабство. Позднее отряды Мюреля истребили краснокожих дикарей, но для Макаи мало что переменилось: он был рабом, а стал подневольным крепостным. После двух лет трудов и мучений агент Блэка выкупил его — за шестьдесят пять унций шотландского виски и обещание разыскать персону, которая интересовала нынешнего хозяина пеласга.

— Макаи, — произнес Блэк, — случалось ли тебе бывать в Верховьях Реки? Возможно, ты знал кого-то, кто добрался до тех мест, или слышал о таком человеке?

Пеласг отрицательно покачал головой.

— Быть может, ты видел или слышал о каком-нибудь существе — нечеловеке? О ком-то, подобном богу или демону? Если это тебе непонятно, я поясню. Видел ли ты или слышал о создании, которое кажется чужим среди людей, которое владеет необыкновенной мощью?

Макаи выглядел испуганным; голова его отрицательно качнулась.

— Ты не слышал историй о богах, посетивших долину с тех пор, как ты впервые очнулся на речном берегу?

Снова отрицательный жест.

— Ты дважды возвращался к жизни. Оба раза, когда ты открывал глаза, находился ли кто-нибудь поблизости или ты был один?

Один.

— Когда ты воскрес? Днем или ночью?

На рассвете.

— Был ли поблизости какой-нибудь механизм?

Механизм? Полное недоумение в глазах.

Блэк объяснил, что это такое, и пеласг снова покачал головой. В его больших ярких черных зрачках застыло странное выражение — словно у пса, который никак не может понять, чего хочет хозяин.

Узнает ли Макаи свою часть долины, если вновь попадет в те края?

Дда-аа.

А хочет ли Макаи туда возвратиться?

Дда-аа! О, дда-аа!

Но пока что Макаи придется жить в Телеме. Хочет ли он стать его гражданином? Будет ли сражаться за Телем с теми людьми, которые обратили его в рабство?

Сражаться — дда-аа! Но разве рабам позволяют сражаться?

Блэк попытался объяснить пеласгу, что он больше не раб и никому не принадлежит. Если угодно, он может уйти из Замка и вообще покинуть Телем; никто не будет его останавливать.

Макаи не был уверен в этом, но утвердительно кивнул головой. Пока что он решил остаться в Телеме.

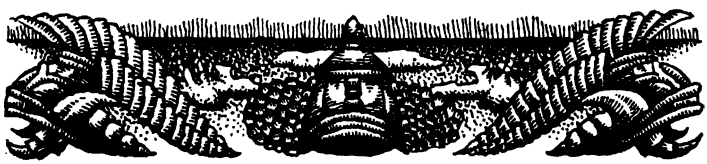
Блэк, которого всегда интересовала история, спросил пеласга, как имя его царя. Но Макаи этого не знал. Он родился на крохотном островке в Эгейском море и провел там всю жизнь. Правда, и на этом острове всякий год появлялся царский сборщик налогов, но он никогда не называл имени владыки. Сборщик его не называл, а Макаи не спрашивал, поскольку был занят делами, значившими гораздо больше в его первой жизни — к примеру, ловлей рыбы.

Ричард Блэк сделал повелительный жест, разрешая Макаи удалиться. На прощание он сказал:

— Ну, мы посмотрим, есть ли у тебя какие-то особые таланты, парень. А пока что, Филлис, отведи его к Яну; пусть выдаст ему сети и каноэ.

Филлис проводила Макаи за дверь. Она еще не успела вернуться, когда новый посетитель мягко и стремительно шагнул в комнату.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вошедший в кабинет Джеймс Батлер Хикок был рослым, представительным и хорошо сложенным мужчиной с острым взглядом серых глаз, слегка выступающими скулами, орлиным носом и длинными золотисто-бронзовыми волосами, что падали ему на плечи. Врожденная сила и ловкость делали его весьма опасным противником; он не походил на человека, который боится открыть дверь и наткнуться за ней на неприятности. Тем не менее, он проскользнул в кабинет Блэка — именно проскользнул; и тому имелись основательные причины.

Мужчины обменялись рукопожатием; это было маленькой, но упорной битвой, ибо каждый стремился покрепче стиснуть ладонь соперника. Затем пальцы их одновременно разжались, как если бы они хотели показать, что в сражении нет победителя.

— Ну, Билл[1], — произнес Блэк, — что ты обнаружил на сей раз?

Билл разгладил несуществующие усы, пока глаза его шарили там и тут. Другая его рука лежала на рукоятке стального ножа, заткнутого за широкий, плетеный из травы пояс, стягивавший его темное кимоно. Его голос был на удивление высоким и тонким для такого крупного человека.

— Я проторчал две недели около столицы Мюреля — если эти занюханные трущобы можно назвать городом.

Вошла Филлис, и Билл сделал паузу. Они приветствовали друг друга так, словно расстались вчера вечером, а не две недели назад, но потеплевшие глаза Хикока показывали, что он рад ее видеть.

---

[1] Не следует удивляться, что Блэк называет Джеймса Батлера Хикока Биллом; это не имя, а прозвище: Бешеный Билл Хикок.

— Словом, я проскользнул через мюрелеву границу словно кусок медвежьего сала в глотку и добрался до его городишки. Думал, все выйдет ладно, а получилось не так! Дьявольщина! Я увидел Тома Кастера и разнюхал, что он служит у Мюреля лейтенантом. Ты помнишь, Дик, я рассказывал, что на Земле мне пришлось-таки хлебнуть неприятностей из-за этой гниды? Ну, я догадывался, что коль попадусь ему на глаза, не отделаюсь виселицей. Он бы вспорол мне брюхо, а кишки пустил на спагетти! Словом, я не рискнул долго торчать в их городе, а ошивался в окрестностях да в разных концах их вонючего маленького королевства. Так что, с одной стороны, меня не поймали, а с другой я не сумел встретится с тем самым парнем из мюрелевых телохранителей, который обещал поведать мне всякие интересные вещи. И я ничего не могу сказать ни о планах Мюреля, ни о его намерениях.

Сожалею, Дик, но если бы Том Кастер положил на меня глаз, мой скальп болтался бы на его поясе. Клянусь Сатаной, он не забыл ту стычку в Хайс Сити! — Тут Бешеный Билл сделал паузу и глаза его сузились; потом он добавил: — Не забыл! Не больше, чем я сам!

Он стиснул кулаки, постучал ими друг о друга и ухмыльнулся.

— Ну, Дик, хоть я и не добрался до своего парня, но ухо держал востро, наслушался всяких разговоров, а нагляделся и того больше. Дрянцо вьется у самых твоих волос, и лучше сбрить их начисто, поближе к коже... Хух! — Тут Билл рубанул рукой воздух, словно отсекая чью-то голову.— Слышал барабаны сегодня утром? Ну, тогда ты знаешь, что Мюрель отправил к нам посланников. Они будут здесь завтра к полудню.

Он чертыхнулся и сказал:

— Прости, Фил, эти сучьи дети совсем вывели меня из терпения! Дик, как только мюрелевы подонки сойдут с корабля на берег, ты должен одних повесить, с остальных снять скальпы и отправить их хозяину.

— Посмотрим,— холодно заметил Блэк,— посмотрим. Скажи-ка мне, что говорят о Мюреле люди? Довольны ли его правлением?

— Недовольны, ну и что с того? Что они могут сделать? Они с удовольствием вынули бы из мерзавца кишки и подвесили его на них, но это все мечты... У Мюреля двенадцать сотен ближних людей, его армия, да еще в нее входят и другие, пока что безоружные. Если он хочет наказать кого-то, то хватает заодно всех его приятелей и женщин, одних вешает, других жжет на площади, третьих обрабатывает ногами и кулаками, пока бедняги не испустят дух. Или выдирает внутренности, и тем, кто еще жив, забивает их в глотку. А женщины, Дик! Женщины ложатся под всю его поганую армию, и смерть у них нелегка! Словом, территория его — тридцать миль вдоль берега, живет там девять тысяч мужчин и женщин, и над всеми он измывается, как распоследний сукин сын!

— И его двенадцать сотен вооруженных могут удержать людей в повиновении?

— Ну, для того есть простые способы. Он всех поделил на два класса, так что одни получают спиртное, а другие — совсем ничего. Ну и первые, значит, причислены к армии, но безоружны, и запугивают вторых, а сами боятся той бандитской своры, что разгуливает с оружием. Все просто, босс, старая система: стая псов, одним — мясо, другим — кости, а остальным — пинок в бок.

Словом, Дик, я не скажу ничего хорошего о Мюреле и его подонках, но бойцы они знатные! Я пару раз ходил с ними в набег за Реку, и мы отлично управились! Ну, само собой, потеряли нескольких парней — сиуксы, они, видишь ли, и тут остаются сиуксами... Как-то ночью навалились на нас, ухватили целую кучу цилиндров да еще женщин, и пошла дьявольская заварушка!.. Я узнал одного из их воинов той ночью. Обгоревший Хвост, он помер от оспы на Земле... а той ночью — от дырки в черепе, которую я проделал здоровенным камнем... Хотел бы я знать, увижу ли его снова?

Блэк терпеливо дожидался паузы, формулируя про себя вопросы; его интересовала тактика и стратегия мюрелева воинства, оснащенность оружием боевых отрядов и многое другое. Но тут его разведчик обронил замечание, после которого все эти важные детали вылетели у Блэка из головы.

— Повтори-ка, что ты сказал? — потребовал он.

— Я говорю, тут появился Джо Кейвмен.[1] Поверь мне, Дик, этот парень десятифутового роста, и если он весит меньше тысячи фунтов, я готов поцеловать скунса под хвост! Словом, так: он покрыт красноватой шерстью, грубой и жесткой, как у гризли, грудь побольше бочки со спиртным и шея почти такая же, руки короткие, а лицо словно у обезьяны. Кроме одного! Ни у одной мартышки нет такого носа — длинного и огромного, как у клоуна. Парень очень велик! И очень силен! Огромный, словно Голиаф! С деревянным щитом размером со стену дома и топором из цельного валуна на длинной рукояти. Помнишь, я говорил о набеге сиуксов? Так вот, он прикончил шестерых одним ударом. Шестерых, помоги мне Бог! И ни один не поднялся — все валялись на земле с пробитыми черепами и переломанными ребрами! Этот Джо словно яростный циклоп, и пусть Господь спасет нас, если мы не придумаем, как его прикончить. Потому что, Дик, он непременно придет к нам — вместе с остальными мерзавцами Мюреля!

— Не вижу проблемы,— пожал плечами Блэк.— Одна стрела со стальным наконечником, нацеленная в нужное место, и — конец!

— А щит, который он таскает? Боже, да его не пробить ни одному лучнику!

— Подожди минутку, Дик,— вмешалась Филлис,— позволь мне расспросить Билла. Кажется, я догадываюсь, кто такой этот Джо Кейвмен.

Она задала Хикоку несколько вопросов, внимательно слушая его слова, и затем повернулась к Блэку. Ее голубые глаза горели любопытством и изумлением.

— Если я не ошибаюсь, этот Джо Кейвмен живой представитель дочеловеческой расы, гигантопитек, живший в эпоху питекантропов или еще раньше. Точнее я не могу сказать, не взглянув на него... Судя по описанию Билла, это ходячее ископаемое кое в чем отличается от останков, которые раскопали в мое время.

Она взглянула на Хикока.

— Билл, он умеет говорить?

---

[1] Пещерный человек

— Да, хоть речь его и кажется странной. Челюсти у него устроены иначе, чем у нас. И он не выговаривает некоторых звуков — «с» и «в» к примеру.

— Дик,— сказала Филлис, в задумчивости накручивая на палец прядь волос,— в определенных отношениях этот Джо походит на гигантопитеков, о которых я уже говорила. Они жили давно, очень давно — в стотысячных годах до новой эры. Раса приматов, вдвое крупнее горилл, с очень массивным костяком... Вероятно, Билл прав — эти создания весили около тысячи фунтов. Очень большие парни! Но его нос... и речь... Это меня смущает! Мне кажется, что наши специалисты не находили скелетов подобного племени. Может быть, Джо относится к какому-нибудь особому подвиду... Я посоветуюсь с Чарбрассом; в двадцать первом веке палеонтологи знали больше о доисторических людях. В любом случае, этот Джо не является гигантским человеком из Китая или с Явы. Особый вид, как я сказала, возможно — с особыми генами... и жил этот народ во времена питекантропов, не раньше. Хотелось бы мне обмерить его череп! Наверняка он не слишком мал, если парень выучился говорить по-английски...— Филлис вновь подняла взгляд на Хикока.— Скажи мне, Билл, это Джо пользовался огнем, когда жил на Земле? Какое было у него оружие? Чем он питался? И где жил? На деревьях, в пещерах или его народ уже умел строить хижины?

Хикок тяжело вздохнул, когда взгляд голубых глаз Филлис остановился на его лице, и огладил несуществующие усы.

— Я не знаю, Фил. Видишь ли, мне и в голову не приходило порасспросить его о таких делах. Все-таки я не ученый... Однако есть у меня кое-что интересное про этого Джо.

Он хитровато усмехнулся и, прислонившись спиной к стене, медленно вытащил сигарету из поясной сумки. Блэк почувствовал раздражение. Его разведчик любил драматические эффекты и часто устраивал целые представления перед тем, как выложить новости. Что же касалось нынешних новостей, то они, очевидно, были особенно важными, иначе Билл не принялся бы тянуть время с таким загадочным выражением на физиономии.

Филлис умоляюще сложила руки у груди.

— Ну, пожалуйста, Билл! Не томи нас! Очень тебя прошу!

Разведчик выпустил из ноздрей две струйки дыма и задумчиво уставился на потолок.

— Посмотрим, Фил, посмотрим... Видишь ли, новости, что я принес, идут по цене золота, старого доброго золота, которого я не видел с тех пор, как очутился в этом поганом местечке. С другой стороны, хоть я и не люблю разливаться по-пустому, такая весть заслуживает, что ее отпраздновали. Хотя бы стаканчиком виски...

— Послушай, Билл,— заявил Блэк,— в другой раз я бы с удовольствием поиграл в твои игры, но не теперь. Сегодня у меня тысяча дел и слишком мало времени, чтобы справиться хоть с одной их половиной. Рассказывай! И прости меня, если я был не слишком вежлив.

Губы Хикока медленно растянулись в улыбке — верный признак того, что разведчик прикидывает, как бы подать свою новость. Вдруг он выпалил:

— Дик, это то, что ты искал все последние годы! Человек, побывавший у Верховьев Реки!

Блэк, забыв о своем раздражении, подпрыгнул в кресле, потом вскочил и сгреб Хикока за ворот рубашки.

— Это правда, Билл? Ты не ошибаешься?

— Клянусь собственным скальпом! Все — святая правда, кроме одного: я поторопился назвать Джо Кейвмена человеком.

Блэк выпустил его рубаху и воздел руки вверх.

— Боже мой, Билл! Расскажи же мне его историю! И не пытайся приукрасить ее в духе вестернов и любовных романов! Только факты, одни лишь голые факты! Я хочу знать самое существенное!

— Ладно. Итак, этот здоровяк Джо Кейвмен помер где-то на Земле, сражаясь сразу с двумя огромными львами. Как он утверждает, ему удалось прикончить одного и ранить другого — кстати, Фил, каменным топором — но затем и сам он истек кровью и отдал концы... Вот что — ты, Дик, не сверкай на меня глазами... Во-первых, я тебя не боюсь, а во-вторых рассказываю все так, как говорил мне Джо. Словом, очнулся он на речном берегу среди своих — таких же

волосатых парней десяти футов ростом. Никому из них, как нам, одежка не полагалась, потому что они и на Земле ее не носили. Но чаши у них были — да преогромные! Ну, Дик, вскорости ты сам увидишь... Раза в три больше наших и сильно смахивает на мусорный бачок. Не удивительно, если учесть, сколько лопает этот Джо. Он получает фрукты, хлеб и молоко, и еще наполовину прожаренные бифштексы величиной с четверть коровы... ну, быть может я слегка преувеличил, но они чудовищно большие. Да, совсем забыл — спиртного в его бачке не водится. Но Мюрель приучил Джо к выпивке, и в один день он так нализался, что прикончил десятерых лучших мюрелевых бойцов. Может, и больше убил бы, да кто-то ухитрился накинуть ему на голову мешок, а потом его связали. Ну, с той поры Мюрель дает ему лишь пять унций бурбона за раз.

Блэк снова уселся и начал нетерпеливо барабанить пальцами по крышке стола. Билл покосился на него, но продолжил свой рассказ в прежней неторопливой манере.

— Словом, если не устраивать треп до завтрашнего утра, жил себе Джо тихо-спокойно, пока однажды на Реке не появился корабль, пришедший издалека. Джо никогда не видел такой штуки и был сильно удивлен. На корабле том плыли люди, и они нуждались в сильных гребцах, потому как пару своих уже потеряли. Их главный пригласил Джо на борт, дружелюбно потолковал с ним и убедил отправиться с его людьми. Не знаю уж, как они договорились, только Джо согласился работать на них. Он совсем не тупой парень и когда хочет, соображает быстро... Он выучил язык этих путников — кстати, один приятель из бывших студентов, что трудится сейчас на Мюреля, говорил мне, что язык этот древнеегипетский. Он пришел к такому мнению, когда Джо описал людей с корабля и назвал их имена — Непи, Тети и всякое прочее. А их капитана и главаря звали Эхнатон. Студент, мой приятель, сильно удивлялся и говорил, что ему хотелось бы знать, о том ли самом знаменитом Эхнатоне шла речь. Вероятно, о том самом; приятель порассказал мне про него, и я думаю, что Эхнатон был как раз из тех парней, которые задают вопросы о начале и конце каждой реки. Ну, словом, они плыли себе и плыли, пока не добрались до мест, где начинались пороги...

— Пороги?

— Ты стал плохо слышать, Дик? Пороги. Там они вытащили судно на берег и отправились дальше пешком, пока не достигли преогромного водопада. Ну, принялись они карабкаться на скалы, день за днем, ночь за ночью... то есть я хочу сказать, что днем они лезли вверх, а ночью спали на узких карнизах и тропинках. Наконец, спустя долгое время — Джо не мог сказать, насколько долгое — вся их команда очутилась наверху. Там была горная тропа, и Джо шел по ней первым. Он первым и увидел Большую Чашу...

— Большую Чашу?

Блэк выпрямился в своем кресле, глаза его сверкнули, пальцы, словно клещами, стиснули край стола.

— Да, Большую Чашу. Джо говорил, что перед ним лежало широченное озеро. Посереди его находился остров, а другую сторону он не мог разглядеть — мешал плотный туман. Но остров Джо видел преотлично! Там торчала гигантская скала, и на ее стороне, обращенной к Джо, был оползень... И еще там был огромный цилиндр, чудовищная башня из того же самого белого металла, что и наши кормушки! Во всяком случае, так утверждал Джо.

Словом, штука эта выглядела похожей на чашу — башня в тысячу футов высотой, воздвигнутая среди скал. Она была запрятана в середку самой большой горы и, если б не случился обвал, никто ее бы не заметил. Но теперь бок ее и вершина блестели в солнечных лучах, и Джо, ослепленный, прикрыл глаза ладонью. Затем, как он рассказывал, шагнул вперед и споткнулся о цилиндр, обычную нашу кормушку, которую кто-то бросил на тропе. Не из тех людей, что шли с Джо — ведь он двигался первым, он в этом уверен! Выходит, кто-то еще вскарабкался наверх вдоль водопада и бросил по дороге свою корзинку для ланча — Бог знает почему!

Но Джо этот парень оказал плохую услугу, потому что тропа шла по самому краю пропасти, и он свалился вниз и полетел в Реку, кружась и вращаясь словно ярмарочное колесо, волосатое и огромное. Последнее, что он запомнил — перед тем, как шлепнулся на камни речного берега — был блеск Большой Чаши, сверкавшей подобно райским вратам перед глазами праведника... если мне позволительно сделать такое поэтическое сравнение.

— Ты прощен,— заметил Блэк.— Только я думаю, что сравнение это не поэтическое, а саркастическое.

— Ну и дьявол с ним! Так вот, о Джо... Когда он снова очнулся, то был уже в наших краях, на территории Мюреля. И Мюрель, разумеется, загреб его в свое войско. И пусть Господь поможет нам, Дик, если этот парень затеет драку! Он способен наделать больше бед, чем целое племя кровожадных пауни!

Блэк не обратил внимания на последние слова разведчика. Поднявшись, он принялся расхаживать по комнате со сложенными за спиной руками; глаза его блестели, и время от времени хищная усмешка мелькала на смуглом лице. Для стороннего наблюдателя он походил сейчас на черную пантеру, что мечется в клетке взад и вперед.

Внезапно он замер, потом воздел к небесам стиснутые кулаки и выругался по-арабски.

Глаза Филлис с тревогой расширились; она знала, что Блэк обычно прибегает к этому языку, когда в голове у него начинает вызревать какая-то новая авантюра.

— Я должен потолковать с этим Джо Кейвменом,— произнес он.— И побыстрее! Единственный способ устроить такое дело — пойти и похитить его. Скажи-ка, Билл, есть ли у нас шансы?

Сигарета выпала из губ Хикока. После того, как разведчик поднял ее и сунул на место, он сказал:

— Никто, кроме всяких лживых бродяг и бездельников, которым не поверит даже вонючий койот, не назвал бы меня трусом, но такую штуку мне не отмочить. Положим, нам удастся проскользнуть к Мюрелю, найти Джо, связать и заткнуть ему пасть. Ну, и что дальше? Как ты перетащишь его сюда — тысячу фунтов волосатой плоти? На собственной спине? Или разрежешь его на куски? Нет, эта работенка не для меня!

— Если у нас будет достаточно людей, мы перетащим его на корабль и сплавим вниз по Реке,— предложил Блэк.

— Ты забыл, Дик, что мюрелева столица лежит в самой середине его земель. Нам придется тащить эту мохнатую обезьяну добрых пятнадцать миль! А Мюрель тем временем подымет своих людей барабанным боем, и нам придется иметь дело с тысячей головорезов. Бесполезная затея!

Блэк снова начал метаться по комнате.

— Должен же быть какой-то способ,— процедил он сквозь зубы.

— Дик,— умоляюще произнесла Филлис,— у нас много дел, непростых дел, и незачем ввязываться в эту дикую авантюру. Скоро придет корабль с гонцами Мюреля...

Блэк развернулся с такой стремительностью, что Билл, с автоматизмом разведчика, стерегущего любое резкое движение, сжал пальцы на рукояти ножа. Его босс расхохотался.

— Отличная реакция, дружище! Все тот же добрый старый Бешеный Билл, а? — Затем, бросив взгляд на свою подругу, Блэк довольно кивнул.— Ты подала мне мысль, Фил, отличную мысль. И как я не додумался раньше... Корабль, корабль! Все дело в корабле!

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— Мы захватим судно, команду бросим в тюрьму и отправимся вверх по Реке, будто мы — люди Мюреля и возвращаемся к нему с отчетом. Потихоньку причалим к берегу, сграбастаем одного волосатого парня, и — домой, на всех парусах!

Хикок тряхнул своей золотистой гривой.

— Их судно, «Мститель», придет сюда под флагом перемирия. Во всяком случае, на мачте его болтается чья-то белая рубашка... И ты готов нарушить перемирие, Дик? Это же дело чести!

— Вероятно. Почему бы и нет, если мы что-то выгадаем и обманем мерзавцев? Видишь ли, Билл, многие все еще не могут взять в толк, что земные традиции тут не действуют. Да, мы воскресли, но почему вместе с нами должны были воскреснуть и старые фетиши? Всех их разбил и сокрушил молот второй жизни, дарованной нам, и мы обязаны создать нечто совсем новое, нечто соответствующее моменту и условиям, в которых мы очутились.

Что же касается чести, то это весьма гибкое понятие, Билл, и его определений, принятых всеми и каждым, не существует. Здесь, в долине, где мы можем отказаться от прежних кумиров и сотворить себе новые, честь не войдет в божественный пантеон. Во всяком случае, в мой пантеон. Поверь, я не сторонник насилия, однако предпочитаю реалистичный взгляд на вещи. И если мы догадываемся, что бан-

диты с этого «Мстителя» готовят какую-то каверзу, почему бы ее не предупредить?

Ты ведь понимаешь, Билл, что в данном частном случае нельзя говорить ни о чести, ни о доверии. Предположим, мы будем относиться с уважением к перемирию — но в то же время мы держим клинки наготове, потому что знаем: Мюрель нарушит его тогда, когда ему это выгодно... Впрочем, мы говорим не о том; давайте-ка вернемся к нашему Джо Кейвмену.

— У меня есть предложение насчет него, — сказала Филлис. — Почему бы не двинуться самым простым путем? Разрешить горе прийти к Мухамеду?

— Что?

— Конечно. Мы знаем, что Мюрель рано или поздно атакует нас, и с ним заявится этот гигантопитек. Не лучше ли подождать, когда это произойдет, и устроить на него охоту? Мне кажется, такой план будет самым разумным. Гораздо более разумным, чем нелепый и опасный набег за десятки миль от наших границ. Он попахивает мальчишеским авантюризмом.

— Благодарю.

— Нет, я серьезно, Дик. Вспомни, не ты ли говорил мне, что часто делал ошибки в своей земной жизни из-за фатальных колебаний в решительные моменты? Вспомни, когда тебе улыбнулась удача, ты увлекся другим проектом, и в результате первый потерпел крах! А потом и женщина, которую ты любил, оставила тебя... Разве этого не было, Ричард? Почему же ты смотришь на меня так, словно собираешься убить?

— Возможно потому, Фил, что ты говоришь такие вещи при мне, — сказал Хикок. — Лучше бы ты подождала, пока я выйду.

В кабинете повисло тяжелое молчание. Увидев, как потемнело лицо Блэка, Филлис вдруг поднялась и покинула комнату. Хикок, проводив ее взглядом, повернулся к Блэку.

— Эй, дружище, что с вами случилось? Еще две недели назад я подметил, что ты сделался каким-то раздражительным, но мне подумалось, может, это нервы, может, ты беспокоишься насчет корабля, насчет того, чтоб закончить постройку до нападения Мюреля... а Фил чувствует себя не-

уверенно, потому что ты суров с ней и уделяешь нужного внимания... Ну, ты знаешь, как это бывает с женщинами...

— Нет, не знаю.

— Не знаешь? Ты не знаешь, как бывает с женщинами? Черт подери, Дик, я всегда считал тебя экспертом по женской части!

Хикок подкрутил кончики несуществующих усов и заметил:

— Может быть, это не мое дело, а может быть, и мое. Ты и Фил мои друзья, и все, что огорчает моего друга, огорчает и меня. И если я могу присоветовать что-то полезное, то не стану молчать.

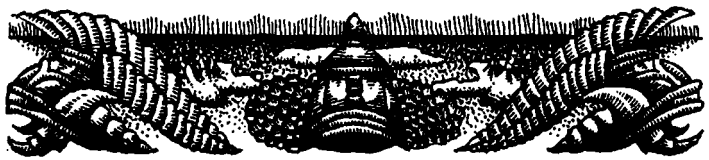
Билл сделал паузу, потом глаза его внезапно сузились, и он воскликнул:

— Ставлю сотню долларов против побитого молью старого скальпа, что тут замешана другая женщина!

— Ты был прав, но не сейчас, а чуть раньше,— холодно сказал Блэк.— Это и вправду мое дело. Только мое и Филлис.

Через несколько минут Хикок покинул кабинет и широкими шагами миновал холл; лицо его было багровым. Блэк вышел следом за ним. Нигде не встретив Филлис, он велел клерку передать ей, что отправится в горы, к шахтам, и вернется лишь к вечеру. Затем, с чашей в одной руке и железной тростью в другой, он спустился от ворот Замка к Торговой Площади и пересек ее по диагонали, с резкостью отвечая тем, кто приветствовал его. Он так погрузился в размышления о Филлис, что едва не проскочил мимо Анны, поджидавшей его в условленном месте.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Анна отбросила на плечи свои длинные каштановые волосы; ее темные глаза улыбались.

— О, монсеньор Блэк, вы имеете обыкновение игнорировать дам, которым назначили свидание?

— Лишь изредка, Анна. Есть вещи, о которых надо подумать... более важные, чем прекрасные лица женщин.

— Я не спрашиваю вас, о чем вы размышляли столь сосредоточенно. Быть может, о чем-то очень серьезном, почти смертельном?

— Если не смертельном, то, как минимум, пагубном.

— Но здесь нам не грозит гибель — окончательная гибель, я хочу сказать. А значит, ее нельзя считать темой для серьезных размышлений. Здесь любой может смеяться, может играть, может любить, может делать все, что только угодно.

— Вы ошибаетесь, Анна. Телем кажется именно таким местом, но надолго ли? Если Мюрель сломит нас, вы не сможете ни смеяться, ни играть, ни любить без его разрешения. Вы не сможете даже есть.

Она вздрогнула и сказала:

— Тогда я постараюсь уйти отсюда.

— Он может убить вас.

Снова дрожь — легкая, едва заметная.

— Ну, тогда я окажусь в другом месте... там, где все думают также, как и я.

— А если иначе?

— Попытаюсь еще раз и еще. Когда-нибудь я найду счастливую страну и останусь там.

— Философия оптимиста! Боюсь, вы устанете от этих поисков. В этой огромной долине, Анна, может не оказаться ни одного места — такого, как вы желаете.

— Вы действительно Черный, Дик.[1]

— Вовсе нет. Я только хочу сказать, что не намерен метаться вверх и вниз по долине в поисках счастливой страны. Я буду стоять там, где стою, и сражаться! Сражаться за то, что я считаю правильным.

— Примите мои поздравления, монсеньор Боевой Петух!

Он не ответил, но бросил на нее тяжелый взгляд. Ее черные зрачки встретились с его глазами; в них горел свет, подобный сиянию звезд в ночных небесах — такой же яркий и такой же неотвратимый.

Анна молчала, но в каждом ее движении, в каждом жесте — в наклоне головы, в подрагивании бедер и плеч, в том, как она отбрасывала на спину свои каштановые локоны — сквозило обещание. Оно казалось смутным, неопределенным, но тот мужчина, которому предназначались все эти знаки, мог безошибочно прочесть их. Блэк это сделал. На мгновение у него мелькнула мысль, что поведение ее распутно, что она пытается соблазнить его... Но мысль мелькнула и ушла, растаяла, растворилась. Он не хотел так думать о ней! Да и не было для того причин. Она выглядела кристально чистой, как воздух, пронизанный солнечным светом; она стояла неизмеримо выше обычных женщин с их жалкими приемами обольщения; она походила сейчас на источник мощных и невидимых токов, заряженный сверх меры жизненной силой, необоримым эросом. В ней не было ничего темного, отталкивающего; она казалась выше этого.

Противоречие, решил Блэк, дьявольское противоречие! В теле ее не меньше плоти и крови, чем у любой другой женщины, и глупо думать о ней и о сексе в таких возвышенных выражениях. Здесь, на речных берегах, все просто. Здесь, если ты купаешься по утрам и не склонен ко лжи, ты чист, чист телесно и духовно. Здесь нет гонореи и сифилиса, нет понятий о беременности и замужестве; здесь союз между мужчиной и женщиной не требует освящения церкви или государства. Это лишь вопрос чувств, эмоций, этики... О сексе говорили свободно, и договоры, что заключались у вечерних костров, не обязывали никого и ни к чему. Обязательство являлось всего лишь словом, полузабытым словом, значившим

[1] Обыгрывается фамилия Блэка — «Черный»

что-то лишь в том, прежнем существовании. Здесь же главную роль играли не слова, но факты, и их полагалось воспринимать такими, какими их преподносила жизнь.

Фактом было то, что лишь они сами решали, сколь близкими станут их отношения. И то, что Анна — по крайней мере, в данный момент — не принадлежала никому; никто не мог назвать ее своей подругой, никто не мог предъявить на нее претензий. Она была свободна, как ветер над долиной.

Что касается его, думал Блэк, то тут дело обстоит иначе. У него была Филлис. Но они не заключали официального союза — бумага здесь была слишком большой редкостью, чтобы использовать ее для брачных контрактов. Их соглашение являлось чисто устным, касавшимся сферы чувств, но никак не подтвержденных законодательством прав; только они сами могли решать, сколь далеко дозволено «отклониться» одному из партнеров и что последует за таким «отклонением». Возможно, многозначительный намек о том, что одному из них надо покинуть хижину... Тут не требовалось ни легального развода, ни раздела имущества; каждый мог взять в руки свой грааль, забросить за спину тюк с принадлежавшей ему одеждой и отправиться на все четыре стороны. Каждый делал то, что хотел.

Так диктовала жизнь. И, значит, не имелось никаких причин, способных отвратить его от женщины, что шла рядом. Он знал, что она не откажет ему; это ощущение наполняло его, распространялось все дальше и дальше, словно круги от брошенного камня, бегущие по водной поверхности.

— Я могла бы отвлечь вас от ваших раздумий, Ричард, — мягко сказала Анна.

— Это было бы неплохо. Слишком много дел, тревожащих меня, слишком много хлопот... мне нужно отдохнуть, час или два... — Он поднял свой цилиндр и покачал им в воздухе. — Может быть, устроим пикник?

— О, Ричард, такие вещи — самые приятные в нашем мире! Если вам угодно устроить пикник, не надо готовить корзинки с едой и питьем. Вы берете свою чашу, как это сделали мы с вами, и идете куда глаза глядят... Кстати, могу ли я спросить — куда?

Блэк сунул свою трость под мышку и оглядел горизонт.

— Мы поднимемся выше в холмы. Там есть маленький ручей, в получасе ходьбы отсюда. Безлюдное местечко... Мы будем совсем одни, и никто нас не потревожит.

Свободной рукой он обнял ее за талию. Плоть ее была упругой и казалась на удивление твердой под его ладонью. Он ожидал, что тело ее будет более мягким, податливым.

— Вы уверены, Дик, что я не отвлекаю вас от государственных дел?

— Это тоже государственное дело,— заметил Блэк.— Как говорил Луи Четырнадцатый: государство — это я! Известно ли вам, Анна, что я происхожу от самого Короля-Солнце? Он имел ребенка от герцогини де Монморанси, и это дитя попало в Англию...

Они шли неторопливо, направляясь к холмам. Здесь было меньше хижин с кровлями из тростника, и люди встречались реже. Каждый приветствовал Блэка, и почти у каждого находилось о чем с ним поговорить, но он обрывал их властным жестом или словом. Они могли увидеться с ним ближе к вечеру, если дела их столь важны, что требовали его внимания.

Но по большей части люди тревожились из-за предполагаемого набега Мюреля. Блэк дарил одним бодрую улыбку — зубы его сверкали на смуглом лице,— других хлопал по плечу или награждал дружеским тычком в бок и шел дальше. В эти минуты ему не хотелось думать о Мюреле.

Под ногами их не было ни дороги, ни широкой натоптанной тропы, ведущей к человеческому жилью. Здесь каждый строил хижину там, где хотел, и эти легкие бунгало были разбросаны вдоль побережья словно игральные кости на зеленом сукне равнины. Большинство из них ютилось под высокими, похожими на сосны деревьями, являвшимися единственной древесной растительностью в мире Реки. И если вам хотелось повидать определенного человека, нужно было во всех подробностях расспросить, где находится его дом или дождаться, когда он придет на Торговую Площадь. Многие посещали ее несколько раз в день или по вечерам — для обмена, встречи с приятелями или ради последних новостей. Еще имелась возможность вызвать нужного человека с помощью барабанной связи, но и в этом случае ваш призыв мог остаться безответным. В мире, где люди не зависели

друг от друга ни в чем — ни в делах, ни в добывании пищи, ни в строительстве жилья — они становились индивидуалистами, и вы не могли рассчитывать, что разыскиваемая персона сразу же откликнется на ваше послание. С другой стороны, люди были любопытны и в большинстве своем не отказывались от встреч и разговоров. Развлечений здесь было немного, и, если вы не работали, время затягивалось петлей вокруг шеи. Пять к одному, что зов барабана заставит вашего приятеля прибежать на площадь в назначенный час.

Блэк повел Анну вверх, по едва заметной тропинке, что извивалась среди древесных стволов. Ее пересекали другие такие же тропы — или, скорее, участки чуть примятой травы. Спустя некоторое время она поняла, что не сумеет в одиночку найти обратный путь.

— Надеюсь, вы не покинете меня, Ричард,— сказала она.

— Ну, я не думаю, что вы заблудитесь. Вы всегда найдете сколько угодно мужчин, которые покажут вам дорогу.

Она рассмеялась.

— Вы правы как всегда, Дик. К тому же сейчас не время беспокоиться о возвращении. Пока я нахожусь в обществе мужчины...

— Любого мужчины?

— Интересного мужчины,— уточнила она.

— Ну, Анна, когда вы так говорите, я начинаю думать, что меня ждет нечто незабываемое. Правда, мы слишком разные люди, и понятие о сексе у нас может быть различным...

— Вы должны отказаться от такой мысли, Дик. Отрицательное всегда притягивает положительное — во всяком случае, так сказал мне один человек из двадцатого века. Подобное же отталкивает подобное... К тому же есть мужчины и женщины, чья притягательность необъяснима одним лишь сексом. Я столкнулась с этим еще на Земле, когда дожила до почтенных лет. Однако и мужчины, и женщины по-прежнему находили меня привлекательной, а это значит, что кроме секса есть что-то еще... жесты, мимика, умение держаться, вести беседу наконец...

— Сейчас вы не нуждаетесь в подобных ухищрениях.

Ее смех казался звоном серебряного колокольчика.

— О, Ричард, вы такой забавный, когда говорите комплименты! Но прошу вас, не смотрите на меня таким голодным взглядом. Я хочу сначала поесть. Любовь — серьезное дело, и требует массу сил.

Они вступили на полянку, по которой петлял ручей. Его холодные чистые воды струились из небольшого источника, сбегали вниз по склону и серией крошечных каскадов падали в озерцо у подножия холма.

— Может быть, вы хотите искупаться? — спросил Блэк. — Вода, правда, холодная, но в такую жару мы быстро обсохнем.

— Я не боюсь холодной воды.

Анна начала спускаться вниз, к озеру; Блэк последовал за ней. На берегу они раскрыли свои чаши, достав по куску мыла.

Блэк внимательно оглядел свой пищевой контейнер, желая убедиться, что на сей раз в нем нет ничего способного растаять. Однажды он получил внушительную порцию шоколадного мороженного, но промедлил с десертом, и лакомство растеклось в коричневую сладковатую жижу. Пришлось выбросить ее — что Блэк, большой любитель мороженного, сделал с болью в сердце. Он долго ждал, пока повара с таинственной и невидимой кухни вновь наградили его этим блюдом.

На этот раз в цилиндре не имелось ничего, что не могло бы подождать минуту-другую. Оставив крышку открытой, Блэк сбросил одежду, не дожидаясь Анны погрузился в озерцо и начал намыливать разгоряченную кожу. Вода оказалась просто ледяной, и он был рад закончить с купанием и поскорее выбраться на берег. Затем, пока солнце и чудесная ткань трудились над его телом, Блэк рассматривал Анну, спокойно стоявшую по пояс в воде; руки ее безостановочно двигались, плеща холодную влагу на плечи и грудь. Он глядел на нее, застыв в изумлении, пораженный не столько красотой и изяществом ее гибкой фигурки, сколько исходившим от нее жаром, почти ощутимым и вещественным, словно горячая плоть Анны уже трепетала в его объятиях. Казалось, ледяная вода не могла остудить ее пылающую кожу — или, соприкасаясь с ней, превращалась в струйки теплого душа.

— Не беспокойтесь, Дик,— она помахала рукой, подарив ему ослепительную улыбку, сделавшую ее лицо прекрасным.— Я привыкла к холодной воде еще в прошлой жизни. Лучшее средство, чтобы сохранить молодость.

— Вероятно, вы нуждались в ледяных ваннах, чтобы остудить бушующий внутри огонь,— пробормотал Блэк.

Анна вновь улыбнулась и вышла из воды. Он поднял ее кимоно, бросил ей; ловко поймав его, она закуталась в плотную ткань. Затем Анна сделала пару шагов, очутившись совсем близко к нему, на солнцепеке, где ласка жарких лучей изгоняла память о прикосновении холодных водяных струй. Она повела плечами; кимоно упало на руки Блэку, и он повесил его рядом с собственным на ветку сосны.

Повернувшись, Анна вдруг очутилась в его объятиях. Это было так естественно, так правильно — самая правильная вещь в мире, не нуждавшаяся в словах. Блэк однако спросил:

— Мы не поедим вначале?

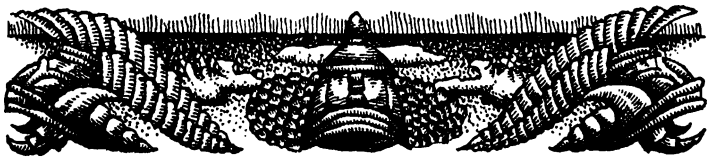
— Нет.

— Но что, если я прикажу тебе?

— Ты не прикажешь. Ты не сможешь этого сделать.

— Пожалуй, ты права... Я не могу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они выкупались еще раз и поели. Когда тарелки из белого металла были очищены, вымыты в ручье и закреплены в держателях цилиндров, они закурили. Ни Анна, ни Блэк не говорили ни слова; казалось, слова не нужны. Наконец он вытянул руку, обнял ее за плечи, прижал к себе; затем губы их слились в жарком поцелуе.

Оторвавшись от нее, Блэк сказал:

— Время истекает. Наверно, я не должен был проводить этот час здесь, с тобой... Но я не жалею! Это было прекрасно. Спасибо тебе.

— Теперь ты должен вернуться к своим делам? К войне? К этому Мюрелю?

— Конечно. Правда, я не отказался бы немного вздремнуть...

— Ну, Дик, если ты захочешь поспать, приходи ко мне в госпиталь.— Она приподняла свои тонкие брови и округлила рот.— Или ты собираешься взять меня в свою хижину?

— Нет, если ты не хочешь разделить мой кров с Филлис. Не думаю, что в этом случае мой дом будет самым тихим местом в долине.

— О, не знаю... Филлис и я... мы могли бы понравиться друг другу.

— В иных обстоятельствах — возможно. Но не тогда, когда вам придется делить одного мужчину.

— Ты прав,— сказала Анна.— Должно быть, у меня есть инстинкт на мужчин, которые всегда правы. Мне хотелось бы такого, который не суетился бы вокруг меня днем и ночью, не болтал о своей любви и не требовал, чтобы я обходила других мужчин за целое лье. Ты как раз такой, Дик. И ты не станешь визжать, что убьешь меня, если какой-нибудь поганый бастард с похотливым взглядом увяжется за мной и...

— Как будто нормальный мужчина может смотреть на тебя без вожделения,— с усмешкой перебил ее Блэк.— Говоря откровенно, ты не похожа на других женщин, совсем не похожа. Ты — особенная! Ты можешь не поверить мне, но...

Она легко коснулась его руки, погладила твердую выпуклость бицепса.

— Я могу поверить всему, что ты скажешь... почти всему...

— Спасибо... Ты можешь не поверить мне, но я не часто изменял Филлис за те двенадцать лет, что мы прожили вместе. Всего несколько раз, случайно, когда я странствовал без нее вдали от Телема. Она ничего об этом не знает и никогда не узнает... но если б могла узнать, то — видит Бог! — я бы сам рассказал ей. А так... зачем? Она очень ранимая, хотя думает, что способна понять и простить такие вещи. И...

— И ты полагаешь, что все эти годы она была столь же верна тебе?

Блэк угрюмо усмехнулся.

— Не вижу причин подозревать ее во лжи. Но...

— Но ты не такой глупец, чтобы доверять женским словам, да?

— Едва ли. Она очаровательна; у нее горячая кровь, и она не страшится ни порицания общества, ни божественного гнева — эти причины удерживали женщин от адюльтера на Земле, но не здесь, в долине. И, наконец, она не может пожаловаться на недостаток мужского внимания. Она рассказывала мне много забавный историй на сей счет... пожалуй, некоторые из моих друзей были бы смущены, проведав, что я знаю об их маневрах за моей спиной. Однако...

— Однако она могла не рассказывать тебе всех историй?

— Не знаю. Эти твои намеки...

—...могут оказаться правдой или пустыми подозрениями. Ты, во всяком случае, хотел бы думать, что она принадлежит тебе целиком и полностью. Почему бы и нет? Если у нее и был кто-то, то тебе об этом неизвестно. Она старалась не причинить тебе боли.

— Я не намерен это обсуждать,— сказал Блэк.— Мне вообще не хотелось говорить о Филлис... я ведь начал с того, что ты — особенная женщина... первая, которой удалось

по-настоящему соблазнить меня. Я уже думал, что обладаю несокрушимым иммунитетом, и вдруг...

— И вдруг ты встретил меня, и за один день — меньше, чем за один день! — пал!

— Верно, хоть мне и не нравится это слово. В нем слишком много моральных оттенков... На самом же деле я не мог пасть, поскольку не возносил себя на недосягаемую высоту, а значит...

—...а значит, ты все-таки готов возлечь с одной женщиной из миллиона! И могу сказать без ложной скромности, что эта женщина — я, Анна де Цельнос!

Он обхватил ее за плечи. Тело ее, упругое, чувственное, живое, затрепетало, и в другое время Блэк был бы очарован и восхищен. Но не сейчас! Сейчас он взирал на нее наполовину с досадой, наполовину с забавным недоумением.

— Скажи, дорогая, ты уверена, что этот твой генерал, прежний любовник, задушил тебя только из ревности? Или потому, что он никогда не мог...

—...закончить фразу?

Она откинула головку в ореоле каштановых волос и расхохоталась. Ее локоны бронзовым водопадом хлынули на плечи; ее губы, такие пухлые и алые, такие — тут не было иного слова — такие женственные, раскрылись, чтобы смех мог сорваться с них и звонкой птицей порхнуть в небеса; ее полные груди подрагивали... Она казалась столь великолепной, столь соблазнительной в этот момент, что Блэк, будь у него время, снова впал бы в грех любовного безумия.

— О, Дик, мой черный орел, ты в самом деле можешь на меня сердиться! Признаю, есть у меня этот недостаток... и если я снова начну перебивать тебя... Знаешь, мне все время хочется говорить, даже когда я слушаю... Словом, я не буду в обиде, если ты зажмешь мне рот.

— Не беспокойся, я так и сделаю.

Они встали и, подхватив свои цилиндры, начали спускаться с холма. Тут Блэк и увидел Федора Борбича.

Преклонив колени, он торчал посреди тропинки, с которой был виден проход на равнину, часть Торговой Площади и речной берег за ней. Однако Борбич не собирался любоваться пейзажем; голова его была опущена, руки сложены перед грудью, словно он возносил молитву. Когда до него

долетел звук шагов, он повернулся лицом к приближавшейся паре и несколько раз моргнул. Наконец он узнал властителя Телема, и глаза его расширились.

Блэк был в ярости. Конечно, он понимал, что встреча с Борбичем — случайность, и самой лучшей тактикой являлось бы полное спокойствие; однако он не мог сдержаться.

Грозно нахмурившись, он произнес:

— Шпионите, Борбич?

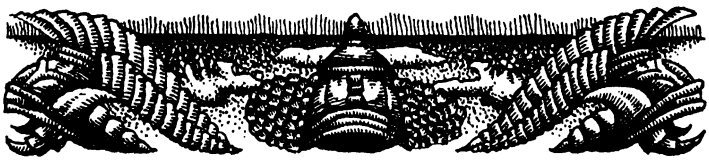
Проповедник попытался что-то ответить, задыхаясь от негодования, но Блэк окинул его холодным взглядом и прошел мимо, не удостоив больше ни единым словом. Но когда они с Анной удалились на сотню шагов и Борбич не мог их слышать, Блэк сказал:

— Пожалуй, нам не надо встречаться, пока я не поговорю с Филлис. Ты согласна?

— Да. Но я хотя бы увижу тебя завтра?

— Возможно, закончив дела, я загляну в госпиталь. Но если начнутся хлопоты с кораблем Мюреля, мне не удастся выкроить ни минуты.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тем вечером, за час до наступления сумерек, Деканавидах, вождь кайюга, пересек озеро. Разумеется, не один — с ним приплыли полсотни младших вождей и самых уважаемых воинов. Визит этот преследовал сугубо политические цели, и было решено, что после прибытия корабля с посланцами Мюреля начнутся переговоры о военном союзе. Учитывая важность события, Блэк велел не жалеть запасов из общественного фонда, и в результате спиртное лилось рекой. Были запланированы и более интеллектуальные развлечения: выступление певцов, танцоров, жонглеров и фокусников.

Центральным событием приема стало состязание по части выпивки между телемскими советниками и предводителями кайюга. Блэк отнюдь не поощрял такие излишества, предчувствуя, что в ближайшие несколько дней ему понадобятся и трезвая голова, и вся его энергия, но отказаться не мог — в этом случае он потерял бы лицо.

Итак, было уже заполночь, когда Деканавидах наконец встал и, заметно пошатываясь, направился к своему боевому каноэ, лежавшему на берегу. Те из его воинов, кто еще держался на ногах, последовали за вождем.

— Прощай, мой белый брат Блэк,— сказал сахем, хихикнув.

Блэк, обычно избегавший прощальных слов, которые означали расставание навсегда, ответил:

— До завтра, мой краснокожий брат.

Затем, отдав несколько распоряжений генералу Келли, он отправился вместе с Филлис в их хижину в холмах. Шли они молча; за весь вечер Филлис обронила лишь несколько фраз и едва притронулась к виски. Переступив порог, Блэк сбросил одежду и с блаженным вздохом вытянулся на постели. Его подруга, против обыкновения, не улеглась рядом, а села в их единственное кресло с сигаретой в руках.

— Расскажи мне про Анну де Цельнос,— потребовала она.

— Очаровательная женщина,— пробормотал Блэк.

— Готова держать пари.

— Проиграешь. Она и в самом деле очаровательная.

— Да, я знаю. Достаточно спросить любого мужчину,— она с сарказмом выделила слово «любого».

— Анна великодушна,— сухо произнес Блэк,— но и достаточно разборчива.

— Не сомневаюсь. Она ни с кем не ляжет в постель, кроме своих друзей, а врагов у нее в Телеме просто не водится. Так что здесь каждый мужчина ей подойдет, а если их окажется мало... Что ж, долина велика! Подумай, Ричард, она может стать самой знаменитой из всех бродяг, что шатаются вверх и вниз по Реке!

Блэк лежал на постели, пытаясь выдохнуть винные пары, что грозили взорвать его череп при каждом движении. Он любил хорошее виски, но отнюдь не опьянение и неизбежно наступавшее похмелье. Сейчас разум его был смутен, и он мог сказать или сделать нечто такое, о чем впоследствии пришлось бы пожалеть. Раздражение против Филлис нарастало с каждой минутой; пока что — черное, подспудное, глухое. Но если она будет продолжать — а он знал, что его подруга не успокоится — это чувство переродится в ярость, кроваво-алую, обжигающую. Раздражение, что поднималось медленно и постепенно как морской прилив, выплеснется гневной волной, и в таком состоянии он может ранить Филлис жестоким словом, может ударить ее, может выбросить из хижины в ночной холод. Ему не хотелось поступать так, но и ей не стоило доводить ситуацию до предела. Не лучше ли, обговорив все, прийти к соглашению?

Она стояла напротив, уперевшись руками в бедра, уставив на него пристальный взгляд. Пламя одинокой свечи в шандале из рыбьей кости, закрепленном на стене, не позволяло разглядеть ее лицо, но в полутьме он угадывал его зыбкие черты, темный провал полуоткрытого рта, острые точечки зрачков.

— Дик, ты всегда гордился своей честностью. Почему же ты не хочешь рассказать, что произошло сегодня в полдень?

Он знал, что обязан сказать ей это. Но, видит Бог, он не хотел говорить; за двенадцать лет, проведенных вместе, она стала частью его существа. Он не желал причинять ей боли.

Но, если это было правдой, зачем он повел Анну к тому проклятому ручью? Он ведь понимал, что из этого выйдет...

— Ну? — сказала Филлис.

— Ты переменилась. Ты уже не та женщина, что вчера.

— А ты — не тот мужчина!

— Все течет, все изменяется, говорил Гераклит...

— Не надо цитировать мне греческих философов! И арабских тоже! Я задала вопрос и хочу получить прямой ответ.

— Вопрос о чем? Я его не понял.

— Почему ты увиливаешь? Боишься? Неужели боишься?

— Боюсь?

Он сел в постели и стиснул ее запястья.

— Мне не нравится, когда кто-то говорит, что я боюсь!

— Еще бы!

Она не пыталась вырвать руки из его захвата — знала, что не сможет, и хотела показать ему, что не боится. Глаза ее встретились с его глазами, непроницаемые, как ночь.

Внезапно он устыдился и разжал пальцы. Он знал, что не подходит на амплуа мускулистого кретина-палача и, к тому же, не хотел, чтобы Филлис чувствовала себя мученицей. Вероятно, она испытывала боль, но из гордости не принялась растирать запястья; не хотела, чтобы такой очевидный жест вызвал его сочувствие.

Глядя ей прямо в глаза, Блэк произнес:

— Ты права. Не важно, что ты обвиняешь меня в трусости; я должен был сохранять спокойствие.

Филлис мягко сказала:

— Спокойствие? О, нет! Я хочу лишь правды, Дик.

Он опустился обратно на постель.

— Да, я знаю. Так вот, я это сделал. Я пошел с ней в холмы. На пикник. Это было мое решение. Она не соблазняла меня, и все произошедшее нельзя считать случайностью. Однако я не чувствую вины, ибо тут нет ничего, что сделало бы меня виноватым. С чего бы? Ты помнишь о нашем согла-

шении, Фил. Ни один из нас не должен возражать, если другому взбредет в голову завести любовника.

Он был поражен ее реакцией. Ни слез, ни рыданий, ни вскрика — ни даже горестного молчаливого изумления.

Она сидела, выпрямившись, на краю постели. Блэк приподнялся, опираясь на локоть, и раскурил сигарету. Перед тем, как погасить спичку, он поднес крохотный огонек к ее лицу. Пламя, похожее на алый наконечник копья, на мгновение озарило ее черты. Чело ее было прекрасным и спокойным; лик женщины, готовой и простить, и с достоинством принять неизбежное.

Всмотревшись в мерцающий огонек, словно высветивший самое темное место его души, Блэк внезапно воскликнул:

— Великий Творец, Фил! Я же люблю тебя!

Филлис откинулась назад, изумленная его словами; казалось, она не поняла их. Спичка Блэка догорела, и лицо его подруги вновь погрузилось в ночной полумрак. И в тот же момент теплое сияние в его сердце угасло, сменившись холодом и тьмой, ушло обратно, в то место, откуда выплеснулось ярким заревом.

Но слова были сказаны, дело сделано. Она швырнула на пол свою сигарету — величайший из всех грехов в долине! — схватила его за руки и спрятала лицо у него на груди.

— О, Дик! Я люблю тебя, я люблю тебя!

— Даже если?..

— Да, да! Я еще боюсь ее, но что-то мне говорит, что ты не думаешь о ней... не думаешь серьезно... Но теперь во всем этом нет ничего ужасного, потому что ты сказал, что любишь меня. Ты любишь меня!

Он обнял ее и начал гладить по спине; его ладони плавно двигались от хрупких лопаток к талии. Тут нечего было сказать — и он, внезапно озаренный большей мудростью, чем отпустила ему природа, молчал. Филлис спокойно лежала в его объятиях, потом губы ее коснулись его горла.

Блэк услышал тихий шепот:

— Она... она так хороша?

— Да. Я не хочу лгать.

— Лучше меня?

— Нет.

— Такая же?

Молчание.

— Ну, Дик?

— Да, она так же хороша. Но в собственной своей роли...

— В собственной роли? Что ты хочешь этим сказать?

— Женщины, как и мужчины, эгоисты. Они способны только брать... брать хорошее... и тогда тебе приходится оценивать их в соответствии с... с индивидуальностями, быть может? Нет, это не то слово... Впрочем, неважно! Вы обе — вершина, и вы равны. Различие, с точки зрения мужчины, лежит в собственном его отклике.

Ресницы Филлис щекотали его шею.

— Если б ты отправлялся на необитаемый остров и мог взять с собой лишь одну из нас, кого бы ты выбрал?

— Тебя, конечно.

— А если бы Анна спросила тебя об этом?

— Я сказал бы ей тоже самое... то есть, что выбрал бы ее.

— Ричард Блэк, ты дьявол!

— Джентльмен не мог бы ответить иначе.

— Но ты не джентльмен!

— Верно. Я — политик.

— Милый, я больше не стану спрашивать тебя о таких вещах. Даже если ты скажешь, что выберешь меня, откуда мне знать, что ты не солгал? Я буду притворяться, что уверена в тебе... что ты, не колеблясь ни секунды, выбрал бы меня.

— Ты права.

Долгое молчание. Потом:

— Дик?

— Да?

— Понимаешь ли ты, что Анна — совсем не тот человек, которого я боюсь? Тот, кто пугает меня — ты...

— Я?

— Да. Долго, очень долго я думала, что в тебе, в самой глубине, кроется что-то темное, словно стиснутый в отчаянии кулак, который невозможно разжать. О, я не имею в виду, что ты холоден и спокоен, когда мы занимаемся любовью... нет, никто не может обвинить тебя в равнодушии! Это иное... это таится в тебе, словно остров в море, отделенный

от материка, нерушимый, неприкосновенный... Это заметно... По крайней мере, для меня. Я отдаю тебе все, тело и душу, каждую частичку, каждую мысль...

Но ты... ты иной. В тебе словно запрятан кусочек льда... холодный, темный, замороженный так крепко, что он не растает и за тысячу лет... Ни одна женщина не в силах его растопить! Возможно, этот твой тайник может раскрыться в чем-то необычайном, например, в поисках верховьев Реки или огромной Чаши, о которой рассказывал Хикок. Но позволить женщине коснуться ледника, сковавшего часть твоей души... Нет, никогда!

И все же я тебя люблю, Дик. Даже если я не могу обладать тобой целиком, мне все же принадлежит большая часть человека, превосходящего всех остальных мужчин. И я владела тобой, не делясь с другими женщинами. Твоя Изабелла исчезла, растворилась где-то в долине, и шансы найти ее — один к тридцати миллиардам. Я сожалею о ней, ибо она тебя потеряла, и я чувствую радость, потому что я тебя нашла. Кроме того, если забыть о нашем женском эгоизме, я думаю, что подхожу тебе лучше нее. Она была чудесной женщиной, мужественной и преданной, любившей тебя с самозабвением, но она смотрела на тебя как на бога, как на святого, в котором нет ни грана зла. И если бы ты жил с ней, как со мной, день за днем, год за годом в этой долине, я уверена, она стала бы тебя тяготить.

Теперь появилась Анна... Ты влюбился в нее, влюбился так же неотвратимо и стремительно, как некогда в меня. Ты снова чувствуешь нервный трепет, учащенное биение сердца, жар в крови... ты радуешься, глядя на нечто новое, прекрасное, великолепное... Но я готова спорить, что маленький тайник в твоей душе по-прежнему закрыт, все так же неприкасаем — темная каморка, куда Ричард Блэк не допустит ни женщину, ни дьявола, ни бога.

Вряд ли Анна это разглядит... Ну, а если так случится, не думаю, что подобная вещь сильно встревожит ее — так, как меня. Я... я очень боюсь, Дик! Ужасно! Не меньше, чем потерять тебя из-за этой истории с Анной!

О, Дик, Дик! Если б не был таким проклятым гордецом, таким скрытным, если б ты мог любить меня, как я люблю! Но ты не можешь, не можешь... Здесь, в долине, я постоян-

но оплакиваю саму себя, но ты должен мучиться еще сильнее, гораздо сильнее... ты в более страшном аду, чем я... Ты ведь в аду, знаешь ли ты об этом? Борбич как-то сказал, что ад — страдания души, неспособной любить... А ты не можешь, не умеешь любить так, как я...

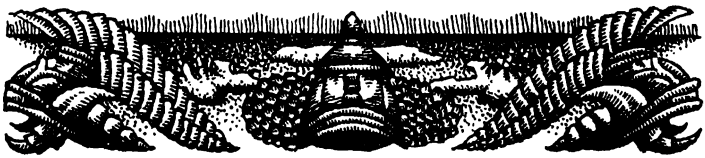
Она тихо заплакала. Блэк поднялся с постели, пересек комнату и замер у распахнутой двери, глядя на небо. Звезды, алые и зеленые, белые, синие, золотые, молчаливо и торжественно сияли над долиной. Огромная луна с размытыми пятнами «морей», гладкая и серебристая, на четверть прошла свой путь по небосклону, и речная поверхность сверкала в ее бледных лучах.

Стикс, подумал он; Стикс, Река Вечности.

Неважно, сколь истинны научные гипотезы Чарбрасса и Филлис об этом мире; здесь был ад.

Точно такой же, как на Земле.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Следующим утром Блэк сидел один в своем кабинете, разбираясь с многочисленными рапортами и сообщениями, которые прислали его агенты. Внезапно в комнату проскользнул Хикок, похожий на огромного кота с золотистой гривой. Блэк, привыкший к его внезапным появлениям и бесшумной поступи, не вздрогнул, но с интересом уставился на багровое лицо и сжатые кулаки разведчика.

— Что случилось, Билл?

— Что случилось? — сердито переспросил Хикок. — Я скажу тебе, что случилось! Первый же парень, которого я встретил нынешним утром, начал толковать мне про тебя и эту Анну де Цельнос. Я спросил его, какие он имеет доказательства, и он ответил, что сам-де не присматривался к тому, что вы делали с Анной, но слухами полна округа. И когда я велел ему заткнуть свою грязную пасть, он принялся трепаться, что здесь, в Телеме, свобода, и каждый может говорить что хочет. Правду, напомнил я ему, правду либо выдумки, но такие, которые никого не обижают. И он ответил, что не собирается никого обижать, а вот ты, дескать, обидел Филлис Макбейн, не сказав ей правды. Во имя Господа, начал ныть он, где же честность, на которую молится этот Ричард Блэк?

Словом, я опять велел ему заткнуться и не трезвонить, словно старая баба, о твоих делах, коль у него нет фактов. А потом я пошел на Торговую Площадь и наткнулся там на этого русского, на Борбича, как всегда трепавшего языком. Ну, ты знаешь, все те же речи — что человек должен возлюбить Бога и других людей, должен стать праведным и честным, и тогда ему раскроется тайна долины, и он будет спасен от вечных странствий вверх и вниз по берегам Реки.

Но сегодня он болтал кое-что новенькое. Что ты, Дик — он называет тебя королем Ричардом — живой пример чело-

века, провозглашающего честность на словах, но не на деле. Он говорил, что если б было иначе, ты не спутался бы за спиной своей подруги с этой развратной француженкой. Говорил, что в прошлой жизни ему доводилось читать о ней, и что она была одной из самых аморальных женщин в Европе, что любовники ее насчитывались сотнями, и что — самое страшное! — попав сюда, она не раскаялась в своих грехах. И теперь, когда она тут, у нас, Телем ожидает — как это он выразился? — ах, да, полное моральное разложение!

А потом он начал вопить и рыдать — ну, ты знаешь, как любят эти русские, и по щекам у него покатились слезы не меньше лошадиных. Он забормотал, что не имеет ничего против этой Анны де Цельнос, что он не питает к ней ни презрения, ни ненависти, что на самом деле он даже готов возлюбить ее, потому что она — несчастное и заблудшее человеческое существо. И все, что он хочет — только помочь ей, но она отвратилась от слова правды и начала вышучивать его речи, его пророчества насчет того, что нас всех поместили на берега Реки чтоб мы раскаялись и открыли сердца друг другу и Богу. Еще он сказал, что любит и тебя тоже, хоть ты как есть еретик и язычник, но коли телемцы жаждут пойти дорогой духовного самосовершенствования, ты не годишься им в вожди. Он сказал и кое-что пострашнее, Дик! Что «Речная Комета» должна быть сожжена, Копи засыпаны и...

— Что? — Блэк, словно клещами, вцепился в запястья Хикока.

— Эй, убери свои лапы от меня, приятель! Ты сломаешь мне кости! Они же не резиновые!

Блэк отпустил его.

— Ну, вот так-то лучше... Словом, говорю я ему, Борбичу то есть: слушай, парень, мы строим этот корабль уже двенадцать лет, и нам не нравятся этакие разговоры. Почему ты хочешь его сжечь?

А он отвечает: я, мол, по сути дела не имею ничего против вашего корыта...

— Корыта?

— Ну, это я о корабле... Словом, ничего против корабля и копей как таковых, но они отнимают слишком много времени, и людям не удается заглянуть в самих себя, в собственные души и в души ближних. Он сказал, что мы впервые

очутились в таком месте, где не надо беспокоиться насчет крыши над головой, жратвы, одежонки, законов, всяких ограничений и даже насчет смерти. Нам принадлежит все время в этом мире, вся вечность; ее дали нам в кредит, и мы должны наконец выяснить, что же делает нас несчастными, жестокими, сумасшедшими, безразличными, что превращает нас в алкоголиков, гордецов, ненормальных... ну, и все такое прочее. Ты понимаешь, что он имел в виду.

А потом он принялся трепаться дальше. Что этот метеор, который свалился в долину и сделал нас королями железа, послан не иначе как самим Люцифером. Что он, метеор этот, заставил нас отклониться от истиной цели, что мы, впав в гордыню, решили строить корабль, нечестивую башню Вавилонскую, и плыть до самого конца Реки — вместо того, чтобы сидеть на месте и разглядывать, что там у нас внутри.

И многие из нас, сказал он, даже начали дег... дегруировать...

— Деградировать, вероятно? — переспросил Блэк.

— Оно самое, это я и имел в виду. Значит, деградировать, как грешники Чарбрасс и Сэм Клеменс. Тут, в долине, сказал он, есть отличный шанс забыть о всех технических хитростях, которыми люди кичились друг перед другом и перед Господом. И эта упавшая звезда есть дар дьявола, а не Бога, как мы полагали. И мы должны спалить корабль, засыпать Копи и, сложив руки перед грудью, встретить Мюреля с его бандой не оружием, а молитвами.

Что с того, что они нас прикончат? Мы возродимся к новой жизни где-нибудь в долине, и, возможно, наш пример заставит Мюреля и его людей призадуматься, отвратит их сердца от злодейства, направит их на стезю лучшей жизни, полной любви и смирения. О, он не строит иллюзий насчет мюрелевых мерзавцев, но, быть может, они получат первый толчок в правильном направлении.

Словом, я уже решил, что слушаю безумца. Но не всем так показалось! Можешь ли поверить, Дик, нашлись люди, начавшие толковать об этих делах вдоль и поперек, будто в сказанном был какой-то смысл! Одни желали знать, можно ли замириться с Мюрелем, другие хныкали, что работа в Копях и на корабле их утомляет, и они не имеют свободного времени — как все прочие бездельники в долине.

Ну, я так разозлился... знаешь, словно бык, отлученный от коровы... разозлился и крикнул, что никого не держат в Телеме силком, и каждый, кому не по нраву наши порядки, может катиться отсюда. Но Борбич на меня ноль внимания, а толпе говорит, что, мол, пришло время действовать — сжечь, значит, корабль и сбросить тебя и прочих больших шишек. Правда, как до дела дошло, добровольцев оказалось немного, и тут я начал замечать, что шумят-то в основном подголоски Борбича. Ну, думаю, самое время покончить с этим сумасшествием... Оттолкнул я Борбича от стола, которым он огородился, пнул в задницу и пару раз смазал по зубам. Потом...

— Эй, Билл, зря ты это сделал! Рукоприкладство даром не проходит. У Борбича полно свидетелей, и если он решится обвинить тебя перед Советом, будешь иметь неприятности. Он даже может добиться твоего изгнания.

— Не беспокойся, он не сунется в Совет. Знаешь, чем кончилось то дельце на площади? Он встал с земли, начал рыдать и попробовал броситься мне на шею — значит, чтобы меня поцеловать! Видел бы ты его раскровавленный рот! Пришлось дать ему еще пинка, чтобы держался подальше.

— Похоже, мне придется упрятать его под замок на все время, пока мы не разделаемся с Мюрелем,— задумчиво произнес Блэк. Потом, огладив подбородок, он покачал головой.— Нет, не стану я этого делать! И так многие обвиняют меня в диктаторских замашках... Но я пошлю кого-нибудь из парней с приказом, чтоб глаз с него не спускал!

— Стоит ли посылать парня? Что ты скажешь насчет этой Анны де Цельнос? — спросил Хикок.

Блэк сверкнул черным зрачком на разведчика, ожидавшего ответа с тревожными, широко раскрытыми глазами.

— Сейчас она пристроилась на работу в госпитале и вроде бы довольна... и она слишком плохо знает Телем, чтобы ходить тенью за Борбичем. Кстати, а почему ты решил, что Анна подойдет для такого дела?

— Не могу представить кого-нибудь еще, кто сумел бы так занять мужчину, чтоб все мысли вылетели у него из головы. Ей стоит только мигнуть...

— Ну, а кроме того, ты полагаешь, что раз Анна будет при деле, то и Фил не надо беспокоиться? Не так ли? — спросил Блэк, зловеще усмехаясь.

— Я буду честен с тобой, Дик. Именно это я и имел в виду, — напрямую ответил разведчик, хотя ему и было известно, что потемневшее лицо Блэка не предвещает ничего хорошего. — Я много думал о Филлис и нахожу, что тебе лучше остаться с ней, чем с этой француженкой.

— Еще немного, и ты начнешь замаливать мои грехи словно второй Борбич.

— Полегче, приятель, — сказал Билл, нахмурившись. — Такие шутки не доведут нас до добра. Ну, какие у тебя будут приказы?

— Ты устал?

— Я не спал два дня и две ночи, но не бери это в голову.

— Тогда будь готов. Сиди в своей хижине или где-нибудь в Замке, отоспись, если сумеешь. Не успеет солнце уйти за горы, как тебе понадобится вся твоя прыть.

— Так скоро? Сомневаюсь... Когда я пересек мюрелеву границу, его люди еще не двинулись с места. Ну, а если они шевельнутся, наши лазутчики тут же засекут их с холмов и предупредят тебя барабанным боем. Поверь мне, так оно и будет!

— Я ничего не принимаю на веру, Билл. К тому же, сюда придет этот «Мститель»... Большое судно, на котором может оказаться дьявольская прорва народу! С ним, с их кораблем, связан какой-то трюк... вот только какой?

Билл протяжно зевнул.

— Мюрель хитер, старина... Ну, отправлюсь-ка я в свою хижину и немного посплю. Позови, когда будет нужно. Кстати, не знаешь ли ты, где моя Лили Белл? Я искал ее и там, и тут, но не нашел нигде. Я уж думал, она бросила меня и перебралась к Чарбрассу... Знаешь, мы с ней не очень-то ладили, и она поглядывала на парня с Марса... Но он говорит, что не видел ее.

— Откуда я знаю, где твоя Лили Белл? Поинтересуйся в конторе Поисковой Службы.

— Это не для меня. Я не пожертвую и каплю виски, чтобы ее разыскать. И я не расстроюсь, если она и в самом деле спит с Чарбрассом. Я выкину ее из хижины и возьму себе но-

вую подружку... может, эту самую Анну де Цельнос. Поглядим, как ты тогда завертишься.

— Все, что Анна делает — ее дело. Однако я сомневаюсь, что твоя Лили Белл соблазнила Чарбрасса. Разве ты не заметил, что он всегда спит один?

Хикок кивнул.

— Забавно, не правда ли? Ты не находишь, что он странный парень? Может, гомик?

— Не думаю. Даже никаких намеков нет! Ну, а было б это правдой, так что? Ты знаешь, здесь нет закона против таких вещей, если только все делается по доброму согласию.

— Я бы сказал, что он импотент,— ухмыльнулся Хикок,— но парень выглядит не слабей меня.

— Может быть, он просто не озабочен по женской части.

— Но он ведет себя с женщинами очень дружелюбно,— заметил разведчик.— Сказать по правде, так он самый дружелюбный человек, какого я знаю. Но есть в нем что-то странное... Ты в самом деле уверен, что он не гомик?

И Билл, тряхнув своей золотистой гривой, покинул комнату.

Спустя несколько минут заговорили барабаны. Блэк подошел к окну. На расстоянии двух миль, в дальнем конце озера, где оно сужалось до обычной ширины Реки, высился форт, охранявших западную границу Телема. Со своего места Блэк мог разглядеть высокую сигнальную башню и крохотные фигурки барабанщиков, скорчившихся над своими барабанами.

— Эй, в Замке! Проснитесь! Отвечайте!

Над головой Блэка зарокотали замковые барабаны.

— Чего надо, парни? Не тяните. Ждем сообщения.

— Здесь судно Мюреля. Идет вдоль изгиба Реки. Идет быстро. Будет около вас часом позже.

— Принято. Что еще?

— Срочно доложите боссу. Срочно доложите его милости лорду-протектору Телема, секретарю Совета, королю Ричарду Первому. Если угодно, доложите еще мистеру Блэку, Первому Консулу, Старшему Брату. Доложите им всем, чтобы бежали наверх быстро-быстро.

Ухмыльнувшись, Блэк отошел от окна, и направился к спиральной лестнице, что вела на крышу. Многие из его ба-

рабанщиков были янки, уроженцы двадцатого века, готовые отхватить ровно столько свободы, сколько он мог им предоставить. У этих парней наблюдалась очень своеобразная манера выражаться.

На кровле Замка находился только Джимми Баркер, главный сигнальщик. В прошлой жизни он играл на фортепиано, а потом был радистом на «Летающей крепости», пока она в один прекрасный день не врезалась в скалы Дувра, заблудившись в английских туманах. Завидев Блэка, Баркер ухмыльнулся. Его голова торчала над огромным барабаном, обтянутым человеческой кожей.

— Ну, босс, что пошлем?

Блэк передал ему сообщение. Янки отбарабанил его — с помощью пары берцовых костей, отполированных руками десятков сигнальщиков. Люди на башенке форта повторили все слово в слово — для экипажа «Мстителя». Затем зарокотал корабельный барабан. Колотившему в него человеку была известна система, обычно применяемая в Телеме и других местах долины. Но, кроме нее, у Блэка имелся и секретный код.

С корабля ответили, что готовы подчиняться распоряжениям телемского владыки и бросить якорь посередине озера. Затем несколько человек отправятся на берег для встречи с членами Малого Совета. Если же мистер Блэк подозревает прибывших в злом умысле, ему будет позволено подняться на борт и произвести инспекторский осмотр. В том случае, конечно, если он не боится отдать себя в руки людей Мюреля.

— Эй, Баркер,— сказал Блэк,— передай-ка этим ублюдкам, что в день, когда я начну бояться людей Мюреля, я утоплюсь в Реке. Клянусь Создателем, так оно и будет.

Баркер отбарабанил это замечание, улетевшее к «Мстителю» через сигнальщиков форта, и через пять минут пришел ответ: «Капитан Майкл О'Финн тоже не боится ни вас, ни ваших прихвостней. Он высадится на берег с пятью своими офицерами. И он вызывает вас на дуэль — с любым оружием по вашему выбору. Условия: все прочие не вмешиваются, и победитель получает голову побежденного. Если О'Финн проиграет, вы получите не только его голову, но и весь «Мститель», от киля до кончиков мачт, вместе с коман-

дой. Ну, что скажешь, фанфарон? Подписано: капитан Майкл О'Финн.»

Блэк только фыркнул. Дуэль, надо же! Этот О'Финн думает, что нарвался на юнца, готового поиграться в рыцарей Круглого Стола!

Он собирался дать ответ, холодный и презрительный, когда поймал взгляд карих зрачков Баркера. То, что было написано на лице сигнальщика, читалось яснее слов: он рассчитывал, что шеф не уронит чести Телема, подняв брошенную перчатку.

Блэк призадумался. Все в радиусе пяти миль слышали вызов, и все услышат каждое слово ответа. Мало того; вскоре загремят барабаны вверх и вниз по Реке, разнося новость — со всеми прибавлениями досужих сплетников — на три тысячи миль. Смертельная схватка между Блэком, телемским вождем, и Майклом О'Финном, главным из помощников Мюреля! Или сигнальщики станут передавать, что он, Блэк, испугался? Потерял лицо?

С точки зрения логики ответ мог быть лишь один: твердое и непреклонное «нет». И уж во всяком случае он был обязан представить вызов на рассмотрение Совета, а члены его, без сомнения, проголосуют против дуэли. Слишком уж это дело попахивало средневековьем!

Но тут имелся фактор, которого нельзя было не учитывать. Потеря лица! Несмотря на то, что многие одобрили бы его отказ — как деяние вполне логичное и разумное — столь же многие почувствовали бы сомнение в своем вожде. Не испугался ли он? Не струсил ли? И здесь не было возможности объяснить всем и каждому, кто услышал бы его отказ, что Ричард Блэк не трус.

Разумеется, он мог бы наплевать на сплетни, на шепоток, что станет раздаваться за его спиной; в конце концов, государственный муж должен следовать лишь голосу рассудка.

Но — лицо! Не только его, лицо Телема! Не будет ли лучше для его крохотной державы, если он примет вызов?

И, хотя ему не нравилась подобная мысль, он признал, что ради чести Телема обязан сразиться с этим О'Финном. Детская затея, разумеется, но было в ней и нечто притягательное, нечто рыцарственное — так крестоносец шел на бой с сарацином, так рыцарь сражал злобного великана, так...

— Ричард, Ричард!

То был зов Филлис, летевший впереди нее по лестнице. Засим показалась ее головка с короткими кудряшками и тревожно распахнутыми глазами.

— Я слышала барабаны, Дик! И я побежала... побежала, чтобы успеть раньше, чем ты ответишь какой-нибудь... какой-нибудь...

Голос ее пресекся, когда она заметила мрачный огонь, пылавший в черных зрачках Блэка.

— Какой-нибудь глупостью? — закончил он.

— Да! — она вспыхнула.— Да, глупостью! Я знаю тебя получше других, и знаю, что ты готов принять вызов этого О'Финна!

— Очаровательная способность — читать мысли в чужих головах!

— О, Дик, в этом нет ничего мистического, и ты можешь дурачить кого угодно, только не меня! В другое время я бы и слова не сказала... но не сейчас, не сейчас! Это слишком серьезно... Тебя же могут убить!

— Рано или поздно так и случится. Но какое это имеет значение? Я...

— Это имеет значение для меня! — воскликнула Филлис.— Я никогда не увижу тебя снова! И если это случится, я не смогу жить без тебя!

— Только без истерик,— холодно заметил Блэк.— Ты сама не веришь тому, что говоришь. Ты прекрасно знаешь, что, погоревав приличествующий срок — вероятно, пять или шесть месяцев — ты найдешь другого мужчину. Хижина твоя не опустеет.

— О, Дик, Дик, как можешь ты быть таким жестоким?!

Он взял ее за руку и повел к самому краю крыши, откуда его слова не могли долететь до Баркера.

— Сколько раз тебе говорилось не устраивать публичных сцен? — голос Блэка был негромким, но угрожающим.

— Дьявол с этим! — она заплакала.— Речь идет о жизни и смерти! Я не хочу потерять тебя... и не желаю, что все, ради чего мы трудились эти двенадцать лет, о чем мечтали, пошло черту под хвост! И только потому, что ты хочешь выглядеть героем!

— Вот как! — Блэк несколько сбавил тон. — Филлис, недавно тебе вспомнилась моя жена, Изабелла... та, что обожествляла меня, что позволяла мне идти своим путем, делать все, что я захочу... Вероятно, слова твои недалеки от истины, но Изабелла, по крайней мере, догадывалась, когда не стоит вмешиваться в мои дела. Если б она была здесь, ей бы тоже не понравилась эта история с О'Финном, но рот свой она держала бы на замке. Мало того, она вложила бы в мои руки саблю и сказала: разделайся с этим мерзавцем, да побыстрей! Она бы не сомневалась ни минуты, кто победит! А ты — ты, похоже, думаешь, что этот увалень с Миссисипи может меня заколоть? Этот невежа с грязной миссисипской калоши? Что он понимает в благородном искусстве фехтования!

Она подалась назад — устрашенная его словами, его диким, яростным взглядом, скорчившись от боли в руке — Блэк продолжал безжалостно сжимать ее. Но когда он выпустил запястье Филлис и шагнул прочь, она сказала:

— Все равно я лучше подхожу тебе, Дик — в любой день года и в любую ночь. И я люблю тебя так, как положено любить женщине, а не бессловесной собаке!

Блэк не обратил внимания на эти слова, но негромкое хмыканье Баркера подсказало ему, что сигнальщик тоже их слышал. Еще одно полено в костер его ярости! Он уставился на Баркера и рявкнул:

— Передай этому О'Финну, что мы будем биться на саблях! И голова побежденного достанется победителю! Я встречусь с ним после того, как услышу, что интересного он собирается нам сказать. Встречусь и выпущу кишки из его брюха!

Барабан загрохотал. Вскоре из форта донеслись далекие гулкие звуки, потом — чуть слышно — ответил «Мститель», подтверждая, что послание принято.

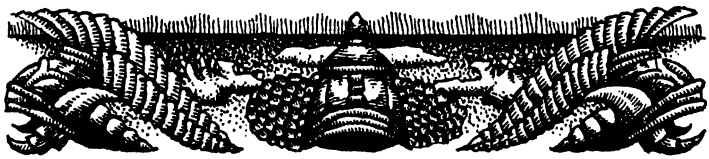
Филлис подошла к Блэку, прижалась щекой к его плечу и шепнула:

— Прости меня... я сожалею, что сказала резкие слова про Изабеллу... Я хочу лишь одного, Дик — чтобы ты любил меня так же, как себя самого.

— Не стоит извиняться. Слова меня не трогают... по крайней мере, слова женщины.

Очевидно, она и сама почувствовала это; последний призыв к его разуму и сердцу остался без отклика. Сгорбив плечи, понурив голову, Филлис шагнула к лестнице. Блэк мрачно глядел ей вслед.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Несколько мгновений он стоял, погруженный в размышления. Глаза его скользили по замковой кровле, по большой катапульте с колесным лафетом, высившейся посередине, по сложенной рядом с ней груде валунов. Затем Блэк направился к западному углу крыши, облокотился о парапет и посмотрел вниз.

Перед ним раскинулась Торговая Площадь, покрытая зеленой травой — эта жесткая растительность торчала везде, где был хоть клочок свободной от камней почвы. Внизу собралось множество людей, мужчин и женщин, глазевших на товары или занятых обменом. Тут и там прямо на земле сидели торговцы со своим добром — пустыми тюбиками из-под губной помады, переделанными в сережки, ожерельями и диадемами, собранными из полированных рыбьих костей, сумками, сплетенными из травы или сшитыми из дубленой человеческой кожи, барабанами — также сделанными из кожи, сандалиями с деревянной подошвой, травяными шляпами и юбочками — особо популярными среди женщин, статуэтками, резными вещичками из кости и разных камней, подсвечниками, ножами и всякой рыболовной снастью. Еще на площади толпились певцы, акробаты, жонглеры, странствующие сказители — словом, все, кто мог на тот или иной манер развлечь скучающих телемцев. Людей, умевших петь или рассказывать забавные истории, привечали в любом месте долины, ибо здесь не было ни книг, ни фильмов, ни телевидения.

Хоть народу на площади было изрядно, но все же не так много, как по вечерам, когда торговля шла с особенной бойкостью. Сейчас тут собрались телемцы, свободные от работы в утреннее время; среди них изредка попадались и те, кто трудился над «Речной Кометой».

Корпус «Кометы», наполовину скрытый строительными лесами, высился между двумя причалами. Позади судна торчал большой кран, переносивший громоздкие детали и различное оборудование. Кран и особенно паровая машина, служившая источником энергии, являлись гордостью телемцев; то был первый двигатель, созданный в долине. И пока что единственный, поскольку корабельные двигатели еще не задействовались ни разу. Котлы их были готовы принять воду, а топки — дрова, но огромные колеса находились в процессе сборки, лишенные своих лопастей. Их делали на лесопилке, выстроенной на берегу ручья, среди холмов — примерно в том месте, где стоял форт, охранявший подходы к Копям.

Блэк рассматривал «Комету», и постепенно радостное чувство, что дарил ему вид огромного корабля, начало вытеснять раздражение. Нет, без сомнения, любоваться этим судном было гораздо приятней, чем выслушивать причитания Филлис!

Прототипом «Кометы» послужил один из колесных речных пароходов, что пенили воды Миссисипи в девятнадцатом столетии. Существовали и различия — в немногих деталях. Со своего места Блэк различил белую рубаху Сэма Клеменса — его большая гавана, зажатая в зубах, нещадно дымила, рыжеватые волосы отливали медью в солнечных лучах. Сэм, прислонившись к рулевой кабине, руководил установкой пулемета, который покачивался на конце крановой стрелы; сейчас его осторожно спускали на крышу кабины, где и полагалось находиться орудию. Там его уже поджидал Чарбрасс с большим гаечным ключом в руке, готовый закрепить на станине массивный ствол с барабаном и стальным щитком.

Глаза Блэка довольно заблестели; это орудие, на которое он взирал сейчас с таким интересом, должно было сделать «Комету» практически неуязвимой. Принцип действия пулемета отличался от всего известного ему ранее — паровая установка раскручивала барабан, и двенадцатимиллиметровые снаряды вылетали из ствола под действием центробежной силы. Если бы Блэк не был столь занят другой работой, он с радостью установил бы орудие собственными руками. Но, увы! Он мог лишь следить за работами с кровли Замка...

Как хотелось ему, чтобы «Комета» могла уже развести пары, а ее орудия — послать в цель ливень стальных пуль! О, тогда бы он не стал тратить зря время, а вышел бы в озеро и либо потопил «Мстителя», либо взял его на абордаж.

Но корабль сможет покинуть док только через неделю. Когда же атакует Мюрель — раньше или позже? Как бы то ни было, размышлял Блэк, «Комету» нужно спасти любой ценой. Если Мюрель захватит ее, все тяготы, все труды двенадцати лет пойдут прахом! И желанное странствие вверх по Реке, путь к Верховьям и к тайне этого мира, отложится на годы — если не на десятилетия.

Он перевел взгляд с корабля и суетившихся вокруг него людей на отряды Телемского Легиона, маршировавших в южном конце площади. Это были крепкие парни в стальных шлемах, напоминавших ведерки для угля, и кольчугах, подбитых изнутри плетеными травяными прокладками; у каждого на левой руке висел круглый выпуклый щит, а в правой сверкала длинная сабля. То была регулярная боевая сила Телема, воины, которые днем и ночью охраняли границы страны, стояли на стенах фортов и Замка Блэка, стерегли «Клык Дракона» и все посты барабанной связи.

Остальные граждане Телема тоже держали оружие под рукой, хотя и собирались на воинские учения лишь дважды в неделю. Но, как бы то ни было, телемцы являлись единственными в этой части долины, кто владел запасами железа, и острое стальное оружие делало их непобедимыми. Они были многочисленны и сильны, и с недавних пор безбоязненно плавали повсюду, где хотели. Индейцы, обитавшие на другом берегу Реки, и их соседи с запада и востока, завидовали Телему, но опасались совершить хотя бы одно угрожающее движение. Прежде кайюга несколько раз ходили в набеги на телемские рубежи, но наконечники их копий из кремня и обсидиана ломались о стальные кольчуги и щиты, тогда как клинки телемцев, откованные из железа упавшей с небес звезды, исправно секли плоть и кости налетчиков. Убедившись в этом, индейцы запросили мира. И теперь Блэк, через Тзе Чана, предложил Деканавидаху стальные ножи и наконечники — разумеется, в небольшом количестве и в обмен на постоянный союз и военную помощь. Единственное, что тормозило переговоры — желание хитрого сахема кайюга полу-

чить побольше оружия. Он знал, что обстоятельства давят на Блэка и рассчитывал использовать это к собственной выгоде. Блэк, однако, надеялся, что Тзе Чан уломает упрямого вождя, и тот не задержится с решением. В конце концов, если Мюрель добьется контроля над единственным источником железа, судьба индейцев будет предрешена.

Впрочем, с краснокожими легче договориться, чем с белыми, подумал Блэк, поворачиваясь к востоку. Там, где озеро сужалось до обычной полумильной ширины, обитали белые люди, ненавидевшие его лютой ненавистью. В большинстве своем они являлись выходцами из викторианской эпохи и рассматривали Телем, с его Хартией и либеральными обычаями, как гнездо порока и зла, своего рода Содом и Гоморру. То был упрямый народец; хотя все они перенесли потрясающий шок воскрешения и в каком-то смысле адаптировались к жизни в долине в последующие годы, старые кумиры Земли, старые идеи и старые предрассудки никак не желали покинуть их. Могучие молоты реальности разнесли вдребезги тысячи религиозных доктрин и глупых верований, однако существовали вещи, слишком прочно укоренившиеся в людских душах — настолько глубоко, что свет истины не мог ни выжечь, ни растопить их. К ним, например, относились нелепые представления о морали: восточные соседи никак не хотели примириться с правилом, согласно коему граждане Телема делали лишь то, что приносило им удовольствие и радость. Сей эластичный закон, определявший поведение телемцев, казался им странным, кощунственным и даже оскорбительным! Телемцы же без оглядки добавляли к старым оскорблениям новые, очищая берега Реки на сотни миль вверх и вниз по течению от мелких тиранов, гангстеров и религиозных фанатиков. Впрочем, делалось это лишь по инициативе угнетаемых и порабощенных, так что никто из них не мог впоследствии сказать, что они сменили одну неволю на другую, еще более худшую. Завершив очередную санацию, телемцы уходили, хотя им было бы нетрудно оставить в каждом освобожденном регионе свои войска со стальным оружием — так сказать, для поддержания мира и порядка. Однако они возвращались к себе, в свою озерную республику, к своей работе и своим планам. Но самое удивительное заключалось в другом. Спустя некоторое время горячая благодар-

ность освобожденных сменялась завистью, а потом — неприязнью; вероятно, никто из них не мог перенести того, что телемцы были сильны, богаты и прекрасно организованы — то есть обладали всем тем, чего так не хватало их подопечным. И когда Мюрель четыре года назад обосновался в тридцати милях вниз по течению от Телема, он нашел благодатную почву для создания собственной диктатуры — точно такого же бандитского государства, как уничтоженное Блэком двенадцать лет назад.

Мюрель, по собственным его утверждениям, являлся американцем, появившимся на свет в двадцатом веке, в самом конце Первой мировой войны. Он был уроженцем Чикаго и вел — опять-таки по собственным его словам — жизнь скромную и праведную, избрав карьеру англиканского проповедника. Смерть настигла его в возрасте тридцати трех лет, во время автомобильной катастрофы; он оставил жену, пятерых детей, приход в сельской местности и почти пустой счет в банке. Пробудившись на берегах Реки, Мюрель, как и все прочие воскрешенные, пережил великий ужас, сменившийся столь же великим чувством облегчения. Однако в его случае эта стандартная реакция породила гнев — яростный гнев, потому что хотя он и восстал после смерти, но очутился совсем не в том месте, которое мнилось ему в мечтах.

Не желая признать очевидное, он взял в руки свой грааль и пустился в странствия, которые длились целый год. В конце данного срока он с большой неохотой пришел к заключению, что если эта долина и являлась Царством Божьим, то Бог, вероятно, проявил большую неразборчивость, населив ее самой различной клиентурой. И еще Мюрель понял, что вся его земная жизнь, праведность и самопожертвование, ожидание посмертной награды — все это было тщетным; Бог обманул его.

Возможно, долина являлась адом? Но то был совсем не такой ад, о коем он проповедовал своим прихожанам, с тайной надеждой как следует припугнуть их грядущими муками и направить на путь истинный. Эта долина оказалась странным местом; она не походила на Божье Царство — такое, каким он его себе представлял, — но она не выглядела и бездонной адской пучиной. Короче говоря, боги — если они были тут — либо не обращали никакого внимания на Мюреля,

либо тихонько хихикали над ним в рукав. Других вариантов, по его мнению, не имелось, ибо жизнь в долине бесконечной Реки разительно отличалась от земной. Хотя бы в одном, но самом главном пункте: смерть тут не властвовала над людьми, и всякий погибший подлежал скорому и неизбежному воскрешению.

Этот бесспорный факт долгое время сдерживал ярость, копившуюся в душе Мюреля; он не мог представить, что же это значит, какой урок полагается извлечь из подобного благодеяния. Затем он, наконец, решил, что тайна сия является одним из загадочных свойств долины, и нечего ломать над ней голову. Он признал, что жизнь на берегах Реки — не трансцендентное существование; она была столь же телесной и материальной, как на Земле, а это значило, что надо получить от нее побольше.

Получить? Что именно? Такого вопроса не возникало, ибо свои цели он уже определил: власть, женщины, спиртное.

В конце годичного странствия Мюрель очутился в обстоятельствах, не слишком благоприятствовавших задуманному — он попал к длинноволосым белокожим айнам, бродячим охотникам и рыболовам, населявшим некогда восток Евразийского материка — еще перед тем, как они переправились в Японию. Но, хотя Мюрель и был среди них чужаком, он ухитрился довольно быстро протоптать дорожку к власти, захватив контроль над довольно значительной областью. Вскоре он уже имел целый гарем и надежную шайку сподвижников, державших остальное население в страхе и в полурабском состоянии. Они грабили соплеменников, отнимая все спиртное и часть пищи, и жили превосходно — так превосходно, как позволяли скудные ресурсы долины.

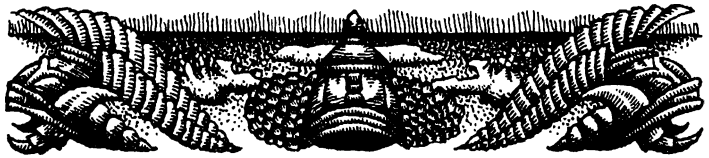
Не только хитрость, но и иные обстоятельства помогли Мюрелю захватить власть. Подданные его все еще были ошеломлены и едва ли не парализованы чудом воскрешения. Они очутились там, где Великий Отец Медведь, их покровитель и защитник, был бессилен; они потеряли свою гордость — густой волосяной покров на теле; они лишились своих великолепных бород. Отныне, как и у всех прочих мужчин на берегах Реки, волосы у айнов росли только на голове, и это было воистину ужасно! Они чувствовали себя так неуверен-

но, что с легкостью сделались бы добычей любого хищника вроде Мюреля.

Спустя некоторое время Мюрель утомился от ласк уродливых маленьких женщин и сырой рыбы, до которой айны были большими охотниками. Желая найти подобных себе людей, он решил предпринять дальнюю разведку и отплыл вниз по течению Реки. После нескольких лет бесчисленных авантюр и приключений, он добрался до южных широт, где обитала многочисленная группа полинезийцев. Эти дети природы сравнительно легко перенесли переход от смерти к жизни, от волн Тихого океана к водам Реки. Поначалу Мюрель предусмотрительно держал свои намерения в тайне, и полинезийцы встретили его с редким радушием. Но среди них он столкнулся с итальянцем, неким Созини, одним из первых проповедников Церкви Второго Шанса. Гнев и отвращение, которые испытывал Мюрель к жизни в долине, приняли странные формы: он ненавидел вся и всех, кто даже здесь занимался метафизикой и теологией. Созини стал очередной его жертвой. Мюрель пригласил проповедника прогуляться по холмам, якобы для частной беседы, но с этой прогулки итальянец не вернулся. Убийца пережил его ненадолго; следующим его шагом стало покушение на самоанского вождя, не столь доверчивого, как несчастный Созини. В результате Мюрель был пойман с поличным и забит дубинками до смерти.

Когда он вновь воскрес — с целой головой и костями, на которых не было и следа переломов — то очутился на северном берегу Реки, в тридцати милях к западу от Телема. На сей раз он действовал хитрее и осторожнее, собирая новую шайку и разыскивая подходящих людей, готовых служить ему верой и правдой. В результате через два года под его рукой оказалось целое королевство; территория его постоянно росла, силы крепли, и теперь Мюрель собирался посягнуть на земли и богатства Телема.

И, как думал Блэк, подобная затея могла увенчаться успехом. Мюрель, не дрогнув, положил бы большую часть своей армии, чтобы захватить столь соблазнительный приз.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В этот момент, нарушив размышления Блэка, в двери возник посетитель. Правда, не из тех, кого он желал бы видеть — то был Федор Борбич.

Он выдавил мучительную улыбку. Губы его вспухли и кровоточили, на месте двух передних зубов зияла дыра.

— Ваш разведчик избил меня,— сказал Борбич.— Но не беспокойтесь, мистер Блэк, я здесь не для того, чтобы искать удовлетворения. Скорее, наоборот — я пришел извиниться. Видите ли, я призывал толпу сжечь ваш корабль, засыпать Копи и, бросив оружие, ждать прихода Мюреля.

— Да, мне это известно,— произнес Блэк.— И я могу присудить вас к смерти как провокатора, агитирующего в пользу врага.

Борбич широко развел руки и улыбнулся; его лицо, некрасивое и бесцветное, вдруг сделалось почти прекрасным.

— Тогда действуйте, мистер Блэк! Убейте меня! Вы, вы будете мучиться из-за этого, не я! Я снова восстану к жизни, а ваши руки будут обагрены моей кровью.

— Давайте обойдемся без этих проклятых банальностей! — отрезал Блэк.— И разрешите напомнить, что есть средства получше убийства. Я могу засадить вас под замок — надолго, очень надолго. Возможно, навсегда.

— Только не вы, мистер Блэк, только не вы. Такое не в вашем характере. Мюрель, этот зверь, мог бы так поступить, но не вы. Только не вы.

— Если Мюрель так ужасен, почему же вы жаждете отдаться в его руки? И тянете за собой всех прочих?

— Я разумею, что совершив это, мы — быть может, впервые — распахнем в его сердце врата сострадания. Возможно, он поймет, что является не животным, но человеческим существом... Однако я не должен так говорить — ведь

каждый из нас, даже самый низкий и жестокий, все-таки человек, и каждый способен на...

— У меня нет времени для дискуссий,— перебил его Блэк.— Скажите, какое у вас дело ко мне?

Он бросил взгляд на распахнутую дверь, ожидая, что там уже толпятся члены Совета, готовые обрушиться на него с упреками за принятый вызов О'Финна. Но в коридоре пока что никого не было.

— Какое у меня дело? — повторил Борбич.— Сострадание — вот мое дело, мистер Блэк, как оно должно быть главным делом для всех. Сострадание — вот первый закон человеческой жизни... и это не только закон.

— И что же дальше? — спросил Блэк. Он не желал признаться, что за речами этого человека может стоять что-то большее, чем пустые слова.

— Мистер Блэк, вы не слышали меня раньше, не слышите и теперь. Вы не хотите знать, не хотите понять, что на самом деле стоит за моей Церковью... за Церковью Второго Шанса, я разумею. Я говорил с мисс Филлис, и она сказала, что попыталась передать вам мои слова, но вы обрезали ее и не пожелали слушать... Почему же? Почему? Неужели вы боитесь того, что услышите?

— Доберетесь ли вы наконец до сути? Или я должен спустить вас с лестницы? — рявкнул Блэк. Кулаки его сжались.

— О, мистер Блэк, вам не следует так раздражаться! Я знаю, что за вашим варварским видом и манерами таится доброе сердце... да, доброе и чувствительное... Я знаю это, потому что наблюдал за тем состраданием и тем милосердием, что вы оказывали обиженным и угнетенным — в те моменты, когда вам казалось, что никто вас не видит. И, позвольте заметить, что ваш грозный вид не столь уж необходимый признак супермена. Такая поза скорей опасна, ибо со временем вы можете поверить в нее, предаться ей душой. И что тогда?

— Действительно — и что тогда?

— Ладно, оставим; боюсь, что я отклонился от сути. Ну, как я сказал, сострадание есть главный, определяющий закон человечества. Вы согласитесь с этим, если вам приходилось читать жизнеописания наших великих земных вождей

— о, я не имею в виду такие личности, как Цезарь или Наполеон, но людей, подобных святому Франциску и Будде, воистину великих! Они, как вам безусловно известно, проявляли настоящее сострадание.

Подождите, подождите, не будьте так нетерпеливы! Я хочу рассказать одну историю и думаю, что она покажется вам интересной. Она и в самом деле такова — наиболее интересная история во всей долине и наиболее значительная.

Я перескажу вам то, что говорил мне Основатель нашей Церкви, а его слова побудили меня отринуть старые предрассудки и забыть об идолах, что владели моей душой на Земле. Они сделали меня новым человеком — а ведь это первый и самый важный шаг, который каждый из нас должен совершить здесь, в долине.

Итак, Основатель говорил мне, что он впервые пробудился среди индийцев, уроженцев Раджапутана пятнадцатого столетия до новой эры. Он остался с ними, выучил их язык и начал заниматься индийской философией — той самой, которую, как вы знаете, теперь отвергают даже вернейшие из ее последователей. Индийцы, среди которых он жил, тоже пытались приспособиться к новому существованию, как-то отделить привычное земное от того, что подарил нам мир Реки. И вот случилось так, что мой друг, Основатель, встретил одного индийца, утверждавшего, что он воскрес рядом с телом Будды Гаутамы.

Заметьте, я сказал — рядом с телом! Ибо, хотя плоть Будды подверглась воскрешению, сам он был мертв. Тело его оставалось холодным, и искра жизни, одушевляющая нас, не разгорелась в нем. Так или иначе, его воскрешение здесь, в этом месте, среди миллиардов остальных человеческих существ, не произошло.

История индийца оказала на моего друга огромное впечатление, ибо он питал надежду, что в ней таится ключ ко многим тайнам долины. Он отправился в то место, где нашли тело Гаутамы и говорил с людьми, знавшими его при жизни на Земле — знавшими настолько хорошо, что они могли безошибочно опознать его труп.

Мой друг провел в тех краях долгое время, наслаждаясь простой и мирной жизнью, которая возможна в местах долины, где обитают невоинственные и счастливые люди. Но в

один из дней он решил, что хватит сидеть на месте и вести бесконечные беседы; это не приближало его ни к разгадке тайны долины, ни к той цели, с которой нас поместили на берега Реки. Итак, он поднялся, взял свой цилиндр и зашагал вдоль водного потока.

Многими годами позднее дорога его пересеклась с путем другого человека, итальянца тринадцатого столетия, который тоже странствовал вдали от соплеменников, пустившись на поиски истины.

Он рассказал, что пробудился среди прочих итальянцев своей эпохи, и что он пожелал достичь в долине столь же высокого положения, какое занимал на Земле — а там он являлся принцем, властителем страны, жаждавшим все большей власти, все большего могущества и богатства. И здесь, на берегах Реки, он тоже сделался владыкой, и дела его шли успешно — до той поры, когда он, отражая набег соседей, не захватил в плен некоего провансальца. И этот провансалец поведал ему странную историю о том, что пробудившись к жизни первый раз он нашел рядом с собой труп. Он узнал того мертвого человека, достойнейшего праведника, канонизированного впоследствии одной из церквей — какой именно, значения не имеет. И теперь сей человек, более всех прочих заслуживший вторую жизнь, распростерся холодный и мертвый на речном берегу — великолепное тело юноши, в которое почему-то забыли вдохнуть божественную искру.

Итак, этот святой человек лежал безжизненным, и провансалец, узнавший его, двинулся прочь в недоумении и печали.

Когда итальянский принц услышал этот рассказ, он почувствовал, что тут кроется нечто важное. И тогда он принял решение. Не сказав ни слова своим приверженцам — ибо они не поняли бы его и могли бы даже воспрепятствовать его намерению — он поднял свою чашу и тайно отправился в путь. И везде, где он шел, он расспрашивал об этом святом, который был воссоздан вновь, но воссоздан мертвым, об этом невоскрешенном Лазаре. Принцу пришлось пройти много миль, но наконец, волею случая или самого Провидения, он повстречал моего друга — с еще одним преданием о невоскрешенном человеке.

И тогда итальянец и мой друг решили объединить свои усилия. Они стали путешествовать вместе; когда же перед ними возникала земля, чьи дикие обитатели могли представлять опасность, они делали лодку и гребли вниз по течению. И везде они расспрашивали людей — не слышал ли кто-нибудь о мужчине или женщине, чье тело в День Великого Плача оказалось лишенным искры жизни.

Должно быть, они опросили уже целый миллион и начали думать, что поиски их безнадежны. Но в одну из ночей, когда они сидели у костра вместе с несколькими самаритянами, уроженцами первого века, им рассказали о женщине, чья дочь, подобно Будде и Лазарю, очутилась в долине мертвой.

Отправившись туда, где жила эта женщина, мой друг и итальянский принц нашли ее на следующий день, расспросили и убедились, что все поведанное им было правдой. Как сказала та женщина, пробудившись на берегу, она стала искать свою дочь, которую очень любила. Ей не пришлось идти далеко — вскоре ей встретился знакомый человек, видевший ее дочь и утверждавший, что она мертва. Кто же убил ее? — спросила та женщина, и услышала в ответ, что никто в том не повинен, но дочь ее была мертва с самого первого мгновения, как очутилась в долине. И тогда женщина пошла в тоске и печали, чтобы схоронить тело своей дочери и убедиться, что то была именно она. Все оказалось истинным.

Но не только рассказанное той женщиной совпало с двумя первыми случаями. Обе они, и мать, и дочь, были известны во времена земной жизни своей добротой, честностью и хорошим нравом, и тем, что они помогали бедным и увечным. Большую часть жизни они состояли в замужестве и произвели на свет многих детей. Но дочь — та самая, что не воскресла вновь — обладала более пылким нравом, чем мать, и не раз страдала от несправедливости и притеснений. Она была мученицей!

Несмотря на неприязнь к Борбичу, Блэк слушал его с интересом. Когда же речь зашла о добродетелях покойницы, он прервал рассказчика, взмахнув рукой.

— Погодите минуту! Зачем все эти подробности насчет ее замужества, ее нрава и прочих дел? Почему вы не говорили об этом, когда речь шла о мужчинах?

— Потому что наш Основатель пытался выяснить, что же общего было между всеми тремя случаями. Если бы тут обнаружились какие-то точки соприкосновения, они могли бы послужить ключом к тайне. Я разумею — к тому, почему эти трое оказались лишенными жизни.

И вот что Основателю удалось найти: всех троих объединяла любовь к людям, уважение к хлебу насущному, скромность в еде, питье и одежде, преданность Господу и ненависть к угнетению. Они верили, что человек рожден не для того, чтобы копить богатства и тешить свою гордыню, и что муки слабых и несчастных получат воздаяние в Царстве Божием после смерти.

Друг мой Основатель однако не мог догадаться, что значат эти общие качества. Но он и спутник его, итальянец, продолжали доискиваться правды, и в три ближайших года им удалось услышать еще о трех таких же случаях. Но были они не совсем подобны первым, ибо произошли после Дня Великого Плача и в различное время. Двое мужчин и женщина, мистер Блэк. И всякий раз на мертвых телах не было следов насильственной смерти или иных знаков, говорящих о жестоком убиении. Их плоть оказалась нетронутой и неповрежденной, хотя и без искры жизни. Вероятно, их убили в каких-то других частях долины, но воскресли только тела страдальцев, не дух их, не разум.

К сожалению, Основатель не сумел обнаружить кого-либо, кто хорошо знал бы этих людей. Несмотря на годы странствий и расспросов, он не собрал почти никаких сведений об их земной жизни — разве что немногие обрывки и слухи, слово — здесь, фразу — там... Но это его не смутило. Он был уверен, что если б эти трое вновь восстали к жизни и поведали ему свои истории, рассказы их были бы похожи на то, что он слышал о Гаутаме и остальных праведниках. И он понял, что путеводная нить к тайнам долины наконец-то в его руках!

— Что же это за нить? — спросил Блэк. Ему хотелось услышать продолжение истории Борбича, однако, бросив взгляд в окно, он увидел группу советников, пересекавших Торговую Площадь. Они направлялись в Замок, а это значило, что его ждут неприятные объяснения по поводу вызова О'Финна.

Борбич, тем временем, продолжал:

— Этот мир, эта Река и долина, и наше воскрешение, и пища, дарованная нам, предназначены лишь для одного: освободить нас от оков плоти, исторгнуть дух наш, очищенный от греховных помыслов, и направить его в руки Господа!

Он сделал паузу, желая убедиться в эффекте своих слов; его лицо горело от возбуждения, руки дрожали. Блэк, однако, безмолвствовал, и Борбич сказал:

— Если сие звучит противоречиво, не стоит удивляться; это лишь поверхностное впечатление. Основатель нашей Церкви пришел к мнению, что Создателем нам дарован Второй Шанс. Первый раз мы получили его на Земле, и в большинстве своем не выдержали испытания. Теперь же...

— Какой шанс? — прервал его Блэк.

— Возможность уйти, подняться на Великие Высоты,— значительно произнес Борбич.— Возможность вступить в Царство Божие и навсегда слиться с Господом, нашим Творцом.

Блэк фыркнул.

— До сих пор я слушал с интересом, но сейчас, когда вы принялись нести мистическую чепуху, я разочарован. И я думаю, что вам лучше уйти, Борбич. У меня есть более важные дела, чем обсуждение способов, коими можно слиться с Богом или уйти на эти ваши Высоты.

— Поймите же, не в словах дело! — вскричал Борбич.— Я использовал сей термин, потому что у нас нет ничего — ничего подходящего для обозначения столь великой и божественной цели! Той, о которой я говорил! Если вы позволите мне объясниться подробнее...

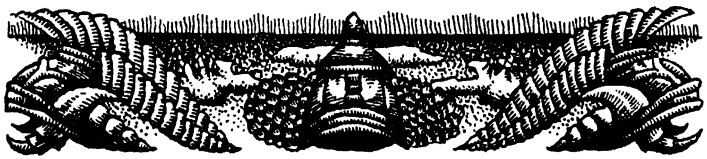
— Я предоставил вам достаточно времени,— сказал Блэк.— Вероятно, нам удастся обсудить эти трансцендентные предметы попозже. Вероятно, так. Но чем бы не закончился наш будущий разговор, я хочу, чтобы кое-какие вещи стали ясными уже сейчас. Больше ни слова о сожжении «Кометы»! И о том, что мы должны сдаться ублюдкам Мюреля. Вы меня понимаете?

— Нет, не понимаю,— упрямо заявил Борбич.— Если б вы дали мне время, я уверен, что сумел бы переубедить вас. Я показал бы ясно и определенно, почему нам не следует сопротивляться насилию.

— С этой минуты я не собираюсь делать новых предупреждений. Одно слово, и вы уберетесь прочь из Телема! Вероятно, вам больше понравится беседовать с Мюрелем.

Борбич побледнел, стиснул кулаки и, повернувшись, ринулся к двери. Мгновением позже порог переступили советники, и Блэк, атакованный их яростными упреками, позабыл о русском проповеднике.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На восстановление порядка понадобилось полчаса. Дело было сделано; несмотря на все их возражения, Блэк уже не мог отказаться от дуэли с О'Финном. Подобный жест ославил бы его трусом на многие мили вверх и вниз по Реке.

Наконец они замолчали, бросая на своего предводителя мрачные взгляды и гневно попыхивая сигаретами. В наступившей тишине до их ушей долетел грохот барабанов. Они били за Рекой. Деканавидах, сахем кайюга, приветствовал Блэка, своего отважного белого брата.

Блэк, белый брат... Так обычно звал его вождь, и иногда Блэк размышлял над тем, понимает ли индеец суть и смысл каламбура. Когда он встречался с Деканавидахом нос к носу, лицо сахема казалось непроницаемой маской спокойствия и достоинства. Блэк, однако, этим не обманывался; у него был изрядный опыт общения с примитивными племенами, среди которых нарочитая серьезность считалась признаком хорошего тона. Но зачастую не было больших шутников, чем эти краснокожие с вырезанными из дерева физиономиями.

Он поднялся на замковую кровлю и начал диктовать Баркеру ответное приветствие. Затем, недовольный медлительностью такого способа связи, Блэк решил сам воспользоваться барабанами. Тут существовали некие правила, распространявшиеся даже на него, организатора всей телемской сигнальной системы: ни одному человеку не дозволялось прикоснуться к барабанным палочкам без разрешения старшего сигнальщика.

Сунув Баркеру сигарету — в качестве взятки, Блэк уселся за барабаны. С минуту он слушал гулкие звуки ударов, доносившихся с другого берега озера, потом отстучал ответ.

Известно ли Деканавидаху, краснокожему брату, что он, Блэк, встретится сегодня после полудня в поединке с О'Финном, помощником Мюреля?

Деканавидаху это было известно.

Сможет ли краснокожий брат пересечь озеро, чтобы лично присутствовать на поединке? И если так, не пожелает ли он привести с собой некоторое количество своих доблестных воинов? После того, как О'Финн будет убит, у них еще останется время для совещания.

Да. Деканавидах с удовольствием полюбуется на то, как его белый брат, Воин-Что-Рвет-Врага-Железными-Клыками, снимет скальп с этого О'Финна, Рыжего Болтуна.

Готов ли Деканавидах обсудить военный союз между людьми Телема и храбрыми кайюга, направленный против презренного Мюреля?

Да, готов. Тзе Чан, муж внучки Деканавидаха, говорил с ним про это дело и про обещание белого брата Блэка выделить кайюга стальные ножи и наконечники для копий. Этот вопрос надо было бы обсудить со всеми вождями, но времени для такого совета уже не осталось. Тем более, что дакота, люди клана Воющего Пса, живущие к западу, тоже предлагают союз кайюга и белому брату Блейду. Разумеется, если белый брат даст им стальные ножи. Но тогда ему придется дать больше железного оружия и племени кайюга.

Блэк застонал. Но сейчас он нуждался в краснокожих воинах и понимал сомнения Деканавидаха насчет дакота. Клан Воющего Пса враждовал с кайюга, и стальные ножи наверняка будут использованы индейцами в междоусобной резне, что последует за разгромом Мюреля. Сложное дело! И если вожди кайюга начнут совещаться, это займет у них как минимум неделю! Но телемцам требовалась немедленная военная помощь, и Блэк был намерен получить ее — тем или иным путем.

Он поднял кости, служившие барабанными палочками, над туго натянутой кожей, но вдруг замер; по лицу его скользнула хитроватая усмешка. Кажется, он знал теперь, как ускорить дело с кайюга, и в этом ему поможет О'Финн! Если устроить так, чтобы сей вояка оскорбил сахема...

Он быстро отбарабанил сообщение, что надеется увидеть вождя и его людей в полдень, и что не будет знать покоя, пока они не ступят на телемский берег.

Сахем ответил, что радость вернется к нему лишь в тот момент, когда он пожмет руку своего белого брата.

Завершив переговоры, Блэк отложил палочки и поднялся, но в этот момент заговорил барабан западного форта. Наблюдатели докладывали, что «Мститель» проходит изгиб речного русла. Блэк посмотрел вниз — тело его почти не отбрасывало тени. Должно быть, наступил полдень, ровно 04:00 по телемскому времени. «Мстителю» понадобится не меньше двух часов, чтобы бросить якорь в озере — следовательно, это будет 06:00. Деканавидах мог добраться до берегов Телема примерно к этому часу или чуть раньше, так что он не опоздает к началу схватки. Блэк хотел скрестить сабли с противником в 06:30; по его расчетам, бой займет десять минут, и еще час двадцать останется на прочие дела, пока в 08:00 ночная тьма не опустится в долину.

Точный расчет времени значил для Блэка многое, ибо он планировал внезапную атаку на вражеское судно. О'Финн поклялся, что «Мститель» со всем экипажем будет принадлежать ему в случае победы, но клятва этого ублюдка не стоила ничего. Блэк не сомневался, что в ту секунду, когда голова О'Финна скатится с плеч, судно поднимет якорь и попытается ускользнуть из озера. Его захват мог оказаться непростой проблемой! Чтобы решить ее, надо держать наготове собственную флотилию, флагманом которой являлся «Клык Дракона». Это было длинное низкое одномачтовое судно, напоминавшее скандинавский драккар своим резным форштевнем и рядами весел, торчавших меж круглых щитов, что висели по бортам. Хотя, по сообщениям шпионов, «Клык Дракона» был меньше «Мстителя», он мог с успехом атаковать более крупный корабль. Две дюжины арбалетчиков, входивших в его команду, пробили бы стрелами каждого, кто рискнет высунуться над бортом.

Блэк запросил наблюдателей из своего форта, есть ли признаки какого-либо оживления среди людей Мюреля, по другую сторону границы, где высились вражеские укрепления. Форт доложил, что ничего подозрительного не заметно: ни скоплений солдат, ни попыток пересечь две сотни ярдов, что разделяли оба поста.

Распорядившись, чтобы пограничная стража не спускала с противника глаз, Блэк, под жаркими лучами полуденного солнца, спустился по лестнице на первый этаж. Он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромный борбичев

крест с двумя перекладинами опускают в заранее выкопанную яму на Торговой Площади. Вокруг суетилась дюжина новообращенных, подпиравших тяжелый крест шестами; затем, отложив их, последователи Борбича начали укреплять центральный шток. Одни перемешивали груду измельченного известняка, песка и гальки, подсыпая смесь в яму, другие трамбовали ее, чтобы надежней зацементировать основание. Сам Борбич стоял неподалеку — нервный, напряженный, но с горделивым выражением на лице. Его глаза бегали по сторонам, ловя каждое движение собравшихся вокруг зрителей, уши пылали — вероятно, от ярости, так как телемцы не скупились на критические замечания.

Не обращая внимания на это действо, Блэк направился к столу Совета под ветвями огромной сосны. Он сел на скамью, раскрыл свой цилиндр, вытащил из него металлические контейнеры и картонки, полные пищи и питья, и поставил перед собой. Советники — те, с которыми он сегодня еще не встречался — хмуро приветствовали его. Единственным исключением был Чарбрасс, как всегда спокойный, сонный и равнодушный. Обычно он не пытался влиять на чужие решения; если Блэку захотелось рискнуть и своей жизнью, и положением лидера, то, по мнению Чарбрасса, это являлось его личным делом.

Блэк исподволь изучал своего инженера. Чарбрасс был — и оставался — для него загадкой; если все люди в двадцать первом веке походили на него, этот период следовало бы признать неплохим временем для земного человечества. Он обладал чувством юмора, был интеллигентен, весьма образован — причем сразу в нескольких областях, чрезвычайно вынослив и силен; кроме того, его отличала редкостная приспособляемость. Казалось, ничто и никто не в состоянии вывести его из равновесия; он знал, что сказать, когда и как — и когда лучше промолчать. Он никогда не вызывался добровольцем для каких-нибудь дел, но если его просили выполнить то-то и то-то, можно было не беспокоиться за результат. Однако он не делал более того, что требовалось.

Например, когда Блэк с Сэмом Клеменсом искали инженера, способного руководить постройкой корабля, у них состоялась долгая беседа с Чарбрассом, но он, выслушав их, не предложил своих услуг. Затем Блэк случайно стал свиде-

телем его разговора с Филлис, когда Чарбрасс упомянул, что являлся главным инженером космического корабля на трассе Земля-Марс. Чрезвычайно заинтересованный, Блэк начал выспрашивать подробности; вот тогда-то он и узнал, что при наличии металла Чарбрасс сумеет сконструировать судовой двигатель, способный вращать огромные гребные колеса «Речной Кометы». Причем не обычную паровую машину, которой пользовались в девятнадцатом веке, а установку с восьмидесятипятипроцентным КПД, работающую на дровах и не требующую иной смазки, кроме рыбьего жира.

— Почему же вы не сказали нам про это раньше? — вскричал потрясенный Сэм. — Вам же было известно, что мы нуждаемся в подобном специалисте!

Чарбрасс невозмутимо улыбнулся и пожал плечами; потом ответил — обычным своим негромким и мелодичным голосом:

— Меня никто не спрашивал.

Затем он снова улыбнулся, словно не слышал возмущенного рева Сэма и хохота Блэка, оценившего шутку. Но усмешка его выражала отнюдь не терпимость; он улыбался так, как будто получал удовольствие, наблюдая за выражением их эмоций, как будто он понимал их лучше, чем они сами. Это вызывало забавное ощущение — не слишком приятное для Блэка, замкнутого и скрытного, не желавшего, чтобы кто-то копался в его чувствах, намерениях и мыслях.

Теперь, наблюдая за своим инженером, Блэк размышлял над тем, какие еще загадочные способности таились в душе и разуме Чарбрасса. Внезапно он произнес:

— Скажите, Джайрус, что вы, как человек двадцать первого века, думаете об этой дуэли?

Чарбрасс задумался. Сейчас, неторопливо проворачивая ответ в голове, он выглядел подобно бронзовой статуе оракула, чья полированная поверхность отражает свет, не пропуская внутрь ни единого луча.

— Я полагаю, — наконец произнес он, — что это чудовищно и печально. Люди не должны проявлять подобную жестокость и превращаться в зверей.

— Звучит почти как слова Борбича, — заявил Блэк. Черные его глаза скользнули по лицам остальных советников, словно приглашая их поучаствовать в дискуссии.

— Вероятно,— согласился Чарбрасс.— В некоторых вещах я готов с ним согласиться, хотя не признаю его теологических и трансцендентных теорий, которыми он пытается объяснить окружающий мир. Однако я полагаю, что во многих отношениях его Церковь стоит на правильном пути.

— Значит, вы не одобряете этот поединок?

— Я бы не рискнул дать однозначный ответ. Разумеется, если удалить со сцены О'Финна и прочих людей такого же сорта, вы и остальные телемцы скорее приблизитесь к своей цели. Однако, убив его, вы лишь перекладываете бремя на чьи-то другие плечи. Он снова и снова будет участником все той же древней драмы насилия и жестокости, ибо останется прежним. Почему бы не попытаться нейтрализовать его иначе? Так, чтобы он стал иным, лучшим человеком?

— В самом деле, почему бы и нет? — голос Блэка был полон сарказма.— Ну, и каковы же ваши предложения на сей счет?

— Вы должны решить сами,— отвечал Чарбрасс.— Ситуация более касается вас, чем меня.

— Я склонен проявлять терпимость до тех пор, пока это не начинает вредить моим интересам,— заметил Блэк.— Пожалуй, в деле с О'Финном этот рубеж перейден... хотя остальные наши коллеги придерживаются иного мнения.— Он вновь оглядел угрюмые лица советников.

— О, это не важно! Вы должны поступать так, как желаете, как считаете нужным.

Яростно фыркнув, Блэк уставился на спокойную физиономию Чарбрасса. Поистине невозможно спорить с таким человеком!

— Что же тогда вы думаете насчет утверждений Борбича о сострадании? О том, что сострадание является главным — если не единственным — законом человеческой жизни?

— Я полагаю, очень многое говорит в пользу такой точки зрения. Но этот Борбич, к несчастью, тратит слишком много энергии, пытаясь доказать себе самому и всем прочим то, что не нуждается в доказательстве. С другой стороны, он даже не сформулировал каких-то разумных правил, которые могли бы направить его сострадание к нужной цели. Цель, конечно, заключается в перерождении людей, в том, чтобы жестокость и безразличие сменились дружелюбием и мило-

сердием. Это долгая и тяжкая работа — даже для того, кому известно, как делаются подобные вещи. Борбич же очень смутно представляет, в каком направлении нужно идти. Но это вовсе не повод для пессимизма. Я могу предположить, что в своей земной жизни он был еще более беспорядочным и возбудимым человеком, так что за двадцать лет существования в долине он добился определенного прогресса. Его эпилептические припадки прошли,[1] как и страсть к азартным играм, хотя он все еще сохранил ряд неприятных черт и главную из них — самоуничижение. Это, как вы знаете, оборотная сторона гордости... Но он прогрессирует, несомненно прогрессирует!

Так же, как и вы, Ричард — если верить Филлис и моим собственным наблюдениям. Вы и Борбич придерживаетесь разных принципов, и даже цели ваши могут показаться противоположными. Но я верю, что в конце концов вы оба придете к одному и тому же.

Разговоры, в которых обычно первенствовали Сэм Клеменс на одном конце стола, и Ричард Блэк на другом, замерли; все слушали Чарбрасса — того Чарбрасса, который вдруг открылся им с новой и неожиданной стороны. И то обстоятельство, что человек, подобный Блэку, внимал ему без возражений, само по себе было достойно удивления.

— Подумайте еще вот о чем,— невозмутимо продолжал инженер.— Вы готовы уйти в плавание, оставив все, над чем трудились целых двадцать лет. Вы создали Телем, это маленькое государство, основанное на принципах равенства, свободы и демократии, и теперь, когда начинается настоящая работа, вы бросаете все и отправляетесь в погоню за дикими гусями... Разумно ли это? Вы учредили Поисковую Службу, способную объединить долину, сделать ее единым целым, распространить повсюду демократические принципы. Мы можем надеяться, что английский язык — со временем, конечно — станет общепринятым, и на берегах Реки воцарятся понимание и мир. Pax Thelemica![2] И когда это будет

---

[1] Прообразом Борбича послужил Федор Михайлович Достоевский, страдавший эпилепсией.

[2] Мир Телема (лат.) — по аналогии с Pax Romana — Римский мир, мир под властью Рима.

сделано, мы объединим свои усилия с Церковью Второго Шанса и другими организациями, что уже возникли в долине. Например, с Рыцарями Грааля, которые рассчитывают с помощью достижений двадцать первого века в психологии и психодинамике покончить со всеми неврозами и психозами, до сих пор мучающими людей.

— Подождите! Подождите минуту! — взревел пораженный Блэк.— О чем вы толкуете, Джайрус? Я ведь не слышал от вас ни слова, ни полслова об этих вещах! Что за Рыцари? Вы говорите так, словно вы в курсе их дел! Почему же я не знал об этом раньше?

— Да, я член сообщества Рыцарей Грааля,— спокойно ответил Чарбрасс.— Правда, с недавних пор. Вспомните женщину, Анджелу Дэй, что побывала в Телеме полгода назад. Она, как и я, из двадцать первого столетия, и она рассказала мне о Рыцарях. Я поинтересовался, могу ли вступить в их орден, и эта честь была мне оказана. С тех пор я жду известий от нее. Пока они не поступали — вероятно потому, что она занята поиском других людей из моего времени. Но когда наша организация начнет действовать, весть о ней разнесется вверх и вниз по Реке. О, тогда произойдут большие перемены!

— Звучит почти как слова Борбича,— сказал Блэк.

— Не сочтите меня невежливым, если я напомню, что это вы уже говорили,— ответил Чарбрасс, приступая к десерту, мороженому с орехами.— Однако для евангелистов, учитывая различия в их целях, в их образовании и мировоззрении, почти невозможно добиться таких перемен. Другое дело, если речь идет о людях одной и той же эпохи, когда предрассудки уступили дорогу знанию. Мы, как и все эти миссионеры, можем использовать одну и ту же терминологию, но вкладываем в слова разный смысл.

— Ну, будь я проклят! — взорвался Блэк.— Да вы прямо Ливингстон, попавший в племя варваров-язычников!

Некоторые из советников рассмеялись, другие взирали на Чарбрасса с уважительным изумлением. Филлис, сидевшая напротив него, вдруг склонилась над столом и похлопала инженера по руке. Тот ласково взглянул на нее, и, хотя Блэк знал, что между ними не было ничего и никогда, ее

жест и безмолвный ответ Чарбрасса заставили его насупить брови.

Впрочем, он постарался не выдавать своего раздражения; мысль о том, что кто-то заметит его реакцию, казалась невыносимой. Итак, загнав внутрь и погасив огонь гнева — как он умел делать в результате многолетних тренировок — Блэк откинулся в кресле и закурил сигарету, стараясь выглядеть холодным и спокойным. Лишь Филлис понимала, что происходит с ним, и, догадываясь об этом, Блэк накалялся все сильней и сильней. Но сейчас он не удостоил ее ни единым взглядом, рассчитывая сквитаться потом; сейчас он жаждал голову О'Финна! О'Финна, на которого он мог бы излить свою ярость, О'Финна, падающего наземь под ударами его сабли, О'Финна, с рассеченной грудью и вспоротым животом!

Через минуту его окатила радость, что О'Финн еще не появился, ибо в этот момент он был не в лучшей своей форме. Он должен остыть! Ярость уместна в бою — не кроваво-красное бешенство берсерка, туманившее рассудок, но кристально чистая холодная ярость, что придает энергии и сил. Боец должен точно знать, что делает, иначе конец один: клинок окажется в его собственных кишках, а не в животе противника. Блэк попытался погасить гнев, отдавая приказы Келли — как и где расставить людей во время схватки, и сколько солдат выделить в качестве почетной охраны Деканавидаху. Такие вещи тоже входили в его компетенцию, ибо, кроме обязанностей секретаря Совета, он исполнял еще роль главнокомандующего телемской армией.

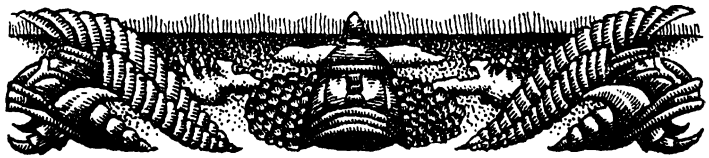
— Что вы думаете насчет форта? — спросил Келли, имея в виду укрепление, стоявшее на границе меж Телемом и землями Мюреля.— Возможно, стоит увеличить гарнизон? Как бы Мюрель не попытался его захватить, пока мы заняты О'Финном...

— Пошлите туда полсотни бойцов, Келли, этого будет вполне достаточно. Я не думаю, что Мюрель атакует форт или устроит сейчас набег; если он двинется в бой, так со всеми своими силами. Пока же, как докладывают наши наблюдатели, все спокойно.— Блэк покачал головой и добавил: — Нет, я не думаю, что он попробует ударить сегодня. Он надеется, что О'Финн убьет меня...— тут по его губам скользну-

ла презрительная усмешка. — Ну, он будет сильно разочарован!

Келли отсалютовал и удалился. В оставшееся время Блэк завершил все дела, намеченные на этот день. Филлис исчезла, что удивило его; прежде она никогда не пренебрегала своими обязанностями. Вероятно, сидит в хижине и ждет, когда он заявится с извинениями, мелькнуло у Блэка в голове. Ну, если так, ждать ей придется долго!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ровно в 06:10 — в соответствии с песочными часами, водруженными на столе Совета — Деканавидах, Тзе Чан и группа из пятидесяти кайюга высадились на телемский берег. Они прибыли на двух боевых пирогах с деревянными каркасами, обтянутыми в несколько слоев человеческой кожей. Сам верховный вождь, крупный мужчина с алым шрамом на левой щеке, сидел на корме большего суденышка. Его отметина не являлась следом кремневого ножа воина-сиукса, как любил рассказывать Деканавидах, а результатом жаркого спора с собственной супругой. Сахем носил яркие оранжево-красные штаны — почти такого цвета, как рубец на щеке; торс его был обнажен, если не считать ожерелья из костей, висевшего на шее. В правой руке он держал копье со стальным острием, дар Блэка. Его наголовную повязку украшали искусственные перья — костяные лучинки с приделанными к ним полосками жесткой кожи.

Каноэ скользнули к пляжу, индейцы высадились, и, в окружении почетной стражи, направились к телемским советникам. Минут пять раздавались приветствия, и сигареты ходили из рук в руки; затем Блэк и Деканавидах начали обсуждать возможность временного союза с дакота. Спустя некоторое время Блэк сменил тему; сейчас его интересовали не дакота, а число воинов, которых мог выделить Телему Деканавидах в случае атаки Мюреля.

— Этого я еще не знаю, — заявил вождь. — Многим моим людям придется остаться на нашем берегу, чтобы защитить свои хижины и женщин от врагов, от Воющих Псов с запада и лени-ленапа с востока. К тому же, надо присматривать и за рабами, а их становится все больше и больше. Каждый раз, когда один из моих храбрецов умирает, мы получаем вместо него хинди. А хинди — трусливый народ! Они не хотят сражаться, их нельзя принять в племя, и ничего доброго с них

не получишь — ну, кроме виски и табака из их кормушек. А потому мы не можем позволить, чтобы хинди разбежались.

Кое-кто из телемских советников нахмурился. Уже давно они пытались склонить сахема к мысли, что невольники-индийцы тоже люди, достойные свободы, а не объект для угнетения и грабежа. Тут приходилось действовать тонкими дипломатическими методами и надеяться, что со временем кайюга сами решат освободить рабов. Уже сейчас индийцы составляли десять процентов их населения, и если краснокожие воины будут убывать в прежнем темпе, то через несколько лет страна кайюга окажется на четверть заселенной миролюбивыми хинди.

Впрочем, такая ситуация была совершенно типичной для долины. Воскресительные установки неведомых благодетелей мололи без перебоя, перемешивая племена, народы и расы, сводя вместе людей из разных эпох и разных мест. Среди краснокожих обитателей Америки, считавших войну наилучшим из всех развлечений, процесс этот шел особенно быстро.

Блэк поинтересовался у Деканавидаха, может ли тот хотя бы примерно назвать количество воинов, которые будут направлены в помощь Телему. Сахем поджал губы и погрузился в напряженные раздумья, потом заметил, что добрый стаканчик виски пожалуй просветлит его голову и позволит завершить сложные подсчеты.

В этот момент загремел барабан на кровле Замка, и все устремили взоры на «Мститель». Судно, огибая лесистый полуостров, медленно и плавно скользило по озерной глади. То была длинная черная галера с пятнадцатью веслами по каждому борту, мощно пенившими речные воды. Когда «Мститель» приблизился и достиг середины озера, очутившись как раз напротив телемских доков и причалов, он стал выглядеть еще внушительней. Этот корабль был как минимум в сотню футов длиной; расстояние же от поверхности воды до палубы составляло не меньше двух ярдов. Экипаж показался Блэку весьма многочисленным: по два человека на каждом весле плюс копьеносцы и стрелки, толпившиеся на палубе. Белый вымпел трепетал под легким бризом на верхушке мачты, и кроме него не было ни других флагов, ни знамен. Нос судна украшала фигура нагой женщины, вдвое

больше натуральных размеров, грубо вытесанная из соснового бревна. Груди ее прикрывали два человеческих черепа.

Вновь зарокотали барабаны; весла поднялись из воды, был брошен якорь — огромный валун, привязанный к плетеному из травы канату, и с борта корабля спустили шлюпку, тут же устремившуюся к берегу. В ней было четверо гребцов и рулевой; еще один человек стоял на носу, выпрямившись во весь рост. Его рыжая шевелюра сияла на солнце, багровая физиономия напомнила Блэку ягодицы бабуина. Резким голосом, напоминавшим рев боевого рога, рыжий потребовал, чтобы властитель Телема вышел вперед и приветствовал как полагается адмирала мюреллианского флота, самого Майкла О'Финна. Он гордо тряхнул головой, и серьги в его ушах, сделанные из золотистых футлярчиков от губной помады, подпрыгнули и закачались. О'Финн был нагим до пояса, словно заранее приготовился к бою; на груди его, заросшей рыжим волосом, бугрились мышцы.

Лодка ткнулась носом в берег, пришелец выбрался из нее и врезался в толпу, громко выкрикивая:

— Эй, приятели, подайте-ка мне сюда вашего босса!

Телемцы, не отвечая, холодно взирали на него. О'Финн, приподняв рыжие брови, сграбастал за плечо ближайшую женщину — да с такой силой, что лицо ее исказилось от боли.

— Ну, красотка,— прогромыхал он,— покажи мне этого Блэка, этого Черного, что правит белыми людьми, и я подарю тебе поцелуй.

Побледнев, женщина молча смотрела на него. Рыжий, вытянув толстые губы, стиснул ее грудь левой рукой. Тогда она закричала, оглянувшись на стоявшего рядом мужчину.

— Убери лапы, ты, ублюдок! — произнес тот и оттолкнул побагровевшего О'Финна.

— Ублюдок? Ты сказал — ублюдок? — взревев, рыжий пнул мужчину в пах, и тот, корчась, упал в траву.

Блэк неторопливо направился к посланцу Мюреля.

— Ты зашел слишком далеко, О'Финн,— произнес он.— Мерзавца, который распускает руки, не защитит договор о перемирии.

— Ха, так ты и есть этот Черный? Ну, мой мальчик, у тебя не все дома, если ты думаешь, что я испугаюсь угроз. Я

прибыл сюда с одной целью — передать ультиматум Мюреля, и ничего больше. Либо вы сдаетесь, либо ваши кишки будут обмотаны вокруг ваших шей... Прекрасная перспектива, не так ли? Если капитуляция последует сразу же, ты, Черный, сохранишь власть над Телемом, как ставленник моего босса. Иначе...

Он выразительно полоснул себя ребром ладони по горлу.

Блэк усмехнулся.

— Если все ваши люди похожи на тебя, О'Финн, вы не доставите нам особых хлопот. Болтун — как пустая бочка; шума много, а катится легко.

В толпе засмеялись, и лицо рыжего еще больше побагровело. Он резко вырвал саблю из кожаных ножен и вскинул ее над головой. Блэк во все глаза уставился на стальное лезвие. Наверняка оно было либо украдено в Телеме, либо взято с боя у индейцев-кайюга.

— Хватит разговоров, Блэкки,— прошипел О'Финн,— меня ты не запугаешь! А когда Мюрель заявится к тебе с пятью тысячами таких клинков, ты ударишься в бега, как и все остальные слизняки. Ясно?

— Не лги, О'Финн, на всю вашу банду наберется не больше четырех-пяти стальных сабель, украденных у нас. Но это не имеет значения. Что ты скажешь, если я дам тебе шанс сохранить голову? Верни саблю и убирайся к себе на борт. Передашь Мюрелю, что мы готовы его встретить.

— Что! Отдать мой стальной меч, мою фамильную драгоценность, самое дорогое из моих сокровищ? Ты в своем уме, Блэкки? Нет уж! Ты получишь ее, только прикончив меня — честно или нечестно, но только после боя!

— Очень хорошо,— Блэк потер ладони и оглянулся.

Пятерка с «Мстителя» стояла за спиной своего вожака. Глаза их бегали туда-сюда, руки лежали на оружии — каменных ножах и топорах, подвешенных к поясам. Телемцы, освобождая место для схватки, выстроились широким полукругом, обращенным к речному берегу, докам и причалам. Воины-кайюга сгрудились у своих пирог; лица их сохраняли выражение важного спокойствия, руки были скрещены на груди.

В толпе Блэк заметил Филлис; она стояла с восточной стороны, бледная, со стиснутыми руками. Но даже сейчас она попыталась улыбнуться ему.

Неподалеку от нее он увидел Анну. Ее большие карие глаза смотрели прямо на него, на губах блуждала холодная ироническая усмешка — словно предстоявший поединок являлся смехотворным фарсом, и он, Блэк, ронял свое достоинство, участвуя в нем.

Это казалось неприятным. Пожалуй, с точки зрения здравого смысла Анна была права, но Блэка не радовали ни ее усмешка, ни небрежная поза досужей зрительницы. Филлис, подумал он, ведет себя более естественно — так, как положено любящей женщине.

Выбросив обеих своих возлюбленных из головы, он повернулся к вождю кайюга.

— Брат мой Деканавидах, согласишься ли ты судить этот поединок? Если О'Финн убьет меня, я хочу, чтобы никто ему не мешал, что бы он не принялся делать с моим телом. И еще одно: он должен беспрепятственно вернуться на борт своего корабля.

— Я прослежу за этим, — важно произнес сахем.

— А парни, что пришли со мной? — взревел О'Финн. — Что насчет них? Где гарантии, что им дадут спокойно убраться?

— Всем вам будет разрешено доплыть до корабля и взойти на палубу. Но потом... потом, я думаю, тебе придется выдержать маленькое сражение, чтобы уйти из озера.

— Не сомневался, что так и будет, — О'Финн небрежно повел рукой и бросил взгляд в сторону индейцев. — Но тут полно краснокожих бродяг... Вдруг им захочется содрать с меня скальп? Я им не доверяю!

Лицо Деканавидаха потемнело, и он что-то забормотал, шевеля губами. Блэк улыбнулся, возликовав; план его сработал, оскорбление было нанесено, обидное слово ударило в цель. Пожалуй, то был самый надежный способ, чтобы втравить индейцев в предстоящую свару.

Он повернулся к О'Финну и сказал:

— Минутой раньше ты говорил куда смелей. Если ты не доверяешь нам, то откуда набрался храбрости заявиться сюда?

Рыжий в ярости стиснул кулаки.

— Хватит болтать, Черный! Давай драться, и тогда посмотрим, кто из нас храбрец, а кто слизняк!

Не говоря ни слова, Блэк стянул рубаху и, выхватив клинок, сделал для разминки несколько резких рубящих ударов. Затем он внимательно осмотрел саблю от гарды до острия. Тыльная часть его клинка, обычно тупая, была заточена как лезвие бритвы — коварная уловка, отлично служившая ему в бою.

— Поберегись, О'Финн,— сказал он, шагнув вперед.

Его противник ждал, широко расставив ноги и согнув их в коленях. Он был выше Блэка и мощнее в плечах, но отвислый живот внушал надежду, что схватка будет короткой. Слишком много жирной пищи, слишком много выпивки, подумал Блэк, и слишком мало тренировок.

Усмехнувшись, он начал обходить врага справа, рассчитывая поставить его против солнца. До семи оставалось еще несколько минут, и больше часа — до наступления сумерек. Если удастся быстро разделаться с О'Финном, то «Мститель» будет атакован при дневном свете...

Рыжий, впрочем, понимал, чего добивается Блэк. Толстые губы его искривились в ухмылке; яростно вскрикнув, О'Финн прыгнул вперед и занес саблю. Звякнули клинки, по рядам телемцев пробежал тревожный шепоток — выпад казался столь же сильным, будто рыжий ирландец бил молотом по наковальне. Блэк, однако, с успехом парировал его и ответил со всей мощью, на какую был способен. Растерянность, мелькнувшая в глазах О'Финна, показала, что своей цели удар достиг — рука противника была наполовину парализована. Обычный результат; того же самого Блэк с потрясающей регулярностью добивался на тренировках, происходивших на Торговой Площади. Его соперники либо роняли оружие, либо пытались продолжать поединок, держа саблю в левой руке. Впрочем, это им не слишком помогало.

Придя в себя, О'Финн вновь атаковал. Несколько ужасающих, но довольно неуклюжих ударов убедили Блэка, что рыжий отнюдь не является мастером клинка. Зачастую ирландцы неплохо владели ножом и дубинкой, и тут О'Финн мог бы составить ему конкуренцию — но только не на саблях! В искусстве фехтования он понимал мало — а если и

понимал, то ему не хватало внутренней самодисциплины, чтобы сделаться настоящим бойцом.

Блэк решил не тратить зря времени на игру с противником. Ему была нужна быстрая победа — чтобы «Клык Дракона», телемская боевая галера, успел захватить «Мститель» до наступления ночи. Иезекиилу Харди и его людям было приказано ждать в полной готовности, и в тот момент, когда О'Финн умрет, спустить весла на воду и ринуться в атаку. Но если дуэль затянется надолго, «Мститель» получит шанс ускользнуть в темноте.

Он позволил рыжеголовому ирландцу завладеть инициативой. Медленно, шаг за шагом отступая, он присматривался к его стилю, отмечал ошибки, запоминал слабости. Затем Блэк ринулся вперед; теперь он бил с такой мощью, что ошеломленный О'Финн едва не выронил оружие. Сабля Блэка сверкнула, метнулась вперед, назад, и ирландец внезапно лишился половины уха.

Взревев, рыжий отскочил, потом, собрав все силы для отчаянной атаки, бросился на врага. Блэк парировал обрушившийся на него шквал ударов, затем, не замечая стараний неопытного фехтовальщика, сделал стремительный выпад — так, словно в руках у него была не сабля, а рапира. Кончик лезвия вошел ирландцу в грудь, и когда острие отдернулось, рыжие волосы залила кровь.

К несчастью О'Финн, никогда не сумевший бы защититься от такого приема, тоже имел саблю — и достаточно сил, чтобы устоять на ногах и нанести ответный удар. Клинок его мелькнул в широком замахе, и шею Блэка, чуть повыше ключицы, украсила царапина.

Блэк осатанел. Теперь в ход пошли все его излюбленные трюки, все смертоносное искусство, накопленное годами. Он начал с маншетты, затем последовало экартэ[1]: острие клинка, посланного почти горизонтально, оставило алую отметину на предплечье О'Финна. Ирландец попытался парировать удар, но Блэк возвратным движением клинка полоснул его по запястью. Пальцы О'Финна окрасились кровью.

Толпа, окружавшая бойцов, взревела. Рыжеволосый ирландец, скорчившись от боли, пытался зажать рану на руке;

[1] Фехтовальные приемы

кровь хлестала из его обрубленного уха, струйками текла по груди. Блэк, сделав шаг вперед, нанес новый удар. Вскрикнув, ирландец повернулся и побежал к причалам.

Там стояли воины кайюга, быстро расступившиеся перед ним. Раненый, не обращая внимания на кровь, устремился к Реке, топоча по доскам настила; Блэк мчался за ним словно ангел мщения, с занесенной саблей в руке. Он рассчитывал прикончить О'Финна либо на пристани, либо в двадцати футах от берега.

И когда его добыча рухнула в речные воды, он последовал за ней, стиснув клинок зубами.

Несмотря на раны, О'Финн работал руками с яростью безумца. Блэк легко и мощно скользил в воде, прикидывая, что беглец вот-вот лишится сил. Несомненно, его удастся прикончить раньше, чем он достигнет «Мстителя»... и тогда появится отличный шанс, чтобы задержать корабль... С другой стороны, если О'Финн все-таки доберется до галеры, он прикажет тут же обрезать якорь и грести прочь, бросив пятерых своих людей на телемском берегу...

Внезапно ирландец, преодолевший половину расстояния до корабля, остановился и взревел, призывно махая рукой. Люди на «Мстителе» немедленно зашевелились. Десяток человек ухватили конец каната, пропущенного через закрепленный на мачте блок, и, зацепив его за второй блок, на палубе, принялись тянуть. Большая секция обшивки пошла вверх, словно челюсть кашалота, выплеснув отряд вооруженных людей. Одновременно гребцы навалились на огромные весла, палубная команда обрезала якорь, копьеносцы и стрелки на верхней палубе, испуская воинственные вопли, начали размахивать оружием. Медленно, неторопливо галера скользнула вперед, к сцепившимся в воде мужчинам и пляжу, заполненному толпой телемцев.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Если бы не ярость, туманившая Блэку голову, он, скорей всего, вернулся бы на берег. Ему, однако, казалось, что до приманки, заманившей его в капкан, рукой подать. Нет, этому О'Финну не придется хвастаться, как он обманул Ричарда Блэка, улизнув затем от его клинка!

В шесть гребков он нагнал ирландца. Тот был совсем плох; вода вокруг него покраснела от крови, на бледном лице застыла страдальческая гримаса.

— Сдаюсь... — прохрипел О'Финн, — уповаю на твое милосердие...

В то же время он бросил взгляд через плечо, прикидывая, сколь быстро движется «Мститель».

Блэк угрюмо усмехнулся и спросил:

— Много ли милосердия будет отпущено мне, если я попаду в руки твоих людей?

— Вполне достаточно! — Взревев, О'Финн занес каменный клинок, который, видно, прятал у пояса как раз на такой случай.

Блэк успел взяться за саблю и парировать удар. Затем он нырнул, стараясь уйти поглубже. Что-то ударило его в плечо, и он решил, что его ранили снова, но вряд ли рана была серьезной — рука двигалась нормально. Он шел вниз, вниз и вниз, пока темные глубины Реки не скрыли его от солнечного света; тогда он развернулся, всплыл, избежав ног отчаянно лягавшегося О'Финна, и погрузил его в воду.

Внезапно ирландец обмяк. Опасаясь подвоха, Блэк дважды ткнул его клинком в живот. Убедившись, что О'Финну уже нет нужды притворяться мертвым, он приподнялся и выглянул из-за его плеча — и тут стрела с каменным наконечником пробила шею трупа.

Кто-то из людей рыжеволосого капитана, пытаясь спасти его, перестарался. И Блэк понял, что удар в плечо, настиг-

ший его в воде, нанесла такая же стрела. К счастью, он не ощущал боли от раны.

Глубоко вдохнув воздух, он осмотрелся, выпустил из рук саблю и снова нырнул. Ему не понравилось то, что он увидел: борт галеры нависал прямо над ним, а лопасти огромных весел пенили воду едва ли не в футе от лица.

Впрочем, это встревожило его гораздо меньше, чем картина, которую он узрел на берегу. Там шел бой, настоящее сражение, и это казалось странным — пять спутников О'Финна не могли явиться причиной подобной заварухи.

Он снова шел вниз, вниз и вниз, огибая выпуклое днище «Мстителя», чтобы вынырнуть подальше, по другую сторону судна.

Приподнявшись над водой по грудь, Блэк уставился на берег. Хотя корпус галеры мешал ему, теперь он увидел достаточно, чтобы сообразить, откуда взялись толпы атакующих. Сотни и сотни вооруженных людей текли к побережью с холмов, сочились из маленьких долин у их подножий, спускались вдоль ручьев. Вероятно, отряды Мюреля еще ночью проникли в предгорья и прятались там, ожидая, когда начнется поединок. Затем, как только О'Финн отвлек внимание телемцев, они ударили с тыла.

Более того, еще одна орда накатывалась с западной границы — не менее трех тысяч бойцов, как показалось Блэку. Эти, разумеется, прятались за частоколами и во рвах, замаскированных так ловко, что гарнизон телемского форта проворонил целую армию. Как и телемские разведчики, посланные в горы, с горечью подумал Блэк.

В следующий момент все эти мысли вылетели у него из головы: он увидел гигантопитека, того самого Джо Кейвмена, о котором толковал Хикок. Настоящий монстр, вдвое выше самого рослого мужчины! Он нес невероятных размеров щит, неподъемный даже для Геракла, и размахивал чудовищным каменным топором.

Застонав от ярости, Блэк поспешно направился к берегу. Стрелы с галеры плюхнулись в воду в двух ярдах от него, подняв фонтанчики брызг. Впрочем, они не могли причинить ему вреда: сосновые луки мюрелевых стрелков были опасны лишь на небольшом расстоянии.

Он слышал крики сражавшихся и тревожный грохот тамтамов. Внезапно, обогнув нос галеры, появилась юркая пирога индейцев. На корме ее сидел Деканавидах, направляя свое суденышко и осматривая водную поверхность — он явно искал Блэка. Через минуту его подняли на борт, и каноэ направилось вдогонку за «Мстителем».

— Нам надо пробиться в Замок, — выдохнул Блэк. — На берегу слишком много людей Мюреля, и нам против них не выстоять. Но в Замке мы сумеем долго продержаться, а время сейчас — главное! Надо собрать наших бойцов... всех, кто выживет, кто успеет спрятаться...

— Я не могу закрыться в твоем Замке, — сказал сахем. — Мои воины могут подумать, что я струсил. Я окажу тебе помощь и буду сражаться, пока ты не достигнешь убежища, потом уйду. Уйду к себе за Реку, белый брат.

— Но ты вернешься? Лучше перед рассветом... — Блэк в задумчивости потер висок. — Да, так и надо сделать! Возвращайся к себе, собирай своих храбрецов, а затем — атакуй! Если мы зажмем Мюреля между гарнизоном Замка и твоими отрядами...

Оглушительный грохот заглушил его слова. Приподнявшись, Блэк увидел, как форштевень «Мстителя» врезался в борт «Клыка Дракона», ударив точно посередине. Нос большой галеры и обшивка по сторонам смялись, словно бумага; сосновые доски треснули, в воздух взмыли обломки; затем лопнули канаты, и мачта «Мстителя» с гулом рухнула вниз, развернув палубы обоих кораблей.

И тут же взмыл жуткий вопль. То кричали солдаты и моряки, погребенные в трюме «Мстителя», на которых упали балки пробитой в нескольких местах палубы. Их было не меньше четырех сотен, скученных, как сельди в бочке; часть из них погибла, остальные, бросив оружие, начали прыгать в воду.

Блэк возликовал.

— Ловкий маневр! Такие моряки, как Харди, не каждый день рождаются на свет... Взгляни, Деканавидах, он вывел «Мститель» из строя! Корабль тонет!

Но «Клык Дракона» тоже погружался в воду. Сахем, хмурясь, направил свое каноэ к гибнущим кораблям. Второе его суденышко уже скользило среди сцепившихся в воде лю-

дей, палицы индейцев безостановочно поднимались и опускались, дробя черепа беспомощных воинов Мюреля. Гребцы с пироги Деканавидаха присоединились к побоищу, работая копьями, веслами и топорами, и воздух над озером огласили стоны и проклятья умирающих.

Блэк, желавший поскорее добраться до своих, понял, что первоначальное намерение пробиться к Замку уже улетучилось из головы сахема. Он прыгнул за борт, нырнул, проплыв под водой несколько ярдов, и почувствовал, что ступни его касаются дна. Теперь он находился среди своих; его люди, стоя по пояс в воде, оборонялись с яростью отчаяния.

Он обрушился сзади на одного из воинов Мюреля, подхватил его каменный топор, страшным ударом разбил противнику череп.

— Ко мне, телемцы! Ко мне — и за мной! — На мгновение голос Блэка перекрыл шум битвы. Он ударил снова, и второй солдат скрылся под водой с залитым кровью лицом.

— Здесь Блэк! Пробивайтесь к Замку! Здесь Блэк!

Словно подчиняясь зову магического горна, люди потекли к нему, окружили, сбились плотным строем за спиной. Кто-то протянул ему саблю. Он швырнул свое каменное орудие в рослого черноволосого парня, буркнул: «Благодарю» — и шагнул к воину, уклонившемуся от топора. Тот попытался достать его копьем; отрубив наконечник, Блэк полоснул черноволосого по горлу. Теперь путь на берег был свободен, и он устремился туда, громко призывая:

— Ко мне, телемцы! Здесь Блэк! Ко мне!

Его бойцы дружно поддержали:

— К Блэку! Собирайтесь вокруг Блэка! Здесь Блэк!

Будто восставшие вдруг из истоптанных и окровавленных трав Торговой Площади, мужчины и женщины тянулись к нему, собирались за спиной в толпу, строились клином. Он был на самом его острие; плотная масса человеческих тел подпирала сзади. Его сабля сверкала, парируя и нанося удары; он бился с мастерством, отточенным полувековой практикой, но руки и тело его были руками и телом двадцатипятилетнего человека, обладавшего всей силой юности. Те, кто пытались противостоять ему, падали как скошенный тростник — с отсеченными руками, страшными ранами на шее и

груди; но и он не избежал ударов. Кровь сочилась из дюжины мест, но ни одна из этих царапин не была серьезной.

Затем, когда их группа добралась до середины Торговой Площади и положение стало совсем отчаянным, на фланги мюрелевых полчищ обрушился ливень стрел. Их стальные наконечники со свистом резали воздух; казалось, он наполнился роем разъяренных пчел. Оглядевшись, Блэк заметил два отряда своих арбалетчиков: одни толпились на крыше Замка, другие заняли высокую надстройку «Речной Кометы».

Эта позиция на недостроенном корабле грозила стрелкам опасностью; Блэк не сомневался, что их скоро сомнут и сбросят в воду. Но в данный момент их помощь решала многое. Они редко промахивались; иногда их стрелы, выпущенные из мощных арбалетов, пробивали насквозь тело врага и поражали стоявшего за его спиной.

Продолжая яростно орудовать клинком, Блэк высматривал в толпе Филлис или Анну. Наконец, когда он был в двадцати ярдах от замковых ворот, ему удалось заметить француженку. Распростертая на спине, она боролась с маленьким человечком, норовившим воткнуть нож ей в горло. Руки ее сжимали запястья врага, но Анна была слабее: каменное острие медленно, но неотвратимо приближалось к ее лицу. Коротышка, вероятно, покончил бы с ней без труда, но плечо его было разрублено, и правая рука повиновалась плохо. У Анны был шанс — крохотный, совсем крохотный.

Блэк рванулся к ней и рубанул саблей по шее раненого. Из горла Анны вырвался хрип; она лежала под мертвым телом, не в силах отбросить его прочь, залитая кровью своего врага. Блэк пнул труп ногой и помог ей встать.

— Где Фил? — крикнул он, сжимая руку француженки.

Она замотала головой и застонала. Руки ее со скрюченными пальцами застыли перед грудью, словно она все еще пыталась оттолкнуть нож убийцы.

Блэк подтолкнул ее к распахнутым воротам и повернулся к толпе мюрелевых бойцов. К тому времени кое-кто из экипажа «Мстителя» выбрался на берег, и теперь эти люди тоже вступили в схватку. Но не только они: первый вал орды, перехлестнувшей западную границу, достиг Торговой Площади. И с ним пришел Джо Кейвмен, этот монстр, ро-

дившийся на заре времен! Теперь Блэк имел возможность рассмотреть его вблизи и убедиться, что в нем не меньше десяти футов роста и тысячи фунтов веса. Огромное тело исполина, бронзовокожее и совершенно человеческое, покрывали длинные ржаво-рыжие волосы; лицо казалось наполовину человеческим, наполовину обезьяньим и выглядело гротескно — длинный нос походил на хобот, прилепленный над челюстями гориллы. Зрачки его отливали невиннейшим голубым цветом, но белки налились кровью — вероятно, Мюрель не пожалел спиртного, что распалить в дикаре тягу к убийству. Этот боец стоил двадцати человек; он двигался словно танк, прикрытый огромным щитом, и сокрушал гигантской дубиной копья, сабли, человеческие кости и черепа.

Увидев его, Блэк замахал лучникам на крыше Замка и взревел:

— Стреляйте в обезьяну! Ни в кого больше! Только в него!

Хотя грохот сражения был так силен, что арбалетчики не могли услышать приказа, они и без команды поняли, что нужно делать. Спустя мгновение три стрелы ударили в огромный щит, четвертая взрезала кожу на виске монстра, пятая пробила его плечо.

Джо Кейвмен взревел от боли, повернулся и побежал назад, пока его не отделила от арбалетчиков безопасная дистанция. Там он с гневным рычаньем принялся вытаскивать стрелу, засевшую в плече. Высокий мужчина с длинными и светлыми курчавыми волосами и повязкой, прикрывавшей правый глаз, приблизился к нему и произнес несколько слов. Затем, повелительно махнув рукой, он подозвал нескольких человек — вероятно, чтобы те перевязали раны гиганта. Блэк догадался, что то был Мюрель. На миг он почувствовал яростное желание пробиться к нему и покончить дело одним ударом, но мысль эта была не слишком удачной: сейчас ему полагалось думать о том, как собрать побольше своих людей под защитой замковых стен.

Он сделал это, хотя труд оказался нелегким и кровавым. Наконец по его сигналу железная опускная решетка скользнула вниз, пробив головы трем нападающим; затем были закрыты ворота из толстых сосновых досок, обитых железными пластинами.

Блэк взбежал по лестнице на закрытую галерею, выступавшую над воротами словно донжон средневекового замка. В полу ее были смотровые щели, и сквозь них он мог видеть плотную толпу врагов, сгрудившихся перед решеткой. Вероятно, люди эти ждали приказа Мюреля — штурмовать ли Замок немедля или отступить и получше подготовиться к атаке. Прежде, чем вся эта орда убралась прочь, Блэк велел четырем стражам, охранявшим галерею, опрокинуть на осаждающих огромный котел с кипящей водой. Они выбили штифт, который удерживал поворотный механизм, котел со скрежетом повернулся и кипяток хлынул на пол — а затем, сквозь щели, на людей Мюреля. Их вопли подтвердили, с какой ужасной эффективностью сработала эта ловушка. Те, кому удалось избежать ожогов, бросились прочь, и в результате перед воротами началась давка; в ней затоптали больше народу, чем пострадало от кипятка.

Когда эта страшная работа была закончена, Блэк уделил внимание прочим делам. Доктор Винтерс и Стейнберг, его помощник, уже занимались ранеными, помогая им чем возможно; его же собственные царапины могли обождать. Прежде всего он хотел разобраться в ситуации.

Упала ночная тьма, и на замковых стенах зажглись факелы. Блэк шел из комнаты в комнату, проверял каждое помещение, каждую амбразуру — везде стояли стрелки с арбалетами наготове. Наконец он завершил свой инспекционный тур, поднявшись на крышу Замка. Там, мрачно взирая на Торговую Площадь, стоял Бешеный Билл Хикок.

— Неважнецкие дела,— произнес он.— Эти ублюдки захватили «Комету» и атакуют форт, защищающий подходы к Копям. И можно не сомневаться, что они выкурят всякого, кто успел спрятаться на холмах и в лесу.

Загремели барабаны, и Блэк, напряженно прислушавшись, расшифровал донесение из форта. Форт в предгорьях еще держался, но если утром атака возобновится, гарнизон будет перебит; у Мюреля было слишком много людей, и он не считался с потерями.

На склонах холмов и на берегу пылали тысячи огней — каждая хижина, каждое строение превратились в пылающий костер. Стоя на замковой кровле, Блэк слышал крики мужчин и женщин, обитателей Телема — тех, кто искал спасения

в лесу или в своих жилищах. Несчастных находили всюду, где они пытались укрыться, и их стоны терзали слух. Особенно женские, длившиеся много дольше, чем вопли мужчин.

Покачав головой, Хикок печально произнес:

— Если женщины хотят спастись от насильников, им лучше покончить с собой. — Он искоса взглянул на Блэка и добавил: — Что с Филлис? Ты знаешь, где она?

— В Замке ее нет, — ответил Блэк, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Его дыхание на миг сбилось.

— Черт побери! — по щекам Хикока покатились слезы, блестевшие в свете факелов. — Черт побери!

Он резко отвернулся и зашагал в темный угол кровли. Блэк, подозвав к себе Келли, начал его расспрашивать.

— Я видел Филлис на Торговой Площади, — сказал генерал. — Не знаю, где она теперь. Быть может, там, — он показал на груды тел, валявшихся среди окровавленной травы. Среди них блуждали люди Мюреля с факелами, искали живых, добивали раненых.

Блэк тяжело вздохнул.

— Ну, тут мы ничего не можем сделать... Что вы скажете о ситуации, Келли?

— Скажу, что мы попали в тяжелое положение. Две сотни потеряны в сражении под Замком, и пять успели добраться сюда... в том числе — шестьдесят раненых, которые не могут сражаться. Кое-кто из наших потерял свои цилиндры, так что придется урезать пайки, хотя я думаю, что от голода мы не умрем. Что касается оставшихся снаружи, то спастись удастся лишь тем, кто скрылся в предгорьях или сумел пересечь восточную границу... — Он на секунду призадумался. — О, да, у нас есть еще пятьдесят человек в форту, что защищает Копи, и сотня в самих Копях.

— Если Деканавидах атакует утром, с ним придут две тысячи воинов, — с надеждой сказал Блэк. — Но сделает ли он это? Он беспокоился насчет Воющих Псов... возможно, ему придется оставить половину людей для охраны собственных границ.

— Деканавидах уже никого не приведет, — произнес Келли. — Его убили — копьем, брошенным с «Мстителя». Я сам это видел.

Блэк приподнял брови.

— Вот как? Ну, тогда воинов кайюга приведет Тзе Чан. Это даже лучше. Он хотел заключить союз с Телемом и не откажется нам помочь.

— Да, если ему удалось уцелеть,— мрачно уточнил Келли.— Я не видел, что с ним случилось, пока пробивался в Замок.

— Скоро мы все узнаем,— ответил Блэк.

Он наблюдал за дюжиной факелов, сгрудившихся в одном месте и сиявших подобно созвездию в ночной тьме. В центре светового круга стоял рослый светловолосый человек с повязкой, закрывавшей правую глазницу. Одноглазый покачивал пикой со стальным острием — несомненно, взятой у кого-то из убитых телемцев.

В тот самый момент, когда Блэк рассматривал его, мужчина поднял голову. Глаза их встретились — словно два полюса, испытывавших взаимное притяжение; они узнали друг друга. Это казалось удивительным; вряд ли Мюрель мог отчетливо различить лицо Блэка в пляшущем свете факелов, пылавших на замковой кровле. Но, несомненно, он знал, что его враг стоит там и наблюдает за ним. Протянув копье одному из своих людей, Мюрель сложил ладони у рта на манер мегафона и крикнул. Ему хотелось переговорить с Блэком. Может ли он подойти поближе и не станут ли в него стрелять?

Блэк крикнул в ответ, что из Замка не выпустят ни единой стрелы, пока Мюрель не вернется на прежнее место.

Мюрель приблизился, окруженный шестью факелоносцами и десятком помощников; сейчас он находился внизу прямо напротив Блэка. Хикок показал на высокого мужчину с длинными соломенными волосами, падавшими на плечи. Этот помощник Мюреля тащил деревянный ящик, очертаниями похожий на коробку для шляп.

— Это Том Кастер,— пояснил он.

Мюрель крикнул:

— Эй, Блэк! Я хочу что-то показать тебе.

Откинув крышку ящика, Кастер достал некий предмет.

— Ну, как тебе понравится эта пустая голова, Блэк?

Он рассмеялся; издевательский хохот его людей вторил послушным эхом.

Хикок со свистом втянул воздух через зубы.

— Джонсон,— тихо сказал он,— это Джонсон, управляющий Поисковой Службой.

Словно расслышав эти слова, Мюрель подтвердил:

— Правильно, это Джонсон. Но больше он не станет делать тебе докладов. Он, видишь ли, подал в отставку.

И одноглазый снова расхохотался.

— Ты, должно быть, ломаешь голову, как я сумел ударить с такой неожиданностью? Как мои отряды пробрались сквозь твои посты и заставы, скрылись от наблюдателей, на которых ты так полагался? Что ж, я объясню... Это оказалось совсем нетрудно, Блэк! Мне было известно, что Хикок шпионит за нами — Томми Кастер опознал его. Но я не собирался хватать твоего лазутчика; я позволил ему вернуться, чтобы ты получил побольше информации. Ложной, разумеется!

Застонав, Хикок пробормотал:

— Это моя вина, Дик... только моя вина... Я должен был выпустить кишки Кастеру сразу, как увидел его...

— Вот так все и случилось, Блэк,— продолжал Мюрел.— Я велел своим людям наговорить Хикоку всякой ерунды, а потом за ним проследили... он, видишь ли, отлично знает тайные тропинки, что ведут в Телем. Мои воины шли за ним — конечно, не все разом, за таким быстроногим парнем угнаться нелегко... Но мало-помалу, человек за человеком, они проникли в предгорья и окружили все твои посты — прежде, чем кто-нибудь успел подать тебе весть. Мы пытали твоих сигнальщиков, вызнали тайный код, а потом убили их. И все сообщения, которые ты получал с тех пор, были посланы моими парнями.

А как тебе понравился фокус с «Мстителем»? Он прибыл к самым твоим берегам, под завязку набитый вооруженными людьми! И еще сотни и сотни затаились в холмах, дожидаясь, когда подойдет корабль, чтобы атаковать твоих олухов с тыла! Все, что я запланировал, сработало, Блэк. Твоя схватка с О'Финном отвлекла внимание, и мы смогли ударить неожиданно, сразу с трех сторон. И весьма успешно, как видишь! Могу только добавить: не надейся на помощь кайюга, они не придут. Я заключил союз с Воющими Псами — временный, можешь не сомневаться, но крайне по-

лезный в данный момент — и они нападут на кайюга сегодня утром. Нападут, не сомневайся! Я был очень щедр... я обещал им сотню стальных клинков, столько же топоров и шлемов, плюс двадцать пять арбалетов и триста стрел с железными наконечниками. Разумеется, они не получат ничего, но узнают об этом не сразу... нет, не сразу!

Блэк подумал — не послать ли сообщение Тзе Чану по барабанной связи? Лишь одно обстоятельство удерживало его: Мюрель мог лгать, рассчитывая, что он именно так и поступит. Да, все это могло оказаться заранее спланированным трюком, в результате коего союзники-индейцы остались бы на своей стороне озера, поджидая нападения Воющих Псов.

Он повернулся к Келли и велел связаться с Тзе Чаном, как только закончатся переговоры. Китайцу надо сказать, что угроза, быть может, ложная, но пусть он все-таки оставит часть людей на западных рубежах. Кроме того, пусть передадут, что Телем нуждается в срочной помощи.

Мюрель ждал, когда ему дадут ответ. Увидев, что противник безмолвствует, он продолжил:

— Блэк, ты умный парень, хоть и попался в мою ловушку. Я не не хочу лить попусту кровь, не хочу сражаться и терять своих людей — я и так уже потерял немало. Не надо объяснять, что случится с тобой, если я возьму Замок, и ты попадешь в мои руки живым... Итак, я предлагаю тебе сдаться немедленно. Если ты капитулируешь, я обещаю, что никто в Замке не пострадает. Но не только это, не только! Сэм Клеменс по-прежнему останется капитаном «Кометы», а ты сам займешь место О'Финна... Мне нужны такие люди, как ты, сильные и безжалостные! Мы, ты и я, можем стать верховными владыками в долине, можем править всеми этими грошовыми королевствами, простирая свою власть вниз и вверх по Реке. Подумай над этим, Блэк! Мы будем властвовать над большим числом людей, чем самые величайшие вожди Земли! Никто не сравнится с нами — ни Чингизхан, ни Наполеон, ни Гитлер, ни Сталин!

Блэк безмолвствовал. Эти четыре имени были ему знакомы, хотя о Гитлере и Сталине он слышал только от Филлис. Мюрель, видно, был из той же волчьей породы, но, отметив сей факт, Блэк ощутит и жалость к нему. Неужели этот глупец, обладавший колоссальными амбициями, не догадывал-

ся, что все его планы неосуществимы? Тут, в долине, всякий тиран попадал в полную зависимость от своих людей — не важно, сколь прочным казалось его положение со стороны. У любого могло возникнуть желание убить его, и миллионы таких потенциальных мстителей не остановила бы угроза смерти — ибо в долине смерть вовсе не означала конец существования. А потому гигантские империи отошли в прошлое; лишь небольшая банда могла захватить и некоторое время удерживать тираническую власть. Мюрель же основывал свои выкладки на том, что найдутся большие массы людей, не способных к сопротивлению, а это было неверно. Кроме того, владычество диктатора держалось бы на группе мерзавцев, готовых выполнять для него грязную работу, а такие типы, подобно преторианцам, были лживыми, безмерно жадными и развращенными. В любой момент они могли решить, что правитель слишком засиделся в своем кресле, и перерезать ему глотку. Неужели Мюрель не понимал этого? Или, ослепленный своими грандиозными планами, не желал понимать?

Когда Мюрель заговорил о «Речной Комете», стало ясно, что он размышлял над подобными проблемами.

— Я знаю, среди твоих людей есть некий Чарбрасс, человек из двадцать первого века. Он — тот, кто построил двигатели для твоего корабля, и я не сомневаюсь, что он мог бы построить множество других машин. В Телеме есть железо, у этого Чарбрасса есть знания, а твою Поисковую Службу легко превратить в разветвленную шпионскую сеть... Обладая всем этим — плюс несколькими боевыми кораблями вроде «Кометы» — мы могли бы править везде, где захотим. Достаточно пары пушечных залпов, и любая орда разбежится, как стадо овец!

Мюрель повернул голову, и его единственный глаз сверкнул в свете факелов словно дыра в адских вратах.

— Ну, Блэк, что скажешь? Я — человек быстрых решений, и знаю, что в этом ты похож на меня. Ну, выбирай: сдача и великое будущее, или сопротивление и медленная мучительная смерть!

Блэк молчал, оперевшись на парапет. Трепещущее пламя факелов отбрасывало тени, и казалось, что за спиной его бьются, свиваясь и развиваясь, темные крылья; лицо его бы-

ло печальным, мрачным — словно у Люцифера в миг грехопадения, когда могущественный дух решал, стоит ли принять власть над безднами преисподней.

Мягкий голос Анны донесся из темноты:

— Ричард, ты ведь не думаешь сдаваться, правда?

Хикок рассмеялся, коротко и зло.

— Вы плохо знаете его, мадам! Он никогда не сдается... и он не сделает этого, даже если весь наш Совет проголосует за сдачу.

Мюрель снова заговорил.

— Молчишь? Ну, тогда я покажу тебе кое-что... кое-что, способное повлиять на твое решение, Блэк.

Он махнул рукой, подавая знак кому-то в темноте. Внезапно в пятидесяти ярдах от замковых ворот вспыхнули факелы, высветив лица двух пленников, мужчины и женщины. То были Федор Борбич и Филлис Макбейн.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

А, Блэк! — вскричал Мюрель.— Если ты решишь покориться, эти двое будут освобождены. Если же нет... если ты предпочитаешь глупое сопротивление... ну, тогда я распну этого фанатика на собственном его кресте! А что произойдет с женщиной, ты знаешь сам.

Он снова махнул рукой, факелы погасли, и пленники погрузились во мрак — будто статисты некой чудовищной сцены, вырванные на секунду лучом театрального прожектора.

— Я даю тебе время до рассвета, Блэк! Думай! Приятных тебе снов!

На мгновение Блэку захотелось отдать команду стрелкам; он уже видел, как Мюрель падает в траву с пробитой головой. Его арбалетчики бы не промахнулись, а гибель вождя могла бы настолько деморализовать вражескую армию, что ни один человек не помыслил бы о сопротивлении.

С другой стороны, участь Борбича и Филлис была бы предрешена — нелегкая участь! Пока же Мюрель был жив, и пока у Блэка оставалось время, не умирала и надежда.

Он уронил руку, уже наполовину поднятую, чтобы дать сигнал капитану стрелков, развернулся и зашагал по замковой кровле. Что-то мягкое коснулось его плеча.

Анна... ее рука... Взгляд карих глаз француженки был глубоким, зовущим, и на секунду он испытал трепет вожделения. И, в то же время, он почувствовал горечь и стыд. Странные мысли приходят ему в голову, странные и неуместные, когда над Филлис нависла такая опасность!

— О, Дик, прости меня, прости...— шепнула Анна.— Бедняжка Фил! То, что ждет ее, ужасно... Я знаю, на что способны эти звери...

— И я это знаю,— сказал Блэк,— но не могу предаваться ни скорби, ни страху. Скорбь и страх туманят разум, моя дорогая. Что же до Фил...— невольно он содрогнулся, но,

взяв себя в руки, закончил: — Сколько бы ни продлились пытки и боль, им когда-нибудь придет конец... и тогда она будет свободной, возродившись в другом месте долины.

— Но, — сказала Анна, — самой страшной мукой для нее станет невозможность вновь свидеться с тобой... Не думаешь ли ты, что это сведет ее с ума?

— Это сделает ее очень несчастной, — заметил он, стараясь, чтобы губы его не дрогнули. — Да, несчастной... Но у нее здоровая психика. Рано или поздно она найдет другую великую любовь, другого мужчину, и со временем забудет обо мне. Таковы женщины! И разве она отличается от всех прочих?

— Известно ли тебе, — пробормотала Анна, — что ты исповедуешь мою собственную религию? Но, когда я слышу эти слова от тебя, они звучат едва ли не отвратительно.

— Значит, твоя вера не столь крепка, как кажется, — обронил Блэк. — Однако это не важно. Я попытаюсь вызволить Филлис из лап Мюреля... или хотя бы сделать так, чтобы он не мог ее мучить.

— Ты имеешь в виду, что убьешь ее сам?

— Именно это я и хотел сказать.

Он отстранил ее и направился к Чарбрассу, сидевшему около катапульты с опущенной головой. Инженер не поднял ее и не смотрел на Блэка, пока его тень не заслонила свет факелов. Но Блэк чувствовал, что этому человеку ясно, кто стоит за его спиной; казалось, он даже знал, какие слова будет сказаны сейчас.

— Джайрус, если я правильно припоминаю, неделю назад вы испытывали эту штуку. Ну, и насколько она бьет?

Чарбрасс выпрямился, положив ладонь на станину катапульты. Усмешка промелькнула на его лице — словно блик света, отброшенный полированной бронзой; затем он произнес:

— Снаряд весом в две сотни фунтов долетит отсюда до края Торговой Площади.

— Превосходно! Я полагаю, Мюрель не догадывается об этом, иначе его люди вели бы себя поосторожнее. Они на дистанции обстрела, и, вероятно, это простая небрежность... или же Мюрель рассчитывает, что мы швырнем снаряд, рас-

крыв тем самым свою тайну. Ну, в любом случае будем считать, что дальнобойность орудия ему неизвестна.

Блэк внимательно осмотрел катапульту. Приземистая, мощная, она располагалась на вращающейся платформе; ее ствол торчал под тридцать градусов к горизонту, хотя при необходимости этот угол можно было увеличить до сорока пяти. Смазанный жиром ствол десятифутовой длины был главной частью орудия; метательный снаряд выбрасывался давлением пара. Чарбрасс уже развел огонь под котлом, но давление еще не поднимал: если осада будет долгой, им придется экономить запас воды.

— Я рад, — сказал Блэк, — что мы не успели перетащить орудие на «Комету». — Дела и так плохи, а если бы Мюрель захватил катапульту, стали бы еще хуже.

Чарбрасс усмехнулся; белая полоска зубов блеснула на бронзовой маске лица. Он казался единственным спокойным человеком в осажденном Замке, единственным, кого не тревожили ни пытки, ни расставание с близкими, ни грядущий штурм. Но, заметив, как дрогнули губы Блэка, он словно бы осознал, что в этот момент его спокойствие выглядит противоестественным.

— Вы должны простить меня, Ричард, — произнес инженер, — если кажется, что мне безразлично ваше горе и судьба Филлис. Я все слышал, все — и предложение Мюреля, им ваши разговоры с Анной и Биллом. Я согласен с тем, что вы сказали о Фил: сколько бы ни продлилась боль, рано или поздно наступит конец, а с ним придет освобождение... Но я знаю, что слова ваши лишь половина правды. Вы пришли логическим путем к тому, что вам полагается чувствовать, но на деле... на деле все обстоит иначе. Вы просто пытаетесь скрыть свои эмоции, и это плохо. Вы не должны резать себя напополам и говорить: вот это — я, Ричард Блэк, а это — не я... Это опасно, Дик, ибо может случиться — если уже не случилось — что две ваши части выйдут из-под контроля вашей воли и разделятся навсегда. И тогда вы не будете больше цельной личностью, но превратитесь в человека с разбитой душой, разорванной и разделенной, в существо, не понимающее ни себя, ни других. Вы же не хотите этого, Дик? Вы стремитесь измениться к лучшему, и за последние годы вам это удалось, несомненно удалось! Словно что-то новое от-

крылось в вас, или что-то скрытое начало пробуждаться в душе...

— Что с вами, Чарбрасс? — проворчал Блэк.— Неподходящее нынче время и место, чтобы рассуждать о моей душе. Сказать по правде, не только это меня удивляет. Мы знакомы двенадцать лет, но лишь в последние дни вы начали говорить странное... как будто вы накопили запасы мудрости и непременно желаете сжечь их в костре моего невежества.

Чарбрасс снова улыбнулся.

— Сжечь, конечно же! Ведь долина — ад, а я в нем проклятый человек; проклятому же надлежит гореть в огне. Если он в самом деле проклятый.

— Странный вы парень, Джайрус,— промолвил Блэк.— Думаю, я давно это подозревал, но в последние дни убедился окончательно. Вероятно, в том виновен кризис... все недавние события...

— Ну, вы не можете сказать, что я истерик,— с усмешкой заявил инженер. Он склонился над катапультой, регулируя подъем ствола.

— Хотелось бы мне выяснить, должны ли вы считаться типичным человеком своего времени,— заметил Блэк.— Кроме вас я встретил только одну женщину — ту самую, о которой вы как-то упоминали... Она была на вас непохожа.

Чарбрасс не ответил, и Блэк, после краткого ожидания, двинулся прочь. Он раздумывал над тем, что до удивления немного знает о человеке, рядом с которым прожил столько лет. Одной из примечательных черт его характера являлась любознательность; он стремился узнать как можно больше о каждом, с кем сводила его судьба. Чарбрасс, однако, представлял особый случай, и Блэку вдруг сделалось ясно, что о жизни инженера ему неизвестно почти ничего. В то же время этот выходец из будущего служил настоящим кладезем всевозможных фактов — исторических, философских, антропологических; он просвещал его в технике и психологии, в литературе и медицине. Но о себе лично, о своей жизни Чарбрасс не рассказывал никогда.

Филлис тоже это заметила. Но ей казалось, что Чарбрасс — типичный представитель своего времени; быть может, несколько скрытный, уклончивый, но никак уж не таинственный.

— Ты должен помнить,— как-то сказала она Блэку,— что он происходит из той эпохи, когда люди имели сколько угодно пустого пространства и уединения. В его век Землю еще только начали вновь заселять, а на Марсе, где он провел детство, вне городских куполов с искусственной атмосферой была только пустота.

Тут их беседа свернула в сторону, ибо пораженный Блэк хотел выяснить, почему Землю начали вновь заселять. Он услышал о кобальтовых бомбах, уничтоживших все живое на планете, и о том, что когда уровень смертоносной радиации упал, люди вновь стали возвращаться на родину — с Марса и других внеземных колоний, где удалось спастись немногочисленным остаткам человечества.

— И что же они обнаружили на Земле? — спросил Блэк.

— Тут, знаешь ли, случилась забавная вещь,— ответила Филлис.— Насколько мне известно, не имеется сведений о том, что произошло после возвращения. Никто не видел людей из двадцать второго века в долине — во всяком случае, мне не приходилось об этом слышать. И Чарбрасс, которого воскресили у самых Низовьев Реки, тоже не встречал ни одного.

Низовья, подумал Блэк, спускаясь по лестнице, еще одна загадка... Там Река ярилась в жутком ущелье, в каменном проходе — в проходе, который был непроходим для человека. Огромные скалы, отвесные подножия гор стискивали, сжимали могучий поток, превращали его в стремнину, что обрушивалась вниз огромными водопадами, недоступными для лодок и кораблей. Местность там тонула в густых туманах, непроницаемых, как грозовые облака; рев падающей воды терзал слух. Да, конец великой Реки был таинственным и страшным местом — столь же страшным, как и конец Земли.

Но, подумал Блэк с внезапным возбуждением и надеждой, есть еще и Верховья! Путь к ним не был столь ужасен, и человек мог одолеть его; один раз это уже случилось, и люди — по крайней мере, один из них — вернулись в долину, чтобы поведать историю своих странствий. Где-то там, далеко-далеко, на другом конце Реки, высилась огромная башня из сверкающего белого металла, торчавшая среди расщелины в горе — чудовищный цилиндр, напоминавший чашу,

скрытый туманом замок, что воздвигли на острове посреди озера, из которого вытекала мать всех рек Вселенной.

Цилиндр. Озеро. Туман. Верховья. Поиск...

Он хорошо разбирался в поисках — особенно в поисках озер, что дали жизнь древним и могучим потокам Земли. В прошлой своей жизни он искал такое озеро, но потерпел неудачу: он ошибся, а судьба улыбнулась другому, ставшему первооткрывателем истоков великой реки. Тогда ему не удалось обнаружить истинные ее верховья; то, что он предполагал, оказалось ошибочной гипотезой. Он умер, а затем очнулся на берегах другой реки, еще более огромной и величественной, чем та, земная. И теперь он отчаянно жаждал добраться до ее истоков, пройти против течения, следуя всем ее прихотливым изгибам, одолеть несчетные мили пути и, наконец, увидеть эту огромную чашу-грааль в сердце гор, где ревущие воды низвергаются в туман. И тогда он, быть может, разыщет врата, ведущие в башню и проникнет в нее... Проникнет — и узнает все! Постигнет все секреты этого мира, этой далекой планеты с ее гигантской Рекой и неприступными горными пиками, с ее короткими днями и ночами, с ее горячим желтым солнцем и звездами, яркими, словно огни фейерверка, с тайной воскрешения и чашами, что дарят людям хлеб насущный и вино; он узнает, Как и Почему, Зачем, Когда и Для Чего...

— ...ты идешь? — произнес голос рядом с ним.

Блэк, прервав свои раздумья, спокойно взглянул на Анну, и ответил — так, словно все эти минуты не прерывал разговора с ней.

— Я хочу проверить Замок, перед тем, как лягу немного поспать. Рассвет наступит в два часа, и я полагаю, что тогда нам будет не до отдыха.

— Если бы здесь никого не было,— шепнула Анна,— я бы поцеловала тебя. Но вокруг нас люди, и я всего лишь поделюсь с тобой одним своим затруднением... маленькой проблемой, можно сказать.

Блэк приподнял бровь.

— В чем дело?

— Видишь ли, с тех пор, как док Винтерс произвел меня в санитарки, я должна заботиться о чистоте... о том, чтобы избавляться от отбросов... Когда мы закрылись в Замке, все

отхожие места были уже переполнены. Мы не можем выйти и выбросить все, что накопилось, а если воспользоваться бойницами, то запах тут станет ужасным...

— Пусть фекалии переложат в мешки,— распорядился Блэк,— и утром мы катапультируем их прямо в Реку. Или начнем бомбардировать врагов... Это будут не смертоносные снаряды, но весьма неприятные!

Они оба рассмеялись, представив себе эту картину, затем Анна сказала:

— Почему бы тебе не лечь в моей комнате? Похоже, это единственное место, где ты сможешь нормально выспаться... уж я-то об этом позабочусь.

— Благодарю, но я предпочел бы лечь рядом с катапультой. Так сказать, поближе к фронту и боевым действиям.

Анна поморщилась.

— О, эта война! Вот вещь, которую я ненавижу! Если бы не эти игры, ты лег бы со мной, и мы любили друг друга.

— Ты называешь войну играми? Когда враги пытают мужчин и женщин, убивают их?

— Да, конечно, это игра, и она не решает ничего, абсолютно ничего. Все убитые просто покидают одно место и появляются в другом, где можно начать все с начала. А пытки... Ну, как бы долго они не продолжались, им приходит конец, и ты ускользаешь из рук мучителей... ускользаешь туда, где они не властны над твоим телом.

— Ты не говорила бы об этом так легко, если б попала в костер.

— Ну, такие вещи я хорошо представляю. Я кричала бы, стонала и плакала, молила Бога о смерти, но разве это меняет суть дела? Война, в любой форме, в любом виде — жестокая игра. Быть может, один из партнеров не желает играть, но вынужден заниматься этим. И не важно, сколь велико его нежелание: через час или день он участвует в игре с таким же энтузиазмом, как и противник. Особенно если победа клонится на его сторону.

— А что ты скажешь о вечной битве между мужчиной и женщиной?

Ее темные глаза засияли, алые губы изогнулись в улыбке.

— О, Дик! В этой игре один из противников может получить рану, но испытает и наслаждение, затмевающее боль.

— Тебе приходилось его ощущать, не так ли?

— Достаточно часто. В таких поединках я — Ахилл... или, верней сказать, Пенфесилея[1].

— Ты отлично владеешь женским оружием, не так ли?

В этот момент на лестнице не было никого, и Блэк позволил себе обнять ее плечи, потом нежно провел по соблазнительному изгибу полной груди.

— Ну, Анна, когда закончится это великое сражение, посмотрим, кто победит в малом.

Она вздрогнула под его рукой.

— Всякий разумный человек счел бы великим то, что ты называешь малым.

Внезапно Блэк вспомнил о Филлис и почувствовал, как краска стыда выступает на лице. Он словно бы предал ее, флиртуя с Анной.

— Возможно, ты права,— сухо произнес он и, пожелав француженке спокойной ночи, продолжил путь в замковые глубины.

Получасом спустя он возвратился наверх, на крышу. Там, завернувшись в кимоно, Блэк лег около массивной станины орудия и заснул.

* * *

Пробудился он точно на рассвете. Хикок тянул его за рукав, повторяя:

— Проснись, Дик, проснись! Что-то происходит!

Блэк сел, протирая глаза, потом выпил чашку воды, протянутую ему кем-то. Поднявшись, он направился к парапету и бросил взгляд на площадь.

Тут и там ее пересекали тени высоких сосен — длинные, протянувшиеся к западу; над восточным горизонтом низко висело восходящее солнце. Тени были мрачны и неподвижными, но в их полумраке неторопливо двигались какие-то

[1] Пенфесилея — в греческой мифологии царица амазонок, дочь бога войны Ареса. Участвовала в Троянской войне и пала от руки Ахилла.

фигуры, темные призраки людей, возникших на этой сцене словно бы из туманного и полузабытого прошлого Земли. Секунду Блэк не мог осознать смысла открывшейся ему картины. Затем, когда солнечные лучи выжгли сон в его глазах, он ощутил нечто знакомое, понял суть театральной постановки, что разворачивалась перед ним. Свет и тень заняли свои места; хаос превратился в порядок.

Он увидел огромный крест, вкопанный на краю Торговой Площади; вокруг него копошились люди, занимаясь чем-то непонятным. Затем в толпе возникла щель, и Блэк разглядел подножие креста.

К нему был придвинут большой стол, за которым обычно заседали телемские советники; на нем были расставлены столы поменьше, образующие нечто вроде помоста. На этой шаткой платформе собрались несколько мужчин, придерживавших пленника с туго стянутыми за спиной руками. На секунду связанный повернулся к Блэку лицом, и тот узнал Борбича. Чело проповедника было еще бледнее, чем обычно — почти бескровное, пустое, с темными провалами глаз и рта; голова его бессильно клонилась к плечу.

Внизу, рядом с помостом, наблюдая за процедурой, стоял Мюрель; его светлые волосы сияли в лучах солнца подобно золотому нимбу. Его люди развернули Борбича лицом к Замку, спиной к кресту; затем, развязав ему руки, сорвали одежду. Один из палачей спрыгнул вниз, поднял с земли большой молот и несколько остроконечных металлических спиц — вероятно, они были похищены со склада в доках.

За спиной Блэка раздался голос:

— О, мон дье[1]! Они же собираются распять его!

Он повернулся. Анна де Цельнос только что появилась на крыше; за ней стояли мужчины с большими мешками, наполненными отбросами. Эти внушительные емкости были почти прозрачными, хоть их и изготовили из трех слоев кожи; как прикинул Блэк, каждая весила не меньше полутора сотен фунтов.

— Спросите Чарбрасса, где можно их сложить, — сказал он носильщикам и вновь повернулся к площади.

---

[1] Бог мой (франц.)

Тяжелый молот в руках палача поднимался и падал; отблески солнца заставляли металл вспыхивать искрами. Человек, орудовавший молотком, был высок и строен; его длинные соломенные волосы падали на плечи.

— Том Кастер! — раздался полный ненависти голос Хикока.

Удары молота гулко раздавались над площадью. За спиной Блэк слышал шорох и тяжелое дыхание десятков людей. Оглянувшись на собравшуюся толпу, он громко сказал:

— Келли, проследите, чтобы все вернулись на свои посты! Если Замок атакуют, и я не хочу, чтобы нас застали врасплох.

Цепочка людей немедленно потянулась к лестнице.

Стальные спицы пробили правую руку Борбича. Он не кричал, лишь вздрагивал при каждом ударе молота, и лицо его, похожее на замороженную маску, искажалось в мучительной гримасе. Кровь текла по его пальцам, капая на помост.

Кастер закончил вбивать спицы в другую руку русского; теперь он занялся ногами, которые придерживали двое мужчин. Острия, пробивая нагую плоть, со скрипом входили в дерево. Теперь Борбич закричал. Он извивался, дергая стальные стержни, что пронзали его ладони; тело его выгибалось дугой, словно несчастный хотел оторваться от креста и улететь подобно скользящему по ветру парусу. Кожа его натянулась, ребра выступили так, что грозили вот-вот прорвать ее, выскользнуть из плоти, покинуть юдоль страдания и мук.

Внезапно крики прекратились, и лишь долгое протяжное рыданье повисло над площадью. Больше не слышалось ни звука; люди, столпившиеся около креста, молчали, их головы были запрокинуты вверх, лица обращены к Борбичу. Что-то странное, неправдоподобное было в этой сцене; участники ее казались призраками, сотканными из теней, которых могло уничтожить единственное слово, разрушившее молчание.

Кастер швырнул молоток на землю и спрыгнул с помоста. Это будто бы послужило сигналом: сцена ожила, люди задвигались, зашевелились, раздался гул голосов, стук, шар-

канье. Столы были убраны, и теперь крест с висевшим на нем человеком одиноко торчал на краю площади.

Суета еще не закончилась, как на берегу возникла фигура Джо Кейвмена, гигантопитека — массивная, чудовищно огромная, покрытая волосами. Он неуклюже заковылял по траве; его плечо и левая нога были стянуты повязками, закрепленными кожаным бандажем. Джо остановился напротив креста с двумя поперечинами и уставился на Борбича. Глаза их приходились на одной высоте, и ему не надо было запрокидывать голову — он был всего на пару футов ниже центрального штока. Длинный гротескный нос великана был нацелен на распятого словно копье, ноздри шевелились, впитывая запахи крови и смертного пота, которыми тянуло от Борбича.

Мюрель дико захохотал; резкие звуки пронеслись над притихшей площадью, разбившись о стены Замка. Шагнув к гиганту, он взял его за руку и подтолкнул поближе к кресту и корчившемуся на нем человеку. Затем Мюрель поднял свою пику и кольнул Борбича в грудь.

Распятый рванулся к железному острию, словно в безумной надежде, что муки его будут сейчас закончены. Мюрель быстро отдернул копье; рана была почти незаметна, лишь по коже, туго натянувшейся над ребрами, пополз красный кровавый червячок. Кастер, державший раскрытую чашу Борбича, подставил ее под алую струйку, пытаясь словить ее, но безуспешно: червячок лизнул край и скатился в траву.

Сердито нахмурившись, Кастер отшвырнул цилиндр.

Джо Кейвмен, протянув огромную руку, коснулся раны и попробовал кровь. Затем, медленно развернувшись, он с недоумением уставился на Мюреля.

Анна заплакала.

Блэк рассмеялся.

Сквозь слезы она посмотрела на него; в ее огромных глазах застыл вопрос.

— Я не чудовище, которое способно наслаждаться этим спектаклем, — произнес Блэк, — однако вряд ли над ним стоит лить слезы. Взгляни на этого человека! Взгляни на его лицо, его позу! Ты увидишь, что он играет свою роль. Он наслаждается своими мучениями, этой дурной имитацией трагедии.

Ибо все, что сейчас происходит, не реальное действо, а лишь его имитация. Трагедии здесь нет! Всякая трагедия завершается финалом, окончательным уничтожением великого человека или великого творения. Но Борбич не уйдет навеки в небытие, не исчезнет навсегда; вскоре он пробудится где-то на далеких берегах, свободный от боли и мук.

Но надолго ли? Готов поспорить, что полезного урока он не извлечет. Он будет продолжать свое дело, а это значит, что ему не раз придется встретить такую же судьбу. И я не удивился бы, услышав, что он воздвиг этот крест, чтобы повиснуть на нем — так, в качестве излюбленного развлечения. Почему бы и нет? Если я верно понял все, что Филлис рассказывала мне о его земной жизни, он обожал самоистязание.

— О, Ричард, не будь таким циничным! — воскликнула Анна.— Он человек, страдающий человек, и он терпит страшную боль, даже если сам жаждал ее. Разве этого недостаточно, чтобы оплакивать его?

— Ты не можешь помочь ему. Слезы никогда и никому не помогали.

Затем, окинув взглядом площадь, он сказал:

— Посмотри на Мюреля. Вот человек, достойный не меньшей жалости, чем тот, которого он распял! Взгляни же на него, на этого жалкого глупца! Может, он думает, что устрашил нас своей жестокостью? Или воображает, что бросил вызов небесам?

Мюрель подцепил копьем пучок травы, окунул его в лужу и поднес к губам Борбича, словно предлагая ему напиться. Русский откинул голову назад, но Мюрель был настойчив: мокрый пучок раз за разом скользил по лицу проповедника. Острое лезвие разорвало Борбичу рот, и на подбородок потом хлынула кровь.

К Блэку приблизился Чарбрасс и мягко произнес:

— Что насчет Борбича, Дик? Может быть, мы положим конец его мукам? Из арбалета на таком расстоянии его не убьешь, но если использовать катапульту... Каменные осколки почти наверняка изрешетят его, а заодно мы попугаем и мюрелевых психопатов.

Блэк испытующе уставился на инженера. Психопаты! Удивительное слово выбрал Чарбрасс! Обычно Мюреля и

его людей называли зверьми, ублюдками, скотами или еще похуже, но уж никак не психопатами — это было не ругательством, а, скорее, научным термином. Блэк раскрыл рот, но в следующую секунду забыл, о чем собирался спросить: двое мужчин показались из хижины на склоне холма, и между ними висела Филлис.

Они протащили ее до самого подножия, и, когда она несколько раз споткнулась, один из парней ударил ее по лицу. Филлис пнула его — последовали новые жестокие удары, по ребрам и груди. Она скорчилась, прижимая ладонь к боку.

Ее волосы в беспорядке падали на лицо, она была нагой по пояс и старалась прикрыть рукой груди. Когда ее бросили на колени перед Мюрелем, стоявшим с широко расставленными ногами, она взглянула на него без страха. Он что-то сказал, и Филлис плюнула в него. Мюрель откинул голову назад, расхохотался, потом толкнул ее ногой в плечо, опрокинув на спину.

Она лежала в траве как парализованная, все еще прикрывая ладонями груди, словно хотела защитить их от жадных взглядов мужчин, столпившихся вокруг. Ее глаза, однако, смотрели лишь на страдальца, висевшего на кресте; Борбич тоже глядел на нее, и губы его медленно шевелились. С крыши Замка Блэк, разумеется, не слышал слов проповедника, но его лицо, напрягшееся тело, движения головы не требовали пояснений: он ободрял Филлис, он вселял в нее мужество.

Анна, стоявшая позади Блэка, шепнула:

— Бог мой! Что они собираются с ней делать?

Блэк скрипнул зубами и ничего не ответил. Ответ был ясен — столь же ясен, как слова, сорвавшиеся с губ Анны. Руки Филлис были привязаны к двум кольям, вбитым в землю, бедра обнажены; мужчины выстраивались в очередь позади Мюреля — ему, как королю, полагалось быть первым во всем.

Анна застонала в ужасе, но не закрыла глаз; пальцы ее вцепились в запястье Блэка, ногти резали кожу. Он посмотрел на француженку, на ее приоткрытый рот и язык с капелькой слюны на самом кончике, и отвернулся. Зияющая пустота у него внутри ширилась, разрасталась, но происхо-

дящее на площади не имело к этому ни малейшего отношения.

— Приготовьтесь стрелять,— сказал он Чарбрассу.

Побледневший инженер поднял тяжелый мешок и заложил его в катапульту.

— Отлично, Джайрус,— Блэк стиснул плечо инженера.— Цельтесь в крест, и как можно точнее. Если мешок попадет в Филлис, я не сомневаюсь, что она будет убита... мешок достаточно тяжел... Но это наш единственный шанс. И лучше ей умереть так, чем иным способом!

Он рискнул бросить взгляд на площадь и увидел, что Мюрель уже встает, а Кастер готов занять его место.

— Келли, пусть западные ворота откроют через пять минут. Постройте ваших людей, пусть будут готовы к вылазке. Возьмите всех, способных владеть оружием, кроме стрелков и команды катапульты. И выделите небольшую группу — эти пусть ударят из восточных ворот. Все ясно? Хорошо. Теперь вы, Чарбрасс. Когда закончите с мешками, спускайтесь с вашими людьми вниз и помогите нам. Катапульта не годится в рукопашном бою — вы прикончите столько же наших, сколько и людей Мюреля. Однако я хочу, чтобы ваша группа держалась поближе к замковым стенам. Если мы освободим Филлис или если нас отбросят назад, вы будете нужны у орудия — и чертовски быстро!

Чарбрасс взялся за рычаг своей катапульты; лицо его было задумчивым и печальным.

— Ну, маленькая машина,— произнес он,— ты — достойный символ человечества. Ты, спроектированная с великим усердием и искусством, созданная трудом сотен рук... концентрация мастерства, терпения и таланта... И на что же ты годишься? Что подаришь ты небесам как знак своей мощи и благосклонности? Что? Мешок с экскрементами, вот что!

Эта пылкая речь изумила Блэка. Он взглянул на Чарбрасса, но инженер с поспешностью глаза и не произнес больше ни слова. Было ясно, что сейчас не время продолжить разговор, ибо другие дела и заботы одолевали Блэка, но он запомнил все сказанное. Потом повернулся к барабанщику.

— Баркер, вы останетесь на своем посту. Пошлите сообщение Тзе Чану — пусть атакует без промедления. Мы отча-

явно нуждаемся в его помощи! Передайте, что мы не можем ждать и начинаем сражение прямо сейчас. Не так уж важно, что обе наши атаки не согласованы по времени... Тзе Чан, если постарается, прибудет сюда через двадцать минут, и никто ему не помешает — «Мститель» застрял в корпусе «Клыка Дракона» и прочно сидит на мели. Еще, Баркер, скажите ему, что если нас вынудят отступить, мы сделаем новую вылазку, как только увидим его пироги.

Он пошел прочь, повторяя про себя: «В том случае, если хоть кто-то останется в живых...»

Его смуглое лицо казалось застывшей маской ярости; один его взгляд воодушевлял телемцев и повергал в ужас врагов. Но взглядами не выиграешь битвы... Этого Блэку не надо было объяснять; он знал, что пять сотен телемских бойцов не выстоят против двух тысяч без защиты замковых стен. Знал он и то, что из тактических соображений следовало дождаться кайюга и атаковать вместе с ними... Но он не мог дольше ждать, не мог терзаться мыслями о муках Филлис.

Он натянул кольчугу, собранную из стальных колец, и глухой шлем с наносником, походивший на ведерко для угля, потом взял протянутую Келли саблю. В другом кулаке он сжимал железную трость — ту, что была его торговой маркой и стала теперь вполне подходящим дополнением к клинку.

Сзади раздался грохот — Баркер отбарабанивал послание кайюга. Почти сразу же ответили тамтамы за Рекой: воины Тзе Чана были уже готовы к атаке и могли прибыть с минуты на минуту.

Перед тем, как направиться к воротам, Блэк заставил себя бросить последний взгляд на Торговую Площадь. Не слишком вежливо оттолкнув Анну, застывшую меж зубцов парапета, он велел ей взять оружие и в бою держаться за его спиной. Француженка словно бы вышла из глубокого сна; ее темные глаза не могли оторваться от площади.

— Я не могу понять это, Дик,— пробормотала она.— Я никогда не видела такого...

— Таким ты наслаждалась всю жизнь,— буркнул Блэк, поворачиваясь к ней спиной.

Лучи утреннего солнца заливали Торговую Площадь, рассыпались искрами, отразившись от стальных мечей и копейных наконечников, золотили нагую кожу. Борбич по-прежнему висел на кресте, голова его была запрокинута, губы медленно шевелились, творя молитву. Тело Филлис, распростертое в траве, казалось неподвижным; Кастер, покинувший ее, стоял рядом, делая какие-то знаки гигантопитеку. Огромная фигура Джо высилась у самого креста, он скорчился, чтобы не удариться о перекладину, и медленно покачивал головой — словно бы не мог взять в толк, чего хочет Кастер, или не желал выполнить его приказ.

Испустив хриплый вопль, Блэк повернулся и сбежал вниз по ступеням. Через пару секунд он был на первом этаже, у массивных створок ворот, где столпились его бойцы.

— Поднять решетку!

Протяжно застонал ворот, железная решетка поползла вверх, затем распахнулись ворота; с боевыми криками телемцы устремились вперед, за своим предводителем. Блэком овладело бешенство берсерка; он мчался во главе отряда, потрясая клинком и железной тростью.

В этот момент нечто темное взмыло с замковой кровли и, описав плавную дугу над головами столпившихся на площади, рухнуло вниз, к самому распятию. Эта масса ударилась о землю между распростертой в траве Филлис и основанием креста, извергнув грязно-желтый фонтан, обрызгавший парализованных ужасом людей.

Блэк наблюдал эту картину лишь одно мгновение; затем враги сообразили, что их атакуют и очнулись от оцепенения. Ряды мюрелевых солдат сдвинулись, закрывая щель в толпе, он потерял Филлис из вида и с бешенством врубился в первую шеренгу, прокладывая кровавый путь к кресту.

Бежавшие за ним бойцы сформировали плотный строй, всей тяжестью обрушившийся на противника; на стороне нападавших было преимущество внезапности, скорость и яростное воодушевление. Но не только это! Добрая половина захватчиков рассеялась в предгорьях и среди холмов, пытаясь разыскать тех, кто успел сбежать туда ночью; другие штурмовали форт, охранявший подходы к Копям, третьи пытались освободить «Мститель», врезавшийся в борт «Клыка Дракона» и затонувший на мелководье. К тому же Чарбрасс

не спешил выполнить приказы Блэка. Отправив во вражеский стан мешок экскрементов, он принялся осыпать мюрелево воинство каменными ядрами размером с человеческую голову. За две минуты, пока возглавляемый Блэком клин упорно пробивался к своей цели, инженер выпустил дюжину снарядов, целясь во фланг, где еще не кипела рукопашная схватка. Результат был устрашающим: не менее полусотни человек полегли, скошенные каменным градом. Воодушевившись, Чарбрасс ударил по другому флангу, с тем же успехом.

Этот губительный обстрел и оторопь, охватившая людей Мюреля, позволили телемцам быстро рассечь толпу, проникнув до середины Торговой Площади. В тот момент Блэк еще не понял, что произошло, но в полной мере воспользовался ситуацией, пробиваясь вперед и повергая наземь всех, кто пытался заступить ему дорогу. Сейчас он был не человеком с мягкой и ранимой плотью, но стальным клинком, который не мог остановить никто. Позади его люди бились подобно дьяволам, ведомым самим Сатаной, и женщины дрались едва ли не яростнее мужчин. Все они знали, что случилось с Филлис, и ужас перед пытками и насилием заглушал страх смерти.

Блэк не сумел бы сказать, как долго длилась эта бойня. Он прорубал дорогу к кольцу копьеносцев, окружавших Мюреля, рассекал черепа, дробил кости, отбрасывал в сторону вражеские клинки и острия пик. Казалось, битва заняла часы, но вдруг перед ним легло открытое пространство, а за ним — частокол копий, хранивших ненавистного врага. Не останавливаясь, он ринулся вперед, ударил ногой по древку, рубанул саблей, увидел, как кровь залила помертвевшее лицо, почувствовал порыв ветра от скользнувшего рядом клинка... В следующую секунду он оказался лицом к лицу с Мюрелем.

По крайней мере, он так полагал, ибо этот рослый мужчина был с головы до ног покрыт нечистотами. Так же, как и лежавшая на земле Филлис, и Борбич, подвешенный на кресте; так же, как и Том Кастер, как огромная фигура Джо Кейвмена, замершего у распятия.

В руке Мюреля была сабля и, завидев Блэка, он перешагнул через тело лежавшей женщины и поднял оружие. В

этот миг Филлис приподнялась, оперевшись на локоть. Ее рука нашарила копье, брошенное кем-то из раненых, пальцы сжались вокруг древка, а затем, одним быстрым и уверенным движением, она всадила стальное острие в поясницу Мюреля. И тут же рухнула вниз, в траву, застыв в неподвижности; последние силы покинули ее истерзанную плоть.

Мюрель выронил саблю и, хватая воздух широко разинутым ртом, попытался зажать рану; кровь хлестала из нее алой струей, ручейками стекала по ногам. Блэк шагнул вперед; стальное лезвие, вспоров воздух, опустилось, врезалось в плоть, рассекло шею до половины — словно мясницкий нож на скотобойне. Мюрель упал.

Рядом мелькнуло копье, царапнуло ногу Блэка, с глухим чмоканьем вошло в горло Филлис. Следом за ним примчался Кастер — с искаженным лицом, длинными развевающимися волосами; Блэк услышал дикий яростный вопль и поднял свою трость.

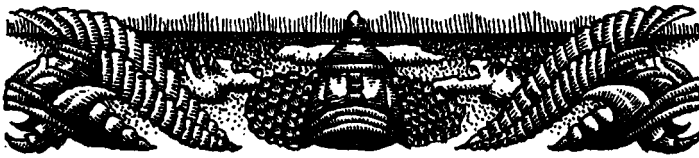
Но Билл, следовавший за ним по пятам, не дремал; в руке разведчика был нож, и через мгновение его рукоять торчала из шеи Кастера. Тот словно споткнулся на бегу, потом глаза его погасли, ноги подогнулись; с протяжным всхлипом он рухнул в траву.

И тогда пришел гигант с каменным топором, огромным, как скала.

Джо Кейвмен ударил по правому крылу телемского строя с такой мощью, что атака едва не захлебнулась. Хотя тело великана было покрыто кровоточащими ранами, а левая рука, пронзенная стрелой накануне, почти бездействовала, телемцы не могли его остановить. Он нес большой щит — не приподнимая его и не обрушивая на головы мельтешивших вокруг пигмеев, как он это делал вчера; но топор в правой руке гиганта работал без устали.

Блэк почувствовал, как этот колосс нависает над ним. Монстр, демон с пылающими глазами, утопавшими под крутым надбровным валиком, дьявольский клоун с хоботом вместо носа... Его челюсти напоминали тигриную пасть, и в них, казалось, могла поместиться человеческая голова.

Вот он поднялся вверх и начал падать, словно летящая с неба скала... Все ближе и ближе... ближе и ближе...

ЧАСТЬ 2

ВЕЛИКАЯ ЧАША

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отдыхавший у железнодорожной станции локомотив образца 1850 года выпустил в воздух атомное облако.

— Занять места! — объявил кондуктор, Джайрус Чарбрасс.

Ричард Блэк ринулся к вагону, вместе с другими пассажирами вскарабкался по железной лесенке. Едва он успел сесть, как в салон вошел еще один человек.

Приглядевшись, Блэк схватил его и вознамерился вышвырнуть в окно.

— Ричард! Дик! Буян Дик! Что ты делаешь? Разве ты не узнал старого друга?

— Не говори мне о дружбе, Спек! — проревел Блэк, выбрасывая мужчину вон. Ему удалось заметить, что на груди прежнего приятеля еще зияет огнестрельная рана.

Он снова сел. Спек вернулся и встал в проходе между рядами. Блэк не глядел на него.

Появился король Гелеле с двумя черепами в руках. Оба принадлежали ему: первый относился к временам, когда Гелеле был подростком, второй соответствовал годам старости.

— Куда твой ехать? — спросил король.

— К Верховьям,— ответил Блэк.— Куда твой ехать? — поинтересовался он.

— Дагомей! Хо, хо! — хихикнув, Гелеле ткнул Блэка в ребра.— Твой все ехать и ехать, бродить и бродить! Хо, хо! Домой! Пора домой!

Вошла Изабелла, высокая, голубоглазая, золотоволосая.

— О, Дик, мой дорогой, мой единственный! Мое божество, мой герой! Мой храбрец, мой смуглый Аполлон! Мой несравненный демон любви!

— Заткнись же наконец! — фыркнула Филлис, поднимаясь в вагон и даря Блэку нежную улыбку. Она подошла к нему, наступила на носок и сказала: — О, прошу прощения, Ричард!

Состав тронулся.

— Билеты, пожалуйста! — объявил кондуктор Чарбрасс, но призыв его остался безответным.

— Куда идет этот поезд? — спросил Спек.

— В маленький городок большого О-хай-О, — пояснила Филлис. — Мы будем счастливы там!

— Только не я, — Блэк высунулся в окно и поглядел вперед. — Должно быть, маршрут верен, — сообщил он. — Состав движется по главной колее.

— Он движется к Большой Чаше, — уточнил Чарбрасс.

— О, Дик, — запротестовала Филлис, — тогда ты должен немедленно слезть и спасти меня! Подумай, сколько я для тебя сделала! Ты получил образование, достойное двадцатого века... еще я помогла тебе избавиться от глупых предрассудков и ограниченности, научила, как сдерживать твой ужасный темперамент... Ты сделался гораздо лучше с тех пор, как встретил меня!

Изабелла по-хозяйски устроилась на его коленях.

— Не слушай ее, Дикки, мой сияющий Гор с челом ястреба! Я думаю, ты и прежде был великолепен. Дай ей отставку и возьми меня обратно, Дик! Ведь я — твой первородный грех!

— Законная жена, она хочет сказать, — хихикнула Филлис.

— Вперед! — вскричал кондуктор. — В О-хай-О!

— Только не я, — сказал Блэк. — Я собираюсь ехать до самого конца линии. Я хочу насладиться всем отпущенным мне временем.

— О-хай-О и есть конец линии, — сообщил Чарбрасс.

— Сойди там со мной, — молила каждая из женщин.

— Нет. Я и так был с вами слишком долго. Слишком долго.

Филлис открыла дверь с правой стороны.

— Вот мой город. Давай сойдем!

Изабелла открыла дверь с левой стороны.

— Иди ко мне... люби меня в пылающих песках Аравии...

Снаружи простиралась Сахара.

Поднявшись, Блэк прошел в головную часть вагона.

— Quo vadis?[1]

— Я выброшу вон машиниста и буду сам управлять этим поездом,— пояснил он.

— Ну,— сказала Анна,— тогда я сойду вместе с тобой. Но тем временем...— она повернулась к кондуктору.— Не хотите ли немного заняться любовью, монсеньор Чарбрасс?

— Мадам, я только пробиваю билеты.

— Прощай! — воскликнули все три женщины, простирая к Блэку руки.

— Никаких прощаний,— ответил он.— Вы знаете, что я ненавижу это слово. До свидания! Мы увидимся в Верховьях, когда мой корабль придет туда.

Он прошел в кабину локомотива. Кочегаром был парень по имени Сэм Клеменс. Машинистом был парень по имени Ричард Блэк.

— Ну, попробуешь выкинуть меня? — бодро спросил этот последний.

— Блэк есть Блэк,— заметил Сэм Клеменс,— и тут нечего делать близнецам. Попомните мои слова.

— Куда ты отправился на этом Экспрессе Самоубийства? — спросил машинист.

— Экспрессе Самоубийства? — повторил Блэк — тот, который пришел из вагона.

— Конечно. А ты как думал? Если ты желаешь перебраться куда-то в этом мире, то не надо строить корабль или бить ноги по камням. Ты просто должен перерезать себе глотку — и тут же прыгнешь на тысячи миль вверх или вниз по Реке. Легкое, быстрое и не слишком утомительное путешествие! Ну, а что касается названия поезда... в нем есть и некая мораль, верно? Без морали же многие истории, как тебе известно, выглядят незавершенными. А наша как раз из таких. Разве не так? Ее конец в точности совпадает с началом.

---

[1] Quo vadis? (лат.) — Куда идешь? (Камо грядеши?) — цитата из Евангелия от Иоанна.

— Ты намекаешь на этот большой О-хай-О... — начал Сэм.

— Возможно. Во всяком случае, наш поезд называется Экспрессом Самоубийства еще и потому, что все мы потеряли свои жизни, а теперь отправились туда, где можно получить их вновь.

— Я тоже пришел к такой же мысли, — сказал Сэм и высунулся в окно.

— Да, знаю. Я слышал об этом от тебя раньше. И что ты имеешь в виду?

Лицо машиниста внезапно начало меняться, теряя сходство с чертами Блэка. Он полез в карман своей куртки, как будто хотел достать часы, но вместо них вытащил кровоточащее сердце Блэка.

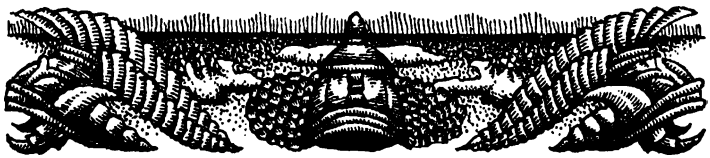
— О, теперь я тебя припоминаю, — сказал Блэк. — Ты тот самый парень, которого я видел в другом своем сне. Скажи мне правду: когда ты отдашь обратно мое сердце?

— Ты никогда не получишь его, — ответил машинист и вышвырнул сердце в окно.

— Что же мне теперь делать? — простонал Блэк.

— Вырасти другое, лучшее, — посоветовал машинист. — И слезь с ним в конце пути.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ричард Блэк очнулся. Сев, он бросил взгляд вокруг. На мгновение ему показалось, что ландшафт дрожит и трясется, словно скатерть, которую выдергивают из-под стакана с водой, не пролив при этом ни капли. Сам он остался прежним, чего нельзя было сказать о декорациях.

Через секунду он сообразил, что, должно быть, умер и возродился вновь где-то в речной долине, в тысячах миль от Телема. Его перенесли сюда, и теперь он сидел на берегу в первых лучах рассвета, нагой и дрожащий от холода; около его левой руки была сложена стопкой одежда, около правой находилась чаша из сверкающего белого металла.

Блэк поднял руки и ощупал голову. Череп под пальцами был гладким, неповрежденным, но он все еще ощущал удар гигантского каменного топора Джо Кейвмена, отправивший его в небытие. Удар, а за ним — вспышку света и тьму... Вспомнив о боли и гибели, он поморщился, продолжая ощупывать темя.

Итак, он был снова цел и невредим. Плоть его не сохранила даже следа тех двадцати лет, что были прожиты в долине.

Удостоверившись, что с ним все в порядке, Блэк снова огляделся по сторонам. Этот участок Реки не слишком сильно отличался от покинутого мгновение назад — разве что здесь не было озера и все постройки, все люди Телема исчезли.

Нет, не все! В десяти ярдах от него сидела Филлис, уставившись на мир широко раскрытыми глазами, а за ней темнела огромная фигура Джо Кейвмена. Из-за его плеча выглядывала светловолосая голова Мюреля. А между речным берегом и Блэком стоял нагой и бронзовокожий Чарбрасс, пристально всматриваясь в подножия холмов.

Блэк проследил за его взглядом. Неподалеку, в полусотне ярдов, сгрудились толпой человек тридцать мужчин и женщин. Ростом они были с африканских пигмеев, но кожа их казалась белой, а головы — непропорционально большими. На веках крохотных глазок можно было различить складку эпикантуса, характерную для монголоидной расы. Однако волосы, длинные и курчавые, свисавшие до пояса, отливали цветом начищенной меди.

В маленьких своих руках карлики держали бамбуковые пики с каменными наконечниками; некоторые несли кремневые топоры. Их вождь, повыше прочих в группе, прокричал что-то похожее на команду. Слова эти звучали для Блэка тарабарщиной, но сопровождавшие их жесты были совершенно понятны: вождь приказывал атаковать.

Блэк поспешно поднялся на ноги; Чарбрасс встал рядом с ним. Правой рукой инженер крепко сжимал рукоять своего цилиндра.

— Может быть я ошибаюсь, — произнес он, — но мне кажется, что эти пигмеи населяли Центральную Европу в десятом тысячелетии до новой эры. И они были каннибалами. Не знаю, избавились ли они от этой вредной привычки в долине... сомнительно, по правде говоря.

Его сомнения вскоре исчезли — повинуясь воплям вождя, карлики всей толпой бросились к воскрешенным. В этот момент Джо поднял свою огромную голову и, моргая, уставился на пигмеев из-под массивного надбровья, торчавшего над его глазами наподобие козырька. Секундой позже каменный топор прошелестел над ним, скользнув по черепу.

Гигант заревел и вскочил. Карлики остановились в замешательстве; их широко раскрытые глаза смотрели на огромное существо, превосходившее их ростом втрое, а весом — раз в пятнадцать.

Мюрель тоже поднялся. Филлис, однако, по-прежнему сидела в траве; она была бледной, а лицо ее еще хранило выражение страха и муки.

Чарбрасс, покосившись на нее, шепнул Блэку:

— Из памяти ее не изгладился ужас насилия. Я думаю, ей нужна срочная помощь... психотерапевтическая помощь... Как неудачно, что мы очутились среди этих дикарей! Впрочем...

Инженер шагнул к Джо Кейвмену, возвышавшемуся посередь травы подобно новоявленному Голиафу, и встал бок о бок с ним. Блэк стиснул рукоять цилиндра, единственного своего оружия, и последовал за Чарбрассом. Мюрель занял позицию справа. Глаз американца был на месте, восстановленный при возрождении; что касается чудовищного носа Джо, то сей хобот показался Блэку еще длиннее.

«О неизвестные благодетели,— подумал он,— мы снова обязаны вам за плоть! Но чем мы можем рассчитаться с вами? И что делать, если спустя долгие годы благодарность обернется злобой и ненавистью?»

Мюрель произнес уголком рта, не спуская глаз с пигмеев:

— Блэк, предлагаю заключить перемирие, пока мы не разделаемся с этими недоносками. Что скажете?

— Согласен.— Это прозвучало несколько напряженно.— Следите за ними! Они приближаются!

Белокожие пигмеи, число которых увеличилось за счет другой группы, очнулись. Вероятно, лицезрение титана с огромным цилиндром в волосатой лапе их не устрашило; размахивая оружием и испуская боевые кличи, они ринулись вперед.

Свалка была яростной и шумной, но через пару минут все закончилось. Останки мертвых дикарей были разбросаны во все стороны, уцелевшие же, примерно с четверть, бросились врассыпную от страшного гиганта; многие — с переломанными костями и черепами, пробитыми ударами его огромной чаши. Сам Джо был ранен в дюжине мест, как и его соратники, но не слишком серьезно — руки карликов оказались слишком слабы.

Теперь у победителей имелось оружие, несколько копий и каменных топоров. Они торопливо натянули свои одежды, затем Блэк и Чарбрасс, подхватив Филлис под руки, помогли ей подняться и сделать первые шаги. Мюрель и гигантопитек двигались за ними, исполняя роль арьергарда.

Филлис пробормотала:

— Куда мы идем?

— Вверх по Реке, конечно,— ответил Блэк. Он не задумывался, какое направление избрать; казалось вполне естественным двигаться против течения, к Верховьям.

— Ричард,— она оглянулась через плечо, бросив быстрый и испуганный взгляд на Мюреля,— Ричард, этот человек... он...

— Да,— ласково произнес он,— да, Фил, я знаю. Не думай о нем.

— Но что он делает здесь?

— Его перенесли вместе с нами, Фил,— сказал Чарбрасс.— И сейчас он наш союзник. Он поможет нам справиться с пигмеями.

— Но разве вы не боитесь, что он убьет вас?

— Только не теперь.

Она отчаянно стиснула руку Блэка.

— Дик, Дик, ты же видел это! О, мой Бог, я не могу забыть! Я не собираюсь подавать в суд, но все равно он сделал это! Сделал!

Мышцы Блэка напряглись. Чарбрасс искоса взглянул на него и промолвил:

— Я намерен использовать Мюреля, чтобы решить кое-какие первоочередные проблемы. Не вмешивайтесь, пока не появится необходимость.

Они двигались вдоль берега, поддерживая Филлис и сжимая в руках свои граали и отобранное у карликов оружие. Фил автоматически прижимала к себе цилиндр; позади нее шли еще двое мужчин, тревожно оглядываясь в поисках противника. Но белые дикари с огромными головами больше не пытались нападать; пропустив пришельцев, они, подобно траве, уступившей яростному напору слона, сомкнулись за ними плотной толпой. Их набралось уже не меньше тысячи, но пигмеи не атаковали — вероятно, до них дошло, что Джо Кейвмен не та башня, которую им по силам взять штурмом.

Чарбрасс, не обращая на них внимания, продолжал негромко беседовать с Филлис. Он говорил настолько тихо, что Блэку пришлось напрягать слух, так как слова инженера его весьма интересовали. Еще во время своей земной жизни он увлекался гипнозом, месмеризмом и прочими способами психологического воздействия, модными в ту эпоху. Эта страсть не оставила его и здесь; он продолжал ставить кое-какие опыты в Телеме, осваивая с помощью Филлис и дока Винтерса технику и приемы психологической науки двадцатого столетия. Но методика Чарбрасса была иной, от-

личавшейся от всего, что было ему известно раньше. Блэк ее не понимал; однако из вопросов инженера и ответов Филлис он мог составить некое смутное представление о происходящем.

Вначале ему показалось, что Чарбрасс проводит нечто похожее на ассоциативный тест, предлагая Филлис некие понятия, тянувшие за собой длинную цепочку соответствий. Эти существительные, глаголы и прилагательные как будто были связаны между собой лишь тем, что каждое предыдущее слово определяло последующее — никаких других общих элементов Блэку уловить не удалось. После десяти минут подобного жонглирования, стоившего Филлис немалых усилий (Блэк заметил, что она побледнела и выглядит утомленной), Чарбрасс внезапно изменил тактику, выделив в каждой из словесных цепочек некое ключевое понятие. Затем он предложил Филлис обдумать это слово, покрутить в голове, припомнить все его значения, все связанные с ними чувства и ассоциации. Выполняя сей тест, она могла — если ей того хотелось — изменить произношение, переставить гласные звуки, придать слову иной смысл, чем тот, который оно имело первоначально.

— Егар,— произнесла она.— Это ничего не означает.[1]

— Продолжайте,— сказал Чарбрасс.

— Реаг. Груша

— Что вы имеете в виду?

— Вульва женщины грушевидна.

— Дальше.

— Реге. Отец по-французски.

— Еще?

— Реег. Это обозначает бесподобный. Но когда я была ребенком, это значило для меня не только «бесподобный», но и «непревзойденный», потому что предполагало властителя. Лорда или господина. Отца. Бога.

— Попробуйте другую комбинацию.

---

[1] Комментарий переводчика: следующий ниже диалог, в ходе которого Филлис занимается словотворчеством, основан на специфическом звучании некоторых английских слов и не может быть дословно переведен на русский язык. Поэтому ключевые слова даются на английском — с надлежащими пояснениями в сносках.

— Prae. Можно произнести как «pray». Или «prey», p-r-e-y... или «pry».[1]

Она хихикнула, почти истерически.

— Подглядывать за богомольным отцом с груши...

— Да. Что еще?

— Pare[2].

— И?..

— Pair[3].

— Итак?

— Разрезать пару. Мужчина и женщина будут очищать друг друга, пока смерть из не разделит. И потом тоже.

— Продолжайте.

— Очищать друг друга. Но чистого удалят... удалят силой. Это...

— Попробуйте комбинации из слова «rape» — насилие.

— Reap. То есть — жать.

— Хорошо.

— Что посеешь, то и пожнешь. Или возьмешь силой.

— Разве насилие — то, что вы посеяли?

— То, что случилось со мной. Разве не так?

— Это было?

— Да! — она закричала, и краска вдруг вернулась на ее побледневшие щеки. — Да, это было! И я хотела этого! Я жаждала кары! И понесла ее — под крестом, двойным крестом! То была ужасная подсознательная жажда... Нет, мой отец не насиловал меня, хотя слова мои будто бы указывают на это... я не совершала инцеста... нет, никогда! Но тут есть другой Отец, который отверг меня... так сказал Борбич перед смертью, и он...

Чарбрасс словно бы не обратил внимания на ее вспышку, но, наблюдая за его лицом, Блэк догадался, что Филлис свернула с предначертанного инженером пути. Кажется, она

---

[1] Prae — слово ничего не обозначает (корень от «praetor» — претор, преторианский); pray — молиться, умолять; prey — добыча, жертва; pry — любопытство, любопытный, подглядывать.

[2] Pare — урезывать, сокращать

[3] Pair — пара

начала интерпретировать свои ответы в терминах психоанализа двадцатого века.

— Филлис,— произнес Чарбрасс,— я хотел бы, чтобы вы составили все возможные комбинации из этих четырех букв... г-а-р-е, понимаете меня? Зафиксируйте их в подсознании и попытайтесь выразить их суть единым образом, одним символом. Не надо вдумываться в их смысл, не надо строить каких-либо умозаключений на основе вашего прежнего опыта; добейтесь, чтобы возник тот символ, о котором я говорю. А затем вообразите колеблющийся двузубец, нечто вроде камертона. Протяните связь между ним и символом — так, чтобы ваш символ находился на одном конце связующей нити, а камертон — на другом. Вы услышите мелодию... и это значит, что символ вибрирует с той же скоростью, что камертон, а камертон — с той же скоростью, что символ. Они будут находиться в резонансе, понимаете?

Филлис кивнула, и в ее голубых глазах впервые блеснул неподдельный интерес. Кажется, она начала выходить из шока.

— Что вы пытаетесь сделать? — ее голос окреп.— Связать нежелательные воспоминания с неким символом, а затем разрушить соответствующую нейронную связь?

— Да,— кивнул Чарбрасс.— Как вы догадались?

— О, я говорила с доком Винтерсом, и он рассказал, что вы обучили его новым методам психотерапевтического воздействия. Но ему показалось, что вы не профессионал в таких делах... я имею в виду, что вы обладаете лишь обычными знаниями человека своей эпохи.

— Да, верно, у меня нет докторской степени по психодинамике. Но в мое время каждый человек был знаком с основами психологии. Ну, это не так уж важно... Давайте возвратимся к нашему камертону.

Они шли по берегу, мужчина задавал вопросы, женщина отвечала, стараясь выполнить то, чего он добивался, и спустя недолгое время Блэку показалось, что его подруга начала оживать. Душевная травма, нанесенная ей на Торговой Площади, стала затягиваться, словно кровоточащая рана, смазанная целебным бальзамом; краски жизни вернулись на ее лицо.

Как впоследствии объяснил Чарбрасс, Филлис являлась на редкость цельной и устойчивой личностью, не страдавшей неврозами и психозами, которые мучили большинство людей в ее дни. Разумеется, эпизод под крестом был ужасен, однако полученная травма не проникла настолько глубоко, чтобы снова и снова инициировать шок. Иначе говоря, ее дух, твердый и здравый, мог залечить рану довольно быстро; что же касается тела, то оно уже не нуждалось в исцелении — смерть и последующее воскрешение восстановили и плоть, и пораженную нервную ткань.

— Физические повреждения отсутствуют, дело лишь в психике, — заметил Чарбрасс. — Я полагаю, если б мы представляли тонкости происходящих в мозгу процессов, то все психические заболевания были бы связаны нами с некими нежелательными нейронными взаимодействиями. Или же с разрушением тех связей, которые соответствуют здоровой психике. И если мы предположим, что наши тела были «сфотографированы» кем-то, то отсюда наверняка следует вывод, что их установки способны определять такие дефекты и устранять их в процессе воскрешения — по крайней мере, в механическом смысле.

Однако мы знаем, что они не удаляют основные причины психических аберраций. Либо это невозможно, либо они считают, что с подобной вещью пациент обязан справляться сам. Иначе говоря, он должен избавиться от желания оставаться больным. Если же он не проявит доброй воли, то ни одна машина, ни один самый хитроумный аппарат не в силах ему помочь.

Чарбрасс печально улыбнулся.

— Однако, — вымолвил он, — я отклоняюсь от сути своей маленькой лекции. Я хотел сказать, что человек является существом, манипулирующим символами. Он использует символы как обозначения неких понятий и концепций. Они могут быть хорошими или плохими, но даже в последнем случае они формируют определенные связи между нейронами, прокладывают тропинки в мозговой ткани. Вернее я сказал бы, что эти тропинки и являются такими символами, для каждого из которых есть целая группа тесно связанных нейронов. Их совокупность позволяет нам мыслить, действовать, познавать Вселенную.

Филлис нанесли душевное и телесное повреждение — хотя я не стал бы использовать эти термины раздельно: плоть есть дух и наоборот — но ее реакция носила более физический, чем психологический характер. Я имею в виду, что она сохранила нормальную сексуальность, и случившееся не заморозит ее холодом фригидности, не породит отвращения к эросу, не изменит ее характер. Не изменит ничего, кроме одной вещи.

И вещь эта — некое чувство вины, которое она носит в себе все последние годы, вины, от которой она не может избавиться, потому что боится. И вина эта и страх связаны с вами, Ричард.

— Так вы знаете? Знаете? — воскликнула Филлис, задыхаясь и дрожа, словно ее окатили холодной водой. — Вы знаете, Джайрус?

Чарбрасс кивнул.

— Да. Я не люблю часто открывать рот, но за двенадцать лет в Телеме я видел многое и знаю большинство ваших людей лучше, чем вы думаете. Однако, Филлис, среди них есть и другие, что догадываются о том грузе вины, что вы взвалили на свои плечи. Проницательных людей немало!

— Какого дьявола! — воскликнул Блэк. — О какой вине вы толкуете, Джайрус?

— Филлис должна рассказать вам сама, это ее дело, — холодно заметил инженер. — Вероятно, я не должен даже обсуждать эту тему. Я знаю лишь, что Филлис в глубине души хочет сделать это, и, хотя никто не упрекнет ее в отсутствии храбрости, ей все же не хватает мужества начать разговор. Я думаю, что некоторым образом подтолкнул ее к этому решению... Быть может, она возненавидит меня сейчас за это, но потом ей станет ясно, что я был прав. Не так ли, Фил?

Ее губы дрожали, щеки побелели.

— О, я не знаю, не знаю! Я ненавижу вас, я вам благодарна... благодарна за то, что вы начали этот разговор...

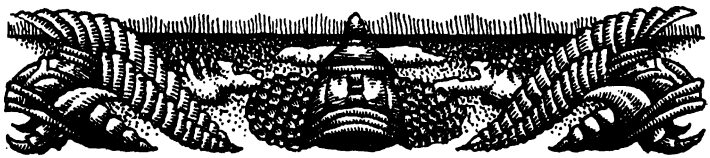
— Так в чем дело? — спросил Блэк с угрюмым выражением на лице.

Он оглянулся и с минуту рассматривал маленькие фигурки, маячившие вдали, крохотных мужчин и женщин, похожих на детей, но сжимавших в руках оружие, свои бамбуковые копья и каменные топоры. Солнце поднялось уже высо-

ко и начало печь. На другом берегу Реки, на расстоянии полумили, Блэк видел рослых белокожих людей с рыжими волосами, пламенеющими в ярких лучах светила. Они тоже наблюдали за новоприбывшими, показывая на них копьями, жестикулируя и что-то крича. Их голоса далеко разносились над спокойными водами.

— Я думаю,— произнес Блэк,— что нам стоит пересечь Реку. Может быть, парни на другом берегу такие же неприветливые, но мы по крайней мере получим шанс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Они реквизировали у карликов крохотный челнок, в котором разместилась Филлис с пятью их цилиндрами. Она гребла; мужчины плыли рядом. Когда утлая лодка удалилась на двадцать ярдов от берега, маленькие каннибалы осмелели и с воинственными криками начали погоню. Впрочем, они не рискнули войти в Реку, ограничившись воплями и метанием копий да палиц. Некоторые из этих снарядов падали довольно близко от путников, но ни один не попал в цель.

Высокие люди на другом берегу говорили на наречии, неведомом Блэку — а он неплохо знал как минимум пятьдесят языков и понимал еще сотню. Впрочем, лишь он один оказался разочарованным; остальные были счастливы, ибо приняли их с искренним дружелюбием.

Вечером, когда новоприбывшие сидели у большого костра вместе с несколькими аборигенами, Мюрель обратился к телемцам.

— Я знаю, вы ненавидите меня за то, что я сделал, и, вероятно, хотели бы, когда мы с Джо уберемся прочь, разорвать перемирие. Ну, можете не беспокоиться, мы не сделаем вам ничего плохого. Я даже просил бы вас забыть обо всем, что случилось. То, что было вчера, сегодня изменилось; то время и то место ушли навсегда, а это место и это время требуют совсем иных решений.

Блэк был удивлен; он подозревал, что сии мирные речи недавнего врага не более чем хитрый трюк. Весь день он строил планы как бы прикончить гигантопитека; Мюрель, лишившись защиты Джо, уже не представлял проблемы. Сейчас, взглянув на американца, Блэк с сарказмом произнес:

— И в чем же причина вашего перерождения? Вы узрели свет? Самостоятельно, или потолковав с Борбичем?

Мюрель поморщился, но отвечал вполне дружелюбно:

— Что ж, я это заслужил... и я сожалею о том, что сделал с ним. Но дайте мне ответить на первый вопрос. Не уверен, что могу назвать свершившееся перерождением, скорее это возвращение назад. Я не хочу сказать, что вновь превратился в того богобоязненного и трусливого проповедника, каким был на Земле, но что-то со мной произошло. Безусловно произошло! Нет, я не стал святым, и я буду сражаться, защищая свою жизнь, если вы нападете на меня. И я не евнух! Правда, Филлис чуть не кастрировала меня, но я снова цел и здоров и могу — по крайней мере теоретически — повторить то же самое, что сделал в Телеме.

— Ну, так что же случилось?

— Я видел сон — перед тем, как очнулся на этих берегах.

— Сон переноса, — отметил Чарбрасс.

— Да, — Мюрель кивнул своей светловолосой головой. — В этом нет ничего удивительного; я думаю, что такое явление повсеместно. Каждый погибший видит сон... во всяком случае, все, с кем я говорил. Сны различны для каждого, и не всякий запоминает их... Но я помню все. Первый, когда я восстал от смерти на берегу Реки... и второй, когда меня прикончили самоанцы... и третий, когда меня убила Филлис.

— Нет, не я, — запротестовала Фил. — Дик отсек вам голову. Я успела заметить это — прежде, чем сама ушла.

Он пожал плечами.

— Вот как? Я его и не видел... Я испытывал жуткие муки, после того, что вы со мной сотворили... Впрочем, это не имеет значения.

Я увидел сон, такой же, как прежде. Он снился мне еще три раза — тут, в долине, после сильного эмоционального потрясения... Фигура незнакомца в плаще с капюшоном... он грозит мне, предупреждает, что я должен искать истину в собственной душе, должен отринуть прошлые заблуждения, иначе...

Иначе — наказание! Незнакомец запускает пальцы в мое тело и вырывает гениталии. Я молю его, прошу вернуть их, но он отвечает, что прежде я обязан рассчитаться за плоть. И когда я спрашиваю, чем и как должен заплатить, он говорит, что это мне придется найти самому... найти в самом себе. За-

тем сон кончался, но в последний миг мне удавалось рассмотреть лицо под капюшоном — мое собственное лицо.

Но в последний раз лицо было иным... какая-то странная смесь моих черт, и Борбича, и...— Мюрель вздрогнул и добавил: — и Филлис.

Чарбрасс, поглощавший какое-то блюдо из глубокой тарелки, прекратил есть и остро взглянул на Мюреля.

— Говорите с полной откровенностью,— произнес он.— Вы фригидны, не так ли?

Мюрель сидел на земле, сцепив руки вокруг колен; его спина была выпрямлена и казалась одеревеневшей. Он стиснул кулаки и хрипло спросил:

— Почему вы сделали такой вывод?

— Вполне естественное предположение,— пояснила Филлис.— Символика ваших снов говорит сама за себя.

— Но у меня было пятеро детей!

— Ладно, ладно, Мюрель,— Чарбрасс отмахнулся от него.— Какое это имеет значение?

— Тогда... дьявольщина!.. тогда скажите, что вы думаете? — Голос Мюреля был выше, чем обычно, лицо налилось кровью. Блэк решил, что бывший проповедник, пожалуй, изменился не так сильно, как хотел представить.

— Я думаю, что ваша фригидность коренится в той бурной реакции, которую вызвала в вас долина. Или, как минимум, она стала платой за ваше тревожное мучительное состояния... Одно несомненно: не желая согласится с тем, что вас не устраивало, вы избрали самую разрушительную форму протеста.

Некоторое время Мюрель сидел в молчании. Отблески огня играли в его светлых волосах, пламя высвечивало сухое длинное лицо аскета. Наконец он сказал:

— Быть может, вы правы. Мать моя была истеричкой... вернее говоря, она впадала в истерику по малейшему поводу, связанному с сексом... мой отец так боялся адского огня, что полагал грехом всякую вольность либо удовольствие... И оба мои родителя сделали все, чтобы я относился к сексу как к чему-то грязному, мерзкому, недозволенному.

Тем не менее, они пришли в ужас, когда я не захотел жениться. Они считали, что зачать потомство — мой святой долг. Итак, я женился — на тощей плоскогрудой женщине,

напоминавшей мышь — и зачал с ней пятерых детей. Мы редко спали с ней, и когда делали это, торопились закончить все побыстрее.

Уже в то время я догадывался, что лишаю себя чего-то важного. Я думал, что смог бы поискать удовольствий с некоторыми из моих прихожанок, полногрудых, привлекательных... Но смелости у меня не хватало, и с каждым годом я становился все холоднее и безразличнее.

— А затем,— продолжил Чарбрасс,— вы очутились в долине и увидели, что здесь нет ни вечного адского пламени, ни дьяволов с вилами. Все старые запреты были сломаны разом, и вы решили, что коли секс есть грязь, то что же мешает вываляться в ней?

Мюрель поднялся.

— Да, так оно и было, но ничего хорошего мне не принесло. Валяться в постели как свинья... все это мерзость, мерзость! Я лишь ненавидел себя все больше и больше! Но я делал новые попытки. Мне казалось, что я смогу проломить ту стену льда, что меня окружает — неважно, в какие глубины мерзости я опущусь. Но тщетно!

И тогда, совершив свой величайший грех и богохульство, когда я взял Филлис — там, под крестом, на площади — я почувствовал лишь отвращение к себе. Я не мог наслаждаться — не мог наслаждаться этим!

А потом, когда Кастер попробовал заставить Джо Кейвмена сделать то же самое, и Джо отказался... потом... Потом на нас рухнул этот мешок с экскрементами, и мне почудилось, что послан он самими Небесами! Я был в грязи, в мерзости... Достойная награда! И в эту минуту мне стало ясно, кто же я такой. И когда Филлис ударила меня копьем, она совершила то, чего я хотел от нее, то, чего я жаждал, то, для чего мне недоставало мужества... Лезвие вышло внизу живота, я был почти оскоплен... То было обещанное воздаяние!

— В том, что случилось, виновны вы, а не члены вашего тела,— сказал Чарбрасс.

— Я знаю, знаю! И я надеюсь что-то сделать с этим... Но сам я бессилен, я не справлюсь, если не получу помощи! — Теперь он кричал, почти с отчаянием.

— Возможно, я смогу вам помочь,— вымолвил инженер.— Так же, как Филлис сегодняшним утром. Я владею

определенной психотехникой, приемами, позволяющими направить личность по пути возрождения... Но мой пациент должен сознавать, что он болен, и должен желать избавиться от болезни; это обязательное условие.

— Вы увидите, что я этого хочу,— произнес Мюрель и повернулся к гигантопитеку.— Пойдем, Джо. Время спать.

Великан с невозмутимым спокойствием уставился на него.

— Джо отстаться тут.— Его голос был глубоким и баситым.— Джо нра-ится слова Чарбраст. И Блэк нра-ится Джо тоже.

Мюрель нервозно усмехнулся.

— Джо думает, что я и все мои люди — скоты и свиньи, потому что хотели заставить его издеваться над Филлис. Вероятно, он прав.

Стиснув кулаки, он шагнул в темноту и исчез.

— Не думаю, что ему стоит доверять,— сказал Блэк.

— Может быть,— ответил Чарбрасс.— Но, если он и не достоин пока доверия, нужно действовать так, как если бы мы верили ему.

— Я не нанимался Мюрелю в няньки,— Блэк пожал плечами.— Кроме того, завтра я уйду. Отправлюсь к Верховьям.

— Вы все еще хотите увидеть Большую Чашу?

— Конечно! Даже в том случае, если мне придется пройти пешком сорок миллионов миль, затратив на это шесть тысяч лет.

Филлис коснулась ладонью его плеча; в глазах ее стояли слезы.

— О, Дик, бедный мой Дик! Собственные несчастья так поглотили меня, что я забыла о твоих... Это должно быть ужасно — ужасно, что ты потерял свой корабль! Мы трудились двенадцать лет словно рабы, а потом... потом произошла эта беда!

Блэк мрачно кивнул.

— Все верно. И вот причина, по которой я не могу простить Мюреля так же легко, как вы с Джайрусом.

— Ну, дело сделано,— заметил инженер,— и мы ничего не исправим.

— О,— воскликнула Филлис,— но Сэм и другие смогут достроить «Речную Комету»! Тогда они отправятся вверх по течению и нагонят нас.

— Это уже другая история,— сказал Блэк.— И я не верю, что мы когда-нибудь услышим о ней... Река слишком огромна.

— Но может так случиться, что мы первыми доберемся до ее истоков?

— Это возможно,— кивнул Чарбрасс.— Если нам улыбнулась удача, и мы очутились близко к Верховьям — достаточно близко, чтобы дойти туда пешком.

— Возможно.— Блэк поднялся и посмотрел на Филлис.

— Ты собираешься пойти спать? — спросила она.

— Да.

— Я с тобой.— Внезапно на ее лице отразилось волнение.— Конечно, если ты хочешь...

— Почему бы и нет? — произнес он бесцветным голосом.

— Я думала, что... ну, после сотворенного Мюрелем... что ты... ты...

— Филлис хочет сказать, что вы можете счесть ее осквернённой,— вмешался Чарбрасс.

— Великий Боже! — рявкнул Блэк.— Что ты вбила себе в голову, Фил? Что за мерзкая...

Из глаз ее хлынули слезы.

— Не говори так со мной, Дик! Прошу тебя!

— Ладно... Я извиняюсь. Но давай-ка пойдем. Мы поднимемся с рассветом — если ты, конечно, желаешь сопровождать меня.

— Да, Дик, да! Разве ты мог подумать иначе?

Басистый голос Джо Кейвмена раздался за спиной Блэка.

— Джо тоже идти. Джо нра-ится Блэк. Блэк храбрый! Блэк убил Джо.

Ошеломленный, Ричард Блэк моргнул и уставился на гигантопитека.

— Я?

— Ты! Джо ударить Блэк по черепу, Блэк воткнуть таблю Джо в живот. Джо тсвалиться в тра-пу, терять кро-опь, умирать — бытро, бытро!

— Кажется, он хороший парень,— шепнула Филлис,— только попал в плохую компанию.

— Добро пожаловать, Джо,— произнес Блэк.— Я рад, что ты пойдешь с нами.

— Джо тоже рад. И Джо будет тспать рядом Блэк тегодня ночью. Блэк не надо бояться. Никто не придет убить Блэк.

Собравшаяся у костра компания разошлась. Новоприбывшие, пожелав хозяевам доброй ночи, отправились в отведенные им хижины. Гигантопитек устроился на груде травы неподалеку от входа. Филлис с минуту следила за ним.

— Очаровательный малыш,— заметила она,— хоть легко поддается чужому влиянию. И он способен уважать других людей и их чувства — а значит, его можно цивилизовать. Ты заметил, ни слова не было сказано, почему он отверг меня? Вероятно, я выгляжу для него отвратительной... Плосколицая, тощая, безносая самка... Совершенно отталкивающая! Но он не говорит об этом, потому что боится обидеть меня. Ну,— добавила Филлис со слабой улыбкой,— я довольна, что не очаровала его... там, в Телеме, на площади...

Блэк пристально взглянул на нее.

— А я доволен, что ты с таким спокойствием говоришь о случившемся. Я боялся, что эта ужасная история надолго травмирует тебя.

— Ну, мне помогло лечение Чарбрасса. Теперь я воспринимаю все не так серьезно... менее серьезно, чем в обычном своем состоянии... словно меня анастезировали. И знаешь ли,— она повернулась к Блэку,— Мюрель был единственным мужчиной, который смог хоть что-то сделать.

— Что?! Но этот Кастер...

— Да, этот Кастер... Бедный Том Кастер не хотел выполнять приказ Мюреля, пока тот не пригрозил, что прибьет его к борбичеву кресту с другой стороны. Ну, Кастер попытался, но у него ничего не вышло... От страха, я думаю.

Она легла на травяной матрас и придвинулась к Блэку.

— Борбич тоже помог. Он все время говорил со мной... все время, хоть сам терпел страшные муки.

— Нет такой силы, чтоб удержала Борбича от поучений,— буркнул Блэк.

— Я знаю, ты не любишь Борбича, но его слова утешения были для меня бальзамом. И его пример... его мужество... Если б не он, я просто сошла бы с ума!

— Не спрашиваю, что он наговорил. Я рад, что он помог тебе, но эти «слова утешения»... Могу себе представить!

— Быть может, они показались бы наивными, но помогли мне, и я ему благодарна. Я думаю, он доказал, что был и остался великим человеком, и вера для него не пустой звук.

Например, он говорил мне, что легко любить человека таким, каким он должен быть, или возлюбить человечество в целом, ибо и то, и другое — всего лишь некие фантомы, мысленные образы. Но истинная проверка любви, когда человек предстает таким, какой он есть. Если ты способен на это, если ты способен возлюбить человека, недостойного уважения, человека, который причинил тебе зло — значит, ты превзошел человеческое в себе. Или, вернее, ты наконец открыл истинную человечность — ту, что тлеет в нас подобно божественной искре.

Блэк фыркнул.

— Звучит очень высокопарно и значительно. По сути же полный вздор! Нонсенс!

— Нет, Дик, это не так. Он доказал, что верит в сказанное. Он не мог притворятся, когда висел на кресте с руками и ногами, пробитыми железом! Он говорил искренне, он не лицемерил, уверяю тебя.

— Ну, хорошо, хорошо... А что он сказал, когда с небес обрушился мешок с навозом?

Несмотря на всю свою серьезность, Филлис фыркнула.

— О, это прозвучало замечательно! Когда этот пахучий фонтан залил все вокруг, он произнес: «Вот что случается с тем, кто рассчитывает убедить других, что лицемерие и эгоизм — зло, а любовь — добро. Он тут же будет сокрушен всех мерзостью человеческой, ибо человек не приемлет правды о себе и не желает отказываться от своих заблуждений.» И еще он сказал, что не только мы с ним были жертвами, но и все те, кто мучил нас. Он...

— Хватит о Борбиче, — прервал ее Блэк. — Не сомневаюсь, что он способен морализировать в любом состоянии.

— Ты невозможен, Дик! Я думала, ты будешь ему благодарен — все-таки он мне помог... Он был единственным, кто беспокоился обо мне в тот страшный час.

— Да, если не считать пяти сотен телемцев в Замке. Тех, которых я повел в атаку — в преждевременную атаку, потому что не мог видеть того, что творили с тобой.

— Прости... Я не забыла об этом, и я счастлива — счастлива, милый! Ведь ты доказал, что в самом деле любишь меня... И не будем больше об этом.

Прикорнув у него на руке, Филлис едва слышно прошептала:

— Помнишь, что говорил Чарбрасс? О чувстве вины, терзающем меня годами?

— Да.

— Ты не хочешь узнать, что он имел в виду?

— Нет. Думаю, речь шла о твоих маленьких изменах... трех или четырех... Сущая ерунда, по-моему.

Она резко села в постели и с изумлением уставилась на него.

— Что?! Ты знал об этом, Ричард? Все последние годы?

— Да,— равнодушно сказал Блэк.— Некоторые из твоих, так сказать, приятелей, были просто счастливы поделиться своим успехом. Обычно я говорил им, что такие вещи меня не интересуют.

Филлис затрепетала.

— Но почему ты ничего не сказал мне?

— Ну, во-первых, я надеялся, что ты сама признаешься — в соответствии с нашим соглашением. А когда не услышал ни слова, то решил, что ты просто боишься рассказать мне. Ну и что с того? Я не слишком беспокоился. Три или четыре измены за пять лет... Невеликий грех, я полагаю.

— Но... но... я чуть не лишилась рассудка! Дик, ты действительно не обижен на меня?

— Нет. Если ты помнишь, Фил, мы, телемцы, некогда поклялись, что будем честны сами с собой и друг с другом. Но потом мы отступили от этого правила, вернувшись к более цивилизованным общественным отношениям. Мы сочли, что небольшая доза лицемерия необходима в наших делах, ибо она смягчает социальную напряженность. В противном случае мы бы слишком часто ранили своих друзей и близ-

ких. Понимаешь? Нельзя сказать человеку, что он глуп, уродлив или неуклюж, не обидев его при этом. Так ведь?

Он помолчал, потом добавил:

— Словом, мне показалось, что ты сознательно пошла на эту маленькую ложь. Ну, а я... Вспомни, несколько раз я отправлялся в путешествия, на недели или на месяцы... Так вот, я тоже не спал один.

— Но тогда... тогда... почему ты открыто встретился с Анной? Я думала, ты хочешь меня наказать... выбросить, и взять ее в свою хижину...

— С этим покончено,— сказал Блэк.— Забудь о ней. И давай спать.

Она легла, вновь примостившись на его руке.

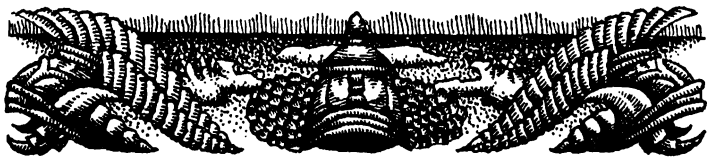
— Бог мой, все эти терзания... все эти муки... для чего? Если б ты знал, через какой ад я прошла!

— О, я представляю! — Блэк усмехнулся.

— Ты, негодяй!.. Впрочем, я рада, что все сказала тебе, и ты как будто бы меня любишь... любишь по-прежнему...

Она поцеловала его, и он ответил — правда, без особой страсти. Конечно, он был рад, что Филлис вновь здорова и находится рядом с ним, но если б ее перенесли после воскрешения куда-нибудь за тысячи миль, он не чувствовал бы себя виноватым или обделенным судьбой. Любовь к женщине уступала первенство иному чувству, иному желанию, что горело в его душе словно неугасимый факел. И, засыпая, он видел Верховья гигантской Реки, большое озеро среди гор и белоснежную огромную Чашу, возносившуюся к небесам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Они странствовали уже несколько дней — вместе с Мюрелем, пожелавшим присоединиться к их группе. Когда он высказал эту просьбу, Блэк, после секундного колебания, произнес:

— Ладно, я согласен. Но вы должны запомнить, что командую здесь я. И мне не нужны ни советы, ни дискуссии.

Мюрель молча кивнул своей светловолосой головой, и они отправились в путь. Бывший проповедник и в самом деле не причинял хлопот; он даже постарался наладить отношения с Филлис. У нее был счастливый характер, и вскоре прошлое удалось предать полному забвению.

— Отчего ты держишься недружелюбно с ним? — спросила она Блэка как-то ночью.

— Разве? Я даже пытаюсь шутить с Мюрелем... Но часто не могу себя пересилить. Я не доверяю ему, Фил. То, что он сотворил в прошлом, меня не волнует, поверь; я числил в приятелях гораздо больших негодяев, чем этот отставной проповедник. Но я глаз с них не спускал! И они об этом знали, а потому не пытались выкинуть какую-нибудь мерзость.

— Что ж, я понимаю... Но он догадывается о твоих сомнениях. Как сказал Борбич...

Блэк прервал ее, помянув Борбича черным словом. В мешке с навозом — вот где ему место!

Некоторое время Филлис молчала. Затем:

— Дик, ты скучаешь об Анне?

— Нет. Клянусь Небесами, нет!

— Значит, она была только маленьким увлечением?

— Вероятно. Если ты помнишь, меня прикончили почти сразу же после этого маленького увлечения.

— Ах, не шути, дорогой! Значит, ты не любил ее?

— Нет. Она чертовски сексуальна... это меня и привлекло. Не думаю, чтобы мы ужились друг с другом. Любовь, расставание и новая любовь — вот ее хобби.

— О, я так счастлива! Но иногда меня мучат кошмары... Было бы так ужасно, если б она оказалась с тобой, а меня перенесли в другое место...

— Но этого же не случилось, да?

Он не сумел скрыть нотку равнодушия в голосе и знал, что Филлис тоже ее заметила. Но притворяться ему не хотелось. Если бы Филлис спросила, какие чувства он испытывает к ней, ответ был бы точным и правдивым. Но если она боится спрашивать — а Блэк был уверен в этом — тогда притворяться нужно ей самой. Пусть считает, что голос его полон тепла и нежности.

Дни и ночи отлетали подобно опадающей листве. Они шли вперед и вперед, минуя земли множества народов и племен, разноязыких, с разным цветом кожи, с разными обычаями и с разными понятиями о гостеприимстве. В одну из ночей они похитили лодку — достаточно большую, чтобы выдержать огромный вес Джо Кейвмена в добавок к их собственным. Яростно наваливаясь на весла, они гребли несколько часов, опасаясь погони, зато следующие три тысячи миль испытывали искреннюю благодарность к прежним хозяевам суденышка за их невольный дар. В этих краях оба речных берега населяли существа, похожие на неандертальцев — невысокие мужчины и женщины с человеческими телами и массивными челюстями обезьян.

Увидев их, Джо пришел в страшное возбуждение.

— Джо тумать: уже блитко, тсовсем блитко! Эти маленькие жить блитко мое племя!

— Насколько близко? — спросил Блэк.

Гигант пожал могучими плечами.

— Блэк знать, Джо плохо тсчитать. Может, двадцать дней, может, сорок...

Дни проходили один за другим. Их ладони огрубели от весел, их руки стали крепкими, на спинах вспухли бугры мышц. По берегам великой Реки по-прежнему толпились неандертальцы, разглядывая путников маленькими глазками из-под нависших массивных надбровий.

В один из дней среди них показались другие существа, выглядевшие еще более звероподобными, чем их соседи.

— Питекантропы,— определила Филлис.— Во всяком случае, я так думаю. Был бы среди нас антрополог, он сумел бы определить точнее.

Джо нахмурился.

— Что эти тсдесь делать? Джо их не помнить.

Блэк тоже был удивлен, ибо не представлял, насколько они близки к речному истоку. Их тела все еще не отбрасывали тени в полдень, а это значило, что странствие их протекает вблизи экватора. Но если так, приближаются ли они к желанной цели? Или, наоборот, удаляются от нее?

За объяснениями он обратился к Чарбрассу.

— Мы много раз обсуждали это,— сказал инженер.— И мы построили несколько гипотез, вполне разумных и основанных на сведениях, что были получены от людей, живущих вверх и вниз по Реке. Мы знаем, например, что поток имеет в среднем полмили в ширину и что с обеих его сторон на милю от берега простираются равнины. Затем плоская местность переходит в холмы, а за ними встают горы, отвесные и такие высокие, что никто не может их преодолеть.

Мы также установили, что эта планета имеет чуть большую экваториальную окружность, чем Земля — примерно двадцать пять тысяч миль; это дает нам площадь поверхности в двести миллионов квадратных миль. Предположим, половину ее занимают горы и половину — долина, что составит сто миллионов квадратных миль обитаемой территории. Можно считать, что на квадратную милю приходится триста человек; значит, в долине могут проживать тридцать миллиардов. Огромная величина! Вполне достаточная, чтобы включить всех разумных существ, когда-либо рожденных на Земле!

Судите сами. Известно, что до двадцатого столетия население нашей родной планеты во все времена не превышало четырех миллиардов. Двадцатый век прибавил восемь, и еще восемь — начало двадцать первого. Затем население резко сократилось; возможно, не осталось никого. Итак, мы имеем двадцать миллиардов, к которым нужно присчитать наших предков — неандертальцев, гигантопитеков, яванского человека, пекинского человека и дюжину прочих, о которых мы ничего не знаем. Но вряд ли за всю историю древней Земли их появилось на свет более десяти миллионов.

Итак, двадцать миллиардов — с доисторических времен и до середины двадцать первого столетия. Еще десять миллиардов остается в запасе, не так ли?

— Не забудьте, — возразил Блэк, — что в долине не воскрешены идиоты и дети, умершие до пяти лет. Во всяком случае, нам ничего не известно о них.

— Я не забыл. Но вряд ли за все время существования человека на Земле наберется десять миллиардов душевнобольных и умерших в младенчестве! Нет, у меня есть другая теория, объясняющая этот любопытный факт — плотность населения в триста человек на квадратную милю. И она связана еще с двумя обстоятельствами: с тем, почему мы до сих пор не обнаружили соплеменников Джо, и с тем, по какой причине Верховья не должны лежать в зоне экватора.

— Но почему? — спросил Мюрель.

— Потому что нам известно, что человечество расселили вдоль Реки с соответствии с хронологической последовательностью. Так, например, англичане викторианской эпохи живут примерно в трех четвертях речной длины от Верховьев — если предположить, что Река является одним непрерывным потоком.

— Что вы имеете в виду?

— Лишь то, что сказано. Если мы доберемся до озера и не обнаружим по пути народа Джо, я буду склонен предположить, что тут существует не одна Река. Их может оказаться хоть восемь тысяч!

— Восемь тысяч?!

— Да. И кое-что подтверждает подобную точку зрения. Например, я знал одного человека из двадцать первого столетия, который погиб, но вновь возродился среди людей своего времени. Однако умер он где-то в северном полушарии, а воскрес вблизи экватора. Этот факт может опровергнуть нашу гипотезу о том, что люди расселены в соответствии с хронологическим принципом. Но мы знаем, что это предположение справедливо.

Блэк, приподнявшись в волнении, прервал инженера.

— Поисковая Служба по моему заданию произвела примерную оценку населения в районе Телема — я имею в виду, количества англоязычных выходцев из викторианской эпохи. К моему удивлению, их оказалось вчетверо меньше пред-

полагаемого... Мы думали, что остальные рассеяны среди прочих народов, вверх и вниз по долине, но если ваша гипотеза верна, все выглядит иначе. Тогда, Джайрус, могут существовать еще три крупных места расселения англичан и американцев девятнадцатого столетия, каждое у своего потока.

Филлис с тревогой взглянула на Блэка.

— Что с тобой, Дик? Ты кажешься бледным... Ты не болен?

— Нет. Я только пытаюсь кое-что понять.

Чарбрасс снова заговорил.

— Посмотрите, вот картина нашего мира — такого, каким он может быть. — Инженер начал чертить карту на папиросной бумаге кусочком грифеля. — Вообразите себе озеро двадцатимильной ширины и четыре тысячи миль в длину. Оно лежит под прямым углом к линии экватора. В западную его часть впадают восемь тысяч рек; из восточной вытекает ровно столько же.

Я попытался схематически изобразить их — разумеется, не все реки, но часть этих потоков синусоидальной формы, чтобы вы представили, что имеется в виду. Каждая река, длиной в пятьдесят тысяч миль, вытекает их озера, оборачивается вокруг планеты и вновь попадает в озеро... Не в озеро, в море, в море Большой Чаши — я буду называть его так, ибо подобная акватория слишком велика для озера. Море окружают скалы из твердых горных пород, и для каждой реки в них пробит свой отдельный канал.

Далее я предполагаю, что в каждой долине обитатели расселены по хронологическому принципу, но некоторые малочисленные народы и племена живут лишь у одного потока, другие же, число которых может исчисляться десятками и сотнями миллионов, занимают обширные районы в разных долинах. Племя Джо невелико; вот почему оно не встретилось нам в той долине, по которой мы странствуем сейчас.

— Но где же она? — воскликнула Филлис, и инженер протянул ей свою грубую карту. Взглянув на рисунок, она задумчиво сказала: — Быть может, ваша гипотеза объяснит те странные области, что встречаются на Реке каждые тридцать миль. Помните, мы говорили о них? Там что-то воздействует на поток, вероятно — некое силовое поле, уско-

ряющее течение. Если так, то... — она замолчала, погрузившись в размышления.

Блэк, в свою очередь изучив карту, помрачнел и передал ее Джо Кейвмену. Тот без всякого интереса покосился на клочок бумаги и спросил:

— Ты не гретсти, Блэк? Потчему?

Гулкий бас гиганта заставил Филлис очнуться.

— Что случилось, Ричард? Ты держишь весло так, словно готов его сломать!

— Что случилось? Черт побери, Фил, ты не понимаешь, что случилось? Если гипотеза Джайруса верна, это значит, что истока — единственного истока! — просто нет... и все мои поиски лишены смысла... О, дьявол! Словно какой-то рок преследует меня — и на Земле, и здесь!

Она поняла, что означают эти слова.

Не раз за время своей земной жизни Блэк обманывался призраком близкой победы; не раз, когда ему выпадал случай одержать верх над судьбой, обстоятельства внезапно менялись, удаляя его со сцены. Так бывало в его военной карьере, когда надежды его терпели крах — потому ли, что война кончалась раньше, чем он получал назначение на фронт, или потому, что тщеславие и зависть начальников выводили Блэка из игры.

Обычно он стоически сносил удары судьбы; они лишь заставляли его накапливать силу для новых сражений и штурмов. Был, однако, в его жизни эпизод, о котором он всегда вспоминал с горечью и гневом.

Это случилось во время возглавляемой им экспедиции в дебри Черной Африки, целью которой являлся поиск верховий Нила. Когда он был на волосок от успеха, его свалила лихорадка; его помощник, ловко перехвативший власть, первым добрался до озера Виктории, снискав славу, награды и почет — все, что по справедливости принадлежало Блэку. Правда, впоследствии этот человек покончил жизнь самоубийством, ибо его тяготила вина перед соратником, которого он оболгал и обошел. Но сделанного не изменишь; тот случай долгие годы угнетал Блэка, набросив темную тень на всю его карьеру.

Однако на берегах Реки все прежние обиды, все неудачи и разочарования исчезли как ночной кошмар; он возродился

к новой жизни, и горечь старых поражений не значила теперь ничего.

Впрочем, воспоминание о них осталось. И теперь, когда он так внезапно потерял «Речную Комету» — всего за несколько дней до завершения строительства — этот крах, столь сходный с его земными неудачами, угнетал Блэка. Но до сих пор он молчал, не выдавая ни своего разочарования, ни горечи, тяготившей душу.

Но сказанное Чарбрассом... это было уже слишком!..

— Расслабьтесь, Дик,— произнес инженер.— Еще немного, и вы взорветесь.

Блэк яростно навалился на весло; челюсти его были стиснуты, черные глаза уставились вперед.

— Не надо, Ричард,— шепнула Филлис, коснувшись его плеча,— не надо. Тут ничего нельзя поделать.

Он не ответил. Он ощущал сейчас, что под сердцем его мерно тикает часовой механизм бомбы, готовой взорваться в тот момент, когда перед ним встанут отвесные скалы, меж коими, стремясь к морю Большой Чаши, ревет и бушует Река. И если он убедится, что эта долина в самом деле другая, что здесь нет тропы, ведущей к морскому побережью, что Река сулит ему лишь одно — смерть, конец, забвение... если так... Тогда взрывчатка в его груди полыхнет огнем, и яростная сила разнесет на куски и тело его, и разум!

Никому не ведомо, что случится с ним после этого, но Блэк знал, что никогда уже не станет цельной личностью. Что-то важное, исторгнутое из самых глубин его существа, останется здесь, рассеявшись по отвесным утесам Верховий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Спустя двадцать дней путники услыхали отдаленный гул. Течение становилось все сильней, и все тяжелее было преодолевать его; наконец, они оставили на берегу свое большое каноэ и двинулись в путь пешком.

— Я тумать, мы блитко,— прошепелявил Джо Кейвмен.— Я очень тумать так, потому что мои ноги болеть, етсли идти далеко. Но я не видеть, где конец Река. Не видеть тропа, по которой идти в прошлый ратс.

Гигант был уверен, что находится в той же самой долине; концепция восьми тысяч потоков оставалась для него непонятной. Ему хватало и одной-единственной Реки.

Долина начала сужаться, хотя водное пространство было таким же широким, как и прежде. Но постепенно и Река становилась уже; берега сжимали ее, течение ускорялось, и впереди маячили неприступные скалы. Затем они сомкнулись, образовав отвесные стены каньона; пути дальше не было — кроме ревущего потока, что грохотал и метался у ног путников.

— Нет, тсдесь не так, как быть прежде,— пробасил Джо, печально покачивая своей огромной головой.— Не так! Что мы делать теперь?

Да, что же делать теперь?

Блэк повернулся спиной к утесам, чьи мрачные вершины охраняли Большую Чашу.

— Мы можем снова сесть в Экспресс Самоубийства,— промолвил он.

— Эк-прест Тсамо-убий-тва? — Джо выглядел озадаченным.

— Да. Перерезав себе горло и делая это достаточно часто, мы когда-нибудь окажемся в своей родной долине. Но если места повторных воскрешений выбираются случайным образом, мы можем заниматься таким делом каждый день на протяжении тысячи лет, пока нам не улыбнется удача. Да и

как проверишь, попали ли мы в нужное место? Всякий раз совершать подобное путешествие? Нет, этим я не собираюсь заниматься.

— Тогда что же ты хочешь делать? — Глаза Филлис глядели на него с жалостью и тревогой. — Ты плохо выглядишь, Дик...

— Оставьте меня одного, — глухо произнес он.

— Но ты выглядишь так, словно готов броситься в Реку!

— Если тебе угодно знать, я уже преодолел этот соблазн. Теперь оставьте меня одного.

Они вернулись туда, где долина вновь расширялась, и поели — угрюмые и молчаливые, если не считать Чарбрасса; впрочем, усилия инженера не добавили бодрости его спутникам. После трапезы Блэк поднялся и пошел к скале, торчавшей над берегом. Он долго просидел там, неподвижный, как камень за его спиной.

— Побежденный Люцифер, — заметил Чарбрасс.

— Блэк как тсаблезубый — такой тсаблезубый, какого Джо тснать да-ано, — сказал гигант. — Он охотиться на Джо, но Джо тслышать его тсапах и бротсать камни, бить дубиной. Джо и он быть в кро-оной пражде — долго, долго! Потом тсаблезубый надоесть Джо, и Джо выдрать ему хвотст, потом швырнуть в патсть — на за-атрак. Он пугаться, так пугаться, что летсть на тскалу и тсидеть там много дней. А когда он пробо-оать тспуститься, он упатсть внитс, на камни. Джо тумать, дух его отслаб, или он потерять тсилу, потому что долго тсидеть на тскале голотный.

Несмотря на свое беспокойство, Филлис рассмеялась.

Узкое костистое лицо Мюреля вытянулось еще больше.

— Я понимаю Блэка, — произнес он. — Могу вообразить, что он сейчас чувствует! Ему хочется стиснуть руки на горле того, кто перенес его сюда и посадил в эту ловушку для крыс... Я бы и сам не отказался его придушить.

— Но прежде, чем вы это сделаете, не стоит ли выяснить его цель? — осведомился Чарбрасс. — Возможно, он не желал ничего плохого.

— А вас он разве не раздражает?

— Нет. С чего бы? Разве вы стали бы гневаться на Бога, не пожелавшего объяснить, почему вы родились на Земле?

— Там, по крайней мере, была книга, в которой якобы имелись ответы на все вопросы. По большей части я их не понимал, и это вызывало гнев... В чем я теперь раскаиваюсь.

— Превосходно! Быть может, и нам предстоит раскаяться... Или, в один из дней, раскрыть все секреты долины. Или выяснить, что причины, по которым мы появились здесь, несущественны, и не стоит доискиваться их, отнимая время у более важных дел.

— Борбич! — фыркнул Мюрель.— Его дурацкие идеи!

— Борбич — хороший человек,— ответил Чарбрасс.

Этот обмен мнениями завершил беседу. Путники нашли подходящее место для ночлега и, не дожидаясь своего предводителя, улеглись спать. Когда на небе показалась луна, Блэк спустился со скалы. Не говоря ни слова, он подошел и лег рядом с Филлис. Она знала, что сейчас лучше промолчать, но не могла сомкнуть веки, пока не расслышала его глубокое и мерное дыхание. Ричард Блэк спал, и все его горести спали вместе с ним.

Казалось, прошло лишь несколько минут, когда Филлис открыла глаза, разбуженная слабым шорохом. Блэк стоял около нее на коленях, скорчившись и слушая, что говорит Джо. Сиявшая в небе луна уже добралась до зенита.

— Джо тслышать гул. Оттуда,— гигантская рука протянулась в сторону гор.— Чарбраст, он уходить. Джо его не глядеть.

Проснувшийся Мюрель поднял голову.

— Что случилось?

— Чарбрасс исчез. И еще Джо утверждает, что с гор доносится какой-то шум. Однако я не могу ничего расслышать. А вы?

Но ни Мюрель, ни Филлис тоже не могли уловить ни звука. Блэк велел всем вооружиться, затем путники собрались кучкой и, сжимая свои копья и топоры, направились к горам. Им пришлось пересечь участок холмистой равнины, затем перед ними поднялся обрывистый склон горного хребта.

Джо ткнул пальцем в карниз, прилепившийся на высоте двух сотен футов. Подняться туда было нелегко, но трещины в каменной стене да торчавшие тут и там пучки жесткой травы делали эту задачу выполнимой. Путники начали медлен-

но карабкаться вверх, надеясь, что луна не скроется за тучами и не оставит их в полной темноте. К счастью, этого не случилось, и через полчаса они уже стояли на каменном выступе, протянувшемся на несколько десятков ярдов. В конце его виднелась рослая фигура Чарбрасса.

Обратившись лицом к высокому, напоминавшему шпиль монолиту, инженер что-то произнес — громко и отчетливо; тем не менее, Блэку не удалось разобрать отдельных слов. Речь казалась слитной, звуки то повышались до предела слышимости, то рокотали в нижнем регистре словно басовые струны гитары.

Блэк взглянул на Джо Кейвмена.

— Ты способен хоть что-то различить?

— Да.

— Должно быть, Чарбрасс слышит ультра- и инфразвуки,— прошептала Филлис.— Нам повезло, что Джо тоже одарен таким свойством.

— Но, черт побери! Чем он занимается? — хрипло пробормотал Мюрель.

— Тихо! Или он услышит нас! Молчите,— распорядился Блэк.

Чарбрасс, казалось, их не замечал. Закончив фразу, он выпрямился перед шпилеобразным монолитом, словно ожидая чего-то; затем гул внезапно смолк, и Чарбрасс, как подкошенный, рухнул на землю.

Путники, наблюдавшие за этим спектаклем, в растерянности ждали, не понимая, что происходит. Спустя минуту Блэк решил, что нужно предпринять какие-то меры. По его сигналу группа двинулась вперед, но не успели они пройти и нескольких шагов, как снова замерли в страхе и удивлении.

Тело Чарбрасса внезапно лишилось кожи; наружу проступили мускулы, словно на муляже в анатомическом музее. Мышечная ткань выглядела темно-багровой, и в ней алой паутиной просвечивали кровеносные сосуды. Невероятное зрелище!

Блэк, не спуская глаз с упавшего человека, устремился к нему, потом замедлил шаги, опасаясь приблизиться к странной скале. Вероятно, монолит был источником некоего поля, разрушающего живую плоть, и он не собирался испытывать на себе действие этой силы.

Застыв, все четверо следили за стремительной дезинтеграцией.

Сначала исчезла кожа; затем — мышцы, вены и артерии; потом — внутренние органы; наконец растворились кости.

— Какое бы излучение ни испускал этот камень, оно настроено на различные части тела,— негромко заметил Блэк.— В противном случае они не исчезали бы в определенной последовательности.

— Опять жужжать,— Джо протянул руку к темному монолиту.— Так тсильно, что Джо болеть уши.

— Ты слышал, что произнес Чарбрасс перед смертью? — Блэк коснулся плеча гиганта.

— Джо тслышать и не понимать. Чарбраст го-орить тстранно... он го-орить: «Тсезам, откройтся!»

— Джо! Ты морочишь нас?

— Нет, Филлис. Джо даже не знать такое слово.

— Сезам, откройся! — выдохнул Блэк.— Слова из «Арабских ночей»! Мой хлеб!

— Хлеб? Почему — хлеб? Джо не понимать!

— Он подразумевает,— сказала Филлис,— что долго трудился над переводом, очень известным переводом...[1] Впрочем, это не имеет значения, Джо; ты ведь никогда не видел книг.

— Что же все это значит? — спросил Мюрель, нервозно оглядывая пустое пространство перед монолитом.

— Вы еще не поняли? — Блэк с раздражением пожал плечами.— Чарбрасс являлся агентом создателей этого мира. Несомненно, так! И столь же несомненно, что подобных шпиков в долине тысячи, десятки тысяч! Они следят за нами много лет... только не спрашивайте, зачем и для чего, на сей счет я знаю столько же, сколько и вы. И я никогда не заподозрил бы Чарбрасса... нет, никогда... такая мысль даже не пришла бы мне в голову...

Блэк сделал паузу, потом, уставившись на темную скалу, задумчиво сказал:

---

[1] Напомним читателю, что под именем Ричарда Блэка выведен известный английский путешественник Ричард Бартон, переводчик сказок «Тысячи и одной ночи» *(прим. переводчика)*

— Но теперь мне известно, кто он, и я могу объяснить кое-какие странные вещи. Во-первых, равнодушие Чарбрасса к нашему проекту, к его успешному завершению. Во-вторых, то, что он не желал спать с женщинами... хоть я и не понимаю, что бы это значило. В-третьих, его огромные знания — словно сундук с плотно пригнанной крышкой. Он знал ответы на все вопросы, надо было лишь задать их! И еще — его миролюбие, его умение исцелять, его лояльность к Церкви Второго Шанса...

Теперь я догадываюсь, что подсознательно пытался связать все эти ниточки, соединить их воедино. В моем сне, в последнем предвоскресительном сне, Чарбрасс был кондуктором, и я готов держать пари, что такова его функция и на самом деле: он в долине — проводник, ведущий нас к неведомой цели.

— Но почему же он нас покинул? — спросил Мюрель.

— Вот единственная причина, что приходит мне в голову: он желал отыскать и уничтожить тропу, по которой Джо когда-то добрался до озера. Он отправился с нами в дальний путь, потому что хотел выяснить, что эта долина — не та, по которой некогда странствовал Джо. Получив в том уверенность, он ушел... И, если б не сверхчеловеческий слух Джо, мы никогда бы не узнали, куда и каким образом он скрылся от нас.

— Но Чарбрасс тоже обладал таким же слухом, а он — человек! — запротестовал Мюрель.

— Сверхчеловек, я полагаю.

— Ну,— сказала Филлис,— теперь, когда мы знаем все, что мы будем делать? Останемся здесь, на этом карнизе, чтобы дождаться рассвета? И Чарбрасса? Быть может, он вернется, и мы поймаем его?

— Сомневаюсь,— Блэк покачал головой.— Похоже, его миссия на берегах Реки завершена, и долина никогда не увидит его вновь. Но мы — мы можем еще встретить его! Во всяком случае, я...— Он сделал паузу, оглядев своих спутников.— Я пойду за ним. Я отправлюсь в Большую Чашу.

— Но как? — прозвучало хором.

— Так же, как сделал Чарбрасс.— Рука Блэка протянулась к темному остроконечному монолиту.

— Ты умрешь, Ричард! — по щекам Филлис потекли слезы.— Откуда ты знаешь, что тебя снова воскресят? И где?

— Думаю, такая попытка безопасна. Вы же не можете представить, чтобы Чарбрасс совершил самоубийство? Настоящее самоубийство? Чтобы он отправился туда, откуда нет возврата?

Он решительно шагнул к монолиту, повернулся к нему лицом и вымолвил:

— Сезам, откройся!

— Подожди! — отчаянно вскричала Филлис.— Подожди! Я не могу оставаться тут и видеть, как исчезает твое тело! Я пойду с тобой!

Она подбежала к нему, схватила за руку. Теперь они ждали вместе.

Миновали пять минут; ничего не случилось.

— Ты все еще слышишь гул? — спросил Блэк, повернувшись к Джо Кейвмену.

— Да.

— Очевидно, мы не можем заставить машину, что скрыта в скале, работать как полагается,— задумчиво произнес Блэк.— Скажи, Джо, ты сумел бы произнести слова Чарбрасса в той же тональности и с тем же выражением?

— Джо не понимать.

— Можешь ты сказать слова Чарбрасса точно так же, как он?

Джо ухмыльнулся. Он был великолепным подражателем, получавшим истинное наслаждение от своего искусства. Его голос взлетел до самой высокой ноты, потом упал, повторяя ключевую фразу. Теперь она звучала так, как у Чарбрасса. Почти так же.

Снова никакой реакции.

Блэк нахмурился, лицо его потемнело. Что-то здесь было неправильно! Внезапно он понял, что.

— Дьявольщина! Джо шепелявит, а пароль должен звучать точно! Ну, Мюрель, сейчас я повторю ключевую фразу в нужной тональности, а вы постарайтесь запомнить ее. Если это сработает, вы сможете отправиться вслед на нами.

Он набрал воздуха в грудь и сделал новую попытку:

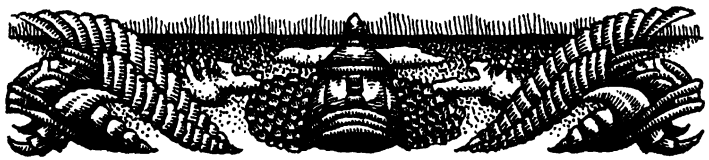
— Сезам, откройся!

Они снова ждали. Блэк отсчитывал про себя время. Прошло шестьдесят секунд.

— Мы что-то пропустили, Ричард, — сказала Филлис. — Может, нам лучше отказаться...

— Я никогда не откажусь, — твердо произнес он. — Никогда! Сейчас мы...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На сей раз Блэк не видел предвоскресительных снов.

Он очнулся на длинном просторном столе из белого металла. В ногах у него стоял какой-то аппарат, и еще один высился у изголовья. Вероятно, подумал он, эти машины и восстанавливают тела погибших.

Блэк сел и увидел, как трое его спутников раскрывают глаза. Они тоже лежали на столах из белого металла; все — нагие, облаченные в новую плоть, на которой не осталось и следа долгих странствий.

Он слез со стола и осмотрел комнату. То было обширное помещение со светло-зелеными стенами, слегка выгибавшимися наружу и плавно переходившими в высокий потолок. Кроме столов и машин при них, тут не имелось ничего.

В изголовье стола Блэка лежала стопка одежды; рядом стоял сверкающий цилиндр. Путники набросили одеяния — все, кроме Джо. Ему одежда не полагалась; да он и не нуждался в ней.

Филлис подняла на Блэка голубые глаза. «Ну, что теперь?» — было написано на ее лице.

— Тут только один выход, — сказал он. — Пойдем!

Они покинули комнату и очутились в зале невообразимых размеров.

— Достаточно велик, чтобы послужить самолетным ангаром, — потрясенно вымолвила Филлис.

Тут было множество кресел на колесах, рассеянных по всему залу; большая их часть группировалась в центре помещения, у пульта гигантского экрана. Путники обозрели эту установку, убедившись, что им с ней не справиться. На пульте они не обнаружили ни привычных рукояток, ни тумблеров, ни циферблатов — ничего, кроме десятка светящихся трубочек, мерцавших на уровне человеческой груди. От них доносился негромкий рокот.

Джо прошептал, что этот звук напоминает львиный рев, долетевший с большого расстояния. Потом он спросил:

— Где мы?

— Думаю, где-то внутри Большой Чаши,— ответил Блэк.— Но здесь мы беспомощны; мы ничего не сделаем с этими механизмами, если нам не объяснят, как с ними управляться. Значит, нужно кого-то найти. Кого-то живого, я имею в виду.

Внезапно Джо замер, склонив голову к плечу.

— Кто-то ходить,— пробормотал он.— Джо тслышать... тслышать шаги.

— Тихо! — приказал Блэк.— Встаньте по сторонам этой большой двери, у самых стен. И ждите!

В молчании они прижались к стене. Блэк не мог расслышать ничего; лишь кровь шумела в висках да тяжкими ударами билось сердце.

В следующий момент высокий человек шагнул в зал. Кожа его отливала цветом бронзы, темные волосы падали на плечи.

Чарбрасс!

Испустив громкий вопль, от которого инженер застыл на месте, Блэк ринулся вперед. С другой стороны двери подскочил Джо, протягивая огромные лапы.

Но Чарбрасс не сопротивлялся. На губах его появилась улыбка, потом он спокойно сказал:

— Мне почудился какой-то шорох, но я и представить не мог, что увижу вас. Думал, тут бродит один из роботов.

Пожалуй, решил Блэк, стоит ответить дружелюбием на дружелюбие. Теперь, когда он добился своей цели, бомба больше не тикала у него под сердцем; взрыв был отсрочен или отменен навсегда, и он мог наконец расслабиться.

Расслабиться? Тут было великое множество вещей, которые предстояло сделать; целая бездна тайн и секретов, которые он хотел исследовать и познать.

— Как насчет объяснений? — вкрадчиво произнес он.

Чарбрасс улыбнулся и пожал плечами.

— Почему бы и нет? Вы не можете покинуть Башню без моего разрешения, а память об этом инциденте легко удалить.

— Эй, что это значит? — прорычал Мюрель, выглядевший весьма обеспокоенным.— Может, вам бы сначала стоило поинтересоваться нашим мнением? Вы не Бог, даже если и думаете иначе!

— Конечно, нет.— Инженер повернулся и посмотрел на Блэка.— Впрочем, если вы убежите отсюда, сохранив память, вам все равно никто не поверит. Или поверят немногие... А результатом явится новый культ, еще одна Церковь Второго Шанса. И вы, Дик, станете ее провозвестником, вторым Борбичем. Ну, переживете ли вы такое разочарование?

Блэк взвесил на ладони свой цилиндр.

— Не болтайте ерунды, Чарбрасс! Меня интересует только истина! И учтите: если вы попытаетесь скрыться, то — да поможет мне Бог! — я разобью вам череп своей чашей!

— В этом нет необходимости. Я буду рад показать все, что вы захотите увидеть.— Он задумчиво посмотрел на Блэка и добавил: — Иногда мне кажется, что Строителям не стоило бы держать обитателей долины в полном неведении.

Чарбрасс направился к гигантскому экрану. Остальные сопровождали его, настороженно оглядываясь; они были готовы схватить инженера при первом же подозрительном движении. Словно не замечая этого, Чарбрасс остановился перед полукруглым пультом, служившим основанием экрана. Пальцы его легли на светящиеся трубки, пробежали по ним — словно он брал аккорд на клавишах рояля.

— Управляющая система реагирует на тепло моих пальцев,— не оборачиваясь, пояснил инженер.— Затем я начну подавать команды голосом. Вначале нужно произнести несколько фраз, чтобы компьютер опознал язык, на котором будет осуществляться связь; после этого можно вступать в диалог с машиной.

Блэк почувствовал беспокойство. Слишком охотно этот повелитель речного мира делился информацией; он был слишком спокоен, слишком дружелюбен. Таилась ли в этом некая ловушка? Или Чарбрасс не сомневался, что его гостям не суждено вернуться в долину и пересказать ее обитателям все услышанное тут?

Огромный экран налился светом.

— Ну,— произнес Чарбрасс,— я тоже хотел бы кое-что спросить. Например, каким образом вы нашли входной порт и откуда узнали пароль?

— Джо тслышать гул, тслышать, что ты го-орить,— пробасил гигант.

Блэк выругался про себя. Ну что бы этой обезьяне не держать рот на замке? Хороший секрет — такой секрет, о котором никому не известно.

Чарбрасс, казалось, догадался, что за мысли бродят у гостя в голове. По губам его вновь скользнула улыбка, затем он сказал:

— Любопытно, очень любопытно! Мне остается лишь поблагодарить за информацию. Мы считали, что при определенных, очень маловероятных обстоятельствах порты можно разыскать, но никто и представить не мог, что на такое способны доисторические люди! Значит, у Джо и его соплеменников очень тонкий слух... Придется заменить звуковые замки на всех портах чем-нибудь иным, более надежным...

— Джо тслышать такой гул раньше,— сообщил гигантопитек.— Когда Джо найти, что шум приходить от тскалы, Джо понимать, в чем дело.

Он ухмыльнулся, очень гордый своей сообразительностью.

— Ну,— заметил Чарбрасс,— выходит, что предок выследил потомка, человек прошлого — человека будущего. Превосходно! Джо Кейвмен изловил Джайруса Чарбрасса, а? Похоже, что все было подстроено заранее, не так ли? Но уверяю вас, я тут не при чем.

Отступив на шаг от экрана, инженер окинул взглядом его мерцающую поверхность.

— Должен заметить, вы не единственные, кто проторил дорогу к Большой Чаше — не единственные и, вероятно, не последние. Был человек, который ухитрился вскарабкаться на горную вершину близ морского побережья. Он изготовил теплую одежду — из кожи, с травяной подкладкой — и даже кислородную маску... Но бедняга потерял свой цилиндр и умер от голода. Другой храбрец соорудил воздушный шар, заполнил его водородом, полученным самым примитивным способом, и двинулся в полет над одной из долин. Он добрался до моря, но лишь затем, чтобы свалиться в воду и уто-

нуть. Итак, простите за трюизм, но упорство всегда поможет найти верный путь!

— Что тслучиться тс людьми на тропе? Тс людьми, которые идти тс Джо? Джо натступить на чаша и упатсть в Река, люди идти дальше. Где они?

— Не знаю, Джо. Но тропинку, которой они воспользовались, я найду и уничтожу. Правда, придется обыскать на флаере окрестности восьми тысяч входных портов, что займет немалое время... Но тропа будет найдена! И мы восстановим маскировку Башни, снова упрятав ее в скалу. Я уже вызвал с Земли группу Строителей, которые этим займутся. Их корабль прибудет сюда через месяц.

Мюрель нахмурился, стиснув кулаки.

— Корабль с Земли? Интересные вещи вы рассказываете, Чарбрасс! Ну, давайте-ка выкладывайте остальное! Все, что знаете!

— Вернее, то, что вам неизвестно. Ладно! Мне доставит удовольствие слегка просветить обитателей долины. И первое, что я сделаю — вернусь назад, в наше далекое-далекое прошлое.

Он повернулся к экрану и одним словом пробудил его к жизни. Перед глазами путников возникло трехмерное изображение: огромная, окутанная облаками планета на фоне вечной космической тьмы. Земля!

— Время: семьдесят пять тысяч лет до рождества Христова. На планете процветают многочисленные формы животной жизни; люди, настоящие люди, еще не появились, но вот-вот возникнут — как удачная мутация одного из видов человекообразных обезьян. Замечу, что антропологи моего времени точно установили эту дату — день, месяц, год и столетие, когда раскрылись глаза первого хомо сапиенс. Самого Адама, нашего прародителя!

— Но как им это удалось? — с изумлением воскликнула Филлис.

— Глядите на экран, и вы узнаете все,— Чарбрасс повел рукой и удовлетворенно произнес: — Так, вот и они! Наши пришельцы!

В углу экрана показался корабль иглообразной формы и навис над туманной сферой Земли.

— Этот звездолет прибыл из мира, чье солнце находится в чужой галактике, на невообразимом расстоянии от нас. Люди, составляющие его экипаж — если таким словом можно обозначить негуманоидных созданий — принадлежали к расе долгожителей. Практически они могли существовать вечно, если несчастный случай не прерывал нить их жизни. Их раса обладала высочайшим интеллектом уже в те времена, когда наша Земля являлась еще холодным и пустынным шаром. А в ту эпоху, когда в теплых морях нашего мира появились трилобиты, они начали исследовать космическое пространство, посылая корабли к другим звездным системам. Но их материнская планета находилась так далеко, а звезды были столь бесчисленны, что они обнаружили Землю только в семьдесят пятом тысячелетии до новой эры.

На экране шесть огромных объектов сферической формы вынырнули из распахнутых люков космического корабля. Расположившись на равных расстояниях друг от друга, они окружили неторопливо вращавшуюся планету.

— Сканирующие установки,— пояснил Чарбрасс.— Они способны обнаруживать ментальные излучения высокоразвитого мозга и как бы «сфотографировать» испустившее их существо. Сфотографировать с исключительной точностью, вплоть до последнего атома! И запись эта постоянно обновляется — до тех пор, пока сканируемое существо не умрет.

— Такой процесс предполагает, что его творцы достигли невероятных, непредставимых вершин знания! — воскликнула Филлис.

— Несомненно,— подтвердил Чарбрасс.— Однако же эти шесть искусственных сателлитов всего лишь огромные автоматические фотокамеры. Они регистрируют, записывают и хранят; больше — ничего.

— Значит, в каждом есть некие помещения, где собраны все тридцать миллиардов записей, сделанных с обитателей Земли? — спросил Блэк.

— Нет, не в каждом; только в одном, используемом как хранилище. Когда оно заполняется, спутник переносят к одной из планет Ригеля, а на смену ему выводят на орбиту новый. Его доставляют тоже с Ригеля, с межзвездной базы.

— И так продолжалось до тех времен, пока земляне не обнаружили, что над их планетой вращаются искусственные тела? — спросила Филлис.

— Вы предвосхитили мои слова. Все было именно так.

Филлис в задумчивости свела брови.

— Готова держать пари, что это случилось не в двадцать первом веке. И вряд ли вы сами выходец из того столетия.

— Вы снова правы, Фил. В истории, которую я рассказал вам — насчет кобальтовых бомб, уничтоживших жизнь на Земле — нет ни слова неправды. Все так и было, так и было! И потом Землю вновь заселили колонисты с Марса. Этим поселенцам, которые возвратились в свой родной мир, удалось создать новое общество, где не было места войнам и социальной несправедливости. Они добились успеха.

Однако их ученым понадобилось не менее трехсот лет, чтобы обнаружить висевшие в небесах «фотокамеры». Даже в эпоху интенсивных межпланетных путешествий, начавшихся вскоре после возрождения Земли, специалисты отмечали лишь некие необъяснимые феномены в ближнем космосе. Они не знали, что их источником являются чужие спутники, снабженные аппаратурой, искривлявшей световые лучи и электромагнитные волны любого диапазона. Эти сателлиты были невидимыми — и для телескопов, и для радаров.

Но пришел день, и земляне справились с этой проблемой. Конечно, тогда они уже достигли таких этических высот, что смогли правильно оценить сделанное открытие. И это...

— Простите,— Филлис прервала инженера, подняв руку.— Простите, Джайрус, мой неуместный вопрос... Но когда родились вы сами?

— О, это случилось сто восемьдесят лет назад. В три тысячи пятьсот восьмидесятом году новой эры.

Наступило потрясенное молчание.

— Долго же мы были мертвы... очень долго! — выдавил наконец Блэк.

— Кое-кто ждал еще дольше,— Чарбрасс бросил взгляд на гротескную физиономию Джо.— Но все пробудились к жизни в один и тот же день.

Он улыбнулся и продолжил:

— Ну, позвольте мне закончить эту историю. Итак, когда мои предки — и ваши потомки — обнаружили чужие спутники, они нашли там завещание, оставленное инопланетянами. Разумеется, был ключ, позволивший быстро декодировать записи; ученые воспользовались им, изучили язык пришельцев и историю их расы.

Они были поражены, узнав, сколь далеко от нашего мира — далеко во времени и в пространстве — обитал тот народ. Но и он являлся наследником другой и еще более древней расы. Эти предтечи разработали метод сканирования живых существ и основали великий проект возрождения всех разумных своего вида после смерти. Что же касается их наследников, то они расширили границы проекта: их корабли отправились в нашу молодую галактику на поиски населенных миров, чтобы воскресить их умерших обитателей. Земля стала одной из таких планет.

— Бог мой, Бог мой! — простонал Мюрель. — Рассказанное вами потрясает!

— Но все это правда, — заметил Чарбрасс.

— Если ваши утверждения справедливы, — произнес Блэк, — то я обозначил бы новую цель разумной эволюции. Воскресить умерших и предоставить им еще один шанс, верно?

— Вы правы, это является первой целью. Но есть и другая, более важная и величественная. Следующий шаг, так сказать.

— Следующий шаг? Какой? — Мюрель наморщил лоб.

— Я скажу вам. Но прежде позвольте заметить, что ради него и был создан этот мир — мир огромной Реки или, если угодно, множества Рек. Его сотворили, чтобы реализовать на практике один древний парадокс, известный еще с античных времен.

— Парадокс?

— Да. Несомненно, он вам известен: праведники будут призваны первыми. Иначе говоря, они первыми уйдут из жизни.

Мюрель раздраженно пожал плечами.

— Старые религиозные истины... Я сыт ими по горло! Так что не пытайтесь вдолбить мне их снова.

— Я ничего не пытаюсь вам вдолбить,— заметил Чарбрасс, приподняв светлые брови,— я лишь сообщаю вам некие факты. Вы можете сделать из них свои собственные выводы.

Я повторю вам то, что открыли мы, и наши негуманоидные предшественники, и та раса, от которой они унаследовали свою миссию. Истина заключается в следующем: человека, достигшего определенной — и очень высокой! — стадии этического развития невозможно воскресить. Можно лишь продублировать его тело, но плоть останется холодной и мертвой; искра жизни не разгорится в ней.

— Другими словами,— саркастически заметил Блэк,— ваш праведник слишком хорош для бренной жизни?

— Точно.

— Этого я не могу принять,— объявил Мюрель.— Что за нелепая идея? Зачем пытаться достичь этой стадии, зачем рваться в святые, если ты не сможешь жить вечно и вечно наслаждаться всеми дарами мира? В том числе — и собственной плотью?

— Нам известно лишь то, что я сказал. Лишь лучшие из людей — те, кто лишен зависти, самомнения и злобы, те, кто полны сострадания к ближним, те, чьи души воистину свободны и чисты — только они идут туда, куда им предначертано. Быть может, они погружаются в вечную нирвану? Или блаженствуют на небесах, у престола Творца?

— Я не верю этому! — вскричал Мюрель.— Старые басни, старый обман! Небеса! Нирвана! Души! Всевышний! Что вы пытаетесь доказать мне?

— Ничего. Я только излагаю факты. Мне не известно, существуют ли на самом деле такие категории, как душа, нирвана и Великий Творец. Вот все, что я могу сказать: избранные люди покидают плотское обличье, остальные же влачат его из года в год, из века в век.

— Ну, а что же насчет вас? — с вызовом спросил Мюрель.— Не прошло и пары часов, как вы умерли и снова возродились. Вы слишком шустры для святого, так?

Чарбрасс улыбнулся.

— Наверно. Я не достиг необходимой стадии, но я надеюсь со временем подняться до нее.

— Значит, хотите стать праведником? — Мюрель презрительно фыркнул. — А мне казалось, что вы супермен!

— О, нет, нет! В физическом и психологическом отношении я здоровее большинства обитателей долины. Разумеется, и мой этический уровень превосходит ваш... Но я далеко не совершенство.

— Вы не лучше нас! Ни в чем!

— Не могу запретить вам так думать.

— Вы не желали вступать в связи с нашими женщинами, потому что это запрещено вашими этическими принципами? — спросила Филлис.

Чарбрасс пристально посмотрел на нее.

— А вы согласились бы лечь в постель с больным мужчиной? Или с тем, кто покрыт грязью с головы до ног?

Филлис судорожно сглотнула.

— Неужели мы так отвратительны?

— Пожалуйста не думайте, что я рассматриваю вас как породу неких полуразумных обезьян. Дело обстоит совсем не так! Я питаю к вам искреннюю любовь. Но все вы, люди древних времен, с нашей точки зрения больны... вы поймете, насколько больны, когда я скажу вам, почему в долине не воскресили детей младше пяти лет. Мы выяснили, что до этого возраста детская психика еще обладает необходимой гибкостью, позволяющей малышам адаптироваться в нормальном и здоровом обществе. Но те, кто перешагнул этот возрастной порог, уже настолько заражены идеями и представлениями своего времени, что их прямая интеграция в наш мир невозможна. Им предназначено жить в долине, среди вас, и совершенствоваться вместе с вами.

Что же касается малышей, то их отправили на другую планету, в Мир Садов, где они были воспитаны приемными родителями, избранными среди моих коллег. Там же воскресили и лишенных разума — разумеется, после необходимой перестройки мозга. Память их была как чистый лист, и мы могли наполнить ее новым содержимым.

— Вы поступили мудро, — произнес Блэк. — Большинство людей не отличается ровным характером, а некоторые просто опасны, — он искоса бросил взгляд на Мюреля. — Но с одним я не могу согласиться — с тем, что вы скрываетесь

от нас. Почему? Зачем? Разве вы не должны сказать нам всю правду, как врачи своим пациентам?

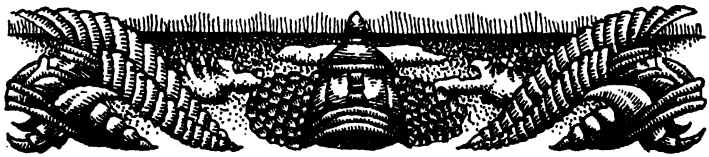
— Потому что для этого мы не имеем ни возможностей, ни средств, ни необходимого для вас места. Вы потребуете возвращения на Землю, вы смешаетесь с нами, вы распространитесь среди нас и, вероятно, нас тоже поразит инфекция — словно рак, угнездившийся в здоровой ткани и разъедающий ее с каждым днем.

— Что ж, такое не исключено... — Блэк медленно кивнул головой. — И не могу упрекнуть вас, хотя вся эта таинственность мне не слишком нравится.

— Тогда позвольте задать вам один вопрос — перед тем, как мы познакомимся с системой управления Башни или Большой Чаши, как вы ее называете... — Чарбрасс секунду помедлил. — Скажите, вы поняли все, о чем я вам говорил?

Они кивнули — безмолвные, потрясенные.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тут Чарбрасс повернулся обратно к экрану.

— Отсюда мы можем управлять долиной. Кто бы ни стоял перед этим пультом, он — владыка каждого живого существа на этой планете, хозяин жизни всех мужчин и женщин. Он обладает большей мощью и силой, чем способен вообразить любой диктатор прошлого, любой сумасшедший властолюбец. Все тридцать миллиардов разумных, увидевших свет на Земле между семьдесят пятым тысячелетием до пришествия Христа и две тысячи сто пятьдесят четвертым годом новой эры, в его руках. Вот великий и ужасный соблазн, с которым Строители столкнулись лицом к лицу; и лишь абсолютно здоровый интеллект способен вынести подобную ношу.

Но существовала и другая проблема, связанная с вами, с обитателями долины: нашим агентам предстояло жить среди вас, сохраняя душевное здоровье и свой иммунитет. Вы спросите — зачем? Для чего? Разумеется, чтобы наблюдать за вашим прогрессом, вашим духовным развитием, и способствовать ему. И с этой целью мы помогли учредить несколько сообществ — например, Церковь Второго Шанса и орден Рыцарей Грааля.

— Выходит, Борбич был прав? — поинтересовался Блэк с разочарованным видом.

— В основном — да. Он ошибался, объясняя задачи Церкви сверхъестественными причинами, но большого значения это не имеет. Главное в другом: мы надеемся на ваш прогресс в сфере этики и нравственности, а отнюдь не в технологии.

Теперь я продемонстрирую вам некоторые возможности системы управления Башней. Скажем, есть ли кто-нибудь, кого вы желали бы увидеть? Вы, Блэк?

Прежде, чем Блэк успел ответить, Филлис быстро сказала:

— Как насчет Борбича? Понимаю, это звучит нелепо, но я хотела бы убедиться, что он умер и избавлен от мук. И если он расстался с жизнью, то... то... быть может, он — один из тех, кого нельзя воскресить?

— Сомневаюсь,— Чарбрасс покачал головой.— Борбич на верном пути, но он не прошел его до конца. Он еще слишком горд... он кичится своим состраданием к людям, своим бескорыстием, своей человечностью. Так что мы сможем отыскать его в долине.

Он повернулся к пульту и произнес:

— Персональный поиск.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОИСК ИНИЦИИРОВАН,— раздался гулкий механический голос.

— Федор Михайлович Борбич. Родился в тысяча восемьсот двадцать первом году, в Литве; умер в тысяча восемьсот восемьдесят первом, в Москве, Россия. Профессия — писатель. Физиологические характеристики...— Чарбрасс принялся диктовать машине длинный список данных.

Затем компьютер начал поиск, просматривая файлы банка данных — это огромное хранилище лежало под землей, под островом, на котором высилась Большая Чаша. Чарбрасс кивнул Блэку.

— Ну, теперь вы, Ричард. Кого найти для вас?

Бросив взгляд на Филлис, Блэк увидел, как она начала бледнеть. Спустя мгновение он догадался, что испугало ее. Изабелла! Его земная супруга! Филлис смертельно боялась, что он захочет вновь увидеть ее!

Он еще не успел ответить, как механический голос произнес:

ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. КООРДИНАТЫ: ДОЛИНА 1490-N, ОБЛАСТЬ 4500-С.

На экране возникло трехмерное изображение планеты, наблюдаемой с высоты. В северном полушарии мерцала зеленая точка.

— Вот ответ на ваш вопрос, Фил. Он снова жив и переброшен туда, где светится зеленый маркер.

Филлис кивнула.

— Я понимаю. Но мне хотелось бы спросить вот о чем... — она подняла взгляд к экрану. — Почему Сэм Клеменс получает каждый день по три гаваны своего любимого сорта? Почему остальным не выпала такая удача? Я думала, что сигареты и сигары распределяются случайно, но... но Сэму всегда везет! В его чаше — только гаваны, и только такие, которые он любит.

Чарбрасс рассмеялся.

— Клеменс действительно любимец богов! Один из Строителей был его поклонником; ему настолько нравились романы Сэма, что он решил предоставить любимому писателю кое-какие привилегии. В результате цилиндр Клеменса жестко запрограммировали, и он получил возможность наслаждаться своими сигарами каждый день.

Инженер повернулся к Мюрелю.

— Ну, что скажете вы? Кого вы хотите увидеть? Свою жену? Детей?

Мюрель сделал отрицательный жест, его тонкие губы плотно сжались, в глазах сверкнул опасный огонек. Он медленно покачивал свою чашу — взад и вперед, взад и вперед, словно она была маятником, связанным с его думами. Чарбрасс окинул его пристальным взглядом.

— Не рекомендую предаваться мыслям о насилии, Мюрель. Учтите, воскресительная аппаратура внутри Башни не действует, и всякий погибший здесь умрет навсегда, если не дать специальную команду.

Мюрель прекратил раскачивать цилиндр.

— Почему вы думаете, что я собираюсь вас прикончить?

— Повторяю, не применяйте насилия, Мюрель! Я быстрее и сильнее вас, и если потребуется, я уничтожу вас в порядке самозащиты.

— Уничтожите меня? А как же ваши этические принципы?

— Мне придется отступить от них, но я это сделаю. Иного выхода нет: контроль над Башней не должен попасть в руки человека, подобного вам.

Глаза Мюреля сузились, но цилиндр оставался неподвижным.

— Итак, вы видите, — продолжил Чарбрасс, — что можно определенным образом перепрограммировать чашу любо-

го обитателя долины. Можно совсем снять его с довольствия, отключив подачу энергии, или заблокировать процесс воскрешения. Разумеется, существует и много других возможностей, заложенных в наш главный компьютер.

Например, от оператора может поступить приказ об уничтожении «фотографии» — или, вернее, записи — некоего субъекта. Такая команда будет выполнена, но в этом случае произойдет и самоликвидация компьютера. Мы встроили этот предохранитель, чтобы...

— Достаточно! Я услышал все, что хотел! — воскликнул Мюрель, и в следующий миг его чаша начала опускаться на голову повелителя Башни.

Блэк прыгнул на экс-проповедника, но Чарбрасс не нуждался в защите; увернувшись от цилиндра Мюреля, он бросился к дверям. Джо Кейвмен, вытянув огромную руку, едва не схватил инженера, но тот оказался проворней и двигался с поразительной резвостью.

Мюрель, избежавший удара Блэка, с пронзительным яростным криком побежал к выходу, следом за Чарбрассом; за ними несся Джо, размахивая руками словно ветряная мельница. Блэк уже шагнул к двери, но Филлис уцепилась за его рукав.

— Подожди, Ричард! Пусть Мюрель и Чарбрасс сводят счеты, нам же лучше оставаться здесь, в централи управления. Если победит Мюрель, то самым важным человеком в Башне окажется стоящий перед этим пультом...— Филлис покосилась на огромный экран.— Мюрель на это и рассчитывает, надеется стать владыкой целой планеты — по крайней мере до тех пор, пока эти Строители с Земли не схватят его.

— Но если победит Чарбрасс,— возразил Блэк,— то мы расстанемся со своими воспоминаниями. Он их просто сотрет и вышвырнет нас обратно в долину!

— Ну, хорошо, Дик... Что же ты предлагаешь делать?

Он пожал плечами.

— Честно говоря, Фил, не знаю. Предположим, мне удастся захватить власть в Башне... И что с того? Поверь, я не желаю играть роль Бога и не хочу ничего делать с долиной и с теми, кто в ней живет. Лучше бы мне совсем убраться с этой планеты... Да, убраться, чтобы повидать иные миры и

других людей — настоящих людей, а не воскрешенных после смерти.

— Но ты сам один из них!

— Да, но я такого не желал и никогда не был доволен случившимся. Ну, а ты, Фил? Что ты скажешь?

— Только одно, милый: я пойду за тобой. И если нас отправят в долину, я буду счастлива там, если ты меня не покинешь... И еще одно, Дик: здесь, в этом мире, проводится великий эксперимент, и мы можем в нем участвовать, понимаешь?

— Великий, да — если верить Чарбрассу. Но откуда мы знаем, что все сказанное им — правда? Эта история о святых, навсегда уходящих из жизни, может оказаться всего лишь приманкой... Да, приманкой — чтобы вселить в нас ложные надежды, держать в долине словно домашний скот, который откармливают и выпасают с неведомой нам целью.

— О, Бог мой, Ричард! Ты не веришь ничему и никому!

— Вероятно.

Он подошел к двери и прислушался.

— Кажется, они далеко от нас. Я различаю только топот Джо. Может быть, пойдем посмотрим, что происходит?

— Подожди минутку, Дик. Я хочу спросить тебя о чем-то.

Удивленный, он остановился.

— Да?

— Если б Чарбрасс предложил тебе на выбор отправиться в любую часть долины, ты бы... ну... ты вернулся бы к Изабелле?

— Странный вопрос в такое время! И я не собираюсь на него отвечать. Прекрати глупости, Филлис, и пойдем.

— Нет. Пока ты не скажешь мне, что сделал бы.

— Ты знаешь, что я не люблю таких вещей,— произнес Блэк со скрытой угрозой в голосе.— Не люблю, когда на меня давят.

— Я не собираюсь давить! — Она расплакалась.— Нет, Дик, не собираюсь! Но я хочу знать... имею право знать! Долгое время я не была уверена, что ты в самом деле меня любишь... Я убеждала себя в этом, но не была уверена наверняка, понимаешь? Я думала, что до тех пор, пока ты не найдешь Изабеллу, ты останешься со мной... Я тебе нрави-

лась, и ты достаточно знал женщин, чтобы рассчитывать найти нечто лучшее... Но теперь ситуация изменилась. И я больше не могу оставаться в неведении! Я должна знать — знать, кого ты предпочтешь!

— Я предпочту покинуть этот зал и взглянуть, что творится за его дверью,— холодно произнес Блэк.

Он вышел, покинув ее в огромной и пустой комнате.

Перед ним простирался коридор, широкий и длинный, с высоким потолком. Он миновал множество дверей; некоторые из них вели в жилые апартаменты, другие — в помещения, заставленные неведомым и непонятным оборудованием. В конце прохода Блэк остановился, приглядываясь и размышляя. Тут не было никаких указателей, никаких знаков, однако он не боялся потеряться. Решив свернуть направо, он шагнул в поперечный коридор и тут услышал далекие крики. Он ринулся вперед бегом, но вскоре опять перешел на шаг, когда вдали прозвучало несколько глухих хлопков, эхом отразившихся от металлических стен.

Из-за угла появился Мюрель — бледный, с окровавленным лицом. В руках у него поблескивало какое-то орудие, весьма зловещего вида.

— Не двигайтесь, Блэк! — приказал он.— И не надейтесь убежать! Эта штука стреляет энергетическими зарядами, и она намного эффективней ружья или арбалета.

Блэк ждал, пока Мюрель не приблизился. Тогда он спросил:

— Что случилось?

— Чарбрасс сунулся в одну из комнат и попытался схватить эту штуку,— Мюрель потряс своим оружием.— Но я швырнул в него цилиндр и попал по голове. Он слишком неуклюж для супермена, как я погляжу! Затем я велел ему выкладывать все про Башню, пригрозив, что иначе пущу его в распыл. И он никогда не оживет, потому что я прикажу машине стереть его запись!

Тут появился Джо и начал выспрашивать, чем я занят. Ну, я ему объяснил... только это ему не понравилось. Он едва не разделался со мной — я ведь не знал, куда давить, чтобы лучемет выстрелил. Но все-таки я справился с этим делом... да, справился, надавил на кнопку сбоку, и молния

прошила Джо насквозь! Тем временем Чарбрасс попытался улизнуть, и тоже получил заряд в башку.

— Ну, и что же вы собираетесь делать с Филлис и со мной? — холодно поинтересовался Блэк.

— Филлис? — глаза Мюреля сверкнули.— Где она?

— Не знаю.

— Не шутите со мной, Блэк! Где она, быстро! Говорите, не то я размажу вас по этим стенам!

— Как вам будет угодно. Я не знаю, где Филлис, а знал бы, так не сказал! И не пугайте меня! Вы, маньяк!

Внезапно на длинном костистом лице Мюреля появилось выражение мрачной задумчивости.

— Ладно, Блэк, не будем ссориться. Признаю, у вас есть характер, и вы можете мне пригодиться. Почему бы нам не объединить усилия? Не стать союзниками? В наших руках целый мир, и он достаточно велик, чтобы мы не мешали друг другу.

— И какой нам прок от этого мира? — губы Блэка дрогнули в насмешливой улыбке.

— Какой? Какой? Вы что, не знаете? Так раскиньте мозгами! Мы получим все, что захотим! Лучшее спиртное, самых прекрасных женщин — хоть праматерь Еву! И еще...

— Зачем вам женщины? — отрезал Блэк.— Вы даже не можете насладиться ими! Вспомните, что вы нам говорили! И вспомните о корабле Строителей, который прибудет сюда через месяц, о тысячах агентов, что затаились в долине... Вы рассчитываете справиться со всеми?

— Уфф! — Мюрель резко выдохнул.— Пожалуй, Блэк, я ошибся насчет вашего характера; вы — такой же слюнтяй, как все остальные. Ну, хорошо, я скажу вам, что собираюсь делать: проживу месяц как бог, а когда заявятся эти Строители, уничтожу машину, все записи и все граали! Вот так! И что вы сделаете теперь?

Спокойствие покинуло Блэка.

— Да вы же больны! — задохнувшись, выдавил он.— Неизлечимо больны!

— Не пытайтесь поймать меня в ловушку Чарбрасса! Как я сказал, так и будет! Я сотру восемьдесят тысячелетий человеческой истории! И тридцать миллиардов человек в придачу! Слышите? Тридцать миллиардов! Уничтожу навсегда,

окончательно! И это будет означать конец всего проекта! — Его дикий взгляд скользнул по лицу Блэка, потом он засмеялся и добавил: — Впрочем, если вы присоединитесь ко мне, мы попробуем дать отпор этим Строителям.

— С ними я готов потягаться,— осторожно заметил Блэк,— но убийство миллиардов разумных существ... нет, это не для меня!

— Посмотрим, посмотрим,— буркнул Мюрель.— Ну, а сейчас поворачивайтесь и марш в зал! Мы найдем Филлис и послушаем, что она скажет. Прелестная женщина, эта Филлис! Я заполучил ее однажды, и заполучу снова... Вне всяких сомнений!

Блэк не сказал ничего. Он шагал вперед, под дулом лучемета, нацеленного ему в спину, и в голове его яростным мальстремом кружились мысли. Но он не мог придумать ничего, никакого толкового плана. Каждый шаг, приближавший его к залу управления, был шагом и к всепланетной катастрофе, всемирному апокалипсису. На фоне такой трагедии его собственная смерть казалась мелким эпизодом.

Они миновали несколько распахнутых настежь дверей. Внезапно за спиной Блэка послышался звук удара, хриплый выдох и лязг металла о металл. Он стремительно обернулся и увидел, как Мюрель, скорчившись, оседает на пол. За ним стояла Филлис с белым цилиндром в руках; она подняла свое орудие, готовая вновь опустить его на череп Мюреля.

— Я слышала все, что он сказал,— голос Филлис прозвучал ровно и бесстрастно.— И я спряталась за дверью, надеясь, что смогу до него добраться. И добралась!

Она опустила цилиндр, затем потянулась к лучемету.

— Как он работает, Дик?

— Не целься в меня! Отведи дуло в сторону! — рявкнул Блэк.— И не дави на кнопку — там, сбоку! Ты превратишь меня в прах!

— Благодарю за информацию.— Она сделала шаг назад, направив оружие на недвижимую фигуру на полу.

Блэк был слишком изумлен, чтобы помешать ей; он лишь прижался к стене, подальше от палящего луча. Впрочем, действия Филлис были вполне логичными и объяснимыми: она собиралась решить проблему Мюреля раз и навсегда.

Блэка удивляло лишь одно — то, что она не поручила ему эту работу.

Послышалось шипенье, фиолетовый луч ударил в скорчившееся тело, запахло горящей плотью. Мюрель дернулся и застыл с широко раскрытыми невидящими глазами.

Щеки Филлис покрылись смертельной бледностью, зрачки зияли словно колодцы, полные тьмы — точь-в-точь, как у распростертого на полу трупа. Она заговорила — высоким вибрирующим голосом, так не похожим на ее обычный быстрый и звонкий говорок.

— Дик, прежде, чем мы вернемся в контрольный зал, я хочу повторить свой вопрос: ты собираешься найти Изабеллу? Ты хочешь привести ее сюда?

Он посмотрел на дуло лучемета, маячившее перед его грудью.

— Предположим, так. И что же?

— Не отвечай мне вопросом на вопрос! Ты можешь ответить мне прямо? Да или нет?

— Ты не получишь ответа, пока я не узнаю, что ты собираешься делать. Тебе ведь известно, что я не люблю принимать решений с завязанными глазами.

— Хорошо. Я знаю, что ты упрям, а я, по глупости, потворствую твоему упрямству. Но иного мне не дано, Дик; я люблю тебя и не хочу потерять.

— И потому ты действуешь слишком прямолинейно,— с суховатой усмешкой заметил он.

— Да! В конце концов, речь идет не о том, пора ли пить чай или стоит немного подождать. Мы говорим о важных вещах, о жизни и смерти, и я знаю, что через минуту может случиться нечто страшное... Ты можешь не верить в это, но я сделаю так, как решила! Я уже не та Филлис, с которой ты прожил двенадцать лет.

— Верно. Но пока я не услышал, что же ты собираешься сделать.

— Если ты бросишь меня ради Изабеллы, я... я... я убью тебя!

Блэк побледнел.

— Ради Бога, Фил, не сходи с ума! И не рассчитывай, что ты меня напугала! Неужели ты думаешь, что моя смерть решит какие-то проблемы? Если ты прикажешь, машина вос-

кресит меня; а если потом ты отправишься со мной в долину, то представь сама, захочу ли я иметь с тобой дело?

— Ты не понимаешь,— сказала она окрепшим голосом, словно с каждой минутой все более утверждалась в своем намерении.— Ты не понимаешь, Дик. Я прикажу компьютеру отправить нас подальше от Изабеллы и стереть память об этом дне! Мы запомним лишь то, что нас убили ночью, во время сна, а потом мы вновь оказались вместе.

— Но это не изменит главного,— произнес Блэк.— Предположим, я тебя не люблю... И что ты собираешься делать с этим фактом?

Она отшатнулась, словно он ударил ее. Лицо Филлис, и без того бледное, теперь посерело.

— Тогда,— сказала она хрипло,— я попрошу компьютер восстановить нас по записям двенадцатилетней давности и уничтожить более поздние. Воскреснув, мы поймем, что стали жертвами амнезии... вот и все, о чем мы сможем догадаться. Зато ты будешь любить меня! Любить, как прежде!

— Не сомневаюсь, что ты так и сделаешь.

— Сделаю! Какая женщина бы не сделала?

— Например, Изабелла,— сказал он.— Она ужаснулась бы при одной мысли о насилии надо мной. И она сделала бы то, что я велю — даже если б потом мы расстались навсегда.

— Думаю, ты ошибаешься. Но если б у нее и не хватило духа пристрелить тебя, я-то смогу! Смогу, поверь мне!

— Тогда почему же ты не стреляешь?

Лицо ее дрогнуло, стало мягче.

— Потому что я хочу, чтобы ты любил меня по собственной воле. Ненавижу принуждать тебя к этому!

В голове у Блэка гудело, мысли мешались. Он мог заверить ее, что попыток найти Изабеллу не будет, а потом, воспользовавшись моментом, отнять лучемет. Да, он мог бы сделать это, заплатив вечным воспоминанием о своей трусости.

И хоть разум подсказывал такой выход, он знал, что не унизится до лжи. Глас гордыни звучал громче всех прочих голосов; огромной, всепоглощающей, маниакальной гордыни. Он не мог сказать Филлис одно, планируя в уме совсем другое.

Но — и мысль эта едва ли не сокрушила его — если он не солжет, то превратится в иного Ричарда Блэка, отброшен-

ного обратно на двенадцать лет, ограбленного на все эти годы, забывшего и о Телеме, и о «Речной Комете», и о Башне посреди озера... К тому же, находясь в полном неведении насчет причин амнезии, он будет искренне любить Филлис!

Он попытался со всей откровенностью ответить на ее вопрос — ответить мысленно, самому себе, и был поражен результатом. Он не хотел разыскивать Изабеллу! Несомненно, она жила с другим мужчиной, и его внезапное появление причинило бы ей сильный шок. Да и ему, пожалуй, тоже.

И если б Изабелла согласилась вернуться к нему, начать с той точки, где они некогда остановились, это тоже не сулило ничего хорошего. Жизнь в долине меняла людей; изменился и он. Он не был уже дряхлым старцем, скончавшимся в 1890 году в Триесте; не был и тем Ричардом Блэком, который во времена оны исследовал верховья Нила. Возможно, ему захотелось бы узнать, где находится Изабелла и как сложилась ее судьба, но встретиться с ней лицом к лицу... Нет, этого он совсем не жаждал!

Сказать Филлис всю правду? Не подумает ли она, что он солгал из страха перед молниями излучателя? Или она поверит? Разве не говорила она, что знает его лучше, чем он сам себя? И разве ей не было известно, что он не поддается чужому давлению?

Но если так, то почему она угрожает ему?

Филлис заговорила, прервав его раздумья.

— Дик, я никому тебя не отдам! Я убила Мюреля... И, если понадобится, я уничтожу все записи! Я пущу по ветру весь этот проклятый проект!

На секунду Блэк вновь почувствовал бомбу под сердцем, ощутил ее холодную тяжесть, услышал мерное тиканье часового механизма. Казалось, вот-вот наступит взрыв; лицо Филлис и белые металлические стены стали расплываться перед ним, подергиваться туманной дымкой.

Вдруг — необъяснимым и чудесным образом! — он словно бы раздвоился. Ему чудилось, что он наблюдает самого себя: прозрачную и зыбкую фигуру, покинувшую плоть и шагавшую сейчас куда-то вдаль по коридору. Он видел этот призрак совершенно отчетливо, замечая, что с каждым шагом тот становится все меньше и меньше, приближаясь к другим призракам, толпившимся в конце прохода. Они стоя-

ли там ряд за рядом — все невольные гости речной долины, все тридцать миллиардов, спрессованных в тесном пространстве; но если бы строй их вытянулся в одну шеренгу, не нашлось бы глаз, что могли бы окинуть ее, не сыскалось бы разума, способного осмыслить их число.

Прозрачная фигурка Блэка маршировала вперед и вперед, прямо к неисчислимому множеству других фигур, будто бы поджидавших ее; достигнув толпы, она сделалась совсем крохотной, размером с муравья. Сонмище призраков вздымалось над ней гигантским валом.

Блэк закрыл глаза, и наваждение исчезло. Теперь, поставленный лицом к лицу со всем человечеством, он воспринимал происходившее в истинных пропорциях; осознание собственной ничтожности, незначительности пришло к нему. Его проблемы казались столь же мелкими, как крохотная туманная фигурка, утонувшая в призрачном океане.

Он поднял веки, взглянул на Филлис и произнес:

— Фил, я собираюсь...

Не дослушав, она вдруг швырнула лучемет на пол и бросилась к нему — плачущая, с протянутыми руками. Содрогаясь в объятиях Блэка, она шептала сквозь слезы:

— Я не могу сделать этого... не могу, Дик... Лучше я вернуть в долину, оставив тут все воспоминания, всю память о тебе... Я начну все с начала... а ты... ты сделаешь так, как хочешь... Но я не могу выстрелить в тебя... и не могу заставить любить насильно!

Блэк крепче прижал ее к груди. Внезапно он понял, что тоже плачет; слезы падали на макушку Филлис.

— Фил, Фил, ты не услышала, что я собирался сказать... Я останусь с тобой, Фил! И я говорю это, потому что вдруг понял, какой великой любовью ты меня одарила, и с каким холодом, с каким высокомерием я ответил на нее... Я думаю, что последняя ледяная глыба — та, что тревожила тебя много лет — растаяла... растаяла навсегда. Что-то случилось со мной... что-то, чего я пока не понимаю...

Им не нужны были слова; слезы и поцелуи заменили их. Наконец Блэк, не выпуская Филлис из объятий, сказал:

— Нам надо идти обратно, к пульту управления. Мы прикажем машине воскресить Мюреля и Джо, а затем подыщем им место в долине. Я думаю, Джо лучше вернуться к

своему племени, туда, где он был доволен и счастлив. И еще мы оживим Чарбрасса. Вероятно, надо рассказать ему о том, что случилось, а после... мы скажем ему, что решили уйти.

Рука об руку они направились в контрольный зал, к огромному экрану, сердцу и разуму Великой Чаши.

Они переступили порог. У пульта, поджидая их, стоял Чарбрасс. Он улыбался, и он был какой-то другой. Вокруг него мерцала едва заметная аура — словно не нуждаясь больше в маскировке, он позволил истинной своей сущности, сияющей и светлой, выглянуть в мир.

— Вам не надо ничего рассказывать,— произнес Чарбрасс.— Все, что вы делали, оказавшись в Башне, записано и запомнено; и все это было лишь проверкой, контрольным тестом. Возможно, тяжким и болезненным, но необходимым.

Филлис и Блэк застыли в молчании; они были слишком поражены, чтоб выдавить хоть слово.

— Я сказал вам неправду,— продолжил Чарбрасс,— маленькую ложь, которая не может повредить никому и ничему. Не слишком этичный поступок, согласен; однако преследовал он лишь благие цели. Итак, насчет стирания записей... Компьютер не примет и не выполнит подобную команду — как и приказ уничтожить любое разумное существо. Что же касается погибших здесь, в Башне, то для их воскрешения машине не нужны дополнительные инструкции. Нас, Строителей, компьютер пробуждает к жизни практически сразу, а это значит, что Мюрель старался зря. Я вновь ожил и мог наблюдать за вами с помощью скрытых в стенах мониторов.

Голос вновь вернулся к Блэку.

— Тогда вам известно, что мы собираемся уйти... уйти в долину.

— Да. Но это невозможно, друзья мои.

— Почему же?

— Потому что вы прошли испытание. Смотрите: вам четверым выпала величайшая возможность: весь мир и все его обитатели, начиная с самой зари человечества, могли оказаться в вашей власти. Мюрель не выдержал; хоть в его этическом развитии и наметился прогресс, соблазн оказался слишком велик для него. Он пал, и он будет отправлен обратно в долину. Вернется туда и Джо — к своему народу.

Мюрель, человек двадцатого века, имел понятие о добре и зле, но не имел мудрости, чтобы сделать верный выбор. Джо со временем приобретет такую мудрость, но пока... пока он все еще находится в неведении невинности.

Вы двое справились и с соблазном, и с собственными страстями. Был момент, когда я опасался, что и вы падете. Однако, Блэк, вам удалось смирить свою гордыню, а вам, Филлис, совладать с ревностью и отчаянием. И вы решили то, что решили; нелегкий выбор, но он был сделан! Впрочем, для решения моральных проблем нет легких путей...

Случается, что душевный кризис, необходимость выбора ломает человека, но тот, кто совладал с самим собой, получает новую силу. Он меняется; и вы тоже изменились, вы сделали шаг вперед. А потому в долине Реки для вас нет больше места!

Вам предстоит отправиться в долгий путь, в иной мир, во всем отличный от этого — на планету Изменившихся, где мы работаем с подобными людьми. Там вы будете жить, пока...

Внезапно Чарбрасс замолчал, словно сказанного было достаточно, и протянул руку к застывшей перед ним паре; на его ладони сверкнула маленькая металлическая трубка.

— Но прежде, чем вы отправитесь в путь, я прошу вас об одной вещи... Могу ли я стереть воспоминания об этой беседе? Поверьте, я был бы рад оставить их вам, но в мире Изменившихся свои цели, и память о произошедшем здесь будет только помехой. Так разрешите ли вы мне?

Трубка поблескивала на его ладони; крохотный символ грядущего, врата в новый мир. Блэк и Филлис одновременно кивнули.

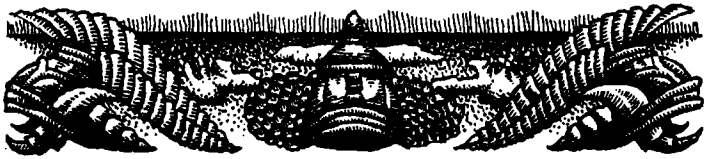
— Делайте свое черное дело,— усмехнулся Блэк.— Или я должен счесть его благодеянием?

Ответная улыбка Чарбрасса была исполнена мудрости и печали, печали расставания.

— Эта безболезненная процедура, но я все же советую вам закрыть глаза,— произнес он.

Их веки сомкнулись, но перед тем, как погрузиться в сон, они услышали последние слова Чарбрасса:

— Да благословит вас Бог, дети мои!

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

(Перевод И.Лахминовой и М. Нахмансона)

Предисловие автора 6
Глава первая 8
Глава вторая 9
Глава третья 16
Глава четвертая 21
Глава пятая 28
Глава шестая 34
Глава седьмая 40
Глава восьмая 48
Глава девятая 55
Глава десятая 60
Глава одиннадцатая 63
Глава двенадцатая 70
Глава тринадцатая 77
Глава четырнадцатая 80
Глава пятнадцатая 88
Глава шестнадцатая 96
Глава семнадцатая 102
Глава восемнадцатая 107
Глава девятнадцатая 115
Глава двадцатая 122
Глава двадцать первая 128
Глава двадцать вторая 136
Глава двадцать третья 143
Глава двадцать четвертая 150
Глава двадцать пятая 157
Глава двадцать шестая 163
Глава двадцать седьмая 170
Глава двадцать восьмая 175
Глава двадцать девятая 182
Глава тридцатая 189

Глава тридцать первая 195
Глава тридцать вторая 203
Глава тридцать третья 212
Глава тридцать четвертая 216
Глава тридцать пятая 222
Глава тридцать шестая 227
Глава тридцать седьмая 230
Глава тридцать восьмая 238
Глава тридцать девятая 245
Глава сороковая 255
Глава сорок первая 261
Глава сорок вторая 270
Глава сорок третья 272
Глава сорок четвертая 277
Глава сорок пятая 281
Глава сорок шестая 288
Глава сорок седьмая 294
Глава сорок восьмая 298
Глава сорок девятая 307
Глава пятидесятая 309
Глава пятьдесят первая 313
Глава пятьдесят вторая 321
Глава пятьдесят третья 328
Глава пятьдесят четвертая 332
Глава пятьдесят пятая 338
Глава пятьдесят шестая 344
Глава пятьдесят седьмая 351
Глава пятьдесят восьмая 358
Глава пятьдесят девятая 363
Глава шестидесятая 369
Глава шестьдесят первая 375
Глава шестьдесят вторая 384
Глава шестьдесят третья 393
Глава шестьдесят четвертая 401
Глава шестьдесят пятая 405
Глава шестьдесят шестая 416
Глава шестьдесят седьмая 432
Глава шестьдесят восьмая 435
Глава шестьдесят девятая 441
Глава семидесятая 447

РЕКА ВЕЧНОСТИ

(Перевод М. Нахмансона)

Предисловие автора 456

Часть 1. По водам времен

Глава первая 469
Глава вторая 472
Глава третья 479
Глава четвертая 484
Глава пятая 497
Глава шестая 508
Глава седьмая 519
Глава восьмая 528
Глава девятая 532
Глава десятая 544
Глава одиннадцатая 551
Глава двенадцатая 555
Глава тринадцатая 562
Глава четырнадцатая 573
Глава пятнадцатая 580
Глава шестнадцатая 588
Глава семнадцатая 598
Глава восемнадцатая 606
Глава девятнадцатая 619

Часть 2. Великая Чаша

Глава первая 637
Глава вторая 641
Глава третья 651
Глава четвертая 661
Глава пятая 668
Глава шестая 676
Глава седьмая 687

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фармер Филип

Темные замыслы
Река вечности

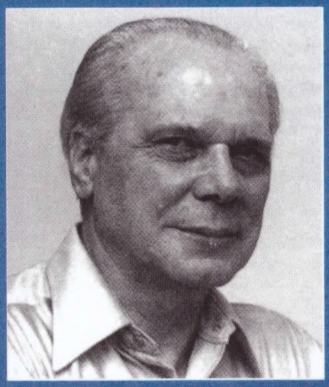
Составители Н. Науменко, Д. Ивахнов
Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: Д. Вяземский, С. Шумилин
Технический редактор В. Успенский
Верстка: Л. Андреева
Корректор: С. Митина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера!

В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

ISBN 5-17-010429-4

9 785170 104291

ФИЛИП ФАРМЕР

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ